

Государственное учреждение образования
«Республиканский институт высшей школы»

**«ДОЛГИЙ XIX ВЕК»
В ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ
И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ:
ИССЛЕДОВАНИЯ ПО НОВОЙ
И НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ**

Сборник научных статей

Выпуск 2

Минск
РИВШ
2018

УДК 94(47/49)«18»(082)
ББК 63.3(45)6я43
Д64

Сборник основан в 2017 г.

Рекомендовано
редакционно-издательской комиссией
ГУО «Республиканский институт высшей школы»
(протокол № 6 от 21 декабря 2017 г.)

Редакционная коллегия:
чл.-кор. НАН Беларуси, д-р ист. наук проф. *И. А. Марзалюк* (пред.);
канд. ист. наук доц. *С. Ф. Шимукович* (отв. за выпуск);
д-р ист. наук проф. *В. А. Космач*;
д-р ист. наук проф. *В. С. Кошелев*;
д-р ист. наук проф. *Г. Г. Лазько*;
д-р ист. наук проф. *А. М. Лютый*;
д-р ист. наук проф. *С. И. Никонова* (Россия, Казань);
д-р ист. наук проф. *И. Р. Чикалова*;
д-р ист. наук проф. *В. И. Яковчук*;
д-р истории *О. Мастяница-Станкевич* (Литва, Вильнюс);
канд. ист. наук доц. *В. А. Сосно*;
канд. ист. наук доц. *В. А. Теплова*

Сборник научных трудов издается в рамках Государственной программы научных исследований «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества» на 2016–2020 годы (задание 1.1.03 «История и культура», подзадание 1.1.03.3 «Формирование элит на территории Беларуси в XIX – начале XX века», № госрегистрации 20160828)

Д64 «Долгий XIX век» в истории Беларуси и Восточной Европы: исследования по Новой и Новейшей истории : сб. науч. тр. Вып. 2 / редкол.: И. А. Марзалюк (пред.) [и др.]. – Минск : РИВШ, 2018. – 266 с.
ISBN 978-985-586-202-5.

В сборнике содержатся научные статьи, в которых ученые-историки Беларуси, России и Литвы рассматривают разные аспекты развития Восточной Европы и территории современной Беларуси в интересный, насыщенный событиями исторический период, обозначенный Э. Хобсбаумом как «долгий XIX век».

Адресован профессиональным и начинающим исследователям, преподавателям, студентам и всем, кто интересуется историей нового времени Беларуси.

УДК 94(47/49)«18»(082)
ББК 63.3(45)6я43

ISBN 978-985-586-202-5

© Оформление. ГУО «Республиканский институт высшей школы», 2018

РАЗДЕЛ 1. ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ «ДОЛГОГО XIX ВЕКА»

Мікалаева Л. В.

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт інфарматыкі і радыёэлектронікі, Мінск

Mikalayeva L.

Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics, Minsk

УДК 930.23(476)

АДЛЮСТРАВАННЕ ЗНЕСНЯЙ ПАЛІТЫКІ ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА ПЕРЫЯДУ КАНЦА XIV – СЯРЭДЗІНЫ XVI СТАГОДДЗЯ Ў ГІСТАРЫЧНЫХ ДАСЛЕДАВАННЯХ XIX СТАГОДДЗЯ

REFLECTION OF FOREIGN POLICY OF GRAND DUCHY OF LITHUANIA OF THE PERIOD OF THE END OF XIV – OF THE MIDDLE OF THE XVI CENTURY EYELID IN HISTORICAL RESEARCHES OF THE XIX CENTURY

У артыкуле аналізуюцца ключавыя даследаванні знешняй палітыкі Вялікага Княства Літоўскага канца XIV – сярэдзіны XVI ст. айчынных і замежных аўтараў XIX ст. Робіцца вывад, што найбольш вывучаным з’яўляецца ўсходні напрамак знешняй палітыкі Вялікага Княства Літоўскага, адносіны з Польшчай і іншыя знешне-палітычныя вектары, перспектывы для вывучэння.

Ключавыя словы: гістарыяграфія; знешняя палітыка; Вялікае Княства Літоўскае; даследаванне; адносіны; супярэчнасці.

The article analyzes the key studies of foreign policy of the Grand Duchy of Lithuania late XIVth – mid-XVIth c. native and foreign authors of the XIX century. It is concluded that the most studied is the eastern direction of the foreign policy of the Grand Duchy of Lithuania, as well as relations with Poland, and other foreign policy vectors are promising for the study.

Keywords: historiography; foreign policy; the Grand Duchy of Lithuania; a study; relations; contradictions.

XIX стагоддзе займае пачэснае месца ў гісторыі станаўлення гістарычнай навукі. Для праблем вывучэння разнастайных аспектаў унутранага жыцця Вялікага Княства Літоўскага (далей – ВКЛ) і яго знешніх праяў перыяд XIX ст. таксама мае важнае значэнне, паколькі менавіта на працягу яго пачалі з’яўляцца першыя сур’ёзныя даследаванні, заснаваныя на багатым комплексе апавадальных і дакументальных крыніц. XIX ст. стала сапраўдным пачаткам развіцця літуаністыкі як навуковага кірунку гістарычных даследаванняў, а таксама азнаменавалася вылучэннем у ім дзвюх гістарыяграфічных плыняў: расійскай і польскай. Пры гэтым частка прац, што пабачылі свет у XIX ст., не толькі стала класікай літуаністыкі, але і не страціла свайго навуковага значэння ў наш час.

Перш чым звярнуцца да тэмы даследавання, хацелася б адзначыць, што і да сучаснага моманту няма апублікаваных прац, дзе быў бы праведзены комплексны разгляд праблематыкі знешняй палітыкі ВКЛ канца XIV – сярэдзіны XVI ст. Разам з тым яшчэ ў XIX ст. некаторыя бакі гэтай

тэмы знайшлі асвятленне ў публікацыях айчынных і замежных аўтараў, прысвечаных праблемам палітычнай гісторыі ВКЛ, Вялікага Княства Маскоўскага, Польшчы, Лівоніі (Інфлянтаў), Малдаўскага Княства і г. д. З улікам дастаткова вялікай колькасці такіх работ лічым мэтазгодным спыніцца на найбольш цікавых з іх, дзе знайшла адбітак эвалюцыя поглядаў гісторыкаў па пытаннях знешняй палітыкі ВКЛ у канцы XIV – сярэдзіне XVI ст.

Да ліку найбольш вывучаных аспектаў знешняй палітыкі ВКЛ у канцы XIV – сярэдзіне XVI ст. належалі ўзаемаадносіны з Вялікім Княствам Маскоўскім (з сярэдзіны XVI ст. – Рускім царствам), якія станавіліся прадметам зацікаўлення расійскіх, польскіх, нямецкіх і літоўскіх гісторыкаў. Калі казаць пра расійскую гістарычную літаратуру XIX ст. (а прадстаўлена яна была шматлікімі працамі), то ў ёй амаль у кожным заслугоўваючым увагі творы па гісторыі Расіі ў той ці іншай ступені закраналіся пытанні ўзаемных дачыненняў Вялікага Княства Маскоўскага (пазней – Рускага царства) з ВКЛ. Надзвычайную

цікавасць выклікалі разнастайныя аспекты барацьбы паміж імі за валоданне памежнымі тэрыторыямі, што вылілася ў канцы XV – сярэдзіне XVI ст. у цэлы шэраг войнаў. Для даследавання знешняй палітыкі ВКЛ аспект добрай вывучана-сці яе ўсходняга кірунку мае важнае значэнне, бо дзеянні на дадзеным напрамку аказвалі ўплыў на ўсе астатнія вектары знешнепалітычнай дзейнасці ВКЛ. Дастанкова папулярнымі ў навукоўцаў былі і праблемы адносінаў ВКЛ з Польшчай, асабліва аспекты, звязаныя з заключэннем уній паміж гэтымі дзяржавамі. Трэба адзначыць, што пры выкладзе матэрыялу даволі моцна адчувалася этнічная прыналежнасць аўтараў і тое, у якой краіне яны пражывалі. Напрыклад, прадстаўнікі Львоўскага польскамоўнага гістарычнага асяродку, які знаходзіўся на тэрыторыі Аўстра-Венгрыі, маглі сабе дазволіць даволі рэзкія ацэнкі ў бок маскоўскай, а затым рускай актыўнасці супраць заходняга суседа. Закраналіся навукоўцамі і пытанні стасункаў ВКЛ з Крымскім ханствам, Малдаўскім Княствам, Тэўтонскім Ордэнам і яго Лівонскай (Інфлянцкай) філіяй. Пэўная ўвага была звернута і на пытанні кіраўніцтва сферай знешняй палітыкі ў ВКЛ. Аднак актывізацыя даследаванняў апошніх аспектаў адбылася толькі пад канец XIX ст. Па ступені асвечанасці яны некалькі саступалі пытанням маскоўска-ліцвінскіх і польска-ліцвінскіх ўзаемаадносін.

Да ліку заслуг расійскіх і польскіх гісторыкаў канца XVIII – першай паловы XIX ст. можна аднесці выяўленне і ўключэнне ў навуковы зварот асноўнай часткі крыніц па гісторыі ўзаемаадносін ВКЛ са сваімі суседзямі і некаторымі іншымі краінамі за перыяд канца XIV – сярэдзіны XVI ст. Дзякуючы намаганням М. М. Бантыш-Каменскага (1737–1814), які з 1762 г. пачаў працаваць, а з 1800 г. ўзначаліў Маскоўскі архіў Калегіі замежных спраў, яшчэ ў 1780–1784 гг. быў падрыхтаваны агляд пасольскіх кніг, у якіх быў зафіксаваны матэрыял па дыпламатычных стасунках Вялікага Княства Маскоўскага з ВКЛ і Польшчай у 1487–1584 гг., надрукаваны толькі ў 1860-х гг. [1].

Напрацоўкі М. М. Бантыш-Каменскага пазней былі выкарыстаны М. М. Карамзіным (1766–1826) пры стварэнні адной з першых абагульняючых прац па гісторыі Расіі – 12-томнай «Истории государства Российского», напісанай на аснове шырокай базы крыніц [2]. Змест гэтай працы дазваляе разглядаць яе аўтара фактычна як праддзедку таго кірунку ў гістарыяграфіі, што атрымаў назву гістарыцызм. Работа М. М. Карамзіна – гэта выклад палітычнай гісторыі Вялікага Княства Маскоўскага як нашчадка Кіеўскай і Уладзімір-скай Русі. Фактычна цэнтрам яго даследавання з’яўлялася дзяржава. Аднак, калі крытычна ад-

несціся да твора, то можна зазначыць, што ў яго аўтара не было тэарэтычнай канцэпцыі і нават кіруючай цэнтравой ідэі, хаця ён аддаў даніну рацыяналізму і нават шукаў псіхалагічныя матывы дзеянняў сваіх герояў. Але яго метады былі накіраваны толькі на знаходжанне сувязяў паміж дзеяннямі ў мінулым. Таму М. М. Карамзін устанавіў факты, але не даў іх інтэрпрэтацыі, не вызначыў сапраўдную прычынасць (у прыватнасці, ён сур’ёзна прымаў заявы Івана III пра рэлігійныя матывы пачатку вайны з ВКЛ у 1500 г.), толькі пастараўся інтуітыўна зразумець тое, што адбылася. У выніку ў працы М. М. Карамзіна характарыстыка гістарычнага працэсу ператварылася ў яго тлумачэнне, а гісторыя народа – у гісторыю дзяржавы. Разам з тым ён выступіў наватарам у форме выкладання матэрыялу, якое вызначалася красамоўствам і апавядальнасцю. Каштоўнасць твору М. М. Карамзіна дадалі яго каментарыі, у якіх утрымліваліся выпіскі з выкарыстаных ім рукапісаў, частка з якіх у наш час ужо страчана. Такім чынам, менавіта яму ўдалося апублікаваць іх упершыню і захаваць для нашчадкаў.

У гэты ж час можна адзначыць пачатак актывізацыі польскамоўных даследчыкаў праблем знешняй палітыкі ВКЛ канца XIV – сярэдзіны XVI ст. Пачынальнікам сур’ёзнага навуковага падыходу да вывучэння заяўленай праблемы ў польскай гістарычнай навуцы можа лічыцца «бацька польскай рамантычнай гістарыяграфіі» і заснавальнік т. зв. «лялевеўскай» гістарычнай школы І. Лялевель (1786–1861), у свой час прафесар Віленскага ўніверсітэта, аўтар даследаванняў па палітычнай гісторыі ВКЛ і Польшчы, у якіх важнае месца займалі ўзаемадачынненні паміж гэтымі дзяржавамі [3].

Сучаснікам І. Лялевеля быў аўтар першай працы па гісторыі Літвы (ад старажытнасці да 1572 г.), дзе яна разглядалася асобна ад Польшчы, Т. Нарбут (1784–1864). Пытанні знешняй палітыкі ВКЛ канца XIV – сярэдзіны XVI ст. разгледжаны аўтарам ў пяці апошніх тамах твора [4]. Т. Нарбут упершыню апублікаваў у поўным аб’ёме і выкарыстаў у сваім даследаванні «Хроніку Быхаўца» [5]. Па багацці факталагічнага матэрыялу манаграфія Т. Нарбута саступае працы М. М. Карамзіна, якую літоўскі польскамоўны аўтар часам выкарыстоўваў у якасці асноўнай крыніцы, хаця і палемізаваў з яе аўтарам. Гэта спрэчка была працягнута ў другой палове XIX ст. новым пакаленнем расійскіх і польскіх даследчыкаў.

Галоўным прадстаўніком гістарыцызму ў Расіі з’яўляўся С. М. Салаўёў (1820–1879), аўтар працы «История России с древнейших времен» у 29 тамах. Пытанні знешняй палітыкі ВКЛ канца XIV – сярэдзіны XVI ст. былі адлюстраваны ў 4, 5 і 6 тамах твора [6]. С. М. Салаўёў упершы-

ню загарварыў аб заканамернасцях гістарычнага працэсу і пачаў разглядаць знешнюю палітыку Вялікага Княства Маскоўскага канца XIV – сярэдзіны XVI ст. у сувязі з унутрыпалітычнымі працэсамі. Там, дзе М. М. Карамзін бачыў сутыкненне характараў ваюючых уладароў – Казіміра, Аляксандра, а потым і Жыгімонта – з аднаго боку, і Івана III, Васіля III – з другога, С. М. Салаўёў угледзеў глыбокую розніцу ў дзяржаўнай будове Вялікага Княства Маскоўскага і ВКЛ, якая тлумачыла ваенную перавагу першай. Акрамя таго, яшчэ да з’яўлення манаграфічных даследаванняў па гісторыі ВКЛ ён змясціў у пятым томе сваёй працы, у главе пра ўнутраны стан маскоўскага грамадства пры Іване III, і нарыс унутранага жыцця ўсходнеславянскіх зямель ВКЛ, дзе асвятляліся будова, лад жыцця грамадства, дзейнасць органаў судаводства, які не страціў актуальнасці і ў наш час.

Адным з вучняў С. М. Салаўёва быў В. В. Ключэўскі (1841–1911), які пакінуў адметны след у рускай гістарыяграфіі другой паловы XIX – пачатку XX ст. Сярод яго твораў для разглядаемай праблематыкі трэба выдзеліць «Курс русской истории» ў 5 частках, які атрымаў шырокае прызнанне [7]. У гэтай абагульняючай працы В. В. Ключэўскі прадэманстраваў праблемнае выкладанне рускай гісторыі. Так, асобную лекцыю № 25 навуковец прысвяціў тэрытарыяльным набыткам вялікага князя маскоўскага Івана III і яго пераемнікаў, закрануўшы праблему ўзаемаадносін Вялікага Княства Маскоўскага з ВКЛ. Таксама дастаткова павярхоўна і схематычна, падобна як і ў працах М. М. Карамзіна і С. М. Салаўёва, В. В. Ключэўскі адлюстравваў і стасункі ВКЛ з Малдаўскім Княствам, разгледзеўшы іх у асноўным скрозь прызму дынастычнай палітыкі.

У 1857 г. у Санкт-Пецярбургу выйшла праца І. В. Турчыновіча «Обозрение истории Белоруссии с древнейших времен» [8], у якой знайшлі адбіццё і пытанні знешняй палітыкі ВКЛ канца XIV – сярэдзіны XVI ст. Нягледзячы на тое, што шэраг крыніц гэтага твора былі ўпершыню выкарыстаны аўтарам, даследаванні І. В. Турчыновіча ў многім з’яўлялася кампілятыўным, складеным на аснове прац М. М. Карамзіна і Т. Нарбута, і не мела высокай навуковай вартасці.

Напярэдадні паўстання 1863–1864 гг. пачыла свет кніга прадстаўніка кракаўскай гістарыяграфічнай школы Ю. Шуйскага (1835–1883), пабудаваная з прыцягненнем польскіх крыніц [9]. Асноўная ўвага ў ёй была нададзена праблемам узаемаадносін ВКЛ з Польшчай. Войны ВКЛ з Вялікім Княствам Маскоўскім былі разгледжаны дастаткова павярхоўна і схематычна. Разам з тым услед за Т. Нарбутом Ю. Шуйскі працягнуў спрэчку з меркаваннямі, выказанымі ў дасле-

даванні М. М. Карамзіна. Як і літоўскі гісторык, Ю. Шуйскі паставіў пад сумненне рэлігійную матывацыю пачатку вайны паміж Вялікім Княствам Маскоўскім і ВКЛ у 1500 г. Прычынай страты Смаленска ў 1514 г. Ю. Шуйскі назваў здраду гарнізона і інтрыгі князя М. Глінскага, а не сімпатыі смаленчукоў да Васіля III і яго падданных [9, s. 159, 160, 225].

Першай манаграфіяй па гісторыі руска-літвінскіх адносін у 1462–1508 гг. стала апублікаваная ў 1867 г. частка магістарскай дысертацыі Г. Ф. Карпава [10]. Праца значна саступала факталагічнай насычанасцю «Истории» С. М. Салаўёва, не вызначалася глыбокім аналізам. Г. Ф. Карпаў не змог правільна ацаніць значэнне матэрыялаў «Метрыкі» ВКЛ для вывучэння дадзенага пытання, палічыўшы іх толькі нязначным дапаўненнем да маскоўскай пасольскай дакументацыі [10, с. IV], не выкарыстаў ён і інфармацыю польскіх хронік. Па сутнасці, ён толькі паўтарыў ужо вядомыя факты тагачаснай дыпламатычнай гісторыі. У хуткім часе дадзена праца страціла сваё навуковае значэнне.

Між тым, пачынаючы з 1870-х гг., з’явіўся цэлы шэраг прац польскіх даследчыкаў, у якіх разглядаліся розныя аспекты знешняй палітыкі ВКЛ канца XIV – сярэдзіны XVI ст. У канцы XIX ст. адбылася актывізацыя даследаванняў ўзаемаадносін Каралеўства Польскага з Вялікім Княствам Літоўскім, калі пачылі свет працы такіх гісторыкаў, як граф К. Стадніцкі (1808–1886) [11], А. Лявіцкі (1841–1899) [12], Ф. Чорны (1847–1917) [13], М. Бобжыньскі (1849–1935) [14], К. Костра-Пулаўскі (1846–1926) [15] і інш. Да гэтага часу адносілася і выданне шматтомнай сінтэтычнай працы па гісторыі Польшчы і ВКЛ ураджэнца Гнезна Я. Каро (1835–1904) [16], перакладзенай на польскую мову яшчэ пры жыцці аўтара. У канцы XIX ст. А. Лявіцкім была сфармулявана тэорыя інкарпарацыі, у адпаведнасці з якой пасля Крэўскага акта ВКЛ перастала існаваць як дзяржава і было пераўтворана ў шэраг правінцый Каралеўства Польскага, і толькі дагавор з Тэўтонскім ордэнам на в. Салін у 1398 г. і акты Віленска-Радамскай уніі 1401 г. рэаніміравалі яго як асобную дзяржаву [17]. Тым самым быў пакладзены пачатак дыскусіі па пытанні аб рэальнасці інкарпарацыі ВКЛ. Прадметам даследавання ў гэты час стаў і характар Крэўскага акта 1385 г. На думку Ф. Канечнага (1862–1949), гэта была ўжо «ратыфікацыя папярэдніх пагадненняў» [18, s. 194].

Значным крокам наперад у вывучэнні кантактаў ВКЛ з Малдаўскім Княствам стала з’яўленне ў 1870–1880-х гг. прац польскіх гісторыкаў А. Ябланоўскага (1829–1913) [19], А. Барэмскага (1866 – ?) [20], А. Прахаскі (1852–1930) [21].

Аб'ядноўвае гэтыя працы імкненне іх аўтараў разглядаць польска-малдаўскія і ліцвінска-малдаўскія адносіны як адзінае цэлае, што з'яўлялася наступствам працяглых перыядаў існавання персанальнай уніі паміж Польшчай і ВКЛ, калі на чале іх знаходзіўся адзін манарх, ад імя якога і ажыццяўляліся дыпламатычныя кантакты. Гэтыя працы адыгралі важную ролю для свайго часу, але ў наш час ужо дастаткова састарэлі, хаця польскія даследчыкі часам яшчэ працягваюць іх выкарыстоўваць.

Не абышлі ўвагай польскія даследчыкі і некаторыя маладаследаванія і ў наш час кірункі знешняй палітыкі ВКЛ. Адносінам ВКЛ са Свяшчэннай Рымскай імперыяй германскай нацыі ў 1420–1430-х гг. былі прысвечаны працы А. Лявіцкага [22]. Адносіны з Францыяй аналізаваў А. Хіршберг (1847–1907) [23]. Канфлікты з Крымскім ханствам і кантакты ВКЛ з Вялікай (Заволжскай) Ардой абмяркоўваліся К. Костра-Пулаўскім [24]. Такім чынам, праблематыка, звязаная з цэлым шэрагам аспектаў знешняй палітыкі ВКЛ, атрымала навуковую апрацаваную. Усебаковы аналіз становішча ВКЛ у канцы XIV – сярэдзіне XVI ст., вялікі фактычны матэрыял, пачэрпнуты ў архівах Польшчы і іншых краін, – усё гэта надало высокую навуковую каштоўнасць працам польскіх даследчыкаў.

З 1890-х гг. і расійскімі гісторыкамі пачалося сістэматычнае вывучэнне крыніц прымяняльна да гісторыі непасрэдна ВКЛ. У гэты час у навуковы зварот сталі ўводзіцца матэрыялы «Метрыкі»

ВКЛ, а фундаментальныя працы М. К. Любаўскага (1860–1936) [25; 26] і грунтоўныя даследаванні М. В. Доўнар-Запольскага (1867–1934) [27–29], створаныя ў канцы XIX ст., захавалі сваю значнасць і да нашых дзён.

Вялікую цікавасць для вывучаемай тэмы мае праца М. К. Любаўскага «Литовско-русский сейм», якая была прысвечана даследаванню гісторыі ўзнікнення, станаўлення і развіцця гэтага дзяржаўна-палітычнага інстытута, высьвятленню яго функцый і прэрагатыў, а таксама ўплыву рашэнняў соймаў на ўнутры- і знешнепалітычнае жыццё дзяржавы [26]. Расійскі вучоны падрабязна даследаваў і ролю сойма ВКЛ у сферы кіраўніцтва знешняй палітыкай і дыпламатыяй дзяржавы. Па багаці сабранага ў ёй матэрыялу капітальная манаграфія М. К. Любаўскага да гэтага часу не мае сабе роўных.

Самавітыя навуковыя даследаванні названых аўтараў абапіраліся пераважна на дакументальныя крыніцы па гісторыі ВКЛ і сталі своеасаблівай вяршыняй у развіцці расійскай (часткова беларускай) гістарыяграфіі канца XIX ст. [30].

Такім чынам, розныя аспекты гісторыі знешняй палітыкі ВКЛ канца XIV – сярэдзіны XVI ст. цікавілі даследчыкаў, працы якіх былі створаны ў XIX ст. Расійскія, польскія, літоўскія, нямецкія гісторыкі дэманстравалі самы шырокі дыяпазон меркаванняў па разглядаемай праблематыцы, з'яўляючы ў навуковых даследаваннях разнастайныя яе пытанні. Зроблены імі задзел стаў базай для працягу даследаванняў у наступны перыяд.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. *Бантыш-Каменский, Н. Н.* Переписка между Россиею и Польшею по 1700 год, составленная по дипломатическим бумагам... / Н. Н. Бантыш-Каменский // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. – 1860. – Т. 4. – С. I–VIII, 1–189.
2. *Карамзин, Н. М.* История государства Российского: репринтное воспроизведение издания 1842–1844 гг. в трех книгах с приложением / Н. М. Карамзин. – М.: Книга, 1989. – Кн. 2, т. V–VIII. – 242, 228, 142, 188 стлб.
3. *Lelewel, J.* Dzieje Litwy i Rusi aż do unji z Polską w Lublinie 1569 zawartej / J. Lelewel. – Poznań: Nakładem i drukiem W. Stefańskiego, 1844. – 202 s.; *Lelewel, J.* Dzieła / J. Lelewel. – Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1962. – Т. 6: Historia polska do konca panowania Stefana Batorego; oprac. Z. Kolankowski. – 540 s.
4. *Narbutt, T.* Dzieje starożytne narodu litewskiego / T. Narbutt. – Wilno: A. Marcinowski, 1839–1841. – Т. 5: Od śmierci Gedymina do bitwy nad Worskłą. – 691 s.; Т. 6: Panowanie Witolda w wieku piętnastym. – 632 s.; Т. 7: Panowanie Świdrygiełły i Zygmunta. – 419 s.; Т. 8: Panowania Kazimierza i Alexandra. – 555 s.; Т. 9: Panowania Zygmunta. – 534 s.
5. Pomniki do dziejów litewskich. Pod względem historycznym, dyplomatycznym, geograficznym, statystycznym, obyczajowym, archeograficznym i t. p. Z różnych rękopisnych lub rzadkich wydań dziejopisów, tudzież dyplomatów i dalszych zabytków przeszłości odkrytych, w archiwach tajnych królewieckich, tudzież w archiwach ryskich i innych krajowych. Zebrane przez T. Narbutta; z ryciną i facsimille. – Wilno: R. Rafałowicz, 1846. – VI, 90 s.
6. *Соловьев, С. М.* История России с древнейших времён: в 15 кн. / С. М. Соловьев. – М.: Соцэкгиз, 1960. – Кн. 2, т. 3–4. – 781 [1] с.; Кн. 3, т. 5–6. – 814 [1] с.
7. *Ключевский, В. О.* Курс русской истории / В. О. Ключевский. – СПб.: [б. и.], 1904. – 1146 с.
8. *Турчинович, И. В.* Обзорение истории Белоруссии с древнейших времен / И. В. Турчинович. – СПб.: Тип. Э. Праца, 1857. – XII, 303 с.
9. *Szujski, J.* Dzieje Polski podług ostatnich badań spisane przez Józefa Szujskiego / J. Szujski. – Lwów: Nakładem Karola Wilda, 1862. – Т. 2: Jagielloni. – 340 s.

10. Карпов, Г. Ф. История борьбы Московского государства с польско-литовским. 1462–1508. Часть вторая / Г. Ф. Карпов. – М.: Университет. тип., 1867. – 164 с.
11. *Stadnicki, K.* O tronie elekcyjnym domu Jagiellonów w Polsce / K. Stadnicki. – Lwów: Nakładem Autora, 1880. – 102 s.
12. *Lewicki, A.* Sprawa unii kościelnej za Jagiełły / A. Lewicki // *Kwartalnik Historyczny*. – Kraków: Towarzystwo Historyczne, 1887. – № 11. – S. 311–312, 326; *Lewicki, A.* Nieco o unii Litwy z Koroną / A. Lewicki // *Przegląd Polski*. – 1893–1894. – R. 28, т. II. – S. 235–280.
13. *Czerny, F.* Panowanie Jana Olbrachta i Aleksandra Jagiellończyka (1492–1506) / F. Czerny. – Kraków: Nakładem Autora, 1871. – 140 s.
14. *Bobrzyński, M.* Dzieje Polski w zarysie / M. Bobrzyński. – Warszawa: Gebethner i Wolff, 1879. – 495 s.
15. *Pułaski, K.* Przyczynek do elekcyi Zygmunta I w Litwie i w Polsce / K. Pułaski // *Szkice i poszukiwania historyczne przez K. Pułaskiego*. – Kraków: Żupański, 1887. – Serya I. – S. 71–73.
16. *Caro, J.* Geschichte Polens / J. Caro. – Gotha: Perthes, 1886. – Bd. 5. H. 1. 1455–1480. – XIII, 500 s.; *Caro, J.* Dzieje Polski / J. Caro; przełożył z języka niemieckiego S. Mięczyński. – Warszawa: Skład główny w księgarni E. Wendego i spółki, 1900. – T. 6: 1481–1506. – 431 s.
17. *Lewicki, A.* Powstanie Świdrygiełły: ustęp z dziejów unii Litwy z Koroną / A. Lewicki // *Rozprawy Akademii Umiejętności. Wydział Historyczno-Filozoficzny*. Serya II. – 1892. – T. IV (XXIX). – S. 128–516.
18. *Koneczny, F.* Jagiełło i Witold (1382–1392) / F. Koneczny // *Przewodnik naukowy i literacki*. – 1892. – R. XX. – T. XX. – Z. I. Styczeń. – S. 1–1096.
19. *Jabłonowski, A.* Sprawy wołoskie za Jagiellonów: Akta i listy wydał i szkicem historycznym poprzedził, Aleksander Jabłonowski / A. Jabłonowski // *Źródła dziejowe w 24 t.* – Warszawa: Gebethner i Wolff, 1876–1915. – T. 10. – 1878. – 4 p. l., III CLXIV, 163 s.
20. *Borzemski, A.* Sprawa pokucka za Aleksandra / A. Borzemski // *Pszegład Powszechny*. – VI. – 1889. – T. XXIV. – S. 169–186, 361–380.
21. *Prochaska, A.* Sprawy wołoskie w wieku XV / A. Prochaska // *Pszewodnik Naukowy i Literacki*. – XVI. – 1888. – S. 787–796, 901–912, 1006–1016, 1057–1073.
22. *Lewicki, A.* *Przymierze Zygmunta W. Ks. Litewskiego z królem rzymskim Albrechtem II* / A. Lewicki // *Rozprawy Akademii Umiejętności. Wydział Historyczno-Filozoficzny*. Serya II. – 1899. – T. XII (XXXVII). – S. 292–319; *Lewicki, A.* *Król Zygmunt Luksemburski a Polska 1420–1436* / A. Lewicki // *Kwartalnik Historyczny*. – Kraków: Towarzystwo Historyczne, 1896. – № 10. – S. 67–91.
23. *Hirschberg, A.* Koalicja Francji z Jagiellonami z r. 1500 / A. Hirschberg // *Pszewodnik Naukowy i Literacki*. – X. – 1882. – S. 1129–1151.
24. *Stosunki z Mengli-Girejem chanem Tatarów Perekopskich (1469–1515): Akta i listy wydał i szkicem historycznym poprzedził Kazimierz Pułaski // Stosunki Polski z Tatarszczyzną od połowy XV wieku*. – Kraków: Gebethner i spółka; Warszawa: Gebethner i Wolff, 1881. – T. 1. – 449 s.
25. *Любавский, М. К.* Областное деление и местное самоуправление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского статута. Исторические очерки / М. К. Любавский. – М.: Университет. тип., 1892. – 884, [106] с.
26. *Любавский, М. К.* Литовско-русский сейм: Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешнею жизнью государства / М. К. Любавский. – М.: Изд-во Имп. о-ва ист. и Древн. Рос. при Моск. ун-те, 1900. – 850, 232 с.
27. *Довнар-Запольский, М. В.* Заметки о крымских делах в Метрике Литовской / М. В. Довнар-Запольский. – Б. м., б. д. – 13 с.
28. *Довнар-Запольский, М. В.* Литовские упоминки татарским ордам. Скарбовая книга Метрики Литовской 1502–1509 гг. / М. В. Довнар-Запольский. – Симферополь: Тип. Спиро, 1898. – 91 с.
29. *Довнар-Запольский, М. В.* Польско-литовская уния на сеймах до 1569 года: Исторический очерк / М. В. Довнар-Запольский. – М.: Тип. Г. Лисснера и А. Гешеля, 1897. – 28 с.
30. *Галенчанка, Г.* Гістарыяграфія / Г. Галенчанка // *Вялікае княства Літоўскае: Энцыклапедыя: у 2 т.* – Мінск: БелЭн, 2005. – Т. 1: Абаленскі – Кадэнцыя. – 688 с.: іл.

Дата паступлення: 25.09.2018.

Андерс-Намжилова К. Ю., Наумова А. А.
Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС, Новосибирск

Anders-Namzhilova K., Naumova A.
Siberian institute of Management RANERA, Novosibirsk

УДК 8297, 929

НЕТИПИЧНЫЕ ИСТОЧНИКИ РУССКОЙ КАТЕХИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XIX ВЕКА¹

UNUSUAL SOURCES OF RUSSIAN CATHEHISM LITERATURE IN THE END OF 18TH – BEGINNING OF 19TH CENTURIES

В статье рассматривается неизученная ранее рукопись 1801 г. «Сочинения, относящиеся до веры» авторства Григория Левицкого-Рогали, протоиерея из провинциального города Черниговской губернии. Анализ источниковой базы «Сочинений» демонстрирует привлечение автором для аргументации ряда нетрадиционных для катехитической литературы источников, общей особенностью которых является свежесть их издания на русском языке (последняя четверть XVIII в.).

Ключевые слова: XVIII век; XIX век; русская литература; Малороссия; Черниговская губерния; история; духовенство.

In the paper we consider the unstudied manuscript which is dated 1801 and called «Sochineniia otnosiashchiesia do very» («Compositions about the Faith»). The author of the manuscript was Grigorii Levitskii-Rogali, an archpriest from the small town of Chernigov province. Analysis of the manuscript sources demonstrates that the author used unusual for cathetism literature sources for the purpose of argument. The common feature of these sources is their date of issue in Russian (each of the sources was just printed in the end of 18th century).

Keywords: 18th century; 19th century; Russian literature; Little Russia; Chernigov province; history; clergy.

Как известно, комплексное изучение неисследованных ранее письменных источников становится очень продуктивным способом приращения нового исторического знания. При таком подходе исследователь не только вводит в научный обиход новый источник, но и расширяет сложившиеся представления о предмете исторического исследования. В данной статье речь пойдет об одном практически неизученном специалистами литературном памятнике, рассмотренном в разрезе его источниковой базы.

При изучении малоизвестной рукописи 1801 г. «Сочинения, относящиеся до веры» неустановленного автора [1] внимание исследователей привлекли авторские ссылки на многочисленные источники. Как было установлено в наших предшествующих работах, это сочинение принадлежит перу Григория Левицкого-Рогали, протоиерея из города Городня Черниговской губернии. В 1801 г. работа была направлена в Духовную цензуру Москвы, где ее запретили к печати и оставили храниться в цензурном архиве. С точки зрения жанрово-видовой принадлежности «Сочинения» могут быть отнесены к катехитической литературе, потому что содержат традиционное изложение основных положений

христианства. Однако, как показывает проведенный анализ, некоторые источники, выбранные автором для аргументации тезисов и объяснения догматов, не являются классическими для литературы такого типа.

В качестве традиционных и базовых элементов богословия в России раннего нового времени признавались [2, с. 2–10] прежде всего Библия, святоотеческое наследие, а также служебные книги и церковная литература (Канон Троичный, Символ веры, Четьи Минеи и др.), которые Григорий Левицкий-Рогали широко использует в «Сочинениях» (см., например, [1, л. 11об, л. 29]).

Но для исследователя особый интерес представляют дополнительные источники, применяемые автором, которые не могли считаться однозначно авторитетными.

«История Басюета». Среди таких источников выявлено произведение Жака Бениня Боссюэ – французского богослова XVII в., епископа Мосского, написавшего трактат «Рассуждение о всеобщей истории» (Discours sur l'histoire universelle, 1681). В этой работе Боссюэ рассматривает всемирную историю и принцип абсолютной власти монарха с точки зрения providencialизма [3, с. 330].

¹ Работа выполнена при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых МК-3279.2018.6.

Русский перевод трактата, который выполнил капитан Василь Наумов, был издан в Москве в 1774 г. под названием «Иакова Бенigna Боссюета Разговор о всеобщей истории». Оригинальное произведение Боссюэ было предназначено для французского наследника, а русский перевод посвящен великому князю Павлу Петровичу. Именно этот русский текст был известен Григорию Левицкому-Рогали, на него он и опирается при написании своих сочинений [1, л. 13].

«Путешествие Родзивилла». Другой источник, который упоминает в «Сочинениях» Левицкий-Рогали – «Путешествие Радзивилла», – является образцом жанра паломнических хождений, описывающих путешествие польского князя в Святую Землю в XVI веке. Эта книга была популярным сочинением в России XVII–XVIII вв. [4, с. 18]: «На рубеже XVII–XVIII веков читателями востребуются те описания путешествий, которые органично соединили традиционные черты христианского паломнического хождения с занимательностью, познавательностью, бытописанием» [4, с. 18].

Григорий Левицкий-Рогали ссылается на эту книгу, указывая свидетельство путешественника о существовании места убийства Каином Авеля: «место с насипанным холмом ныне имеется занеслоко миль от Дамаска Града» [1, л. 21]. Характерно, что автор «Сочинений» дает ссылку на «Путешествие Родзѣвилла» с указанием страницы – «39-я стр.» – в соответствии с изданием русского перевода «Путешествие ко святым местамъ и в Египет князя Николая Христофора Радзивилла», напечатанным П. Богдановичем в Санкт-Петербурге в 1787 г.

«Истинное благочестие христианское: доказано против безбожников, язычников, жидов и махаметан». Еще один нетривиальный источник, ссылка на который присутствует в сочинениях Левицкого-Рогали, – это латинский трактат Гуго Гроция, голландского философа XVII в. Русский перевод этого сочинения был выполнен известным богословом, историком и переводчиком Петром Алексеевым и издан в 1768 г. в типографии

Московского университета. Данным изданием располагал при подготовке своих сочинений Левицкий-Рогали, так как многие «доказательства истинной христианской веры», прежде всего малоизвестные историко-географические и этнологические сведения, привлекаемые, например, для подтверждения правдивости ветхозаветных книг, почерпнуты автором из этого сочинения. Левицкий-Рогали по материалам трактата Гроция приводит истории, «собранные Санхуниафоном и переведенные Филоном Вивлием», схожие с ветхозаветными сюжетами, данные о письменности древних греков и других народов, факты о мифологии различных племенных народов, а также свидетельства существования древних городов, упоминаемых в Библии.

Левицкий-Рогали, следуя данным латинского трактата, ссылается на античных историков Дидора Сицилийского, Старбона, Тацита и Силона, которые в своих работах дают подтверждение наличия «подля Моасады ... камни опаленные, во многих местах земля в золу претворившаяся, капли смоли проступившия из камней, кипящие с зловонием реки. Почему можно верить народной молве, что в старину там были обитаемые грады ... Содом и Гомор» [1, л. 21 об.].

Подводя итоги, подчеркнем, что установление факта использования Григорием Левицким-Рогали нетрадиционных источников свидетельствует о том, что в конце XVIII в. автору в малороссийской провинции были доступны свежие книги, напечатанные на русском языке, так как все дополнительные источники опубликованы в последней четверти XVIII в. Вероятно, эти источники не были достаточно широко известны, хотя и содержали, по мнению автора, современную аргументацию и актуальные сведения. Таким образом, проведенный анализ свидетельствует о достаточно высоком уровне книжной культуры представителей провинции. Кроме того, дополнительно отметим, что малороссийское духовенство конца XVIII – начала XIX в. занимало достаточно активную творческую литературную позицию и создавала новые оригинальные сочинения.

Список использованных источников

1. «Сочинения, относящиеся до веры» неустановленного автора // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (РГБ). – Фонд 173. III (по временному каталогу). – № 194.
2. *Тарасий, иеромонах* Великороссийское и малороссийское богословие XVI–XVII вв / Тарасий, иеромонах. – СПб., 1903. – 124 с.
3. *Николаев, С. И.* Наумов Василь / С. И. Николаев // Словарь русских писателей XVIII века. – СПб., 1999. – Вып. 2: К – П. – С. 330.
4. *Федорова, И. В.* «Путешествие в святую землю и Египет князя Николая Радзивилла» в русской литературе XVII – начала XVIII века: автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. В. Федорова. – СПб., 2000. – 23 с.

Дата поступления: 20.09.2018.

Храпунов Н. И.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Khapunov N.

V. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol

УДК 910.4(477.75)+908(477.75)

БРИТАНСКИЕ ТРАВЕЛОГИ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XIX ВЕКА О КРЫМЕ И О БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ: НЕКОТОРЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ¹

LATE-EIGHTEENTH AND EARLY-NINETEENTH CENTURY BRITISH TRAVELOGUES ON THE CRIMEA AND BELORUSSIAN LANDS: SOME OF THE PARALLELS

После присоединение к России в 1783 году Крым превратился в важный этап «большого путешествия» молодых британцев. Других на полуостров привели деловые проекты и прочие обстоятельства. Опубликованные путешественниками травелогии оказали существенное влияние на формирование образа Крыма в общественном сознании. В них смешались эмпирические наблюдения, культурные стереотипы и результаты научного анализа. Сопоставление описаний Крыма и белорусских земель позволяет понять внутреннюю логику травелогов, выявить особенности использованных авторами познавательных моделей, определить способы восприятия других стран представителями западноевропейской культуры.

Ключевые слова: записки путешественников; Крым; русско-британские связи; историческая имагология; межнациональные стереотипы.

Following its reunification with Russia in 1783, the Crimea became an important stage of the Grand Tour performed by the young British. The others were brought to the Crimea by business plans or specific life circumstances. Their travelogues made a contribution to the shaping of the image of the Crimea in the public mind, which mixed empiric observations and cultural stereotypes with scientific analysis. Comparative analysis of the travelogues uncovering the Crimea and Belorussian lands uncovers the travelogues' internal logics, their authors' interpretive models, and the ways how Western European cultures apprehended the other lands.

Keywords: travelogues; Crimea; Russian-British connections; historical imagology; international stereotypes.

После присоединение к России в 1783 г. Крым превратился в важный этап «большого путешествия» («grand tour»), предпринимавшегося молодыми британцами для получения практических знаний о мире. Были и другие жизненные обстоятельства, приводившие на полуостров англичан и шотландцев. Путешественники и их наследники издали путевые дневники, иногда значительно расширенные в результате кабинетной работы после возвращения домой. В течение десятилетий эти работы были основными источниками, рассказывавшими англоязычной публике о далеких экзотических странах. Травелогии оказали существенное влияние на формирование образа Крыма в общественном сознании [16]. Этот образ повлиял на практические действия политиков и бизнесменов. Так, например, рассказы о выдающихся экономических перспективах Крыма привлекли на полуостров российских помещиков и иностранных колонистов, многим из которых пришлось испытать большое разочарование. Мечтая о доходах, которые обещало вне-

дрение передовых методов ведения хозяйства на плодородных землях в условиях благоприятного климата, они не учли ряд практических аспектов, в том числе отсутствие свободной рабочей силы, развитого внутреннего рынка, инфраструктуры, обеспечивающей связь с внутренними регионами России, безветренный климат, регулярные нашествия саранчи, неурегулированные земельные отношения и пр. С другой стороны, внешнеполитические противники России в эпоху Наполеона или в канун Крымской войны вспоминали рассказы путешественников прежних времен о злосчастной судьбе крымских татар под игом русского царя и о желательности отторжения полуострова от Российской империи [4, с. 38–52, 84, 88, 292, 295, 296, 406, 407]. Эти обстоятельства обуславливают значение записок путешественника как исторического источника.

Травелогии представляют собой смесь литературных топосов и натуральных наблюдений, популярных стереотипов и результатов научного анализа. Понять внутреннюю логику источников, выявить

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00053 «Крым в восприятии англичан конца XVIII – начала XIX в.».

особенности использованных авторами познавательных моделей, отделить эмпирические данные от проекций собственного культурного багажа зачастую помогает сопоставление описаний разных фронтальных регионов. В XVIII в. в культуре западноевропейского Просвещения сформировалось представление о Восточной Европе как особом регионе, задержавшемся в развитии и потому совместившем черты «цивилизации» и «варварства». На него проецировались собственные фобии, ему приписывались негативные социальные и культурные особенности. Противопоставление с ним помогло западноевропейским интеллектуалам осознать и продемонстрировать преимущества собственной культуры [1]. Поэтому записки путешественников содержат массу стереотипов, среди которых, например, рассуждения о лени, якобы присущей жителям Востока (которые полностью игнорируют специфические отношения к прибыли в мусульманской культуре), или об их экзотических сексуальных практиках [4, с. 295, 296, 337–343; 1, с. 98–122]. Не случайно описания Крыма демонстрируют сходство с рассказами западноевропейцев о столь разных регионах, как Норвегия или Бразилия, Греция или украинское Поднепровье. Следовательно, сопоставление образов Тавриды и белорусских земель может выявить свойственные путевым запискам стереотипы и шаблоны, определить интересы путешественников и использованные ими механизмы осмысления и описания других культур. Представляется, что определенному сходству описаний способствовала близость исторической судьбы двух пограничных регионов, которые лишь недавно вошли в состав Российской империи. Отметим, что некоторые путешественники (Роберт Пинкертон, Мери Хоулдернесс, Джеймс-Эдвард Александер) побывали и в Крыму, и на белорусских землях (которые они, правда, предпочитали определять в категориях российских, польских или литовских) [5, с. 18].

История культурных связей западной и южной окраин Российской империи изучена плохо. Но об их существовании свидетельствует, например, история Станислава Сестренцевича-Богуша, католического архиепископа могилевского, гуманиста и исследователя, немало сделавшего для просвещения на белорусских землях [3]. Но многочисленные пастырские обязанности не помешали ему подготовить одну из первых историй Крыма, которая не просто обосновывала исторические права России на полуостров, но и заложила схему того исторического нарратива, которую историография продолжает использовать и сегодня.

В отличие от белорусских земель, Крым изначально был осмыслен как особый историко-культурный регион, отражением чего стало

включение его названия в титулы сочинений путешественников. Длинные по обычаю эпохи, они сообщали читателю о маршруте поездки и о том, куда тому предстояло мысленно переместиться вслед за автором. Название Крыма делало дополнительную рекламу путевым запискам, ведь интерес к новому владению России был велик.

Жанр путевых записок предполагал обсуждение общих тем. Среди них придорожные пейзажи и погодные условия, качество дорог и гостиниц, особенности хозяйства местных жителей и истории увиденных регионов. Иностранцы в целом нейтрально описывали белорусские поля и леса, холмы и болота [2, с. 98–100]. Иное дело – Крым. Двигавшимся с востока путешественникам нужно было переправиться через Керченский пролив, разграничивавший, согласно усвоенной авторами Просвещения античной традиции, Европу и Азию. Возникал эффект ожидания чудес, которые предстояло увидеть в Тавриде. Это хорошо прослеживается в письмах Эдварда-Даньела Кларка (1800). Разочарованный «дурным воздухом, дурной водой, дурной пищей, дурным климатом, дурными людьми» Азии, путешественник пришел в восторг, вообразив себе богатство античного наследия Крыма и грядущую славу его исследователя [13, р. 292–295]. Тем же, кто ехал с севера, через Перекопский перешеек, приходилось двигаться по бескрайней унылой степи. Как писала Элизабет Крейвен (1786), «я пересекла Перекопские равнины, где нет ничего, кроме массы грубой травы, выгорающей в определенное время года. Вся эта страна <...> называется Степью, а я бы назвала ее пустыней...» [12, р. 159]. Утомительная поездка усиливала эмоциональные переживания путешественников, когда те, наконец, достигали южной части полуострова, где глаз радовали горы с плодородными долинами, в которых располагались романтические города и села с памятниками мусульманской архитектуры, а еще дальше, за горами, – прекрасный южный берег с буйной средиземноморской природой и живописными пейзажами. По словам Кларка, «если и существует земной рай, то его можно отыскать в местности между Кучук-Коем и Судаком, на южном берегу Крыма» [9, р. 252].

Но и в этом раю были свои недостатки. Реджинальд Хебер (1806) советовал своему другу, собравшемуся отправиться по его стопам, оставить экипаж в Симферополе, потому что дороги на южном берегу были пригодны лишь для всадников. В отсутствие гостиниц сносный ночлег можно было отыскать в домах крымских татар, но не у представителей других народов (впрочем, постоянные двory и трактиры в остальной части Крыма были в лучшем случае жалкими). Наняв проводника (он же переводчик), следова-

ло быть готовым к плутовству – впрочем, свойственному и другим местным жителям, исключая мусульман. Климат был болезнетворен, и неподготовленный европеец легко мог подхватить лихорадку. Но эти сложности с лихвой искупались красотой и необычностью страны [17, р. 310–315]. Похожие жалобы на низкий уровень инфраструктуры, сервиса и гостиниц, а также склонность местных жителей использовать путешественников как источник легких денег можно найти в записках ездивших по белорусским землям [2, с. 82–85, 95–96; 5, с. 25, 32–35]. Путешественники по Крыму подчеркивали дружелюбие и гостеприимство мусульман, готовых разделить с иностранцами стол и кров, нередко отказываясь от оплаты. Главное было не показаться им российским чиновником или офицером, злоупотребления которых побуждали крымских татар отказывать им в традиционном для мусульман гостеприимстве [11, р. 188; 17, р. 262, 263].

В новых странах путешественникам приходилось сталкиваться с кухней, использовавшей непривычные продукты, способы приготовления и порядок подачи блюд на стол. Как правило, результат им не нравился. Потому неудивительны соответствующие жалобы ездивших по белорусским землям [5, с. 35]. Другое дело, что экзотические блюда и напитки позволяли путешественникам украсить страницы своих травелогов яркими, запоминающимися деталями. «Кухонные вопросы» позволяли им также продемонстрировать читателям свою принадлежность к избранной, высокой культуре. Крейвен везла с собой чайные принадлежности и с удовольствием описывала чаепитие в бескрайней татарской степи [12, р. 161]. Чайник был символом принадлежности путешественницы к английской культуре и, следовательно, цивилизации [1, с. 197]. Правда, ей приходилось покупать у местных жителей молоко. Хебер советовал «быть осторожным с фруктами и жирной пищей», чтобы уберечься от крымской лихорадки [17, р. 314]. Для Кларка, как уже говорилось, дурная пища была одним из важных показателей нецивилизованности, «азиатскости». Зато он выдвинул фантастический план внедрения крымского сорта огурцов у себя на родине, поскольку на собственном опыте оценил их вкус, размер и урожайность. «Этот плод <...> стал бы ценным растением для бедняков, если бы получилось акклиматизировать его в других регионах Европы» [9, р. 262].

Крым с его обширными виноградниками давал возможность оценить продукцию местных виноделов. Агроном Артур Янг, пытавшийся учредить в Крыму образцовое поместье, применив передовую английскую технику, семена и технологии, писал жене (1810) о своем отличном здо-

ровье, которым был обязан не только распорядку дня, физическим упражнениям и купаниям, но и привычке пить «умеренно, и никогда воду, но всегда смешивая ее с вином или коньяком» [10, р. 391]. Впрочем, о происхождении столь полезных напитков он умолчал, а слава крымских вин в исследуемую эпоху была, скорее, сомнительной. Хебер категорично заявил, что «всё вино, которое мы пробовали, плохое и голодное» [17, р. 255], иначе говоря, оно имело недостаточно выраженный вкус, было недоделанным. Мери Хоулдернесс, которая четыре года провела в Крыму (1816–1820), отметила, что, хотя «грех пьянства у татар в Крыму встречается очень редко», они нередко обходят соответствующие запреты своей религии. «Многие из них пьют коньяк без всяких угрызений совести, ссылаясь на то, что Магомет запрещал лишь использование перебродивших алкогольных напитков <...> Я видела, как они пьют пиво, что должно было бы быть не менее предосудительно при этом взгляде на закон, чем вино, но им не сообщили, каким образом оно сделано» [11, р. 251].

Важной составляющей травелогов были этнографические описания. Проезжавшие через белорусские земли иностранцы рассказывали о местных жителях [2, с. 157–168]. Оказавшихся же в Крыму путешественников удивляло разнообразие его этнических типов. Кларк даже уподобил полуостров «зверинцу живых редкостей» [9, р. 221, 222]. Уникально сочинение Хоулдернесс, представлявшее собой подробное описание различных этноконфессиональных групп – крымских татар, армян, евреев, караимов, греков, болгар, русских, поляков, меннонитов. Здесь нашлось место самым разным аспектам их жизни – от хозяйства и костюма до брачных обычаев и суеверий. Будучи женщиной, она смогла подружиться с мусульманками и увидеть те стороны их повседневной жизни, которые укрылись от путешественников-мужчин [11, р. 107–316]. В Крым она добиралась кружным путем – из Англии морем до Риги, а оттуда в экипажах на юг. В ее рассказе о путешествии через Полоцк, Могилев и Гомель нашлось место для перечисления некоторых «русских» обычаев [11, р. 32–55].

Описывая различные экзотичные этноконфессиональные группы, иностранцы были склонны к обобщению и типизации, когда из нескольких примеров, известных по собственному опыту, выводили общие свойства национального характера. Так, для Хебера «плутовство и низость» свойственны были абсолютно всем русским, грекам, евреям и армянам. Порядочными можно было назвать лишь мусульман [17, р. 310]. По словам Хоулдернесс, прибывшие в Крым из Анатолии греки были сутяжниками и стяжате-

лями, немецкие колонисты – тугодумами, болгары имели «возвышенный характер», армяне оказались нацией лавочников, караимы – весьма почтенными людьми, моральный облик крымских крестьян (то есть русских и украинцев) был исключительно порочен и груб, а крымские татары испытывали отвращение к труду [11, р. 144, 162, 163, 175, 178, 205, 217, 275].

Некоторые путешественники наделяли жителей Востока Европы чертами «естественного человека», известного по трудам Жан-Жака Руссо. Эти неиспорченные цивилизацией люди вели свободную жизнь на лоне природы, довольствуясь минимумом материальных благ и не зная преступлений. Черты подобного дискурса можно обнаружить в описании белорусских крестьян у немецкого автора Андреаса Меллера [2, с. 185]. В Крыму похожую роль играли татары. Вот характерный отрывок из книги Хоулдернесс: «В простой жизни татар можно обнаружить многие черты сходства с тем, что сказано в Писании о начале истории. И сейчас, как и тогда было в обычае, их богатство заключается в стадах, отарах и численности их семейства. Таковы и многие из их семейных обычаев. Не так удивительно то, что при настолько простом образе жизни обнаруживается так много общего, как то, что народ, проживший несколько столетий в контакте с более цивилизованными нациями, до сих пор сохраняет нравы, которые были присущи человечеству ещё до того, как знание просветило мир, а торговля его обогатила» [11, р. 217, 218].

Традиционным интересом путешественников по востоку Европы пользовались евреи. После разделов Польши Российская империя оказалась страной с крупнейшим в мире еврейским населением. Местные евреи не были эмансипированы, сохраняя традиционную одежду, образ жизни, культуру бытового поведения, религию и прочие черты. Немудрено, что путешественники по белорусским землям более или менее подробно описали этот необычный народ [1, с. 69; 2, с. 168; 5, с. 22–25]. В Крыму еврейская культура окзалась в тени того впечатления, которое на иностранцев произвели неталмудические иудаисты – караимы, говорившие на тюркском языке. Так, Хоулдернесс довольно критично описала евреев, с которыми встречалась во время путешествия по землям бывшей Речи Посполитой (включая белорусские). В Крыму же она предпочла рассказывать о караимах, хотя и не всегда точно разграничивала эти этноконфессиональные группы [11, р. 26, 32, 33, 74, 92, 178–181, 185, 188, 216, 269].

Путешественники подчеркивали контраст между евреями и караимами, касавшийся не только внешнего вида или бытовых особенностей, но и моральных качеств. По словам Кларка,

«характер евреев-караимов прямо противоположен тому, что обычно приписывают их собратьям в других странах, будучи, в общем, безупречными. Их честность вошла в поговорку в Крыму, а слово караима считается равным клятве» [9, р. 193]. Удивление вызывал и уединенный образ жизни караимов, большая часть которых сгруппировалась в городе на вершине горного плато Чуфут-Кале близ Бахчисарая, отделенном от остального Крыма обрывами и отвесными скалами. Охватывавшее иностранцев любопытство передают слова Кларка: «Нас очень интересовал а ...» сама уникальная ситуация, в которой оказалось это еврейское поселение, вероятно, единственное на Земле, где этот народ существует в уединении от прочего человечества, свободно практикуя свои древние обычаи и причуды» [9, р. 190, 191]. Впрочем, Филип-Йорк Ройстон (1807) умудрился перепутать Чуфут-Кале с Карасубазаром (совр. Белогорск), как если бы караимская колония оказалась в этом равнинном городе, километрах в 70 к северо-востоку от ее реального места [15, р. 170, 171]. Письма Ройстона отцу, по-видимому, не редактировались перед публикацией. Остается только догадываться, что было причиной такой ошибки. Быть может, на автора повлияла болезнь, на которую он регулярно жаловался, или же его обманул проводник.

В белорусских землях обращали внимание на грязь на городских улицах [5, с. 29]. Чистоту воспринимали как один из критериев, отделяющих цивилизацию от варварства. Не обошлось без подобных рассуждений и в описаниях Крыма, причем споры вызвал вопрос о чистоплотности крымских татар. Так, Крейвен обратила внимание на грязь на улицах и в домах мусульман разного социального статуса, причем грязны были даже стены мечетей [12, р. 160, 168, 173]. По ее словам, татарские дамы «свои рубашки, как и рубашки мужчин, сделанные главным образом из шелка или шелка, смешанного с хлопком, переменяют редко; но то, что они очень часто ходят в баню, делает этот обычай менее противным, чем он был бы в других обстоятельствах» [12, р. 174]. Хебер знал о подобных оценках и не согласился с ними. По его мнению, «что вряд ли является признаком праздности, одинаково чисты и их [татар. – Н. Х.] дома, и одежда, и они сами» [17, р. 263].

Однако путешественника удивило отсутствие у крымских татар лекарств. «На вопрос, какие у них есть средства от болезней, они дали замечательный ответ: “Мы кладём заболевшего человека на кровать; и, если Бог даст, он выздоравливает...”» [17, р. 263]. Хоулдернесс писала, что «Татары носят огромное количество оберегов и амулетов, хранящих их от болезни и других напа-

стей». Суеверия были свойственны не только беднякам, но и мурзам – татарской знати [11, р. 252]. Впрочем, представители других народов не были исключением. По словам путешественницы, несмотря на трагические последствия эпидемии оспы, крымские греки наотрез отказывались от прививок. Англичанка попыталась убедить их собственным примером, сделав прививку своему младшему сыну – но если греческие мужчины были готовы с ней согласиться, то гречанки наотрез отказались от вакцинации детей. «Причина этого обнаружилась, конечно же, в их вере в предопределение: “То, что предназначено богом, – говорят они, – то и сбудется”» [11, р. 153, 154].

Европейцы нередко становились жертвами экзотических болезней, что может отчасти объясняться непривычным климатом и ослаблением организма из-за долгого путешествия. Ройстон писал, что он и его компаньон Пойнсетт страдали от лихорадки, связанной со значительным ослаблением зрения, которую подхватили на Юге России. Из их четырех слуг в живых остался лишь один – «крепкий негр Пойнсетта, который, хотя сильно страдал, перенес климат лучше, чем любой из нас» [15, р. 168, 169]. Кларк, не переставший жаловаться на лихорадку, которую он подхватил в болотах близ Инкермана, понимал, что эти слова не вполне соответствуют рассказам о райской природе южного берега Крыма. Потому он решил, что Крым благостен только для своих «природных жителей», тогда как для пришельцев он летален [9, р. 296, 297].

Хоулдернесс пришлось на 10 дней задержаться в Полоцке, и она с сожалением отметила: «В этом городе мало что может занять время или привлечь наше внимание» [11, р. 32]. Таким было важнейшее отличие белорусских городов и сел от Крыма, где путешественников удивляла невиданная концентрация архитектурных и археологических памятников разных эпох и культур. Конечно, нельзя утверждать, что проезжавших по белорусским землям совсем не интересовала их история. Так, во втором десятилетии XIX в. их привлекали места, связанные с русским походом Наполеона [5, с. 31, 32]. Кроме того, некоторых интересовали вопросы происхождения белорусов и их языка [2, с. 161, 162]. Но этот интерес не сравним с энтузиазмом, который вызывали у иностранцев крымские древности. Увлеченный античностью Кларк даже решил, что греко-римские памятники Крыма превосходят монументы собственно Греции. «Мы стоим по колено в древностях, обломав ноги о поучительные мраморы, которые многие годы, вплоть до нашего прибытия, беседовали лишь с жабами и ящерицами. Никогда я не был настолько очарован путешествием, как сейчас. Может ли Греция быть интересней тех стран, где

сохранились основы ее первых колоний, в которых мы роемся?» [13, р. 292].

На Крымском полуострове можно было увидеть сооружения из искусственных пещер византийской эпохи, крепости средневековых генуэзцев и, разумеется, мусульманские древности. Особое внимание путешественников привлекал Бахчисарай, хотя многочисленные мечети, бани, жилые дома и фонтаны можно было увидеть также в Феодосии, Старом Крыме или Евпатории. Джон Паркинсон (1793) был впечатлен видом Бахчисарая, открывшегося с вершины ближайшей горы: «Город лежал у наших ног, украшенный вкраплением минаретов, куполов и садов, в которых очень приятное впечатление производят тополя. Пусть и значительно сократившись в размерах, он до сих пор заполняет всю лощину между двумя горами <...> Дополнительный интерес панораме придают Еврейская Деревня [Чуфут-Кале – Н. Х.] на возвышенности справа, на некотором расстоянии, и, неподалеку от неё, узкая лесистая романтическая долина, в которой была сельская резиденция хана» [14, р. 193, 194]. Центром ландшафта, сочетавшего природные красоты и памятники разных культур и религий, была резиденция крымских ханов. По словам Хебера, «самая поразительная вещь – это <ханский> дворец, который, не будучи ни большим, ни правильно спланированным, тем не менее, благодаря живописному стилю своей архитектуры, своей резьбе и позолоте, своим арабским и турецким надписям, и фонтанам прекрасной воды в каждом дворе, заинтересовал меня более чем я могу выразить» [17, р. 259, 260].

Пытаясь осмыслить прошлое Крымского полуострова, шотландец Маттью Гатри создал книгу в жанре вымышленного путешествия (1802). Материалы для нее он собирал в Петербурге, где несколько десятков лет служил врачом. Эта книга представляет собой серию писем, якобы отправленных покойной супругой Гатри, ездившей в Крым для поправки здоровья. В действительности шотландец сам создал эти письма, изложив в них свое видение прошлого Крыма и почтив таким образом память горячо любимой жены [8]. Мистификация оказалась настолько удачной, что труд Гатри до сих пор считают образцом дамского травелога, цитируя приключения его мнимой героини в далеком краю.

Путешественники по белорусским землям обращали внимание на контраст между полуразрушенными дворцами и жалкими лачугами, словно бы остатками бывшего величия [1, с. 68]. Похожее настроение охватывало и ездивших по Крыму. Вот, например, что писал Хебер о Каффе (Феодосии), которая в генуэзское и османское время была крупным и процветающим черно-

морским портом: «Каффа теперь лежала по нашей левой руке, и, когда мы приблизились к ней с этой стороны, оказалась мрачнейшим зрелищем. В северо-восточной части залива находятся замечательные развалины, которые раньше были монетным двором, а стены и башни, хотя и разобраны, весьма хороши. Город поднимается, словно театр, от границы воды, и занимает значительное пространство, но практически полностью разрушен» [17, р. 252]. Особенно ярки описания Кларка. По его словам, новые хозяева полуострова целенаправленно разрушали памятники культурного наследия. Особенно шокировал читателей рассказ о безжалостном уничтожении древнегреческих городов, ведь античность считали колыбелью европейской цивилизации. «Если [Эгейский] Архипелаг когда-нибудь попадёт во власть русских, прекрасные остатки Древней Греции будут разрушены, Афины будут снесены до основания, не останется и камня, показывающего, где стоял город. По сравнению с русскими турки обладают вкусом и глубокой учёностью», – писал Кларк [9, р. 207]. Путешественник рассказывал о разрушении археологических объектов, чтобы аргументировать свою главную мысль: Россия представляет угрозу цивилизации, ее правление пагубно для жителей Крыма, потому европейским державам следует изгнать русских и передать полуостров османам [7].

В записках Кларка и некоторых других европейских путешественников возникло представление о ханской эпохе как об ушедшем в прошлое золотом веке в истории Крыма. Другие (в большинстве своем русские) наблюдатели воспринимали полуостров по-другому – как девственную землю, которую путем рациональных усилий, внедрения передовых хозяйственных технологий, государственных инвестиций, строительства городов, привлечения опытных колонистов только предстояло сделать процветающей и «цивилизованной» [4, с. 406, 407]. Подобные мысли отразили некоторые британские травелоги. Крейвен задумалась о размещении в Крыму английских поселенцев: «Признаюсь, что хотела бы увидеть здесь колонию честных английских семейств, учреждающих мануфактуры и возвращающих продукцию этой страны в нашу, учреждающих честную и свобод-

ную торговлю из этих мест...» [12, р. 177]. Эту идею она изложила и в письме к наместнику Юга России Григорию Потемкину, который, впрочем, ее проект не поддержал [6, с. 283, 284]. Хебер рассказал о планах губернатора и купцов Феодосии вернуть городу былое торговое значение, учредив в нем банк и наладив связь с Ростовом (а через него, вероятно, и внутренними губерниями России). Товары из Кафы должны были везти по суше в Арабат, а далее на плоскодонных лихтерах отправлять через Азовское море. Впрочем, путешественник сомневался в реалистичности данного проекта [16, р. 207, 208, 254]. Хоулдернесс уже могла оценить первые результаты российских программ по развитию юга, а также описать переселившихся в Крым выходцев из разных стран. Англичанка довольно скептически отнеслась как к экономическим последствиям колонизационных предприятий, так и к их влиянию на моральные качества местных жителей [11, с. 196–207]. Закончилось крахом и крымское предприятие Янга [10, р. 399–402].

Таким образом, рассказы путешественников конца XVIII – начала XIX в. о белорусских землях и о Крымском полуострове имеют некоторые общие черты. Очевидно, сходство ряда обсуждаемых тем, таких как дороги и гостиницы, этническая специфика местного населения или история увиденных краев, обусловлено спецификой жанра травелога. Характерны и жалобы на физический и эмоциональный дискомфорт. Многие субъективные трудности путешественников по Восточной Европе продиктованы столкновением с незнакомой культурной средой. Были и объективные проблемы – незнакомый климат, пища, слабо развитая инфраструктура. Более низкий уровень экономического и социального развития окраин Российской империи способствовал формированию тенденциозных и даже расистских суждений. Распространены были обобщения, когда негативные (реже – позитивные) наблюдения из собственного опыта общения с местными жителями переносили на всю этническую группу. Несмотря на огромное расстояние между Крымом и белорусскими землями, некоторые авторы смогли оставить описание обоих регионов, тем самым поместив их в один литературный и культурный контекст.

Список использованных источников

1. Вульф, Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / Л. Вульф; пер. с англ. И. И. Федюкин. – М.: НЛЮ, 2003. – 550 с.
2. Грыцкевіч, А. Шляхі вялі прыз Беларусь / А. Грыцкевіч, А. Мальдзіс. – Мінск: Маст. літ., 1980. – 272 с.
3. Попов, М. А. Митрополит С. Богуш-Сестрэнцевіч: фарміраванне правіцельскай палітыкі па адношэнню к Рымска-каталіцкай царквы на беларускіх землях (канец XVIII – першая чвэрць XIX в.) / М. А. Попов, А. И. Ганчар. – Гродно: ГГАУ, 2012. – 278 с.

4. Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825 / ред. Н. И. Храпунов, Д. В. Конкин. – Севастополь: Альбатрос, 2017. – 424 с.
5. Радзюк, А. Беларускія землі вачыма іншаземцаў у першай палове XIX ст. / А. Радзюк // АРСНЕ. – 2014. – № 1–2. – С. 15–36.
6. Себаг-Монтефиоре, С. Потемкин / С. Себаг-Монтефиоре; пер. с англ. Н. Сперанская, С. Панов. – М.: Вагриус, 2003. – 560 с.
7. Храпунов, Н. И. Крымские древности глазами Эдварда-Даньела Кларка: от археологии к идеологии / Н. И. Храпунов // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. – 2016. – Т. 18. – № 3. – С. 116–132.
8. Храпунов, Н. И. Маттью Гатри и его «путешествие» в историю Крыма / Н. И. Храпунов, Н. В. Гинькут // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. – 2015. – № 4. – С. 157–170.
9. Clarke, E. D. Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Pt. 1: Russia, Tahtary, and Turkey / E. D. Clarke. – 4th ed. – Vol. 2. – London: T. Cadell and W. Davies, 1817. – 524 p.
10. Gazley, J. G. The Reverend Arthur Young, 1769–1827: Traveller in Russia and Farmer in the Crimea / J. G. Gazley // Bulletin of the John Rylands Library. – 1955–1956. – Vol. 38. – P. 360–405.
11. Holderness, M. Journey from Riga to the Crimea, with Some Account of the Colonists of New Russia / M. Holderness. – 2nd ed. – London: Sherwood, Gilbert, and Piper, 1827. – 316 p.
12. Letters From the Right Honorable Lady Craven, to His Serene Highness the Margrave of Anspach, during Her Travels through France, Germany, and Russia in 1785 and 1786. – 2nd ed. – London: A. J. Valpy, 1814. – 316 p.
13. Otter, W. The Life and Remains of Edward Daniel Clarke, Professor of Mineralogy in the University of Cambridge / W. Otter. – New York: J. & J. Harper, 1827. – 528 p.
14. Parkinson, J. A Tour of Russia, Siberia and the Crimea. 1792–1794 / J. Parkinson; ed. W. Collier. – London: Frank Cass, 1971. – 280 p.
15. Pepys, H. The Remains of the Late Viscount Royston, with a Memoir of His Life / H. Pepys. – London: John Murray, 1838. – 332 p.
16. Sasse, G. The Crimea Question: Identity, Transition, and Conflict / G. Sasse. – Cambridge (Massachusetts): Harvard University Press, 2007. – 400 p.
17. The Life of Reginald Heber, D. D., Lord Bishop of Calcutta. – New York: Protestant Episcopal Press, 1830. – Vol. I. – 638 p.

Дата поступления: 24.08.2018.

Сцебурака А. М.
Нацыянальная бібліятэка Беларусі, Мінск

Stseburaka A.
National library of Belarus, Minsk

УДК 930(476)(092)

НЕРАЗБУРАНАЯ ЛЕГЕНДА: ФРАНЦУЗСКИ СЛЕД ТЭАДОРА НАРБУТА

UNBREAKABLE LEGEND: FRENCH TRACE OF TEODOR NARBUTT

Артыкул прысвечаны таямніцы біяграфіі Тэадора Нарбута ў 1812 годзе і яго творчай спадчыне (тапаграфічнаму плану горада Вільна).

Ключавыя словы: Тэадор Нарбут; вайна 1812 года; бібліятэка Нарбута; творчая спадчына Нарбута.

The article is dedicated to the mystery of Teodor Narbutt's biography in 1812 and his creative heritage (Vilnius topographic plan).

Keywords: Teodor Narbutt; the war of 1812; Narbutt's library; the creative heritage of Narbutt.

Тэадор Яўхімавіч Нарбут (1784–1864) – адзін з найбольш заўважных дзеячаў беларускай гістарычнай навукі першай паловы XIX стагоддзя. Ён пакінуў значны след у археалогіі, археаграфіі, фалькларыстыцы і музейнай справе. Аднак яго навуковы ўнёсак, на жаль, нельга назваць без-

дакорным. Апаненты небеспадстаўна папракалі Нарбута ў фальсіфікацыях і вельмі вольным выкарыстанні гістарычных фактаў. Тым не менш, забываць гэту выбітную постаць першай паловы XIX стагоддзя было б злачынствам. Дзень нараджэння Тэадора, які па старым стылі прыпадае

на 28 кастрычніка (ці на 8 лістапада па новым стылі) 1784 года ў чарговы раз падштурхоўвае нас да рэфлексіі аб яго творчай спадчыне і таямніцах біяграфіі. А наступны, 2019, год наогул мусіць прайсці пад знакам Нарбута, бо спаўняецца 235 гадоў з дня яго нараджэння.

У біяграфіі, як і ў творчай спадчыне Тэадора Нарбута, шмат неверагодных і часам фантастычных дэталей. Чаго толькі варта адна гісторыя са знаходкай і публікацыяй «Баркулабаўскага летапісу».

Але аўтара артыкула заўжды інтрыгаваў эпізод яго знікнення ў 1812 годзе. Здзіўляла, што біяграфія настолькі папулярнай асобы фактычна мае белую пляму ў такі вышальны год для лёсу Радзімы. Дык што рабіў Нарбут у 1812 годзе? Неаспрэчны факт, што ён кінуў вайсковую кар’еру і выйшаў у адстаўку напярэдадні вайны ў чыне штабс-капітана расійскага войска. За час службы ён паспеў узяць удзел у некалькіх канфліктах: расейска-пруска-французскай вайне 1806–1807 гадоў і расейска-шведскай вайне 1808–1809 гадоў. 3-за профілю сваёй адукацыі ён служыў у інжынерных войсках, бо яшчэ ў часы студэнцтва спасцігаў тонкасці картаграфіі ў Галоўнай Віленскай школе і ў кадэцкім корпусе ў Санкт-Пецярбургу.

Што было далей? Алесь Ненадавец у біяграфіі Нарбута (серыя «100 выдатных дзеячаў», 2014) асцярожна абыходзіць гэта пытанне, намякаючы на прафранцузскія настроі Тэадора: «Зразумела, сказаліся раны, кантузія, хваробы, але нельга забывацца і пра тое, што Т. Нарбут чакаў ад хуткай вайны не перамогі рускіх войскаў, а здзяйснення абяцанняў Напалеона, паводле якіх тэрыторыя сучаснай Беларусі павінна была вярнуцца ў межы Рэчы Паспалітай да першага падзелу ў 1772 годзе» [1]. У іншай біяграфіі Нарбута, якая належыць Кастусю Тарасаву, чытаем больш інтрыгуючую версію, дакладней – версіі.

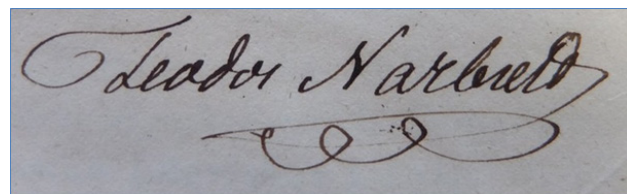
Прынамсі прапаноўваецца тры магчымых сцэнарыя падзей. Першы прадугледжваў, што Нарбут ціха перабыў лета-восень 1812 года ў сваім маёнтку Шаўры на Лідчыне. Другі, больш цікавы, накіроўваў Тэадора зноў на службу ў расейскую армію. («...Вайну 1812 года ён сустрэў у Вільні, знаходзячыся пры двары імператара Аляксандра, і быццам бы ўдзельнічаў у вайне з Напалеонам у шэрагах расійскай арміі і нават атрымаў за гэта медаль. У якой арміі, у якім палку якой дывізіі ці пры якім штабе – невядома») Апошняя, трэцяя, версія найбольш шматабяцальная. Паводле яе Нарбут далучыўся да французскага Вялікага Войска ў Вільні і служыў перакладчыкам пры штабе генерала Жана-Клода Маро (1755–1828). Пасля паразы Банапарта Нарбут не эміграваў, а застаўся дома нелегальна, па-

куль не дачакаўся амністыі ў 1815 годзе [2, с. 88]. Адназначны адказ пра 1812 год у жыцці Нарбута мог бы даць сам герой, але ён, на жаль, ніколі не выказваўся на гэту тэму адназначна і дэталёва.

Сапраўды, тры вышэйагучаныя версіі ўвесь час перадрукоўваюцца і множацца ў польска-, беларуска- і рускамоўных крыніцах. Верагоднасць удзелу Нарбута ў вайне на баку Напалеона не пацвярджаецца дакументальна. Канешне, французы маглі мець вялікую цікаўнасць да ваеннага інжынера, які ў свой час праектаваў і, адпаведна, ведаў усё пра Бабруйскую крэпасць, бо быў адным з аўтараў праекта гэтай фартэцыі, за што нават быў ўзнагароджаны ордэнам св. Ганны [3, с. 88]. А яе падчас вайны трымалі ў аблозе і не маглі ўзяць атрады польскага генерала Яна Дамброўскага. Патрыятычныя матывы таксама маглі падштурхнуць Нарбута да актыўных захадаў у 1812 годзе (прыгадаем яго пазіцыю падчас паўстанняў 1830–1831 і 1863–1864 гадоў).

Летась аўтар паспрабаваў знайсці адказ пра дэталі 1812 года ў жыцці Нарбута падчас працы ў Ваенным архіве, а пасля і ў Нацыянальным архіве Францыі. Шанец адшукаць згадку пра чальца штаба французскага генерала быў сапраўды даволі вялікі, бо справаводства ў напалеонаўскім войску працавала дакладна, як механізм гадзінніка. Ды марна, пошук Нарбута ў атачэнні генерала Маро не даў выніку. Безумоўна, гэта не абвяргае дадзеную гіпотэзу, бо ў архіўных пошуках нельга спадзявацца на хуткі вынік.

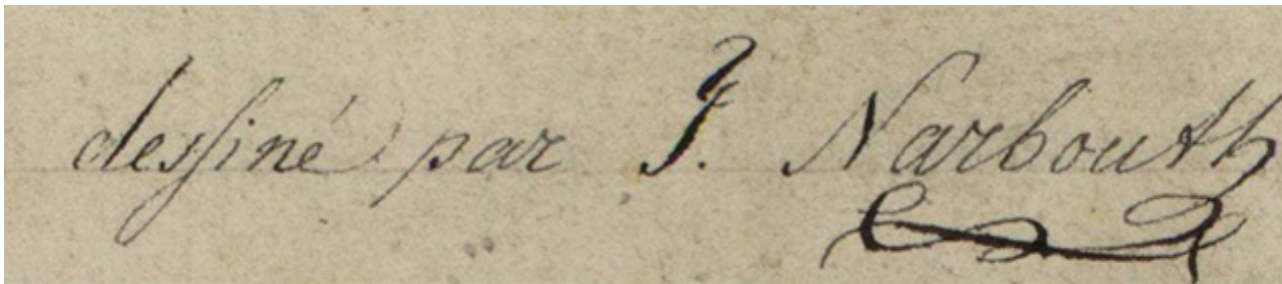
Нечаканым французскім следам Нарбута стаў план Вільні ў картаграфічнай калекцыі Нацыянальнай бібліятэкі Францыі («Plantopographique de Vilna») [4]. На карысць аўтарства Тэадора Нарбута сведчыць попіс «намалявана Т. Нарбутам» («dessiné par T. Narbouth»). Каб упэўніцца ў аўтарстве плана Вільні, варта параўнаць гэты попіс (малюнак 1) з аўтографам на кнізе, што захоўваецца ў Нацыянальнай бібліятэцы Беларусі (малюнак 2). Розніца ў напісанні прозвішча палягае ў французскай перадачы гучання слова. Але вось напісанне і нахіл літар і, галоўнае, вензель красамоўна сведчаць пра руку аднаго чалавека.

Мал. 1. Аўтограф Т. Нарбута.

Размешчаны на Тапаграфічным плане Вільні (Plantopographique de Vilna).

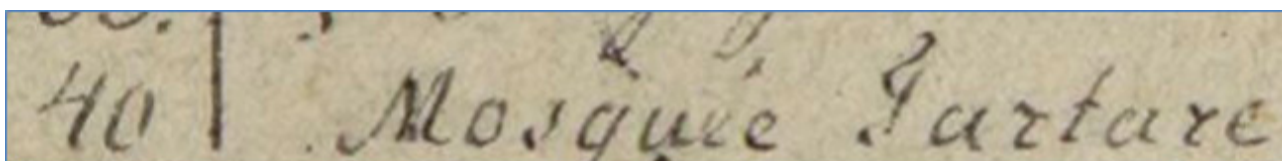
Крыніца: Картаграфічная калекцыя Нацыянальнай бібліятэкі Францыі («Plantopographique de Vilna» (GED-1803))

Мал. 2. Аўтограф Т. Нарбута.

Размешчаны на Тапаграфічным плане Вільні (Plantopographique de Vilna).

Крыніца: Картаграфічная калекцыя Нацыянальнай бібліятэкі Францыі («Plantopographique de Vilna» (GED-1803))

Мал. 3. Подпіс з № 40 легенды Тапаграфічнага плана Вільні – «mosquéetartare» («мячэць татарская»).

Крыніца: Картаграфічная калекцыя Нацыянальнай бібліятэкі Францыі («Plantopographique de Vilna» (GED-1803))

Пры апісанні плана Вільні ў каталозе французскай бібліятэкі была дапушчана памылка з-за асаблівасці почырку Нарбута. Замест Т – Т. Нарбут – ён праходзіць як І. Нарбут. Аднак бяспрэчна, што Нарбут так спецыфічна пісаў літару «Т» (для гэтага параўнайце подпіс з № 40 легенды «mosquéetartare» «мячэць татарская») на малюнку 3.

Іншая справа, што наяўнасць у французскім кнігазборы плана Вільні не з'яўляецца доказам яго ўдзелу ў вайне. Было безліч іншых магчымасцяў для з'яўлення малюнка ў Парыжы. Тым не менш, план Вільні рукі нашага вядомага інжынера і гісторыка варты пільнай увагі даследчыкаў. Нагадаем, што Т. Нарбут паводле ваеннай адукацыі быў інжынерам-фартыфікатарам.

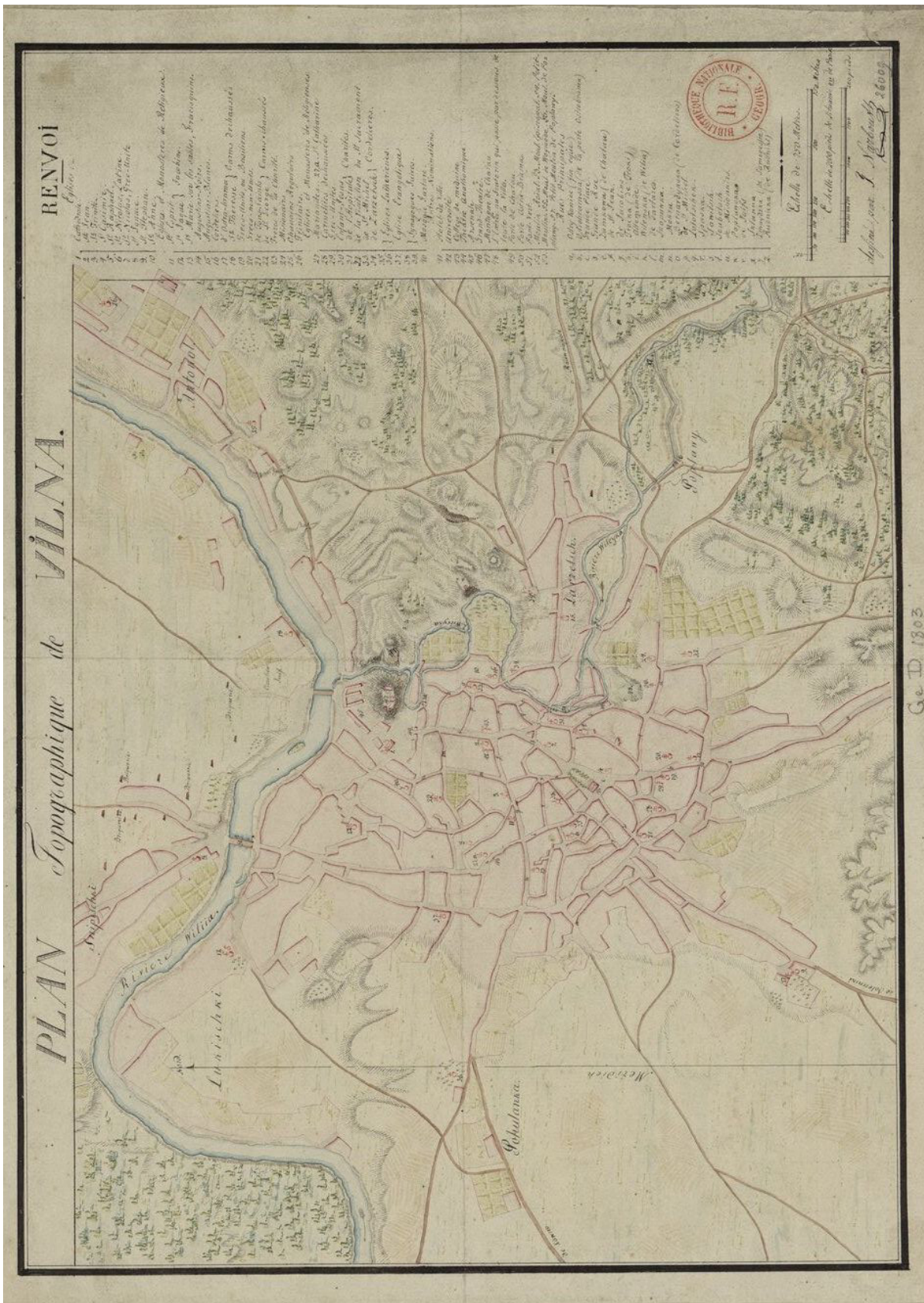
Тапаграфічны план Вільні (малюнак 4) – гэта даволі вялікі па памеры твор (45 на 32 см), выкананы тушшу і фарбамі. Ён не датаваны (GED-1803 – гэта шыфр дакумента, а не дата стварэння). Аўтар плана пазначае ўсе храмы, значныя грамадскія будынкi і галоўныя вуліцы Вільні. Таксама на схеме адлюстравана знаходжанне млыноў і цагельняў, што схіляе да думкі аб магчымых практычных мэтах стварэння плана.

Усё ж як можна датаваць гэты план Вільні (малюнак 4)? Дзякуючы некаторым аб'ектам і іх дыслакацыі можна прыблізна назваць час яго стварэння. У прыватнасці, у «№ 44 Анатамічны тэатр» пазначаны ў квартале каля р. Вілейкі – у адным з найстаражытнейшых храмаў Вільні – праваслаўным Прачысценскім саборы. Пераабсталаванне сакральнага будынку пачалося з 1808 года, калі яго выкупіў Віленскі ўніверсітэт, а яго рэканструкцыя на працягу трох год займаўся архітэктар Міхаіл Шульц. А ў 1815–1841 гадах

тут ужо працаваў анатамічны тэатр з аўдыторыямі ды кнігазборам. На плане ёсць яшчэ шэраг падказак (Віленскі ўніверсітэт, уніяцкая царква св. Мікалая і інш.), якія не дазваляюць датаваць план Нарбута пазней за другую палову 1830-х гадоў). Адпаведна, гэты дакумент можна смела лічыць жывой ілюстрацыяй для Вільні легендарных часоў філаматэў і філарэтаў, Вільні, па якой блукаў яшчэ студэнтам Адам Міцкевіч.

Але Нарбут не быў бы самім сабой, калі б на гэтым плане не пакінуў знак пра сваю любоў да паданняў! Пад № 48 на легендзе да карты (малюнак 5) пазначаны «Уваход у падземны ход (падзямелле), які перасякае пад зямлёй увесь горад» (малюнак 6). Побач з № 30 – «Дзіятка Езус». Забягаючы наперад, скажам, што там сёння сапраўды існуе тунэль даўжынёй каля 150 метраў, які быў змураваны ў XVI ст. як сакрэтны схрон.

Звесткі пра таямнічыя сутарэнні можна адшукаць у шматлікіх крыніцах. Напрыклад, Адам Кіркор пра іх пісаў наступнае: «Вільно одно из древнейших поселений в этом крае. ... в начале XIV столетия Вильно могло быть небольшим литовским поселением и имело деревянное укрепление, по мнению историков, на том месте, где ныне богоугодное заведение Иисус Младенец, с подземным ходом, коего следы доселе сохранились» [5, с. 44]. Верагодна, спасылка на меркаванне іншых гісторыкаў нас накіроўвае як раз да самага Тэадора Нарбута. У першым томе яго славутага твора «Гісторыі літоўскага народа» (1835) сустракаецца дастаткова разгорнуты нарыс пра сутарэнні ў Вільні: «У Вільні на плацы, што сёння ўваходзіць у манастыр Дзіятка Езус, побач са сцяной былога гарадской муру, заўваж-

Мал. 4. Плантопографічныя de Вілна (Топографічны план Вільні). Аўтар – Т. Нарбут. Пра аўтарства Т. Нарбута сведчыць падпіс: «dessiné par T. Narbouth» («намалювана Т. Нарбутам»). Крыніца: Картаграфічная калекцыя Нацыянальнай бібліятэкі Францыі («Planorographie de Vilna» (GED-1803))

Мал. 5. Фрагмент Тапаграфічнага плана Вільні.
Будынак № 48 – Уваход у сутарэнні.

Крыніца: Картаграфічная калекцыя Нацыянальнай бібліятэкі Францыі («Plantopographique de Vilna» (GED-1803))

ныя зараз сляды былой крэпасці, альбо асобнага замку, якія раней Бакштай называлі. Пад усёй гэтай гарой знаходзяцца прасторныя падземныя хады, з вельмі трывалага цаглянага мура, з залямі, фрамугамі, нішамі, якія цягнуцца з рознымі паваротамі, кажуць, канец якіх невядомы да гэтага часу. Гэтыя хады злучаліся з невялікай таёмнай бажніцай, якая месцілася ў той Бакшце» [6]. Нарбут дадае, што паміж Вільняй і Трокамі ў даўнейшыя часы быў падземны ход, якім карысталіся месцічы. Па яго словах, гэты ход пачынаўся ў Трокскім замку і выходзіў у Вільні, рыхтык у кляштары Дзіцятка Езус. «Пакінем наступным пакаленням даследчыкаў старажытнасцяў краю вывучэнне гэтых падзямелляў...», – падсумоўваў Нарбут. Адзначым, што ўдзячныя нашчадкі не забылі пра паданні гэтага кутка былой сталіцы ВКЛ. Сёння пра таямнічыя сутарэнні пад Бакштай і пра драпежнага васіліска з-пад той гары з вялікай ахвотай распавядуць турыстычныя гіды падчас экскурсіі...

Такім чынам, план Вільні рукі Тэадора Нарбута – гэта не проста падрабязны і дасканалы тапаграфічны твор, але яшчэ і працяг яго бачання

гісторыі нашай старажытнай сталіцы, ілюстрацыя да яго літаратурна-гістарычнай спадчыны.

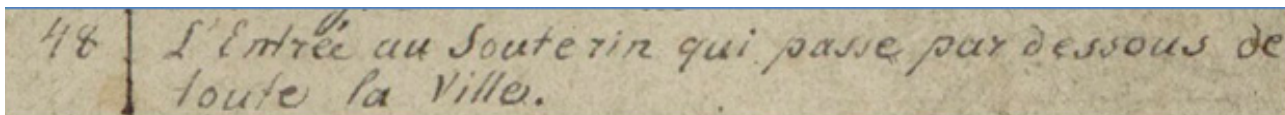
Як вядома, Нарбут валодаў дзевяццю мовамі, таму і план Вільні з каментарамі па-французску ён выканаў уласнаручна. Застаецца адкрытым пытанне, чаму спатрэбілася яго рабіць на гэтай мове? Для каго? Больш лагічным быў бы польскі тэкст, калі б ён быў разлічаны для ілюстрацыі яго кнігі. Або рускамоўны варыянт у выпадку стварэння плана для патрэб расейскай арміі (яшчэ да выхаду Тэадора ў адстаўку). Але раптам версія Кастуся Тарасова слухная і Т. Нарбут рабіў французскамоўны варыянт плана Вільні для генерала Маро? Пытанне пакуль застаецца адкрытым і скіроўвае нашу ўвагу на французскі след.

Аўтограф Т. Нарбута на кнізе «Хроніка літоўская» – з калекцыі галоўнага кнігазбору Беларусі (шыфр захавання – 096/13438). Яго каштоўнасць цяжка пераацаніць. Па-першае, таму што сама бібліятэка Т. Нарбута была разрабаваная пасля паўстанні 1863–1864 гадоў; па-другое, адрасат аўтографа – той самы славуты заснавальнік Віленскага музея старажытнасцяў Яўстах Тышкевіч [7; 8, с. 104]¹: «Ягамосці графу Яўстаху Тышкевічу, маршалку павету Барысаўскага², чальцу Дацкага таварыства даследчыкаў старажытнасцяў.³ Знаўцу і аматару краёвых старажытнасцяў, аддаючы даніну павагі і пашаны, ахвяраваў гэтую Хроніку. Тэадор Нарбут. 1 лютага 1846. Шаўры» [10].

¹ Сёння страчаны кнігазбор Т. Нарбута характарызуюць як «превосходную личную библиотеку, которая включала уникальное собрание исторической литературы». Відавочна, што аматар гісторыі ВКЛ сабраў у сваёй прыватнай бібліятэцы самыя каштоўныя старадрукі і рукапісы. Сам Нарбут у 1846 годзе паказваў лічбу кніг па гісторыі – 527 [9, с. 138].

² У 1844–1847 гадах Я. Тышкевіч з’яўляўся барысаўскім павятовым маршалкам.

³ З кастрычніка 1843 года Я. Тышкевіч быў абраны чальцом Дацкага каралеўскага таварыства аматараў старажытнасцяў.

Мал. 6. Згадка пра падземны ход у легендзе Тапаграфічнага плана Вільні
(пер. з фр. – «уваход у падзямелле, якое перасякае пад зямлёй увесь горад»).

Крыніца: Картаграфічная калекцыя Нацыянальнай бібліятэкі Францыі («Plantopographique de Vilna» (GED-1803))

Спіс выкарыстаных крыніц

1. *Ненадавец, А.* Тэадор Нарбут: зачараваны старажытнай Літвой / А. Ненадавец. – Мінск: Харвест, 2014. – 63 с.
2. *Ciechanowicz, J.* Mysl i czyn / J. Ciechanowicz. – Molodeczno, 2001 – 320 s.
3. *Ненадавец, А. М.* Крэпасць на Бярэзіне / А. М. Ненадавец. – Мінск: Польша, 1993. – 71 с.
4. *Plantopographique de Vilna* [Document cartographique manuscrit] / dessiné par J. Narbouth: [S.l.]: [s.n.], [s.d.] – 45 x 32 cm. // Нацыянальная бібліятэка Францыі. – IFN-8440688 GeD-1803.

5. *Киркор, А.* Историко-статистические очерки города Вильно / А. Киркор // Wydział komisji archeologicznej Wileńskiej. – Wilno: J. Zawadzki, 1858. – S. 44–60.
6. *Narbutt, T.* Dzieje narodu litewskiego: [у 9 т.] / T. Narbutt. – Wilno: Nakładem i drukiem Antoniego Marcinowskiego. – 1835. – Т. I. – 482 s.
7. *Майсяёнак, А.* Пошукі спадчыны і нашчадкаў Станіслава Нарбута / А. Майсяёнак // 3 гісторыі краю і лёсаў людзей Воранаўшчыны: матэрыялы навук. гіст.-краязнаўч. канф. (г.п. Радунь, 11 снежня 2004 г.) – Ліда: Воранаўскі раённы выканаўчы камітэт, 2006. – С. 160–163.
8. *Litwinowicz-Drożdźiel, M.* O starożytnościach litewskich: mitologizacja historii w XIX – wiecznym piśmiennictwie byłego Wielkiego Księstwa Litewskiego / M. Litwinowicz-Drożdźiel. – Kraków: Universitas, 2008. – 227 s.
9. *Березкина, Н. Ю.* Библиотеки и распространение научных знаний в Беларуси: XVI–XX вв. / Н. Ю. Березкина. – 2-е изд., испр. и доп. – Минск: Беларус. навука, 2013. – 520 с.
10. *Narbutt, T.* Pomniki do dziejow Litewskich / T. Narbutt. – Wilno: Druk M. Zymelowicza, 1846. – 96 s.

Дата паступлення: 15.11.2018.

Дзенісенка А. П.

Цэнтральная навуковая бібліятэка імя Я. Коласа НАН Беларусі, Мінск

Denisenko E.

CSL of NAS of Belarus, Minsk

УДК 017.2(476-25)Тышкевіч+94(476)“18”:930.2:902/904

ДАСЛЕДАВАННІ ЯЎСТАФІЯ ТЫШКЕВІЧА ЯК КРЫНІЦЫ ПА БЕЛАРУСКАЙ ГІСТОРЫІ XIX СТАГОДДЗЯ

STUDIES BY EUSTACHY TYSZKIEWICZ AS SOURCE MATERIAL FOR 19TH CENTURY HISTORY OF BELARUS

У артыкуле разгледжаны экзэмпляры выданняў Яўстафія Тышкевіча па археалогіі Беларусі XIX ст., якія захоўваюцца ў фондах Цэнтральнай навуковай бібліятэкі імя Я. Коласа НАН Беларусі. Раскрыты асаблівасці экзэмпляраў, прасочваецца іх бытаванне. Падкрэслена каштоўнасць гэтых крыніц для даследчыкаў як носьбітаў інфармацыі па гісторыі Беларусі XIX ст.

Ключавыя словы: Яўстафій Тышкевіч; уласная бібліятэка; XIX стагоддзе; выданні па археалогіі; ЦНБ НАН Беларусі.

The article reviews the 19th century exemplars of the Eustachy Tyszkiewicz studies on the archeology of Belarus, which are housed in the department of rare books and manuscripts of the State Institution Yakub Kolas Central Science Library of the National Academy of Sciences of Belarus. Distinguishing characteristics and the usage history of the exemplars are provided. Their value as the source material for studying the 19th century history of Belarus is emphasized.

Keywords: Eustachy Tyszkiewicz; private library; 19th century; archeology studie; CSL of NAS of Belarus.

У фондах Цэнтральнай навуковай бібліятэкі імя Я. Коласа Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі (далей – ЦНБ НАН Беларусі) захоўваецца спадчына беларускага гісторыка, этнографа, краязнаўцы, аднаго з заснавальнікаў беларускай навуковай археалогіі Яўстафія Піевіча Тышкевіча (18.04.1814–08.09.1873).

Пра шляхецкі род Тышкевічаў (з 1528 г.), які даў беларускай зямлі шмат таленавітых людзей, можна даведацца ў кнізе «Tyszkiewicziana: Militaria, bibliografia, gusiny, zbiory, rezydencye etc...» [1]. Асобнік з уладальніцкай калекцыі Радзівілаў (Нясвіжская ардынацыя). Кніга належала Станіславу Радзівілу, аб чым гаворыць

экслібрыс, змешчаны на форзацы выдання. Кніга была надрукавана ў Познані (1903 г.) у абмежаванай колькасці асобнікаў – усяго 225 (інфармацыя змешчана на адвароце тытульнага ліста). У аддзеле рэдкіх кніг і рукапісаў ЦНБ НАН Беларусі захоўваецца № 177. На вокладцы і тытульным лісце змешчаны герб роду Тышкевічаў. Пра Яўстафія Тышкевіча ў выданні таксама ідзе гаворка, у якой аўтар кнігі Юзаф Тышкевіч, спасылаючыся на IV том «Польскай бібліяграфіі» (1878) К. Эстрэйхера (*Estreicher, K. Bibliografia polska XIX stulecia: lata 1881–1900: t. 1–4 / K. Estreicher. – Т. 4: R – Z. – Krakow: Druk. Uniw. Jagellonskiego, 1916. – 652 s.*), змясціў карот-

Мал. 1. Герб Тышкевічаў.

Размешчаны ў кнізе «Tyszkiewicziana: militaria, bibliografia, numizmatyka, gyciny, zbiory, rezydencye etc.» з калекцыі Радзівілаў.
Крыніца: фонды ЦНБ НАН Беларусі

кія біяграфічныя звесткі і бібліяграфію прац вучонага.

Бацька Яўстафія, гаспадар графства Піус Феліцыянавіч Тышкевіч, шмат рабіў дзеля панажэння культурнай спадчыны радавога памесця ў Лагойску, дзе нарадзіўся Яўстафій. У маёнтку была немалая бібліятэка, якая пастаянна папаўнялася рарытэтамі. Другая жонка графа, маці Яўстафія, Аўгуста Плятар (паходзіла са знатнага нямецкага роду) прывезла ў Лагойск частку краслаўскага кнігазбору агульным лікам у тры тысячы тамоў на польскай, старабеларускай, французскай, лацінскай і іншых мовах. Яна збірала рукапісныя кнігі і дакументы па гісторыі, што таксама папаўняла радавую бібліятэку. Гонарам сямейнай бібліятэкі з'яўляліся старадаўнія рукапісы, гістарычныя карты, на якіх можна было адшукаць Барысаўшчыну і Міншчыну са старажытным Лагойскам [2, с. 127–128].

Пасля пачатковай адукацыі, якую Я. Тышкевіч атрымаў дома, будучы вучоны паступіў у Віленскую гімназію, потым перавёўся ў Мінскую, якую скончыў у 1831 г. Пачынаў службу ў даволі прэстыжнай установе Расійскай імперыі – ордэнскім капітуле, які падпарадкоўваўся толькі цару і сенату. Малады Тышкевіч працягнуў службу ў Вільні, Харкаве, Мінску ў канцэлярыях генерал-губернатара. Праз нейкі час ён прапанаваў сваю кандыдатуру на пасаду ганаровага наглядача вучылішча Барысаўскага павета і атрымаў згоду з боку апекуна Беларускай вучэбнай акругі. На ўласныя сродкі ён пабудаваў памяшканне

Барысаўскага павятовага вучылішча. Гэта акцыя была заўважана і па заслугах ацэнена яго сучаснікамі – ён быў абраны маршалам шляхты¹ Барысаўскага павета. Але ж асноўным заняткам Я. Тышкевіча была навука. Кожнае лета малады вучоны даследаваў курганы на Лагойшчыне, Барысаўшчыне, Міншчыне, у Друцку, Лідзе, Крэве, Міры і інш. Першае навуковае паведамленне пра раскопкі курганоў з'явілася ў перыядычным друку «Tygodnik Petersburski» (1837, № 94), калі Я. Тышкевічу споўнілася 23 гады. У сваіх даследах ён зрабіў выснову пра загадкавае племя на Лагойшчыне, якое даўно вымерла. Публікацыі ён падпісваў не толькі ўласным прозвішчам, але і псеўданімамі і крыптанімамі: «Meszkaniec lasów»; «Eust.hr.T.»; «E.T...cz.»; «ch. T...». Пісаў вучоны пераважна па-польску, менш – па-руску, а па-беларуску – у асноўным пра фальклор [3, с. 19–20].

Найбольшае месца ў навуковых даследаваннях Я. Тышкевіча займала Барысаўшчына і асабліва Лагойшчына. Тут яму дапамагалі бацька і брат Канстанцін. Кожная праведзеная экспедыцыя, кожны вывучаны помнік давалі багаты матэрыял не толькі для навуковай публікацыі, але і для лагойскага музея (адкрыццё адбылося ў 1842 г.). Акрамя археалагічных знаходак, тут былі калекцыі манет, гербаў, мастацкія палотны і інш. На віднае месца выстаўляліся самыя цэнныя экспанаты: зброя рыцара, інкунабулы, творы мастацтва. Былі тут і прадметы, якія дарылі Тышкевічам госці [4, с. 8].

Праз некаторы час Я. Тышкевічу давалося адкрыць музей старажытнасцей у Вільні і пры ім Віленскай археалагічнай камісіі. Музей быў урачыста адкрыты 1 студзеня 1856 г. у будынку бібліятэкі Віленскага ўніверсітэта. У музеі быў спецыяльны адзел: археалогія. Свае калекцыі музею перадалі Яўстафій і Канстанцін Тышкевічы, А. Кіркор², Т. Нарбут³, А. Плятар⁴ і інш. З Лагойска былі перавезены археалагічныя калекцыі Тышкевічаў, кніжныя фаліянты, нумізматычныя зборы і інш. Сам Яўстафій ахвяраваў уласную бібліятэку, якая налічвала тры тысячы кніг, а таксама археалагічную калекцыю з дзвюх тысяч адзінак. Ужо ў першыя два гады працы ў каталозе было зарэгістравана дзесяць тысяч музейных прадметаў [5, с. 64].

Перад уваходам у музей умацоўваліся гербы чатырох губерняў: Віленскай, Мінскай, Гродзен-

¹ Маршалак (у часы знаходжання Беларусі ў складзе Расійскай імперыі) – прадвадзіцель (кіраўнік) павятовага або губернскага дваранства (шляхты).

² Адам Кіркор (1818–1886) – беларускі этнограф, публіцыст, выдавец, гісторык, краязнаўца, археолаг.

³ Тэадор Нарбут (1784–1864) – беларускі гісторык, археолаг.

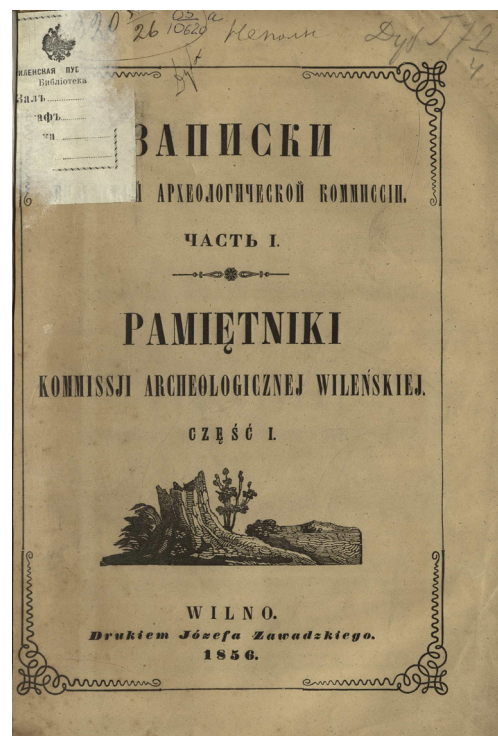
⁴ Аўгуста Плятар – маці Яўстафія Тышкевіча.

скай і Ковенскай – Вільня з’яўлялася цэнтрам генерал-губернатарства ўсёй гэтай тэрыторыі. Пры музеі працавала Археалагічная камісія. У яе склад уваходзілі М. Балінскі¹, А. Кіркор, І. Крашэўскі², Т. Нарбут, А. Плятар, У. Сыракомля³, К. Тышкевіч і інш., старшынёй быў абраны Яўстафій Тышкевіч. Кожнае лета выпраўляліся экспедыцыі. Сярод членаў Віленскай археалагічнай камісіі нікога не было літоўскай нацыянальнасці, таму і даследаванні вяліся ў асноўным на тэрыторыі Беларусі. У канцы года на пасяджэнні Віленскай археалагічнай камісіі кожная экспедыцыя рабіла сваю справаздачу ў выглядзе рэфератаўнага даклада. Самі рэфераты змяшчаліся на старонках «Записок Виленской Археологической комиссии», якія выходзілі штогод. У абмеркаванні вынікаў праведзеных экспедыцый удзельнічалі многія члены камісіі, але большы ўдзел браў Я. Тышкевіч.

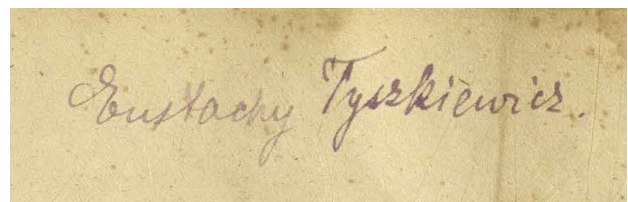
У адзеле рэдкіх кніг і рукапісаў ЦНБ НАН Беларусі захоўваюцца тры экзэмпляры «Записок Виленской Археологической комиссии» за 1856, 1858 г. У асобніку «Записак...» (1856) змешчаны даведкі пра ўпарадкаванне музея старажытнасцей у Вільні, падрабязна апісваецца ахвяраваная музею ўласная бібліятэка Яўстафія Тышкевіча. Тэкст у выданні двухмоўны – на рускай і польскай мовах. У першай частцы друкуецца «Положение о Музее древностей и временной Археологической комиссии в Вильне», зацверджанае «Его Императорским Величеством». У ім адзначана, што сабраныя ў Музеуме каштоўнасці – з Заходняга краю Расіі, і гэта «даставит возможность воспользоваться ими к изучению края, не только в историческом, но и в торговом, промышленном, естественном, сельско-хозяйственном и статистическом отношении...» [6, с. 1]. Далей ідзе гаворка пра Музеум і ролю Я. Тышкевіча ў гэтай справе. Даецца інфармацыя пра ўласную бібліятэку Я. Тышкевіча, якая налічвае 3000 тамоў. Большасць кніг на гістарычную тэму, таксама ёсць бібліяграфічныя асобнікі. А яшчэ 7000 тамоў, дастаўленыя «из упраздненных Р. К. Монастырей здешних губерний». Аздабляе скарбніцу старажытнасцяў шматлікая колькасць гравюр, геаграфічных карт і атласаў, медных гравіраваных досак (колькасцю 1000 адзінак). Сярод гравюр ёсць некалькі вельмі рэдкіх – вядомых у той час гравёраў Хадавецкага (1726–1801), Плонскага (1782–1812),

Серакоўскага (1765–1831) і інш. Каштоўны збор дапоўнены старажытнымі рукапісамі, а таксама аўтографамі ўсіх царствуючых асоб Вялікага Княства Літоўскага, пачынаючы ад Аляксандра (з 1492 г.), і аўтографамі амаль што ўсіх вядомых тутэйшых асоб [6, с. 6–7].

У 1991 г. у адзел рэдкіх кніг і рукапісаў ЦНБ НАН Беларусі трапіла кніга з уласнай бібліятэкі Я. Тышкевіча, аздобленая яго аўтографам на тытульным лісце. Гэта вядомае «Апісанне Барысаўскага павета...» («Opisanie powiatu Borysowskiego...», 1847), якое стала вынікам археалагічнай дзейнасці Я. Тышкевіча на Барысаўшчыне. На экзэмпляры, апрача аўтографа аўтара, уладальніцкі запіс – «С. Щербаков».

Мал. 2. Тытульны ліст выдання «Записки Виленской Археологической комиссии»
Выдадзены ў Вільне на рускай і польскай мовах.
Выйшла адна першая частка ў 1856 г.
Крыніца: фонды ЦНБ НАН Беларусі

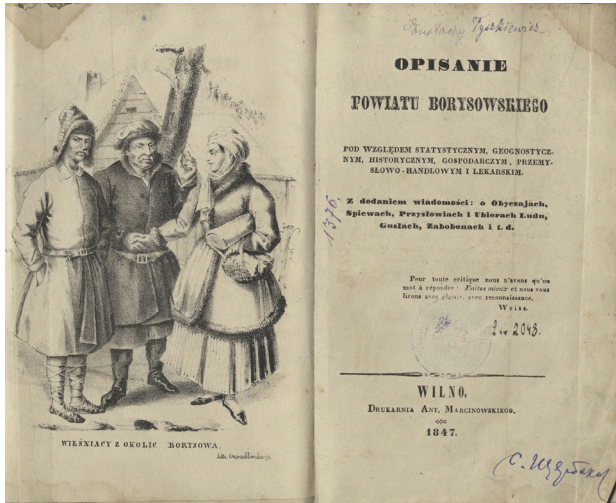

Мал. 3. Аўтограф Яўстафія Тышкевіча
Размешчаны ў кнізе «Opisanie powiatu borysowskiego pod względem statystycznym, geognostycznym, historycznym, gospodarczym, przemysłowo-handlowym i lekarskim, z dodaniem wiadomości: o obyczajach, śpiewach, przysłowiach i ubiorach ludu, gusłach, zabobonach itd.», аўтар – Яўстафія Тышкевіч, выдадзена ў 1847 г.
Крыніца: фонды ЦНБ НАН Беларусі

¹ Міхал Балінскі (1794–1864) – гісторык і публіцыст.

² Ігнат Крашэўскі (1812–1887) – беларускі і польскі пісьменнік, гісторык і фалькларыст, рэдактар, выдавец, публіцыст.

³ Уладзіслаў Сыракомля (сапраўднае імя – Людвік Уладзіслаў Францішак Кандратовіч, 1823–1862) – беларускі і польскі паэт, драматург, перакладчык, літаратурны крытык і краязнаўца.

Мал. 4. Тытул кнігі і гравюра Язэпа Азямблоўскага «Сяляне з Барысаўскага наваколля».

Размешчаны ў кнізе «Opisanie powiatu borysowskiego pod względem statystycznym, geognostycznym, historycznym, gospodarczym, przemysłowo-handlowym i lekarskim, z dodaniem wiadomości: o obyczajach, spiewach, przysłowiach i ubiorach ludu, guslach, zabobonach itd.», аўтар – Яўстафій Тышкевіч, выдадзена ў 1847 г.
Крыніца: фонды ЦНБ НАН Беларусі

У 70-х гг. мінулага стагоддзя гісторык С. Шчарбакоў перадаў у бібліятэку НАН Беларусі свой архіў і кнігі з уласнай бібліятэкі, сярод якіх быў асобнік «Opisanie powiatu Borysowskiego» [7]. Гэта віленскае выданне з друкарні вядомага ў той час рэдактара і публіцыста Антона Марціноўскага, аздобленае гравюрай Язэпа Азямблоўскага «Сяляне з Барысаўскага наваколля» на шмуцтытуле. Для сваёй кнігі Я. Тышкевіч некалькі гадоў збіраў першакрыніцы па гісторыі, геаграфіі, этнаграфіі, літаратуры, мастацтве, археалогіі, фальклоры. Найбольш спрыялі выхаду ў свет гэтай кнігі яго бацька і маці. Амаль дзесяць гадоў Я. Тышкевіч ствараў гэту ўнікальную краязнаўчую кнігу, дзе кожны факт, кожная дата вывераны, прааналізаваны. У змесце распавядаецца гісторыя развіцця Барысава, апісаны важныя старажытныя аб'екты горада. Спаслаўшыся на даследаванне Адама Нарушэвіча¹, краязнаўца апісаў мясцовы замак, які быў пабудаваны на выспе на высокім падмурку. Больш за ўсё Я. Тышкевіча цікавіла месцазнаходжанне капішча старажытнага горада. Аўтар падрабязна расказвае пра мясцовыя княскія дынастыі, што валодалі Барысавам, апісвае некаторыя найважнейшыя падзеі, якія там адбываліся. У «Апісанні Барысаўскага павета» аўтар дае каштоўныя звесткі пра Лагойск, у тым ліку пра мясцовы замак з высокімі землянымі валамі, які меў аба-

рончае значэнне, падае гісторыю Лагойскага графства. Ёсць інфармацыя і пра лагойскі музей, матэрыяламі якога карысталіся Тышкевічы. Аўтар таксама змясціў біяграфічныя даведкі пра сваіх землякоў, у прыватнасці, даведкі пра археографа, прафесара Віленскага ўніверсітэта С. Жукоўскага (1782–1834) і літаратара і фалькларыста І. Шыдлоўскага (1793–1846). Я. Тышкевіч адзін з першых у беларускай фалькларыстыцы і этнаграфіі апісаў усе абрады, звычаі, песні, узятыя з натуры. Не выключана, што Яўстафій Піевіч мог звяртацца да сваіх зямлячак-сялянак і дапаўняць запісы, якія ён рабіў раней. Усе запісаныя ім песні перадаваліся без змены тэксту, такім чынам захоўваліся асаблівае беларускай мовы. У «Апісанні Барысаўскага павета...» змешчаны «Вясельныя абрады вясковага люду ў Мінскай губерні, Барысаўскім павеце, Гаенскай парафіі, назіраныя ў 1800, 1801 і 1802 гадах з некаторымі песнямі...», «Абрады вясковага люду з-над Бярэзіны», «Прыказкі жыхароў з ваколіц Бярэзіны...» [7, с. 288–446].

Дзейнасць Віленскага музея старажытнасцей і Віленскай археалагічнай камісіі была спынена пасля паўстання 1863–1864 гг. Улады пачалі разглядаць музей як адзін з цэнтраў «польскай інтрыгі». Паводле загаду генерал-губернатара М. М. Мураўёва ён быў афіцыйна забаронены ў 1864 г. Шмат экспанатаў музея было адпраўлена ў Румянцаўскі музей у Маскве. Астатнія матэрыялы Віленскага музея старажытнасцей трапілі ў Нацыянальны музей, а затым – у Дзяржаўны археалагічны музей у Варшаве. У ім дагэтуль знаходзяцца рэчы з курганоў Барысаўскага і Мінскага паветаў, раскапаных Тышкевічамі [8, с. 75, 107].

Яўстафія Тышкевіча вызвалілі ад усіх пасадаў. У тых часы, а гэта быў май 1862 г., Вільню наведаў вядомы рускі гісторык, член-карэспандэнт Імператарскай Санкт-Пецярбургскай акадэміі навук М. І. Кастамараў (1817–1885). У сваіх успамінах ён піша пра сваю сустрэчу з Я. Тышкевічам: «Это был старообразный человек невысокого роста, с лысою головою и казался на вид лет шестидесяти, но на самом деле ему было не более сорока пяти. Говорили, что он прежде вёл разгульную жизнь, подорвавшую разом и его состояние и его здоровье. Впрочем, он в своих приемах был жив, любезен и весел. Заведуя историческим музеем, состоявшим при виленской Археологической Комиссии, он преимущественно обращал внимание на памятники времен господства польского элемента в Литве и от этого, в последующее время, русские люди, занимавшиеся литовской археологией, были им недовольны и говорили, что он умышленно старался оставить в тени и забыть все, что напоминало о бывшем некогда господстве православной

¹ Адам Тадэвуш Станіслаў Нарушэвіч (пол. Adam Tadeusz Stanisław Naruszewicz; 1733–1796) – рэлігійны і дзяржаўны дзеяч Рэчы Паспалітай, гісторык, паэт і асветнік.

веры и русского языка в Вильне. Справедливо ли такое составившееся о нем мнение – я не беру на себя решать» [9, с. 138].

Рускі гісторык дае ацэнку дзейнасці Я. Тышкевіча ў працы Археаграфічнай камісіі: «В музее, при котором состоял отдел Археографической комиссии, всё было направлено к тому, чтобы удалить воспоминание о господствовавшем некогда русском элементе края и утвердить всеобщее мнение, что он искони был польским и не должен быть иным. В заседаниях Комиссии употреблялся исключительно польский язык. Председатель Комиссии граф Е. Тышкевич любезно возил меня по городу и его окрестностям; потом пригласил в заседание Комиссии, как её члена, каким я считался. Когда я вступил в зал, все члены Комиссии встали со своих мест и председатель обратился ко мне с речью, исполненной любезностей и похвал, говорил, что мои безпристрастные ученые труды, чуждые всяких национальных видов, высоко поставили мое имя у всех славянских народов и тем более у польского, которого я так часто касался в своих трудах. Его речь была произнесена по-польски... Впоследствии мне ставили в вину то, что я отвечал по-польски, а не по-русски; но я исполнял в то время не более как долг вежливости в отношении людей, так любезно меня принимавших, тем более, что и со стороны правительства в то время не было никаких распоряжений об исключительном употреблении русского языка в Западном крае...» [9, с. 141].

Праз год Я. Тышкевіч пакінуў Вільню і паясяліўся ў глухім мястэчку Біржы на поўначы Жмудзі. Там ён працаваў над кнігай-альбомам пра свой лагойскі радавод. У 1872 г. выйшла яго кніга «Археалогія на Літве», якая, па сутнасці, стала творчым завяршэннем той напружанай, амаль 40-гадовай працы даследчыка.

Такім чынам, у ЦНБ НАН Беларусі захоўваюцца два прыжыццёвыя выданні Яўстафія Тышкевіча. У першую чаргу гэта каштоўная кніга з аўтографам аўтара – «Opisanie Powiatu Borysowskiego...» (1847). Праца Я. Тышкевіча «Апісанне Барысаўскага павета» – адно з лепшых навуковых дасягненняў XIX ст. у даследаванні археалогіі Беларусі, быту і творчасці беларусаў.

У другім навуковым выданні – «Записки Виленской Археологической комиссии» (1856) – змешчана выступленне навукоўца ў якасці старшыні Археалагічнай камісіі падчас адкрыцця Віленскага музея («Речь, произнесенная председателем Археологической комиссии и попечителем Музеума древностей графом Е. П. ТЫШКЕВИЧЕМ, во время публичного акта открытия Музеума») [6, с. 22–25].

Яўстафій Тышкевіч быў прызнаным вучоным свайго часу. Сучаснікі абралі яго ганаровым членам Дацкага каралеўскага таварыства аматараў паўночных старажытнасцей, Стакгольмскай Каралеўскай акадэміі выяўленчага мастацтва і старажытнасцей, Лонданскага археалагічнага інстытута, ганаровым членам-карэспандэнтам Пецярбургскай Акадэміі навук.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Tyszkiewicziana: militaria, bibliogr., ryc., zbiory, rezydencye etc. / zebr. J. Tyszkiewicz. T. 1. – Poznan: Wojciech, 1903. – XLI, 94 s.: il.
2. *Каратынскі, В.* Творы / В. Каратынскі; уклад., прадм. і камент. У. Мархеля; маст. М. Купава. – Мінск: Маст. літ., 1981. – 174 с.
3. *Каханоўскі, Г. А.* Руплівец нашай старасветчыны: Яўстах Тышкевіч / Г. А. Каханоўскі, А. Г. Каханоўскі; навук. рэд. А. С. Ліс. – Мінск: Навука і тэхніка, 1991. – 63 с., [9] л. іл., партр. – (Нашы славетныя землякі).
4. *Акуліч, С.* Лагойск: гісторыка-эканамічны нарыс / С. Акуліч, Б. Сасноўскі. – Мінск: Беларусь, 1979. – 77, [1] с.
5. *Штыхаў, Г. В.* Узнікненне Лагойска: гісторыка-археалагічны нарыс / Г. В. Штыхаў; НАН Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск: Беларус. навука, 2015. – 104, [2] с.
6. Записки Виленской археологической комиссии. Pamiętniki komisji archeologicznej Wileńskiej. Część 1. – Wilno: Drukiem Józefa Zawadzkiego, 1856. – [60] s.
7. Opisanie Powiatu Borysowskiego pod względem statystycznym, geognostycznym, historycznym, gospodarczym, przemysłowo-handlowym i lekarskim: z dod wiadom.: o obyczajach, śpiewach, przysłowiach i ubiorach ludu, guslach, zabobonach i t.d. / Eustachy Tyszkiewicz. – Wilno: Druk. Marcinowskiego, 1847. – 489, IV s.
8. *Поболь, Л. Д.* Древности Белоруссии в музеях Польши / Л. Д. Поболь; АН БССР, Ин-т истории. – Минск: Наука и техника, 1979. – 208 с.
9. *Костомаров, Н. И.* Автобиография; Сцены; Исторические отрывки; Малорусская народная поэзия; Последняя работа Н. И. Костомарова / Н. И. Костомаров. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1890. – V, 521 с., 1 портр.

Дата паступлення: 23.09.2018.

Сыцько К. В.
Инстытут гісторыі НАН Беларусі, Мінск

Sytsko K.
Institute of History NAS of Belarus, Minsk

УДК 930.2:27

ГАСПАДАРЧЫЯ ДАКУМЕНТЫ РЫМСКА-КАТАЛІЦКІХ ПАРАФІЙ БЕЛАРУСІ КАНЦА XVIII – ПАЧАТКУ XX СТАГОДДЗЯ ЯК КРЫНІЦА ПА МІКРАГІСТОРЫІ

ECONOMIC DOCUMENTS OF THE ROMAN CATHOLIC PARISHES OF BELARUS OF THE LATE 18TH – EARLY 20TH CENTURY AS A SOURCE OF MICRONISTORY

Парафіяльныя ўстановы ў Беларусі напрыканцы XVIII – пачатку XX ст. вялі актыўную гаспадарчую дзейнасць, вынікам чаго стала назапашванне ў касцельных архівах вялікай колькасці матэрыялаў гаспадарчага характару – інвентароў, візітаў, прыходна-расходных кніг, гаспадарчых дамоў і актаў, чэкаў, квітанцый. У артыкуле на падставе матэрыялаў, выяўленых аўтарам у парафіях Рымска-каталіцкага касцёла, даследуюцца інфарматыўная вартасць памянёных дакументаў, адлюстроўваецца іх мікрагістарычны характар, адзначаецца, што яны могуць адлюстроўваць розныя аспекты функцыянавання – гаспадарчыя, сацыяльныя, сакраментальныя.

Ключавыя словы: крыніцазнаўства; рыма-каталіцызм; парафіі; гаспадарчыя дакументы; інвентары; візіты; дамовы; акты; фіскальныя дакументы.

Parish institutions in Belarus in the late 18th – early 20th centuries were active economic activities. The result was the appearance in the church archives of a large number of materials of an economic nature – inventory, visits, income-expenditure books, economic contracts and acts, checks, receipts. In this article, based on the materials that the author has revealed in the parishes of the Roman Catholic Church, a study of the information value of the above documents is being done. Their microhistorical character is characterized. It is argued that these historical sources can reflect various aspects of the cult's functioning – economic, social, sacramental.

Keywords: Source Studies; Roman Catholicism; the parish; economic documents; inventory; visits; contracts; statements; fiscal documents.

Рымска-каталіцкі касцёл у Беларусі напрыканцы XVIII – пачатку XX ст. з'яўляўся важным структурным элементам грамадства. Парафіяльныя ўстановы культуры вялі актыўную гаспадарчую дзейнасць, вынікам чаго стала стварэнне і назапашванне комплексаў гістарычных крыніц у кожнай з парафій. Частка дадзеных дакументаў на сённяшні момант захоўваецца ў дзяржаўных архіўных установах, частка – у касцельных дакументазборах, а таксама ў прыватных калекцыях. Гаспадарчыя дакументы ў цэлым грунтоўна даследаваны шэрагам айчынных гісторыкаў, сярод якіх В. Ф. Голубеў [1], Р. У. Зянюк [2], В. В. Урублеўскі [3], Д. В. Лісейчыкаў [4], В. У. Чапко [5] і інш. У працах названых гісторыкаў падымаліся пытанні інфармацыйнай вартасці інвентароў, візітаў, гаспадарчых кніг, захаваных у дзяржаўных архівах Беларусі і замежжа як крыніц па сацыяльнай, эканамічнай гісторыі і гісторыі штодзённасці. У сваю чаргу матэрыялы касцельных дакументазбораў амаль не даследаваны айчыннымі гісторыкамі, як вынік – да гэтага моманту не створана абагульняючай працы, якая б раскрывала ўсе асаблівасці гаспадарчых дакументаў у парафіяльным зрэзе. Аўтарам з 2015 г. шляхам правядзення археаграфічных экспеды-

цый удалося выявіць і апісаць каля 1000 адзінак захавання парафіяльных матэрыялаў рознага характару.

У дадзеным артыкуле аналізуецца комплекс гістарычных крыніц, выяўленых у касцёлах Беларусі і прысвечаных пытанням гаспадарчага характару парафіяльных устаноў у перыяд «Доўгага XIX стагоддзя». Сярод матэрыялаў, выяўленых аўтарам ў касцельных будынках, можна выдзеліць наступныя: інвентары, візіты, прыходна-расходныя кнігі, гаспадарчыя дамовы і акты, фіскальныя дакументы.

Парафіяльныя інвентары канца XVIII – пачатку XX ст. падзяляюцца на два віды паводле функцыянальнага прызначэння – інвентары бенефіцыі (ці фондушавай маёмасці) і інвентары перадачы парафіі. Варта адзначыць падабенства фармуляраў абодвух відаў памянёных дакументаў. Інвентары парафіяльных касцёлаў з'яўляюцца адной з найбольш інфарматыўных крыніц па мікрагісторыі. Асаблівасцю дакументаў, якія выяўлены ў парафіях, з'яўляецца тое, што ўсе адзінкі падшыты ў адмысловыя інвентарныя кнігі. Так, у Гродзенскай францішканскай парафіі захаваліся інвентары за кожныя 2–5 год за 1774–1920 гг., у Ішчальне – за 1772–1884 гг., у Пораза-

ва – 1784–1852 г. і г. д. Падобнае дае магчымасць аналізаваць інфармацыю па кожнай асобнай лакацыі ў храналагічным зрэзе.

У касцельных інвентарах адлюстроўваюцца два аспекты парафіяльнай мікрагістарычнай рэальнасці – гаспадарчы і сакраментальны. Гаспадарчы складнік заключаецца ў наяўнасці інфармацыі аб заснаванні касцёла, фундушых на яго карысць, падрабязным пераліку рухомай і нерухомай маёмасці. Дадзеныя звесткі дазваляюць аналізаваць такія мікрагістарычныя з’явы, як пабудова і ўтрыманне кожным парафіяльным касцёлам будынкаў, павелічэнне і памяншэнне колькасці зямлі і службовых прылад і г. д. Напрыклад, паводле інвентару Ішчальнскай парафіі, да касцельнай бенефіцыі ў XVIII ст. належала каля 9 валок зямлі. Пачынаючы з 1770-х гг. адбывалася паступовае змяншэнне колькасці надзелу – спачатку яго незаконна адбірала мясцовая шляхта, карыстаючыся немагчымасцю касцёла абараніць свае правы, затым у 1820 г. з інвентарных апісанняў знік маёнтак, канфіскаваны ўладай. Па стане на 1844 г., паводле інвентару бенефіцыі Ішчальнскай парафіі, касцёлу належала толькі 33 дзесяціны зямлі (1,51 валокі), а ў 1880 г. на карысць праваслаўнага прыхода канфіскавана яшчэ дзве дзесяціны [6, арк. 3].

Сакраментальны складнік інвентароў заключаецца ў апісанні абрадаў малебна і адлюстраванні звестак аб галоўных парафіяльных святах. Аналіз памянёных звестак дае магчымасць казаць аб некаторых разыходжаннях у абрадзе, а таксама ў адносінах да тых ці іншых дат касцельнага календара ў розных мясцовасцях. Напрыклад, у інвентарным апісанні 1867 г. Белагрудскай парафіі, складзеным кс. Валяр’янам Петухоўскім, змешчана інфармацыя аб тым, што ў парафіяльных вёсках вялікімі святамі з’яўляюцца Уваскрэшэнне Хрыстова, Успенне Святой Багародзіцы. Галоўнае мясцовае свята – дзень Св. Міхала Арханёла (у гонар якога названы касцёл). Кс. Петухоўскі адзначаў, што ў парафіі традыцыйна не праводзяць Адарацыю Святых Дароў [7, арк. 9]. У Валкалацкім касцёле, паводле інвентара 1901 г., складзенага кс. Мечыславам Танакоўскім, святкаваліся ўсе каталіцкія ўрачыстасці, а Адарацыя адбывалася ў першы дзень Богаяўлення, трэці дзень Пасхі, трэці дзень Яна Прадвесніка, чацвёрты дзень Марыі Магдалены; адбывалася асвяшчэнне храма ў першы дзень пасля свята Св. Марыі і пяты дзень пасля свята Вялікапакутніка Георгія [8, арк. 13–14]. У Паланэццы найбольш важнымі ўрачыстасцямі называліся дні Святога Пятра, Маці Божай, Цела Хрыстова [9, арк. 4].

Пачынаючы з сярэдзіны XIX ст. рэзка павялічваецца колькасць інвентароў перадачы парафіі ад аднаго пробашча іншаму, што дае магчымасць

аналізаваць частату змены ксяндзамі месцаў службы, а таксама адносіны паміж святарамі ўнутры культуры. Перадатачным інвентарам уласціва пазнака аб перадачы маёмасці, а таксама подпіс ксяндза, які яе прымаў, абавязковая прысутнасць дэкана пры перадачы і прылажэнне пячаткі дэканата. Дэканальная пячатка сведчыла аб законнасці пераходу маёмасці ад аднаго святара да іншага. Падобныя дзеянні былі абумоўлены тым, што цягам XIX – пачатку XX ст. нярэдка былі прысваенні парафіяльнай маёмасці святарамі, а таксама свавольныя заняцці парафій, у якіх не было пробашча. Напрыклад, у 1904 г. кс. Ян Юргевіч, якога пазбавілі пасады клецкага пробашча, спрабаваў вывезці сена, збожжа і азімыя, якія знаходзіліся ў амбары мясцовага касцёла [10, арк. 81]. Дзеючы пробашч кс. Віктар Герасімовіч на падставе інвентара перадачы маёмасці паскардзіўся дэкану. Справа была вырашана на карысць кс. Герасімовіча. У 1902 г. кс. Віктар Лятук, выязджаючы з парафіі Паланэчка ў Абольцы, вывез з сабой раяль, ахвяраваны ў 1898 г. на карысць паланэцкага касцёла памешчыкам Карлам Мацкевічам. У кансісторыю была складзена адпаведная скарга. У выніку аналізу інвентарных апісанняў было пастаноўлена раяль вярнуць [11, арк. 13–13 адв.]. У 1919 г. кс. Цынкевіч (ініцыялы невядомыя) падчас наступлення Чырвонай арміі без адпаведных дакументаў заняў пакінутую кс. Янам Марозам парафію ў м. Ражанка. Па вяртанні апошняга кс. Цынкевіч перадаць парафію назад адмовіўся. У выніку справа была вырашана пасля ўмяшальніцтва біскупа Юргіса Матулайціса на карысць кс. Мароза [12, арк. 6].

Тэматычна падобнымі да парафіяльных асобнікаў інвентароў з’яўляюцца візіты, якія часткова дубліруюць гаспадарчую інфармацыю з інвентарных апісанняў. Каштоўнасць візіты як крыніцы па мікрагісторыі заключаецца ў наяўнасці звестак аб дзеючых у парафіі святарах і служках з пазначэннем адукацыі і асноўных дат з жыцця, апісанні грашовых паступленняў і праведзеных рамонтных прац у касцёле. Дадзеныя звесткі дазваляюць аналізаваць геаграфічную мабільнасць святароў, іх гаспадарчую дзейнасць. Як паказвае аналіз памянёнай інфармацыі, рымска-каталіцкія святары напрыканцы XVIII – пачатку XX ст. амаль не пакідалі межаў біскупства, у духоўнай установе якога навучаліся, і за ўсю службу рэдка мянялі больш за тры парафіі. Напрыклад, кс. Марцін Аўгустыновіч, рукапаложаны ў 1826 г. у Вільна, атрымаў адукацыю ў Мінскай Епархіяльнай семінарыі, дзе пасля выкладаў харавыя спевы. Служыў вікарыем у Глыбокім (1826–1830), пробашчам у Азярцы (1830–1841), Валкалаце (1841–1868) [13, арк. 9]. Падобная сітуацыя назіраецца ў большасці прааналізаваных парафій.

У шэрагу візітаў у форме хронікі адлюстроўваюцца працы, якія здзяйсняліся над фундушавымі будынкамі цягам некалькіх год, што дае магчымасць аналізаваць гаспадарчую дзейнасць парафіяльнага святарства ў кароткі прамежак часу. Напрыклад, паводле візіты 1884 г. пробашч касцёла ў Паланэчцы Канстанцін Дзяконскі ў 1872 г. пабудаваў хлебны сарай, пакрыў саломай хлеў, у 1873 г. умацаваў дах касцёла чатырма сасновымі брусамі і набыў новы зvon, у 1876 г. пасадзіў у прыкасцельным садзе 120 новых фруктовых дрэў, у 1880 г. пакрыў дах званіцы гонтай і пафарбаваў яго ў чырвоны колер. Дадзеныя працы праводзіліся за асабісты кошт кс. Дзяконскага [14, арк. 6–6 адв.].

Каштоўнасць раздзела з апісаннем фундушавання за пэўны прамежак часу заключаецца таксама ў магчымасці аналізу растрат маёмасці і грашовых сродкаў святарамі і спагнанні з іх кампенсацыі за гэта. Напрыклад, кс. Шафкоўскі, які служыў у Белагрудскім касцёле да 1881 г., павінен быў перадаць новаму адміністратару шэсць кароў, двое цялят, дзве свінні, чатыры аўцы, тры індычкі, дзесяць курэй. Кс. Шафкоўскі, які перапрадаў памянёную маёмасць годам раней, прапанаваў узамен яе 96 рублёў, чаго аказалася недастаткова. У выніку загадам Віленскай кансісторыі на карысць парафіі Белаграда з названага святара было спагнана 222 рублі, што складала поўны кошт памянёных жывёл. Звесткі аб перадачы грашовых сродкаў часткамі былі занатаваны ў візіту касцёла ад 1884 г. [15, арк. 8].

З развіццём гаспадарчых адносін рымска-каталіцкія парафіі ў Беларусі пачынаюць масава ствараць разнастайныя дамовы і акты аб выкананні пэўных прац з парафіянамі, а таксама з рознымі ўстановамі. Дадзеныя гістарычныя крыніцы адлюстроўваюць адносіны паміж касцёламі і жыхарамі парафіяльных населеных пунктаў, дапамагаюць аналізаваць тыя віды дзейнасці, за якія ксёндз-пробашч мусіў сплочваць грошы, а таксама паказваюць аб'ёмы прац па ўпарадкаванні парафіі. Змест прааналізаваных дамоў дазваляе сцвярджаць, што найбольш папулярнымі працамі з'яўлялася выпяканне аплатак, рамонт будынкаў, роспіс касцёла фрэскамі і г. д. Напрыканцы XVIII ст. большая частка выяўленых дамоў паміж святарамі і мясцовымі жыхарамі мела характар абмена паслугамі. Напрыклад, у 1780–1820-я гг. дзейнічала дамова паміж Ішчальскім касцёламі і ўладальнікамі маёнтка Баруны аб тым, што пробашч мусіў адслужыць за жыхароў Баруноў адну імшу на тыдзень, у адказ на што атрымлівае права бясплатнага памолу зерня на барунскім млыне на дзень Св. Юрыя [6, арк. 4]. З другой паловы XIX ст., з развіццём гаспадарчых адносін, у парафіяльных архівах адклаў-

ся шэраг арэндных дамоў. Напрыклад, у 1899 г. ішчальскі кс. Франц Вайцахоўскі заключыў дамову з дваранамі Краснікавымі, паводле якой Краснікавы цягам года павінны былі ўгнаіць і засеяць фундушавую касцельную глебу пшаніцай і бульбай, даглядаць парафіяльны цяглы скот. За здачу ў арэнду зямлі кс. Вайцахоўскі атрымліваў палову ўраджаю [16, арк. 20–21]. Многія дамовы ўтрымліваюць звесткі аб набыцці і продажы нерухомай маёмасці. У іх прапісаны ўмовы, паводле якіх маёмасць набывалася. Напрыклад, кс. Браніслаў Сарасек, пробашч касцёла ў Росі, набыў пад знос дом з двума халоднымі пабудовамі, якія знаходзіліся на зямлі графа Патоцкага. Калі Патоцкія ў 1909 г. запатрабавалі знесці будынак, Віленская кансісторыя вынесла рашэнне аб тым, што згодна з дамовай пабудовы могуць заставацца на гэтай зямлі столькі, колькі Роскай парафіі будзе патрэбна [17, арк. 11].

Каштоўнай крыніцай, якая дазваляе аналізаваць прыналежнасць зямлі ў асобных парафіях, зямельна-гаспадарчыя адносіны паміж сялянамі і святарамі, з'яўляюцца акты абмену нерухомай маёмасцю. Дадзеныя матэрыялы пачалі з'яўляцца ў касцельным справаводстве пасля 1861 г. Напрыклад, у 1867 г. дзяржаўныя сяляне м. Валкалата прапанавалі мясцоваму ксяндзу Марціну Аўгусціновічу памяншаць зямельнымі надзеламі, прыстасаванымі пад гароды. У выніку абмену кс. Аўгусціновіч атрымаў зямлю, якая знаходзілася побач з парафіяльнай плябаніяй, а сяляне – кавалак, які ім было зручней апрацоўваць [18, арк. 25].

Выкананне апісаных вышэй аперацый, набыццё парафіямі тавараў пацвярджаецца шэрагам фіскальных дакументаў, якія захаваліся ў парафіяльных архівах. Сярод іх найбольш цікавымі з'яўляюцца прыходна-расходныя кнігі, чэкі і квітанцыі, кнігі рахункаў, касавыя кнігі, а таксама г. зв. «цагелкі» (cagielki) – чэкавыя кніжкі. Так, у Гожы захаваліся рахункі за 1822–1927 гг., у Свіслачы – рахункі за 1815–1832 гг., а ў Жырмунах – вялікая колькасць квіткаў на аплату паслуг і чэкаў за 1909–1937 гг. Дадзеныя крыніцы дазваляюць аналізаваць прыход і расход грашовых сум касцёламі, адлюстроўваюць асноўныя шляхі фінансавай падтрымкі дзейнасці культуры на пэўнай тэрыторыі. У шэрагу прыходных кніг змяшчаюцца звесткі аб аплаце паслуг пробашча па хрышчэнні і адпяванні. Як паказвае аналіз дадзеных кніг, у XIX ст. пробашчы маглі адпецць бедных бясплатна. Напрыклад, у Гожы ў 1823 г. памерла 18 чалавек, сем'і якіх не мелі сродкаў на адпяванне, як вынік – пробашч правёў сакрамент, не ўзяўшы за гэта грошай (пры гэтым парафія сплочвала падатак на паграбненні) [19, арк. 5–22]. Дакладных коштаў за паслугі пробашча не было – ўсё залежала ад жадання па-

рафіян аддзякаваць за сакрамент. Па стане на канец XIX – пачатак XX ст. падобная традыцыя пачынае знікаць, уводзяцца фіксаваныя кошты рытуалаў, што гаворыць аб паступовым успрыняцці Касцёла ў Расійскай імперыі не як сакральнай інстытуцыі, але як элемента сацыяльна-эканамічнай сістэмы дзяржавы.

Прыходна-расходныя кнігі дазваляюць аналізаваць такі аспект мікрагістарычнай рэальнасці, як грашовыя сумы, якія траціліся на ўтрыманне кожнага асобнага касцёла. Дадзеныя звесткі адлюстроўваюць рамонтныя працы ў культавых будынках, павелічэнне і памяншэнне колькасці служак. З дапамогай інфармацыі прыходна-расходных кніг магчыма выявіць перыяды, калі парафіяльны касцёл становіўся цэнтрам дэканата. Напрыклад, Валкалацкі парафіяльны касцёл, які знаходзіўся ў Надвілейскім дэканате, на некаторы час (1868–1870) стаў цэнтрам дадзенага дэканата, што вяло да павышэння яго ролі. Сведчаннем гэтага стала графа расходаў «на ўтрыманне канцылярыі надвілейскага дэканата» сумай у 20 рублёў штогадова, якая з’явілася ў гістарычнай крыніцы за 1863–1898 гг. Пры гэтым сума прыхода за пазначаны перыяд не павялічвалася. Як вынік, утрыманне канцылярыі было магчыма дзякуючы скарачэнню жалавання касцельным служкам і колькасці набытага воска і віна. Рамонт у названым культавым будынку ў дадзены прамежак часу праводзіўся ў 1888–1894 гг., аб чым сведчыць павялічаны расход па графе «на рамонт касцельных

пабудоў» (з 10–15 руб. у папярэднія гады – ад 70 да 113 руб.). Пачатак актыўных рамонтных прац звязаны з тым, што найбольш высокі прыбытак парафіяльны ўгоддзі прынеслі менавіта ў дадзены перыяд (70–110 руб., у папярэднія гады – ад 6 да 20 руб.), пасля чаго ў 1895–1898 гг. угоддзі прыносілі каля 15 руб. [20, арк. 1–24].

Такім чынам, комплекс гаспадарчых дакументаў, выяўленых у парафіяльных архівах Рымска-каталіцкага касцёла ў Беларусі, з’яўляецца каштоўнай крыніцай для даследавання мікраз’яў. Дадзеныя матэрыялы праліваюць святло на такія аспекты функцыянавання культу, як змяненне ў памерах зямельных угоддзяў кожнага асобнага касцёла; геаграфічная мабільнасць і адукаванасць парафіяльнага святарства; гаспадарчыя і будаўнічыя працы, якія здзяйсняў кожны асобны пробашч; прысваенне і растрата ксяндзамі маёмасці. Наяўнасць у парафіяльных архівах вялікай колькасці дамоў і актаў адлюстроўвае гаспадарчыя адносіны паміж парафіяй і мясцовымі жыхарамі. З дапамогай інвентароў становіцца магчымым аналізаваць таксама сакральны аспект – разыходжанні ў парадку набажэнстваў у межах беларускіх парафій, а таксама найбольш шанаваныя жыхарамі святы ў той ці іншай мясцовасці. Памянёныя звесткі даюць магчымасць падрабязнага аналізу гаспадарчага, сацыяльнага, эканамічнага жыцця невялікіх па памерах лакацый – Рымска-каталіцкіх парафій у перыяд «доўгага XIX стагоддзя».

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Голубеў, В. Ф. Сельская абшчына ў Беларусі XVI – XVIII стст. / В. Ф. Голубеў. – Мінск: Беларус. навука, 2008. – 407 с.
2. Зянюк, Р. У. Акты візітацый як крыніца па вывучэнні гісторыі і дзейнасці Рымска-каталіцкіх навучальных устаноў на беларускіх землях у канцы XVIII–XX стагоддзі / Р. У. Зянюк // *Архівы і Справаводства*. – 2010. – № 5. – С. 129–135.
3. Урублеўскі, В. В. Даследаванне інвентароў XVI–XVIII стст. у беларускай гістарыяграфіі і перспектывы іх разгляду с пазіцыі гісторыі штодзённасці / В. В. Урублеўскі // *Беларускі археаграфічны штогоднік*. – 2011. – Вып. 12. – С. 145–155.
4. Візіты ўніяцкіх цэркваў Мінскага і Навагрудскага сабораў 1680–1682 гг.: зб. дак. / склад. Д. В. Лісейчыкаў. – Мінск: І. П. Логвінаў, 2009. – 270 с.
5. Чепко, В. В. Инвентари и хозяйственные документы магнатских владений Белоруссии XVI–XVIII вв. и инвентари помещичьих владений первой половины XIX в. как исторический источник / В. В. Чепко, П. Г. Козловский // *Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы*. – Минск, 1964. – С. 24–42.
6. Цэнтральны навуковы архіў Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі (далей – ЦНА НАН Беларусі). – Ф. 3С. – Воп. 2. – Спр. 1.
7. ЦНА НАН Беларусі. – Ф. 3С. – Воп. 7. – Спр. 32.
8. ЦНА НАН Беларусі. – Ф. 3С. – Воп. 12. – Спр. 5.15.
9. ЦНА НАН Беларусі. – Ф. 3С. – Воп. 20. – Спр. 8.
10. ЦНА НАН Беларусі. – Ф. 3С. – Воп. 28. – Спр. 2.
11. ЦНА НАН Беларусі. – Ф. 3С. – Воп. 20. – Спр. 10.
12. Дзяржаўны гістарычны архіў Літвы. – Ф. 694. – Воп. 3. – Спр. 234.
13. ЦНА НАН Беларусі. – Ф. 3С. – Воп. 12. – Спр. 5.10.
14. ЦНА НАН Беларусі. – Ф. 3С. – Воп. 20. – Спр. 9.
15. ЦНА НАН Беларусі. – Ф. 3С. – Воп. 7. – Спр. 37.
16. ЦНА НАН Беларусі. – Ф. 3С. – Воп. 2. – Спр. 42.

17. ЦНА НАН Беларусі. – Ф. 3С. – Воп. 5. – Спр. 2.
18. ЦНА НАН Беларусі. – Ф. 3С. – Воп. 12. – Спр. 5.12.
19. ЦНА НАН Беларусі. – Ф. 3С. – Воп. 29. – Спр. 1.
20. ЦНА НАН Беларусі. – Ф. 3С. – Воп. 12. – Спр. 14.

Дата паступлення: 01.10.2018.

Моторова Н. С.

Белорусский государственный университет, Минск

Motorova N.

Belarusian State University, Minsk

УДК 94(476)«1861/1914»:930.253

МАТЕРИАЛЫ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА, ПОСВЯЩЕННЫЕ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ В 1861–1914 ГОДАХ

THE MATERIALS OF THE RUSSIAN STATE HISTORICAL ARCHIVE DESCRIBING STATE SOCIAL POLICY IN THE TERRITORY OF THE BELARUSIAN PROVINCES IN 1861–1914

Статья посвящена анализу материалов Российского государственного исторического архива, характеризующих содержание и основные направления реализации государственной социальной политики на территории белорусских губерний в 1861–1914 гг. Представлена подробная характеристика дел, содержащихся в фондах Хозяйственного и Медицинского департаментов, Главного управления по делам местного хозяйства и Управления главного врачебного инспектора, Земского отдела.

Ключевые слова: Российский государственный исторический архив; социальная политика; Министерство внутренних дел; департамент; управление; белорусские губернии.

The article is devoted to the analysis of the materials of the Russian State Historical Archive describing the content and main directions of the implementation of state social policy on the territory of the Belarussian provinces in 1861–1914. It is presented detailed description of files contained in the funds of the Economic and Medical Departments, the Main Directorate for Local Affairs and the Office of the Chief Medical Inspector, the Zemsky Department.

Keywords: Russian State Historical Archive; Social Policy; Ministry of Internal Affairs; department; directorate; Belorussian provinces.

После отмены крепостного права в 1861 г. во внутренней политике Российской империи начало оформляться новое направление – социальная политика. Ее основная задача заключалась в разрешении широкого спектра социальных проблем населения, которые возникали на фоне модернизационных процессов, охвативших все сферы жизни общества. В условиях разложения традиционных социальных структур и устойчивых связей между их элементами государство должно было предпринимать меры, чтобы обеспечить внутреннюю стабильность и не допустить радикальной пауперизации общества. В частности, требовалось организовать доступную населению медицинскую помощь, своевременно проводить противозидемические мероприятия, обеспечивать жителей продовольствием в случае неурожая, оказывать помощь пострадавшим от пожаров и различных стихийных бедствий, предотвра-

щать распространение нищенства, поддерживать сирот и престарелых и т. д.

Реализуемая правительством социальная политика обладала региональной спецификой. Это было обусловлено особенностями исторического, социально-экономического, общественно-политического развития того или иного региона Российской империи. Так, на территории белорусских губерний социальная политика проводилась в условиях ограничения прав отдельных этноконфессиональных групп – поляков, к которым зачастую причисляли белорусов-католиков, а также евреев. Это привело к деформации системы местного самоуправления, на которую государство возложило значительную часть обязанностей по решению социальных проблем на местах. В этой связи особый исследовательский интерес вызывают архивные источники, в которых отражены подходы высших и центральных

органов власти Российской империи к обеспечению правовых, финансовых и организационных условий для создания эффективной модели социальной политики, их понимание социальных проблем белорусских губерний и механизмов их решения.

Данные материалы представлены в нескольких фондах Российского государственного исторического архива. Основной массив документов сосредоточен в структурных подразделениях МВД, в ведении которых находились различные аспекты социально-экономического развития Российской империи в пореформенный период. Среди них ведущую роль играли Хозяйственный и Медицинский департаменты, Земский отдел, Главное управление по делам местного хозяйства, Управление главного врачебного инспектора.

В структуре МВД Хозяйственный департамент был создан в 1819 г. В его обязанности входило руководство городским хозяйством, организация продовольственного снабжения, усовершенствование земледелия и т. п. [1, с. 29]. Он состоял из нескольких отделений, количество которых увеличивалось по мере развития Департамента и усложнения текущего делопроизводства. Это предопределило разнообразие материалов, представленных в фонде Хозяйственного департамента (ф. 1287), который является одним из наиболее информативно насыщенных фондов Российского государственного исторического архива и содержит более 100 000 единиц хранения.

В данном фонде широко представлены материалы, позволяющие охарактеризовать основные направления и специфические особенности проведения государственной социальной политики на территории белорусских губерний в пореформенный период, оценить ее эффективность, содержатся дела, посвященные организации общественного призрения и медицинского обслуживания в регионе. Они включают в себя ежегодные отчеты о деятельности приказов и их финансовую документацию, донесения о беспорядках и материалы ревизий подведомственных приказам лечебных и благотворительных заведений. Кроме того, в фонде хранятся материалы об открытии городских попечительств о бедных и их уставы, правда, только по отдельным городам белорусских губерний – Минску и Вильно. Широко представлены дела об учреждении и упразднении лечебных и благотворительных заведений: больниц, аптек, богаделен, сиротских приютов и т. п. Интерес представляют материалы, в которых освещается организация помощи лицам с особенностями психофизического развития, в частности об открытии, деятельности и финансировании Окружной лечебницы для душевнобольных в Вильно, которая предназначалась для населения

белорусских губерний, о расширении психиатрических отделений при Виленском госпитале Святого Якова и Могилевской губернской больнице. В фонде также содержатся ходатайства об учреждении еврейских больниц в белорусских городах и местечках, их уставы, дела о введении должностей городских врачей в Минске, Гродно, Дриссе, Сураже, Городке и пр. Отдельную группу составляют дела, посвященные обеспечению народного продовольствия в белорусских губерниях на протяжении всего пореформенного периода и организации общественных работ в случае неурожая. В фонде Хозяйственного департамента находятся материалы о крупных пожарах в белорусских городах, о размерах и формах помощи пострадавшему населению, а также об улучшении пожарной части.

Для исследователя социальной политики научный интерес представляют дела о введении Городового и Земского положений, Положения об управлении земским хозяйством на территории западных губерний. В них содержатся не только проекты законов, но и сопроводительная документация различного характера. Она включает в себя подробные сведения по общественному призрению, народному продовольствию, здравоохранению в белорусских, украинских и литовских губерниях, указания на основные недостатки в их организации и рекомендации по их устранению. Кроме того, в этих материалах представлены ответы губернаторов и генерал-губернаторов на министерские запросы, материалы совещаний, проводимых МВД при участии представителей местной администрации и посвященных разрешению широкого спектра социально-экономических и административных вопросов. Эти данные позволяют более объективно оценить уровень развития социальной сферы в белорусских губерниях, выявить те социальные проблемы, на решение которых было направлено основное внимание правительственных учреждений.

В 1904 г. Хозяйственный департамент был упразднен. Взамен было создано Главное управление по делам местного хозяйства. Его структура была четко определена и включала в себя шесть отделов: земского хозяйства, городского хозяйства, народного здравия и общественного призрения, дорожный, народного здравия и общественного призрения [1, с. 60–61]. Объем его полномочий и функциональных обязанностей был таким же, как у Хозяйственного департамента. Материалы Главного управления по делам местного хозяйства представлены в фонде 1288, однако сам фонд сформирован из дел, которые выходят за рамки 1904–1917 гг. Например, в нем содержатся сметы и отчеты городов за 1899–1901 гг., материалы о преобразовании

сельско-врачебной части в неземских губерниях, начиная с 1869 г., и реорганизации призрения душевнобольных в Российской империи. Отдельную группу составляют дела, посвященные оказанию помощи пострадавшим от пожаров и выделению средств из страховых капиталов на организацию противопожарных мероприятий. В этом же фонде хранятся отчеты чиновника особых поручений И. О. Фесенко, который в 1899 г. посетил Витебскую и Гродненскую губернии для проверки организации пожарной части не только в городах и в сельской местности.

Что касается делопроизводственных материалов собственно Главного управления по делам местного хозяйства за 1904–1914 гг., то в их структуре представлены дела, отражающие различные аспекты социально-экономического развития белорусских губерний. Они включают в себя сведения о реформировании системы местного самоуправления, оказании продовольственной помощи населению, призрении душевнобольных в Витебской и Могилевской губерниях, организации медицинского обслуживания и общественного призрения в Гродненской и Виленской губерниях. В связи с подготовкой МВД съезда по общественному призрению, на котором первоначально планировалось обсудить вопросы организации помощи детям-сиротам [3, с. XII–XIII], Главное управление по делам местного хозяйства собрало материалы, посвященные призрению подкидышей в губерниях Российской империи, в том числе Минской, Могилевской, Витебской и Виленской.

Сведения, посвященные отдельным аспектам государственной социальной политики, представлены также в фондах Земского отдела (ф. 1291) и Медицинского департамента (ф. 1297).

Земский отдел был создан в 1861 г. в связи с отменой крепостного права. В его ведении находился широкий круг вопросов, связанных с земельным устройством и общественным управлением крестьян [1, с. 45]. В делопроизводственных материалах Земского отдела, которые составили фонд 1291, представлены дела, посвященные оказанию продовольственной помощи сельскому населению белорусских губерний. В этом же фонде хранятся представления минского и могилевского губернаторов по проекту Положения о мерах помощи населению в случае неурожая.

Медицинский департамент в структуре МВД был учрежден в 1819 г. В его функции входило управление гражданской медицинской частью, вопросы подготовки медицинских кадров, медицинской полиции и судебной медицины [1, с. 33]. Делопроизводственная документация Департамента, представленная в фонде 1297, содержит различные материалы, посвященные белорус-

ским губерниям. Они включают в себя дела об открытии стационарных и амбулаторных медицинских учреждений в Минске, Витебске и других городах, об установлении платы за лечение и прием больных, об учреждении санитарных комиссий и комитетов в Белостоке, Борисове, Бобруйске и пр., о выделении в распоряжение местных приказов общественного призрения или комитетов общественного здоровья средств из казны на проведение противоэпидемических мероприятий. В данном фонде также содержатся материалы о распространении остроинфекционных заболеваний (холеры, натуральной оспы и пр.) в белорусских губерниях и мерах борьбы с ними, ежегодные отчеты врачебных управ и врачебных отделений.

В ходе реформы МВД в 1904 г. Медицинский департамент был упразднен, а обязанности по управлению гражданской медицинской частью и организации противоэпидемических мероприятий были возложены на Главное управление врачебного инспектора [1, с. 61]. Его материалы составили фонд 1298 Российского государственного исторического архива. В нем содержатся медицинские отчеты по белорусским губерниям, дела об открытии аптек и различных медицинских учреждений, организации борьбы с эпидемиями и ее финансировании. Определенный интерес представляют материалы о преобразовании медицинских учреждений в губерниях, а также материалы Межведомственной комиссии по пересмотру врачебно-санитарного законодательства под председательством Г. Е. Рейна. Она была создана в 1912 г. в связи с необходимостью коренного реформирования существовавшей системы медицинского обслуживания в Российской империи [2, с. 211]. В материалах Межведомственной комиссии содержатся исторические обзоры и справки, статистические данные как в целом по империи, так и по отдельным губерниям, которые позволяют оценить эффективность государственной политики в сфере здравоохранения, выделить наиболее острые проблемы и выявить ключевые принципы, которыми руководствовались центральные правительственные учреждения при разработке проектов их решения. Кроме того, представленные данные позволяют охарактеризовать уровень и качество медицинского обслуживания населения на территории белорусских губерний по сравнению с другими регионами Российской империи.

Материалы фондов перечисленных департаментов и управлений МВД дополняются всеподданнейшими отчетами губернаторов о состоянии вверенных им губерний. Необходимо отметить, что часть представленных в них сведений публиковалась с 1870 г. в виде погубернских обзоров,

а сами отчеты не подлежали публикации. Они составлялись по определенному плану, но могли содержать личные соображения губернаторов по поводу тех или иных социальных, экономических и политических вопросов. Это обуславливает исследовательский интерес к данной категории источников, позволяет более детально проанализировать подходы местной администрации к решению социальных проблем. Всеподданнейшие отчеты о состоянии белорусских губерний хранятся в фондах Совета министра внутренних дел (ф. 1281), Канцелярии министра внутренних дел (ф. 1282), Департамента общих дел (ф. 1284). Данные материалы также находятся в фонде Комитета министров (ф. 1263), а после 1907 г. – в фонде Совета министров (ф. 1286).

Таким образом, основной массив материалов, посвященных реализации правительственной со-

циальной политике на территории белорусских губерний в 1861–1914 гг., представлен в фондах структурных подразделений МВД: Хозяйственного департамента (ф. 1287), Главного управления по делам местного хозяйства (ф. 1288), Медицинского департамента (ф. 1297), Управления главного врачебного инспектора (ф. 1298), Земского отдела (ф. 1291). В его состав входят разнообразные документы, посвященные организации общественного призрения, народного продовольствия, медицинского обслуживания и т. п. Они дополняются материалами всеподданнейших отчетов губернаторов, которые хранятся в фондах Совета министра внутренних дел (ф. 1281), Канцелярии министра внутренних дел (ф. 1282), Департамента общих дел (ф. 1284), а также Комитета министров (ф. 1263) и Совета министров (ф. 1286).

Список использованных источников

1. Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917: [в 4 т.]. – СПб.: Наука, 1998 – 2004. – Т. 2: Центральные государственные учреждения, 2001. – 260 с.
2. История здравоохранения дореволюционной России (конец XVI – начало XX в.) / М. В. Поддубный [и др.]; под ред. Р. У. Хабриева. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2014. – 248 с.
3. Труды съезда по общественному призрению, созванного Министерством внутренних дел 11–16 мая 1914 г.: [в 2 т.]. – Петроград: Тип. Безобразова и К^о, 1914. – Т. I: Доклады и журналы заседаний. – [8], XXXV, [3], 743, [3] с.

Дата поступления: 28.09.2018.

Мигун Д. А.

Республиканский институт высшей школы, Минск

Migun D. A.

National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 327(476:430)(091)(043.3)

СОВРЕМЕННЫЕ НЕМЕЦКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ О ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

MODERN GERMAN STUDIES AND PUBLICATION OF ARCHIVAL DOCUMENTS ON THE FIRST WORLD WAR IN EASTERN EUROPE

В статье исследуются публикации немецкоязычных авторов Германии и Австрии по проблематике Первой мировой войны. Кроме этого, автор дает характеристику и приводит анализ недавно оцифрованных и размещенных в свободный доступ немецких архивных источников.

Ключевые слова: Первая мировая война; Германия; Восточная Европа.

The article studies publications of German-speaking German and Austrian authors on the problems of the First World War. In addition, the author gives a description and provides a brief analysis of the recently digitized and freely available German archival sources.

Keywords: First World War; Germany; Eastern Europe.

Первая мировая война знаменует собой поворотный момент начала XX века: она разрушила все наивные надежды на прогресс и раскрыла раз-

рушительный потенциал индустриальной современности. Эта первая глобальная катастрофа XX века охватывала все области государства, обще-

ства, экономики и культуры и значительно сформировала ход недавней истории. Европейская карта была перекроена, правящие монархии в России, Австро-Венгрии и Германии были революционно свергнуты, социальные условия и культурные ориентации коренным образом изменились. Вступление США в войну в 1917 г. и российская революция вскоре вызвали системный кризис.

Первая мировая война, в центре которой была попытка Германии завоевать господство на европейском континенте, в конечном итоге привела к падению империи, которая не смогла справиться с тяготами тотальной войны, требующей всех социальных сил. Позади были и долгосрочные структурные причины. Внутри Германской империи уже давно было трудно сдержать эскалацию противоречий между высокой степенью современности и динамизмом ее социально-экономической базы, с одной стороны, и жестким и упорным защищенным социально-политическим доминированием традиционных элит – с другой. На этом фоне Рейх также выдвинул претензии на господство своей мировой политики, которая, несмотря на всю динамику модернизации, все больше опережала свою экономическую и социальную основу. Это становилось все более очевидным, особенно во время Первой мировой войны, и в конечном итоге привело к полной победе Антанты. Результатом стал военный и политический коллапс 1918 г., который завершился революционной заменой монархии парламентско-демократической республикой.

В 2012 г. Кристиан Вестерхофф издал исследование «Принудительный труд в Первой мировой войне: германская трудовая политика в оккупированной Польше и Литве 1914–1918 гг.» [1]. Следует отметить, что принудительный труд относится к самым темным главам немецкой истории. В прошлом немецкие исследователи практически не обращались к данной теме. В научных исследованиях и общественных дебатах принудительный труд, как правило, связан исключительно со Второй мировой войной. Но уже в 1914–1918 гг. немецкие власти стали часто прибегать к принуждению в вербовке и трудоустройстве иностранной рабочей силы. Автор впервые подробно рассматривает условия, формы и последствия принудительного труда и вербовки на оккупированных территориях Польши и Балтии во время Первой мировой войны. Он наглядно описывает, как, в частности, военно-управляемые области Прибалтики стали «лабораторией» принудительного труда и «тотальной войны». Всего в книге восемь частей. Так, в части 3 «Рынок труда, административная структура и экономическая политика на оккупированных территориях» он вначале рассматривает политику «общего прави-

тельства Варшавы», а потом анализирует «административную территорию» Главкомандующего Востока (Ober Ost).

В 2006 г. под общей редакцией немецкого историка и руководителя исследовательского отдела «военная история до 1945 года» в Центре военной истории и социальных наук германского бундесвера Герхарда Пауля Гросса была издана книга «Забытый фронт – Восток 1914/15: событие, влияние, последствия/от имени Управления военной истории» [2]. В предисловии отмечается, что, как правило, все исследования в предшествующие времена были посвящены событиям на Западном фронте с символическими местами, такими как Верден, Фландрия и Сомма. Военно-историческое исследовательское бюро в Потсдаме использовало 90-летие начала войны как возможность обратиться к первым двум годам войны на Востоке, которая до сих пор практически не изучалась в исследованиях.

В данном коллективном исследовании рассматриваются три большие проблемы:

- боевые действия на Восточном фронте в первые два года войны;
- опытная военная реальность и обработка опыта войны на фронте и на родине (в Германии);
- представление реалий и опыта войны в музеях, мемориалах и современных средствах массовой информации.

Также в предисловии отмечается, что ментальные и культурно-исторические подходы рискуют потерять из виду реальность войны с военными событиями без адекватного рассмотрения обстановки, в которой все проходило.

В 2018 г. в преддверие 100-летия окончания Первой мировой войны Герхард Пауль Гросс издал исследование «Конец Первой мировой войны и легенда об ударе ножом в спину» [3], которое вышло в серии «Войны современности» под эгидой Центра военной истории и социальных наук бундесвера и представляет самые важные военные конфликты XIX и XX вв. по последним научным данным и объясняет их исторические причины и политические последствия.

До 1918 г. солдаты, а также население Германской империи все еще были уверены, что их победа в Первой мировой войне неизбежна. Но с битвой при Амьене все повернулось не так. Автор указывает на то, что в последнее время на стороне союзников были использованы многочисленные танки. Германия должна была сдать осенью 1918 г. из-за начавшейся в тылу ноябрьской революции. Военное поражение впоследствии было приписано политическим волнениям в стране или так называемому «удару в спину». Герхард Пауль Гросс пытается объяснить в своем исследовании, почему это миф и какие обстоя-

тельства действительно привели к катастрофе империи.

Также необходимо отметить некоторые публикации Института по изучению последствий войн имени Людвиг Бальцмана в австрийском г. Грассе. Так, в 2013 г. Бернхард Башингер и Вольфрам Дорник издали сборник работ «За окопами: Первая мировая война на Востоке: опыт – восприятие – контекст» [4]. По мнению В. Дорника, «...Восточный фронт был фронтом без войны». В основном это было связано с отсутствием общего повествования. Интенсивные боевые фазы чередовались с очень длинными, сравнительно спокойными фазами. Австро-венгерские солдаты были не только здесь для борьбы, они часто принимали на себя роль опекунов над оккупированными территориями. Для солдат была поставлена задача не только грамотно управлять и расширять инфраструктуру, но и ускорить эксплуатацию оккупированных территорий как можно быстрее и эффективнее» [4, с. 11].

Немецкие солдаты независимо от того, находились ли они на своей территории или на чужой территории на Востоке, часто воспринимали себя «носителями культуры». В память о Восточном фронте его часто воспринимали как «мирный фронт» из-за его деятельности по сохранению, особенно тех солдат, которые прибыли с Запада [4, с. 12].

В 2017 г. Бернхард Башингер в соавторстве с шестью исследователями издали сборник работ «Память и конец (нет конца)?»: Память Великой Мировой войны 1914/2014: дебаты, подходы, перспективы» [5]. В нем авторы пытаются разобраться в соответствии с новыми подходами и теориями в хитросплетениях мировой политики XX в.

В 2009 г. Герхард Хиршфельд с помощью многочисленных известных ученых из 15 стран издал «Энциклопедию Первой мировой войны» [6]. Эта большая стандартная работа об одной из сильнейших «катастроф 20-го века» является на данный момент очень авторитетным, обновленным и расширенным учебным изданием. В ней предлагаются обзоры и более 650 лексических статей о людях, событиях, странах, учреждениях и условиях. Ряд недавно добавленных статей написаны известными специалистами специально для этой проблемы, соответствуют последним событиям в Первой мировой войне.

Работа имеет очень интересную структуру. Так, в первой части авторы излагают события, связанные с такими странами, как Германия, Франция, Бельгия, Великобритания, Австро-Венгрия, Россия, Италия и США. В следующей части «Общество в войне» затрагиваются такие темы, как: женщины, дети и молодежь, рабочие,

солдаты, ученые, военная литература, религия, пропаганда, медицина, военная экономика.

В 2017 г. британско-германский историк Роберт Гервард издал монографию «Побежденные: кровавое наследие Первой мировой войны» [7]. Автор в своей работе говорит о «войне после войны» и задается вопросом: «Почему конец Первой мировой войны не принес мир в Европу?» [7, с. 9]. Далее он отмечает, что перемирие 11 ноября 1918 г. закончилось смертью на полях сражений Первой мировой войны, но во многих частях Европы с этой датой мир так и не наступил. Прежде всего, проигравшие войну погрузились в спираль насилия. В своей интересной и захватывающей книге Роберт Гервард подчеркивает масштабы войн и конфликтов после окончания Первой мировой войны и показывает, почему судьба побежденных является ключом к пониманию XX века.

Сегодня уже никто не станет оспаривать тот факт, что жестокость Первой мировой войны прочно укоренилась в коллективной памяти Европы. Тем не менее, это привело к многочисленным (гражданским) войнам, изгнаниям, погромам и жестоким столкновениям после окончания Первой мировой войны на большей части континента. От России, Украины и государств Восточной Европы до Германии и Австрии на Балканах и на Ближнем Востоке наследие разрушенных империй было уничтожено в результате наступивших новых порядков. Бесконечные боевые действия межвоенного периода, как показывает Роберт Гервард в своем всестороннем исследовании, не только стоили миллионов жизней, но и оставили у выживших взрывоопасное наследие: слабые государства, травмированные и ненавистные народы, а также политики и военных, только и ждавших подходящего времени, чтобы отомстить.

В 2013 г. немецкий исследователь Ханс-Кристоф Краус издал монографию «Версаль и последствия: внешняя политика между ревизионизмом и пониманием 1919–1933 гг.» [8]. Вообще Версальский мирный договор разделил страны, участвовавшие в Первой мировой войне. С одной стороны, те, кто, несмотря на все страдания и все потери, смог победить, а с другой – проигравшие, особенно немцы, которые в документе являются единственными виновниками развязывания Первой мировой войны.

Ханс-Кристоф Краус отмечает, что исключение из переговоров, разоружение, территориальная капитуляция и огромные бедствия послевоенных лет вызвали в молодой Веймарской республике атмосферу горечи, депрессии и гнева, в которых нашел свое «осиное гнездо» фашистский экстремизм [8, с. 7]. На внешне-

политическом фронте Германия бесполезно боролась, чтобы облегчить бремя репараций и преодолеть изоляцию. Ханс-Кристоф Краус описывает внешнюю политику Германии в тени Версальского мира как кропотливый путь между ревизионизмом и пониманием, который внезапно закончился в 1933 г. с приходом к власти Гитлера.

В преддверии 100-летия начала Первой мировой войны на сайте университетской электронной библиотеки г. Гейдельберга (ФРГ) были выложены в свободный доступ 177 оцифрованных номеров «Газеты 10-й немецкой армии» [9]. Данная газета выходила в оккупированном немецкими войсками г. Вильно в период с 9 декабря 1915 г. по 7 декабря 1916 г. Так как она выходила на немецком языке, то понятно, что основными ее читателями были немецкие военнослужащие. Но, конечно же, ее могли читать и гражданские лица. Для современного немецкого и отечественного исследователя данный источник представляет невообразимую ценность.

Передовица в первом номере газеты была озаглавлена «Что мы хотим?». От имени редакции там говорилось, что данное издание было создано в стенах города Вильно. Оно даст солдатам радость, обучение и наставление [10]. Внимательное изучение материала, напечатанного на страницах данного издания, показывает, что оно

служило мощным пропагандистским средством на Восточном фронте.

В каждом номере газеты приводятся подробные новости с Германии, Австрии, военных фронтов, анализируются местные события, дается расписание богослужений, содержатся наблюдения за погодой. Любопытно, что на последней странице встречаются стихи, шарady, загадки для солдат. Иногда проскальзывают сообщения о театральные постановки в местном немецком городском театре.

В № 3 и № 4 от 14 и 16 декабря описывается посещение кайзером Вильгельмом II Вильно [11]. В статье от 14 декабря говорится о параде, посещении госпиталя и награждениях отличившихся. Далее в статье от 16 декабря очень подробно описываются посещение кайзером небольшой немецкой церкви и торжественное богослужение по этому случаю.

Любопытно, что в № 6 и 7 от 20 и 22 декабря 1915 г. была помещена статья некоего Макса Риттмейера «Кое что об исламе» [12]. Как говорится в начале статьи, это было вызвано необходимостью ознакомления военнослужащих 10-й немецкой армии с особенностями ислама на территории Османской империи – союзника Германии (брата по оружию) в Первой мировой войне. В статье очень подробно рассказывается о пророке Мухаммеде, об обычаях и обрядах ислама.

Список использованных источников

1. *Westerhoff, C.* Zwangsarbeit im Ersten Weltkrieg: deutsche Arbeitskräftepolitik im besetzten Polen und Litauen 1914–1918 / C. Westerhoff. – Paderborn; München; Wien; Zürich: Ferdinand Schöningh Verlag, 2012. – 377 S.
2. *Groß, Gerhard P.* Die vergessene Front – der Osten 1914/15: Ereignis, Wirkung, Nachwirkung / im Auftrag des Militärgeschichtlichen Forschungsamtes / Gerhard P. Groß. – Paderborn; München; Wien; Zürich: Ferdinand Schöningh Verlag, 2006. – 414 S.
3. *Groß, Gerhard P.* Das Ende des Ersten Weltkriegs und die Dolchstoßlegende / Gerhard P. Groß. – Ditzingen: Philipp Reclam Jun. GmbH & Co Verlag, 2018. – 156 S.
4. *Bachinger, B.* Jenseits des Schützengrabens: der Erste Weltkrieg im Osten: Erfahrung – Wahrnehmung – Kontext / B. Bachinger. – Innsbruck; Wien; Bozen: Studien Verlag, 2013. – 471 S.
5. *Bachinger, B.* Gedenken und (k)ein Ende?: das Weltkriegs-Gedenken 1914/2014: Debatten, Zugänge, Ausblicke / B. Bachinger. – Wien: Österreichischen Akademie der Wissenschaften Verlag, 2017. – 251 S.
6. *Hirschfeld, G.* Enzyklopädie Erster Weltkrieg / G. Hirschfeld. – Paderborn; München; Wien; Zürich: Ferdinand Schöningh Verlag, 2009. – 1058 S.
7. *Gerwarth, R.* Die Besiegten: das blutige Erbe des Ersten Weltkriegs / R. Gerwarth. – München: Siedler Verlag, 2017. – 478 S.
8. *Kraus, Hans C.* Versailles und die Folgen: Außenpolitik zwischen Revisionismus und Verständigung 1919–1933 / Hans C. Kraus. – Düsseldorf: Zentralen für politische Bildung Verlag, 2013. – 198 S.
9. Zeitung der 10. Armee [Электронный ресурс] / Universitätsbibliothek Heidelberg. – Режим доступа: <https://digi.ub.uni-heidelberg.de/diglit/feldztg10armee1915bis1916/1583/image>. – Дата доступа: 21.09.2018.
10. Was wir wollen? // Zeitung der 10. Armee. – 1915. – 9 Dez. – S.1.
11. Der Kaiser in Wilna // Zeitung der 10. Armee. – 1915. – 14. 16 Dez. – S.1.
12. Etwas über den Islam // Zeitung der 10. Armee. – 1915. – 20. 22 Dez. – S.1.

Дата поступления: 01.10.2018.

РАЗДЕЛ 2. ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИНСТИТУТЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В РЕАЛИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Гушчынскі І. Г.

Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя М. Танка, Мінск

Hushchynski I.

Belarusian State Pedagogical University named after M. Tank, Minsk

УДК [94(476):33]:34“18”

ЭКСДЫВІЗАРСКІЯ СУДЫ Ў ЭКАНАМІЧНЫМ ЖЫЦЦІ БЕЛАРУСІ Ў ПЕРШАЙ ТРЭЦІ ХІХ СТАГОДДЗЯ

EXDYWIZOR COURTS IN ECONOMIC LIFE OF BELARUS IN THE 1ST THIRD OF 19TH CENTURY

Пасля далучэння тэрыторыі былога ВКЛ да Расійскай імперыі ў канцы XVIII ст. тут былі захаваны папярэднія мясцовыя нормы грамадзянскага судаводства. Адною са спецыфічных рыс, якія адрознівалі мясцовы грамадзянскі судовы працэс ад расійскага, была наяўнасць так званых эксдывізарскіх судаў. Ім былі падсудны справы аб неплацежаздольных даўжніках, калі крэдытораў было некалькі. Спецыфіка эксдывізарскіх судаў заключалася ў тым, што замест продажу з таргоў яны дзялілі і перадавалі крэдыторам часткамі непасрэдна саму маёмасць даўжніка.

Ключавыя словы: грамадзянскае судаводства; эксдывізарскі суд; Статут ВКЛ 1588; прававы звычай.

After the annexation of the territory of the former Grand Duchy of Lithuania to the Russian Empire at the end of the XVIII century here were preserved previous local rules of civil proceedings. One of the specific features that distinguished the local judicial system from the Russian was the existence of so-called exdywizor courts. They considered cases of insolvent debtors if there were several lenders. Specificity exdywizor courts lay in division debtor's property and directly passing its parts to creditors instead of selling at auction.

Keywords: civil proceedings; eksdyvizarski Court; Statute GDL 1588; legal practice.

Пасля далучэння тэрыторыі Беларусі да Расійскай імперыі ў канцы XVIII ст. тут былі захаваны мясцовыя нормы грамадзянскага судаводства, якія грунтаваліся на Статуце ВКЛ 1588 г. і пастановах Сейма Рэчы Паспалітай. Адною са спецыфічных рыс, якія адрознівалі мясцовы грамадзянскі судовы працэс ад расійскага, была наяўнасць так званых эксдывізарскіх судаў. Яны разглядалі справы аб спагнанні даўгоў з неплацежаздольных даўжнікоў, калі крэдытораў было некалькі. Прычым, у адрозненне ад расійскіх законаў таго часу, непасрэдна дзялілася і перадавалася крэдыторам нерухомасць даўжніка (замест продажу ўласнасці з таргоў і размеркавання вырочаных сродкаў паміж пазыкадаўцамі).

Тэрмін «эксдывізія» паходзіць ад лацінскіх словаў «ex» («з») і «divisio» («дзяленне», «падзел»). У Статутах ВКЛ ён не сустракаецца, як не прадугледжаны ў іх увогуле падзел маёмасці даўжніка, калі крэдытораў было некалькі. Практыка эксдывізіі (падзелу маёмасці даўжніка паміж усімі пазыкадаўцамі прапарцыянальна іх

долям у агульнай суме доўгу) стала ўкараняцца прыкладна з сярэдзіны XVII ст. Для гэтага па рашэнні суда (Трыбунала ВКЛ, земскага ці гродскага судаў) альбо ў некаторых выпадках караля для кожнай канкрэтнай справы ствараліся адмысловыя суды. За імі з цягам часу замацаваліся назвы эксдывізарскіх, таксатарска-эксдывізарскіх, эксдывізарска-таксатарскіх, падкаморска-эксдывізарскіх, дзельчых конкурсных. Такім чынам, эксдывізарскі суд як юрыдычны інстытут не быў уведзены пэўным заканадаўчым актам, а ўзнік і функцыянаваў у форме прававога звычаю. У XVIII ст. некаторыя правілы дзейнасці гэтых судаў былі вызначаны сеймавымі канстытуцыямі Рэчы Паспалітай, а ў першай трэці XIX ст. – заканадаўчымі актамі Расійскай імперыі. Аднак заканадаўча рэгламентаванымі заставаліся далёка не ўсе аспекты функцыянавання эксдывізарскіх судаў. Нейкага цэльнага законапалажэння аб эксдывізіях не існавала. Эксдывізарскі судовы працэс вызначаўся галоўным чынам не пісаным правам, а традыцыяй, якая склалася на практыцы.

Эксдывізарскія суды не былі пастаянна дзейнымі ўстановамі, а ствараліся для канкрэтнай справы па рашэнні іншых судоў (галоўных, павятовых, гродскіх, магістратаў). Разгляд справы, як правіла, адбываўся ў маентку даўжніка. У склад эксдывізарскага суда ўваходзілі ўласна суддзі (эксдывізары), сакратары (рэгенты) для вядзення запісаў і землямеры (каморнікі) для складання плана маентка. Іх колькасць у залежнасці ад сумы прэтэнзій крэдытараў і памераў маёмасці, якую трэба было падзяліць, магла вар'іравацца [1, с. 219]. Звычайна было 3 эксдывізары, 1 рэгент і некалькі каморнікаў. Аплачваць працу ўдзельнікаў эксдывізарскага суда павінны былі пазыкадаўцы. Закон дакладна не вызначаў адпаведныя сумы. Эксдывізарам было прынята плаціць узнагароду («саярыю») у памеры 1–2 % ад кошту падзеленай паміж крэдытарамі маёмасці на ўсё камплект суддзяў. Рэгенты з памагатымі па вядзенні запісаў і афармленні папер атрымлівалі 0,5–0,7 % [1, с. 222; 2, с. 224; 3, с. 347; 4, с. 215; 5, арк. 53]. Памер аплаты паслуг каморнікаў мог залежаць як ад сумы прэтэнзій крэдытараў (0,5–0,7%) [2, с. 224; 3, с. 347; 4, с. 215], так і ад непасрэднага аб'ёму працы [6, арк. 52]. Па мерках таго часу заробкі членаў эксдывізарскага суда, асабліва эксдывізараў, былі вельмі вялікімі. Напрыклад, за вырашэнне справы аб падзеле маёмасці генерала Францішка Ксаверыя Несялоўскага (сына былога наваградскага ваяводы Юзэфа Несялоўскага) паміж яго пазыкадаўцамі кожны з эксдывізараў павінен быў атрымаць больш 20 тыс. злотых (3-х тыс. руб. срэбрам) [2, с. 225]. Для параўнання: у 1819 г. гадавы аклад мінскага губернатара (жалаванне разам са сталовымі) складаў 2340 срэбраных руб. [7, с. 196; 8]. Падчас судовага працэсу, які нярэдка зацягваўся на гады, суд утрымліваўся за кошт даходаў маентка, які падлягаў падзелу [9, с. 11].

Характэрнай і адной з найважнейшых з'яў эканамічнага жыцця на тэрыторыі Беларусі ў першай трэці XIX ст. было абцяжарванне памешчыцкіх гаспадарак даўгамі і, як вынік гэтага, іх падзел паміж крэдытарамі. Яскравым індикатарам эканамічнага крызісу, перш за ўсё ў сферы сельскай гаспадаркі, стаў рэзкі рост у пачатку XIX ст. колькасці эксдывізарскіх судовых спраў аб падзеле маенткаў за даўгі. У публіцыстыцы і літаратурных творах сучаснікаў эксдывізарскія суды і эксдывізіі нярэдка выступалі ў якасці своеасаблівага сімвала разлажэння традыцыйных гаспадарчых практык беларуска-літоўскай маенткавай шляхты, а таксама ўвогуле яе саслоўных стэрэатыпаў, эканамічнай, прававой і побытавай культуры.

Да пачатку XIX ст. эксдывізарскія суды былі дастаткова рэдкімі з'явамі. Аднак затым іх колькасць стала ўзрастаць. А ў другім дзесяцігоддзі

XIX ст. яны сталі масавымі. Так, калі ў 1797 г. у газеце «Kuryer Litewski» былі надрукаваны абвесткі толькі аб двух эксдывізіях (інфармаванне аб гэтым усіх зацікаўленых бакоў праз мясцовую газету было абавязковым), то ў 1800 г. – 7-мі, у 1804 г. – 8-мі, у 1811 г. – ужо 53-х. І ў наступным, аж да канца 1830-х гг., іх колькасць была вялікай (не менш за некалькі дзясяткаў у год). Письменнік Станіслаў Мараўскі ў сваіх успамінах пісаў аб своеасаблівым «духу літоўскім эксдывізііным», які пранізваў жыццё краю [10, с. 394].

Натуральна, маштабы росту колькасці эксдывізіі і дзейнасць эксдывізарскіх судоў прыцягвалі ўвагу сучаснікаў. Напрыклад, грамадскі дзеяч і былы суддзя Віленскага галоўнага суда Уладзімір Гадон у 1816 г. называў эксдывізіі «заразай», аб прадухіленні і выкараненні якой «павінен думаць кожны грамадзянін» [11, с. 506]. А вядомы палітычны і грамадскі дзеяч таго часу Ксаверый Друцкі-Любецкі характарызаваў іх як «адно з егіпецкіх бедстваў, якое робіць падкоп пад будынак гаспадарчага быту роднай Літвы» [12, с. 371]. Вялізная колькасць эксдывізіі шляхецкіх маенткаў прыцягнула ўвагу і цэнтральнай улады. У сакавіку 1816 г. Сенат прадпісаў грамадзянскім дэпартаментам галоўных судоў даць тлумачэнні па розных аспектах дадзенай праблемы, а таксама прапанаваць шляхі яе вырашэння. Адпаведныя матэрыялы прэзідэнта 2-га (грамадзянскага) дэпартаменту Мінскага галоўнага суда Яна Ходзькі былі апублікаваны ў часопісе «Віленскі дзённік» [4, с. 194–195]. Гэтая публікацыя дала штуршок яшчэ цэлай серыі артыкулаў па дадзенай тэме. Прадметам дыскусій у іх былі як эксдывізарскія суды, так і ўвогуле праблема недасканаласці заканадаўства ў краі.

У прыватнасці, былі выказаны меркаванні адносна прычын росту колькасці эксдывізарскіх судоў. Я. Ходзька тлумачыў гэта наступным чынам. У самым пачатку XIX ст. ва ўмовах вельмі добрай кан'юнктуры для сельскагаспадарчай вытворчасці (высокія попыт і кошты на прадукцыю) рэзка выраслі даходы землеўласнікаў. Аднак вялікія прыбыткі правакавалі ў значнай часткі шляхты, з аднаго боку, імкненне набыць яшчэ больш зямельнай уласнасці, а з іншага – схільнасць да пакупкі дарагіх рэчаў і ўвогуле да раскошы. У такой сітуацыі пашырылася практыка ўзяцця крэдытаў. Але неўзабаве кошты на збожжа знізіліся, а ў 1812 г. моцны ўдар па гаспадарках нанесла вайна. У выніку даўжнікі не маглі расплаціцца з крэдытарамі. У такіх абставінах яны спышаліся праз эксдывізію пагасіць свае пазыкі, бо з-за працэнтаў сумы даўгоў штогод толькі раслі [4, с. 209–211]. У. Гадон завастраў увагу на праблеме недасканаласці дзейснага ў краі залоговага права, якое грунтавалася на Статуце ВКЛ 1588 г. Па яго

словах, пры заключэнні здзелак як давернікі, так і даўжнікі мусілі дзейнічаць быццам з завязанымі вачыма. Першыя не ведалі кошту маёмасці, якой даўжнік мог гарантаваць зварот пазыкі. Другія – да якой ступені можна ўлазіць у даўгі, каб мець магчымасць расплаціцца. Асабліва гэта датычылася многіх маладых шляхціцаў, якія, атрымаўшы маёнткі па спадчыне, адчувалі сабе сапраўднымі багачамі і вялі адпаведны лад жыцця, хаця насамрэч іх маёмасць была пакрыта яшчэ бацькоўскімі даўгамі. Выхад з такой сітуацыі У. Гадон бачыў ва ўкараненні ў краі правілаў аб іпатэцы па прыкладу Прусіі. Гэта значыць павінны былі весціся спецыяльныя іпатэчныя кнігі, у якіх бы адлюстроўвалася ацэнка заложанай маёмасці і фіксаваліся усе даўгі, якія на ёй ляжалі [11, с. 508–509].

Увогуле, большасць тых, хто пакінуў свае меркаванні адносна эксдывізарскіх судаў, выказваліся аб іх у негатывным тоне. Прычым гэта датычылася як непасрэднай дзейнасці гэтых судаў, так і ў цэлым дадзенага прававога інстытута.

Значнай крытыцы падвяргалася праца суддзяў (эксдывізараў). Генерал Юзэф Ваўжэцкі (брат больш вядомага палітычнага і вайсковага дзеяча Тамаша Ваўжэцкага) называў эксдывізарскія суды «справядліва і ўсюды ненавіснымі». Адну з галоўных прычын гэтага ён бачыў у прадуртасці суддзяў, якая, у сваю чаргу, была вынікам прызначэння іх па прынцыпах сваяцкіх сувязяў, сяброўства і г. д. [13, с. 56]. Як ужо гаварылася, падчас судовага працэсу члены суда жылі ў маёнтку, які дзялілі, і ўтрымліваліся за яго кошт. Яны маглі прывозіць сюды сваіх жонак, дзяцей, псарню, коней і слуг, бавіць час паляваннем, гульнёй у карты, свецкімі прыёмам і з выпіўкай і танцамі. Мяркуючы па тым, што гэта апісваецца ў розных крыніцах, такія выпадкі былі дастаткова распаўсюджанымі [2, с. 225; 10, с. 194; 14, с. 23; 15, с. 181]. У той жа час тэрміны судовага працэсу не былі рэгламентаваны. Натуральна, гэта не давала суддзям жадання больш напружана працаваць для найхутчэйшага вырашэння справы. Выдаткі на ўтрыманне суда дадаткова абцяжарвалі гаспадарку і часам прыводзілі да канчатковага заняпаду. А суддзі пасля заканчэння судовага працэсу яшчэ бралі з крэдытараў вялікі ганарар (саярыю) і, як пісаў С. Мараўскі, «з багатай здабычай, як татары, як запарожцы да сечы сваёй, вярталіся» дадому, а сучаснікам пакідалі ні з чым [10, с. 194]. З даволі рэзкай крытыкай эксдывізарскіх судаў выступала таксама віленская газета «Wiadomości Brukowe» – друкаваны орган таварыства шубраўцаў, якое аб'ядноўвала мясцовую шляхецка-ліберальную грамадскасць. У шэрагу артыкулаў сатырычнага характару эксдывізарскія суды абвінавачваліся ў прадуртас-

ці, злоўжываннях і хабарніцтве [16, с. 71–72; 17, с. 67–68; 18, с. 159–160].

Акрамя выпадкаў нядобрасумленнасці членаў суда, г. зн. чалавечага фактару, прычынай крытыкі эксдывізарскіх судаў былі непасрэдна самі нормы судаводства. Так, «родавай хваробай» эксдывізарскіх судаў была фактычна немагчымасць справядлівага падзелу ўладанняў даўжніка без нанясення шкоды гаспадарцы. У любым маёнтку былі землі, рознага гатунку адносна іх ўрадлівасці, а таксама ўвогуле пяскі, лес ці балоты. Размеркаваць іх раўнамерна паміж крэдытарамі і пры гэтым пазбегнуць церзпалосіцы было задачай практычна невырашальнай. Дадзеная праблема ўзмацнялася тым, што для суддзяў адсутнічалі вызначаныя крытэрыі ацэнкі кошту ўладанняў. Таму таксама не магла не насіць суб'ектыўны характар [3, с. 352–353]. А значыць, непазбежнымі становіліся прэтэнзіі да аб'ектыўнасці і бесстароннасці суда. Як вынік – бясконцыя апеляцыі, якія зацягвалі справы на доўгія гады. Прывядзем наступны прыклад. Нейкая жанчына па імені Аграфена Рэпіна ў 1820 г. па рашэнні эксдывізарскага суда атрымала частку маёмасці яе даўжнікоў братаў Івана і Франца Беліковічаў – засценак Гурба (у Барысаўскім павеце). Аднак Аграфена засталася гэтым рашэннем незадаволеная і звярнулася ў Мінскі галоўны суд з апеляцыяй. Па яе словах, дадзеная зямля знаходзілася ў балоцістай мясцовасці, да якой было цяжка дабрацца. А вясной і восенню ўвогуле немагчыма. Больш таго, частка самога зямельнага надзелу ўяўляла сабой проста балота. Рэпіна паспрабавала прадаць гэту маёмасць, аднак за такую цану, якую вызначыў эксдывізарскі суд, пакупнікоў не знайшлося. Аграфена прасіла Мінскі галоўны суд прызначыць продаж засценка з таргоў, а нехапающую розніцу паміж доўгам і выручанай сумай дадаткова спагнаць з Беліковічаў. Прычым яна падкрэслівала: «Если же при продаже оной не выручится (сумы доўгу. – *І. Г.*), ... в таком случае очевидно есть то, что эксдывізорский суд сделал для меня большую несправедливость» [19, арк. 96–97].

Прастор для злоўжыванняў з боку даўжнікоў давала правіла, згодна якому пры эксдывізіі недамыкальнай заставалася доля ў маёнтку жонкі даўжніка ў памеры яе пасагу. Некаторыя даўжнікі гэтым карысталіся, загадзя рыхтуючы дакументы, якія на судзе дазвалялі паказаць частку маёмасці як пасаг жонкі і такім чынам пакінуць за сабой [4, с. 212]. Падобны прыклад у сваіх успамінах прыводзіў С. Мараўскі. Па яго словах, другая жонка Міхала Клеафаса Агінскага Марыя Нагурская (дэ Нэры) нейкім чынам здолела ператварыць 400 тыс. золтых свайго сапраўднага пасагу ў 4 мільёны па дакументах. Такім манеўрам яна ў

выніку эксдывізіі па даўгах мужа захавала значную частку яго маёмасці, у тым ліку знакаміты маёнтак Залессе ў Ашмянскім павеце [10, с. 87–88], які называлі паўночнымі Афінамі. А крэдыторы Агінскага засталіся, зразумела, практычна ні з чым. Яшчэ адной прававой «шчылінай», якой карысталіся даўжнікі, была выдача распісак на неіснуючыя пазыкі. Такім чынам, праз падстаўных асоб яны маглі фактычна стаць у шэраг крэдытараў і захаваць па выніках эксдывізіі кантроль над часткай маёмасці [4, с. 212].

У сваю чаргу крэдыторы таксама маглі выкарыстоўваць некаторыя юрыдычныя хітрыкі, каб атрымаць найбольш выгаднае для сабе рашэнне эксдывізарскага суда. Справа ў тым, што пры ранжыраванні даўгоў на больш ці менш прыярытэтных перад распіскамі перавага аддавалася пазыкам пад залог маёмасці (паводле так званага застаўнога права). Таму некаторыя крэдыторы, адчуўшы небяспеку за свой капітал і рэальную перспектыву эксдывізіі маёмасці даўжніка, схілялі таго да афармлення закладных запісаў. Напрыклад, прыплачваючы за гэта найўнымі грашмыма. Адпаведна, астатнія крэдыторы, нават з больш даўнімі запісамі, маглі па выніках працэсу застацца ні з чым [4, с. 213]. Письменнік С. Мараўскі ў сваіх успамінах згадваў, што былі прыклады, калі за 100 тысяч пазычаных злотых у выніку шматгадовага эксдывізарскага працэсу крэдыторы атрымлівалі толькі ліхтар ці зламанае дышла ад карэты [10, с. 194].

Эксдывізіі негатыўна адбіваліся на гаспадарках, якія падвяргаліся падзелам. У перыяд судовага працэсу яны знаходзіліся ў часовым кіраванні так званых адміністратараў. Ва ўмовах чакання далейшага лёсу маёнтка яны, натуральна, не былі зацікаўлены ва ўкладанні сродкаў у развіццё гаспадаркі. Напрыклад, як адзначалася ў адным з артыкулаў «Віленскага дзённіка» за 1815 г., звычайна адбывалася спусташэнне глебы з-за неўгнаення [20, с. 254]. Вялікіх выдаткаў патрабавала ўтрыманне суда – суддзяў, канцэлярыі, а таксама адвакатаў і іх памагатых. Важнае і часцей за ўсё негатыўнае значэнне мела драбленне ў выніку эксдывізарскіх судаў памешчыцкіх маёнткаў на часткі, бо гэта парушала іх гаспадарчую цэласнасць. У дадзеным кантэксце адзін з аўтараў «Віленскага дзённіка» Ф. Пашкевіч па-

раўноўваў эксдывізарскі суд з «вулканічным землятрусам» [20, с. 255].

Улічваючы ўсе паказаныя праблемы эксдывізарскіх судаў, мелі месца прапановы іх скасаваць, замяніўшы продажам маёмасці даўжніка з таргоў [3, с. 355; 20, с. 255]. На гэтым аспекце грамадзянскага судаводства у 1830-х гг. канцэнтравалі ўвагу і прыхільнікі распаўсюджвання на Заходні край расійскіх законаў [21, с. 109], у прыватнасці кіеўскі генерал-губернатар Дзмірый Бібікаў [22, с. 228]. Аднак да моманту канчатковага замацавання тут расійскага заканадаўства, якое адбылося ў 1840 г., канкрэтных мер па змяненні парадку спагнання даўгоў адной асобы на карысць некалькіх крэдытараў урад так і не прыняў. Адзначым, што захаванне эксдывізарскіх судаў прадугледжваў і праект звода законаў Заходніх губерняў [22, с. 187]. Гэта звязана з тым, што землеўласнікі апасаліся распродажу сваёй маёмасці за бясцэннак. У гэтым сэнсе эксдывізія ім бачылася больш гуманна для даўжніка спосабам спагнання доўгу, чым продаж з публічных таргоў. Напрыклад, такую думку ў дакладзе Сенату выказваў у 1816 г. прэзідэнт грамадзянскага дэпартаменту Мінскага галоўнага суда Я. Ходзька [4, с. 217]. Дарэчы, маёмасць самога Я. Ходзькі (маёнтак Параф’янава ў Вілейскім павеце) у 1819 г. таксама падверглася эксдывізіі [23, арк. 2].

Эксдывізарскія суды былі скасаваны на тэрыторыі Беларусі ў 1840 г., а іх функцыі перададзены конкурсным упраўленням неплацежаздольных даўжнікоў [24; 25]. Адпаведна, спыняла дзеянне само эксдывізарскае права, замест якога ўкаранялася практыка продажу маёмасці неплацежаздольных даўжнікоў з публічных таргоў, а ўжо затым – падзелу выручаных сродкаў паміж крэдытарамі.

Такім чынам, велізарная колькасць эксдывізарскіх судовых спраў у першай трэці XIX ст. яскрава сведчыла аб крызісных з’явах у эканоміцы краю. Для сучаснікаў эксдывізіі былі своеасаблівым сімвалам заняпаду краю. Прычым не толькі ў вобласці эканомікі, але таксама права і нават маралі. Эксдывізарскія судовыя працэсы негатыўна адбіваліся на гаспадарках, аднак, нягледзячы на крытыку, дзейнічалі да 1840 г., калі імперскія ўлады канчаткова замянілі тут мясцовыя прававыя нормы расійскімі законамі.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. *Korowicki, A.* Proces cywilny litewski / A. Korowicki. – Wilno: Józef Zawadzki, 1826. – 316 s.
2. *Wierzeyski, A.* O exdywizyach, list do pana prezydenta Chodźki / A. Wierzeyski // *Dziennik Wileński*. – 1817. – Т. 5, № 27. – С. 220–229.
3. *Domeyko, I.* O exdywizyach / I. Domeyko // *Dziennik Wileński*. – 1817. – Т. 5, № 28. – С. 334–378.
4. *Chodźka, J.* O exdywizyach chyli o podziale sądowym majątku dłużnika dla wierzycielów / J. Chodźka // *Dziennik Wileński*. – 1816. – Т. 4, № 21. – С. 194–227.

5. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (далей – НГАБ). – Ф. 588. – Воп. 1. – Спр. 251.
6. НГАБ. – Ф. 146. – Воп. 2. – Спр. 84.
7. Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). – Собр. 1. – Т. 44: Кн. штатов. – К № 27887.
8. Wiadomości krajowe // Kuryer Litewski. – 17.05.1819. – S. 1–2.
9. *Войшвилло, Е. М.* Эксдивизорские суды и их компетенция в губерниях бывшего Великого княжества Литовского в конце XVIII и первой половине XIX в. / Е. М. Войшвилло. – Вильна: Тип. Вилен. православ. Св.-Духов. братства, 1899. – 17 с.
10. *Morawski, S.* Kilka lat młodości mojej w Wilnie (1818–1825) / S. Morawski. – Warszawa: Biblioteka Polska, 1924. – 541 s.
11. *Gadon, W.* O eksdywizjach, z powodu rozprawy pana Prezydenta Chodźki / W. Gadon // Dziennik Wileński. – 1816. – Т. 4, № 24. – S. 506–518.
12. *Smolka, S.* Polityka Lubeckiego przed powstaniem listopadowem: w 2 t. / S. Smolka. – Kraków: Nakładem Akademii Umiejętności, 1907. – Т. 1. – 554 s.
13. *Wawrzecki, J.* O zaradzeniu złym skutkiem eksdywizyy / J. Wawrzecki // Dziennik Wileński. – 1817. – Т. 5, № 25. – S. 54–59.
14. *Felińska, E.* Siostrzenica i ciotka / E. Felińska. – Wilno: Nakładem i drukiem Józefa Zawadzkiego, 1853. – 312 s.
15. *Булгарин, Ф. В.* Полное собрание сочинений Фаддея Булгарина: в 7 т. / Ф. В. Булгарин. – СПб.: Тип. Н. Греча, 1839–1844. – Т. 1: Иван Выжигин. – 1839. – IX, [3], 245 с.
16. Diabelstwo kulawe («Eksdywizja») // Wiadomości Brukowe. – 4.05.1818. – S. 71–72.
17. Artykuł ze wsi nadesłany // Wiadomości Brukowe. – 19.04.1819. – S. 67–68.
18. Podróż z miasta powiatowego do stolicy przez szlachcica po eksdywizji odbyta // Wiadomości Brukowe. – 3.10.1820. – S. 157–161.
19. НГАБ. – Ф. 1156. – Воп. 1. – Спр. 11.
20. *Paszkiwicz, F.* Co było dotychczas i co jest na przeszkodzie dźwignieniu się rolnictwa w Księstwie Litewskim / F. Paszkiewicz // Dziennik Wileński. – 1815. – Т. 2, № 9. – S. 243–258.
21. О необходимости уничтожения отдельных прав в губерниях от Польши возвращенных и изменении недостатков, противных государственному благоустройству // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. – 1866. – Т. 1. – С. 104–113.
22. *Нольде, А. Э.* Очерки по истории кодификации местных гражданских законов при графе Сперанском / А. Э. Нольде. – СПб.: Сенат. тип., 1906. – Вып. 1. – 314 с.
23. НГАБ. – Ф. 588. – Воп. 2. – Спр. 176.
24. ПСЗРИ. – Собр. 2. – Т. 15. – 1840. – Отд. 1. – № 13342.
25. ПСЗРИ. – Собр. 2. – Т. 15. – 1840. – Отд. 1. – № 13591.

Дата поступления: 25.09.2018.

Луговцова С. Л.

Белорусский государственный университет, Минск

Lougovtsova S.

Belarusian State University, Minsk

УДК 351.07(476.6)(091)“18”

ХАРАКТЕРИСТИКА МЕЖЕВЫХ СУДЕЙ БЕЛАРУСИ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX СТОЛЕТИЯ (НА ПРИМЕРЕ ОШМЯНСКОГО УЕЗДА)

CHARACTERISTICS OF THE BOUNDARY JUDGES IN BELARUSIAN PROVINCES OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE FIRST THIRD OF THE XIX CENTURY (THE EXAMPLE OF OSHMYANY DISTRICT)

В статье рассматривается состав межевых судей Ошмянского уезда Виленской губернии Российской империи в 1826 г. по следующим параметрам: возраст, семейное положение, владение крепостными крестьянами, уровень образования, предшествующий служебный опыт. На основании полученных данных автор создает исторический портрет межевого судьи и приходит к выводу, что российская власть стремилась обеспечить замещение должностей в системе местного управления дворянами, имеющими опыт российской службы и знающими русский язык. Однако достичь этой цели в исследуемый период не удалось.

Ключевые слова: межевые суды; шляхта; дворянство; самоуправление; выборы; белорусские губернии; Российская империя.

The article examines the composition of the land-based courts of the Oshmyany district Wilno province of the Russian Empire in 1826. The author analyzes the age, marital status, possession of serfs, the level of education and the previous experience of boundary judges. Based on the data obtained, the author creates a historical portrait of the judge. The researcher comes to the conclusion that the Russian government sought to ensure the replacement of posts in the local government system by the nobles, who had the experience of public service and knew the Russian language. This goal was not achieved during the study period.

Keywords: land-based courts; gentry; nobility; self-government; elections; Belarusian provinces; Russian empire.

На территории Беларуси межевые суды впервые были созданы по указу 1810 г. в Виленской губернии [1, т. 17, № 24370]. В их компетенции находились поземельные споры. С появлением межевых снизилась роль судов подкоморских, существовавших в Великом Княжестве Литовском с XVI в. В 1811 г. действие октябрьского указа 1810 г. было распространено на Гродненскую губернию [1, т. 17, № 24665], а в 1812 г. – на Минскую [1, т. 18, № 25005]. Таким образом, новые органы действовали в трех губерниях, расположенных на территории современной Беларуси. Решения межевых судов являлись окончательными и не подлежали апелляции в Сенате. По мнению А. П. Житко и С. Н. Толмачевой, создание межевых судов с правом окончательного решения по земельным спорам стало значительной уступкой верховной власти Российской империи дворянству Беларуси накануне войны с наполеоновской Францией [2, с. 23].

В соответствии с законодательством межевые суды состояли из суда первой инстанции и апелляционного, располагавшегося в уездном городе. Что касается первой инстанции, то межевой судья разбирал дело непосредственно на месте земельного спора, где и устанавливал границы участков. Апелляционный суд рассматривал жалобы на решения межевых и подкоморских судов. Численность его членов устанавливалась в количестве не менее пяти человек.

Межевые судьи избирались на уездных дворянских собраниях, члены которых в соответствии с «Учреждениями для управления губерний Российской империи» 1775 г. замещали большинство уездных должностных лиц. Некоторые должности могли совмещаться. На место межевого судьи разрешалось баллотироваться предводителям дворянства, подкомориям, хорунжим, но запрещалось членам гродских и нижних земских судов. По указу 1805 г. к выборам в западных губерниях Российской империи допускались только те дворяне, которые имели недвижимое населенное имение, включавшее не менее 8 дымов [1, т. 28, № 21646]. Однако местные предводители дворянских корпораций регулярно нарушали это правило [3, с. 206–209]. Кроме того,

крупные землевладельцы фиктивно раздавали в заклад мелким шляхтичам свои имения, чтобы предоставить им возможность участия в выборах [4, с. 10].

Межевые судьи содержались за счет тяжущихся сторон. Их численность в уезде составляла от 15 до 21 чел. Например, в 1811 г. в Гродненском уезде было избрано 14 межевых судей, в Новогрудском – 17 [4, с. 9]. Межевые суды вели себя довольно независимо в системе государственных учреждений Российской империи. В частности, они должны были через уездных стряпчих регулярно предоставлять ведомости о решенных и нерешенных делах министру юстиции, а также ведомости обо всех делах, касавшихся казенного имущества, в Департамент государственных имуществ. Но как становится известно из содержания сенатского указа от 8 октября 1815 г., этого не делали [1, т. 33, № 25958].

Межевые судьи пользовались противоречивостью «Положения о межевании Литовских губерний» 1810 г. и действовали самостоятельно. В IV отделении Положения ничего не говорилось о присутствии в судах первой инстанции правительственных чиновников, а в VI отделении указывалось на необходимость такого присутствия в случае рассмотрения дел о казенных лесах. Фактически представители администрации на заседаниях межевых судов не приглашались. Указ 1815 г. требовал обязательного надзора члена губернского правления или стряпчего казенных дел при рассмотрении любых дел, касавшихся споров между казенными и дворянскими именьями [1, т. 33, № 25958]. По жалобе губернского стряпчего Малиновского Сенат признал решение Гродненского межевого суда о выгоне казенного имения Жидомля, находившегося во владении подполковника Парчевского, недействительным на том основании, что суд принял решение без приглашения губернских чиновников. С другой стороны, Сенат отказался предоставить губернскому и уездному стряпчим право надзора за деятельностью межевых судов и присутствия на их заседаниях в тех случаях, когда рассматривались дела, касавшиеся только помещичьих имений [1, т. 33, № 25958].

В данной статье рассматривается состав межевых судей Ошмянского уезда Виленской губернии на основании формулярных списков, составленных в ноябре 1826 г.:

1. Председатель межевого Ошмянского апелляционного суда Антоний Умястовский, 28 лет, «из древних польских дворян», владелец 660 крепостных крестьян мужского пола (далее – м.п.), окончил курс в Виленском университете. Впервые был избран на должность на дворянских выборах в 1820 г. Причем сразу на должность судьи ошмянского земского суда. Женат, детей нет [5, л. 23–24].

2. Судья межевого Ошмянского апелляционного суда Казимир Умястовский, 24 года, «из древних польских дворян», имел в собственности 497 крестьян м.п. Окончил Виленский университет. Впервые избран по выборам и сразу на столь высокую должность в 1826 г. Холост [5, л. 31–32].

3. Судья межевого апелляционного суда Ошмянского уезда Антоний Михаловский, 64 года, «из древних польских дворян», владелец 42 душ м.п. Окончил Виленский университет, был новогрудским адвокатом. Впервые был избран на должность в системе дворянского самоуправления в 1814 г. Женат на Марциане Каминской. Трое детей (сын и две дочери). Сын учился в уездном училище в Борунах [5, л. 37–38].

4. Судья межевого апелляционного суда Александр Гарваский, 30 лет, «из древних польских дворян», владелец 25 крестьян м.п. Учился в Виленском университете. Впервые был избран на должность в Слонимском уезде Гродненской губернии в 1823 г. Причем сразу на должность межевого апелляционного судьи. Холост [5, л. 43–44].

5. Судья межевого апелляционного суда Ошмянского уезда Фелициан Бенкунский, 55 лет, «из литовских дворян». В 1789 г. получил почетный в Речи Посполитой придворный чин шамбеляна. Собственник 232 крепостных крестьян м.п. Предыдущий служебный опыт указан неразборчиво. Холост [5, л. 61–62].

6. Межевой судья Иосиф Некрашевич, 52 года, «из литовских дворян», 28 крепостных м.п., с 1793 г. работал адвокатом в ошмянских присутственных местах. Впервые был избран в 1820 г. на должность регента в местный подкоморский суд. Женат, четверо детей. Старший сын Ян (29 лет) также работал адвокатом [5, л. 25–26].

7. Межевой судья Иосиф Щепанович, 69 лет, «из литовских дворян», владелец 17 душ м.п., с 1784 г. служил в канцелярии ошмянского земского суда. Впервые был избран на должность

в системе дворянского самоуправления в 1795 г. Холост [5, л. 27–28].

8. Межевой судья Бруно Селянка (фамилия указана в списке не совсем разборчиво), 25 лет, из дворян, владелец 61 душ м.п. В 1822 г. окончил Виленский университет. Впервые был избран в 1826 г. Холост [5, л. 29–30].

9. Межевой судья Феликс Комар, 46 лет, «из литовских дворян», владелец 55 крепостных. «По окончании курса наук в Виленском университете в 1796 году изучал законы в присутственных местах Вильны» [5, л. 33]. Впервые был избран на должность в системе местного управления в 1805(6?) г. Женат, детей нет [5, л. 34].

10. Межевой судья Франц Мокржицкий, 26 лет, из дворян, 13 душ крестьян. «По окончании наук в уездном училище в Борунах обучался законам при ошмянских присутственных местах с 1822 г.» [5, л. 39]. Впервые избран на должность в 1826 г. Холост [5, л. 40].

11. Межевой судья Франц Алюдзинский, 25 лет, «из литовских дворян», владелец 66 крепостных м.п. Окончил училище в Борунах. Впервые избран на должность в системе дворянского самоуправления в 1826 г. Женат, детей нет [5, л. 41–42].

12. Межевой судья Онуфрий Гнатовский, 44 года, «из литовских дворян», собственник 29 крепостных крестьян. Занимал выборные должности с 1807 г. Женат, дочь 10 лет [5, л. 57–58].

13. Межевой судья Шимон Гоницкий, 54 года, «из литовских дворян», владелец 24 крестьян, в годы правления Станислава Августа Понятовского находился на военной службе. Впервые был избран на должность в системе дворянского самоуправления в 1826 г. Женат, имеет сына [5, л. 45–46].

14. Межевой судья Иван Сулькевич, хорунжий войск Речи Посполитой, 59 лет, из литовских татар. Собственник 29 крестьян. На военной службе находился с 1770 по 1791 г. Впервые был избран в 1826 г. Женат, четверо детей [5, л. 47–48].

15. Межевой судья Ошмянского уезда Франц Юрага, 37 лет, «из польского дворянства», владелец 14 душ м.п. В 1826 г. впервые был избран на должность в системе дворянского самоуправления. Холост [5, л. 49–50].

16. Межевой судья Гиацинт Пиотрашка, 32 года, «из литовских дворян». По окончании минской гимназии «обучался в ошмянских судебных местах с 1817 г.». Впервые избран на должность в 1820 г. Холост [5, л. 59–60].

17. Межевой судья Михаил Корсак, 37 лет, «из польских дворян», владелец 182 крепостных

крестьян, начал выборную службу с 1817 г. Холост [5, л. 51–52].

18. Межевой судья Леон Кунцевич, 35 лет, «из литовских дворян». По окончании училища обучался в ошмянских судебных местах. Приступил к службе по выборам с 1812 г. Женат, две дочери [5, л. 53–54].

19. Межевой судья Матвей Ельяшевич, 35 лет, «из литовских дворян», владелец 50 крестьян. На гражданской службе с 1820 г., на выборную должность избран впервые. Холост [5, л. 55–56].

Первое, что привлекает внимание в списке, – это высокий уровень образования у межевых судей Ошмянского уезда. Шесть человек из девятнадцати (ок. 30 %) закончили университет. Фантастический показатель! Автором данной статьи был проанализирован список дворян Лидского уезда за 1835 г. (1963 чел. обою пола) и высказано предположение, что девять лидских дворян (не всегда ясно указано в списке) имели высшее образование. Утверждать это можно относительно пяти человек: казначея уезда И. Ельца, профессора Виленского университета И. Юндзила, инженера К. Юндзила, графа В. Путкамера, инженера и историка Т. Нарбута [6, с. 104]. Приведем для сравнения еще один пример: среди 109 дворян, избранных на разные должности в системе местного управления в Могилевской губернии в 1832 г., только двое – заседатель Сеннинского суда Ф. Слежановский и уездный судья Быховского уезда А. Порембский – закончили Виленский университет [7, л. 143–189]. Наконец, из 314 помещиков Лепельского уезда Витебской губернии, имевших в 1824 г. годовой доход более 150 рублей, только братья Иосиф и Петр Селява были кандидатами философии [8, л. 43–44]. По данным И. Н. Трестьян, среди чиновников губернских правлений и канцелярий губернаторов пяти белорусских губерний в 1830 г. высшее образование имел 1 человек из 71, что составляло 1,4 %. В связи с малочисленностью лиц с высшим образованием этот показатель существенно колебался. Например, в 1839 г. таких чиновников было уже 5 из 222, или 2,3 %. Самый высокий удельный вес лиц с высшим образованием среди чиновников губернских правлений и канцелярий губернаторов на территории Беларуси в первой половине XIX в. относится к 1814 г., когда он составил 7,3 % (6 из 82) [9, с. 242]. А в рассматриваемом списке Ошмянского уезда фактически все 5 членов уездного межевого апелляционного суда имели высшее образование. Сведения отсутствуют только относительно Ф. Бенкунского. У нас, однако, нет сомнений, что собственник 232 крепостных крестьян м.п. получил достойное образование.

Кроме того, среди межевых судей не менее 5 человек (может быть, и более) закончили уездные училища в Минске и Борунах. На наш взгляд, именно высокий авторитет Борунского училища (и его близость к дому) сыграли ключевую роль в высоком уровне образованности ошмянской шляхты. По мнению С. В. Морозовой, базилианские училища в Борунах, Березвече, Бресте, Витебске, Вербилове, Жировичах и другие – «яркая, але яшчэ далёка не асэнсаваная з’ява гісторыі асветы на Беларусі канца XVIII – першай трэці XIX ст.» [10]. Реформированные на основе статута Эдукационной комиссии школы ордена за 6 лет обучения давали большой объем знаний по математике, географии, истории и другим предметам. В разное время в Борунах обучалось от 140 до 200 юношей, в первую очередь сыновей шляхты Ошмянского уезда. В 1783 г. в школе было 180 учеников, в 1803 г. – 150, в 1804 г. – 140, в 1820-е гг. – около 200 [10]. По воспоминаниям выпускника училища А. Одынца, учебные заведения базилианского ордена поставляли в Виленский университет наиболее подготовленных студентов. Самые теплые воспоминания об учебе в Борунской школе оставил И. Ходько [11].

Среди межевых судей Ошмянского уезда только председателя апелляционного суда А. Умястовского можно отнести к крупным помещикам (>500 крестьян м.п. в собственности), троих – к помещикам «средней руки» (от 100 до 500 душ в собственности). Абсолютное большинство межевых судей относились к мелким собственникам. 13 человек владели от 13 до 66 крепостных крестьян м.п. В рассматриваемом списке отсутствуют данные о численности зависимых крестьян у Г. Пиотрашки и Л. Кунцевича, т. е. они относились к мелким собственникам или вовсе не имели крепостных. Таким образом, абсолютное большинство (79 %) межевых судей Ошмянского уезда относились к мелким помещикам, имевшим в собственности менее 100 душ крепостных крестьян.

9 из 19 межевых судей (47 %) начали свою службу сразу с выборных должностей, в том числе это относится ко всем четырем состоятельным собственникам, каждый из которых владел более 100 крепостных крестьян м.п. Эти данные коррелируют с ситуацией в Могилевской губернии, где среди выборных должностных лиц в 1832 г. 41 чел. из 109 начали свою службу по выборам (38 %) [7, л. 143–189]. Подчеркнем, что в первой четверти XIX в. российское правительство стремилось допускать к выборной службе в западных губерниях только тех дворян, которые имели опыт военной и гражданской службы в империи, знали русский язык. В частности, по указу 1823 г. разрешалось участие в выборах нечиновных дворян, но только

тех, которые ранее имели опыт выборной службы [1, т. 38, № 29346]. Указ декларировал, что разрешение дано решительно в последний раз, и если по истечении трехлетия не окажется достаточно-го числа чиновных дворян к замещению должностей, то их займут чиновники от короны. Но, как мы видим, среди 19 межевых судей, избранных в Ошмянском уезде в 1826 г., 9 человек (братья Антоний и Казимир Умястовские, А. Михаловский, А. Гарваский, И. Некрашевич, И. Щепанович, Б. Селянка, О. Гнатовский, М. Корсак) точно не имели опыта российской административной или военной службы. Остальные межевые судьи, скорее всего, также не имели российских чинов, иначе это нашло бы отражение в их формулярных списках. Несмотря на прямое распоряжение в 1823 г. в случае нехватки нечиновных дворян назначать на выборные должности чиновников от короны, в 1826 г. это коснулось только земских исправников и половины заседателей нижних земских судов Виленской, Гродненской и Минской губерний [1, т. 33, № 26132]. Вместе с тем сенатский указ 1826 г. ясно требовал не допускать к выборам дворян, которые не имели российских чинов и не знали русского языка [1, т. 33, № 26132]. Очевидно, что указ в Ошмянском уезде не исполнялся.

Что касается предшествующего служебного опыта межевых судей уезда, то семь человек имели опыт только выборной службы, пятеро прежде работали на различных канцелярских должностях, скорее всего, в той же системе местного дворянского самоуправления. В данном списке и других аналогичных документах автор неоднократно встречала следующую запись относительно того или иного шляхтича: «обучался в судебных местах». Ясно, что речь идет об обучении на рабочем месте. Два человека ранее работали в качестве адвокатов, двое служили в войсках Речи Посполитой. Еще двое межевых судей не имели опыта службы. Относительно Ф. Комара в списке нет сведений.

Среди межевых судей 6 человек указали свое происхождение «из польских дворян» (причем четверо – «из древних польских»), 10 – «из литовских», два человека – просто «из дворян» (на наш взгляд, их следует отнести ко второй группе). И, наконец, И. Сулькевич засвидетельствовал свое татарское происхождение.

Большинство межевых судей Ошмянского уезда были холостыми (10 человек, или 53 %). Причины высокого удельного веса холостых дворян среди чиновников белорусских губерний были рассмотрены нами ранее [12]. В частности, среди 109 дворян, избранных на разные должности в Могилевской губернии в 1832 г., холостые составляли 52 человека, т. е. 48 % [7, л. 143–189]. В данном случае подчеркнем, что из десяти холостых межевых судей пятеро были не старше 32 лет. Для сравнения: средний возраст вступления в брак для мужчин в Лидском уезде в 30-е гг. XIX в., по нашим подсчетам, составлял 31 год [6, с. 118]. Возрастными кавалерами среди ошмянских судей были только Ф. Бенькунский (55 лет) и И. Щепанович (69 лет).

Таким образом, абсолютное большинство (15 человек, или 79 %) межевых судей Ошмянского уезда составляли холостые помещики, владевшие менее 100 крепостных крестьян м.п. Они имели очень высокий уровень образования: не менее 58 % (11 человек) межевых судей (возможно, и более) закончили Виленский университет или уездное училище. Большинство судей (14 человек, или 74 %) начинали свою службу сразу с выборных должностей или канцелярских должностей в системе местного управления. Еще двое, прежде чем были избранными, работали адвокатами. Шляхта бывшей Речи Посполитой демонстрировала желание сохранить привычное влияние в системе самоуправления, продолжала оставаться в кругу местных языковых и культурных традиций.

Другими словами, мы можем составить исторический портрет межевого судьи Ошмянского уезда Виленской губернии в 1826 г. Это местный шляхтич около 40 лет, холостой, имеющий в собственности менее 100 крепостных крестьян м.п. Он закончил Виленский университет или Борунское училище базилианов. Круг его интересов сосредоточен в среде местной шляхты. Он не имеет военных или гражданских чинов Российской империи, заинтересован в участии в работе органов местного управления. Как правило, его служба начиналась по выборам или в качестве канцелярского служащего в местных судебных учреждениях с целью приобретения опыта для последующей выборной службы.

Список использованных источников

1. *Жытко, А. П.* Судовая сістэма на тэрыторыі Беларусі (канец XVIII – сярэдзіна XIX ст.) / А. П. Жытко, С. А. Талмачова // *Весці БДПУ. Сер. 2.* – 2014. – № 2. – С. 20–25.
2. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. 1649–1825 гг.: в 45 т. / под ред. М. М. Сперанского. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.
3. *Шило, Е. В.* Правительственная регламентация дворянских собраний в западных губерниях Российской империи (последняя четверть XVIII в. – 1831 г.) / Е. В. Шило // *Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. / рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.].* – Мінск: БДУ, 2014. – Вып. 9. – С. 206–213.

4. *Токць, С.* Шляхецкае самакіраванне ў Гродзенскай губерні (пачатак XIX ст. – 60-я гг. XIX ст.) / С. Токць // *Białoruskie Zeszyty Historyczne*. – 1997 – № 7. – С. 5–22.
5. Литовский государственный исторический архив. – Ф. 391. – Оп. 2. – Д. 45.
6. *Луговцова, С. Л.* Дворянство Лидского уезда Гродненской губернии: попытка историко-демографического анализа / С. Л. Луговцова // *Социальные группы и их влияние на развитие общества в XVI–XIX веках = Grupy społeczne i ich wpływ na rozwój społeczeństwa w XVI–XIX wieku* / под ред. Т. Байрашаускайте. – Вильнюс, 2015: ЛП leidykla. – С. 104–120.
7. Национальный исторический архив Беларуси (НИАРБ). – Ф. 1297. – Оп. 1. – Д. 6198.
8. НИАРБ. – Ф. 2512. – Оп. 1. – Д. 129.
9. *Трестьян, И. Н.* Эволюция системы местных органов государственной власти на территории Беларуси (1772–1856 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / И. Н. Трестьян. – Минск, 2018. – 243 с.
10. *Марозава, С. В.* Барунскі базыльянскі манастыр (канец XVII – першая трэць XIX ст.) / С. В. Марозава // *Pawet* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pawet.net>. – Дата доступа: 14.07.2018.
11. *Chodźko, I.* *Boruny* / Ignacy Chodźko. – Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1925.
12. *Луговцова, С. Л.* К вопросу о брачной структуре белорусской шляхты в первой четверти XIX в. / С. Л. Луговцова // *Гістарыяграфія і крыніцы вывучэння гісторыі Беларусі: традыцыі і навацыі: зб. навук. арт. / уклад.: В. В. Яноўская, Р. У. Зянюк; рэдкал.: В. В. Даніловіч (гал. рэд.) [і інш.]; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі*. – Мінск: Беларус. навука, 2018. – С. 112–119.

Дата поступления: 06.11.2018.

Купченко К. В.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Смоленский филиал, Смоленск

Kupchenko K. V.

The Russian Presidential Academy Of National Economy And Public Administration, Smolensk branch, Smolensk

УДК 94(470)«16/18»

ЕСИПОВИЧ ЯКОВ ГРИГОРЬЕВИЧ – «ОТЕЦ» СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

ESIPOVICH YAKOV GRIGORIEVICH – «FATHER» ARCHITECT OF JUDICIAL REFORM OF RUSSIA OF OTHER HALF XIX CNT.

Работа посвящена исследованию биографии и деятельности Якова Григорьевича Есиповича на государственных должностях, его участию в разработке проектов судебной реформы второй половины XIX в. в России.

Ключевые слова: Я. Г. Есипович; судебная реформа в России.

The article is devoted to research of the biography and Yakov Grigor'evich Esipovich's activity on state positions, his participation in development of projects of judicial reform of other half XIX cnt. in Russia.

Keywords: Esipovich Y.G.; judicial reform in Russia.

Вторая половина XIX в. в истории России благодаря примененному в январе 1881 г. в докладе Александру II министром внутренних дел М.Т. Лорис-Меликовым термину получила название «Великие реформы».

Одно из центральных мест в преобразованиях Александра II занимала судебная реформа 1864 г., суть которой заключалась в радикальном изменении процессуального законодательства, системы судопроизводства на основе обобщения и использования имеющегося положительного мирового опыта.

В подготовке и осуществлении судебной реформы принимала участие целая группа талантливых российских юристов: С. И. Зарудный, Н. И. Стояновский, Д. А. Ровинский, К. П. Победоносцев, Н. А. Буцковский и ряд других, чьи имена известны лишь узкому кругу специалистов. К их числу относится государственный деятель, юрист Яков Григорьевич Есипович.

Я. Г. Есипович родился 22 октября (3 ноября) 1822 г. в Рославльском уезде Смоленской губернии [4]. Начальное образование получил в Первой Московской (губернской) гимназии. В числе

лучших выпускников по специальному ходатайству в 1839 г. он был зачислен без вступительных экзаменов в Московский университет на юридический факультет [5].

Время учебы способствовало формированию взглядов Якова Григорьевича, буквально влюбившегося в университет. Как позже он вспоминал, «для меня пробыть сутки в Москве, взглянуть на университет, проехать по московским площадям, побывать в соборах и постоять перед панорамой Замоскворечья было наслаждением» [2]. Здесь он обратился к истории русского права, в частности Соборному уложению (за выпускную диссертацию «Уголовное право по Уложению царя Алексея Михайловича» Я. Г. Есиповичу была присвоена степень кандидата законовения) [4]. Воздавая должное этому памятнику, Яков Григорьевич отмечал: «По Уложению 1649 года мы можем изучать душу наших предков и воссоздать для себя их внутреннюю жизнь; оно передает беспристрастное и верное свидетельство о том, каковы мы были до влияния на нас европейской цивилизации; его свидетельства нельзя ни заподозрить, ни отвести» [7]. В дальнейшем он продолжал обращаться к этому юридическому документу, всесторонне изучая и анализируя его [14].

В 1855 г. в журнале «Библиотека для чтения» Есипович опубликовал статью, в которой описал систему судостроительства на Руси по Соборному уложению 1649 г., показав коллегиальность суда в русском государстве. В 1859 г. в «Журнале Министерства Юстиции» была представлена его статья «Литературная разработка и общая характеристика Уложения 1649 года», в которой Я. Г. Есипович исследовал улики, доказательства и способы их добывания по нормам Уложения. Так он закончил свое юридическое исследование, которое начал еще будучи студентом.

По мнению Я. Г. Есиповича, Соборное уложение не было чем-то цельным и последовательным, а представляло не заверченный переходный тип законодательства [7].

Сразу после окончания университета (с золотой медалью и со степенью кандидата законовения) в 1843 г. Я. Г. Есипович поступил на службу столоначальником в департамент Министерства юстиции. В период с 1846 по 1849 г. он занимал должность члена Таврической гражданской палаты по межевому отделению. В ходе своей службы он смог разобраться со множеством ранее не разрешенных дел, в результате чего приобрел бесценный практический опыт. Деятельность Я. Г. Есиповича была замечена.

В декабре 1849 г. Межевое отделение было закрыто, а в 1850 г. Я. Г. Есипович был назначен обер-секретарем межевого департамента Сената и переехал в Петербург. На новой службе он при-

нял участие в деятельности «особо учрежденных комитетов», рассматривавших проекты «по генеральному межеванию западных губерний и всех вообще межевых законов империи». В феврале 1859 г. Яков Григорьевич был переведен на должность обер-секретаря общего собрания первых трех департаментов и департамента герольдии Правительствующего сената, а в октябре того же года назначен помощником статс-секретаря Государственного совета. Здесь Я. Г. Есипович вначале служил в отделении законов Государственной канцелярии, а затем в отделении гражданских и духовных дел. Находясь на этом посту, он принимал деятельное участие в подготовке крестьянской реформы 1861 г., систематизируя поступавшие из губерний предложения и проекты.

Но наибольшую известность служебная деятельность Я. Г. Есиповича приобрела при подготовке судебной реформы. 27 сентября 1862 г. государственный секретарь В. П. Бутков, после того, как во властных кругах были обсуждены «Основные положения преобразования судебной части в России» (т. е. программа судебной реформы), получил поручение от Александра II продолжать работу. В этом году Я. Г. Есипович был назначен членом-редактором в «Высочайше учрежденную при Государственной канцелярии комиссию» для составления проектов законоположений о преобразовании судебных уставов и одновременно управляющим делами комитета, «Высочайше учрежденного для начертания предположений о преобразовании межевой части в империи».

Комиссию, подготовившую судебную реформу, возглавил В. П. Бутков. В нее вошли лучшие силы почти из всех ведомств, преимущественно судебного, и со всех концов России.

Комиссия получила высочайшее повеление, разрешавшее ее членам в своих изысканиях руководствоваться данными, добытыми «наукой и опытом европейских государств» [11].

Комиссия состояла из трех отделений, в работе двух из них (уголовного судопроизводства и судостроительства) был задействован Я. Г. Есипович.

В первом отделении, занимавшемся составлением проекта судостроительства и возглавляемом А. М. Плавским, коллегами Якова Григорьевича стали барон Е. Е. Врангель, П. Н. Даневский, А. Д. Желтухин, Крейтер, Д. А. Ровинский и Н. Г. Принтц. Во втором отделении (уголовного судопроизводства), председателем которого был Н. А. Буцковский, Есипович в качестве члена-редактора сотрудничал с Б. И. Утиным, П. А. Зубовым, М. Е. Ковалевским, Е. И. Бреверном, А. С. Любимовым, М. И. Зарудным и другими видными юристами.

Известный отечественный юрист А. Ф. Кони о работе Я. Г. Есиповича в комиссии писал, что он «...оставался довольно часто в меньшинстве, но взгляды этого меньшинства были, однако, затем оправданы самою жизнью. ...он стоял за ограничение подсудности военным судам исключительно кругом лиц, находящихся на действительной военной службе; ...он настаивал также на допущении защиты при предварительном следствии» [7]. Отстаивал он и мнение о вручении кассационных функций исключительно Сенату, выступая против разделения этих функций между Сенатом и судебными палатами.

Участвуя в составлении Судебных уставов, Я. Г. Есипович показал себя «защитником строгой законности и широкой самостоятельности судей, присоединившись к мнению, горячо и убедительно отстаивавшему единство кассационных функций, с вручением их единому и нераздельному ведению Сената» [7].

Осенью 1863 г. комиссия окончила возложенную на нее задачу, и проекты поступили на заключение II отделения Его императорского Величества канцелярии и министра юстиции Д. Н. Замятина. Последний при содействии товарища своего Н. И. Стояновского не только сам составил пятисотстраничные замечания, но и потребовал замечаний на проекты от сенаторов и обер-прокуроров (начальников департаментов Сената) [1]. Проекты Судебных уставов были опубликованы для всеобщего ознакомления.

Сущность основных положений заключалась в следующем: отделение судебной власти от исполнительной, административной и законодательной вообще, и в частности: по гражданскому судопроизводству – отделение власти судебной от исполнительной, а по уголовному – отделение власти судебной от обвинительной; начало гласности в гражданском и уголовном процессах; несменяемость судей; образование самостоятельной мировой юстиции для маловажных дел, отдельно от общих судов; устройство особой обвинительной власти или прокурорского надзора; учреждение официальной адвокатуры или института присяжных поверенных; введение присяжных заседателей; отмена теории формальных доказательств в уголовном процессе; учреждение кассационного суда и введение нотариата.

В декабре 1863 г. проекты Судебных уставов вместе с поступившими на них многочисленными замечаниями были переданы на обсуждение Государственного совета, который на протяжении 1864 г. обсудил их в ряде заседаний и передал на подпись императору. Пояснительная записка к уставу уголовного судопроизводства 1864 г. содержала ряд мнений Я. Г. Есиповича по важнейшим вопросам уголовного процесса.

Высочайшим указом 20 ноября 1864 г. Судебные уставы получили силу закона. Но сразу же возник вопрос, каким образом вводить уставы в действие.

Александр II не взял на себя ответственность в выборе пути реализации реформы и велел комиссии, составлявшей Судебные уставы, разработать нужный план.

Комиссия была создана 11 января 1865 г. В нее вошли многие из тех, кто трудился над составлением уставов. Перед ней была поставлена задача составить общую программу и правила введения Судебных уставов. В комиссии сложилось две точки зрения, и было выработано две системы проведения реформы. Обе они были построены на том, что экономическое положение страны не позволяет сразу по всей стране создать большое количество судов. Их авторы по-разному искали выход из такой ситуации. Создатели первой системы (ее авторами были три человека: Н. А. Буцковский, С. И. Зарудный, О. О. Квист) предлагали ввести реформу сразу в 31 губернии, исключение должны были составить губернии на особых правах: западные, сибирские и восточные земли. Первая система предполагала введение Судебных уставов в полном объеме, т. е. одновременное открытие мировых судов, окружных судов и судебных палат, но в меньшем количестве самих судов и с меньшим штатом, чем это может быть необходимо в будущем.

Вторая система (ее авторами были восемь человек: В. П. Бутков, Я. Г. Есипович, П. А. Зубов, А. А. Книрим, М. Е. Ковалевский, А. М. Плавский, Н. Г. Принц, Г. К. Репинский) предполагала открытие новых судов только на ограниченной территории в 10 губерниях, но в таком количестве и таком составе, которые будут необходимы для нормальной работы органов судебной власти [3].

Главный недостаток «плана трех» заключался в крайне малочисленном составе судебных мест. Указанное размещение судов сделало бы их малодоступными для большинства населения.

Еще более негативные последствия могла вызвать малочисленность штатов судебных мест. С первых дней работы новые суды могли оказаться перегруженными делами, малый штат сотрудников не успевал бы рассматривать их вовремя [10].

Восемь членов комиссии более глубоко анализировали все обстоятельства. Они прогнозировали увеличение количества дел в судах исходя из того, что, во-первых, с развитием народной жизни количество гражданских дел растет, а с ходом крестьянской реформы особенно. Во-вторых, предполагали, что при новом судопроизводстве многие уголовные и гражданские дела, не возникавшие ранее, теперь обязательно будут возбу-

ждаться. По их мнению, норма «1 окружной суд на 1 губернию» будет крайне неудобной, распределение судебных мест и составление их штатов должно опираться на статистические сведения: размер территорий, способы сообщений между городами в губернии, состояние дорог, количество способных судебных деятелей, особенности развития экономики в этих регионах и т. д.

Осенью работа по поиску путей осуществления реформы была завершена, и 19 октября 1865 г. был подписан Указ, утверждающий «Положение о введении в действие Судебных Уставов 20 ноября 1864 года». Он законодательно утверждал проект «восьми» и определял сроки проведения реформы – через пять лет в стране должно быть закончено формирование новой судебной системы (для сравнения: проведение крестьянской реформы было запланировано на срок девять лет) [9].

После проведения судебной реформы государственная деятельность Я. Г. Есиповича продолжилась. Произведенный еще 1 января 1864 г. в чин действительного статского советника, с начала 1865 г. он служил управляющим делами Гражданского департамента Государственного совета, а затем занял должность статс-секретаря по департаменту гражданских и духовных дел Государственного совета [17].

В юридических кругах за Я. Г. Есиповичем упрочилась репутация глубоко порядочного человека и специалиста высшего класса. Именно этими качествами было обусловлено его назначение летом 1866 г. секретарем Верховного уголовного суда по делу Д. В. Каракозова по личному ходатайству председателя суда князя П. П. Гагарина [16].

В тот год свой отпуск Есипович по обыкновению проводил на Смоленщине, но, отозванный в Петербург, по возвращении сразу же включился в работу. Трудность этого судебного процесса заключалась не только в большом объеме работы. По этому делу проходило свыше 30 человек. Законодательство того времени за любое злоумышление против особы императора (словом или делом) предусматривало смертную казнь. От членов суда требовалось недюжинное хладнокровие, чтобы неукоснительно соблюсти букву закона и не сбиться в обстановке общественного возбуждения на вынесение большого числа смертных приговоров, как того требовало общественное мнение. Хотя формально обязанности Есиповича заключались в фиксации происшедшего на процессе, именно его неофициальные переговоры, проведенные по просьбе князя Гагарина с членами суда, во многом способствовали вынесению окончательного вердикта, который, вопреки мнению многих весьма влиятельных

лиц (в том числе чуждого всякого либерализма сенатора М. М. Карниолина-Пинского), сохранил жизнь многим обвиняемым. Но, тем не менее, как секретарю суда Якову Григорьевичу, убежденному и принципиальному противнику применения смертной казни, пришлось в день казни, происшедшей 3 сентября 1866 г. в Петербурге на Смоленском поле, зачитать Д. В. Каракозову смертный приговор.

В декабре 1877 г. Я. Г. Есипович был назначен сенатором и в течение шести последующих лет являлся присутствующим в Гражданском кассационном департаменте, где «твердо и неуклонно проводил толкование закона по буквальному его смыслу и точному разуму, но вместе с тем высказывал, что истинный разум закона не может и не должен противоречить здравому смыслу» [6].

С 1884 г. Я. Г. Есипович становится первоприсутствующим (председательствующим на заседаниях) во втором департаменте Сената, вновь образованном «для заведывания всеми крестьянскими делами» Российской империи. Благодаря прежде приобретенному опыту и знанию условий крестьянской жизни Яков Григорьевич быстро разобрался с делами, находившимися в ведении этого департамента. За десятилетнее пребывание Есиповича во втором департаменте было рассмотрено около 80 тысяч крестьянских дел, каждое из которых затрагивало самые насущные вопросы и непременно проходило через руки первоприсутствующего [16].

Твердость убеждений и прямота характера в сочетании с компетентностью и трудолюбием, а также неизменная доброжелательность Я. Г. Есиповича вызывали уважение у руководства и подчиненных. И. М. Тютрюмов (специалист по русской цивилистике, обер-прокурор Сената) называл Якова Григорьевича Есиповича первого первоприсутствующего «Украшением и гордостью департамента» [13].

В 1903 г. в связи с шестидесятилетием службы «за свои заслуги и труды» он был награжден самой высокой наградой дореволюционной России – орденом Андрея Первозванного. За свою служебную деятельность Я. Г. Есипович был удостоен всех высших российских орденов и был произведен в действительные тайные советники (чин соответствовал второму классу Табели о рангах) [6].

Скончался Я. Г. Есипович после тяжелой продолжительной болезни в 8 часов утра 8 (21) февраля 1906 г. в Петербурге. В дни прощания дом покойного посетили многие высокопоставленные государственные деятели, видные юристы: министр юстиции М. Г. Акимов, члены Государственного совета князь А. Д. Оболенский,

А. С. Стишинский, И. Л. Горемыкин, сенаторы А. Ф. Кони, Н. Н. Шрейбер, Н. А. Хвостов, В. Р. Завадский. Похоронили Я. Г. Есиповича на городском Вознесенском кладбище в Рославле Смоленской губернии.

Кладбище существует и в настоящее время, однако могила Я. Г. Есиповича не сохранилась. Вероятно, надгробие его могилы могло быть использовано, как и многие кладбищенские памятники, при строительстве плотины местной электростанции в 1930-е гг. В 2011 г. местными жителями в д. Слобода Рославльского района Смоленской области был обнаружен мраморный обелиск с могилы отца Я. Г. Есиповича – Григория Григорьевича.

К сожалению, даже отечественная историография начала XX в. (в советской исторической литературе имя Я. Г. Есиповича не упоминалось вовсе) незаслуженно обошла вниманием этого неординарного человека.

Даже справочная литература содержит ряд неточностей. Например, в «Истории Правительствующего сената» указан неверный год рождения Якова Григорьевича – 1819 г., так как в действительности он родился на три года позже. Во всех четырех изданиях «Большой энциклопедии» сообщается, что он умер в 1899 г., тогда как на момент выхода последнего издания энциклопедии в 1905 г. он еще был жив [6].

В связи с этим необходимо восстановление исторической памяти по увековечиванию незаслуженно забытого имени выдающегося отечественного юриста, государственного деятеля Якова Григорьевича Есиповича, чьи идеи в части осуществления правосудия актуальны и в настоящее время, а положения, заложенные в основу судебной реформы второй половины XIX в., с некоторой корректировкой применяются и в функционировании современной судебной системы России.

Список использованных источников

1. Джаншиев, Г. Эпоха великих реформ. Исторические справки / Г. Джаншиев. – СПб., 1905. – Т. II. – С. 34.
2. Есипович, Я. Г. Записки сенатора / Я. Г. Есипович // Русская старина. – 1909. – Т. 137 (январь). – С. 129.
3. Ефремова, Н. Н. Министерство юстиции Российской империи / Н. Н. Ефремова. – М., 1983. – С. 88.
4. Иванов, М. Забытый реформатор / М. Иванов // Край Смоленский. – 1998. – № 1–2. – С. 3–10.
5. Иванов, М. Реформатор / М. Иванов // Ростиславль. – 2005. – № 1(2). – С. 20–34.
6. История Правительствующего сената за 200 лет. 1711–1911. – СПб., 1911. – Т. 5. – С. 125; Большая энциклопедия. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания / под ред. С. Н. Южакова. – 4-е изд. – СПб, [1905]. – Т. 9. – С. 217.
7. Кони, А. Ф. Яков Григорьевич Есипович (1822–1906) / А. Ф. Кони // Отцы и дети судебной реформы. – М., 1914. – С. 271, 272.
8. Некролог // Новое время. – 1906. – 11 (24) февр. (№ 10745).
9. Попова, А. Д. Фемида в эпоху преобразований: судебные реформы 1864 г. и рубежа XX–XXI вв. в контексте модернизации / А. Д. Попова. – М., 2009. – С. 82.
10. Соображения Комиссии, высочайше утвержденной для окончания работ по преобразованию судебной части о порядке введения в действие Судебных Уставов 20 ноября 1864 г. – Б.м. и г. – С. 36.
11. Тагицев, С. С. Император Александр II. Его жизнь и царствование / С. С. Тагицев. – М., 2006. – С. 411.
12. Тютрюмов, И. М. К 25-летию существования II департамента Сената / И. М. Тютрюмов. – СПб., 1909. – С. 4.
13. Хвостов, Н. А. Памяти Я. Г. Есиповича / Н. А. Хвостов // Журнал министерства юстиции. – 1906. – № 4.
14. Ш-рский, М. Яков Григорьевич Есипович / М. Ш-рский // Всемирная иллюстрация. – 1894. – Т. 51, № 1306. – С. 91.
15. Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон. Т. XI–А. – СПб., 1894. – С. 683.
16. Я. Г. Есипович // Новое время. – 1893. – 14 дек. (№ 6393).

Дата поступления: 13.11.2018.

Хованский А. В.

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, Гродно

Khavanski A.

Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno

УДК 94(476)(19)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГРОДНЕНСКОГО ВНУТРЕННЕГО ГУБЕРНСКОГО БАТАЛЬОНА В 1811–1864 ГОДАХ ПО МАТЕРИАЛАМ НАЦИОНАЛЬНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА БЕЛАРУСИ В Г. ГРОДНО

ACTIVITY OF THE GRODNOI INTERNAL GUBERN BATTALON IN 1811–1864 YEARS ON MATERIALS OF THE NATIONAL HISTORICAL ARCHIVE OF BELARUS IN GRODNO

По материалам Национального исторического архива Беларуси в г. Гродно в статье рассматривается создание, организация и повседневная жизнедеятельность внутреннего губернского батальона на территории Гродненской губернии в 1811–1864 гг. Характеризуется и анализируется порядок комплектования, функциональные обязанности должностных лиц батальона. Выявлены роль и значение внутренней стражи в системе обеспечения региональной и общественной безопасности Гродненской губернии, ее влияние на обороноспособность государства. Автор акцентирует внимание на характере и порядке взаимоотношений руководства батальона внутренней стражи с губернским начальством, его влияние на деятельность подразделения. Выявлены общие черты с внутрироссийскими губерниями и особенности формирования и деятельности внутренней стражи на территории губернии. Раскрыты факторы, негативно сказывавшиеся на эффективности деятельности батальона внутренней стражи.

Ключевые слова: внутренняя стража; организационная структура; отдельный корпус; бригада; батальон; инвалиды.

Based on the materials of the National Historical Archive of Belarus in Grodno, the article deals with the creation, organization and daily activities of the internal guard battalion in Grodno province in 1811–1864. The order of manning, the functional duties of the officers of the internal guard battalion are characterized and analyzed in the article. The role and importance of internal guard in the system of ensuring regional and public security of the Grodno province, its influence on the defense capability of the state are revealed. The author focuses on the nature and order of the relationship between the leadership of the internal guard battalion and the provincial authorities, and its influence on the activities of the unit. Identified common features with inland provinces and the features of the formation and activities of internal guards in the province. Factors that adversely affected the effectiveness of the battalion of the internal guard are disclosed.

Keywords: internal guard; organization structure; separate corps; brigade; battalion; handicapped.

Фонды Национального исторического архива Беларуси в г. Гродно (далее – НИАБ в г. Гродно) содержат много документов, касающихся истории создания и повседневной жизнедеятельности подразделений внутренней стражи в Гродненской губернии. Значительное количество этих фондов представлено документами о службе как высших должностных лиц внутренней стражи, так и лиц среднего и низшего звена управления и имеют небольшую степень научной изученности.

В хронологическом отношении документы по истории внутренней стражи в НИАБ в г. Гродно сохранены неравномерно, что связано с полной или частичной их утратой в период многочисленных войн.

Всю документацию по личному составу Гродненского батальона внутренней стражи можно разделить на группы: 1) дела о служебной деятельности; 2) дела о назначении на должности;

3) дела об увольнении; 4) дела о награждении; 5) формулярные списки о службе. Следует отметить, что границы между данными категориями весьма условны.

Создание в Гродненской губернии внутренней стражи в первой четверти XIX в. следует рассматривать с позиций процесса общего реформирования системы управления армии Российской империи, происходившего в период правления императора Александра I. Формирование подразделений внутренней стражи было продиктовано рядом факторов, связанных с возрастанием внешней угрозы и напряженным положением внутри империи, а также необходимостью реформировать внутреннюю службу на местном уровне, усилить и укомплектовать за счет гарнизонных частей полевую армию.

Территория Гродненщины, войдя в состав Российской империи, занимала важное геополитическое и стратегическое значение в системе

оборонеспособности Российской империи, здесь размещались крупные гарнизоны и дислоцировался внушительный воинский контингент, ставшие основой формирования Гродненского батальона внутренней стражи. Так, 17 января 1811 г. из роты, оставшейся от расформированного Кюменегородского гарнизонного батальона, и присоединенной к ней штатной губернской роты Гродненской губернии в г. Гродно был сформирован Гродненский внутренний губернский полубатальон, состоявший из двух рот, в каждой из которых было 4 обер-офицера и 165 нижних чинов [1, л. 3].

27 марта 1811 г. к этим ротам была добавлена третья с последующим переименованием в Гродненский внутренний губернский батальон. Вместе с ним в уездных городах Гродненской губернии (Волковыске, Брест-Литовске, Пружанах, Кобрине, Лиде, Новогрудке и Слониме) были учреждены уездные инвалидные команды, поступившие в подчинение батальона. По новому штату от 3 июля 1811 г. в батальоне насчитывалось 2 штаб-офицера, 14 обер-офицеров, 493 нижних чина, 20 нестроевых, 25 деньщиков. Всего 554 чел. [2, с. 304].

Следует отметить, что для формирования третьей роты и уездных инвалидных команд (состоявших из 2 обер-офицеров и 46 нижних чинов в каждой) в Гродненской губернии были использованы: 1) инвалидная команда, находившаяся в Шлиссельбурге; 2) штатные уездные команды губернии; 3) инвалиды, получавшие в Гродно казенное содержание [1, л. 4].

3 июля 1811 г. император Александр I утвердил «Положение для внутренней стражи». Согласно ему подразделения были разделены на округа, управлявшиеся окружными начальниками (окружными генералами). Следует отметить, что в процессе эволюции организационная структура внутренней стражи постоянно подвергалась изменениям: варьировалось количество округов (не только в сторону увеличения, но и сокращения), штатная численность подразделений. Округ включал 2–3 бригады, каждая из которых состояла из нескольких батальонов. В свою очередь в состав губернских батальонов входили команды служащих инвалидов в уездных городах и этапные команды. Все находившиеся в уезде инвалиды состояли в подчинении начальника уездной инвалидной команды [3, с. 784]. Гродненский внутренний губернский батальон вошел в состав 2-й бригады 4-го округа внутренней стражи, а в 1818 г. перешел в состав 12-го округа. В 1829 г. по новому расписанию войск был переподчинен в 9-й округ.

В соответствии с Положением власть и права командира батальона соответствовали полно-

мочиям и правам командиров полевых полков. Он был обязан: 1) вести учет личного состава батальона и всех находящихся в губернии уездных и других инвалидных команд; 2) заботиться об обеспечении батальона всеми видами довольствия; 3) принимать все необходимые меры для поддержания правопорядка и дисциплины в подчиненных подразделениях; 4) следить за опрятным внешним видом военнослужащих и исправностью вверенного им вооружения; 5) отвечать за прием, обучение, содержание рекрутов и своевременную доставку рекрутских партий к месту назначения; 6) выявлять военнослужащих отставших от своих команд без уважительной причины, и высылать их к местам прохождения службы; 7) следить за соблюдением военнослужащими, находящимися в губернии, сроков лечения и отпусков; 8) конвоировать дезертиров, арестантов, преступников; 9) проверять условия содержания больных и их лечения в военных госпиталях губернии [3, с. 790].

С 1816 г. подразделениям внутренней стражи Гродненской губернии предписывалось осуществлять пошив обмундирования для призываемых рекрутов. С этой целью в штат нижних нестроевых чинов Гродненского батальона внутренней стражи были введены должности закройщика и сноровщика [4, л. 1].

С введением этапной системы сопровождения арестантов в составе батальона были сформированы этапные команды. Так, 12 февраля 1818 г. при учреждении пеших этапов для сопровождения арестантов по маршруту от Брест-Литовска через Минск и Смоленск до Москвы сформированы и подчинены батальону этапные команды: Ружанская, Столочская, Каменская и Белицкая [5, л. 3].

21 июня 1837 г. при учреждении конных этапов для сопровождения арестантов от Белостока через Гродно, Минск, Оршу и Смоленск до Москвы сформированы и подчинены батальону конные этапные команды: Белостокская, Сокольская, Гродненская, Ельниская, Белицкая, Новогрудская и Мирская, при этом Каменская и Белицкая пешие этапные команды упразднены [5, л. 4].

24 апреля 1843 г. Дрогичинская инвалидная команда с переводом в г. Троки и с переименованием в Трокскую, Лидская инвалидная и Белицкая конно-этапная команды были переподчинены Виленскому внутреннему гарнизонному батальону, а Новогрудская инвалидная и Столовичская пешая, Новогрудская и Мирская конно-этапные команды подчинены Минскому внутреннему гарнизонному батальону [2, с. 306].

Следует отметить, что на продовольственное обеспечение нижних чинов батальона гу-

бернские власти ежемесячно затрачивали порядка 430 руб. (январь 1861 г. – 427 руб. 12 коп., февраль 1861 г. – 433 руб. 53 коп.). В ежедневный рацион военнослужащих внутренней стражи входили: горох, грибы, масло, лук, говядина, капуста, перец, сельдь, соль, картофель, сало [6, л. 2].

На батальон внутренней стражи возлагались военные функции, связанные с обеспечением общественного порядка и дисциплины в губернии, осуществление гарнизонной службы, но главный предмет учреждения внутренней стражи состоял в том, чтобы «...при батальонах оной формируемы были рекруты, чтобы посредством оной препровождались в случае войны пленные, чтобы конвоированы были рекрутские партии, с места их набора, в назначенное рекрутское депо, куда прикомандированы должны быть офицеры из внутренней стражи», – вспоминал инспектор внутренней стражи генерал-лейтенант Е. Ф. Комаровский [7, с. 185].

Подразделения Гродненского батальона внутренней стражи выполняли обязанности по несению караулов, направленных на усиление пограничных и таможенных застав. Например, в 1817 г. Брестская инвалидная команда Гродненского батальона внутренней стражи несла караульную службу на брестской пограничной заставе [8, л. 2].

Кроме военных функций батальон выполнял обязанности в отношении к губернскому начальству: 1) силовое обеспечение деятельности судов; 2) борьба с преступностью; 3) подавление массовых беспорядков; 4) розыск и поимка беглых преступников и дезертиров; 5) выявление и изъятие запрещенных и контрабандных товаров; 6) содействие в сборе налогов; 7) обеспечение охраны общественного порядка; 8) отправка в распоряжение воинских частей военнослужащих, просрочивших отпуска; 10) содействие в ликвидации пожаров, последствий стихийных бедствий; 11) охрана тюрем; 12) обеспечение безопасности объектов государственной важности [3, с. 785].

Ответственная и сложная служба внутренней стражи требовала и соответствующего подбора личного состава. Однако на деле существовали значительные расхождения между предназначением подразделения и порядком его комплектования. Внутренняя стража превратилась в место ссылки, куда переводили людей со слабыми профессиональными способностями и нарушителей воинской дисциплины. Так, офицеры батальона комплектовались: 1) переводом из армейских полков по болезням и негодности к полевой службе (под видом чего переводились и недисциплинированные офицеры); 2) зачислением из отставки, в т.ч. в которую уходила часть офицеров не по своему желанию; 3) выпуском из военно-учебных заведений по причинам слабых умствен-

ных способностей; 4) производством в офицеры по ускоренной программе [9, с. 444]. Естественно, что значительная часть личного состава батальона оказалась не на высоте своего назначения. Таким образом, существовали значительные расхождения между предназначением внутренней стражи и порядком ее комплектования

Несмотря на то, что внутренняя стража, главным образом, несла караульную службу и охраняла внутренний государственный порядок, преступность в подразделении превышала такую в армии в 6 раз, а по сравнению с гвардией – в 19 раз [9, с. 444]. Фонды НИАБ в г. Гродно содержат много дел, касающихся фактов дезертирства и преступлений, совершенных личным составом Гродненского батальона внутренней стражи. Например, дела 1863–1864 гг. «О предании суду рядовых Гродненского губернского батальона за убийство крестьянина, грабежи, пьянство, самовольную отлучку», «О задержании дезертира рядового Гродненского батальона внутренней стражи Станкевича Александра» и т. д. [10, л. 3; 11, л. 4].

Об обстоятельствах, обнаруженных в расследованиях штабс-капитана Кренщина и майора Скивского, следует рассказать более подробно. Так, в ходе инспекции Херсонского батальона внутренней стражи в 1861 г. окружным генералом 8-го округа внутренней стражи было выявлено, что рядовой команды неспособных Антон Савицкий, состоящий при Гродненском батальоне, был неправильно уволен в бессрочный отпуск под видом уроженца Царства Польского, тогда как он происходил из местных евреев и не имел права на подобное увольнение [12, л. 1].

В ходе выяснения обстоятельств оказалось, что при увольнении Савицкого в отпуск в его формулярном списке, предоставленном из Гродненского батальона, отсутствовали сведения о его происхождении. Этот факт бывший командир Гродненского батальона подполковник Таубе объяснил ошибкой писаря и халатностью батальонного адъютанта подпоручика Ананского, обязанного своевременно и точно вести все письменные сведения о нижних чинах [12, л. 1].

Между тем в начале января 1862 г. был получен безымянный донос, содержание которого указывало на существование в строевой части канцелярии Гродненского батальона внутренней стражи злоупотреблений по переводам и увольнениям нижних чинов, которые, как сказано, достигают желаемого посредством взяток батальонному адъютанту подпоручику Ананскому [12, л. 2].

Получив подтверждение этого доноса из III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, для проведения расследо-

вания окружным генералом в г. Гродно был откомандирован штабс-капитан Генерального штаба Кренищин, которым были обнаружены факты системных противоправных действий по строевой канцелярии Гродненского батальона внутренней стражи: «...а) из нижних чинов уволенные Ян Мавевский в отставку по подложному формулярному списку, в котором неправильно указаны бытность его при защите Севастополя и вследствие этого прибавление 10 лет службы, а рядовые Эдельман, Сергеев и Кухарчук в продолжительный отпуск по подложным статейным спискам о состоянии здоровья; б) рядовой Тутчин и другие 22 человека штрафованных нижних чинов вопреки высочайше утвержденному положению о неспособных уволены во временный отпуск на родину; г) унтер-офицер Исенда и рядовые Харитонов, Городков, Колороденский уволены в отпуск без билетов и поэтому остались не зачислены по части запасных войск; д) рядовые Соболевский, Гудис, Писменовский, Козак, Рыхман, Догус, Севрючин, Ианавецкий, Шмуйлевич, Нисавич и Эливис, находившиеся в услужении при военном госпитале без всякого законного основания вызваны в батальон и отправлены в отпуск» [12, л. 3].

При исследовании всех этих противозаконных действий в их участии сознались только занимающиеся в канцелярии батальона рядовые Григорьев, заявивший, что он сделал поддельную отметку в статейном списке рядового Эдельмана по просьбе писаря Мешкова, отдавшего ему за это 10 рублей серебром, и унтер-офицер Березницкий, который показал, что унтер-офицер Щавинский и рядовые Готов и Воробьев неправильно были зачислены им в команду неспособных по просьбе Курамса, предупредившего, что батальонный адъютант не будет проверять достоверность зачисления этих людей [12, л. 4].

Бывший командир батальона подполковник Таубе противоречиво объяснял вышеуказанные нарушения законных постановлений то упущением, то ошибкой батальонного адъютанта. Кроме того, неправильные переосвидетельствования рядового Рубенштейна и откомандирование 11 чел. из госпиталя было произведено не по его распоряжению, а по приказанию батальонного адъютанта Ананского [12, л. 4].

Подпоручик Ананский хотя и не сознался в умышленном совершении всех вышеуказанных нарушений и их корыстном умысле, но его виновность полностью очевидна и не требовала дополнительных доказательств [12, л. 5].

Показания 8 чел. нижних чинов команды неспособных о данных подпоручику Ананскому деньгах для получения отпуска, приложенными к делу записками Ананского, в которых его рукой вписаны нижние чины как неправильно за-

численные в неспособные, так как и неправильно уволенные в отпуска и, наконец, собственным сознанием, что он получил по почте 4 рубля серебром от матери рядового Кольчука, просившей его увольнения в отпуск [12, л. 5].

Затем прикомандированный к Гродненскому батальону внутренней стражи майор Скивский, производивший в июне месяце 1862 г. инспекторский осмотр команды неспособных батальона, сообщил о многочисленных нарушениях, выявленных им в батальоне. Его расследование показало, что «заведовавший с августа 1861 г. командою неспособных 1 статьи при Гродненском батальоне подпоручик Бугордь: а) вопреки приказам хозяйственной частью команды распоряжался сам, отстранив от всякого участия артельщиков и нижних чинов и оставлял последних в совершенной неизвестности о приходах и расходах денег, провианте, дров и заработанных нижними чинами на вольных работах денег, часть которых вносилась ими в артель на разные хозяйственные нужды; б) пищу для команды, по недостаточному отпуску продуктов, приготавливал скудную и не улучшал ее несмотря на замечания и выговора бывших командиров батальона подполковников Дворяницкого, Таубе; в) нижним чинам из евреев, которые не удовлетворялись из общего котла не отпускал харчевых денег, а выдавал только крупу и соль и по отчетам показывал большее число женатых нижних чинов, будто бы получавших приварочные деньги на руки, тогда как некоторые из них получали пищу от артели; г) для освещения казарм не выдавал отпускаемые для этих целей свечи, а освещал их маслом, которое покупалось на харчевые и экономические деньги; д) для кормления своего скота брал из команды муку и сверх того, по его указанию, выпекался для него из солдатской муки сытный хлеб от 6 до 7 пудов каждый месяц; е) употреблял в своих интересах принадлежащие команде свинью и несколько поросят без оплаты; ё) держал у себя в услужении рядового Кржановского около года для домашней работы и рядового Захарчука в течение 2,5 месяца для выпаса скота; ж) посылал к доктору Калиновскому для работ рядовых Киселя, Пивоварчука, Гриняка получивших недостаточное вознаграждение и как этим рядовым, так и другим нижним чинам за время нахождения на вольных работах не выдавал на руки кормовых денег; и) в экономической харчевой книге показывал в расходе большее количество денег, против артельщицких месячных тетрадей, когда это было обнаружено следствием и сверх того открыто, что под статьями расходов сделаны подписи артельщиков без их ведома и неизвестно кем, то подпоручик Бугардт, получив обратно от следователя экономическую шнуровую книгу

для внесения в нее расходов за последний месяц, подменил ее другой, тем не менее, подписанной подполковником Таубе. Об этом было сообщено подполковнику Таубе, однако последний никак не отреагировал» [12, л. 14].

Таким образом, данные факты ясно свидетельствуют о явном и дерзком нарушении должностными лицами Гродненского батальона постановлений и требований закона при исполнении своих служебных обязанностей, а также о совершенном бездействии высших должностных лиц управления батальона.

Следует отметить, что подавляющее большинство личного состава корпуса добросовестно исполняло свои функциональные обязанности. Ответственная и сложная служба внутренней стражи требовала напряженного труда военнослужащих, т.к. служба в гарнизонных батальонах была очень тяжелой, часто офицеры заступали в караулы несколько дней подряд, а жалование у них было меньше, чем в полевых войсках.

Ведение боевых действий преимущественно не входило в круг обязанностей внутренней стражи, при этом 16 июня 1812 г. солдаты и офицеры Гродненского внутреннего гарнизонного батальона под руководством гродненского полицмейстера Высочина приняли активное участие в оборонительных сражениях против наполеоновских войск. В ходе боев погиб прапорщик внутренней стражи Н. И. Ившин [13, л. 41; 14, с. 72].

К середине XIX в. назрела необходимость коренных преобразований Корпуса внутренней стражи. Однако изменений не последовало, а при последующих реформах военного министра гене-

рал-адъютанта Д. А. Милютина 6 августа 1864 г. внутренняя стража была упразднена, а служба ее возложена на вновь сформированные местные войска. 13 августа 1864 г. Гродненский батальон внутренней стражи прекратил свое существование.

Таким образом, личный состав Гродненского батальона внутренней стражи играл важное значение в системе обеспечения региональной и государственной безопасности Российской империи, что особенно ярко проявилось в ходе сражений франко-русской войны 1812 г. Анализ штатно-должностной структуры батальона позволяет сделать вывод о том, что она имела унифицированный (типовой) состав и не отличалась от других губерний Российской империи. Вместе с тем подразделения внутренней стражи на Гродненщине имели ряд особенностей: во-первых, они несли караулы по охране границы и усилению таможенных застав, во-вторых, не имели единого центра управления, что свидетельствует об отсутствии в военном руководстве Российской империи четкого понимания и восприятия белорусских земель как единого целого. Изначально округа формировались по принципу выгодного военно-стратегического положения, удобства в их управлении. К середине XIX в. подразделения внутренней стражи в Гродненской губернии оказались в составе двух округов – 9-го и 10-го (Брест-Литовск). Ввиду отсутствия должного отбора для поступления на службу во внутреннюю стражу ее подразделения страдали от злоупотреблений и преступлений различных категорий должностных лиц.

Список использованных источников

1. Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (далее – НИАБ в г. Гродно) – Ф. 1478. – Оп. 1. – Д. 3.
2. *Висковатов, А. В.* Хроника Российской Императорской армии в семи частях. Часть VII / А. В. Висковатов. – СПб.: Воен. тип., 1852. – 340 с.
3. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том XXXI. 1810–1811 гг. / под ред. М. М. Сперанского. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – 941 с.
4. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 998.
5. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 534.
6. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1478. – Оп. 1. – Д. 4.
7. Записки графа Е. Ф. Комаровского / ред. П. Е. Щеголева. – СПб.: Огни, 1914. – 279 с.
8. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 989.
9. Военная энциклопедия: в 18 т. / под ред. В. Ф. Новицкого [и др.]. – СПб.: Товарищество И. Д. Сытина, 1912. – Т. 6: [Верещагин В. В. – Воинская повинность]. – 642 с.
10. НИАБ в г. Гродно – Ф. 1. – Оп. 34. – Д. 2815.
11. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1. – Оп. 34. – Д. 718.
12. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 274. – Оп. 1. – Д. 1.
13. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1. – Оп. 19. – Д. 1141.
14. *Швед, В. В.* Заходні рэгіён Беларусі ў часы напалеонаўскіх войнаў, 1805–1815 гады / В. В. Швед, С. В. Данскіх; Гродзен. дзярж. ун-т імя Я. Купалы. – Гродна: ГрДУ, 2006. – 250 с.

Дата поступления: 25.09.2018.

Киселёв А. А.

Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники, Минск

Kiselev A. A.

Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics, Minsk

УДК 94(476):351.744+316.344.42

НАЧАЛЬНИКИ УЕЗДНЫХ ПОЛИЦЕЙСКИХ УПРАВЛЕНИЙ БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ (1863–1914 ГОДЫ)

CHIEFS OF COUNTY POLICE DEPARTMENTS OF BELARUSIAN PROVINCES (1863–1914)

Начальники уездной полиции являлись представителями административной элиты. Однако данные об уровне образования исправников показывают, что престижем эта должность не пользовалась. В начале XX в. среди начальников уездной полиции в белорусских губерниях был высокий процент местных уроженцев. Практически все чиновники были православного вероисповедания. По сравнению с периодом 60-х гг. XIX в. сократилось количество лиц, которые до службы в Министерстве внутренних дел были офицерами русской армии и являлись уроженцами внутренних губерний.

Ключевые слова: полиция; элита; белорусские губернии; уездные полицейские управления.

The chiefs of the county police were representatives of the administrative elite. However, data on the level of education of police officers show that this post did not enjoy prestige. At the beginning of the 20th century, a high percentage of local natives were among the chiefs of the county police in the Belarusian provinces. Virtually all officials were Orthodox. Compared with the period of the 1860s., the number of persons who, before serving in the Ministry of the Interior, were officers of the Russian army and were natives of the inner provinces, decreased.

Keywords: police; elite; Belorussian provinces; county police departments.

Состав чиновничества и направленность кадровой политики в белорусских губерниях после польского восстания 1863–1864 гг. по-прежнему являются предметом исследований, поскольку тесно связаны с дискуссиями о внутренней политике российского правительства в регионе. В этой связи представляет интерес, как меры российского правительства, обусловленные восстанием 1863 г., сказались на составе таких представителей административной элиты, как начальники уездных полицейских управлений.

В целях характеристики основных тенденций в составе исправников, возглавлявших уездные полицейские управления в белорусских губерниях в период от подавления Январского восстания 1863 г. до начала Первой мировой войны, нами были использованы данные местных и центральных официальных справочных изданий [1; 2]. Содержащиеся в них сведения позволяют составить представление о среднестатистическом начальнике уездной полиции. Однако по информативности этот вид источника все же уступает формулярному списку, поскольку в них нет данных о сословном происхождении, первом и последующих местах службы чиновника, вероисповедании жены, что упростило бы задачу по установлению приблизительного места рождения должностного лица.

Нельзя сказать, что в белорусской историографии не ставился вопрос о составе чиновников уездных полицейских управлений в период 60-х гг. XIX – начала XX в. В частности, этот сюжет затрагивался в диссертационных исследованиях и отдельных статьях Е. А. Подорожная [3; 4] и А. Д. Кузьмина [5; 6]. Однако в работах этих авторов при характеристике социального состава местной бюрократии чиновники «русского происхождения» почему-то фактически отождествляются со служащими, переведенными или прибывшими в край из внутренних губерний империи. При поступлении на государственную службу и занятии должностей в пределах западных губерний по ведомству Министерства внутренних дел дискриминация после польского восстания 1863–1864 гг. сохранялась только для местных уроженцев католического вероисповедания, которые не без оснований трактовались властями как лица польской национальности. По крайней мере, после секретного циркуляра министра внутренних дел П. А. Валуева от 17 февраля 1863 г. пост исправника оказался для них закрыт. На практике это означало, что уроженцы белорусских губерний православного вероисповедания не встречали препятствий на пути к административной карьере. Кроме того, при определении национального состава чиновничества не принимается во внима-

ние сложная природа национальной идентичности. Представляется, что было бы корректнее основной акцент делать на выяснении доли местных уроженцев в корпусе государственных служащих, чем на попытках установления их национальной принадлежности. По крайней мере, ни формулярные списки, ни данные официальных справочных изданий о чиновничестве не содержали графы «национальность». Наконец, анализ сведений о начальниках уездных полицейских управлений проводился в контексте общей характеристики состава местной бюрократии, что не позволяет составить представление об этих представителях административной элиты.

В целях анализа состава исправников в период после восстания 1863–1864 гг. нами использовались сведения о 46 (98 %) из 47 начальников уездных полицейских управлений, которые содержатся в «Адрес-календаре Виленского генерал-губернаторства на 1868 год». Спустя четыре года после подавления восстания в белорусских губерниях практически все (91,3 %) начальники уездной полиции были православного исповедания. Исключением оказались чериковский исправник, исповедовавший католицизм, и начальник виленской уездной полиции, указавший, что он лютеранин. В двух случаях (4 %) данные об исповедании отсутствовали. Следует отметить, что подавляющее большинство начальников уездной полиции не являлись местными уроженцами. По косвенным признакам можно уверенно утверждать, что не менее трех (6,5 %) исправников происходили из уроженцев белорусских губерний, причем все они проходили службу в Могилевской губернии.

Представляют значительный интерес сведения об образовательном цензе исправников. Почти каждый пятый (17 %) получил высшее образование: 5 окончили университеты, 2 – приравненные к ним лицеи (в Одессе и Нежине), 1 исправник окончил военизированный Институт корпуса инженеров путей сообщения. 7 (15 %) исправников получили гимназическое образование, 2 (4 %) оказались воспитанниками духовных семинарий. Заметную долю составили лица, чье обучение проходило в частных учебных заведениях: таких оказалось 7 чел. (15 %). Проблема заключается в том, что достаточно сложно оценить уровень полученного в таких заведениях образования. Он мог вполне соответствовать гимназическому или, напротив, не превышать объема уездного училища. Среди исправников только 3 (6,5 %) ограничились курсом уездного училища. В одном случае значилось лишь то, что будущий исправник обучался в учебном заведении Одессы без каких-либо конкретных указаний. Только двое исправников имели отметку о домашнем образовании.

Однако больше всего среди исправников оказалось воспитанников военно-учебных заведений (15, или 32,6 %). В частности, 5 обучались в дворянском полку. Столько же окончили кадетские корпуса, 1 выпустился из артиллерийского училища, а 2 завершили свое обучение в Школе гвардейских подпрапорщиков. Борисовский исправник указал местом обучения Константиновскую военную гимназию, но, по всей видимости, речь шла о Константиновском кадетском корпусе. Среди начальников уездной полиции оказался даже один выпускник Николаевской академии Генерального штаба.

Корпус начальников уездной полиции конца 60-х гг. XIX в. интересен тем, что среди них чиновники с военным прошлым составляли более половины всех служащих (27, или 58,7 %). При этом только в Могилевской (3 из 11) и Витебской (5 из 11) губерниях исправники с армейским опытом оказались в меньшинстве. В остальных губерниях они доминировали над своими гражданскими сослуживцами по ведомству Министерства внутренних дел. Вероятно, что такое распределение обусловлено тем, что в Виленской, Гродненской и Минской губерниях повстанческая активность в 1863 г. была выше. Показательно, что лишь трое (6,5 %) из всех исправников были назначены на должность до 1863 г. Если принять во внимание, что средний стаж пребывания на должности составил приблизительно 3,4 года, то станет ясно, что польское восстание 1863–1864 гг. привело к практически полной смене состава начальников уездной полиции. До своего назначения на должность исправника средний служебный стаж равнялся 19 годам. Средний возраст исправников составил 39,4 года, причем по возрастным группам главы уездной полиции распределились следующим образом: в возрасте от 20 до 25 лет – 1 чел., от 25 до 30 лет – 5 чел. (11 %), от 31 до 35 лет – 8 чел. (17,4 %), от 36 до 40 лет – 10 чел. (22 %), от 41 до 45 лет – 9 чел. (20 %), от 46 до 50 лет – 10 чел. (22 %) и от 51 до 55 лет – 2 (4 %).

Наконец, по семейному положению 11 (23,9 %) чиновников значились как неженатые, 30 чел. (65 %) были женаты, 2 – вдовцами, а в трех случаях информация отсутствовала.

Таким образом, среднестатистический исправник в белорусских губерниях в конце 60-х гг. XIX в. был, как правило, выходцем из внутренних губерний православного вероисповедания, при этом незначительное большинство имело опыт военной службы в русской армии. Стаж на должности показывает, что к исполнению своих обязанностей чиновники приступили совсем недавно, т. е. являлись представителями чиновников, призванных на службу в западные губер-

нии при генерал-губернаторах М. Н. Муравьеве и К. П. фон Кауфмане. Важной особенностью является то, что более половины исправников принадлежали к числу офицеров русской армии, которых при М. Н. Муравьеве охотно назначали на посты глав уездной полиции. Начальники уездных полицейских управлений отличались сравнительно высоким образовательным цензом. Показательно, что только 2 (4 %) исправника ограничили домашним воспитанием.

При характеристике состава исправников в начале XX в. нами использовались сведения из официального справочника о служащих по ведомству Министерства внутренних дел за 1913 г, который содержал сведения о 44 (93,6 %) из 47 начальников уездных полицейских управлений белорусских губерний. В трех случаях информация не была предоставлена (6,4 %). Из всех исправников лишь 4 (9 %) были лютеранами, а остальные исповедовали православие. Показательно, что 3 из 4 чиновников-лютеран служили в Витебской губернии, граничащей с остзейскими губерниями. При попытке установления факта принадлежности чиновника к уроженцам белорусских губерний за основу был выбран такой косвенный критерий, как расположение учебного заведения, в котором завершил свое образование будущий начальник уездной полиции. В результате получилось, что 15 (34 %) из 44 исправников являлись жителями западных губерний, при этом полученные данные скорее всего занижены, поскольку в расчет не принимались лица, сдавшие экзамен на первый классный чин или получившие домашнее воспитание. По крайней мере, не менее трети всех начальников уездных полицейских управлений не принадлежали к числу лиц, приехавших на службу в край из внутренних губерний империи.

Большинство чиновников были семейными (83 %), 1 находился в разводе, 1 исправник был вдовцом, а 4 (9 %) начальника полиции еще не женились. Можно отметить, что по сравнению с данными за 1868 г. оказался выше процент семейных полицейских офицеров. Вероятно, это является косвенным свидетельством увеличения доли чиновников местного происхождения.

Представляют интерес данные об образовательном цензе начальников управлений. В частности, 4 (8,5 %) обучались в духовных учебных заведениях: 3 – в семинарии, но один из семинаристов не сумел окончить обучение, и 1 – в училище. Образованием в уездном училище ограничились 11 (23,4 %) исправников, в городских училищах – 3 (6,4 %). К ним примыкали 2 лица, окончившие специализированные учебные заведения: земледельческое и лесное училища. Заметную группу составляли начальники полиции, которые сдавали экзамен на первый классный

чин при учебном заведении. Таких среди полицейских офицеров оказалось 6 (12,8 %). К ним примыкает бобруйский исправник, воспитывавшийся дома. Особо следует выделить тех, кто проходил обучение в военно-учебных заведениях империи. Из 7 (14,9 %) исправников 2 обучались в Киевской военно-фельдшерской школе, 3 были выпускниками кавалерийских и 1 пехотного юнкерских училищ. Наконец, могилевский исправник не сумел пройти полностью курс в Псковском кадетском корпусе. Любопытно, что никто из 10 (21,3 %) исправников, обучавшихся в гимназиях (4) и реальных училищах (4), Гатчинском сиротском институте императора Николая I и Санкт-Петербургской гимназии Императорского Человеколюбивого общества, не смог полностью освоить курс и по тем или иным причинам оставил среднее учебное заведение. Таким образом, образовательный уровень большинства исправников был невысоким. Показательно, что среди них не оказалось ни одного выпускника гимназии или реального училища. Не менее характерен факт полного отсутствия среди этой категории чиновников Министерства внутренних дел лиц с университетским образованием. Следовательно, накануне Первой мировой войны не изменилась ситуация, описанная в анонимных воспоминаниях о службе в Могилевской губернии на рубеже XIX–XX вв. По словам их автора, образование исправников «ограничивается обыкновенно городским 4-х классным училищем (и это еще хорошо), а умственный кругозор не идет дальше понятия о том, как лучше дать в зубы ленивому городскому и «прижать» жида на базаре, если он скуповат на «подарки» [7, с. 116].

Если проанализировать особенности карьерного роста, то 29 (66 %) из 44 чел. начали свою службу сразу по ведомству Министерства внутренних дел. Средняя продолжительность службы будущего начальника уездной полиции до его назначения на этот пост, с учетом общего стажа, составляла 20 лет и 2 месяца. Однако лучше представление о времени назначения дают интервальные величины. Так, 3 (7 %) исправника заняли эту должность, предварительно прослужив от 5 до 10 лет; от 11 до 15 лет пришлось послужить 6 (13,6 %) чиновникам. В интервал от 16 до 20 лет укладывался служебный опыт 11 (25 %) будущих начальников полиции. Прежде чем получить назначение, 15 (34,1 %) чиновникам пришлось провести на нижестоящих должностях от 21 до 25 лет. 7 исправникам (15,9 %) потребовалось более 25 лет, но менее 30, чтобы стать во главе уездной полиции. Наконец, 2 пришлось прождать более 30 лет, прежде чем состоялось их назначение. Получается, что подавляющее большинство (79,5 %) всех чиновников имели стаж от 15 до

полных 25 лет, т. е. на пост исправника попадали люди со значительным служебным цензом. Отнюдь не случайно в воспоминаниях о быте чиновников Могилевской губернии отмечалось, что на пост начальника уездной полиции назначались «обыкновенно из приставов, бывших раньше простыми околоточными надзирателями» [7, с. 116], т. е. речь идет о лицах, которые проделали последовательную служебную карьеру.

В заключение отметим, что по сравнению с периодом второй половины 60-х гг. XIX в. в составе начальников уездных полицейских управлений в начале XX в. произошли определенные изменения. Во-первых, существенно снизился образовательный уровень исправников, среди которых, за исключением двух человек (4 %), не оказалось ни одного чиновника с полноценным средним образованием. Это косвенно свидетельствует о том, что служба в общей полиции не воспринималась как престижная в элитных социальных группах, поскольку принадлежность должности исправника к административной эли-

те не вызывает сомнения. Кроме того, высокий образовательный ценз в 1868 г. следует скорее всего рассматривать как отклонение от нормы, вызванное массовым переводом чиновников из внутренних губерний. Во-вторых, достаточно высокий процент среди руководителей уездной полиции накануне войны уже составляли местные уроженцы. Вместе с тем по-прежнему сохранялся «закрытый» характер этой должности для лиц католического вероисповедания. В-третьих, большинство чиновников проходили службу по гражданскому ведомству, причем преимущественно в системе учреждений Министерства внутренних дел. Недостатки образовательного ценза отчасти компенсировались значительным служебным стажем перед назначением на должность исправника. Высокий процент отставных и перешедших на гражданскую службу армейских офицеров в конце 60-х гг. XIX в. среди исправников также является «наследием» польского восстания 1863–1864 гг., а не правилом кадровой политики в белорусских губерниях.

Список использованных источников

1. Адрес-календарь Виленского генерал-губернаторства на 1868 год / сост. секретарем Витеб. стат. ком. А. Сементовским. – СПб.: Витеб. стат. ком., 1868. – 815 с.
2. Список лиц, служащих по ведомству Министерства внутренних дел: за 1913 г. Ч. 2 (Губернии, области и градоначальства). – СПб.: Тип. Мин. вн. дел, 1913. – 946 с.
3. *Подорожня, Е. А.* Местные органы государственной власти и управления в Беларуси (1861–1914 гг.): структура, функции, кадры: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Е. А. Подорожня. – Минск, 2014. – 180 л.
4. *Подорожня, Е. А.* Полиция и жандармские органы в Беларуси во второй половине XIX – в начале XX в. / Е. А. Подорожня // Беларусь у пачатку XX ст.: Да 100-годдзя БДПУ: зб. навук. пр. / Беларус. дзярж. пед. ун-т імя М. Танка; рэдкал.: А. І. Андарала [і інш.]. – Мінск: БДПУ, 2014. – С. 272–279.
5. *Кузьмин, А. Д.* Социокультурный облик чиновничества белорусских губерний (1864–1914 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / А. Д. Кузьмин. – Могилев, 2017. – 186 л.
6. *Кузьмин, А. Д.* Учреждения и чиновники Министерства внутренних дел в Могилевской губернии (1881–1917 гг.) / А. Д. Кузьмин // Вучоныя запіскі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна: зб. навук. пр. / УА Брэсц. дзярж. ун-т імя А. С. Пушкіна. – 2013. – Вып. 9, ч. 1. – С. 90–96.
7. С. У. На северо-западной окраине (из записок русского чиновника) / С. У. // Исторический вестник. – 1908. – Т. СХІV. – С. 115–133.

Дата поступления: 30.10.2018.

Бусько С. І.

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт фізічнай культуры, Мінск

Busko S.

Belarusian State University of Physical Culture, Minsk

УДК 351.746.1(476)(091)

АСОБНЫ КОРПУС ЖАНДАРАЎ І СІСТЭМА НАГЛЯДУ ЗА ПАЛІТЫЧНЫМІ ПАРТЫЯМІ Ў БЕЛАРУСКІХ ГУБЕРНЯХ У 1907–1914 ГАДАХ

SPECIAL CORPS OF GENDARMES AND SURVEILLANCE SYSTEM FOR POLITICAL PARTIES IN BELARUSIAN PROVINCES IN 1907–1914

Артыкул прысвечаны дзейнасці Асобнага корпуса жандараў у пачатку XX ст. Асабліва ўвага надаецца арганізацыі нагляду за палітычнымі партыямі ліберальнага і радыкальнага кірунку ў беларускіх губернях у 1907–1914 гг. Зроблена выснова, што ў разглядаемы перыяд дзяржаўная палітыка па ўсталяванні грамадскага парадку дасягнула поспеху, і дзейнасць палітычных партый была цалкам пад паліцэйскім кантролем.

Ключавыя словы: палітычная паліцыя; жандарскае ўпраўленне; ахоўнае аддзяленне; палітычны вышук; палітычныя партыі; перлюстрацыя; правакацыя; рэвалюцыйны рух; агентура.

The article is devoted to the activities of Special Corps of Gendarmes in the early 20th century. Particular attention is paid to the organization of supervision over political parties, liberal and radical trends in the Belarusian provinces in 1907–1914. It is concluded that in the period under review the state policy for the establishment of public order has reached success and activities of political parties was completely under police control.

Keywords: political police; gendarme department; Okhrana; political search; political parties; perusal; provocation; revolutionary movement; secret agents.

Трэцячэрвеньскі пераварот 1907 г. фактычна скончыў рэвалюцыйны перыяд у развіцці Расійскай імперыі і паставіў палітычную паліцыю краіны перад праблемай арганізацыі палітычнага кантролю ў новых умовах. У гэты час складалася аптымальная сістэма палітычнага вышуку на тэрыторыі Беларусі: 70 унтэр-афіцэрскіх жандарскіх пунктаў – 16 павятовых жандарскіх ўпраўленняў – пяць губернскіх жандарскіх ўпраўленняў (ГЖУ) – Паўночна-Заходняе Раённае ахоўнае аддзяленне – Асобны Корпус жандараў (АКЖ). Для забеспячэння асобных функцый палітычнай паліцыі існавалі 5 ўпраўленняў на чыгунцы, чатыры крапасныя жандарскія каманды, контрразведка і ахоўныя аддзяленні ў Беластоку і Вільні. У 1907–1908 гг. адбыліся якасныя змены ў дзейнасці Дэпартаменту паліцыі, але па-ранейшаму галоўным аб'ектам назірання заставаліся палітычныя партыі, прафесійныя і грамадскія аб'яднанні.

Аднак вектар увагі ўстаноў палітычнай паліцыі памяняўся. Калі ў 1905–1907 гг. асноўнае назіранне ажыццяўлялася за рэвалюцыйнымі партыямі і праявам іх дзейнасці, то зараз акцэнт быў зроблены на стварэнне сістэмы кантролю як над рэвалюцыйнымі, так і над ліберальнымі партыямі. Больш за тое, аналіз падзей Першай рускай рэвалюцыі прывёў Асобы аддзел Дэпартаменту паліцыі да высновы, што «главную руково

дую роль у руском революционном движении играло и продолжает играть так называемое общественное или оппозиционное движение» [1, арк. 121]. Адпаведна перад вышуковымі органамі на месцах была пастаўлена задача поўнага кантролю над «конституционно-демократической и трудовой народно-социалистической партиями». Іх імкненне да звяржэння самадзяржаўя праз легальныя формы дзейнасці было прызнана найбольш небяспечным для Расійскай імперыі.

Барацьба з антыўрадавым рухам ліберальных арганізацый, на думку Дэпартаменту паліцыі, была найбольш складаная для палітычнай паліцыі. Таму асноўны цяжар павінен быць ускладзены на губернскія ўлады. Цыркулярам № 63021 ад 17 лістапада 1911 г. на губернатараў быў ускладзены абавязак штотомесечна рабіць справаздачы ў Дэпартамент паліцыі аб настройах «различных групп населения, прессы, политических партий (кадетской и правее её стоящих), просветительских организаций и т. п.» [2, с. 50]. Дзейнасць губернскіх жандарскіх ўпраўленняў у дадзеным пытанні мела толькі выканаўчы характар. Так, кіраўнік Віленскага ахоўнага аддзялення ротмістр В. Калакалоў адзначаў у справаздачы за 1908 г. павелічэнне колькасці членаў Партыі Народнай Свабоды ў Вільні, і на люты 1908 г. вызначаў іх колькасць у горадзе ў 100 чалавек на чале з рэдактарам «Свободного слова»

І. Ромам. На падставе агентурных звестак у згданага Рома быў праведзены вобвыск і знойдзена больш за 500 выданняў. Аднак рэпрэсіўныя меры ў адносінах да ліберальных партый былі рэдкай з'явай. На думку МУС, лібералы і сацыялісты імкнуцца да аднолькавых мэт, толькі рознымі сродкамі. Таму выпадкі іх супрацоўніцтва прыпыняліся амаль адразу [3, с. 135].

У адносінах да рэвалюцыйных партый жандарская тактыка амаль не змянілася: актыўнае выкарыстанне ўнутранай агентуры, сістэматызацыя наяўнай інфармацыі на мясцовым і агульнаімперскім узроўнях, дасканалае вывучэнне праграмных дакументаў і матэрыялаў партыйных з'ездаў дазваляла чынам ГЖУ і ахоўным аддзяленням цалкам кантраляваць антыўрадавы рух. Здараліся выпадкі, калі ліквідацыя нелегальных гурткоў ажыццяўлялася па спісе, напрыклад, з «Известий народно-социалистической партии, № 1». Адначасова пашыралася ўжыванне новых тэхнічных сродкаў: дактыласкапіі, фотаздымкаў. У 1908–1913 гг. небывалы памер набыла сакрэтная агентура, у параўнанні з 1904 г. яе колькасць узрасла амаль у тры разы.

Па кожнай з сур'ёзных палітычных партый у беларускіх губернях зараз налічвалася не менш за 10–15 агентаў. Больш за 40 супрацоўнікаў адначасова асвятляла дзейнасць БУНДа: ад І. Каплінскага (удзельнік 4 з 7 першых з'ездаў БУНДа) да «Николаевского» (член бундаўскага гуртка ў Віцебску). Больш за 30 чалавек працавала па РСДРП і ПСР. Нават па дробных партыях і саюзах існавала ўнутраная агентура: Л. Дворкін з 1908 г. даваў звесткі па нелегальным Чыгуначным саюзе ў Віцебскай губерні, штучнікі «Сосновский» і «Рукавица» ў 1909–1910 гг. асвятлялі дзейнасць Ваенна-рэвалюцыйнай арганізацыі ў Дзвінску. З пяці ўдзельнікаў нарады камітэта ППС у 1908 г. у Гродзенскай губерні адзін быў супрацоўнікам Гродзенскага губернскага жандарскага ўпраўлення [4, арк. 31]!

Як вынік, за 1908–1910 гг. актыўны рэвалюцыйны рух у беларускіх губернях быў знішчаны ці знаходзіўся пад наглядом. Дэпартамент паліцыі нават дасылае па ГЖУ інструкцыі-парады па апэратыўнай дзейнасці: «существеннее всего будет обезвредить руководящие верхи, центры, а никак не начинать снизу, с неотдающей себе отчета массы» [1, арк. 126]. Напрыклад, Гомельскі камітэт ПСР у 1909 г. актыўнай дзейнасці не веў, і таму, нават ведаючы поўны асабовы склад, мясцовае ГЖУ яго не арыштавала. За 1908–1911 гг. былі ліквідаваны: Віцебская, Магілёўская і Мінская арганізацыі ПСР, ваенная арганізацыя РСДРП у Дзвінску, група анархістаў-камуністаў Ш. Александровіча ў Беластоку, двойчы ліквідаваўся віленскі гурток БУНДа і інш. [3, с. 129].

З 1907–1908 г. узрасла хуткасць перадачы аналітычнай інфармацыі з Дэпартаменту паліцыі ў мясцовыя ўстановы палітычнага вышуку. Дэпартамент паліцыі пільна высочвае ўсе партыйныя з'езды і вывучае іх змест. У адпаведнасці з рэзалюцыямі партыйных канферэнцый і карэктуюцца дзейнасць палітычнай паліцыі. Так, у 1908 г. кіраўнік Паўночна-Заходняга Раённага ахоўнага аддзялення дасылае па пяці беларускіх губернскіх жандарскіх упраўленнях матэрыялы пасяджэння ЦК РСДРП аб актывізацыі эканамічнай барацьбы з-за адсутнасці умоў для палітычных выступленняў і адпраўцы для гэтага членаў ЦК у правінцыю. Адпаведна беларускім ГЖУ рэкамендуецца больш увагі надаць эканамічным выступленням рабочых і арышту агітатараў [4, арк. 213]. Па губернскіх жандарскіх упраўленнях дасылаюцца «Краткий обзор печатных органов», у тым ліку выданняў ПСР («Мысль», «За рубежом», «Жизнь», «Наше эхо»), анархістаў («Голос труда»), РСДРП («Наше слово», «Социал-демократ») і інш., а таксама інфармацыйныя лісткі Паалей-Цыёну, інструкцыі IX канферэнцыі БУНДа [1, арк. 288–316].

Кожнае жандарскае ўпраўленне двойчы на год дасылала ў Дэпартамент паліцыі справаздачы па ўсіх палітычных партыях, якія дзейнічалі на іх тэрыторыі. Пасля абагульнення і аналізу ў Асобым адзеле інфармацыйныя запіскі размяркоўваліся па ГЖУ і ахоўных аддзяленнях. Так, у верасні 1909 г. колькасць членаў Літоўскай сацыял-дэмакратычнай партыі ацэньвалася Дэпартаментам паліцыі ў 3–5 тыс. чалавек, БУНДа – 10 тыс. чалавек, Паалей-Цыёну і сацыял-сіяністаў – прыкладна 2 тыс. чалавек. Узровень валодання матэрыялам нават дазваляў рабіць прагнозы: «объединение ППС-левицы и СДКПиЛ – вопрос ближайшего будущего» [5, арк. 6].

Па данясеннях жандарскіх упраўленняў у Дэпартамент паліцыі дзейнасць эсэраў, эсэдаў і бундаўцаў пасля бурных падзей 1905–1907 гг. амаль па ўсіх губернях звялася да прапаганды сярод рабочых і сялян, у значнай меры праз афіцыйныя мерапрыемствы. Асабліва непакоіў ахоўныя аддзяленні прафсаюзны рух. Для кіраўніцтва Дэпартаменту паліцыі было зразумела, што легальныя мэты прафесійных саюзаў з'яўляюцца толькі шырмай, якая прыкрывае іх антыўрадавы характар: «здесь собран цвет революционеров – рабочие интеллигенты». Гэта пацвярджалася і матэрыяламі з'ездаў і канферэнцый партый, якія паступалі ў ГЖУ. Праз некалькі дзён пасля сканчэння працы VII Міжнароднага сацыялістычнага кангрэсу ў Штутгарце Асобы аддзел Дэпартаменту паліцыі распаўсюдзіў сярод кіраўнікоў ахоўных аддзяленняў і ГЖУ цыркуляр № 137020 з вынікамі кангрэсу, у тым ліку і аб адносінах

да прафесійнага руху. Аднаведная пазіцыя была сфарміравана ў цыркуляры МУС: «Допускатъ легализацию профессиональных союзов лишь при наличии несомненных фактов об отсутствии их связей с социал-демократическими группами. При достаточности оснований по обвинению активных членов таких союзов в принадлежности к революционным сообществам – возбуждать уголовное дело» [6, арк. 56].

Улік рэальных ці магчымых ворагаў урада вёўся працягла час. Архіў Дэпартамента паліцыі фарміраваўся на персанальных картках і няспынна развіваўся. Да пачатку Першай сусветнай вайны ён налічваў больш за мільён картак [7, с. 253]. Але нягледзячы на памеры база была выдатна сістэматызавана з дапамогай храналагічнага і алфавітнага прынцыпаў. Акрамя таго, выкарыстоўвалася каляровае афармленне: карткам партыі сацыялістаў-рэвалюцыянераў быў нададзены чырвоны колер, сацыял-дэмакратаў – блакітны, анархістаў – зялёны, жоўты колер атрымалі студэнты і навучэнцы. На белыя карткі заносілася інфармацыя аб кадэтах і асобах, што палітыкай актыўна не займаліся, але мелі магчымасць паўплываць на грамадства ў непажаданым для ўрада кірунку.

Зніжэнне актыўнасці агульнарасійскіх рэвалюцыйных партый дазволіла палітычнай паліцыі сур'ёзна звярнуцца да больш дробных тэрытарыяльных партый, у тым ліку і да БСГ. У 1908–1910 гг. у Віленскім жандарскім упраўленні ў межах палітычных аглядаў былі падрыхтаваны дзве дакладныя запіскі пад назвай «Обзор истории революционного движения в Белоруссии и возникновение Громады». Яны амаль цалкам заснаваны на артыкуле А. Луцкевіча [8, арк. 1–5; 9, с. 31–40]. Відавочна, што чыны ахоўных аддзяленняў і ГЖУ ў 1909 г. някеспка ведалі асаблівасці Беларускай сацыялістычнай грамады: «БСГ (В.С.Н.) имеет расплывчатую программу, нечто среднее между социал-демократами и социалистами-революционерами. По тактике ближе к первым, т. е. не признает террор... входили в ЦК партии А. Власов (революционная кличка «Старший»), братья И. и А. Луцкевичи (соответственно «Сченский» и «Генрих») ... лидская мешанка А. Пашкевич» [8, арк. 6, 19].

Адной з важнейшых крыніц інфармацыі заставаліся матэрыялы перлюстрацыі. Яны з'яўляліся важнай часткай вышуковай дзейнасці палітычнай паліцыі, былі крыніцай інфармацыі аб дзейнасці рэвалюцыйных арганізацый, настроях сярод насельніцтва, у грамадскіх і палітычных аб'яднаннях. Трэба адзначыць, што ў гэты час паштовыя і тэлеграфныя ўстановы знаходзіліся ў падначаленні МУС [10, с. 72]. Перлюстрацыя ажыццяўлялася на двух узроўнях. Спецыяльныя

«чорныя кабінеты» існавалі на паштамтах 8 гарадоў, прычым віленскі філіял быў зачынены яшчэ ў 1890-я гг. У астатніх гарадах па патрабаванні кіраўніка ГЖУ прагляду маглі быць падвергнуты пісьмы любой асобы, нават губернатара, але азнаёміцца са зместам мог толькі сам кіраўнік упраўлення і толькі ў памяшканні пошты. Па загаду міністра ўнутраных спраў В. Плеве ў 1903 г. кіраўнікам палітычнага вышуку пачалі выдаваць «открытые листы». Яны былі імяныя і надавалі ўласніку права догляду паштова-тэлеграфнай карэспандэнцыі [11, с. 97].

Уся перлюстрацыя падзялялася на «алфавіт» і выпадковую выбарку. «Алфавіт» азначаў спіс асоб, карэспандэнцыя якіх прызначалася да абавязковага прагляду. Ён складаўся Асобым аддзелам Дэпартамента паліцыі і ў розныя гады налічваў ад 300 да 1000 прозвішчаў па ўсёй Расійскай імперыі. Аб такіх пісьмах адразу паведамлялася ў ГЖУ. Пры выпадковым адборы супрацоўнікі пошты звярталі ўвагу на аб'ём пісьма, почырк, адрас карэспандэнта (напрыклад, цэнтр замежнай эміграцыі – Жэнева). Паколькі перлюстрацыя была незаконнай справай, следства не спасылалася на атрыманыя матэрыялы. Нават ахоўныя аддзяленні і ГЖУ атрымлівалі з Дэпартамента паліцыі такую інфармацыю з пазнакай «агентурныя звесткі». Больш таго, сакрэтнасць была перашкодай пры ўзаемадзеянні з чыноўнікамі на пошце. Так, спасылаючыся на тайну перапіскі, паштовыя чыноўнікі двойчы адмоўна адказвалі на запыт Мінскага ГЖУ наконт адрасатаў заказнай карэспандэнцыі. Толькі з трэцяй спробы, пасля спасылкі жандараў на адпаведныя законы, у ГЖУ былі перададзены неабходныя дадзеныя [12, с. 101].

Падзеі рэвалюцыі 1905–1907 гг. падштурхнулі царскі ўрад да стварэння прадстаўнічага органа ўлады – Дзяржаўнай думы. Як вынік, перад палітычнай паліцыяй паўстала пытанне аб забеспячэнні дзяржаўных інтарэсаў падчас выбараў у парламент. Неабходна прызнаць, што і ў дадзеным выпадку супрацоўнікі Дэпартамента паліцыі для вырашэння задач неаднаразова парушалі заканадаўства. Так, напярэдадні выбараў у IV Думу Дэпартамент паліцыі прасіў жандараў сабраць інфармацыю па наступных пытаннях: 1) аб настроях выбаршчыкаў; 2) аб адносінах інтэлігенцкіх слаёў і народных мас да дэпутатаў і ацэнка іх дзейнасці; 3) аб перадвыбарнай працы палітычных партый; 4) аб асобах, якія імкнуцца да абрання ў члены Дзяржаўнай думы, іх палітычнай накіраванасці і шанцах. Цікавасць уяўляе, напрыклад, адказ намесніка кіраўніка Гродзенскага ГЖУ па Гродзенскім і Слоніўскім паветах на гэтыя пытанні: «Население настроено оппозиционно, но к выборам относится индифферентно ... отношение к депутатам Государственной Думы

самое безразличное, кажется, мало кто размышлял о ее деятельности» [13, арк. 57, 95].

Падводзячы вынікі, неабходна адзначыць, што перыяд 1907–1914 гг. стаў найбольш паспяховым у дзейнасці палітычнай паліцыі ў беларускіх губернях. Сістэма палітычнага вышуку паставіла пад пільны кантроль рэвалюцыйны

рух, дзякуючы новым метадам працы здолела арганізаваць механізм папярэджвання рэвалюцыйных выступленняў і грамадскіх хваляванняў і пашырыла сферы сваёй дзейнасці ў грамадстве: мастацтва, рэлігійныя аб'яднанні, дробныя нацыянальныя рухі, прафсаюзы, ухіленне ад прызыву трапілі пад нагляд.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Циркуляры Департамента полиции о надзоре за деятельностью политических партий (РСДРП, социалистов-революционеров, сионистов-социалистов, БУНДа и польской социалистической партии) // Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ў г. Гродна (далей – НГАБ у г. Гродна). – Ф. 369. – Воп. 1. – Спр. 75.
2. *Ченцов, В.* Свідчать документы: Політичний розшук у царській Росіі. Жандармерія і Охранка / В. Ченцов // 3 архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. – 2001. – № 2(17). – С. 5–281.
3. *Бригадин, П. И.* Эсеры в Беларуси (конец XIX в. – февраль 1917 г.) / П. И. Бригадин. – Минск: Згода, 1994. – 152 с.
4. Переписка с Департаментом полиции, помощниками начальника Гродненского губернского жандармского управления и др. о наблюдении за деятельностью РСДРП, анархо-коммунистов, социалистов-революционеров // НГАБ у г. Гродна. – Ф. 366. – Воп. 1. – Спр. 105.
5. О Белорусской социалистической Громаде // Дзяржаўны архіў Расійскай Федэрацыі (ДА РФ). – Ф. 102. – Воп. 238. – Спр. 248.
6. Циркуляры МВД, Департамента полиции, Главного управления по делам местного хозяйства и т. п. о предоставлении губернаторам права изменять утвержденные уставы, о Штутгартском международном социалистическом конгрессе и ведением борьбы с распространением социал-демократических и социал-революционных идей // НГАБ у г. Гродна. – Ф. 103. – Воп. 1. – Спр. 1.
7. *Реент, Ю. А.* Общая и политическая полиция России (1900–1917 гг.) / Ю. А. Реент. – Рязань: Узорочье, 2001. – 284 с.
8. Переписка с начальником Виленского губернского жандармского управления о руководстве и деятельности партии Белорусская соц. Громада // ДА РФ. – Ф. 267. – Воп. 1. – Спр. 59.
9. *Луцкевіч, А.* Да гісторыі беларускага руху: Выбраныя творы / А. Луцкевіч; укл., прадм., камент. А. Сідарэвіча. – Мінск: Беларус. кнігазбор, 2003. – 288 с.
10. *Смыкалин, А. С.* Перлюстрация корреспонденции и почтовая цензура в России и СССР / А. С. Смыкалин. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2008. – 317 с.
11. *Гончарова, Е. А.* Система перлюстрации в России в конце XIX – начале XX в. / Е. А. Гончарова // Вопросы истории. – 2008. – № 1. – С. 96–102.
12. *Гронский, А. Д.* Борьба против политического движения на территории Беларуси во второй четверти XIX – начале XX в. / А. Д. Гронский // Исторический поиск Беларуси: альманах / сост. А. Ю. Бендин. – Минск: Экономпресс, 2006. – С. 91–105.
13. Переписка с начальником Виленского губернского жандармского управления и помощников начальника Гродненского губернского жандармского управления об установлении усиленного надзора за деятельностью политических партий в связи с выборами в IV Государственную Думу // НГАБ у г. Гродна. – Ф. 366. – Воп. 1. – Спр. 193.

Дата паступлення: 09.10.2018.

Долгач Т. В.
Институт истории НАН Беларуси, Минск

Dauhach T.
Institute of History NAS of Belarus, Minsk

УДК 353.2.075.26(476)(091)“186”

ИЗМЕНЕНИЯ КАДРОВОГО СОСТАВА ГУБЕРНСКИХ ПО КРЕСТЬЯНСКИМ ДЕЛАМ ПРИСУТСТВИЙ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ ПОД ВЛИЯНИЕМ ВОССТАНИЯ 1863–1864 ГОДОВ

CHANGES IN THE STAFFING OF PROVINCIAL OFFICES IN PEASANT AFFAIRS IN THE TERRITORY OF BELARUS UNDER THE INFLUENCE OF THE UPRISING OF 1863–1864

В ходе подготовки реформы 1861 г. создавалась новая система управления деревней, во главе которой на местах находились губернские по крестьянским делам присутствия. «Положением о губернских и уездных по крестьянским делам учреждениях» определялся состав Присутствий, однако в ходе восстания 1863–1864 гг. произошли глобальные кадровые изменения в учреждениях, а также был изменен сам принцип их формирования. Это отразилось на ходе реформы в белорусско-литовских губерниях и эффективности работы учреждений по крестьянским делам.

Ключевые слова: аграрная реформа; отмена крепостного права; Российская империя; белорусско-литовские губернии; восстание 1863–1864 гг.; чиновники; губернские по крестьянским делам присутствия.

It is noted that during the preparations for the Reform of 1861 the new system of rural governance was being built. In this system the local issues were resolved under the supervision of province offices of peasant affairs. «Provisions for the province and uezd offices of peasant affairs» had assigned the staff of the offices, but during the uprising of 1863–1864 there were global personnel changes in institutions, and the very principle of their formation was changed. This affected the course of the reform in the Belarusian-Lithuanian provinces and the efficiency of the work of institutions on peasant affairs.

Keywords: agrarian reform; the abolition of serfdom; the Russian Empire; the Belarusian-Lithuanian provinces; the uprising of 1863–1864; officials; provincial peasant affairs of the presence.

Отмена крепостного права стала одним из ключевых событий XIX в. для белорусско-литовских губерний. Аграрная реформа повлекла за собой коренные изменения во всех сферах общественной и экономической жизни. Ее закономерным последствием стало создание принципиально новой системы управления деревней, во главе которой оказались губернские по крестьянским делам присутствия. По задумке реформаторов в данные учреждения входили губернатор (председатель), губернский предводитель дворянства, управляющий палатой государственных имуществ, губернский прокурор, четыре местных дворянина. Дворянские представители включались в Присутствие двумя способами: двое из местных дворян приглашались по согласованию с губернатором и министром внутренних дел, с разрешения императора; двое – избирались собранием губернского и уездных предводителей дворянства [1, с. 155].

На губернские по крестьянским делам присутствия было возложено полное административное сопровождение реформы; разбор споров

и жалоб, недоразумений, которые возникали в ходе введение в действие положений реформы. Находясь в непосредственном подчинении земского отдела Министерства внутренних дел, губернские по крестьянским делам присутствия возглавили систему управления крестьянами на местах и были наделены исключительно широкими полномочиями. Еще на этапе подготовки реформы члены Главного комитета по крестьянскому делу не раз подчеркивали, что «ни одному учреждению не предстояло столь важного круга деятельности и в таких широких размерах, поэтому от удачного выбора лиц, входящих в учреждение, будет зависеть не только благосостояние двух сословий, но и спокойствие целого края» [2, л. 40]. В связи с этим к кадровому составу Присутствий правительство Российской империи отнеслось со всей ответственностью. Согласно циркулярам министерства внутренних дел, направленных в декабре 1860 г. начальникам губерний, должности членов губернских по крестьянским делам присутствий могли занимать только потомственные дворяне, которые сами или их

жены и родители владели недвижимым имуществом в пределах данной губернии. Кандидаты не должны были нести никаких посторонних обязанностей и должны были быть самостоятельными в принятии решений. За исполнение обязанностей члена губернского по крестьянским делам присутствия дворянину полагалось жалование в размере 2000 руб. в год. Они могли «оставаться в должности столько, сколько дворянин пожелает» [2, л. 39].

Наибольший интерес среди чиновников Присутствий представляют дворяне, получившие свои должности путем выборов. Ключевой фигурой в выборе кандидатов в данном случае был не начальник губернии, а губернский предводитель дворянства. Согласно «Высочайше утвержденному положению о губернских и уездных по крестьянским делам учреждениях» от 19 февраля 1861 г., два неперенных члена присутствия избирались из местных дворян собранием губернского и уездных предводителей дворянства. Однако, как показывают источники, иногда эти должности занимали дворяне, назначенные непосредственно губернским предводителем дворянства. Например, по выбору предводителя дворянства в Минское губернское по крестьянским делам Присутствие вошли коллежский асессор Игнатий Богдашевский и титулярный советник Эдвард Ванькович [3, л. 46]. В целом требования к выборным членам Присутствий были неотличимы от тех, что выдвигались к назначаемым. Однако в случае с выборными местными дворянами члены Главного комитета неоднократно подчеркивали важность того, что эти должности должны были занять лица, «заслуживающие всеобщего доверия и соответствующие ожиданиям правительства» [2, л. 42].

Все члены Присутствий на момент их назначения или избрания на должности соответствовали имущественным и моральным требованиям, предъявляемым к чиновникам учреждений по крестьянским делам. Так, Э. Ванькович до своего избрания на должность неперенного члена Минского губернского по крестьянским делам присутствия был предводителем дворянства Минского уезда (сложил с себя полномочия, чтобы стать неперенным членом Присутствия), известным общественным деятелем, крупным и опытным землевладельцем Минской губернии [4]. Избранный на должность неперенного члена Присутствия И. Богдашевский имел обширные земельные владения в Минском уезде, совмещал хозяйственную деятельность с литературной (в 1826 г. анонимно издал сборник на польском языке «*Kilka ballad i powieści*») [5].

На должности неперенных членов в Виленском губернском по крестьянским делам

присутствии были назначены генерал-адъютант, генерал-лейтенант Илья Фролов и камер-юнкер двора его Императорского Величества, коллежский асессор Эмилий Умястовский, а избраны граф Райнольд Тизенгауз и Александр Оскерко [6, л. 39]. А. Оскерко занимался подготовкой реформы 1861 г.; работал в Минском губернском комитете по крестьянским делам, куда попал по назначению губернатором; входил в состав Редакционных комиссий, где высказывался за освобождение крестьян без земли. В 1861 г. он стал членом Присутствия Виленской губернии, в которой находились его земельные владения. Э. Умястовский и Р. Тизенгауз также являлись видными помещиками Виленской губернии. Назначение И. Фролова на должность неперенного члена Виленского губернского по крестьянским делам присутствия хоть и не несло в себе юридического противоречия, поскольку он имел владения в Виленской губернии, тем не менее «местным дворянином-помещиком» для обозначенной губернии его можно назвать лишь формально, так как в 1830–1831 гг. он участвовал в подавлении восстания в Польше, Литве и Беларуси, за что был удостоен земельных владений в регионе и представлен к государственным наградам [7, с. 658]. Таким образом, гражданские и военные чины губернских по крестьянским делам присутствий свидетельствуют о высокой степени доверия к ним со стороны правительства Российской империи, а их земельные владения подтверждали необходимый для должностей неперенных членов учреждений имущественный ценз.

Состав губернских по крестьянским делам присутствий белорусско-литовских губерний претерпел серьезные изменения в ходе мероприятий, направленных на подавление восстания 1863–1864 гг. и последовавшим за ним режимом исключительных законов. Восстание повлекло за собой экстренные меры, связанные с обязательным выкупом крестьянских наделов и понижением выкупных платежей на 20 %. Меры, принятые правительством Российской империи, должны были действовать в интересах крестьян и предусматривали пересмотр составленных до восстания выкупных актов и уставных грамот. Изменения в крестьянской политике вызвали одновременные преобразования в системе управления деревней. Так, кардинально менялся состав мировых посредников, уменьшалось количество мировых участков по уездам. Вакантные должности занимали чиновники, присланные из центральных регионов Российской империи. Предпринимаемые действия должны были повлиять на улучшение крестьянского быта, что сделало подбор назначаемых после восстания мировых посредников, по мнению историка и современника описывае-

мых событий А. Корнилова, «чересчур красным» [8, с. 186]. За данное обстоятельство позднее Александр II критиковал Виленского генерал-губернатора М. Муравьева. Подобные действия имели последствия не только в экономической, но и в социальной и политической сферах – они усиливали конфликт между крестьянским и дворянским сословиями в белорусско-литовских губерниях, способствовали сословной замкнутости крестьянства, что препятствовало национальной консолидации, являлось феодальным атавизмом, но в то же время играло на руку правительству Российской империи.

В личном составе губернских по крестьянским делам присутствий также последовали изменения: появились некоторые ограничения и нововведения, которые нарушали принятые в 1861 г. законодательные акты, регламентирующие процесс формирования состава этих учреждений. Данные изменения проявились не во всех белорусско-литовских губерниях в одинаковой степени. В большей степени они затронули учреждения Гродненской и Минской губерний, где приобрела большой размах деятельность повстанцев. В меньшей степени изменения коснулись Могилевской губернии, где после восстания была произведена только замена кадров в Присутствии. По Указу от 18 апреля 1863 г. в связи с выходом в отставку 28 человек в Гродненской губернии, занимавших должности уездных предводителей дворянства, уездных судей и мировых посредников, все эти должности были замещены чиновниками по назначению правительства.

Кроме соответствующего законодательства, немалую роль в значительных кадровых перестановках в гродненской губернии сыграла личность нового губернатора. Еще в 1862 г. Иван Шпеер был снят с должности гродненского губернатора, поскольку, по воспоминаниям современников, являлся мягкотелым и сочувствовал «польскому элементу» [9]. Его место в 1863 г. занял Иван Скворцов, который строго следовал за установками виленского генерал-губернатора М. Муравьева. Новый губернатор в кратчайшие сроки уволил всех мировых посредников польского происхождения и заменил их лицами русского происхождения. Для проверки действий мировых посредников, составлявших уставные грамоты, были назначены поверочные комиссии. В течение двух последующих лет были рассмотрены все выкупные акты, что ускорило процедуру перевода крестьян в разряд собственников [9].

Кроме кадровых замен, в Гродненской губернии сократилось количество мировых участков, на которых осуществляли деятельность мировые посредники. Так, из 40 мировых участков,

созданных в 1861 г., в 1864 г. действовало лишь 23 [10; 11]. Это объясняется новой кадровой политикой и нехваткой чиновников русского происхождения или тех, кто доказал свою верность правительству Российской империи. Все мировые посредники Гродненской губернии после восстания были заменены лицами православного вероисповедания. Например, в Гродненском уезде в 1861 г. было создано пять мировых участков, мировыми посредниками в которых были местные дворяне римско-католического исповедания Франц Шантырь, Станислав Солтан, Иван Каминский, Маврикий Кашуба, Станислав Прошинский. В 1864 г. волости Гродненского уезда вошли уже в состав трех мировых участков, мировыми посредниками в которых стали лица православного исповедания Иван Хотянецв, Михаил Житков и Михаил Всеволодский [11]. Подобная ситуация сложилась и в других уездах Гродненской губернии. Первоначально Указ от 18 апреля 1863 г. распространялся только на вакантные должности. Однако по распоряжению от 27 мая 1864 г. все служебные места в крае, имевшие непосредственное отношение к народу, должны были замещаться исключительно лицами русского происхождения. Поверочные комиссии были составлены исключительно из лиц русского происхождения, местные мировые посредники католического вероисповедания были заменены православными русскими. Это вносило определенную неразбериху в делопроизводство. Новые члены губернских по крестьянским делам присутствий не всегда владели ситуацией, которая происходила в губернии.

В Виленской, Витебской, Гродненской и Минской губерниях после восстания последовали не только новые назначения на должности в Присутствия, но и расширился состав учреждений. Так, во всех обозначенных губернских по крестьянским делам присутствиях с 1863 г. на постоянной основе стали работать члены Министерства финансов, что не соответствовало «Положению о губернских и уездных по крестьянским делам учреждениях», и стало отличительной чертой упомянутых Присутствий в сравнении с другими подобными учреждениями Российской империи. Так, в 1863 г. в Витебской губернии постоянным членом Присутствия от Министерства финансов стал надворный советник Ипполит Перевощиков, в Гродненской – титулярный советник Александр Немчинов, в Виленской – коллежский советник Владимир Давыдов [12]. Необходимость постоянной работы представителя Министерства финансов в Присутствии скорее всего была связана с изменениями в процедуре выкупной операции, так как указами от 1 марта и 2 ноября 1863 г.

временнообязанные отношения в белорусско-литовских губерниях отменялись и крестьяне переводились на обязательный выкуп земли, а выкупные платежи уменьшались на 20 %.

Должности непреходящих членов Присутствий после восстания в основном заняли назначенные чиновники православного исповедания. Так, в Гродненском губернском по крестьянским делам присутствии с 1863 г. работало два римско-католика – губернский предводитель дворянства Юлиан Крживицкий и хорошо зарекомендовавший себя в должности непреходящего члена Присутствия и губернского секретаря Игнатий Ширма. Последний был единственным чиновником Гродненского губернского по крестьянским делам Присутствия, кого не коснулись кадровые перестановки (таблица 1).

Стоит отметить, что такой подход был характерным не для всех белорусско-литовских

губерний. Например, даже после 1863 г. должности в Виленском губернском по крестьянским делам присутствии в большинстве занимали католики (60 % от общего числа сотрудников) [13].

В Гродненском и Минском губернском по крестьянским делам присутствиях изменился принцип формирования постоянного става учреждений. Так, в 1863 г. две должности избираемых представителей дворянства Гродненского Присутствия были заменены назначенными министром внутренних дел помещиками православного вероисповедания. В Минской губернии появилось два представителя Министерства финансов и изменился принцип формирования кадрового состава Присутствия, поскольку представители финансового ведомства заняли в Минской губернии места избираемых представителей дворянства [14; 15] (таблица 2).

Таблица 1

Изменения в составе Гродненского губернского по крестьянским делам присутствия после восстания 1863–1864 гг.

	1861 г.	1864 г.
Председатель (губернатор)	Иван Абрамович Шпеер	Иван Николаевич Скворцов
Губернский предводитель дворянства	Каликсть Никодимович Оржешко	Юлиан Савелиевич Крживицкий
Губернской прокурор	Владимир Сергеевич Панафидин	Павел Иванович Миловецкий
Управляющий палатой государственных имуществ	Андрей Львович Кожевников	Евграф Никанорович Курлов
Избираемый представитель дворянства	Виктор Иванович Видацкий	Николай Абрамович Зубков. Назначен МВД 29 октября 1863 г.
Избираемый представитель дворянства	Ярослав Михайлович Анджейкович	Егор Афанасьевич Прасолов. Назначен МВД 27 октября 1863 г.
Назначаемый представитель дворянства	Игнатий Игнатьевич Ширма	
Назначаемый представитель дворянства	Киприан Иванович Ляхницкий	Павел Иванович Небольсин
Секретарь Присутствия	Ипполит Осипович Квинта	нет сведений

Таблица 2

Изменение состава Минского губернского по крестьянским делам присутствия после восстания 1863–1864 гг.

	1861 г.	1864 г.
Председатель (губернатор)	Граф Эдуард Федорович Келлер	Андрей Львович Кожевников
Губернский предводитель дворянства	Александр Доминикович Лаппа	Евстафий Станиславович Прошинский
Губернской прокурор	Евстафий Иванович Зенкевич	Николай Петрович Наумов
Управляющий палатой государственных имуществ	Дмитрий Валерианович Готовцев	
Избираемый представитель дворянства	Игнатий Степанович Богдашевский	Александр Петрович Духовский (представитель Министерства финансов)
Избираемый представитель дворянства	Эдуард Станиславович Ванькович	Александр Николаевич Чичерик (представитель Министерства финансов)
Назначаемый представитель дворянства	Евстафий Станиславович Прошинский	Михаил Иванович Пуцин
Назначаемый представитель дворянства	Казимир Осипович Твардовский	Пономарев
Секретарь Присутствия	Викентий Семенович Китновский	

Анализ изменения кадрового состава Минского губернского по крестьянским делам присутствия свидетельствует о том, что в ходе правительственных мероприятий, направленных на подавление восстания и русификацию белорусско-литовских губерний, в состав учреждения вошли верные правительству Российской империи люди. Однако почти все они были далеки от крестьянского дела. Лишь Михаил Пушин занимался подготовкой реформы и входил в Московское губернное по крестьянским делам присутствие [16]. В 1863–1864 гг. он был комендантом Бобруйской крепости и участвовал в подавлении восстания. В составе Минского губернского по крестьянским делам присутствия после кадровых перестановок остался только один местный дворянин – Евстафий Прошинский, который смог доказать свою преданность правительству Российской империи, принимая участие в подавлении восстания, за что был награжден темно-бронзовой медалью «За усмирении мятежа 1863–1864 гг.». Прошинский не только сохранил свое место в Присутствии, но и был повышен в должности до губернского предводителя дворянства. Несмотря на свое римско-католическое исповедание, в 1868 г. он получил разрешение на «изъятие его из действия закона «О запрещении лицам польского происхождения покупать имения в Западных губерниях» от 10 декабря 1865 г. и мог пользоваться правами, предоставленными в белорусско-литовских губерниях русским православным помещикам [17, л. 2].

Вместе с тем, несмотря на полное соответствие требованиям, предъявляемым к сотрудникам присутствий, И. Богдашевский и Э. Ванькович были отстранены от работы в учреждении по крестьянским делам. Вероятно, на это повлиял факт участия их родственников в восстании 1863–1864 гг. Так, сын И. Богдашевского Стефан

и племянник Э. Ваньковича Ян-Эдвард были участниками восстания [18].

По сравнению с учреждениями по крестьянским делам других белорусско-литовских губерний, кадровые перестановки в Могилевском регионе не имели столь глобального характера. Свои позиции в Присутствии сохранили те, кто был введен в их состав в момент формирования учреждений по должности – губернатор Александр Беклемишев, губернский прокурор Михаил Попов, секретарь Константин Гортынский. Также остался в своей должности обязательный член Присутствия, избираемый местным дворянством – Александр Стаховский. Вместе с тем в Присутствии появились новые лица, которым предстояло войти в курс дел в Могилевской губернии после вступления в должности. Так, вместо князя Стефана Любомирского должность губернского предводителя дворянства – второго лица в губернии – занял Адольф Крушевский. Он происходил из богатого дворянского рода, получил юридическое образования и, несмотря на польское происхождение и римско-католическое вероисповедание, пользовался доверием царских властей, что позволило ему занять столь высокую должность в Могилевской губернии [19; 20] (таблица 3).

Кадровые перестановки после восстания 1863–1864 гг. привнесли в ход аграрной реформы сумбур и не способствовали ее успешной реализации в белорусско-литовских губерниях. Сотрудниками Присутствий, как правило, становились не по уровню компетентности в аграрной сфере, а по степени доверия к тем или иным чиновникам со стороны правительства Российской империи. Более того, повстанческое движение, непосредственно затронувшее белорусско-литовские губернии, привело не только к кадровым переменам, но и в некоторых случаях изменило сам принцип формирования состава учреждений по крестьянским делам.

Таблица 3

Изменения в составе Могилевского губернского по крестьянским делам присутствия после восстания 1863–1864 гг.

	1861 г.	1864 г.
Председатель (губернатор)	Александр Петрович Беклемишев	
Губернский предводитель дворянства	Князь Стефан Евгеньевич Любомирский	Адольф Викентьевич Крушевский
Губернской прокурор	Михаил Николаевич Попов	
Управляющий палатой государственных имуществ	Тимофей Тимофеевич Глушановский	Ефграф Никанорович Курлов
Избираемый представитель дворянства	Эдуард Иванович Жуковский	Антон Христофорович Хадкевич
Избираемый представитель дворянства	Александр Николаевич Стаховский	
Назначаемый представитель дворянства	Валериан Михайлович Гольинский	Александр Матвеевич Держанский-Дектерев
Назначаемый представитель дворянства	Стефан Викентьевич Гольинский	Василий Федорович Королько
Секретарь Присутствия	Константин Николаевич Гортынский	

Информация о кадровых назначениях в сфере крестьянского управления в связи с восстанием 1863–1864 гг. и некомпетентности новых должностных лиц содержится в мемуарах русского чиновника, назначенного на должность мирового посредника Борисовского уезда, Николая Полевого. В описании процесса одного из заседаний Минского губернского по крестьянским делам присутствия 1864 г. он отмечал: «Губернатор открыл заседание. Члены губернского присутствия и выборный комитет от поверочных комиссий сели за стол; а мы, толпа, расселись на стульях вокруг. Член губернского присутствия стал разбирать работу Борисовской поверочной комиссии и указал на найденные им неточности и на статьи несогласные с инструкцией, данной поверочным комиссиям. Докладчик был очень слаб, говорил неуверенным голосом, плохо знал местные условия; разбирал дело по-канцелярски, бумажно. Встал и стал возражать ему председатель Борисовской поверочной комиссии Божовский, брюнет, высокого роста, с замечательно красивой наружностью. Он говорил громким, звучным голосом, очень вежливо, но самоуверенно, толково. В несколько минут стало ясно, что докладчик, член губернского присутствия, дела не знает, судит на основании инструкций и писанных наставлений, не обращая внимания на местные условия и потребности крестьян; доклад был чисто канцелярский. Завязался спор. Все члены поверочных комиссий поддерживали Божовского, осуждали

сухую бюрократическую теорию, на основании которой член губернского присутствия осуждал действия Борисовской поверочной комиссии и доказывали, что инструкции составлены очень неудачно людьми, неизвестными с бытом и условиями Минской губернии; что придерживаться буквально указаний инструкций нельзя; надо многое изменить в ней» [21, с. 12].

Таким образом, состав губернских по крестьянским делам присутствий был определен еще на этапе подготовки реформы. Особое внимание было уделено дворянским представителям, поскольку, как полагали члены Главного комитета, эти должности должны были занять люди, в которых уверено правительство. Однако изменение внутренней политики и специфика отношений властей Российской империи к дворянству белорусско-литовских губерний под влиянием восстания 1863–1864 гг. повлекли за собой ряд кадровых перестановок и законодательных отступлений от принципа формирования учреждений. В результате, если на начальном этапе сам факт избрания чиновников на должности косвенно свидетельствовал о реализации отдельных принципов самоуправления, то замена выборных чиновников назначаемыми (с учетом их русского происхождения и православного исповедания) стала важным отличием губернских по крестьянским делам присутствий на территории Беларуси от таких же учреждений в центральном регионе Российской империи.

Список использованных источников

1. Положение о губернских и уездных по крестьянским делам учреждениях // Крестьянская реформа в России. Сборник законодательных актов. – М.: Госюриздат, 1954. – С. 135–158.
2. Российский государственный исторический архив. – Ф. 1180. – Оп. 15. – Д. 8.
3. Национальный исторический архив Беларуси (далее – НИАБ). – Ф. 242. – Оп. 1. – Д. 1.
4. Ваньковичи. Дворянские фамилии [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: http://smilovich1.info/?page_id=204. – Дата доступа: 04.06.2018.
5. Багдашэўскі Ігнат // Памяць: Гісторыка-дакументальная хроніка Дзяржынскага раёна. – Мінск, 2004. – 334 с.
6. Lietuvos valstybės istorijos archyvas (LVIA). – Ф. 385., Оп. 1., Д. 2«в».
7. Волков, С. В. Генералитет Российской империи / С. В. Волков // Энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II. Том II. Л-Я. – М., 2009. – 832 с.
8. Корнилов, А. А. Крестьянская реформа / А. А. Корнилов. – СПб.: Тип. Вайсберга и Гершунина, 1905. – 268 с.
9. Афанасьева, Т. Ю. Гродненские губернаторы (1801–1917 гг.): документально-биографические очерки / Т. Ю. Афанасьева, Р. Ф. Горячева, В. В. Швед. – Гродно: Гроднен. тип., 2007. – 165 с.
10. Памятная книжка Гродненской губернии на 1861 год. – Гродно: Тип. Губерн. правления, 1861. – 81 с.
11. Памятная книжка Гродненской губернии на 1864 год. – Гродно: Тип. Губерн. правления, 1864. – 160 с.
12. Памятная книжка Витебской губернии на 1864 год. – СПб.: Тип. К. Вульфа, 1864. – 257 с.
13. Памятная книжка Виленской губернии на 1864 год. – Вильно: Тип. А. Сыркина, 1864. – 168 с.
14. Памятная книжка Минской губернии на 1861 год. – Минск: Тип. Губерн. правления, 1861. – 195 с.
15. Памятная книжка Минской губернии на 1864 год. – Минск: Тип. Губерн. правления, 1864. – 148 с.
16. Модзалевский, Б. Пушин, Михаил Иванович / Б. Модзалевский // Русский биографический словарь: в 25 томах. – СПб.; М., 1896–1918.
17. НИАБ. – Ф. 242. – Оп. 1. – Д. 81.

18. *Матвейчык, Д. Ч.* Удзельнікі паўстання 1863–1864 гадоў: біяграфічны слоўнік (паводле матэрыялаў Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі) / Д. Ч. Матвейчык. – Мінск: Беларусь, 2016. – 735 с.
19. Памятная книжка Могилевской губернии на 1861 год. – Могилев: Тип. Губерн. правления, 1861. – 135 с.
20. Памятная книжка Могилевской губернии на 1864 год. – Могилев: Тип. Губерн. правления, 1864. – 378 с.
21. *Полевой, Н. К.* Два года, 1864 и 1865, из истории крестьянского дела в Минской губернии / Н. К. Полевой // Русская старина. – 1910. – № 4. – С. 3–25.

Дата поступления: 01.10.2018.

Sereda A. S.

Республиканский институт высшей школы, Минск

Sereda A.

National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 93/330.87

ИНСТИТУТ МИРОВЫХ ПОСРЕДНИКОВ И ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ КРЕСТЬЯНСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

SOCIAL MEDIATORS AND THE ORGANIZATION OF SOCIAL LIFE OF THE PEASANTRY IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY

Статья посвящена процессу организации мировыми посредниками общественной жизни крестьянства после отмены крепостного права. Показаны основные и второстепенные функциональные обязанности посредников – раскрыта необходимость исполнения чиновниками данных функций. Отображены итоги деятельности учреждения, обнаружены и показаны противоречия в функционировании учреждения и сельских органов самоуправления, приведшие к упадку и постепенной ликвидации учреждения.

Ключевые слова: крестьянская реформа; попечительство; мировые посредники; сельские органы самоуправления.

The article is devoted to the process of organization by social mediators of the social life of the peasantry after the abolition of serfdom. The mayor and secondary functional duties of mediators, the need for officials to perform these functions is revealed. The results of the activities of the institution are displayed, contradictions in the functioning of the institution and the rural self-government bodies are found and shown, leading to the decline and gradual liquidation of the institution.

Keywords: peasants reform; patronage; social mediators; rural self-government.

Мировой посредник – специфическая чиновничья должность в Российской империи, существовавшая с 1861 по 1874 г., а в отдельных регионах империи – до 1903 г. Предметы ведомства мировых посредников условно можно разделить на две части.

Важнейшей частью обязанностей мирового посредника было урегулирование поземельных отношений между помещиками и крестьянами, а именно составление уставных грамот (специальных документов, регулировавших такие моменты, как определение земельного надела и крестьянских повинностей, обмен земель, перенос усадеб, разграничение различных земельных угодий и т. д.), а также разбор исков и жалоб, возникающих из поземельных отношений, и споров, связанных с выкупом крестьянами земельных угодий.

Другой частью обязанностей посредников был комплекс вопросов, связанных с организа-

цией общественной жизни крестьян. Наделяя мировых посредников рядом судебно-полицейских функций, правительство предоставило им право разбора споров, связанных с наймом рабочей силы, арендой земли, потравами, порубками и т. д., если сумма иска не превышала 30 рублей. В соответствии с этим мировой посредник имел право присуждать: 1) лиц всех сословий либо к выплате виновником потерпевшему суммы, равнозначной причиненному ущербу, либо к денежному штрафу в казну до 5 рублей; 2) лиц податного состояния к общественным работам до шести дней, либо к аресту до семи дней, либо к наказанию розгами до двадцати ударов [4, с. 139].

Крестьянству, поколениями жившему под властью помещиков, необходимо было привить определенную культуру самостоятельного существования, т. е. посредники, по сути, призваны были контролировать разносторонние стороны

крестьянской жизни и зарождавшегося крестьянского самоуправления, что на деле предполагало осуществление учреждением своеобразной политики по опеке и попечительству над крестьянством. Учитывая уровень крестьянского сознания и общественную атмосферу в тех общественно-политических условиях, мировой посредник обладал большим авторитетом среди крестьянского населения.

Одной из важнейших функций мировых посредников являлась организация крестьянского самоуправления. На первых порах именно мировые посредники руководили деятельностью сельских и волостных учреждений, пока крестьянство не приспособилось к новым условиям после отмены крепостного права. Необходимо признать, что такое положение вещей приводило к тому, что в первую половину 1860-х гг. (особенно до 1863 г.) мировые посредники совместно с помещиками стремились назначить в органы крестьянского самоуправления «своих» людей. В случаях, когда на должности попадали «невыгодные» крестьяне, помещики и посредники часто принимали немало усилий для «снятия» и «переизбрания» неугодных крестьян. Самым распространенным предложением являлось пьянство волостных старшин и старост или ведение ими порочной жизни [3, л. 174]. Такая ситуация наблюдалась и в остальных частях империи. Д. И. Будаев на примере Смоленской губернии указывал, что часто анализ документов показывал – в большинстве случаев старшины были отстранены от должности не ввиду их злоупотреблений и нетрезвого поведения, а за неисполнение «нужных» для помещика и посредника решений [1, с. 122].

С одной стороны, такая практика нередко была необходима. Получившее свободу крестьянство зачастую не умело правильно ей воспользоваться, по сути, в крестьянской среде сразу же после раскрепощения проявились многие человеческие пороки, обличающие крестьянское невежество. Печатный орган учреждения – газета «Мировой посредник» – нередко публиковала статьи и письма посредников касательно данной ситуации. В одном из номеров прямо указано о крестьянском невежестве как о недавно считавшемся «залогем спокойствия». «...Говорили, что грамотность для них пагубна, что они через нас выучатся только кляузничать, писать фальшивые паспорта, ложно толковать существующие законы и т.п. После 19 февраля вопрос стал в ином виде – в невежестве увидели грозную опасность и начали говорить другое, повторяя, что безграмотный народ не поймёт дарованных ему прав, что настанет неурядица» [5, с. 66]. В другом номере затрагивается проблема пьянства: «Наши политики, экономисты, моралисты и публици-

сты видели всю хищную силу... в одном только крепостном праве... но есть и другие причины, которые идут от крестьян. 1) Пьянство, страшно развитое в русском народе... Отчасти пьянство служит препятствием к введению уст. грамот...» [7, с. 190].

Дача полного самоуправления крестьянству с низкой правовой культурой могла привести к большим затруднениям в административном процессе, что и требовало должного надзора. Как пример стоит привести случай мирового посредника 1-го участка Сенненского уезда, присланного в Могилевское губернское по крестьянским делам присутствие отзвев, требовавший принятия мер по недопущению продажи водки до окончания волостных и сельских сходов – Губернское правление не только одобрило, но и постановило предложить всем мировым посредникам принять данную практику и распорядиться, чтобы все сходы начинались сразу после литургии (церковного богослужения), полиции предписывалось строгое наблюдение за этим [6, с. 85].

Важной причиной столь пристальной опеки мирового посредника над органами самоуправления был и тот факт, что немало представителей сельской администрации в своей работе стремились к личной наживе, что способствовало проявлению произвола, кумовства, взяточничества. Этнограф и фольклорист Чеслав Петкевич, выходец из крестьянской среды Восточного Полесья, так отзывался об этом явлении в своих воспоминаниях: «Старшина с писарем ... жили припеваючи ... неразлучные, как два сиамских близнеца, брали взятки, мошенничали с налогами и где только было возможно» [12, с. 72].

Поэтому необходимо признать, что вмешательство мировых посредников в деятельность органов крестьянского самоуправления нередко имело разумные основания и веские причины.

Мировой посредник, по сути, поддерживал становление новых общественных отношений в деревне. Большой объем работ в связи с реализацией крестьянской реформы изначально препятствовал этому процессу, однако с окончанием работ по разделу угодий на мировых посредников был возложен большой объем работ в данной сфере: помимо надзора за органами крестьянского самоуправления, в их компетенции лежал надзор за сельскими сторожами и лесными стражниками, заведование хлебозапасными магазинами, обеспечение крестьянства медицинской и ветеринарной помощью, контроль за страхованием крестьянами своего имущества и т. д.

Так, лесные и полевые сторожа полностью были подчинены надзору посредников. Согласно постановлению Гродненского губернского по крестьянским делам присутствия от 11 апреля

1866 г., мировые посредники должны были не только утверждать, но и наблюдать за работой лесных и полевых сторожей, снабжать их, при необходимости, соответствующими знаками отличия [13, л. 19]. Другой циркуляр за 1866 г. вообще требовал от посредников, наряду с контролем над сторожами, постоянного увещевания ими волостных писарей для того, чтобы те в случае возникновения пожара в деревне или в лесу принимали деятельное участие в потушении пожара [13, л. 24].

Вопросы, связанные со страхованием имущества, мелкое кредитование, материальная и денежная помощь в восстановлении хозяйства в случае пожаров и стихийных бедствий также ложилась на плечи мировых посредников. Циркулярное постановление МВД от 7 ноября 1861 г. выделяло два источника, из которых следовало производить выплаты пострадавшим. Первый – мирские кассы и крестьянские кассы взаимопомощи, второй – местные казначейства. Первые предоставляли меньшую часть помощи (не более 25 руб. серебром на каждый погоревший двор) [2, л. 8]. Остальные деньги выдавались согласно специально составленной волостным правлением и посредником ведомости – последний обращался с документом в казенную палату с заявкой о предоставлении денег, если сумма была менее 500 руб. Если запрашиваемая сумма превышала 500 руб., то вопрос рассматривало Губернское по крестьянским делам присутствие. Рассмотренная и утверждённая сумма выдавалась уездным казначейством мировому посреднику, после чего посредник, на сельском сходе, передавал деньги волостному старшине, и, так далее, до главы домохозяйства [2, л. 8]. Примечателен тот факт, что ключевой инстанцией в процедуре выступал именно мировой посредник – даже жалобы на неправильное распределение денег разбирал только посредник [2, л. 8]. Закон работал весьма эффективно – сохранилось немало документов, подтверждающие широкое вовлечение мировых посредников в оказание помощи крестьянам-погорельцам. К примеру, при возмещении ущерба от пожара, произошедшего 14 мая 1862 г. в деревне Детковичи (тогдашний Кобринский уезд, ныне – Дрогичинский район) Николай Иванов Илитка и Лукьян Гаврилов Натко получили суммы размером соответственно в 550 и 630 руб. [2, л. 11]. Хозяева-погорельцы из деревни Менеуж (того же Кобринского уезда) Михаил Карпинчик и Григорий Галуца после пожара, случившегося 18 июня того же года, получили соответственно 221 руб. 50 коп. и 376 руб. 30 коп. [2, л. 14].

В связи с выходом крестьян из-под власти помещика крестьяне часто были в неведении, как поступать в случае чрезвычайных событий. Так,

когда в селе Стокобунь Рогачевского уезда Могилевской губернии вспыхнула эпидемия тифа, волостное правление доложило о болезни только тогда, когда умерло 25 человек. После оказания медицинской помощи смертей больше не было. В связи с этим происшествием мировым посредникам поручили провести разъяснительную работу по этому поводу, а также поручение самим вести наблюдение за подобного рода происшествиями [10, л. 17]. Как видно, на первых порах над деятельностью сельского самоуправления нужна была не только разъяснительная работа, но и проведение наблюдения.

Большой авторитет среди крестьянства позволял властям через посредников не только доводить до крестьян различную информацию самого различного содержания. Так, к примеру, в циркуляре могилевского губернатора Беклемишева мировым посредникам от 24 апреля 1862 г. находим, что в Могилеве состоится выставка конного завода. Посредникам предписывалось агитировать крестьян принять участие в соревновании, «так как, если что, полагался бы выигрыш (200 рублей серебром)». Посредники должны были донести до крестьян условия конкурса [10, л. 17]. В другом циркуляре от 10 июня 1863 г. губернатор доводил до посредников следующее: «До сведения моего дошло, что хозяйство крестьян Могилевской губернии много страдает от недостатка бугаев (быков-осеменителей). Считаю нужным обратить на это ваше внимание и принять возможные меры к устранению этого неудобства, имеющего важное влияние на сохранение и развитие рабочего скота и затем на состояние сельского хозяйства» [10, л. 70].

Редакция и издатели Петербургского журнала «Блюститель здоровья» под патронажем МВД проводили в конце 1861 г. рекламу для расширения подписки на журнал на 1862 г. Непосредственно мировым посредникам была послана рекомендация из МВД, которая требовала от посредников провести разъяснительную работу среди крестьян для рекомендации подписки последних на журнал, так как это может быть для них «крайне полезно» [10, л. 15]. Вместе с рекомендацией к мировым посредникам имелось и напечатанное ходатайство от имени редакторов с просьбой распространять среди крестьян подписку на журнал. К ходатайству был приложен рекламный буклет-памятка, грамотно составленный, доходчиво объяснявший всю проистекающую для крестьянина-подписчика выгоду той информации, которая публиковалась в журнале [10, л. 7].

Приведенные данные говорят о весомой общественной роли мировых посредников, которые по ряду вопросов заменили помещиков для

бывших крепостных. Однако вышеуказанные примеры показывают, что за посредниками стали закрепляться обязанности, которые, формально, не входили в их компетенцию – для исполнения большинства таких функций более подходили создаваемые органы крестьянского самоуправления, нежели мировые посредники.

В связи с возрастанием независимости сельских органов самоуправления и проявлением ряда отрицательных черт в исполнении своих служебных обязанностей, между ними и мировыми посредниками происходили многочисленные конфликтные ситуации, усугублявшиеся падением престижа института мировых посредников.

Возложенное на мировых посредников обилие второстепенных задач, дублировавших обязанности других учреждений, продолжалось – это привело к тому, что мировых посредников продолжали «загружать» несвойственными и ненужными им задачами. Итогом данной политики стало то, что мировые посредники просто не успевали выполнять все свои полномочия. Требования бюрократические отчеты о проделанной работе и прочая бумажная волокита только усугубляли дело. Как пишет исследовательница М. Е. Неелова, в работе мировых посредников обнаруживались черты «бюрократической неразберихи и волокиты. Помещики и крестьяне предпочитали обращаться или непосредственно к начальнику губернии, или в другие учреждения. Дела, которые мог и должен был решать мировой посредник, передавались из одной инстанции в другую, не было четкого понимания того, кто и чем должен заниматься и в чьей компетенции находятся те или иные вопросы» [8]. Данный тезис подтверждают материалы, а также историография, связанная с учреждением: архивные материалы, касающиеся деятельности учреждения, широко разбросаны среди фондов других учреждений и не представляют из себя некоего единства, начиная с 1870-х гг.

Таким образом, обилие второстепенных, малозначимых задач, рост канцелярской волокиты привели в начале 1870-х гг. к падению морального и делового уровня мировых посредников. Процесс этот наблюдался во всех регионах Российской империи. Так, к примеру, новгородский губернатор Э. В. Лерхе в своем отчете за 1872 год

написал следующее: «Что же касается мировых посредников, то большая часть из них не соответствует своему назначению. Слабая деятельность их, доходящая нередко до полного бездействия, неблагоприятно отражается на крестьянском деле, в том числе и на общественном крестьянском управлении» [9, с. 76].

Можно утверждать, что учреждение выполнило свое функциональное предназначение, но вместо его ликвидации правительство решило переложить на него обилие дополнительных задач и оставить во главе крестьянского самоуправления, в котором учреждение не играло весомой роли. Все вышеперечисленное привело к упадку учреждения, а также к его убыточному финансированию из государственной казны.

27 июня 1874 г. Государственный совет принял «Положения об изменении в устройстве местных учреждений по крестьянским делам», согласно которому институт мировых посредников был упразднен – их обязанности передавались вновь учрежденным уездным по крестьянским делам присутствиям. Показателем того, что институт, исполнив свою функцию, фактически деградировал, был тот факт, что упразднение института «прошло для русского общества почти незамеченным» [14, с. 68.]. В Гродненской губернии учреждение просуществовало до 1903 г. [11, с. 687].

Подводя итог, можно говорить о том, что мировые посредники изначально должны были совместно с осуществлением крестьянской реформы выполнять множество обязанностей, связанных с объективной необходимостью опеки и попечительства над вышедшими из крепостной зависимости крестьянами. После окончания основной части работ, связанных с землеустройством крестьян, спектр занятий еще больше увеличился. Часть функций действительно обладала определенной важностью, однако большинство обязанностей дублировали функции органов крестьянского самоуправления. Со временем политика попечительства учреждения по отношению к крестьянству вылилась в мелочную опеку, что привело к росту противоречий между учреждениями и определенной дезорганизации управления. В итоге институт мировых посредников был ликвидирован в два этапа: в 1874 и 1903 гг.

Список использованных источников

1. Будаев, Д. И. Крестьянская реформа 1861 года в Смоленской губернии / Д. И. Будаев. – Смоленск: Моск. рабочий, 1967. – 294 с.
2. Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (далее – НИАБ в г. Гродно). – Ф. 382. – Оп. 1. – Д. 23. Дело о выдаче пособий пострадавшим от пожара временнообязанным крестьянам.
3. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 997. – Оп.1. – Д. 5. Дело о составлении и введении в действие уставных грамот.
4. Крестьянская реформа в России 1861 года // Сборник законодательных актов / под ред. К. А. Сафроненко. – М.: Наука, 1954. – 494 с.

5. Мировой посредник. – 26.02.1862 г. – № 4.
6. Мировой посредник. – 12.03.1862 г. – № 5.
7. Мировой посредник. – 1862. – № 10.
8. *Неелова, М. Г.* К истории Института Мировых посредников (на примере Олонецкой губернии) / М. Г. Неелова // Музей Кижы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kizhi.karelia.ru/library/vestnik-9/314.html>. – Дата доступа: 10.05.2018.
9. *Никулин, В. Н.* Помещики Северо-Запада России во второй половине XIX – начале XX века / В. Н. Никулин. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2005. – 340 с.
10. Национальный исторический архив Беларуси в г. Минск (далее – НИАБ в Минске) – Ф. 2219. – Оп. 1. – Д. 6. О бумагах, принятых к сведению руководству и исполнению (1862–1863 гг.)
11. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье: в 33 т. – СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1905. – Т. XXIII. Отд. 1: 1903. № 22360–23838.
12. *Пяткевич, Ч.* Грамадская культура Рэчыцкага Палесся / Ч. Пяткевіч. – Мінск: Беларус. навука, 2015. – 319 с.
13. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 51. – Оп. 1. – Д. 4. Циркуляры Гродненского губернатора, губернского по крестьянским делам присутствия о выдаче штемпелей для сельских волостных правлений и др.
14. *Чернуха, В. Г.* Крестьянский вопрос в правительственной политике России (60–70-е гг. XIX в.) / В. Г. Чернуха. – Ленинград: Наука, 1972. – 224 с.

Дата поступления: 10.10.2018.

Талмачова С. А.

Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя М. Танка, Мінск

Talmachova S.

Belarusian State Pedagogical University named after M. Tank, Minsk

УДК 94(476):[352:63]“1906/1914”

РОЛЯ МЯСЦОВЫХ ОРГАНАЎ КІРАВАННЯ Ў РЕАЛІЗАЦЫІ СТАЛЫПІНСКАЙ АГРАРНАЙ РЕФОРМЫ Ў БЕЛАРУСІ (1906–1914 ГАДЫ)

THE ROLE OF LOCAL ADMINISTRATIVE BODIES IN REALIZATION OF STOLYPIN AGRARIAN REFORM (1906–1914)

Сталыпінская рэформа паклала пачатак новаму этапу ў аграрнай палітыцы ўрада Расійскай імперыі. Акрамя губернскіх і павятовых землеўладкавальных камісій, мясцовыя органы кіравання – губернскія прысутнасці, земскія начальнікі і іх павятовыя з'езды – адыгрывалі значную ролю ў рэалізацыі сталыпінскай рэформы. Земскія начальнікі не толькі былі першай інстанцыяй па падрыхтоўцы дакументальнага суправаджэння, але і непасрэдна ўдзельнічалі ў землеўладкаванні. Іх павятовыя з'езды і губернскія прысутнасці ажыццяўлялі кіраўніцтва і кантроль. Ад таго, наколькі своєчасова і дакладна мясцовыя органы інфармавалі насельніцтва, тлумачылі сэнс заканадаўчых актаў і цыркуляраў, залежала актыўнасць сялян у набыцці зямлі, пераходзе да хутароў і адрубоў, укараненні новых спосабаў вядзення гаспадаркі.

Ключавыя словы: Беларусь; Сталыпінская аграрная рэформа; мясцовае кіраванне; земскі начальнік; губернская прысутнасць; землеўладкавальныя камісіі; сялянства; пазямельнае ўладкаванне.

Stolypin reform was the beginning of a new stage in agrarian policy of government of the Russian Empire. Except for provincial and district land-arranging committees, the local administration bodies - governorship offices, zemstvo heads and their district congresses – played a significant role in realization of the Stolypin reform. Zemstvo heads were not only the first instance of preparing the documental maintenance but also they took direct part in land arrangement. Their district congresses and governorship offices carried out the management and control. The timely and accurate informing of the population and explanation of the sense of legislative acts and circulars by the local bodies influenced the activity of peasants in acquiring the land, switching to homesteads and land cuts off and rooting new ways of housekeeping.

Keywords: Belarus; Stolypin agrarian reform; local administration; zemstvo head; governorship office; land-arranging committees; peasantry; land arrangement.

Сталыпінская рэформа паклала пачатак новаму этапу ў аграрнай палітыцы ўрада Расійскай імперыі. Мэтай рэформы было стварэнне шы-

рокага слоя заможных гаспадароў, якія сталі б моцнай апорай і рухаючай сілай сацыяльна-эканамічнага развіцця краіны. Ход і вынікі яе рэалі-

зацы прыцягвалі ўвагу публіцыстаў, гісторыкаў, сацыёлагаў, эканамістаў і інш. Аднак роля мясцовых органаў кіравання (губернскіх прысутнасцей, земскіх начальнікаў і іх павятовых з'ездаў) у гэтым працэсе не стала прадметам спецыяльнага даследавання.

Стальпінская аграрная рэформа пачалася з выдання ўказа ад 9 лістапада 1906 г., якім абвешчана права выхаду сялян з абшчыны і ўмацавання зямлі ў асабістую ўласнасць. Раней, 4 сакавіка 1906 г., дзеля палягчэння набыцця сялянамі зямлі пры дапамозе Сялянскага пазямельнага банка ствараліся павятовыя і губернскія землеўладкавальныя камісіі [1, с. 199–201]. Акрамя таго, на камісіі ўскладаўся абавязак садзейнічаць насельніцтву «к устраненню в установленном законом порядке недостатков существующего землевладения и землепользования <...> при непременном сохранении законных прав частных владельцев» [1, с. 199]. Асноўная ўвага ў гэтым напрамку была накіравана на дакументальнае замацаванне за сялянамі тых зямельных надзелаў, якія знаходзіліся ў іх карыстанні, на ліквідацыю пераспалосіцы і сервітутаў, што значна перашкаджала развіццю і прыбытковасці як памешчыцкай, так і сялянскай гаспадаркі і інш. У склад губернскіх камісій увайшлі прадстаўнікі мясцовага кіравання – неадменныя члены губернскіх прысутнасцей, у склад павятовых – земскія начальнікі, таму што па сваіх прамых абавязках гэтыя чыноўнікі павінны былі ведаць геаграфічныя і дэмаграфічныя асаблівасці мясцовасці і галоўныя праблемы пазямельных адносін жыхароў. Пры гэтым Л. П. Ліпінскі і А. Р. Бухавец сцвярджаюць, што «толькі ў Гродне губернская землеўпарадкавальная камісія створана не была; яе функцыі выконвала губернская па сялянскіх справах установа» [2, с. 372]. Аднак да выдання закона ад 29 мая 1911 г. губернскія прысутнасці выконвалі функцыі губернскіх землеўпарадкавальных камісій не толькі ў Гродзенскай, але і ў Віленскай губ. [3, с. 25; 4, с. 11]. Уздел земскіх начальнікаў у дзейнасці землеўладкавальных камісій даваў ім магчымасць уплываць на рашэнні гэтых органаў, прапанаваць, якія хадайніцтвы заслугоўваюць задавальнення ў першую чаргу.

Для вырашэння пытання аб выдачы пазыкі ад Сялянскага банка неабходна было падрыхтаваць шэраг дакументаў. Пры гэтым на першым этапе галоўная задача ўскладалася на земскага начальніка, які «збіраў звесткі» і перадаваў іх са сваім заключэннем на разгляд спецыяльнай камісіі, а яна вырашала пытанне па хадайніцтву. У статыстычных даных адлюстраваны толькі тыя здзелкі, якія завяршыліся набыццём зямлі. Пры гэтым частка з іх па розных прычынах «расстроилась». У прыватнасці, у 1913 г. у Мінскае

аддзяленне Сялянскага пазямельнага банка было прадстаўлена 530 пагадненняў з 553 гаспадарамі двароў на набыццё 8422,1 дзес. банкаўскай зямлі з выдачай грашовай пазыкі банкам і 17 – на набыццё 159,2 дзес. без пазыкі. Саветам банка, упаўнаважаным і аддзяленнем банка была дазволена пазыка па 514 здзелках 547 гаспадарам двароў з пазыкай і па 14 здзелках – на 148,4 дзес. зямлі без яе. Адхіленых пагадненняў па набыцці банкаўскай зямлі не было. Пры гэтым яшчэ да разгляду банкам па розных прычынах «расстроились» 33 здзелкі па набыцці 33 гаспадарамі 650,6 дзес. зямлі з банкаўскай пазыкай, і 7 здзелак з 118 гаспадарамі двароў па куплі 1845,9 дзес. за кошт уласных сродкаў. Аднак ужо пасля дазволу банкам пазыкі 49 здзелак на 1145,5 дзес. зямлі «расстроились» [5, с. 67–68]. Такім чынам, прадстаўляецца праблематычным дакладна ў лічбах вызначыць аб'ём папярэдняй работы мясцовых органаў па падрыхтоўцы дакументаў па хадайніцтвах сялян на набыццё зямлі праз Сялянскі пазямельны банк, але можна сцвярджаць, што ён быў значным.

Пры дапамозе Сялянскага пазямельнага банка да чэрвеня 1914 г. толькі ў 1-м участку Слуцкага павета Мінскай губ. сяляне Слуцкай воласці набылі 1219 дзес. у прыватнае валоданне, у Грэскай воласці пакупшчыкі аб'ядналіся ў таварыствы і набылі 5087 дзес. Такія поспехі былі вынікам работы земскага начальніка П. І. Бельчанкі. Ён тлумачыў сялянам сэнс заканадаўства, ім «принималось самое близкое и живое участие в заключении и окончании сделок по покупке земель частного владения» [6, арк. 33–34]. У цэлым можна меркаваць, што паспяховасць набыцця сялянамі зямлі ў пэўнай ступені залежала ад дзейнасці земскага начальніка. Зразумела, што плацёжасольнасць членаў грамады мела асноўнае значэнне. Аднак уменне даходліва растлумачыць асаблівасці заканадаўства, а таксама юрыдычныя тэрміны пры заключэнні дагавораў з Сялянскім пазямельным банкам, аўтарытэт асобы земскага начальніка таксама мелі важнае значэнне. Так, у 6-м участку Слуцкага павета з 1901 па 1914 г. змянілася пяць земскіх начальнікаў. Тут сяляне набылі 489 дзес. Адначасова ў 4-м участку ўвесь гэты час пасаду займаў У. Д. Цвечіновіч, пры якім сяляне набылі звыш 6 727 дзес. зямлі [6, арк. 45, 47, 50–50 адв.]. На большай частцы набытай зямлі ствараліся хутары ці водрубны, што спрыяла мадэрнізацыі сельскагаспадарчай вытворчасці, павелічэнню яе прыбытковасці.

У адпаведнасці з указам ад 9 лістапада 1906 г. сяляне атрымалі права ўмацаваць у асабістую ўласнасць сваю частку надзельнай зямлі з пераходам да хутарскай ці водрубнай гаспадаркі [7, с. 970–974]. На тэрыторыі Віленскай, Гродзен-

скай і Мінскай губерняў панавала падворнае землекарыстанне, але да гэтага часу заканадаўча не быў вызначаны парадак здзяйснення здзелак аб адчужэнні ўчасткаў надзельнай зямлі, што былі ў падворным уладанні і на якія ўласнікі не мелі асобных актаў на ўладанне [7, с. 970]. У Віцебскай і Магілёўскай губернях пераважала абшчыннае землекарыстанне, і менавіта на такія мясцовасці і быў у першую чаргу накіраваны названы закон.

Патрабаванні аб замацаванні ў асабістую ўласнасць часткі абшчыннай зямлі прад'яўляліся грамадзе праз сельскага старасту. На сельскім сходзе абшчыннікі простаі большасцю галасоў прымалі рашэнне. У станоўчым выпадку грамада на працягу месяца павінна была адвесці ўчасткі, якія паступалі ў асабістую ўласнасць, а ў пэўных выпадках усталяваць памер даплаты за дадатковую зямлю (звыш сярэдняй нормы) і ўмовы карыстання агульнымі ўгоддзямі. Калі ў вызначаны тэрмін грамада не выносіла адпаведнага рашэння, то гаспадар двара мог падаць хадайніцтва земскаму начальніку, які самастойна разбіраў «па сутнасці» ўсе ўзнікшыя спрэчкі і абвясчаў сваё рашэнне (арт. 6) [7, с. 971].

Зацікаўленыя бакі маглі прыносіць скаргі на рашэнні сходаў і земскіх начальнікаў у павятовы з'езд земскіх начальнікаў на працягу 30 дзён. Скаргі на грамадскія прысуды падаваліся праз земскага начальніка, а ён, у сваю чаргу, прадстаўляў іх у павятовы з'езд са сваім заключэннем пасля «папярэдняга даследавання» ўсіх абставін справы на месцы. Абскарджаныя і неабскарджаныя грамадскія прыгаворы і пастановы земскага начальніка прадстаўляліся на зацвярджэнне павятовага з'езда, рашэнні якога лічыліся канчатковымі. Аднак і на іх можна было падаць скаргу ў губернскую прысутнасць, але толькі ў выпадку перавышэння межаў улады ці яўнага парушэння закону (арт. 9) [7, с. 971–972].

Беларускія губерні з абшчынным землекарыстаннем з самага пачатку вызначаліся сярод іншых значнымі поспехамі ў рэалізацыі сталыпінскай аграрнай рэформы. Так, да 1 лістапада 1907 г. у Віцебскай губ. было пададзена 2895 заяў аб выхадзе з абшчыны, а да 1 лістапада 1908 г. – ужо 11 953 заяў. Да 1 лістапада 1907 г. замацавалі за сабой надзелы 238 гаспадароў двароў, а да 1 лістапада 1908 г. – 7778 гаспадароў замацавалі 56 238 дзес. (па 7,23 дзес.) зямлі. У Магілёўскай губ. да 1 лістапада 1907 г. было пададзена 2227 заяў аб выхадзе з абшчыны, а да 1 лістапада 1908 г. – 30 701. На 1 лістапада 1907 г. замацавалі за сабой надзелы 10 гаспадароў двароў, а на 1 лістапада 1908 г. 20 207 гаспадароў замацавалі 164 160 дзес. (па 8,12 дзес.) зямлі [8, с. 135]. Па колькасці задаволеных заяў першынтсавала Калужская губ., дзе зямля была зама-

цавана за 76,06 % гаспадароў двароў, якія падалі заявы. Беларускія губерні адносіліся да ліку перадавых, дзе было задаволена звыш 50 % заяў: у Магілёўскай губ. – 65,82 %, у Віцебскай губ. – 65,07 % [8, с. 130, 134]. Такім чынам, мясцовыя органы кіравання ў Віцебскай і Магілёўскай губернях праводзілі значную працу па рэалізацыі аграрнай палітыкі.

Для адчужэння надзельных зямель у грамадах з падворным землекарыстаннем неабходна было атрымаць дакумент, які пацвярджаў прыналежнасць участка. Гэта маглі быць: «крепостной акт»; «владенная запись», выдадзеная сялянскімі ўстановамі; пастановы агульнаграмадзянскіх ці валасных судоў ці павятовых з'ездаў; зацверджаныя павятовым з'ездам грамадскія прыгаворы ці пастановы земскага начальніка аб замацаванні ўчастка ў асабістую ўласнасць асобных гаспадароў двароў. Земскі начальнік зацвярджаў таксама прыгаворы сельскіх сходаў аб сапраўднай прыналежнасці ўчастка асобе ў грамадах з падворным землекарыстаннем, а ў дачыненні да сядзібных участкаў – і ў грамадах з абшчынным землекарыстаннем (аддз. II, арт. 2). У папярэдня гады ў сялян не было асаблівай неабходнасці ў масавым парадку набываць гэтыя дакументы, таму звярталіся за імі толькі ў рэдкіх выпадках. Так, у 1903 г. у Слуцкім павеце адбылося толькі 57 «вводов во владение крестьян по данным» [9, арк. 4адв.]. Такім чынам, земскі начальнік, па сутнасці, з'яўляўся першай інстанцыяй у рэалізацыі сталыпінскай аграрнай рэформы. Пры гэтым, як адзначаў чыноўнік Земскага адзела МУС К. К. Сцефановіч, на справы па ўказу ад 9 лістапада 1906 г. пры падворным землеўладанні МУС звяртаў увагу значна менш, чым на тыя, што тычыліся выхаду з абшчыны [10, арк. 13].

Менавіта на земскіх начальнікаў ускладалася задача растлумачыць сялянам сэнс законаў і карысць пераходу да хутарскога ці водрубнага землеўладання, а таксама ліквідацыі цераспалосці і сервітутаў. На паспяховасць іх дзейнасці ў гэтым кірунку звярталася ўвага пры правядзенні сістэматычных рэвізій неадменнымі членамі губернскай прысутнасці [11, с. 104–109]. У прыватнасці, пры рэвізіі, праведзенай пінскім павятовым прадвадзіцелем дваранства І. Папа-Афанасоўпа ў 2-м земскім участку Пінскага павета Мінскай губ. у 1908 г., было адзначана, што насельніцтва ўчастка да той пары «совершенно не знакомо со всеми позднейшими предначертаниями и распоряжениями, касающимися улучшения крестьянского быта». Рэвізор адзначаў, што гэтыя заканадаўчыя акты і рознага роду цыркуляры былі зусім невядомы не толькі простаму насельніцтву, але і сельскім і валасным службовым асобам [12, с. 3].

У 1908 г. у час рэвізіі Магілёўскай губ. К. К. Сцефановіч адзначыў, што мясцовае насельніцтва «недостаточно осведомлено» з указам 9 лістапада 1906 г. і з выгадамі хутарскога рассялення. Умацаванні зямлі і рассяленне ў межах аднаго і таго ж павета ў адных участках ішло паяснова, а ў другіх насельніцтва зусім не было знаёма з магчымасцю і парадкам такіх зменаў у землекарыстанні, напрыклад, у 4-м і 5-м участках Сенненскага і ў 6-м участку Гомельскага паветаў. Рэвізор звязваў такое становішча з «недастатковай энергіяй» адпаведных земскіх начальнікаў і слабым кантролем за іх дзейнасцю з боку губернскай прысутнасці [10, арк. 58].

Такім чынам, на першым этапе рэалізацыі рэформы непасрэдна ўдзельнічалі земскія начальнікі. Землеўладкавальныя камісіі ўяўлялі сабой галоўныя рычагі, з дапамогай якіх царскі ўрад меркаваў вырашыць актуальныя аграрныя пытанні. Пры гэтым вялікая падрыхтоўчая работа ўскладалася менавіта на земскага начальніка. У цэлым можна казаць, што ні адна справа па землеўладкаванні не абыходзілася без актыўнага ўдзелу гэтых чыноўнікаў. Законам на іх ускладаўся ўдзел у рассяленні сялян на хутары і водрубныя ўчасткі, распаўсюджанне палепшаных форм земляробства і г. д.

У цэлым плённасць работы мясцовых органаў кіравання сялянамі па рэалізацыі сталыпінскай аграрнай рэформы (указа ад 9 лістапада 1906 г. і закона ад 14 чэрвеня 1910 г.) у справе землеўладкавання можна вызначыць па наступных лічбавых даных.

Да 1 студзеня 1913 г. у 43 губернях Расійскай імперыі заявілі аб замацаванні надзелаў 2 422 447 гаспадароў двароў [13, арк. 7адв.], пры гэтым за 1 740 332 гаспадарамі надзел быў канчаткова замацаваны на плошчы ў 12 437 426 дзес. Заявы аб выдачы засведчальных актаў паступілі ад 259 324 гаспадароў двароў, пры гэтым патрабаванні 170 601 гаспадара на 994 934 дзес. канчаткова задаволены. Акрамя таго, паступілі патрабаванні ад 5771 сельскіх грамад з 164 168 гаспадарамі аб выдачы засведчальных актаў на цэлыя сельскія грамады, пры чым патрабаванні 4018 грамад з 113 541 гаспадарамі на 720 402 дзес. канчаткова былі задаволены. Такім чынам, складзены і зацверджаны дакументы (засведчальныя і замацавальныя) больш чым для двух мільёнаў гаспадароў двароў (2 024 474) на плошчы звыш 14 млн дзес. зямлі (14 152 789 дзес.) [13, арк. 8].

На тэрыторыі Беларусі ў Віленскай, Гродзенскай і Мінскай губернях панавала падворнае землекарыстанне, а ў Віцебскай і Магілёўскай – абшчыннае. З гэтай прычыны даныя аб замацаванні зямлі ў асабістую ўласнасць з 9 лістапада 1906 г. па 1 студзеня 1913 г. у звестках МУС пры-

ведзены толькі па апошніх дзвюх. Да 1 студзеня 1913 г. тут 110 841 гаспадар двара канчаткова замацаваў 866 442 дзес. зямлі ў асабістую ўласнасць, а абвясцілі патрабаванні аб умацаванні зямлі 119 253 гаспадары. Патрабаванне аб выдачы засведчальных актаў абвясцілі 785 грамад і паселішчаў з 17 503 гаспадарамі двароў на плошчы ў 110 062 дзес. зямлі. Зацверджана было актаў для 723 грамад і паселішчаў з 15 520 гаспадарамі. Адначасова 6945 асобных гаспадароў абвясцілі патрабаванні аб выдачы ім засведчальных актаў на плошчы 37 336 дзес., з іх зацверджана 4893 акты [13, арк. 23–23адв.]. У прыведзеныя лічбы не ўвайшлі даныя, напрыклад, па Віленскай губ. А тут, па звестках губернскай прысутнасці, земскімі начальнікамі губерні па ўказу 9 лістапада 1906 г. было зацверджана 4 068 засведчальных прысудаў, а таксама 658 рашэнняў валасных судоў, якімі прызнаны былі права ўласнасці за асобнымі гаспадарамі двароў на 37 790 дзес. зямлі. На падставе закону ад 14 чэрвеня 1910 г. да 1 верасня 1913 г. у Віленскай губ. земскія начальнікі зацвердзілі 4883 засведчальныя прысуды і 282 засведчальныя пастановы земскіх начальнікаў аб прызнанні права ўласнасці на 29 771 дзес. зямлі [3, с. 8]. Такім чынам, прыведзеныя даныя сведчаць аб значным аб'ёме работ, якія даводзілася праводзіць земскім начальнікам па рэалізацыі сталыпінскай аграрнай рэформы.

Не менш характэрныя даныя аб дзейнасці мясцовых органаў у сферы землеўладкавання. Па даных МУС, колькасць земскіх начальнікаў, якія ўдзельнічалі ў землеўладкавальных работах, паступова ўзрастала. Так, у цэлым у 43 губернях Расійскай імперыі прымалі ўдзел у землеўладкаванні ў 1907 г. каля 100 чал., у 1911 г. – 1216, у 1912 г. – каля 2/3 усяго складу земскіх начальнікаў, у 1913–1914 гг. гэта колькасць павялічылася [14, арк. 33]. Калі ж разглядаць больш падрабязна, то ў 1911 г. з 2487 земскіх начальнікаў 1216 чал. (48,9 %) прынялі ўдзел у падрыхтоўцы землеўладкавальных спраў, а ў складанні праектаў – 609 земскіх начальнікаў. Работы па падрыхтоўцы землеўладкавальных спраў праводзіліся земскімі начальнікамі на плошчы 1485 тыс. дзес., пры гэтым у 1911 г. названымі чынамі былі завершаны работы на плошчы звыш 1 млн дзес. (1007 тыс. дзес.), г. зн. больш чым на 25 % усіх падрыхтаваных работ па ўнутрынадзельным землеўладкаванні, якія былі зроблены ў названы перыяд землеўладкавальнымі камісіямі (каля 3740 тыс. дзес.) [13, арк. 8]. У якасці складальнікаў праектаў земскія начальнікі ў 1911 г. выканалі работы на 496 тыс. дзес., што роўна амаль 1/6 частцы ўсіх завершаных і прынятых насельніцтвам у 1911 г. землеўладкавальных работ у губернях, дзе дзейнічалі землеўладкавальныя камісіі (3043 тыс.

дзес.). У 1912 г. дзейнасць земскіх начальнікаў па землеўладкаванню па колькасці прыцягнутых да справы земскіх начальнікаў і па плошчы выкананых работ павялічылася амаль на 30 % у цэлым па 43 губернях [13, арк. 8адв.].

У пяці паўночна-заходніх губернях у палявы перыяд 1911 г. земскім начальнікам была даручана першапачатковая падрыхтоўка землеўладкавальных спраў на плошчы 45 433 дзес., якая ўваходзіла ў склад 330 паселішчаў з 5050 дварамі. У рэалізацыі гэтых работ прынялі ўдзел 98 чыноўнікаў (36,2 %) з агульнай колькасці 271 чал. Найбольш актыўна ўдзельнічалі земскія начальнікі Магілёўскай губ. – 86,5 % (45 з 52 чал.) [13, арк. 25–27].

Агульнае кіраўніцтва землеўладкаваннем у Віленскай губ. ажыццяўлялася ў губернскай прысутнасці пераважна яе неадменнымі членамі. Гэтае новае кола абавязкаў значна ўскладніла дзейнасць апошніх, таму ў 1908 г. для выканання абавязкаў неадменнага члена прысутнасці па справах землеўладкавання быў прызначаны чыноўнік асобных даручэнняў Галоўнага ўпраўлення землеўладкавання і земляробства. З гэтага часу землеўладкавальнае справаводства было выдзелена ў асобнае, а пасля выдання закону ад 29 мая 1911 г. былі адкрыты Віленская і Гродзенская губернскія землеўладкавальныя камісіі [3, с. 25]. Да гэтага часу функцыі губернскіх землеўладкавальных камісій тут выконвалі губернскія прысутнасці [4, с. 11].

З адкрыццём землеўладкавальных камісій дзейнасць земскіх начальнікаў набыла больш азначаную форму, але ўлічыць усе іх намаганні ў канкрэтных лічбах не ўяўляецца магчымым. У прыватнасці, у дзейнасці земскіх начальнікаў у гэтым кірунку можна вызначыць два бакі. Па-першае, гэта тыя дзеянні, якія выконваліся ўсімі названымі чыноўнікамі ў якасці прамых абавязкаў па пасадзе: засведчанне прысудаў, збіранне ўладальнікаў у парадку арт. 67 «Положения о землеустройстве» і ўдзел у рабоце землеўладкавальнай камісіі па справах свайго ўчастка. З другога боку, можна вызначыць іх дзейнасць як членаў землеўладкавальных камісій – гэта даручэнне ім падрыхтоўкі спраў і выкананне апошніх у якасці землеўладкавальніка. Гэты бок дзейнасці земскіх начальнікаў мае важнае значэнне для характарыстыкі іх удзелу ў рэалізацыі сталыпінскай аграрнай рэформы, таму што справы такога кшталту ўскладаліся пераважна на тых земскіх начальнікаў, якія праявілі выключную ініцыятыву ці асабістую зацікаўленасць да справы.

У адпаведнасці з планам Віленскай губ. на 1908 г. земскім начальнікам было даручана кіраўніцтва ўнутрынадзельным землеўладка-

ваннем на плошчы ў 2028 дзес., ці 6,4% агульнай плошчы, вызначанай для землеўладкавання. У 1910 г. на іх было ўскладзена кіраўніцтва работамі на плошчы ў 3161 дзес. (7,7 % агульнай плошчы землеўладкавальных работ), у 1911 г. – 3040 дзес. (7,4 %), у 1912 г. – 5000 дзес., ці 18,4 %, у 1913 г. – 6060 дзес. (22,4 %) [3, с. 25–26].

У Гродзенскай губ. у 1913 г. падрыхтоўку землеўладкавання ажыццяўлялі 42 земскія начальнікі, якім была даручана 201 справа. Па іх уладкаванні праводзілася ў 232 паселішчах з 11 219 дварамі на плошчы ў 81 461,1 дзес. Усяго ж у гэтых паселішчах было 12 164 двары з плошчай зямлі ў 98 122 дзес. Такім чынам, у 232 паселішчах землеўладкаваннем было ахоплены 92,2 % двароў на 83,0 % агульнай плошчы. Калі ж весці размову толькі пра 6 беларускіх паведаў губерні, то тут было задзейнічана 36 земскіх начальнікаў, якім даручалася 174 справы (86,6 % ад усёй колькасці па губерні) [14, арк. 19–20адв.].

Гродзенскі губернатар В. М. Шабека ў цыркуляры да земскіх начальнікаў губерні ад 31 студзеня 1914 г. адзначаў, што не ўсе земскія начальнікі выконвалі патрабаванні, якія да іх прад'яўляў урад у землеўладкавальнай справе. Напрыклад, у Кобрынскім павеце сялянскае насельніцтва прыняло ўсю карысць пераходу да водрубнага і хутарскога землекарыстання. Тут землеўладкавальным працам спрыялі этнаграфічныя ўмовы і тапаграфічнае становішча мясцовасці, звычка палескіх сялян да аднаселляў, а роўныя балоціста-чарназёмныя або балоціста-суглінкавыя прасторы пры аднолькавай якасці ўгоддзяў палягчалі працы землеўладкавальнікаў. Амаль у такіх жа ўмовах знаходзілася ўсё Палессе, а менавіта паўднёвая частка Пружанскага і Слонімскага паведаў. Аднак, як адзначаў губернатар, не ва ўсіх земскіх участках нават Кобрынскага паведа работы ішлі паспяхова. Напрыклад, у 2-м участку на працягу 1913 г. ні адна вёска не была разверстана на хутары або водрубны. Губернатар лічыў, што землі аднолькавай якасці, як, напрыклад, у Сабалянскай, Гожскай і іншых валасцях Гродзенскага паведа, дзе пераважалі пяскі, а надзелы даходзілі да 100 дзес. на сям'ю, і землі паўднёвай часткі Ваўкавыскага паведа і іншых раёнаў губерні, давалі шырокае поле для землеўладкавальных прац. Ён адзначаў неабходнасць і эфектыўнасць тлумачэння сялянам карысці пераходу ад шнуровага землекарыстання да асобных адрубных гаспадарак, пры якіх магчыма прымяненне новых прыёмаў гаспадаркі, пераходу да травасеяння, агародніцтва, садоўніцтва, паляпшэння жывёлагадоўлі і г. д. На думку губернатара,

у непараўнальна горшых умовах знаходзіліся тэрыторыя павеі, дзе розная якасць глебы, раздробленасць надзельных участкаў пасля сямейных падзелаў і адсутнасць пашаў ускладнялі работы землеўладкавальнікаў. Але і тут работы былі выкананы ва ўсіх павеі Гродзенскай губ. В. М. Шабека заклікаў земскіх начальнікаў ужыць увесь свой уплыў на сялянскае насельніцтва даручаных ім участкаў і звярнуць асаблівую ўвагу на землеўладкавальныя справы, вырашаць іх у першую чаргу, таму што яны мелі асабліва важнае значэнне [14, арк. 17–17адв.].

Земскія начальнікі Магілёўскай губ. шырока прыцягваліся не толькі да падрыхтоўкі, але і да непасрэднай рэалізацыі землеўладкавання. Так, у 1914 г. 35 земскіх начальнікаў атрымалі 64 заданні на землеўладкаванні 341 зямельнай адзінкі на 23 090 дзес. зямлі для 2045 двароў. Гэта складала 24,3 % ад усёй плошчы землеўладкавання ў губерні (94 929 дзес.) [15, арк. 28адв. – 29.].

Пры ўсіх гэтых значных лічбах, якія характарызуюць удзел земскіх начальнікаў у рэалізацыі сталыпінскай аграрнай рэформы, існаваў яшчэ прастор і патэнцыял для іх працы ў гэтай сферы. У прыватнасці, гродзенскі губернатар В. М. Шабека адзначаў у 1914 г., што ўдзел земскіх начальнікаў губерні ў землеўладкаванні «крайне недастаточны». Ён тлумачыў такое становішча недаверам да іх здольнасцей з боку неадменных членаў землеўладкавальных камісій, а таксама «ведомственным стремлением чинов Главного управления землеустройства по возможности удержать это огромной важности дело в своих руках». Губернатар лічыў неабходнай для паспяховай рэалізацыі ўрадавай палітыкі сумесную працу неадменных членаў

землеўладкавальных камісій з земскімі начальнікамі [14, арк. 77–77адв.].

У 1907 г. міністр унутраных спраў П. А. Стальпін вызначыў месца і ролю губернскіх прысутнасцей і іх неадменных членаў у мясцовым кіраванні і ў рэалізацыі аграрнай палітыкі дзяржавы: «Губернския присутствия – это нервный центр губернии, объединяющий все власти, близко соприкасающиеся с крестьянами» [16, с. 4]. Другі міністр унутраных спраў, М. А. Маклакоў, у 1912 г. назваў неадменных членаў прысутнасцей «ближайшими руководителями и непосредственными инструкторами», праз якіх прысутнасць, як орган назірання, ажыццяўляла кантроль, кіраўніцтва і каардынацыю дзейнасці падпарадкаваных ёй устаноў і асоб у адпаведнасці з патрабаваннямі ўрадавай палітыкі. Гэтыя ўмовы прывялі да таго, што ў пачатку XX ст. неадменныя члены прысутнасці з'яўляліся «фактически главными направляющими силами в областях – общественного управления крестьянского населения, местного правосудия, обеспечения населения продовольствием и, наконец, главное, в деле проведения в жизнь новейших узаконений в сфере крестьянского землевладения» [17, арк. 3адв.].

Такім чынам, мясцовыя органы кіравання – губернскія прысутнасці, земскія начальнікі і іх павятовыя з'езды – адыгрывалі значную ролю ў рэалізацыі Стальпінскай аграрнай рэформы, прымаючы ў ёй непасрэдны ўдзел. Ад таго, наколькі своєчасова і дакладна яны інфармавалі мясцовае насельніцтва, тлумачылі сэнс заканадаўчых актаў і цыркуляраў, залежала актыўнасць сялян у набыцці зямлі ў прыватную ўласнасць ці яе арэндзе, пераходзе да хутароў і адрубоў, выкарыстанні і ўкараненні новых спосабаў вядзення гаспадаркі.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). – Собр. 3-е. – Т. 26 (1906). – Отд. 1. – № 27478. – С. 199–201.
2. Ліпінскі, Л. П. Стальпінская аграрная рэформа на Беларусі. Разбурэнне абшчыннага землеўладання / Л. П. Ліпінскі, А. Р. Бухавец // Гісторыя сялянства Беларусі са старажытных часоў да нашых дзён: у 3 т. – Мінск: Беларус. навука, 2002. – Т. 2: Гісторыя сялянства Беларусі ад рэформы 1861 г. да сакавіка 1917 г. / З. Е. Абезгаўз [і інш.]; пад рэд. В. П. Панюціча. – 552 с.
3. Навукова-даведачная бібліятэка Расійскага дзяржаўнага гістарычнага архіва. Друкаваная запіска № 14926. Краткий обзор десятилетней деятельности крестьянских учреждений Виленской губернии, преобразованных по закону 12 июля 1889 года (1 декабря 1903 – 1 декабря 1913) / сост. Виленским губернским присутствием. – Вильна: Губерн. тип., 1913. – 37 с.
4. Краткий очерк за десятилетие: 1906–1916 / Комитет по землеустроительным делам. – Петроград: Т-во Р. Годике и А. Вильборг, 1916. – 62, VII, [10] с., [15] л.
5. Обзор Минской губернии за 1913 год / Издание Минского губернского статистического комитета. – Минск, 1914. – [3], 72, [53] с.
6. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ў Мінску (далей – НГАБ у Мінску). – Ф. 1595. – Воп. 1. – Спр. 85.
7. ПСЗРИ. – Собр. 3-е. – Т. 26(1906). – Отд. 1. – № 28528. – С. 970–974.
8. Приложения к трудам съезда неперменных членов губернских присутствий и землеустроительных комиссий. 10–23 янв. 1909 г. / Министерство внутренних дел. – СПб.: Тип. М-ва внутренних дел, 1909. – Стр. VI+ с.
9. НГАБ у Мінску. – Ф. 1595. – Воп. 1. – Спр. 323.

10. Расійскі дзяржаўны гістарычны архіў (далее – РДГА). – Ф. 1291. – Воп. 31, 1908. – Спр. 6.
11. Съезд непременных членов губернских присутствий. Труды Съезда непременных членов губернских присутствий и землеустроительных комиссий. 10–23 янв. 1909 г. / М-во внутренних дел. – СПб.: Тип. М-ва внутренних дел, 1909. – [6], XVIII, 363 с.
12. Акт ревизии, произведенной Пинским уездным предводителем дворянства И. А. Папа-Афанасопуло во втором земском участке Пинского уезда 5–7 и 16, 17, 26, 27 авг. 1908 года. – [Минск: Губерн. тип., 1908]. – 65, [2] с.: табл.
13. РДГА. – Ф. 1278. – Воп. 6. – Спр. 456.
14. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ў Гродна (далее – НГАБ у Гродна). – Ф. 18. – Воп. 1. – Спр. 1797.
15. НГАБ у Мінску. – Ф. 1595. – Воп. 1. – Спр. 3350.
16. Съезд непременных членов губернских присутствий. Труды Съезда непременных членов губернских присутствий. 24 окт. – 1 нояб. 1907 г. / М-во внутренних дел. – СПб.: Тип. М-ва внутренних дел, 1908. – [4], 155 с.
17. РДГА. – Ф. 1278. – Воп. 2. – Спр. 2057.

Дата паступлення: 30.09.2018.

РАЗДЕЛ 3. ОТ ТРАДИЦИОННОГО ОБЩЕСТВА К МОДЕРНУ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ

Новаш В. В.

Рэспубліканскі інстытут вышэйшай школы, Мінск

Novash O.

National institute of higher education, Minsk

УДК 069.44

ШЧОРСЫ ЯК ЭКАНАМІЧНЫ ФЕНОМЕН XVIII СТАГОДДЗЯ

SCHORS AS AN ECONOMIC PHENOMENON OF THE XVIII CENTURY

Маёмасць Храптовіча была апісана ў шматлікіх артыкулах, у якіх яго прыклад прыводзіўся ў якасці мадэлі сучаснага кіравання. Абапіраючыся на свой вопыт, Храптовіч апублікаваў эканамічны трактат у мэтах садзейнічання сучасных метадаў кіравання. Ва ўсходніх ускраінах Рэчы Паспалітай у XVIII ст. былі некаторыя арыстакратычныя суды, якія рэалізавалі і развівалі сучасную еўрапейскую грамадскую думку і ідэі, станавіліся прыкладам у галіне эканомікі, навукі, культуры і мастацтва. Шчорсы сталі адным з такіх цэнтраў кіравання ў еўрапейскім стылі, што было выгадна як уладальніку, так і яго жыхарам. У Шчорсах амаль на сто гадоў раней, чым на дзяржаўным узроўні, фактычна было адменена прыгоннае права.

Ключавыя словы: Шчорсы; Храптовіч; гаспадарка; маёнтак.

Chreptovich property has been described in numerous articles, in which he cites as an example of modern management model. Based on its experience, Chreptovich posted economic treatise in order to promote modern methods of the office. In the eastern outskirts of the Rzeczpospolita in the XVIII century, there were some aristocratic courts that implemented and developed a modern European public opinion and ideas, become an example in the regional economy, science, culture and art. Shchors become one of the centerlines of the office of the European style, which was beneficial both for the owner and for its inhabitants. In Schors almost one hundred years earlier than at the state level, serfdom was abolished in fact.

Keywords: Schors; Chreptovich; farming; manor.

Першае згадванне пра Шчорсы звязана з установай тут князем Войшалкам Лаўрышаўскага манастыра (вёска Лаўрышава знаходзіцца ў 3 км ад Шчорсаў пры ўпадзенні ракі Валоўкі ў Нёман) каля 1265 г. [1, с. 645]. У Літоўскай Метрыцы Шчорсы згадваюцца ў 1471 г., калі належалі роду Храптовічэй (пазней прозвішча роду пачалі пісаць праз «п» – Храптовічам) [2]. Пасля смерці Івана (Яна) Храптовіча ў 1564 г. яго маёмасць пераходзіць сынам Яну і Адаму. У сярэдзіне XVIII ст. Марцін Храптовіч ліквідаваў цэраспалосіцу ў маёнтку Шчорсы, выкупіў зямлю дробных уладальнікаў і да сваёй смерці сабраў вакол Шчорсаў значныя землі.

Вядомасць Шчорсы набылі ў XVIII ст. дзякуючы падканцлеру ВКЛ графу І. Л. Храптовічу. Іаахім Літавор нарадзіўся ў сям’і Марцыяна Храптовіча і Рэгіны Вайняткі 4 студзеня 1729 г. у фальварку Ясянец, які належаў дзеду па маці К. Несялоўскаму. Пачатковую адукацыю атрымаў дома пад кіраўніцтвам ксяндза Адама Хмялеўскага ў спадчынным маёнтку бацькі Шчорсы Наваградскага павета. Узровень ведаў, якія Іаахім

атрымаў дома, даў яму магчымасць без усялякіх цяжкасцей працягваць адукацыю ў Віленскай акадэміі. Пасля заканчэння Віленскай акадэміі Іаахім, як і многія яго забяспечаныя сучаснікі, вырашыў працягваць адукацыю за мяжой. Вучыўся ў Германіі. Пабываў у Італіі, Аўстрыі, Швейцарыі, Францыі, Англіі. Усюды цікавіўся навішчымі на той час дасягненнямі навукі. Пасля атрымання вышэйшай адукацыі і кароткага тэрміна службы ў войску ва ўзросце 23 гады Іаахім Храптовіч займае пасады наваградскага стольніка, маршалка соймакаў Наваградскага павета, дэпутата Галоўнага трыбунала ВКЛ ад Горадзенскага павета, пасля Наваградскага і іншых павеятаў на соймы Рэчы Паспалітай. У 1776 г. Іаахім жаніўся на дачцэ падканцлера літоўскага Антонія Пшэздзецкага – Канстанцыі. Некалькі гадоў граф займаўся рэарганізацыяй гаспадаркі ў сваім радавym маёнтку Шчорсы. Вывучаў розныя спосабы земляробства, аналізаваў іх з намерам выбраць самыя рацыянальныя. Цікавілі яго і дапаможныя галіны сельскай гаспадаркі – агародніцтва, садоўніцтва, пчалярства, развядзення рыб у вадаё-

мах. Разважанні прывалі яго да думкі аб тым, што павелічэнне прадукцыйнасці гаспадаркі магчыма толькі ў тым выпадку, калі той, хто працуе, будзе зацікаўлены ў выніку сваёй працы.

Рэформы ў сваіх маёнтках І. Храптовіч уводзіў паступова. Ён адмяніў паншчыну і розныя паслугі, работы, падаткі сялян на карысць памешчыкаў, дазволіў сыходзіць сялянам на заробкі. Ён зыходзіў з думкі, што сяляне будуць прывязаны да яго маёнтка ў сілу ўласных інтарэсаў. Маёнтак Шчорсы разам з шэрагам іншых уладанняў у розных павятах ВКЛ Іаахім Храптовіч атрымаў у спадчыну ў 1766 г. пасля смерці бацькі і фактычна адразу прыступіў да гаспадарчых пераўтварэнняў. Свае рэформы Храптовіч пачаў, наняўшы двух кіраўнікоў. Усе сяляне ва ўладанні былі абвешчаны вольнымі людзьмі. Праўда, граф не вызначыў «...ніякім, ні дзяржаўным, ні вотчыны актам, што ім сялянам даруецца асабістая свабода» [3, с. 195]. Пад «свабодай», дадзенай шчорсаўскім сялянам, гаворыцца, што дадзена яна «...людзям руплівым і працавітым, а не гультаям» [3, с. 195]. Яго сын, Адам, тлумачыць пытанне аб асабістай свабодзе сялян. «Так як граф Іаахім ніякім юрыдычным актам не вызначыў асабістую свабоду сваіх сялян, то сяляне застаюцца ў валоданні двара: таму ні адзін селянін не можа без дазволу двара выдаляцца з маёнтка або выселіцца з яго» [4, с. 38]. Сяляне абавязаны былі выходзіць на працу па патрабаванні двара, хоць за такую працу і плацілі грошы. Нягледзячы на гэта, многія сяляне маюць права «на асабістую свабоду ў сілу сваіх здольнасцяў і кожны можа атрымаць свабоду, а таксама дзяўчына можа выйсці замуж у іншую вотчыну, пры ўмове ўнёску ў сялянскую касу» [4, с. 38].

У канцы XVIII ст. нават адукаваныя людзі, у тым ліку і Храптовіч, бачылі рашэння сялянскага пытання не столькі ў прадастаўленні асабістай свабоды сялянам, колькі ў рэгуляванні адносін паміж сялянамі і памешчыкам і апекай над сялянамі. У сілу апошняга прынцыпу Храптовіч дапускае ўмяшальніцтва ў прыватнае жыццё сялян. Напрыклад, быў вызначаны час заключэння шлюбав (ад Новага года да масленічнага тыдня). Пры аддачы ўчасткаў зямлі сялянам Храптовіч імкнуўся рассяліць іх сялібамі у гаспадарчых і маральных мэтах. Была спынена перадача карчмы ў арэнду габрэям. У буднія дні забаронена мужчынам і жанчынам п'янстваваць у корчмах. Карчмару забаронена выдаваць гарэлку ў крэдыт ці ў абмен на прадукты. Дваровым парубкам забаранялася заходзіць у карчму [4, с. 40]. Такім чынам, сяляне Шчорсаў, не атрымаўшы асабістай свабоды, карысталіся грамадзянскімі правамі ў межах маёнтка і не неслі на карысць памешчыка ніякіх падаткаў і павіннасцяў. Адносіны селяніна да па-

мешчыка зводзіліся галоўным чынам да плацяжу арэнды за зямлю.

У маёнтках Храптовіча падданыя дзяліліся на тры катэгорыі. Па-першае, мяшчане і рамеснікі, якія маюць толькі дваровыя месцы і лугі і не маюць права браць у арэнду ворныя землі. Другая катэгорыя – агароднікі, якія маюць дваровыя месцы, агароды і сенажаці. Да іх адносіліся і парабкі, якіх наніамалі на сплаў, якія працавалі ў сялян і якія не малі магчымасці трымаць у арэндзе сялянскага ўчастка. І трэцяя катэгорыя складалася з сельскіх гаспадароў-арандатараў, якія валодалі ўласнай гаспадаркай.

Храптовічам быў усталяваны мінімальны памер ворнага ўчастка. Ён падзяліў усе прапанаваныя для раздачы землі на ўчасткі па 10 моргаў. Сюды ўваходзіла толькі ворная зямля. Да такога ўчастка далучаўся сенакос, а астатнія землі былі ў распараджэнні ўсяго насельніцтва. Акрамя ворнай зямлі, сенакосу і выгану, сяляне карысталіся бясплатна панскім лесам. Пры ўвядзенні рэформы землі для арэндных участкаў у маёнтку Вішнева і Шчорсы былі папярэдне абмераны і падзелены на ўчасткі. У Вішнева паміж сялянскімі валокамі былі пакінуты невялікія палосы пад лес для абароны палёў ад ветру. Кожнаму ўчастку быў адведзены сенакос, ён складаў пятую частку ад ворнай зямлі. Пры гэтым адбываўся адзел сялянскіх зямель ад панскіх. Усё гэта паказвае на добрасумленнасць, з якой паставіліся да сваёй справы ўладальнікі. Разбіваючы сялянскія ўчасткі на асобныя хутары, І. Храптовіч меў на ўвазе перанос сялянскіх сядзіб з вёскі на хутар і патрабаваў, каб яго кіраўнік усяляк спрыяў сялянам пры пераносе сядзіб [4, с. 42]. Такое рассяленне памяншала бясконцыя сваркі паміж сялянамі, а блізкасць ворнай зямлі і сенакосу з'яўлялася зручным у гаспадарчых адносінах.

Уся зямля, падзеленая на ўчасткі, аддавалася сялянам у арэнду на 20 гадоў. Пры гэтым былі ўрэгуляваны правы карыстання сялянскімі ўчасткамі. Мінімальны ўчастак не падвяргаўся раздзелу і пасля смерці бацькі пераходзіў старэйшаму сыну, а ў выпадку няздольнасці старэйшага сына кіраваць гаспадаркай яго месца займаў наступны за ім. У выпадку адсутнасці сыноў гаспадаркай магла кіраваць і дачка [4, с. 43]. Арэнда аплачвалася кожныя 20 гадоў. Агародныя і дваровыя ўчасткі абкладаліся асобна ад ворных. За дваровае месца арэнду не плацілі. Чынш уносіўся ў панскую казну ў два тэрміны: у апошні тыдзень чэрвеня і ў апошні тыдзень снежня. Калі на працягу гэтага тэрміна арэндная плата не была ўнесена, то рухомая маёмасць арандатара падвяргалася продажу, ворны ўчастак у яго адымаўся і пераходзіў іншаму. Памер арэнднай платы быў аднолькавы для ўсіх. У Шчорсах ён вагаўся паміж 45 і 90 рублямі

з валокі ворнай зямлі і ад 20–90 рублёў з валокі сенакосу [4, с. 44].

Агульная колькасць зямлі, якая знаходзілася ў распараджэнні памешчыка, была вялікай, таму не магла забяспечыць зямлёю ў дастатковай меры ўсіх вяскоўцаў. Таму агароднікі, якія не мелі свайго надзелу зямлі, маглі прапаноўваць сябе ў якасці наёмных рабочых. Сяляне Шчорсаў наймаліся на сплаў па Нёмане, займаліся возніцтвам і рамёствамі. Сяляне Вішнева і Бярэзіны, не маючы ракі, маглі працаваць на металургічным заводзе. Гаспадарка была пастаўлена ў новыя ўмовы, так як І. Храптовіч адмовіўся ад усіх відаў паншчыны і звязаных з ёю натуральных пабораў. Уся праца выконвалася наёмнымі рабочымі з ліку сялян. Граф лічыў, што двор павінен валодаць дастатковай колькасцю наёмных гадавых работнікаў (парабкаў) для ўсіх палявых работ, а таксама для апрацоўкі агародаў, рамонту будынка і г. д. Для ўсіх работ у дварах павінен быць быць гаспадарчы інвентар. Рэфарматар клапаціўся аб становішчы парабкаў. Яны павінны былі атрымліваць добрую ежу і адзенне «...іх трэба карміць добра і зручна апранаць, каб ніхто з іх у выпадку выдалення са службы не мог знайсці ў іншым месцы такой жа выгаднай службы» [5, с. 109]; «Трэба даць ім мяккую, цёплую, зручную і чыстую пасцель; у кожнага для адпачынку павінен быць ложак, а для рэчаў у кожнага асобная скрыня ці шафа для бялізны і адзення. Ежа парабкаў павінна быць сытая і досыць падтрымліваць іх сілы, яна даецца тры разы на дзень» [5, с. 109]. Граф Іаахім практычна разважае пра тое, наколькі выгадна для сельскай гаспадаркі мець добрага работніка. Работнік, які даражыць сваім месцам, будзе больш інтэнсіўна працаваць. Адным словам, дваровая работа павінна быць «школай сялянскай гаспадаркі». З гэтай мэтай уладальнік раіць свайму аканому мець старэйшага парабка над сваімі работнікамі. «Жыццё работнікаў і работніц павінна знаходзіцца пад наглядом і вокам эканомы, ім не дазваляецца нават у святочныя дні заходзіць у карчму. Яны павінны хадзіць у царкву і вяртацца з яе пад наглядом старэйшага парабка. Дазваляюцца ў нядзелю пачастункі. Я (Храптовіч) пагадзіўся б нават на тое, каб кожнаму работніку выдаваць штодня порцыю піва» [5, с. 110].

Даходнасць маёнткаў хутка расце. Граф Адам (сын Іаахіма) у сваіх запісах піша пра поўную паспяховасць усіх рэформаў. «Так як ад даходаў маёнтка залежыць дабрабыт кожнага ўладальніка, то ва ўсіх распараджэннях павінна панаваць не сістэма, фантазія або састарэлыя звычаі, але адзіна толькі разлік. Выканаўшы намеры нябожчыка бацькі, я знаходжу мае лічбы вельмі супакаляльнымі ва ўсіх адносінах – як у сэнсе даходаў, так і дабрабыту спадчынных абывацеляў маёй зям-

лі, дзе я не ўвёў ніякай змены» [5, с. 126]. Так, маёнтак у Шчорсах у канцы XVIII ст. прыносіў у сярэднім 7317 рублёў срэбрам [4, с. 63].

Удзел дваровай адміністрацыі ў жыцці сялян у першы час быў прыкметным. На чале кожнай групы маёнткаў стаяў кіраўнік, які дзейнічаў па асаблівай інструкцыі. Ён сачыў за ўнёскамі падаткаў, рэкруцкай і дзяржаўнымі павіннасцямі, назіраў за паводзінамі сялян, прызначэннем апекі над малалетнімі, агульным санітарным кантролем, вёў следства і суд над учынкамі сялян. У той жа час ён павінен быў клапаціцца аб сялянах: сачыць за тым, каб не знікалі іх заробкі і г. д. Пад агульным наглядом кіраўніка праходзіла ўся дзейнасць сельскага грамадства. Сяляне павінны былі самі клапаціцца аб выплаце дзяржаўных падаткаў. Усе гаспадарчыя работы на арэндных землях, напрыклад, расчыстка канаў і зараснікаў, ажыццяўлялася сялянамі. Для пакрыцця неабходных выдаткаў сяляне мелі сельскую касу. Гэтая каса складалася з узносаў на выплату падушнага падатку, земскіх павіннасцей, са штрафных грошай, якія накладваюцца сельскім судом, і з адмысловых збораў на сялянскія патрэбы. З гэтай касы плацілі дараванне членам сельскага суда, аптэкару, доктару, фельчару, цырульніку. На сельскай касе ляжалі выдаткі па змесце грамадскіх будынкаў, царквы, крам, змест бальніцы, купля медыкаментаў [3, с. 65].

Безумоўна, Іаахім Храптовіч імкнуўся пераняць лепшы замежны вопыт арганізацыі вытворчасці ў сельскай гаспадарцы. З гэтай мэтай ён у 1769–1772 гг. наведаў Англію, Галандыю, Францыю, Аўстрыю. Знаёмства з прагрэсіўнымі метадамі вядзення гаспадаркі спрыяла таму, што ў Шчорсах вялікая ўвага стала надавацца не толькі земляробству, але і жывёлагадоўлі. На ўсіх дарогах, якія вялі ў вёску, былі пабудаваны старажавым пасты, дзе неслі варту сяляне з мэтай не прапусціць у валоданне хворую скаціну з іншых мясцовасцей. Калі ішлі чуткі аб эпідэміі, то жывёлы дзяліліся на некалькі невялікіх статкаў і трымаліся ў лесе, пакуль не пройдзе небяспека хваробы.

Граф Ірыней Храптовіч (сын Іаахіма) працягваючы рэформу бацькі, пераканаўшыся ў маральнасці сваіх «пададзеных» (як ён сам заяўляе), ён вырашае даць ім самастойны сялянскі суд [3, с. 66]. Сельскі суд валодае шырокай кампетэнцыяй і замяняе сабой дваровую адміністрацыю. Суд складаецца з трох суддзяў, адзін з якіх прызначаецца дваром, адзін выбіраецца сялянамі, якія арантуюць не менш за 5 моргаў ворнай зямлі, і трэці – сялянамі, якія маюць менш за пяць моргаў, і беззямельнымі. Выбары сялянскіх суддзяў праходзяць кожныя тры гады шляхам закрытага галасавання. Для вядзення пратаколаў суда

прызначаецца асаблівы чалавек, які валодае расейскай і польскай мовамі. Суд засядаў у нядзелю і святочныя дні, пры ўступленні на пасаду суддзя даваў прысягу. Са з'яўленнем суда ўлада ў маёнтку губляе права караць і судзіць сялян, дваровая адміністрацыя таксама павінна звяртацца са скаргамі ў суд. Кампетэнцыя суда вельмі шырокая. Ён займаецца крымінальным, грамадзянскім, адміністрацыйным наглядам, рэгулюе адносіны паміж дваром і сялянамі. Суд абавязаны караць і ўчынкі супраць маральнасці: распусту, непадпарадкаванне і г. д. Акрамя таго, суд валодаў шырокімі паўнамоцтвамі, замяняючы сабой вотчыны, адміністрацыю і з'яўляючыся пасрэднакам

паміж сялянамі і дваром. Перш за ўсё, на сельскі суд ускладалася назіранне за выкананнем сялянамі дзяржаўных павіннасцей і за выплатай падаткаў. У адносінах да сельскага грамадства сельскі суд валодаў некаторымі функцыямі паліцыі, а таксама нёс абавязак назіраць за вакцынацыяй ад воспы.

Такім чынам, правядзенне Храптовічам згаданых сацыяльна-эканамічных рэформаў значна пашырыла гаспадарчую самастойнасць падданных, што абумовіла іх дабрабыт. Гэта спрыяла таму, што многія прыгонныя сяляне, якія ўцякалі ад жорсткага прыгнёту з межаў Расійскай імперыі, імкнуліся асесці менавіта ў маёнтках Іаахіма Храптовіча [6, с. 208].

Спіс выкарыстаных крыніц

1. *Богуславский, В. В.* Славянская энциклопедия. Киевская Русь / В. В. Богуславский // *Московия*: в 2 т. – М.: ОЛМА Пресс, 2001. – Т. 1: А–М. – 784 с.
2. *Литовская метрика. Книга записей. Том 3 (1440–1498)* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://drive.google.com/file/d/0B_T3PThCY39DQVRGdlpqVEtZZGM/view. – Дата доступа: 06.12.1017.
3. *Довнар-Запольский, М. В.* Из истории общественных течений в России / М. В. Довнар-Запольский. – Киев, 1905.
4. *Довнар-Запольский, М. В.* Из истории общественных течений в России: статьи М. В. Довнар-Запольского / М. В. Довнар-Запольский. – 2-е изд., доп. новыми статьями. – Киев: Изд. Ив. Ив. Самоненко, 1910. – 333 с.
5. *Довнар-Запольский, М. В.* Вотчинное учреждение графа И. Хрептовича, дополненное сыном его Адамом / М. В. Довнар-Запольский // *Университетские известия*. – 1905. – № 8. – С. 104–128.
6. *Кітурка, І.* Асветніцтва і аграрныя рэформы ў Вялікім Княстве Літоўскім у другой палове XVIII ст. / І. Кітурка // *ARCHE*. – Мінск, 2011. – № 6. – С. 203–230.

Дата паступлення: 20.11.2018.

Ерашэвіч А. У.

Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт, Мінск

Yerashevich A.

Belarus state economic university, Minsk

УДК [94(476)+336.23(476)(091)]«18»

АГУЛЬНАІМПЕРСКІЯ ЎСЕСАСЛОЎНЫЯ ЗБОРЫ ДОБРААХВОТНЫХ АХВЯРАВАННЯЎ НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ (ПЕРШАЯ ПАЛОВА XIX СТАГОДДЗЯ)

NATIONWIDE AND ALL CLASSES TAXES VOLUNTARY OFFERINGS IN THE TERRITORY OF BELARUS (FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY)

Артыкул прысвечаны праблеме вызначэння ўніверсальных усесаслоўных грашовых збораў добраахвотнага характару (т. зв. падпіскі) на тэрыторыі беларускіх губерняў Расійскай імперыі. Праца заснавана на выкарыстанні аўтарам звестак неапублікаваных дакументаў з фондаў гістарычных архіваў у Мінску, Гродне, Вільнюсе. Упершыню ў сучаснай беларускай гістарыяграфіі здзейснена спроба класіфікаваць добраахвотныя грашовыя зборы ахвяраванняў, якія спаганяліся з насельніцтва ўсіх саслоўна-сацыяльных груп на тэрыторыі губерняў Беларусі ў першай палове XIX ст., на іх мэтавым прызначэнні.

Ключавыя словы: Расійская імперыя; беларускія губерні; даходы; добраахвотныя грашовыя зборы; ахвяраванні; дабрачыннасць.

The article is devoted to the problem of the definition universal commemorated the fees voluntary nature (the so-called subscriptions) in the territory of the Belarusian provinces of the Russian Empire. The work is based on the use of information of unpublished documents from the collections of the historical archives in Minsk, Grodno and Vilnius.

For the first time in modern Belarusian historiography, the author tried to classify voluntary cash collections that were levied on the population of all the estate and social groups in the provinces of Belarus in the first half of the XIX century, according to their intended purpose.

Keywords: Russian empire; Belarus provinces; incomes; voluntary cash collections; donations; charity.

Рознапланавыя ўзаемаадносіны людзей у грамадстве характарызуюцца не толькі суперніцтвам, спаборнасцю ці канкурэнцыяй ідэй, каштоўнасных арыенціраў, традыцый, норм і правілаў паводзін, патрэбнасцей і інтарэсаў, але і пачуццямі павагі, спачування, імкнення да супрацоўніцтва і ўзаемадапамогі, аказання пасільнай падтрымкі.

У сучаснай беларускай гістарыяграфіі праблема арганізацыі спагнання агульнаімперскіх грашовых добраахвотных збораў рознага прызначэння не стала яшчэ дагэтуль прадметам спецыяльнага даследавання. У нешматлікіх артыкулах асвятляюцца асобныя бакі арганізацыі акцый збору грамадскіх добраахвотных грашовых ахвяраванняў як асобнага віда свецкай унутрыаслоўнай дабрачыннасці, у асноўным выключна міжаслоўнай дваранскай дабрачыннай дзейнасці [1; 2; 8, с. 56–58].

Мэта артыкула заключаецца ў спробе класіфікацыі падобных непадатковых плацяжоў, а таксама вызначэнні асноўных напрамкаў дзейнасці дзяржаўных мясцовых улад па стварэнні мэтавых фондаў грашовых ахвяравальніцкіх збораў на тэрыторыі губерняў Беларусі ў першай палове XIX ст.

Артыкул базіруецца на выкарыстанні шматлікіх матэрыялаў з архівасховішчаў Мінска, Гродна і Вільні. Адзначым, што аўтар, з прычыны абмежаванасці аб'ёму працы, абмінуў увагай усе шматлікія і разнастайныя разнавіднасці добраахвотных грашовых ахвяраванняў дваранскай карпарацыі, асобныя фінансавыя зборы яўрэйскіх таварыстваў, іншых аслоўных згуртаванняў, як і дабрачынныя зборы грашовых прынашэнняў з боку розных катэгорый народанасельніцтва на карысць дабрачынных устаноў, дзіцячых прытулкаў, малалетніх, якія засталіся без бацькоў, удоў, немаёмных, хворых, састарэлых, жабракоў, бедных.

Грашовыя зборы добраахвотных ахвяраванняў маглі розніцца па частаце (аднаразовыя) ці перыядычнасці (штогодныя) узносаў, збіраліся на пастаяннай (як правіла, з боку ганаровых і сапраўдных членаў дабрачынных таварыстваў) і аднаразовай аснове, вылучаліся разнастайнасцю форм (наяўныя грошы ці крэдытныя білеты, нерухомая маёмасць, розныя рэчы).

Грашовыя зборы для расійскага войска. Мілітарысцкая скіраванасць выдаткаў дзяржаўнага бюджэта Расійскай імперыі, яе пастаянны ўдзел у шматлікіх войнах абумовілі ўзмоцненую цікавасць вярхоўнай улады да арганізацыі ак-

цый па збору грашовых сродкаў добраахвотных ахвяраванняў на карысць падтрымкі расійскага войска. Дзеля кіравання грамадскай думкай шляхам агітацыі і прапаганды і фарміравання асноваў казённага афіцыйнага патрыятызму як неабходнага фактара кансалідацыі грамадства вакол вобраза знешняга і ўнутранага ворага, для захавання і падтрымкі сацыяльна-палітычнай стабільнасці пагранічных губерняў значная ўвага ўрадавымі інстытутамі ўлады надавалася мерапрыемствам, звязаным з арганізацыяй кампаній збору грашовых падарункаў для расійскіх узброеных сіл у час напалеонаўскіх войнаў, Крымскай (Усходняй) вайны, з нагоды праходу расійскіх вайсковых часцей і каманд праз тэрыторыю губерняў Беларусі, якія прымалі ўдзел у замежных вайсковых паходах, ці проста перадыслацыраваліся на новыя месцы кватэравання, перамяшчаліся ў лагерныя месцы для вучэнняў і г. д.

У сувязі з паражэннем Аўстрыі і пагрозай уступлення напалеонаўскіх войскаў у межы Расійскай імперыі маніфестам імператара Аляксандра I ад 30 лістапада 1806 г. абвешчалася аб стварэнні часовага рэзерва расійскай рэгулярнай дзеючай арміі – 612-тысячнай міліцыі, упершыню пасля народнага апалчэння К. Мініна і Д. Пажарскага XVII ст. [7]. Дваране Віленскай, Гродзенскай, Мінскай губерняў вызваліліся ад пастаўкі апалчэнцаў з-за страт, панесеных падчас перавозкі фуражу і правіянту, аднак далучаліся да добраахвотных збораў ці складалі на міліцыю грашовых сродкаў, харчавання, адзення, амуніцыйных рэчаў, узбраення, якія ўносілі як прыватныя асобы, так і карпаратыўныя таварыствы (яўрэйскія кагалы, дваранскія сходы) [13; 14]. Толькі дваране, купцы, мяшчане і іншага звання людзі Мінскай губерні ахвяравалі на заснаванне губернскага земскага войска 241 353 руб. 60,75 кап. [11, ф. 333, воп. 3, спр. 117, арк. 5].

Грашовыя зборы для асоб, пацярпелых ад стыхійных бедстваў. Адным з распаўсюджаных сродкаў аказання матэрыяльнай падтрымкі асобам, пацярпелым ад стыхійных бедстваў, перадусім пажараў, была арганізацыя дапамогі пагарэльцам шляхам абвешчэння адкрыцця т. зв. падпісак збору добраахвотных грашовых ахвяраванняў сярод жыхароў губерняў Беларусі. Аб арганізацыі правядзення падобных грамадскіх акцый неаднойчы згадвалася ў розных афіцыйных дакументах, матэрыялах перыядычнага друку. Так, у Гродзенскай губерні было абвешчана аб неабходнасці аказання грашовай дапамогі

на карысць насельніцтва, пацярпелага ад пажараў у гарадах Уфа (1821 г.), Ліда (1842 г.), Пінск (1849 г.), Арол (1848 г.), Петрапаўлаўск (1849 г.), Самара (1850 г.), мястэчку Ліпканы (1854 г.), горадзе Рослаў (1855 г.) [10, ф. 1, воп. 1, спр. 2319, воп. 27, спр. 1315, 1370, воп. 28, спр. 69, 72, 75, 140, ф. 2, воп. 3, спр. 1947], у Віленскай губерні – у гарадах Праскураў (1823 г.), Або (1827 г.), Тула (1834 г.), Відзы, Якабштадт (1835 г.), Пенза (1836 г.), Нерела (1838 г.), Ніжні Ноўгарад, Ельня, Яфрэмаў, Астрахань, Казань, Пермь (1842 г.), Томск (1845 г.), Зубцоў (1846 г.), Бухарэст (1847–1849 гг.), Арол (1848 г.), Петрапаўлаўск (1849 г.), Самара (1850 г.), Аляксандраўскага пасада ў Пскоўскай губерні (1853 г.), Рослаў (1855 г.), Орgeeў (1857 г.), Кутаісі (1861 г.), Сімбірск, Семірэчча (1864 г.) [6, f. 380, ар. 2, b. 344, ар. 3, b. 18, ар. 6, b. 77, ар. 7, b. 552, ар. 10, b. 568, ар. 14, b. 451, ар. 21, b. 338, ар. 68, b. 499, ар. 70, b. 4193, ар. 75, b. 2689, ар. 76, b. 1241, 2473, ар. 77, b. 2270, ар. 81, b. 45, 93, 94, 109, 119, 136, f. 381, ар. 17, b. 386, ар. 26, b. 3023, f. 391, ар. 6, b. 570, 1414, 1447, 1669, 1735, ар. 7, b. 3941], у Віцебскай губерні – у гарадах Тавастгус (1831 г.), Тула (1834 г.), Якабштадт (1835 г.), Пенза (1836 г.), Петрапаўлаўск (1839 г.), Кузнецк (1839 г.), Ноўгарад-Валынск (асобна для яўрэяў, 1839 г.), Орша (1841 г.), Полацк (1842 г.), Ніжні Ноўгарад (1842 г.), Пермь (1842 г.), Ельня, Яфрэмаў, Астрахань, Казань, Троіцк (1842 г.), Кузнецк Саратаўскай губерні, Тоцьма Валагодскай губерні (1843 г.), Томск (1845 г.), Зубцоў (1846 г.), Нюстад (1847 г.), Самара (1850 г.), Далматаў Пермскай губерні (1852 г.), Кунавінскай слабады ў Ніжнім Ноўгарадзе (1856 г.) [11, ф. 1430, воп. 1, спр. 2810, 4884, 5514, 6285, 6368, 7704, 8040, 8042, 9436, 9850, 9854, 9889, 9890, 9900, 9915, 9921, 10535, 10536, 12091, 12721, 13606, 19562, 22987, 28476], у Магілёўскай губерні – у гарадах Тула (1834 г.), Арол (1841 г.), Самара (1850 г.), Саранск (1852 г.) [11, ф. 1297, воп. 1, спр. 7861, 12483, 21485, 23283].

Акрамя таго, у Віцебскай губерні ў 1837 г. было абвешчана аб неабходнасці збору сродкаў грашовай дапамогі жыхарам горада Кіренска і ягонай акругі, пацярпелых ад паводкі [11, ф. 1430, воп. 1, спр. 6733], а ў Віленскай і Гродзенскай губернях у 1823–1824 г. – аб назапашванні ахвяраванняў з боку жыхароў для аказання дапамогі пацярпелым ад неўраджаяў хлеба жыхарам беларускіх (Віцебскай і Магілёўскай) і Пскоўскай [6, f. 380, ар. 68, b. 842; 10, ф. 1, воп. 2, спр. 8] губерняў. Апроч таго, да Віленскай губерні ў 1838 г. дайшлі звесткі аб зборы добраахвотных ахвяраванняў на аднаўленне разбуранай пажарам часткі Зімняга дварца ў Санкт-Пецярбургу [6, f. 391, ар. 6, b. 813].

Як правіла, грамадзянскія губернатары на працягу года адсылалі цыркулярныя прадпісанні губернскім і ўездным прадвадзіцелям дваранства, гарадскім і земскім паліцыям, у якіх патрабавалі арганізаваць збор грашовых сродкаў добраахвотных ахвяраванняў на карысць жыхароў гарадоў, пасадаў і мястэчак, пацярпелых ад стыхійных бедстваў (пажары, паводкі, неўраджаі і г. д.).

Паўсюдна па Расійскай імперыі, у тым ліку і ва ўсіх губернях Беларусі, было абвешчана аб адкрыцці падпіскі па добраахвотным зборы ці падпіскі грашовых сродкаў ахвяр на карысць пагарэльцаў жыхароў Тулы (1834 г.), Якабштадта ў Курляндскай губерні, бедных жыхароў Ніжняга Ноўгарада (1842 г.), Бухарэста (1847 г.), Сімбірска (1864 г.) і г. д. [6, f. 378, ар. 42, b. 648, ар. 50, b. 639, ар. 55, b. 554, ар. 72, b. 358]. Згодна з цыркулярным прадпісаннем Міністэрства ўнутраных спраў ад 17.06.1834 г., грамадзянскім губернатарам было абвешчана аб арганізацыі падпіскі добраахвотных грашовых ахвяраванняў на карысць пагарэльцаў Тулы. Пасля першага агляду знішчанай полымем маёмасці ўлады высветлілі, што ў Туле ад пажару 9.06.1834 г. згарэла 670 мураваных і драўляных будынкаў, 9 цэркваў, 13 піцейных дамоў. Толькі ў 1834–1835 гг. на карысць тульскіх пагарэльцаў жыхары Магілёва сабралі 120 руб. асігнацыямі, 6 чырвонцаў і 2,8 руб. серабром. Магілёўскія юнакі пад кіраўніцтвам калежскага сакратара Зверава (Зверева) некалькі разоў ладзілі спектакль, сабраная ад якога выручка склала 66,87 руб. дробным серабром, 25 руб. асігнацыямі, 32 цалковых і 4,5 чырвонца [11, ф. 1297, воп. 1, спр. 7861, арк. 2–2 адв., 6, 6 адв. –7]. У губернскім Мінску, як і ў іншых гарадах Мінскай губерні, для стварэння грашовага фонду на карысць тульскіх бедных жахароў 28.07.1834 г. была адкрыта т. зв. кніга для збору фінансавых сродкаў, у якую да 1842 г., па няпоўных даных, было запісана 69,77 руб. серабром [11, ф. 320, воп. 1, спр. 89, арк. 101, спр. 239, арк. 98, 101]. Ва ўездных гарадах Мінскай губерні грашовыя паступленні былі мізэрнымі. Так, пінскі гараднічы ад 14.04.1835 г. рапартаваў, што ў т. зв. кнігу было ўнесена 5 руб. асігнацыямі і 4 руб. серабром, а ў Рэчыцкім, Дзісенскім і Мазырскім паветах з прычыны беднасці жыхароў і мінулых неўраджаяў увогуле ніхто нічога не ахвяраваў [11, ф. 299, воп. 1, спр. 269, арк. 843].

Матэрыялы аб поспехах збору добраахвотных грашовых ахвяраванняў на карысць пацярпелых ад пажараў жыхароў гарадоў Расійскай імперыі і румынскага Бухарэста неаднойчы публікаваліся ў мясцовых губернскіх ведамасцях. У прыватнасці, на карысць пацярпелых ад пажару жыхароў Томска ў Бабруйскім уездзе было ахвяравана 60 кап. серабром [9, 1847. № 3. 17.01],

для пагарэльцаў Бухарэста ў Навагрудскім уездзе было сабрана 12,97 руб. серабром [9, 1847. № 51. 29.12], а ў Рэчыцкім уездзе – 99 кап. [9, 1848. № 1. 1.01]. Памешчык Полацкага ўезда маёр Мікалай Верыга (Вериге) ахвяраваў на карысць пацярпелых ад пажару жыхароў Бухарэста нават значную грашовую суму памерам у 1 тыс. руб. серабром [5, 1848. Ч. Оф. Отд. 1. № 11. 13.03.]. У Свянцянскім ўездзе на карысць пагарэльцаў Бухарэста было сабрана 30,54 руб. серабром ахвяраў, у Лідскім – 15,24 руб. серабром [4, 1847. Ч. Оф. № 31. 2.08. С. 416–417, № 34. 23.08. С. 466–467, № 39. 27.09. С. 528]. Для пацярпелых ад пажару жыхароў Арла ў Віленскай губерні было ўнесена 10,65 руб. серабром. Віленская дырэкцыя народных вучылішчаў дала ахвярам пажару ў Арле 27,76 руб. серабром [4, 1849. Ч. Оф. № 12. 26.03. С. 126–127, № 17. С. 196].

Грашовая дапамога праваслаўнай царкве. Даволі распаўсюджанай дзяржаўнай акцыяй была арганізацыя фонду грашовай дапамогі аднаверцам-праваслаўным і праваслаўнай царкве, якія адчувалі рэлігійны прыгнёт ці уціск, праследаванні ці ганенні на тэрыторыі Асманскай імперыі. У 1821–1822 гг. грамадзянскі губернатар Міхаіл Тадэвушавіч Бутаўт-Андржэйковіч разаслаў у гарады і ўезды Гродзенскай губерні прадпісанні ўездным прадвадзіцелям дваранства (маршалам), земскім спраўнікам і гараднічым аб адкрыцці падпіскі і арганізацыі збору добраахвотных грашовых ахвяраванняў з насельніцтва для аднаверцаў хрысціян грэкаў і малдаван, якія ўцяклі з Канстанцінопаля і знаходзіліся ў Адэсе і Бесарабіі (праваслаўныя ахвяры ганенняў з сакавіка 1821 г. масава пераходзілі з Канстанцінопаля (Стамбула) у Адэсу і Бесарабскую вобласць. Толькі ў Адэсе у чэрвені 1821 г. іх было каля 4 тыс. чал.) [10, ф. 1, воп. 1, спр. 2548, арк. 3, 5], на карысць палонных грэкаў, якія знаходзіліся ў Турцыі, Сідоніі, Касадре, на востраве Хію, на выкуп палонных грэкаў і іх сем'яў [10, ф. 1, воп. 1, спр. 2548, 3000; 6, ф. 391, ар. 6, в. 185]. Аб неабходнасці збору сумаў добраахвотных грашовых ахвяраванняў для праваслаўных грэкаў у 1824 г. было абвешчана і насельніцтву гарадоў і паведаў Мінскай губерні. Сын былога правіцеля Македонскай правінцыі, вандруючы грэк Іван Сатыра (Сотира, Sotera), патрабаваў грашовую добраахвотную дапамогу для выкупу ў Албаніі сваёй палоннай сям'і ў складзе 17 чал. [11, ф. 320, воп. 1, спр. 56, арк. 17].

Аднымі з першых на ўрадавую прапанову адгукнулася, мяркуючы па часе сабраных грашовых сродкаў, уніяцкае духавенства. Так, у 1820 г. з базыльянскіх манастыроў Літоўскай правінцыі было сабрана для грэкаў 709 руб. асігнацыямі, у 1821 г. Брэсцкая ўніяцкая кансысторыя з канцылярыяй ахвяравала 150 руб. асігнацыямі,

а духавенства Брэсцкага, Ваўкавыскага, Навагрудскага, Драгічынскага, Пружанскага, Кобрынскага, Лідскага, Любяшоўскага, Палескага, Цырынскага, Камянецкага, Слонімскага і Драгіцкага дэканатаў – дукат, 418,23 руб. серабром, 10 руб. асігнацыямі [15, с. 736–737, 739]. З Масквы, у асноўным ад дваран, паступіла 1854 руб., з Арлоўскай губерні – 124 руб. і г. д. Літоўскі ваенны губернатар Аляксандр Міхайлавіч Рымскі-Корсакаў ад сябе ахвяраваў 1000 руб., жыхар Ашмянскага павета Воўк (Волк) выказаў жаданне выкупіць з турэцкага палону не менш 3 чал. [10, ф. 1, воп. 1, спр. 2548, арк. 1]. Ужо к 1822 г. (?) па Гродзенскай губерні для дапамогі грэкам у прыходзе лічылася 193,49 руб. серабром, 591 руб. асігнацыямі ахвяравальнай сумы, а ўсяго к чэрвеню 1822 г. з 362 асоб былі сабраны 1 чырвонец, 251 руб. 9,5 кап. серабром і 1976 руб. асігнацыямі [10, ф. 1, воп. 1, спр. 2548, арк. 48, 80–87 адв.]. Па колькасці ахвяравальнікаў вылучаліся гарады Гродна і Ліда, Кобрынскі і Брэсцкі паветы. Акрамя жыхароў Гродна, найбольшыя сумы грашовых сродкаў лічыліся па Слонімскаму павету за кошт ахвяраванняў у 1000 руб. ад прадпрымальніка Войцэха Пуслоўскага і 200 руб. ад магната Франца Сапегі.

У 1850 г. пачалася кампанія па збору добраахвотных ахвяраванняў на карысць сербскага народа і царквы, якія пацярпелі ў сувязі з паўстаннем у Венгрыі ў 1848–1849 гг. Паводле абвешчанай падпіскі на карысць сербаў і праваслаўных цэркваў у Сербіі ў 1850 г. з насельніцтва губерняў пачаўся збор грашовых сродкаў добраахвотных ахвяраванняў [10, ф. 1, воп. 28, спр. 148]. Толькі жыхары Полацка ўнеслі 3,5 руб. і яшчэ пасля 31 руб., а ад 14 купцоў і 19 грамадзян Віцебска паступіла 32,4 руб. [11, ф. 1430, воп. 1, спр. 19571, арк. 11–11 адв., 12–13 адв., 18–19 адв.]. У Вільні ў кошт ахвяраванняў сербскаму народу было сабрана 11,74 руб. [4, 1850. Ч. Оф. № 44. 4.11., с. 397–398]. Жыхарам Гродзенскай губерні ў 1852 г. паведамлілі аб зборы добраахвотных грашовых сродкаў на карысць Анціахійскай царквы [10, ф. 1, воп. 27, спр. 1255]. У наступным годзе стала вядома аб неабходнасці збору грашовых ахвяраванняў з жыхароў Гродзенскай губерні на карысць старадаўняй Аляксандраўскай царквы Усхода [10, ф. 1, воп. 27, спр. 1307]. У 1858 г. па гарадах і ўездах Віленскай губерні было абвешчана аб ахвяраванні грошай у дапамогу палоннікам у Палестыну, а ў 1860 г. – на карысць сірыйскіх хрысціян, якія прыгняталіся туркамі [6, ф. 380, ар. 17, в. 246, ф. 391, ар. 6, в. 1815; 11, ф. 1416, воп. 4, спр. 10528]. У 1859 г. было заўлена аб зборы сярод насельніцтва Гродзенскай губерні грашовых сродкаў на адбудову 8 праваслаўных цэркваў у Балгарыі, пашкоджаных ад

землятрусу ў гэтым жа годзе [10, ф. 1, воп. 27, спр. 1608].

Збор сумаў грашовых ахвяраванняў меркаваўся і для пабудовы ці рамонту праваслаўных цэркваў, радзей каталіцкіх касцёлаў і ў межах Расійскай імперыі. Жыхароў Віленскай губерні запрашалі да арганізацыі падпіскі збору добраахвотных ахвяраванняў для захавання старадаўняй царквы Спаса ў Палтаве, на патрэбы касцёла ў Херсоне (1838 г.), для будаўніцтва касцёла ў Стаўрапалі (1841 г.), праваслаўнай царквы ў Пяцігорску (1842 г.), храма князя Уладзіміра ў Кіеве (1852 г.), для збудавання праваслаўнай царквы ў Маздоке, на ўладкаванні праваслаўнага храма ў Ніцы (1861 г.) [6, f. 378, ар. 69, b. 867, 879, f. 380, ар. 9, b. 863, ар. 81, b. 140, f. 391, ар. 6, b. 812, 865, 952]. Так, у 1852 г. жыхарам уездаў Гродзенскай губерні было абвешчана аб унясенні добраахвотных грашовых сродкаў на пабудову царквы ў Кіеве, а ў 1857 г. – у Севастопалі [10, ф. 1, воп. 27, спр. 1256, 1515].

Грашовыя ўзносы на помнікі. Адным з спосабаў увекавечвання памяці мінулых слаўных падзей і знакамітых асоб, захавання і прапаганды гісторыка-культурнай спадчыны, духоўных каштоўнасцей і пераемнасці традыцый было будаўніцтва мураваных помнікаў. Дзеля гэтага ў губернях Расійскай імперыі абвешчалася аб неабходнасці збору сумаў грашовых ахвяраванняў. У прыватнасці, у губернях Беларусі для насельніцтва абнародваліся акцыі аб адкрыцці падпісак па зборы сумаў добраахвотных грашовых ахвяраванняў для збудавання ці адкрыцця помнікаў у гонар баёў і палкаводцаў ваеннай кампаніі 1812 г., імператару Аляксандру I з выбіццём медаля з надпісам Аляксандру Благаславленнаму (1814 г.) [6, f. 378, ар. 22, b. 149], Дз. I. Данскаму (1825 г.) [11, ф. 1416, воп. 5, спр. 525], вучонаму М. В. Ламаносаву ў Архангельску (1825 г.) [6, f. 380, ар. 69, b. 3117; 11, ф. 1297, воп. 1, спр. 779; 10, ф. 1, воп. 2, спр. 917], каралю Мечыславу I і яго сыну Баляславу ў Познані (1828 г.) [10, ф. 1, воп. 3, спр. 54], князю Уладзіміру Святаслававічу на развалінах Херсанеса Таўрычаскага (1829 г.) [6, f. 391, ар. 6, b. 280], Ермаку ў Табольску (1830 г.) [11, ф. 1430, воп. 1, спр. 2290], для падтрымкі ці на рамонт драўлянага каралеўскага дварца ў Кракаве, які адбудоўваўся (1830 г.) [6, f. 378, ар. 40, b. 157; 11, ф. 1430, воп. 1, спр. 2288; 10, ф. 1, воп. 3, спр. 749], паэту і адміністратару, сапраўднаму тайнаму саветніку Г. Р. Дзяржавіну ў Казані (1832 г.) [6, f. 378, ар. 40, b. 2653, f. 380, ар. 74, b. 2746, ар. 101, b. 655, 704; 11, ф. 1297, воп. 1, спр. 6522, ф. 1430, воп. 1, спр. 3214; 10, ф. 1, воп. 10, спр. 522], пісьменніку, гісторыку М. М. Карамзіну ў Сімбірsku (1833 г.) [10, ф. 1, воп. 10, спр. 1016], народнаму герою сялянину

Івану Сусаніну ў Кастраме (1835 г.) [11, ф. 1297, воп. 1, спр. 9093], астраному Каперніку (1841 г.) [11, ф. 1430, воп. 1, спр. 9009], байкапісцу Крылову (1845 г.) [6, f. 380, ар. 2, b. 90; 11, ф. 1416, воп. 2, спр. 8691], урачу Джаннеру (1852 г.) [11, ф. 1297, воп. 1, спр. 23276], князю Дз. М. Пажарскаму на месцы яго пахавання ў Спаса-Ефіміеўскім манастыры ў Суздалі (1852 г.) [6, f. 378, ар. 60, b. 283, f. 380, ар. 9, b. 504; 11, ф. 1297, воп. 1, спр. 23241, ф. 1416, воп. 4, спр. 10459, ф. 1430, воп. 1, спр. 22849], паэту В. А. Жукоўскаму (1854 г.) [11, ф. 1416, воп. 3, спр. 11048], помніка і дома інвалідаў у гонар фельдмаршала князя Варанцова ў Адэсе (1857 г.) [6, f. 378, ар. 65, b. 243], помніка ў Вялікім Ноўгарадзе з нагоды тысячагоддзя Расіі (1857, 1858, 1860 г.) [6, f. 378, ар. 68, b. 157, f. 380, ар. 14, b. 222, f. 515, ар. 17, b. 2666; 11, ф. 1416, воп. 4, спр. 10042, 10440], паэту А. С. Пушкіну (1861 г.) [6, f. 380, ар. 18, b. 62; 11, ф. 1416, воп. 4, спр. 10745] і інш.

Урадавая ініцыятыва па зборы сродкаў грашовых ахвяраванняў для пабудовы помнікаў не мела значных належных вынікаў: беднасць асноўнай масы насельніцтва губерняў Беларусі, у якіх часцяком здараліся неўраджаі і адчуваўся недахоп хлеба, не дазваляла задавальняць фінансавыя патрэбы. Напрыклад, з Віцебскай губерні для пабудовы помніка Ермаку ў Табольску ў кошт сумы добраахвотнага збору паступіла толькі 32 руб. асігнацыямі з жыхароў горада Веліжа, 10 руб. асігнацыямі і 3,2 руб. серабром – ад гараднічага Дынабурга, 15 руб. асігнацыямі – ад полацкага ўезднага прадвадзіцеля дваранства Шчыта. Генерал-губернатару Заходняй Сібіры з Віцебскай губерні была накіравана сума ў 41 руб. асігнацыямі, 30 кап. медзю, 3,25 руб. серабром і пасля яшчэ 14.04. і 2.07.1831 г. былі атрыманы 35 руб. асігнацыямі і 40 кап. серабром [11, Ф. 1430, воп. 1, спр. 2290, арк. 62, 74, 85, 88, 89]. Для пабудовы помніка стацкаму саветніку М. В. Ламаносаву ў Віцебскай губерні ў 1825 г. было сабрана толькі 50 руб. асігнацыямі [11, ф. 1297, воп. 1, спр. 779, арк. 10]. Для пабудовы помніка Г. Р. Дзяржавіну ў Казані па падпіске за кошт добраахвотных узносаў у 1832 г. ад суражскага ўезднага прадвадзіцеля дваранства паступіла толькі 3 руб. серабром і 4 руб. дробнай медзю, а з Гарадоцкага павета – 2 руб. серабром і 16,25 руб. медзю [11, ф. 1297, воп. 1, спр. 6522, арк. 6, 7, 8]. Адпаведна цыркулярнага прадпісання міністра ўнутраных спраў Дз. М. Блудава грамадзянскім губернатарам ад 20.06.1835 г. ствараўся грашовы фонд ахвяраванняў для пабудовы помніка Івану Сусаніну ў Кастраме. Генерал-губернатар віцебскі, магілёўскі і смаленскі М. М. Хаванскі накіраваў у Кастраму сабраныя з падуладных яму губерняў 100 руб. асігнацыямі і 20 кап. серабром [11, ф. 1297, воп. 1,

спр. 9093, арк. 2 адв., 3]. У той жа час адзначым, што шырокі грамадскі рэзананс меў збор сродкаў ахвяраванняў для збудавання помніка ў Кракаве ў гонар кіраўніка паўстання 1794 г. Т. Касцюшкі (пасля смерці 15.10.1817 г. яго забальзамаванае цела было перапахавана ў Кракаве на Вавелі) [16].

Некаторыя намаганні ўрада па зборы сродкаў на збудаванне помнікаў так і не былі рэалізаваныя. У прыватнасці, 25.04.1814 г. на агульным пасяджэнні Сінода, Дзяржаўнага савета і Сена-та было вырашана збудаваць помнік імператару Аляксандру I і выбіць медаль з нагоды перамогі ў кампаніі 1812 г. за кошт добраахвотных грашовых ахвяраванняў з маёмасці ўсіх саслоўяў і станаў у дзяржаве без выключэння «по мере усердия и возможности каждого» [11, ф. 295, воп. 1, спр. 119, арк. 1–2]. Адпаведна прапаноў-цыркуляраў галоўнакамандуючага ў Санкт-Пецяр-бургу міністра паліцыі С. К. Вязміцінава ад 13 і 14.05.1814 г. (сенацкі ўказ ад 15.05.1814 г.) абвешчалася аб зборы сумаў грашовых ахвяраванняў для пабудовы помніка імператару Аляксандру I і выбыцця медаля ў гонар атрыманай перамогі ў вайне 1812–1814 гг. Толькі ў Мінскай губерні па раскладцы сярод 256 493 душ сялян меркавалі сабраць увогуле 200 тыс. руб. асігнацыямі, ці па 50 тыс. руб. асігнацыямі штогод на працягу 4 гадоў [11, ф. 320, воп. 1, спр. 19, арк. 1–3, 20 адв. – 21]. Усяго к 23.07.1814 г. дваране гарадоў і паветаў Мінскай губерні сабралі 202 819 руб. асігнацыямі, ад купцоў і мяшчан хрысціян паступіла 2692,9 руб. асігнацыямі і 12,9 руб. серабром, з боку яўрэяў – 4046,6 руб. асігнацыямі, розныя чыноўнікі ўнеслі 4760 руб. асігнацыямі, 23,5 руб. серабром. Такім чынам, у кароткі час (менш чым за тры месяцы) у Мінскай губерні была сабрана ў цэлым значная сума так званых добраахвотных ахвяраванняў (рэальна збораў па раскладцы): 214318,5 руб. асігнацыямі і 36,4 руб. серабром [11, ф. 295, воп. 1, спр. 119, арк. 17]. Але неўзабаве, 24.07.1814 г., так званы ахвяравальны збор з насельніцтва Мінскай губерні на пабудову помніка і выбыццё медаля ў гонар імператара Аляксандра I з нагоды перамогі ў вайне 1812–1814 гг. быў адменены на надзвычайным пасяджэнні саслоўяў Свяцейшага Правячага Сінода, Дзяржаўнага Савета і Правячага Сена-та [11, ф. 295, воп. 1, спр. 119, арк. 20–20 адв.]. На надзвычайным сходзе імператар Аляксандр I 3.08.1814 г. загадаў добраахвотныя ахвяраванні на збудаванне помніка і цісненне медаля ў яго гонар скасаваць, і папярэдняю задуму пакінуць без выканання [12, с. 847]. 11.08.1814 г. С. К. Вязміцінаў разаслаў губернатарам цыркулярныя прадпісанні ад адмене зробленых ім паводле цыркуляраў ад 13.05.1814 г. распараджэнняў аб арганізацыі збору добраахвотных прынашэнняў

для збудавання помніка і ціснення медаля ў гонар імператара Аляксандра I і перамогі ў вайне 1812–1814 гг. [3, с. 224].

На тэрыторыі Беларусі, мяркуючы па архіўных даных, намячалі да 1861 г. пабудаваць помнікі ў Магілёве, у ваколіцах Мінска, Навагрудку. У Магілёўскай губерні 15.04.1819 г. было зацверджана рашэнне, адпаведна журналу Камітэта Міністраў ад 22.03.1819 г., аб арганізацыі збору грашовых сродкаў добраахвотных ахвяраванняў па падпісцы для збудавання манумента генерал-фельдмаршалу, графу, першаму беларускаму генерал-губернатару З. Р. Чарнышову на плошчы Магілёва насупраць Васкрасенскай царквы. Паграбавалася сабраць з улікам перавозкі помніка да 25 тыс. руб. Аднак паступленняў сумаў не назіралася. У 1829 г. толькі Бабінавецкі павет унёс 66,15 руб. для захавання ў мясцовы прыказ грамадскай апекі [11, ф. 2001, воп. 1, спр. 45, арк. 2–3, 51–51 адв.]. У маі 1826 г. было дазволена пабудаваць манумент на Ракаўскім тракце каля дарогі на Кальварыю з нагоды набажэнства 4 касцёлаў Мінска (кафедральнага, дамініканаў, бернардынаў, бенедыкцінак) за кошт добраахвотнай складкі [11, ф. 295, воп. 1, спр. 224, арк. 1]. У канцы 1860 г. памешчыкі Навагрудскага ўезда і жыхары Навагрудка звярнуліся з хадайніцтвам да мінскага губернатара, каб ён дазволіў ім адкрыць публічныя падпіскі і пачаць збор грашовых сродкаў добраахвотнай складкі для збудавання помніка паэту А. Міцкевічу ў Навагрудке. Аднак міністр унутраных спраў 8.02.1861 г. адказаў мінскаму губернатару, што яму нязручна ўваходзіць з прадстаўленнем аб дазволе адкрыцця публічнай падпіскі на збудаванне ў Навагрудку помніка паэту А. Міцкевічу [11, ф. 320, воп. 1, спр. 374, арк. 1, 3, 4].

Грашовая падпіска на зборы твораў, кнігі, перыядычныя выданні. Шырока практыкавалася адкрыццё падпісак плацяжоў на зборы твораў і кнігі знакамітых рускіх пісьменнікаў, спецыяльную профільную літаратуру, розныя расійскія сталічныя перыядычныя выданні. У прыватнасці, у Віленскай губерні мясцоваму адукаванаму грамадству прапаноўвалі наладзіць падпіску на поўны збор твораў А. С. Пушкіна (1837 г.), на памятную кніжку (1838 г.), творы рускага гісторыка і археографа М. М. Бантыш-Каменскага (1839 г.), на кнігі, ахвяраваныя на карысць дзіцячай бальніцы ў Санкт-Пецярбургу (1840 г.). [6, f. 380, ар. 77, b. 990, 2213, ар. 78, b. 693, f. 391, ар. 6, b. 753, 961]. Па гарадах і ўездах Віцебскай губерні абвешчалі аб зборы грашовых сродкаў для пакупкі кнігі «Мысли об усовершенствовании сельского хозяйства» (1837 г.), твораў М. М. Бантыш-Каменскага, рускага гісторыка А. М. Міхайлоўскага-Данілеўскага (1839 г.) і г. д. [11, ф. 1430, воп. 1, спр. 6961, 8127].

Грашовыя кампенсацыі ахвярам Крымскай вайны. Для аказання дапамогі жыхарам гарадоў паўднёвага краю, якія пацярпелі ад непрыяцеля, па прадстаўленні міністра ўнутраных спраў і адпаведна палажэння Камітэта міністраў ад 19.08.1855 г., імператар загадаў арганізаваць выдачу грашовай падтрымкі з губернскіх прыказаў грамадскай апецы для асоб, дзе яны цяпер знаходзіліся і заснаваць асобныя губернскія камітэты [6, ф. 391, ар. 6, в. 1738, л. 3]. Пасля паражэння Расійскай імперыі ў Крымскай (Усходняй) вайне з 1857 г. у губернях Беларусі разгарнулася кампанія па збору сродкаў грашовых ахвяраванняў на карысць жыхароў Наварасійскага краю і Бессарабіі, маёмасць якіх была спустошана ў выніку ваенных дзеянняў у час гэтага ўзброенага канфлікту [6, ф. 380, ар. 14, в. 256; 10, ф. 1, воп. 27, спр. 1507]. Падобныя абвесткі Міністэрства ўнутраных спраў ад 24.06.1857 г. распаўсюджваліся па гарадах і ўездах Гродзенскай губерні [10, ф. 1, воп. 27, спр. 1504, арк. 2 – 2 адв., 24]. Гараднічыя і земскія спраўнікі дружна адказалі, што сярод жыхароў гарадоў і ўездаў Гродзенскай губерні амаль ніхто не пагадзіўся аказаць пасільную дапамогу. Імператар Аляксандр II, згодна палажэння Камітэта міністраў ад 4.10.1860 г., загадаў падпіску збору добраахвотных ахвяраванняў у дапамогу жыхарам Наварасійскага края, якія пацярпелі ад мінулай вайны, абвешчаную адпаведна найвышэйшага загаду ад 5.02.1857 г., спыніць [10, ф. 1, воп. 27, спр. 1504, арк. 24].

Такім чынам, так званыя падпіскі ці грашовыя зборы добраахвотных прынашэнняў, якія збіраліся з усяго насельніцтва гарадоў і ўездаў многіх губерняў расійскай дзяржавы з нагоды абвешчання патрыятычных і дабрачынных акцый, займалі пэўнае нязначнае месца ў структуры дзяржаўных даходаў Расійскай імперыі. У адрозненне ад узносу абавязковых і прымусовых падаткаў і збораў (пошлін), падобныя пла-

цяжы як адна з крыніц непадатковых прыбыткаў паступалі нерэгулярна, збіраліся, як правіла, на добраахвотнай аснове з усіх сааслоўна-сацыяльных груп насельніцтва розных тэрытарыяльных рэгіёнаў Расійскай імперыі. Сумы грашовых добраахвотных ахвяраванняў з боку насельніцтва губерняў Беларусі прызначаліся для задавальнення пэўных мэт, мелі розныя нефіскальныя задачы, характарызаваліся неаднастайнасцю форм, маштабаў, інтэнсіўнасці, прызначэння, прыцыпаў, спосабаў і характару збораў. Ненадзейныя і непастаянныя грашовыя добраахвотныя ахвяраванні прыватных асоб з ліку прадстаўнікоў розных сааслоўна-сацыяльных груп народанасельніцтва Беларусі ў першай палове XIX ст. выконвалі хутчэй не фіскальную, а сацыяльную функцыю грамадскай падтрымкі, служылі дадатковым сродкам міжсааслоўнай і ўнутрысааслоўнай грамадскай свецкай дабрачыннасці. Ініцыяваныя дзяржаўнымі ўладамі ці грамадскімі аб'яднаннямі, розныя кампаніі па зборы грашовых ахвяравальніцкіх сродкаў адрозніваліся мэтавым прызначэннем. Удзел грамадства земляў Беларусі ў падобных філантрапічных акцыях павінен быў служыць доказам палітычнай лаяльнасці насельніцтва і праяўлення ім адзнак агульнаімперскага патрыятызму і еднасці. Дабрачынныя добраахвотныя грашовыя ініцыятывы (так званыя свабодныя падпіскі) ці, радзей, прымусовыя абавязцельствы (раскладкі збораў) дэманстравалі ўстойлівыя рысы беларускага нацыянальнага характару і спагаду да бліжняга. Інспіраваныя ў асноўным дзяржаўнымі ўладамі, падобныя мерапрыемствы сведчылі аб росце грамадскай актыўнасці, нягледзячы на тое, што ўсе яны падпадалі пад пільны дзяржаўны кантроль. Нязначныя фінансавыя вынікі добраахвотных грашовых збораў тлумачацца беднасцю асноўнай масы насельніцтва, якое пакутавала ад рэгулярных неўраджаяў, запазычанасці і г. д.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Амелька, С. У. Мецэнацкая і фундатарская дзейнасць дваранства на Гродзеншчыне ў канцы XVIII – сярэдзіне XIX ст. / С. У. Амелька // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Я. Купалы. Сер. 1. Гуманітарныя навукі. – 2001. – № 1. – С. 24–33.
2. Анофранка, Н. В. Акцыя дваранства Мінскай губерні па зборы ахвяраванняў на пасаг дзяўчын-сірот як прыклад унутрысааслоўнага апекавання (канец 30-х – пачатак 40-х гг. XIX ст.) / Н. В. Анофранка // Мінск і мінчане: дзесяць стагоддзяў гісторыі. Крыніцы па гісторыі горада. Сацыяльныя структуры і паўсядзённасць: (да 945-годдзя Мінска): зб. навук. арт. / уклад. А. І. Груша; рэдкал.: А. А. Каваленя [і інш.]. – Мінск: Беларус. навука, 2012. – С. 262–265.
3. Безродный, А. В. Приготовление к торжественной встрече Александра I в 1814 г. / А. В. Безродный // Русская старина. – 1898. – Т. 93, № 1–3. – С. 215–224.
4. Виленские губернские ведомости.
5. Витебския губернскаыя ведомости.
6. Литовский государственный исторический архив в Вильнюсе (Lietuvos valstybės istorijos archyvas) (LVIA). – Ф. 378, 380, 391, 515.
7. Манифест о составлении и образовании повсеместных временных ополчений или милиции 30.11.1806 г., опубликованный 3.12.1806 г. // Полное собрание законов Российской империи: собрание 1-е с 1649 по 12 декабря

1825 г.: в 45 т. – СПб.: Тип. 2-го отд-ния собств. его император. величества канцелярии, 1830. – Т. 29, № 22374. – С. 892–897 (далее – ПСЗ-1).

8. *Матвейчык, Д. Ч.* Вяртанне з эміграцыі на радзіму ўдзельнікаў паўстання 1830–1831 гг. з Беларусі і Літвы / Д. Ч. Матвейчык // *Весці НАН Беларусі. Серыя гуманітарных навук.* – 2008. – № 4. – С. 52–59.

9. Минские губернские ведомости.

10. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ) г. Гродна. – Ф. 1, 2.

11. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ) г. Мінск. – Ф. 295, 299, 320, 333, 1297, 1416, 1430, 2001.

12. О поднесении Его Императорскому Величеству титула Благословенный, о выбитии медали и о сооружении памятника с приложением последовавшего в ответ на сие именного указа: постановление от 3.08.1814 г. святейшего Правительствующего Синода, Государственного Совета и Правительствующего Сената // ПСЗ-1. – Т. 32, № 25629. – С. 845–848.

13. О предоставлении дворянскому, купеческому и мещанскому обществам и цехам на собственный их произвол добровольных приношений на содержание милиции: сенатский указ 10.04.1807 г. // ПСЗ-1. – Т. 29, № 22508. – С. 1153–1154.

14. О приглашении дворянства, купечества и мещанства внутренних и пограничных губерний, не вошедших в состав земского войска, содействовать устройству онаго добровольными их приношениями: манифест 6.12.1806 г. // ПСЗ-1. – Т. 29, № 22389. – С. 920–923.

15. Описание документов архива западнорусских униатских митрополитов: в 2 т. – СПб.: Синод. тип., 1907. – Т. 2. 1701–1839. – VIII, 1632 с.

16. Lista imenna osób składających ofiary na pomnik T. Kościuszki. – Kraków, 1822. – 218 s.

Дата паступлення: 02.10.2018.

Жухарев С. Б.

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Гомель

Zhiharev S.

F. Skoriny Gomel state university, Gomel

УДК 94:625.1(476.4)“186/189”

ПОПЫТКИ МОДЕРНИЗАЦИИ ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ МОГИЛЕВСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД (ПРОЕКТЫ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В МОГИЛЕВСКОЙ ГУБЕРНИИ В 60–90-е ГОДЫ XIX ВЕКА)

THE ATTEMPTS OF MODERNIZATION OF MEANS OF COMMUNICATIONS OF MOGILYOV PROVINCE IN POSTREFORM PERIOD (THE PROJECTS OF RAILWAY CONSTRUCTION IN MOGILYOV PROVINCE IN 60–90-th OF XIX CENTURE)

В статье проанализировано содержание основных проектов пореформенного железнодорожного строительства через Могилев и выявлены причины их неудач.

Ключевые слова: пути сообщения; проект; железная дорога; акционерное общество; Могилевская губерния; капитал; предприниматели; строительство.

In article the content of the basic projects of postreform railway construction through Mogilyov is analysed and the reasons for their failures are revealed.

Keywords: means of communication; the project; the railway; joint-stock company; the Mogilyov province; the capital; businessmen; construction.

В конце XIX в. Могилевская губерния оказалась сороковой из пятидесяти одной российской губернии по обеспеченности железнодорожными путями и на последнем месте в северо-западном крае. Это видно из таблицы 1, где представлено состояние транспортной системы пяти белорусских губерний в начале XX в. [5; с. 46, 74, 89–91, 135–141; 6, с. 389, 440].

Главной причиной подобной ситуации явилась значительная диспропорция в железнодорожном строительстве между отдельными губерниями. Если такие губернские города, как Гродно, Витебск, Минск, Вильно уже в 1860–1870-е гг. приобрели прямое железнодорожное сообщение, то Могилев как будто преследовал злой рок: более 30 лет потребовалось, чтобы через этот

Таблица 1

Обеспеченность белорусских губерний железнодорожными путями сообщений в 1902 г.

Название губернии	Железные дороги, проходящие в пределах губернии	Протяженность в пределах губернии (верст)	Железных дорог приходится	
			на 1 в. ² саж.	на 100 чел. саж
Минская	Либаво-Роменская	275	6,8	28
	Московско-Брестская	263		
	Полесские	558		
	ВСЕГО:	1096		
Гродненская	Москва – Брест	171	15,3	38
	Полесские	318		
	Привислинские	60		
	Петербурго-Варшавская	198		
	Юго-Западные	289		
	ВСЕГО:	1036		
Витебская	Петербурго-Варшавская	136	10	30
	Риго-Орловская	364		
	Московско-Виндаво-Рыбинская	269		
	Витебск – Жлобин	30		
	участок Новосокольники – Витебск	137		
	ВСЕГО:	936		
Виленская	Либаво-Роменская	152	10,1	27
	Полесские	125		
	Петербурго-Варшавская	320		
	Первое общество подъездных путей	145		
	ВСЕГО:	742		
Могилевская	Либаво-Роменская	149	5,4	15
	Московско-Брестская	168		
	Полесские	77		
	Риго-Орловская	65		
	Витебск – Жлобин	233		
	ВСЕГО:	459		

губернский центр прошла железная дорога Витебск – Жлобин. Даже в конце XIX в. губернский город Могилев с количеством жителей более 45 000 человек и центральная часть губернии с населением более 1 000 000 человек оставались без современного пассажирского и товарного сообщения. Существовавшее некогда дешевое и удобное речное сообщение по Днепру из-за мелководья вызывало серьезные затруднения, а в жаркое лето совсем прекращалось. Остальное время года вся центральная часть Могилевской губернии и губернский город испытывали неудобства, связанные с недостатками гужевого транспорта и в особенности при весенней и осенней распутице [9, л. 3].

Целью данной статьи является анализ содержания основных проектов пореформенного железнодорожного строительства через Могилев и выявление причин их неудач.

В пореформенный период традиционные пути сообщения Могилевской губернии пришли в состояние упадка и запустения. Подтверждением тому служат материалы официальной переписки

канцелярии могилевского губернатора с соответствующими должностными лицами и инстанциями. Так, 8 апреля 1867 г. оршанский уездный исправник в своем рапорте сообщал могилевскому губернатору, что переправа через р. Днепр возле Орши прекратила функционирование [7, л. 1]. Через неделю к могилевскому губернатору обратился начальник 7 округа путей сообщения МПС, предлагавший для защиты щебеночного покрытия шоссе от Орши до Довска настилать хворост. На отдельных участках под тяжестью груженых экипажей и обозов полотно дороги настолько осело, что для проезда через образовавшиеся в условиях весенней распутицы ямы приходилось использовать единственное доступное средство – хворост [7, л. 8]. В 1866 г. прошение могилевских властей о ремонте аварийных участков шоссе чиновники Министерства путей сообщений отклонили по причине отсутствия средств. В следующем году планировалось профинансировать устранение неисправностей на двух перегонах от станции Погребенки до Орши. Летом 1867 г. ремонтные работы шоссе были начаты. Велись

они до такой степени безалаберно, что могилевский губернский почтмейстер в своей жалобе на имя могилевского губернатора 31 июля 1867 г. отмечал, что проложенные по обочине ремонтируемых участков шоссе объезды узки и двум экипажам невозможно разминуться и есть опасность опрокинуться в канаву или ров. Несчастные случаи в этих местах неизбежны, если объезды не будут по ночам освещаться фонарями [7, л. 10об.].

Нередко местные структуры МПС приукрашивали ситуацию и направляли в губернское правление неверные сведения. Например, 10 августа 1867 г. правление 7 округа путейского ведомства заверило могилевского губернатора, что Киевское шоссе от Витебска до Орши осмотрено начальником округа и находится в приемлемом состоянии. Вместе с тем за всю историю существования – с 1841 по 1865 гг. – шоссе ни разу капитально не ремонтировалось. Хворостные объезды из-за дождей в июне 1867 г., а также вследствие интенсивного грузового движения (перевозка 1250 тыс. пудов рельсов для строящейся Курско-Киевской железной дороги) пришли в полную негодность. Использование дощатых настилов не предусматривалось, так как стоимость их изготовления сопоставима с ремонтными работами самого шоссе [7, л. 13об.].

Не лучшим было эксплуатационное состояние Киевского шоссе, особенно на участке между Довском и границей с Черниговской губернией. Могилевский губернатор распорядился временно прекратить взимать шоссейный сбор с местных жителей за пользование этим участком дороги [7, л. 23об.]. Дальнейшее получение платы за проезд вызывало справедливое возмущение беднейших слоев населения.

В Могилеве мост через Днепр обветшал и нуждался в серьезном ремонте: нижний дощатый настил моста сгнил, а верхний полностью обветшал и требовал замены [7, л. 21об.]. Могилевские власти запланировали на 1868 г. комплекс работ по приведению моста в надлежащее состояние.

В 1866 и 1868 гг. при рассмотрении проектов сети железных дорог России, подготовленных министром путей сообщения П. П. Мельниковым, планировалось проведение магистрали с юга на север от Нежина через Чернигов, Гомель, Могилев, на Витебск и далее на Остров или Псков. В правительственных кругах эту линию «окрестили» Северо-Западной железной дорогой, о ней много писали в прессе, но её постройку постоянно откладывали на будущее или существенно корректировали направление.

27 декабря 1868 г. Комитет железных дорог отнес к категории приоритетных железных дорог линию от Могилева к одному из пунктов

Курско-Киевской железнодорожной магистрали. Предполагалось, что эта дорога пройдет вдоль всей Могилевской губернии с юга на север и будет продлена до Витебска. Самым рациональным вариантом для соединения с Курско-Киевской магистралью была признана линия от Нежина через Чернигов и Гомель. Объяснялось это несколькими причинами: во-первых, от Могилева до Курско-Киевской железной дороги наиболее короткое расстояние, во-вторых, в этом направлении прогнозируется интенсивный грузопоток из губерний Киевской, Полтавской и Черниговской к Рижскому порту и Царству Польскому [2, л. 3], в-третьих, важное стратегическое значение этого направления признавали эксперты военного и финансового ведомств. Так, еще в 1865 г. генерал С. П. Бутурлин делал особый акцент на значении Киевско-Витебской железной дороги для обороны государства [1, с. 52].

В 1866 г. министр финансов М. Х. Рейтерн в письме заместителю в Царстве Польском Ф. Ф. Бергу писал, что в 1866 г. «<...> присоединена к числу первостепенных линий: от Киева или Нежина через Чернигов, Бобруйск и Минск до Вильны (560 верст). Направление от Нежина через Чернигов, Могилев и Оршу на Витебск по моему мнению выгоднее во всех отношениях, оно также короче на 75 верст» [11, л. 23об.].

31 октября 1868 г. у министра финансов пытались добиться разрешения на производство изысканий обозначенной железной дороги конкурирующие группы российских предпринимателей: Гольинский и К°, Пуцин и К°, флигель-адъютант Тучков. С ходатайствами о предоставлении концессий на постройку Нежинско-Черниговско-Гомельской дороги в правительственные структуры обратились также представители английской компании Уильямс и К°. Охватившая российское общество «железнодорожная лихорадка» вовлекла в пучину риска и авантюрных предприятий все большее число людей. Ставка делалась на возможность быстрого обогащения в случае получения прав на сооружение железнодорожной магистрали. Большой доход обладателю концессии могла принести экономия строительных средств, а также всевозможные махинации с поставками материалов.

Заинтересованность в изменении направления этой соединительной линии выразило Черниговское земство, которому хотелось, чтобы она максимально пролегла по территории Черниговской губернии.

15 февраля 1869 г. князь И. Ф. Паскевич информировал Могилевского губернатора о стремлении собрания земских гласных Черниговской

губернии направить железнодорожный путь через г. Стародуб [2, л. 1об.]. В случае реализации проекта, представленного органами местного самоуправления Черниговской губернии, Могилев будет соединен с Балтийскими портами и югом России обходным путем через Смоленск. Князь Паскевич просил могилевского губернатора убедить министров финансов М. Х. Рейтерна и путей сообщения П. П. Мельникова в необходимости строить Нежинско-Черниговско-Могилевскую линию через Могилев [2, л. 2].

Опасения И. Ф. Паскевича были небеспочвенны, так как раньше Черниговское земство ходатайствовало о концессии на постройку железной дороги от одного из пунктов Курско-Киевской линии возле Борзны или Конотопа через Стародуб до Рославля, но получило официальный отказ. В итоге Комитет министров принял решение все-таки соединить Могилев с Курско-Киевской железной дорогой. Черниговские земцы попытались вернуть утраченную инициативу и сделали новый ход. Они изменили свой проект и ходатайствовали теперь о постройке той же самой дороги, но с крутым поворотом от Стародуба на Могилев. Власти последнего видели в очередном варианте не что иное, как уловку со стороны Черниговского земства: получение концессии на вышеупомянутую линию должно было привести к последующему изменению направления дороги из Стародуба не на Могилев, а на Рославль. Таким образом, депутаты Черниговского земского собрания обходными путями добивались осуществления ранее отклоненного проекта [2, л. 3об.].

29 февраля 1869 г. могилевский губернатор в официальном письме на имя министра финансов М. Х. Рейтерна изложил свои аргументы в пользу Нежинско-Черниговско-Могилевского варианта. Он подчеркивал, что, сравнивая проекты Черниговского земства и Могилева, необходимо обратить внимание на следующие принципиальные моменты: 1) длина железнодорожной линии; 2) численность населения находящихся на пути городов; 3) назначение нового железнодорожного пути; 4) сформировавшееся направление торговых сообщений.

В частности, в письме отмечалось, что Нежинско-Черниговско-Могилевская линия (320 верст) будет на 60 верст короче по сравнению с Черниговским вариантом, следовательно ее постройка обойдется на 3 млн рублей дешевле. Интенсивность эксплуатации железной дороги в пределах Могилевской губернии увеличится за счет привлечения примерно 2 820 972 пудов коммерческих грузов, которые ежегодно в период навигации перевозятся по Днепру. Речной транспорт не сможет конкурировать с железнодорожным не только в силу из-

вестных причин, но также и из-за прогрессирующего обмеления фарватера Днепра [2, л. 10].

Могилевский губернатор прогнозировал увеличение объема транзитных грузов на 2 200 000 пудов, а количество местных товаров, вывозимых железнодорожным транспортом из вверенной ему в управление губернии, должно составить 300 000 пудов [2, л. 10об.].

Строительство железной дороги от Нежина через Чернигов и Гомель к Могилеву будет выгодно еще и по фискальным соображениям. Польское восстание 1863 г., неурожайные годы и целый ряд других факторов ухудшили материальное положение сельского населения Могилевской губернии настолько, что Министерство финансов было вынуждено временно приостановить получение с крестьян выкупных платежей и предоставлять им государственные кредиты. Для оказания материальной поддержки местному сельскому населению сооружению железной дороги Нежин – Чернигов – Гомель – Могилев предлагалось присвоить статус общественных работ. Рост благосостояния населения губернии позволит правительству взыскать розданные ему в тяжелые годы ссуды и ликвидировать накопившиеся недоимки по выкупным платежам [2, л. 13–13об.].

В 1870 г. Комитет министров определил «высочайше утвержденную» сеть важнейших железных дорог, среди которых от начального направления линии Нежин – Чернигов – Гомель – Могилев уже мало что осталось: пунктом соединения этой железной дороги с Курско-Киевской магистралью становился не Нежин, а Конотоп, а ее трасса теперь проходила через города Гомель, Бобруйск и Минск в направлении Ландварово. Узловым пунктом соединения со Смоленско-Брестской железной дорогой становился теперь не Могилев, а Минск¹. Таким образом, были прорисованы общие контуры Ландварово-Роменской железной дороги. Автор проекта Ландварово-Конотопской железной дороги министр путей сообщения В. А. Бобринский считал, «что такая линия откроет прямой путь хлебным грузам из наиболее плодородных частей Малороссии к Либавскому порту» [4, с. 46]. Позже возникло предложение продлить Ландварово-Конотопскую железную дорогу вглубь

¹ 1 марта 1868 г. в Комитете железных дорог обсуждалась записка о строительстве Смоленско-Брестской железной дороги наместника в Царстве Польском гр. Ф. Ф. Берга. Речь шла о направлениях: Бобруйск – Пинск или Минск – Слоним. Первый вариант поддержали П. П. Мельников и генерал-адъютант гр. Гейден [8, л. 15об.], а второй – гр. Ф. Ф. Берг, Н. А. Милютин, Э. И. Тотлебен, гр. С. А. Строганов и А. А. Абаза [4, с. 55]. Аргументы сторонников минско-слонимского направления были признаны тогда наиболее весомыми.

Полтавской губернии – до Ромен. В Комитете министров не возражали против такой корректировки направления магистрали.

23 июля 1873 г. министр путей сообщения граф В. А. Бобринский распорядился о проведении изысканий железнодорожной ветви от станции Орша Московско-Брестской железной дороги до станции Салтановка Либаво-Роменской железной дороги. Предварительные работы поручались инженеру титулярному советнику Ласкину. 7 июля 1873 г. лесной департамент Ми-

нистерства госимуществ официально уведомил властей Минской губернии о порядке проведения просек в казенных лесах в ходе изыскательных мероприятий [10, лл. 1–1 об.]. В 1875 г. железнодорожная ветвь Орша – Могилев вошла в сеть утвержденных к постройке железнодорожных линий, но к ее строительству так и не приступили. В период с 1876 по 1896 гг. официальные и общественные структуры Могилева предприняли целый ряд шагов по продвижению этого проекта (таблица 2).

Таблица 2

Основные этапы реализации проекта постройки Могилевско-Оршанской железнодорожной ветви
[9, л. 1–3, 4об., 8об., 15, 17, 17об., 18, 21, 22, 34]

Содержание проведенного мероприятия	Дата
Могилевская городская дума подала министру внутренних дел ходатайство о проведении этой ветви	2 июня 1876 г.
Могилевская городская дума подала аналогичное по содержанию ходатайство министру путей сообщений	21 сентября 1881 г.
Могилевская городская дума постановила ходатайствовать перед министрами путей сообщения, финансов и внутренних дел о внесении на рассмотрение правительства проекта соединения губернского г. Могилева железной дорогой со станцией Орша Московско-Брестской железной дороги	25 апреля 1883 г.
Согласно ходатайству могилевской городской Думы проведено детальное изыскание Могилевско-Оршанской ветви инженерами Савицким и Дегтерёвым на средства частных предпринимателей С. А. Мясоедова и К ^о	1884 г.
Правление Московско-Брестской железной дороги уведомило могилевскую Думу о своем согласии построить Могилевско-Оршанскую ветвь, если на это последует санкция правительства	1887 г.
Могилевская городская дума подала ходатайство министру путей сообщения о постройке Могилево-Оршанской железнодорожной ветви	19 февраля 1888 г.
Правление Юго-Западных железных дорог сделало изыскания по направлению Могилев – Орша – Витебск	1890 г.
Могилевский губернатор тайный советник Дембовецкий предложил решать данную проблему за счет местных средств. По его распоряжению собирались сведения о количестве грузов, перевозимых в крупные населенные пункты губернии	1890 г.
Аналогичное по содержанию ходатайство подано заместителю министра путей сообщения г. Иващенко в бытность его пребывания в должности могилевского губернатора	8 июня 1892 г.
Общее собрание могилевского Общества взаимного кредита просило в телеграмме министра финансов С. Ю. Витте о проведении Московско-Оршанской ветви в интересах промышленности и торговли	1893 г., 19 марта 1894 г.
Общее собрание могилевского общества сельских хозяев уполномочило своих депутатов князей А. А. Оболенского и А. А. Василевского ходатайствовать перед министром земледелия и государственных имуществ о постройке этой ветви	1894 г.
Могилевская городская дума подала ходатайство в комиссию, состоящую из представителей всех министерств (председатель – тайный советник Горбунов). В результате сделано заключение о необходимости постройки этой ветви	нет сведений
Могилевская городская дума направила в правительственные органы уполномоченного Езерского с ходатайством о постройке этой ветви и представлением необходимых экономических и статистических сведений	нет сведений
Могилевский губернатор г. Зиновьев обратился в МВД с обоснованием необходимости проведения данной линии	нет сведений
Правление Московско-Брестской железной дороги проинформировало министров финансов и путей сообщения, что оно хочет построить эту ветвь на условиях, которые будут выработаны при соглашении	нет сведений
Заключение министра финансов С. Ю. Витте о сооружении железной дороги от Орши до Могилева гласило, что «он не находит в настоящее время возможным удовлетворить эти ходатайства»	23 мая 1894 г.
Могилевская городская дума постановила возобновить ходатайство перед министрами путей сообщения, финансов и внутренних дел о проведении за счет государственного финансирования железной дороги от станции Орша Московско-Брестской железной дороги до г. Могилева	19 сентября 1896 г.

В 1896 г. Могилевская городская дума и власти Могилева выработали обоснование проекта постройки железной дороги от ст. Орша Московско-Брестской железной дороги до г. Могилева. Авторы документа предлагали вести линию Орша – Могилев от ст. Орша в юго-западном направлении по правому берегу реки Днепр через м. Шклов до г. Могилева (длина 72 версты). К проектируемой Могилевско-Оршанской ветви тяготеет целый ряд населенных пунктов со значительным числом жителей – потенциальных пассажиров этой железнодорожной линии (таблицу 3).

Среди пунктов торговли хлебом в губернии лидируют г. Могилев, м. Шклов, г. Орша и г. Гомель. Сюда прибывает также хлеб из южных губерний по Днепру и Сожу. Экспортирует хлеб за границу лишь прилегающий к железной дороге Оршанский уезд (50 тыс. пудов в год). В районе проектируемой линии 636 516 десятин леса, но из-за отсталости путей сообщения отсутствуют лесопильные заводы. В силу этих причин торговля лесом практически не ведется и ограничивается сплавом бревен в Ригу, Либаву и на юг. В городах и уездах района проектируемой Могилевско-Оршанской линии находятся 284 фабрики и завода, производящие продукции на 1 034 000 руб. [9, л. 25].

Проектировщики железнодорожной ветви прогнозировали следующий пассажиро- и грузооборот и доходность линии: 1) 100 000 чел., доход 52 800 руб.; 2) 4 800 000 пудов, доход 64 000 [9, л. 26об.].

Стоимость постройки 1 версты проектируемой линии не должна превысить 20 000 тыс. руб. кред. Такая низкая поперечная стоимость обеспечивалась за счет укладки пути пригодными к эксплуатации списанными рельсами с Москов-

ско-Брестской железной дороги. При протяженности железнодорожной ветви 72 в. общая стоимость постройки Могилевско-Оршанской линии составит 1 440 000 руб. Предполагаемый чистый годовой доход от ее эксплуатации будет равен 88 700 руб. (более 6 % на затраченный капитал) [9, л. 26об.].

Несмотря на весомость приведенных в пользу железнодорожной ветви Могилев – Орша аргументов министр путей сообщения М. И. Хилков квалифицировал обозначенный проект «<...> как вопрос, имеющий лишь второстепенное значение при постройке магистральных путей в империи» [9, л. 23].

В 1890 г. статский советник А. Ф. Бартоломей обратился к начальнику главного штаба генерал-адъютанту Н. Н. Обручеву и министру путей сообщения А. Я. Гюббенету с докладной запиской, в которой обосновывал необходимость соединения Прибалтийского и Черноморского побережий в результате проведения железной дороги от Санкт-Петербурга на Юг России [3]. По мнению автора документа, новая коммуникационная линия свяжет юго-западный театр военных действий с северо-западным и обеспечит беспрепятственное передвижение войск. Экономическое значение Северо-Западной железной дороги будет состоять в том, что она обеспечит пассажирские и грузовые перевозки с юга на север и с севера на юг соответственно. Бартоломей прогнозировал доходность этой магистрали на уровне Николаевской и Нижегородской – самых прибыльных железных дорог в Российской империи [3, л. 1об.].

Бартоломей предлагал учредить акционерное общество для постройки и эксплуатации железнодорожного пути от г. Нежина (Киево-Курская железная дорога) через города Чернигов

Таблица 3

Уезды и города, расположенные на Могилевско-Оршанской железнодорожной ветви [9, л. 23об. – 24]

Название административной единицы (город, местечко, уезд)	Количество жителей (человек)
Могилев	45 606
м. Шклов	10 600
Могилевский уезд	97 124
г. Быхов	6797
Быховский уезд	97 795
г. Горки	6585
Копысь (заштатный город)	3690
г. Орша	6426
Оршанский уезд	124 124
Бабиновичи (заштатный город)	1077
г. Чаусы	5688
Чауский уезд	73154

Гомель, Могилев, Оршу, Витебск, Псков. Учитывая интересы Военного министерства, железнодорожную линию предполагалось строить по левому берегу р. Днепр. Мосты планировалось возводить на р. Десне и Днепр возле Орши. Наиболее важную информацию о сооружении новой железнодорожной линии можно узнать из таблицы 4.

Необходимость постройки Северо-Западной железной дороги формально поддержали четыре ключевых ведомства: Военное министерство, Министерство путей сообщения, Министерство финансов и Государственный контроль. На особом совещании под председательством действительного статского советника А. А. Абазы руководители названных правительственных инстанций предлагали для определения доходности проектируемой железной дороги провести технические изыскания и экономические исследования [3, л. 3–5].

Окончательно судьбу проекта Северо-Западной железной дороги решили факторы военно-стратегического характера, а также заинтересо-

ванность Министерства финансов в коммерческой стабильности уже находящихся в эксплуатации частных железнодорожных магистралей. Стратегические интересы государства требовали постройки линий Витебск – Могилев – Салтановка и Хоробичи – Бровары, а не Псков – Витебск – Могилев – Гомель – Нежин. Решающее слово принадлежало Министерству финансов, и 2 августа 1890 г. последовала резолюция И. А. Вышнеградского, гласившая, что «проектируемая Бартоломею железная дорога может нанести ущерб казне уменьшением доходности соседних с проектируемой линией государственных или гарантированных казной частных железных дорог. Отдельные участки предполагаемой железной дороги представляют собой подъездные пути к пересекаемым эту линию существующим железным дорогам» [3, л. 10]. А. Ф. Бартоломею было отказано в обеспечении правительственной гарантии на облигационный и акционерный капитал Северо-Западной железной дороги, что было равнозначно лишению возможности учредить акционерное общество для её постройки.

Таблица 4

Условия концессии Северо-Западной железной дороги [3, л. 10б. – 2]

Пункты железной дороги	Длина (верст)	Строительство (лет)	Срок концессии (лет)	Капитал строительства		Гарантия на капитал	
				акции	облигации	акции	облигации
Нежин – Псков	1000	6	85	4/5	1/5	4 %	3 %

Список использованных источников

1. Бутурлин, С. П. О военном значении железных дорог и особенной их важности для России / С. П. Бутурлин. – М., 1865. – 96 с.
2. Национальный исторический архив Беларуси в Минске (далее – НИАБ в Минске). – Ф. 2187. – Оп. 1. – Д. 17. – Дело о проведении железной дороги через Гомель, Чернигов и Нежин. – Л. 15.
3. Российский государственный военно-исторический архив. – Ф. 400. – Оп. 24. – Д. 1607. – Докладная записка Камергера двора е.и.в. действительного статского советника Бартоломея о разрешении образования общества и постройки Северо-Западных железных дорог (Нежин, Чернигов, Гомель, Могилев, Орша, Витебск и Псков). – Л. 11.
4. Кислинский, Н. А. Наша железнодорожная политика по документам архива Комитета министров: в 4 т. / Н. А. Кислинский. – СПб.: Тип. Ком-та министров, 1902. – Т. 2. – 324 с.
5. Мейен, В. Ф. Россия в дорожном отношении: в 3 т. / В. Ф. Мейен. – СПб.: Тип. хоз. департамента М-ва внутр. дел, 1902. – Т. 1. – 467 с.
6. Мейен, В. Ф. Россия в дорожном отношении: в 3 т. / В. Ф. Мейен. – СПб.: Тип. хоз. департамента М-ва внутр. дел, 1902. – Т. 3. – 928 с.
7. НИАБ в Минске. – Ф. 2001. – Оп. 1. – Д. 1043. – О неудовлетворительном состоянии шоссе, мостов, паромных переправ и грунтовых дорог в Могилевской губернии. – Л. 27 об.
8. Российский государственный исторический архив. – Ф. 207. – Оп. 3. – Д. 213. – О рассмотрении в Комитете железных дорог вопроса о направлении Смоленско-Брестской железной дороги. – Л. 24.
9. НИАБ в Минске. – Ф. 2001. – Оп. 1. – Д. 1389. – О сооружении железной дороги из г. Витебска в г. Могилев. – Л. 102.
10. НИАБ в Минске. – Ф. 27. – Оп. 2. – Д. 294. – Переписка с лесным департаментом Министерства госимущества о допуске инженера Ласкина для изыскания линий при проведении железной дороги от ст. Орши через Могилев до соединения с Ландварово-Роменской железной дороги. – Л. 2.
11. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 547 (Берг Федор Федорович). – Оп. 1. – Д. 616. – Письма М. Х. Рейтерна Бергу Ф. Ф. на русском и французском языках. – Л. 116.

12. Сехович, В. М. Из истории железнодорожного строительства через Могилев / В. М. Сехович // Старонкі гісторыі Магілёва: зб. навук. пр. / уклад. І. А. Пушкін. – Магілёў: УПКП «Магілёўская абласная ўзбуйненая друкарня», 1998. – 207 с.

Дата поступления: 08.09.2018.

Поletaева Н. И.

Белорусский государственный экономический университет, Минск

Poletaeva N.

Belarusian State Economic University, Minsk

УДК 338(476)(091)(075.8)

ИТОГИ «ДОЛГОГО XIX ВЕКА» ДЛЯ ТОРГОВЛИ БЕЛАРУСИ

THE RESULTS OF «LONG XIX CENTURY» FOR TRADE OF BELARUS

Анализируются основные изменения в развитии торговли на территории Беларуси конца XVIII – начала XX в. в области правового регулирования торговой деятельности, общих социально-экономических условий ее развития (рост населения, развитие сельского хозяйства и промышленности). Прослежены существенные изменения в инфраструктуре, формах торговли, в структуре товарооборота Беларуси, численности и составе торговцев.

Ключевые слова: торговля; транспортная инфраструктура; кредитная система; ярмарки; магазины; торговые дома; биржи.

The main changes in the development of trade in Belarus from the end of the XVIII to the beginning of the XX century are analyzed: in the field of legal regulation of trade activities, the general socio-economic conditions of its development (population growth, development of agriculture and industry). Significant changes in the infrastructure, forms of trade, in the structure of the commodity turnover of Belarus, the number and composition of traders are traced.

Keywords: trade; transport infrastructure; credit system; fairs; shops; trading houses; stock exchanges.

История торговли Беларуси, несмотря на периодический возникающий интерес к ней [1; 2], в отечественной историографии является недостаточно изученной проблемой; комплексного, всестороннего исследования до настоящего времени не существует. Это в полной мере относится и к периоду конца XVIII – начала XX в., в котором изучены либо отдельные этапы развития [3], либо материал изложен как составная часть других научных проблем [4; 5], либо история торговли Беларуси включена в контекст общеисторических исследований [6; 7]. Вместе с тем именно на том временном отрезке, который образно обозначен как «долгий XIX век», произошли значимые сдвиги в подходах, организации и результатах торговли на территории Беларуси.

Во-первых, изменения коснулись правового регулирования торговой деятельности и статуса торговцев. Законодательство в отношении купцов и других торгующих лиц неоднократно менялось, причем трижды (в 1824, 1863–1865 и 1898 гг.) – существенно. Манифест 1807 г. «О даровании купечеству новых прав и преимуществ» расширил и уточнил торговые права лиц различных состояний и разрядов торгово-промышленной деятель-

ности; купцам было разрешено создавать товарищества для объединения своих капиталов [8]. Манифест 1812 г. «О преобразовании Комиссии погашения государственных долгов» определил торговые права и обязанности крестьян, которые должны были выбирать свидетельства по роду торговли в зависимости от объявленного капитала. Мещане и другие посадские люди имели право мелочного торгова без уплаты специального налога на право торговли [9].

В 1824 г. было принято «Дополнительное постановление об устройстве гильдий и о торговле прочих состояний», делившее купцов на три гильдии. Купцы 1-й гильдии могли вести внутреннюю и внешнюю оптовую торговлю, иметь собственные корабли; права купцов 2-й и 3-й гильдий были существенно расширены (первые могли заниматься заграничным торгом, вторые – владеть фабриками и заводами), гильдейские платежи купцов 3-й гильдии были понижены. Торгующим крестьянам, делившимся на три разряда, было разрешено «производить торговлю и промышленность, купечеству предоставленные, но не иначе, как со взятием особых свидетельств» [10]. Если до 1824 г. существовала система гиль-

дейских сборов с объявленных капиталов, то с 1824 г. утвердилась сословная патентная система обложения торговли и промыслов.

1 января 1863 г. было принято Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов, 9 февраля 1865 г. в него были внесены некоторые дополнения. Право на торговлю и промыслы было распространено почти на всех жителей империи и иностранцев. Лица, не принадлежавшие к купеческому сословию, могли брать купеческие свидетельства с сохранением прежнего сословного звания или с перечислением в купечество [11]. Право на предпринимательскую деятельность было предоставлено практически всем желающим при условии уплаты пошлин, но право оптовой и розничной торговли после изменений по-прежнему законодательно соединялось с купеческим сословным состоянием.

Положение 1884 г. «О более равномерном обложении торговли и промышленности» установило 3%-й сбор с прибыли некоторых крупных торговых и промышленных предприятий (банков, акционерных обществ, представлявших отчеты о доходах в соответствующие министерства). Были введены некоторые льготы промыслового налогообложения для мещан и крестьян, что способствовало развитию мелкой торговой деятельности [12]. В 1885 г. были приняты «Правила об обложении торговых и промышленных предприятий дополнительным сбором (процентным и раскладочным)» и «Инструкция о порядке обложения торговых и промышленных предприятий сборами процентным и раскладочным». Был установлен 3%-й сбор с чистой прибыли для предприятий, обязанных публичной отчетностью (акционерных компаний). Раскладочный сбор устанавливался для прочих предприятий соразмерно гильдейским податям и патентным пошлинам по ранее установленной системе приобретения промысловых свидетельств. Сумма раскладочного сбора являлась дополнительной к сумме промыслового свидетельства, устанавливалась на три года вперед для каждой губернии с учетом географического коэффициента [13]. Постепенно указанные сборы росли. В стране установилась патентно-подходная система налогообложения предпринимателей.

8 июня 1898 г. было принято новое Положение о государственном промысловом налоге [14]. Сборы были переведены с физического или юридического лица на предприятие, промысловый кадастр был пересмотрен. Определяющим документом стало промысловое свидетельство, которое было отделено от гильдейского купеческого свидетельства. Гильдейский сбор из основного промыслового налога превратился в сбор за принадлежность к купеческому сословию. Данное

Положение приблизило систему налогообложения к подоходному налогу, который был впервые введен в Российской империи в 1916 г. Заметим также, что применительно к территории Беларуси действовали нормы и правила, определявшие особенности торговой деятельности еврейского населения.

Во-вторых, рос внутренний рынок, увеличилось число потребителей товаров, продававшихся на территории Беларуси. Общая численность населения за 1796–1913 гг. выросла с 2636 тыс. до 8970,5 тыс., или в 3,4 раза. Но принципиально важным стал более чем десятикратный рост городского населения с 92,5 тыс. до 983,3 тыс. за тот же период и увеличение его доли с 3,5 до 11 % [15, с. 58, 369]. Если крестьяне предъявляли спрос на промышленные товары периодически, то горожанам и предметы первой необходимости, продукты питания, и сырье, и оборудование для ремесленных мастерских, возникавших промышленных предприятий были необходимы постоянно. Складывалась основа для устойчивого спроса на сельскохозяйственные товары, продукцию промышленности и услуги на внутреннем рынке.

В-третьих, реформы 1860–1870-х гг. привели к появлению свободных товаропроизводителей, заинтересованных в сбыте своей продукции. Свыше трети крестьянских хозяйств Беларуси постоянно работали на товарный рынок, продавая зерно, лен, продукцию животноводства. Помещичье хозяйство белорусских губерний было экономически устойчивым, росла его товарность; под влиянием аграрного кризиса последней трети XIX в. оно переориентировалось на производство технических культур и животноводство. Доходной статьей многих помещиков была продукция винокурения.

Промышленный переворот и его завершение к концу XIX в., рост промышленного производства белорусских губерний с доминированием пищевой отрасли, с одной стороны, частично обеспечивали потребности населения в ремесленных, мануфактурных и фабричных изделиях белорусских производителей. С другой стороны, подъем промышленного производства в империи в целом, географическая близость к российским индустриально развитым центрам компенсировали нехватку многих потребительских товаров, которые закупались за пределами белорусских губерний. Ввозился хлеб, предметы массового спроса и средства производства из центральных губерний России, Украины, Польши.

В-четвертых, кардинально изменилась инфраструктура торговли как комплекс отраслей и объектов, обеспечивавших деятельность по купле-продаже товаров. В сфере транспортных коммуникаций в конце XVIII – первой половине

XIX в. решающую роль в торговом обороте играли водные пути, представленные Огинской, Березинской, Днепровско-Бугской и Августовской водными системами, а также сухопутные дороги и шоссе (Брест – Варшава, Москва – Брест, Витебск – Смоленск, Могилев – Бобруйск; Белорусский тракт, соединявший Петербург и Киев и проходивший по территории Беларуси и др.). Длина только судоходных путей пяти белорусско-литовских губерний доходила до 4 тыс. км, а сплавных – примерно до 8 тыс. км. Кроме непаровых судов и плотов по рекам Беларуси к середине XIX в. ходили 20 паровых судов [15, с. 126, 127].

Во второй половине XIX – начале XX в., при сохранявшейся значимости водных (число паровых судов выросло к 1900 г. до 164 [15, с. 205]) и сухопутных путей для торговли, решающее значение приобрел железнодорожный транспорт. Через территорию Беларуси прошли Петербургско-Варшавская, Риго-Орловская, Московско-Варшавская, Либаво-Роменская, Полеская железные дороги, часть линий других железных дорог, стали строиться подъездные дороги. Если в начале 1860-х гг. протяженность железных дорог, проходивших по территории современной Беларуси, составляла 50 верст (примерно 53 км) [16, с. 174], то к 1913 г. – 3888 км (рост более, чем в 77 раз). По насыщенности железнодорожными магистралями белорусские губернии в 1,8 раза превосходили показатели Европейской России [17, с. 195]. Железнодорожное строительство имело решающее значение для перевозки сельскохозяйственных и лесных грузов. Общий грузооборот железнодорожного и водного транспорта вырос за 1855–1900 гг. с 19,6 до 357,7 млн пудов (более чем в 18 раз) [15, с. 205]. Скорость передвижения грузов по железным дорогам составляла к 1914 г. 400–700 км в сутки, что превышало скорость гужевого транспорта более чем в 10 раз. Одновременно стоимость железнодорожных перевозок была в 4–6 раз меньше стоимости перевозок гужевым транспортом, а для некоторых грузов – в 10 раз.

Ускорению передачи коммерческой информации способствовали почтовая связь, а также появление и рост протяженности телеграфных линий, развитие телефонной сети. Регулярная почтовая связь действовала еще с конца XVIII в.; для развития торговли принципиальным было то, что почта имела право принимать не только письма, но и денежные переводы. С появлением телеграфа скорость передачи коммерческой информации увеличилась. Первая телеграфная контора открылась в Гродно в 1846 г. [15, с. 127], с 1852 г. стали передаваться телеграммы частных лиц [18]. В начале 1880-х гг. только в Могилевской губернии длина телеграфных линий

составляла 1258 верст (около 1342 км), в 1900 г. в Минской губернии – 2412 верст (около 2574 км) [19, с. 315]. Развитию торговли содействовало распространение телефонной связи. В 1890 г. в Минске появилась телефонная линия. Накануне Первой мировой войны действовала междугородная телефонная линия Минск – Борисов. К 1917 г. телефонная связь охватила почти 15 населенных пунктов Беларуси [18].

Что касается кредитной системы, то в первой половине XIX в. на территории Беларуси действовали Московская и Санкт-Петербургская сохранные казны с их ограниченным кругом заемщиков, представленным в основном дворянами, бравшими ссуды под залог недвижимого имущества, а также приказы общественного призрения, Государственный заемный банк, Государственный вспомогательный банк для дворянства [20, с. 16–19]. В результате радикальной кредитной реформы конца 1850-х гг. во второй половине XIX – начале XX в. кредитная система была полностью преобразована. На смену казенным банкам пришли коммерческие кредитные учреждения. К началу XX в. на территории Беларуси оперировали пять губернских отделений Государственного банка, которые вели учет векселей и других срочных бумаг, выдавали ссуды, за исключением ипотечных, покупали и продавали драгоценные металлы и ценные бумаги, принимали вклады на хранение, открывали текущие счета и т. д. Для торговли принципиальное значение имел учет векселей, который был самой распространенной активной операцией.

Свои операции проводили также частные коммерческие, городские общественные банки и другие кредитные учреждения. Среди них – Минский коммерческий банк (1873–1908 гг.), кредитовавший в основном крупных торговцев лесом и зерном. Российские банковские учреждения, пережившие ряд слияний, поглощений и реорганизаций, к концу 1913 г. в белорусских губерниях были представлены Виленским, Азовско-Донским, Русско-Азиатским, Русско-Французским, Московским и Соединенным банками с 21 отделением в 13 белорусских городах. Работали также 74 общества взаимного кредита, Минское городское кредитное общество, 7 городских общественных банков [20, с. 37, 45]. В конце XIX в. насчитывалось 49 банкирских контор и 8 отделений и агентств таких контор [21, с. 79], действовали ссудо-сберегательные товарищества. Все это свидетельствовало о формировании и активной работе многозвенной кредитной системы, предоставлявшей банковские услуги, в том числе, торговцам. Причем эта система была ориентирована на разные объемы торговли: мелкие предприниматели кредитовались чаще всего в обще-

ствах взаимного кредита, ссудо-сберегательных товариществах, банковских конторах; крупные торговцы имели доступ к кредитным ресурсам губернских отделений Государственного банка, отделений и агентств российских акционерных коммерческих и Минского коммерческого банка. Всего на 1 января 1914 г. балансы кредитных учреждений в Беларуси (без банковских контор и ссудо-сберегательных товариществ) составляли 117,1 млн руб., из которых на отделения коммерческих банков приходилось 52 % [20, с. 39], что свидетельствовало о росте крупной торговли и промышленности белорусских губерний.

В-пятых, произошли существенные изменения в формах торговли, их роли и соотношении в товарообороте Беларуси. Отличием второй половины XIX – начала XX в. от периода конца XVIII – первой половины XIX в. стало появление и развитие наряду с традиционными формами торговли – ярмарками, базарами, лавками, магазинами – новых форм – торговых домов (товариществ полных и на вере) и бирж. Общей тенденцией стал рост числа всех перечисленных форм торговли. Так, если на территории Беларуси к началу 1860-х гг. насчитывалось 384 ярмарки [3, с. 94], то в середине 1890-х гг. в пяти западных губерниях – свыше трех тыс. ярмарок [22, с. 166–167]. В белорусских городах в начале 1860-х гг. располагались 5654 лавки [3, с. 117], 79 оптовых магазинов (складов) [23. – *Н. П.*]. В 1913 г. в белорусских губерниях работали свыше 55 тыс. торговых предприятий, в том числе 4497 магазинов и 23 960 лавок [17, с. 247]. В целом в западных губерниях в 1885–1895 гг. отмечались одни из самых высоких показателей роста численности торговых предприятий. По наиболее крупным (гильдейским) предприятиям рост численности был самым высоким в Европейской России, превосходя средний уровень более чем в три раза. Мелкие (негильдейские) предприятия по росту численности занимали третье место [24, с. XVI].

Число торговых домов также выросло: на рубеже XVIII–XIX вв. – ни одного, хотя законодательство с 1807 г. допускало уже такую форму; в 1892 г. – 7, в 1914 г. – 245 [4, с. 97]. Первым торговым домом стало зарегистрированное в 1863 г. в Пинске товарищество «Лурье и К⁰» с капиталом 90 тыс. руб. Самыми крупными в начале XX в. стали: фирма «П. и И. Данишевские», зарегистрированная в Минске, с основным капиталом 200 тыс. руб. по покупке, производству и экспорту лесных товаров; «Л. И. Галеркин и сыновья» с таким же капиталом по производству и продаже стеклянных изделий завода «Новка» Витебской губернии. Товарные биржи как новая форма торговли, где сосредоточивалась инфор-

мация о ценах на внутренних и внешних рынках, заключались сделки, появились только в начале XX в.: в 1904 г. – Минская лесная биржа, которая в 1912 г. была преобразована в общую товарную биржу; в 1912 г. – Витебская товарная биржа. Действовала также Гродненско-Либавская торгово-промышленная биржевая артель.

Сместились акценты в соотношении вышеперечисленных форм торговли в общем товарообороте. В первой половине XIX в. подавляющая его доля приходилась на ярмарочную, то есть периодическую торговлю. Самыми крупными были Бешенковичская, Гомельская, Минская, Приборовская, Зельвенская и Свислочская ярмарки. Но ярмарочная торговля утратила былое значение из-за отмены в 1850 г. таможенной границы с Царством Польским, а также в связи с развитием путей сообщения и промышленного производства на территории Беларуси. Уже к началу XX в. в общем товарообороте ведущее место заняла стационарная торговля. Продажи из магазинов и лавок концентрировались, к примеру, 95 % городского внутреннего торгового оборота [15, с. 208].

В-шестых, изменилась структура товарооборота: если в первой половине XIX в. его основная доля приходилась на сельскую местность, то во второй половине XIX – начале XX в. – на города. В 1900 г. семь городов Беларуси (Минск, Витебск, Брест, Гомель, Гродно, Могилев, Пинск) превысили оборот 3 млн руб. Причем Минск аккумулировал почти четверть всего торгового оборота Беларуси (здесь было продано товаров на 22,5 млн руб. из 95 млн по Беларуси в целом). Товарооборот на душу населения в городах превосходил товарооборот в сельской местности в семь раз [15, с. 208]. Важными тенденциями развития торговли стали также смещение акцентов с продажи сельскохозяйственного сырья на продажу готовой продукции, рост доли леса и льна в экспорте товаров, увеличение ассортимента экспортируемых и импортируемых товаров, что свидетельствовало о формировании внутрибелорусского рынка при одновременном активном включении белорусского региона в общероссийский рынок и укреплении связей с европейским рынком.

В-седьмых, изменения коснулись численности и состава торгующих лиц. В конце XVIII в. в городах Беларуси насчитывалось до 5200 человек, занимавшихся торговлей, в том числе среди них были мещане, ремесленники, крестьяне; гильдейских купцов было не более 200 человек [15, с. 63]. В 1913 г. в Витебской, Гродненской, Минской и Могилевской губерниях насчитывалось 2716 гильдейских купцов [4, с. 202–203]. Но купцы – это самые крупные торговцы. Общее же количество торгующих было весьма существенным. В Минской губернии, к примеру, в 1913 г.

было выдано 15956 свидетельств для торговых предприятий (здесь и далее – с переводом полугодовых свидетельств в годовые) [25, с. 20–21]. В Могилевской губернии в том же году было выдано 13 360 свидетельств на 13 750 торговых предприятий [26, с. 37]; в белорусских уездах Гродненской губернии – 10 912 торговых свидетельств [27, с. 36]. Всегда находилось значительное число людей, готовых продавать товары мелкими партиями, в том числе вразнос. Всего по количеству торговых свидетельств белорусский регион находился примерно на шестом месте в Российской империи [28, с. III]. В составе торгующих купечество постепенно утрачивало свои позиции, торговая деятельность все больше при-

влекала представителей иных сословных групп – выходцев из мещан, крестьян, даже дворянства. Однако национальный состав торговцев на территории Беларуси не претерпел существенных изменений: доминировали представители еврейского этноса.

Таким образом, «долгий XIX век» для торговли Беларуси ознаменовался качественными изменениями, превратившими эту сферу деятельности в типичное капиталистическое предпринимательство. Эти сдвиги затронули как общие условия функционирования торговли (правовую базу, транспортную систему, демографическую ситуацию, финансовые институты), так и собственно торговую деятельность.

Список использованных источников

1. Гісторыя гандлю ў Беларусі (ад старажытнага часу да канца XX ст.): праблемы вывучэння і перспектывы даследавання: матэрыялы I Міжнар. навук.-практ. канф. (Мінск, 16–17 ліст. 2013). – Мінск: Тэхналогія, 2014.
2. Гісторыя гандлю на тэрыторыі Беларусі: зб. навук. прац. – Мінск, Беларус. навука, 2016.
3. Швед, В. В. Торговля в Беларуси в период феодализма (1830–1850-е годы) / В. В. Швед. – Гродно: ПФК «Орбикс», 1995. – 135 с.
4. Полетаева, Н. И. Купечество Беларуси: 60-е гг. XIX – начало XX в.: монография / Н. И. Полетаева. – Минск: БГЭУ, 2004. – 247 с.
5. Шыбека, З. В. Гарады Беларусі (60-я гады XIX – пачатак XX стагоддзяў) / З. В. Шыбека. – Мінск: Цэнтр еўрап. супрацоўніцтва «ЭўроФорум», 1997. – 319 с.
6. Кіштываў, А. Л. Прамысловасць. Шляхі зносін. Гандаль / А. Л. Кіштываў // Гісторыя Беларусі: у 6 т. – Мінск: Экаперспектыва, 2005. – Т. 4. Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.). – С. 118–128.
7. Кіштываў, А. Л. Прамысловасць, Транспарт. Гандаль. Крэдыт / А. Л. Кіштываў // Гісторыя Беларусі: у 6 т. – Мінск: Экаперспектыва, 2005. – Т. 4. Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.) – С. 199–210.
8. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). – Собр. 1-е. – Т. XXIX. – № 22418.
9. ПСЗРИ. – Собр. 1-е. – Т. XXXII. – № 24.
10. ПСЗРИ. – Собр. 1-е. – Т. XXXIX. – № 30115.
11. ПСЗРИ. – Собр. 2-е. – Т. XXXVIII. – № 39118.
12. ПСЗРИ. – Собр. 3-е. – Т. IV. – № 2282.
13. ПСЗРИ. – Собр. 3-е. – Т. XI. – № 9181.
14. ПСЗРИ. – Собр. 3-е. – Т. XVIII. – Отд. 1-е. – № 15601.
15. Гісторыя Беларусі: у 6 т. – Мінск: Экаперспектыва, 2005. – Т. 4. Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.). – 519 с.
16. Эканамічная гісторыя Беларусі. – Мінск: Экаперспектыва, 1995. – 432 с.
17. Экономика Белоруссии в эпоху империализма (1900–1917). – Минск: Изд. АН БССР, 1963. – 422 с.
18. Кіштываў, А. Л. Алё, вы мяне чуеце? / А. Л. Кіштываў // Настаўніцкая газета. – 2000. – 1 крас.
19. Нарысы гісторыі Беларусі: у 2 ч. – Мінск: Беларусь, 1994. – Ч. 1. – 527 с.
20. Грузицкий, Ю. Л. Банки Беларуси (70-е гг. XIX – начало XX в.) / Ю. Л. Грузицкий. – Минск: Экоперспектива, 2005. – 167 с.
21. Полетаева, Н. И. Банкирские конторы Беларуси (60-е годы XIX – начало XX вв.) / Н. И. Полетаева, Ю. Л. Грузицкий // Веснік Беларускага дзяржаўнага эканамічнага ўніверсітэта. – 2003. – № 6. – С. 77–84.
22. Миронов, Б. Н. Внутренний рынок России во второй половине XVIII – первой половине XIX в. / Б. Н. Миронов. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1981. – 260 с.
23. Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861–1862 гг. – СПб.: Тип. К. Вульфа, 1863.
24. Статистические результаты процентного и раскладочного сборов по исчислению, классификации и определению оборотов и прибылей торговых и промышленных предприятий, подлежащих сим сборам. За 1896, 1897 и 1898 гг. – СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1900. – 221 с.
25. Обзор Минской губернии за 1913 г. – Минск: Губерн. тип., 1914.
26. Обзор Могилевской губернии за 1913 г. – Могилев: Губерн. тип., 1915.
27. Обзор Гродненской губернии за 1913 г. – Гродно: Губерн. тип., 1914.

28. Статистика прямых налогов и пошлин. Государственный промысловый налог. Основной налог с отчетных и неотчетных предприятий и дополнительный налог с неотчетных предприятий за 1912 г. – Пг.: Тип. ред. период. изд. М-ва финансов, 1915. – 450 с.

Дата поступления: 27.09.2018.

Яковчук В. И.

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск

Yakovchuk V.

Academy of Management under the President of the Republic of Belarus, Minsk

УДК 94(476)“1860/1917”

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ
НЕГОСУДАРСТВЕННЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

**ENSURING THE LIVING ACTIVITY OF THE POPULATION
OF BELARUS BY NON-GOVERNMENTAL ORGANIZATIONS
AT THE END OF THE 19TH – EARLY XX CENTURIES**

В статье исследуется исторический опыт обеспечения жизнедеятельности населения Беларуси в экономической и социальной сферах негосударственными организациями в конце XIX – начале XX в. Анализируется процесс передачи и степень реализации государственных функций создаваемым в белорусских городах и селах общественным организациям. Делается вывод о необходимости использования исторического опыта в дальнейшем развитии гражданского общества в Республике Беларусь, организации взаимодействия государственных органов и общественных организаций в современных условиях.

Ключевые слова: государство; государственные органы; негосударственные организации; оптимизация государственных функций.

The article examines the historical experience of the livelihoods of the population of Belarus in the economic and social spheres by non-governmental organizations in the late nineteenth and early twentieth centuries. The process of transfer and the degree of implementation of state functions to public organizations created in Belarusian cities and villages is analyzed. The conclusion is made about the need to use historical experience in the further development of civil society in the Republic of Belarus, the organization of interaction between government bodies and public organizations in modern conditions.

Keywords: the state; government agencies; non-governmental organizations; optimization of state functions.

На всем протяжении истории человеческого общества государство играло и продолжает играть особую, значимую роль в обеспечении его жизнедеятельности. Дискуссия о роли государства в жизнедеятельности общества длится с древнейших времен (от Платона и Аристотеля) до настоящего времени. На наш взгляд, современное государство предстает перед каждым человеком, прежде всего в качестве формы общества. Оно повязано системой общественных отношений людей, соучаствует в их сознании, поведении и деятельности, способствует организации жизни, в том числе политической, экономической, духовной на определенной территории.

Вместе с тем с развитием общества количество проблем, решаемых государством, все увеличивается: мир становится более населенным, и люди оказываются все теснее взаимосвязанными,

что привносит в деятельность государства целый ряд проблем (в первую очередь недостаток информационных, интеллектуальных, финансовых и иных ресурсов), что существенно снижает ее эффективность. Как показывает исторический опыт, решить стоящие перед обществом сложные социально-экономические задачи одному государству без помощи и поддержки со стороны общества и его объединений бывает крайне сложно. Выход многими современными государствами видится в передаче ряда государственных функций негосударственным организациям (НГО) на аутсорсинг. А это, в свою очередь, требует изучения и использования в современной управленческой практике исторического опыта подобных взаимоотношений между государственными органами и НГО.

Общественные объединения на территории Беларуси стали зарождаться и развиваться

в XIX в. Во второй половине XIX – начале XX в. в условиях ускоренного и устойчивого развития капитализма, невозможности, а часто и нежелания, государственных органов и должностных лиц расширять спектр государственных функций, обеспечивающих жизнедеятельность населения, особенно белорусских губерний, царское правительство все активнее стало перекладывать свои недоработки на плечи самих граждан, давая возможность им создавать НГО, сеть которых к концу XIX в. значительно возросла.

Развитию сельского хозяйства в этот период препятствовали существовавшие рутинные методы его ведения (92 % земледельцев вели хозяйство по трехпольной системе, 64 % – не имели молотилок, 85 % – обрабатывали землю деревянными сохами и боронами, 95 % – не имели сеялок, 80 % – содержали малопродуктивный скот) [1, с. 4]. Этим вызвано возникновение различных видов общественных сельскохозяйственных объединений по распространению передовых методов ведения хозяйства, усовершенствованию различных сельскохозяйственных орудий, высокоурожайных семян, минеральных удобрений, породистых животных, льноводческих, садоводческих и пчеловодческих знаний. Губернские сельскохозяйственные общества были созданы в Минске (1876 г.), Витебске (1877 г.) Могилеве (1879 г.), Вильно (1899 г.), Гродно (1900 г.). Возникли уездные и местечковые сельскохозяйственные общества в Мстиславле (1895 г.), Пинске (1898 г.) Кобрине (1899 г.), Лепеле и Полоцке (1906 г.), Новогрудке (1908 г.), Бресте, Волковыске и Слониме (1909) и др. В Витебской губернии в 1912 г. насчитывалось 21, а в Могилевской в 1915 г. – 32 общественных сельскохозяйственных объединения. Если проанализировать наличие объединений внутри губерний, то они распределялись неравномерно. Так, если посмотреть на наличие общественных сельскохозяйственных объединений в Могилевской губернии в 1915 г., то в Могилевском уезде их было семь, в Гомельском и Мстиславском – по пять, Оршанском и Рогачевском – по четыре, Быховском, Горецком и Сенненском – по два, Климовичском – одно, а в Чацком и Чериковском их вообще не было [2].

Кроме сельскохозяйственных появились и другие общественные объединения экономической направленности: ветеринарные, охотничьи, рыбоводческие, садоводческие и др. Основными их задачами было проведение мероприятий по совершенствованию сельского хозяйства, сохранение домашних и промысловых животных, фауны и т. п. Так, в 1917 г. возникает Союз ветеринарных врачей и фельдшеров в Витебске. Появляются Отдел Императорского общества размножения охотничьих и промысловых живот-

ных и правильной охоты в Гродно (1895 г.), общества охотников в Минске (1898 г.), Бобруйске (1903 г.), Кобрине и Бресте (1913 г.). В Могилевской губернии в 1915 г. среди 32 сельскохозяйственных общественных объединения было пять молочных, три льноводческих, три пчеловодческих и одно садоводческое.

Общественные сельскохозяйственные объединения устраивали сельскохозяйственные выставки, проводили конкурсы, экскурсии в передовые хозяйства. Они создавали библиотеки, организовывали торговлю сельскохозяйственной продукцией, готовили специалистов сельского хозяйства на земледельческих курсах и в специальных школах, выпускали справочники. Так, по инициативе секции винокурения Минского общества сельского хозяйства была развернута работа по денатурализации спирта. Секция лесного хозяйства общества в 1896 г. создала лесостроительное бюро для планирования лесозаготовительных работ и отдел лесной торговли для изучения цен на деревообрабатывающую продукцию, разработки условий аукционной продажи леса в донецкие каменноугольные копи и экспорта леса в другие страны. Секция животноводства установила торговые отношения с Варшавой по сбыту молочных продуктов, в результате стал курсировать вагон-ледник между Минском и Варшавой. Секция коневодства занималась упорядочением минских ярмарок, открыла рынок по продаже лошадей. При обществе был создан склад, имевший филиалы в Витебске и Пинске, который занимался торговлей усовершенствованными сельскохозяйственными орудиями, высокоурожайными сортами семян и искусственными удобрениями. При обществе был также пункт проката сельхозинвентаря [3].

Развитие промышленности в белорусских губерниях, базировавшейся на местном сельскохозяйственном сырье и переработке древесины, существенно повышало пожароопасность предприятий и создавало угрозы для работающих на них людей. В 1890 г. в пяти белорусских губерниях действовало 393 винокуренных завода, или 18 % от их общего количества в Российской империи, в три раза выросло количество лесопильных и деревообрабатывающих заводов, динамично развивалась спичечная и бумажно-картонная промышленность. Табачную промышленность представляли 50 предприятий, среди которых выделялось крупнейшее предприятие Беларуси – табачная фабрика в Гродно. В текстильной промышленности насчитывалось 24 фабрики, крупнейшей из них была фабрика «Двина» в Витебске. Активно развивалась кожевенная промышленность с центром в Сморгони, где работало два крупных завода и до 50 мануфак-

тур. С ростом промышленности шел рост индустриального населения за счет ухода сельского населения в города. Население Минска с 1863 по 1897 г. увеличилось в 3 раза, Витебска – 2,4, Бреста – 2,9, Гомеля – 2,6, Гродно – 2,0, Могилева – в 1,3 раза. Несмотря на требования при строительстве городов возводить каменные здания, большинство домов были деревянными. По количеству каменных домов на 1 тыс. строений среди 50 губерний европейской части Российской империи Виленская губерния занимала 8-е место, Минская – 27-е, Гродненская – 32-е, Витебская – 42-е, Могилевская – 43-е. Всё это требовало от государства особого внимания к вопросам противопожарной защиты и предприятий, и самих городов [4].

Преобладающая деревянная застройка белорусских городов и местечек, не говоря уже о сельских населенных пунктах, большая плотность их застройки, редкость в использовании огнестойких крыш приводили к тому, что очень часто пожар приобретал огромные масштабы и всего за несколько часов опустошал значительную часть поселения. Малочисленные и слабо технически оснащенные государственные пожарные команды не могли противостоять огненной стихии. Империя несла от пожаров огромные убытки. Если с 1860 по 1869 г. сумма пожарных убытков в год составила в среднем 27 млн руб., то с 1870 по 1879 г. – 50 млн руб., с 1880 по 1887 г. – 71,6 млн руб. Убытки от пожаров за четверть века увеличились втрое. Конец XIX – начало XX в. ознаменовались катастрофическими пожарами в городах и местечках Беларуси. 21 июня 1881 г. вошло черной датой в историю г. Минска, где произошел крупный пожар, уничтоживший более 2 тыс. строений и нанесший ущерб около 6 млн руб. 10 июня 1885 г. аналогичная трагедия произошла в г. Гродно. Пожар продолжался четверо суток и уничтожил почти весь город. Сгорело 778 строений, ущерб составил около 3 млн руб. Катастрофические пожары произошли в г. Брест-Литовске 4–5 мая 1895 г., в апреле 1902 г. в г. Бобруйске, в результате которого было уничтожено более тысячи домов, 650 магазинов и лавок, 15 школ, больница и рынок с ущербом около 7 млн руб. [4].

Как отметил сенатор, товарищ (заместитель) министра внутренних дел М. А. Островский, «вред, наносимый нашему Отечеству пожарными бедствиями, так велик, а причины их столь глубоко коренятся в общем укладе нашей жизни, что в борьбе с этим злом нельзя ограничиваться ни какой-либо одной только мерой, ни кратким промежутком времени. Здесь нужна работа многосторонняя, планомерная, продолжительная и упорная...» [5, с. 154].

Однако принимаемых государством мер по обеспечению пожарной безопасности экономики и населенных пунктов Беларуси было явно недостаточно. Уровень государственного управления в данной сфере отставал от темпов роста городов, развития промышленности, что не позволяло обеспечить их надежную противопожарную защиту. Кадровый состав, условия службы и быта, уровень финансового и технического обеспечения пожарных подразделений не в полной мере соответствовали требованиям времени. В это время на правительственном уровне часто раздавалась критика в адрес профессиональной пожарной службы, неспособной качественно выполнять возложенные на нее функции, но при этом почти ничего не делалось по её реформированию, улучшению финансового, кадрового и материального обеспечения. Политика правительства была направлена на то, чтобы переложить заботу по противопожарной защите населенных пунктов империи с плеч государства на общественность.

В конце XIX в. на основании указа Александра II от 18 августа 1860 г. в белорусских городах и селах зародились и стали активно развиваться добровольные пожарные общества и дружины (ДПО и ДПД), которые к началу XX в. сформировались как массовая, авторитетная, динамично развивающаяся общественная организация. Ее целью было привлечение широких слоев населения Беларуси к активному участию в предотвращении и тушении пожаров, осуществлению мероприятий по повышению уровня пожарной безопасности. При этом следует отметить, что процесс создания ДПО и ДПД в белорусских губерниях был более активным, чем в других губерниях огромной Российской империи. Так, в 1899 г. из 374 пожарных НГО, действительных членов Императорского российского пожарного общества, 45 были белорусскими [6].

ДПО действовали на основании устава, утверждаемого губернатором. Уставы ДПО разрабатывались на основании Нормального устава городских пожарных обществ, утвержденного МВД 23 января 1896 г. А 5 августа 1897 г. МВД утвердило «Нормальный Устав сельских пожарных дружин» и «Правила введения в действие нормального устава сельских пожарных дружин». Уставом определялись цели, права и обязанности общества; его состав; порядок вступления и выбытия членов, награждения их за особые заслуги, управления делами общества, проведения общих собраний, формирования и расходования средств общества, создания и деятельности пожарной команды. В целях создания финансовой базы обществу разрешалось приобретение недвижимого имущества для содержания пожарной команды и сдачи в наем, устраивать гулянья, балы, концер-

ты, спектакли и т.п. «с надлежащего каждый раз разрешения» [7].

Пожарные общества и дружины могли иметь знамя, проект которого должен был соответствовать «Знамени нормального образца», утвержденного в 1907 г., печать, форменную одежду. К 1907 г. в Беларуси существовало более 110 пожарных обществ, команд и дружин. В 1910 г. в Могилевской губернии насчитывалось 45 ДПО численностью до 4 тыс. человек, на вооружении которых имелись пожарные насосы, бочки, ведра и гужевого транспорт. Если в 1881 г. Минское ДПО насчитывало 130 членов, имело 3 ручных пожарных трубы и 5 бочек для подвоза воды, то в 1911 г. – 30 почетных, 130 действительных членов и 300 соребнователей, имело пожарную команду в составе 13 человек администрации, 2 брандмейстеров и 150 добровольцев, 5 ручных пожарных труб, 11 летних и зимних ходов, 8 бочек, механическую и 13 ручных лестниц, 23 лошади, 25 музыкальных инструментов для пожарного оркестра и много других пожарных принадлежностей. Созданные добровольные пожарные команды все активнее проявляли себя надежной силой в противопожарной защите городов. Отчаянные добровольцы-пожарные не раз спасали г. Минск от огня, а в 1906, 1909, 1912, 1915 и 1917 гг. приходили на помощь тем, кто оказался в кварталах, затопленных Свислочью [8, 9].

Пожарные общества не только содействовали созданию добровольных и профессиональных пожарных команд и дружин, оказывали им организационную и материальную поддержку, но и всячески способствовали развитию мер предупреждения и тушения пожаров, оказывали финансовую помощь нуждающимся пожарным и их семьям, разрабатывали, испытывали и внедряли новые технические средства борьбы с огнем. Некоторые общества занимались просветительством, содержали библиотеки, несмотря на их финансовую убыточность. Заслугой ДПО было значительное расширение противопожарной пропаганды и привлечение с ее помощью внимания населения Беларуси к вопросам защиты от пожаров и их предотвращению. В июне 1892 г. А. Д. Шереметьев основал первое в Российской империи периодическое издание по пожарному делу – журнал «Пожарный», редактором которого стал А. П. Чехов (брат известного писателя). В журнале, выходившем два раза в месяц, публиковались статьи о технике и тактике пожарных, отчеты о деятельности отечественных и зарубежных команд, корреспонденции с мест, библиография, статистические данные и прочее. Журнал пользовался популярностью и у белорусских пожарных. В 1894 г. под эгидой Императорского

русского пожарного общества (ИРПО) начал выходить журнал «Пожарное дело», воплотивший в себе опыт и традиции журнала «Пожарный», который с некоторым перерывом издается до сих пор. Журнал настойчиво боролся со сложившимся в обывательской среде стереотипом «серого пожарного», противопоставляя ему в доступной литературно-художественной форме героизм и самоотверженность пожарных, сложность и опасность их работы, общественную полезность пожарной службы.

Идея пожарного добровольчества быстро завоевала авторитет в обществе, привлекала в свои ряды представителей разных сословий. Активное участие в деятельности пожарных обществ принимала интеллигенция белорусских городов. Членами ДПО были губернаторы, городские головы, князья, священнослужители, чиновники, врачи, инженеры, купцы, мещане и представители других слоев городских и сельских жителей. ДПО стали своего рода культурными центрами или, как сегодня сказали бы, клубами по интересам. Многие общества имели свои театры, клубы, духовые оркестры, велосипедные треки, проводили различные развлекательные мероприятия. А в 1914 г. при ДПО стали учреждаться детские учебные пожарные отряды. Их целью было обучение детей осторожному обращению с огнем, предупреждению и тушению пожаров, подготовка к служению пожарному делу в рядах добровольных организаций. Примечательно, что девизом детских учебных пожарных отрядов был «Один за всех, все за одного», который впоследствии стал девизом советских пионеров, а сегодня является девизом Белорусской молодежной общественной организации спасателей-пожарных. Смысл идейности юных пожарных заключался в евангельском тексте: «Больши сия любви никто-же имать, да кто душу свою положит за други своя». В воспитании выделяли четыре основных качества: дисциплина, ловкость, смелость, любовь к ближнему. В учебе пожарному делу был девиз: «Ученье свет, неученье – тьма» [10; 11].

К началу Первой мировой войны под эгидой ИРПО находилось 3600 различных организаций, команд и дружин, в рядах которых состояло более 400 тыс. пожарных добровольцев (охотников), готовых по первому зову оказать бескорыстную помощь ближнему в огненной беде. Всего белорусских губерниях в это время действовало 368 ДПО и ДПОД: в Виленской – 31, Витебской – 125, Гродненской – 38, Минской – 87, Могилевской – 87.

Важную роль в деле борьбы с огнем в истории Беларуси и оказания помощи пострадавшим от пожаров сыграли общества взаимного страхования от огня. 7 апреля 1864 г. было утверж-

дено «Положение о земском обязательном, дополнительном и добровольном страховании», способствовавшее развитию страховых обществ. В 1868 г. в г. Минске уже работали страховые агенты страховых от огня обществ: «Саламандра», Первого и Второго Российских и Санкт-Петербургского, страховая сумма которых составляла более 1,5 млн руб. Страховые общества стремились сделать страхование имущества общедоступным; оценивать его ниже действительной стоимости, чтобы его владельцы были заинтересованы в принятии противопожарных мер. Правления обществ требовали осуществления детального анализа причин возникновения пожаров и причиняемого ими ущерба, проведения расследования произошедших пожаров, установления их истинных причин. Предусматривались льготы по платежам тем клиентам, которые реализовывали противопожарные мероприятия, такие как устройство огнестойких крыш, стационарных установок пожаротушения, пожарных водоемов, наличие заводских и фабричных пожарных команд и дружин, содержание охраны и т. п.

Общества оплачивали доставку населением воды к месту пожара, субсидировали добровольные пожарные организации, выдавали ссуды на строительство пожарных депо, приобретение ими оборудования, фуража для лошадей обоза. В некоторых городах за счет средств городских страховых обществ улучшали дороги и водосточники, выдавали горожанам ссуды на приобретение огнестойких материалов, содержались артели трубочистов и команды духовых оркестров. Страховые общества освещали состояние пожарно-страхового дела в журнале «Борьба с огнем и страхование», брошюрах и специальных выпусках. С 1904 г. выходили в свет издания «Собрание Пожарных и Страховых Деятелей» и его приложение – еженедельный журнал «Друг Пожарного». Это было независимое издание, представлявшее интересы огнеборцев [4].

Государственные органы Российской империи активно делегировали функции НГО и в сфере охраны здоровья. Медицинские общества изучали санитарное состояние губерний, выясняли причины распространения инфекционных болезней, защищали профессиональные интересы своих членов, создавали справочные бюро, бесплатные амбулатории (лечебницы), курсы по уходу за больными, оказывали терапевтическую, хирургическую и стоматологическую помощь, а в годы первой Мировой войны выявляли степень распространения инфекционных болезней среди военнотружущих и сельского населения. Они также открывали и содержали библиотеки, выпускали специальную литературу в виде небольших брошюр для популяризации медицин-

ских знаний. Так, в 1878 г. Общество минских врачей разработало проекты постановлений для городской думы по улучшению гигиены жителей Минска и надзора за проституцией, рекомендации на случай появления в Минске холеры и т. д. Общество издавало сначала «Труды Общества минских врачей», а затем ежемесячные «Минские врачебные известия», в которых публиковались отчеты о результатах деятельности, научные статьи, статистические данные, таблицы распространения инфекционных заболеваний и т. д. Эти издания высылались в адрес 50 иногородних медицинских обществ. В 1900 г. по инициативе Общества минских врачей и при его активном участии в Минске была открыта первая публичная библиотека имени А. С. Пушкина (ныне – Минская областная), в 1902 г. – железнодорожная библиотека, в 1910 г. – публичная библиотека имени Л. Н. Толстого (существует и сегодня).

В начале XX в. под эгидой медицинских обществ открывались все новые частные аптеки и аптекарские магазины. Всего же на тот период в Минской губернии было 78 аптек: из них в Минске семь обычных и одна гомеопатическая. В течение года во все аптеки поступило 358 499 рецептов, за которые было выручено 150 991, 12 руб. Общий оборот за год достиг 200 527,95 руб. Средняя стоимость одного рецепта составляла 42,1 копейки. В 1913 г. на территории Беларуси действовало уже 297 аптек: 32 – в губернских городах, 63 – в 32 поветовых городах, 202 – в поветах, это означало, что на каждый повет приходилось по 5–6 аптек. На одну аптеку в Минской и Гродненской губерниях приходилось примерно 26 тыс. городских жителей (в сельской местности – до 50 тыс.), а в Могилевской губернии – до 40 тыс. в городах и до 75 тыс. в сельской местности [12].

Общественные физкультурно-спортивные объединения в конце XIX – начале XX в. сооружали спортивные площадки, стадионы, ипподромы, велотреки, организовывали соревнования по борьбе, гимнастике, тяжелой атлетике, конному, конькобежному и велосипедному спорту, спортивные игры. Общественные спасательные объединения сооружали спасательные станции, обучали жителей способам предотвращения несчастных случаев на водах, определяли места для купания, занимались спасением тонущих на водоемах.

Таким образом, в начале XX века на территории Беларуси получили активное развитие НГО, взявшие на себя многие функции государства. Заслугой НГО было значительное расширение культурно-просветительской и практической работы в экономической и социальной сферах. Приведенный исторический опыт может быть востре-

бован современным белорусским государством при реализации его основных функций. Применение исторического опыта в современных условиях позволило бы оптимизировать структуру государственного аппарата, сократить численность

государственных служащих, а главное – уменьшить бюджетные расходы и направить высвободившиеся трудовые и финансово-материальные ресурсы на обеспечение перспективных задач развития белорусского общества.

Список использованных источников

1. *Грабовский, Б. С.* Краткий очерк двадцатипятилетней деятельности Минского общества сельского хозяйства, состоящего под августейшим покровительством Его императорского величества Великого князя Владимира Александровича / Б. С. Грабовский. – Минск: Паровая типо-литогр. Х. Я. Дворжеца, 1901. – 74 с.
2. *Ямпольская, Ц. А.* Общественные организации в СССР / Ц. А. Ямпольская. – М.: Наука, 1972. – 216 с.
3. *Бацяеў, В. Ф.* Грамадскія аб'яднанні беларусаў: станаўленне і развіццё / В. Ф. Бацяеў // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 1999. – № 4. – С. 92–97.
4. *Яковчук, В. И.* Пожарная служба Беларуси: история развития: монография / В. И. Яковчук; науч. ред. Н. М. Забавский. – Минск: БГПУ, 2005. – 419 с.
5. *Щаблов, Н. Н.* Огненный крест: страницы истории пожар. Дела государства Российского / Н. Н. Щаблов, Г. А. Дюжева. – СПб.: [Б.и.], 1996. – 337 с.
6. *Бородин, Д. Н.* Значение добровольных пожарных организаций / Д. Н. Бородин. – СПб.: Тип. И. Флейтмана, 1912. – 46 с.
7. Национальный исторический архив Беларуси в г. Минск (далее – НИАБ в Минске). – Ф. 503. – О. 1. – Д. 82. Устав Минского ВПО и Инструкция членам-охотникам общества.
8. НИАБ в Минске. – Ф. 295. – Оп. 1. – Д. 6012. Нормальный Устав сельских пожарных дружин. – Л. 18.
9. НИАБ в Минске. – Ф. 295. – Оп. 1. – Д. 8116. Сведения минского полицмейстера о наличии в городе пожарных команд и ВПО. – Л. 37.
10. НИАБ в Минске. – Ф. 503. – Оп. 1. – Д. 45. Отчет о деятельности дружины Минского ВПО (1908 г.). – Л. 9.
11. Ученические отряды // Пожарное дело. – 1914. – № 19. – С. 702–703.
12. *Воложинский, В.* Минские аптеки. С XVI-го века до наших дней [Электронный ресурс] / В. Воложинский // Национальный Интернет-портал Республики Беларусь. – Минск, 2018. – Режим доступа: <https://news.tut.by/society/324977.html>. – Дата доступа: 15.10.2018.

Дата поступления: 31.10.2018.

Воронич Т. В.
Вильнюсский университет, Вильнюс

Voronich T.
Vilnius university, Vilnius

УДК 94(476)“18/19”

ПРОСТРАНСТВО И ТЕРРИТОРИЯ ГУБЕРНСКОГО ГОРОДА ГРОДНО ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА¹

SPACE AND TERRITORY OF THE GOVERNMENT CITY OF GRODNO IN THE SECOND HALF XIX – THE BEGINNING OF THE XX CENTURIES

В статье сделана попытка исследовать социальное зонирование города, выделить селитебные зоны высшего и среднего класса горожан, а также социально неблагополучные районы, показать административный и деловой центры города, определить фабрично-заводские районы. Делается вывод о сегрегационной политике городских властей в отношении малоимущих и неимущих слоев горожан, отмечается негативная роль политики российских властей по насаждению в городах воинских подразделений, что значительно деформировало развитие городской территории и пространства. Также отмечается, что в данный период происходило расширение и смещение городского центра с площади на улицы. Основной тенденцией становится стремление горожан к уединению и комфорту в городской жизни при сохранении своего места проживания в центре города. Тенденцией становится стремление горожан к уединению и комфорту в городской жизни.

¹ Текст подготовлен в рамках исследовательского проекта «Экология и санитарно-гигиеническая система Вильно, Ковно и Гродно в контекстах модернизации европейских городов в 1870–1914 годах», выполняемого при поддержке Научного совета Литвы по программе «Модерновость в Литве» (Modernybė Lietuvoje). Проект № S-MOD-17-9.

Ключевые слова: город; пространство; территория; селитебная зона; фабрично-заводские районы; вторая половина XIX – начало XX в.; Гродно; сегрегация.

An attempt was made to explore the social zoning of the city, to identify residential areas of the upper and middle class citizens, as well as socially disadvantaged areas, to show the administrative and business centers of the city, to determine the factory areas. The conclusion is made about the segregation policy of the city authorities in relation to the few and underprivileged citizens, there is a negative role of the policy of the Russian authorities in planting military units in the cities, which significantly distorted the development of the urban area and space. It is also noted that during this period there was an expansion and shift of the city center from square to street. The main trend is the desire of citizens to privacy and comfort in urban life while maintaining their place of residence in the city center. The tendency of citizens to seek solitude and comfort in urban life.

Keywords: city; space; territory; residential area; factory districts; the second half of the XIXth – beginning of the XXth centuries; Grodno; segregation.

Когда мы говорим про территорию города, то имеем в виду полностью объективные моменты – официально признанные границы города, определенные на карте его контуры, административно определенные границы районов, а также определенные социально-функциональные и приватные зоны. Но город является и результатом коммуникации определенных групп его жителей, что и формирует неповторимое пространство города. Изучая городское пространство, исследователи сталкиваются с целым рядом проблем, связанных прежде всего с определением такого понятия, как «городское пространство». Дефиниции «город» и «пространство» принадлежат к таким, которые не имеют единого универсального определения и трактуются в зависимости от исследовательской цели, выбранного подхода либо вообще от научной отрасли, в рамках которой и рассматривается названная проблематика. По мнению российского социолога А. Ф. Филиппова, следует различать три основных понимания пространства: 1) пространство как взаимодействие социальных акторов, 2) социальное пространство как порядок социальных позиций, 3) пространство как вмещилище тел [1]. В большинстве случаев данные аспекты не разграничиваются, а, наоборот, переплетаются. В нашем исследовании предлагается использовать толкование пространства как совокупности физических объектов.

По данным 1861 г. в Гродно проживал 20 241 житель (мужского пола – 11 345, женского – 8896) [2, с. 3]. В 1904 г. в городе уже насчитывалось (без учета военного гарнизона) 43 767 человек (21 767 мужчин и 21 700 женщин) [3, с. 65].

В 1910 г. в городе проживало (без учета военного гарнизона) 49 707 человек (25 469 мужчин и 24 238 женщин) [4, с. 75]. Численность войск достигла 16 800 человек, что составило 25 % от общей численности жителей города. В Гродно размещался самый большой по численности гарнизон по сравнению с Вильней, Минском, Витебском и Могилевом. Таким образом, численность

населения Гродно увеличилась с 1861 по 1910 гг. в 3,3 раза.

Интенсивный рост города начался с 60-х гг. XIX в. после реформы 1861 г. и проведения через Гродно Петербургско-Варшавской железной дороги в 1862 г. [5, с. 12] В 1880 г. площадь города составляла 6,09 км², к 1912 г. она увеличилась до 7,22 км². Территория города увеличилась примерно на 19 %.

В 1875 г. в северном направлении к городу был присоединен новый район, получивший название «Новый свет». Первые постройки здесь появляются еще в 1770-х гг. при королевском подскарбии Антони Тизенгаузе, развернувшем грандиозное строительство на Городнице. По-настоящему «Новый свет» начал развиваться только с конца XIX в., постепенно приобретая свои неповторимые черты и уникальность. Район рос, формируя свою сеть улиц, главным образом за счет земель имения Друцких-Любецких [6, с. 4]. Лучшей частью Гродно, по мнению П. Бобровского, была именно Городница, «где обширная Губернаторская площадь застроена зданиями новейшей архитектуры, за которыми простирается широкая полоса садов: Губернаторского, князя Четвертинского, Мироновича, Круповича, Архирейский, помещика Якимовича, называемый Заверщизна, Каминского. В других местах города, построенного довольно тесно, находятся еще сады: Лозовицкого, Немчиновской и Денисевича» [7, с. 776].

В 1859 г. «внутреннее устройство» города, по замечанию П. Бобровского, «далеко не удовлетворяло всем условиям выгодного положения и даже не соответствовало его красивой обстановке» [7, с. 793]. По описанию П. Бобровского, «за исключением Замоквой, Доминиканской и Роскошской улицы, которые довольно правильны, благовидны и обстроены хорошими зданиями, все прочие кривы, узки и тесно застроены безобразными еврейскими домами или, правильнее, лачужками. В некоторых местах, населенных преимущественно евреями, дома расположены

до того беспорядочно, что улиц почти вовсе нет, не говоря уже о площадях, садах и огородах.

В последние годы Гродно украсился разными общественными сооружениями. На Мостовой улице, близ спуска к переправе через Неман, окончены казармы батальона внутренней стражи. Это одно из лучших зданий в Гродно, как по обширности, так и по чистоте отделки. На улице Роскошь на месте безобразного и полуразрушенного каменного дома отстроен красивый, двухэтажный каменный дом Фрумкина под Окружную лечебницу» [7, с. 794–795].

К 1880 г. в составе города появился новый огромный район между железнодорожным полотном и Скидельской заставой, застроенный артиллерийскими казармами. Вплоть до 1892 г. границы города не менялись. Еще один квартал, заполненный военными зданиями, появился к 1912 г. на севере за «Новым светом» – это район казарм Саперного батальона. Рост города происходил преимущественно не естественным путем, не за счет расширения застройки за пределы городской черты, не за счет включения в город прилегающих предместий и деревень, а за счет административного создания военных кварталов, заполненных казармами войск российской армии. Подобное вмешательство в развитие города деформировало его территориальную структуру, ограничивало возможности роста городской территории. Дальнейший рост города за полотном железной дороги был остановлен. Не природные барьеры и железнодорожное полотно не позволили расти городу, осваивать новые территории за железной дорогой, как утверждает Ю. Н. Кишик, а именно военные казармы российской армии, занимавшие огромные площади городской территории, преодолеть которые жилая застройка, действительно, была не в состоянии.

Фактически территория города на юго-восток за полотном железной дороги, за исключением районов, прилегающих к реке Неману, оказалась заполнена военными зданиями и объектам: это здания воинских казарм 102 пехотного вятского полка, 26 артиллерийской бригады, военные склады и т. д. Данная территория стала в определенной степени мертвой зоной для городского развития и формирования именно специфического городского пространства. В черте города оказались огромные районы, заполненные военными объектами. К этому необходимо добавить казармы, расположенные по всему городу – на Загородной слободе, на Полицейской улице, казармы, расположенные в частных квартирах и домах. Самым масштабным был комплекс казарм на Мостовой улице. Под казармы были оборудованы здания кармелитского монастыря, в середине XIX в. построены огромные губернские

казармы, определившие внешний облик не только улицы, но и всего города. К 1912 г. военные объекты города занимали примерно 8–10 % всей площади города.

Военные оказывали негативное влияние не только на формирование городской территории, но и на само городское пространство, создавая специфические криминализованные районы. Расположение многочисленных воинских подразделений стимулировало развитие проституции в городе. Кроме того, само военное командование инициировало для удовлетворения естественных физиологических потребностей солдат создание борделей в городе. Районы вокруг борделей, предназначенных для солдатской клиентуры, оказывались сегрегированными горожанами в городском пространстве: это были неблагоприятные и опасные территории, жилье в этих районах обесценивалось. Учитывая достаточно плотную застройку Гродно, горожане не имели возможности полностью изолироваться от этих районов и вынуждены были проживать рядом с домами терпимости [8, с. 284–286].

Одним из самых интересных вопросов является определение социального районирования города, в частности зон проживания различных групп городского населения. Данные на сегодняшний день крайне малочисленны и фрагментарны. Для анализа были использованы сведения, содержащиеся в «Алфавитных указателях» Памятных книжек Гродненской губернии на 1881 и 1913 гг. [9, с. 167–224; 10, с. 341–384]. К сожалению, имеются сведения об адресах лишь отдельных категорий служащих гражданского и военного ведомств, включая медицинских работников и сотрудников сферы образования. Однако анализ этого материал позволяет сделать определенные выводы.

По данным 1881 г. основная жилая зона сформировалась в северо-восточном направлении от Парадной, главной площади города. Район наиболее компактного проживания был обозначен улицами Соборная, Садовая, Софийская и Татарская. Наиболее густозаселенными были Соборная улица, на которой проживало 8,3 %, Садовая – 8,6 %, Купеческая – 7,3 %, Городничанская – 5,5 % всех служащих, указанных в Алфавитном указателе Памятной книжки Гродненской губернии на 1881 год.

К 1912 г. обозначилось плавное расширение жилой зоны в северо-восточном направлении. Главным районом заселения стал «Новый свет». На Грандичской, Николаевской, Пушкинской, Суворовской, Саперной, Садовой, Северной улицах, Яковом проспекте, Кирочном переулке проживало 16,6 % служащих. Вместе с тем уменьшилась численность горожан исследуемой

категории на Соборной улице (2,8 %), Муравьевской (Садовой) (5,2 %) Свои позиции сохранила Купеческая улица (6,3 %), а на Полицейской численность горожан даже увеличилась – с 4 % до 7,3 %. Плотное заселение сохранилось внутри района на улицах, параллельных Соборной: Коложанской, Палатской, Городничанской, Банковой (Гороховой).

Адреса проживания служащих города дают представление о формировании селитебной зоны высшего и среднего класса.

Бедные районы формировались на окраинах Гродно. В начале XX в. вокруг города вне городской черты появилось значительное количество построек, которые стали «неразрывным продолжением» городских улиц». Так, в конце Скидельской, Саперной, Грандзичской, Александровской, Станиславовской, Белостокской, Иерусалимской улиц и Хлебной пристани в течение нескольких лет к 1909 г. было построено 146 домов, в которых проживало 1213 человек [11, л. 1]. Наибольшее количество домов – 61 – было возведено на Иерусалимской улице, где возник целый поселок под названием «Новое селение». Все эти районы были заселены «исключительно рабочими, ремесленниками и вообще бедным городским людом разных профессий». В социальном отношении эти районы были крайне нестабильными и требовали усиленного контроля со стороны органов правопорядка. В рапорте гродненского полицейского управления указывалось: «По характеру своему и нравственным качествам почти все это население требует за собою особо бдительно надзора со стороны полиции» [11, л. 1].

Неблагополучные жилые районы города формировались как на окраинах города, так и в его центральной исторической части. Одним из таких районов была территория исторически сформировавшейся застройки на правом берегу Городничанки под названием «Школьный двор», где проживала еврейская беднота. В августе 1884 г. в результате санитарного осмотра этой местности было зафиксировано: «Вся местность < ... > найдена в дурном состоянии. Воздух невыносимый, собственно чрез скученность населения, тесноту дворов и неимение отхожих мест» [12, л. 34]. В криминальном отношении этот район был не менее небезопасен, нежели окраины города.

Анализ адресов городских зданий, в которых располагались административные органы управления гражданского и военного ведомств, торгово-промышленные, финансово-кредитные, религиозные предприятия, а также учреждения здравоохранения, культуры, образования и медицины, позволяют определить общественную нагрузку различных районов города. По данным

1881 г. в Гродно находилось 167 подобных объектов, в 1913 г. – уже 332 [13; 14].

По данным 1881 г. главная общественная нагрузка приходилась на Полицейскую улицу – здесь было сосредоточено 11,4 % всех объектов, Купеческую – 10,8 %, Замковую 10,2 %, Соборную – 6 % и две площади: Парадную 6 % и Дворцовую 10,2 % [13]. Если следовать метафоре Инны Соркиной, что на Парадной площади билось сердце Гродно [15, с. 57], то на Дворцовой находился мозг города и губернии – именно здесь были сосредоточены губернские административные учреждения.

К 1913 г. количество общественных зданий на Купеческой и Полицейской улицах сократилось до 5,9 % и 2,5 % соответственно. На Парадной площади оно сократилось до 4,6 %, на Дворцовой – до 5,3 %. Вместе с тем значительно выросла их численность на Соборной (10,2 %) и Муравьевской (9,6 %) [14].

Центр общественной жизни переместился с магистральной улицы Купеческой на Муравьевскую и Соборную, обеспечивавшие связь между ж/д вокзалом и центром города.

Сопоставив данные по размещению общественных объектов и жилых зон, прослеживается закономерность. С увеличением общественной нагрузки на район уменьшается его жилая зона, формируется тенденция заселения городской территории – стремление горожан к уединению, сохраняя центральное расположение в городе. Поэтому уменьшается жилая зона на улицах, где увеличивается количество общественных объектов, создающих определенный дискомфорт для повседневной жизни, и сохраняется плотность жилой зоны во внутренних кварталах города, находящихся вблизи центра, но в то же время и отделенных от него главными улицами.

Исключение составляет Замковая улица, на которой сократилась как общественная нагрузка, так и жилая зона. Но это было связано с удалением центра города от данной улицы.

Парадная площадь, к которой примыкала Замковая улица, теряет свои позиции центра. Происходит смещение центра на улицы города, а именно Соборную. В 1903 г. Соборная улица занимала первое место в городе по количеству расположенных на ней промышленных, торговых и финансовых учреждений. Здесь располагались одна фабрика бандажей и перчаток, две меняльных лавки, четыре гостиницы из пяти имевшихся в городе, в том числе «Европейская», «Московская», «Славянская», 28 торгово-промышленных заведений и пр. Всего же на улице располагалось 46 (26,6 %) объектов торгово-промышленного и финансового значения. На Парадной площади (вместе с Биржевой площадью, расположенной

южнее и отделенной от Парадной площади лавками и Гостиным двором) в это же время действовало 38 (22 %) аналогичных объектов. Высокая концентрация коммерческих предприятий на Парадной площади объяснялась в значительной степени и наличием Гостиного двора, в котором было указано 13 торгово-промышленных заведений. Ни одной гостиницы на Парадной площади не было [16, с. 319].

Поэтому можно не согласиться с выводами о том, что Парадная площадь и в конце XIX – начале XX в. оставалась сердцем Гродно. Городские площади в рассматриваемый период перестают выполнять роль центра городов. С развитием сети торговых заведений, общепита, учреждений бытового и культурного обслуживания горожан, жизнь с площадей перемещается на улицы городов.

Парадная площадь сохранила и по сегодняшний день сохраняет сильную эмоциональную нагрузку, связанную с трагической судьбой расположенного на ней в тот период монументального культового сооружения Фары Витовта. С секуляризацией общества религиозные учреждения перестают выполнять объединительную роль городского пространства в городах.

По данным 1881 г. в Гродно функционировало 84 управленческо-административных учреждения различных ведомств [13]. Все они были расположены на правобережной части города на северо-западе от полотна железной дороги. Основная масса учреждений была сосредоточена на Замковой (9,5 %), Купеческой (10,7 %), Полицейской (20,2 %) улицах и Дворцовой площади (14,3 %). На Дворцовой площади находились учреждения губернской администрации. В том числе здесь располагались дом губернатора и губернское правление. На Купеческой улице главным образом размещались органы городского управления – Городская управа, сиротский суд, мещанская управа, ремесленная управа, санитарная комиссия, а также два военных штаба (штаб 26-й пехотной дивизии и штаб 101-го пехотного пермского полка), управление гродненского благочинного и губернское акцизное управление. На Полицейской улице располагалось 17 административных учреждений губернского и уездного уровня Министерства внутренних дел, а также Министерства финансов, Министерства юстиции, военного ведомства и пр.

К 1913 г. в Гродно уже было 122 административных учреждения [14]. Замковая, Купеческая и Полицейская практически полностью потеряли свой статус административных улиц. Доля всех управленческих структур города на этих улицах сократилась до 2,5 % на Замковой и до 1,6 % – на Купеческой и Полицейской. Городские адми-

нистративные органы управления – городская управа, сиротский суд и городское полицейское управление – переехали на Колокольный переулок. Дворцовая же площадь сохранила свой статус центра губернских учреждений города, хотя их доля немного и уменьшилась – до 11,5 %.

Если в 1880-е гг. административный район города находился на Полицейской и Купеческой улицах, то к 1913 г. значительная часть управленческих структур переместилась на север города, на ул. Муравьева, за р. Городничанку, на Новый свет. Здесь в 1913 г. находилось 45,1 % (вместе с учреждениями, расположенными на Дворцовой площади) всех административных структур города. В этом районе своим административным статусом выделялись Кирочный переулок (9 %) и улица Муравьева (16,4 %).

Несмотря на значительное количество административных учреждений в пределах одного района города, они были равномерно рассредоточены по его улицам, за исключением двух выше-названных – Кирочной и Муравьева. А потому не создавали особенно сильной общественной нагрузки на улицы этого района, сохраняя их привлекательность для заселения горожанами.

В указателе Гродно на 1881 г. были представлены сведения о 21-й типографии, фабрике и заводе, которые, по мнению составителей Памятной книжки, были признаны самыми крупными и значимыми в городе [13]. Эти немногочисленные предприятия были расположены практически во всех частях города. Но наибольшая концентрация предприятий наблюдалась в двух районах.

Первый из них – это Занеманский форштадт в левобережной части города, где находилось 28,6 % всех предприятий. Форштадт сохранил тенденцию формирования как промышленного района города и в последующие годы. В 1903 г. по данным справочника «Вся Россия» здесь также было сконцентрировано 29,2 % всех предприятий города [16].

Второй промышленный район сформировался в правобережной части города – на пространстве между берегом Немана и Парадной площадью. Здесь, на Замковой, Мостовой, Мещанской и Огородной улицах, находилось 20,8 % всех предприятий. Тяготение предприятий именно к этому району объясняется близостью Немана, который выступал источником водных ресурсов и одновременно водной транспортной артерией, а также близостью центральной городской площади города Парадной и переправы через Неман.

За 1913 г. в Гродно указано 29 предприятий [14]. В городе сохранились те же два промышленных района: в Занеманском форштадте – 6,9 % (снижение доли этого района обусловлено тем, что в указателе не были отражены все действу-

ющие предприятия) и в центре – на Огородной и Мостовой – 13,7 % всех предприятий, а также обозначилось формирование третьего района на северо-западной окраине города за Загородной слободой, где было построено несколько кирпичных заводов, усилилось промышленное значение Полицейской (6,9 %), Почтовой (6,9 %) и Соборной (13,8 %) улиц за счет появления на них типо-литографий.

К 1915 г. крупнейшие фабрики и заводы Гродно в размещались либо на границах города, на свободных от жилой застройки территориях, формируя фабрично-заводские окраины, либо тяготели к источникам сырья и воды, а также транспортным коммуникациям, прежде всего к железной дороге [17, с. 93–94].

Большинство из 19 предприятий, отмеченных в «Указателе города Гродны» на 1915 г., располагалось на окраинных улицах и районах – Рыбацкой слободе, Загородной слободе, Заводской улице, Занеманском форштадте, вблизи железной дороги – на улице графа Муравьева, на Артиллерийской и т. д.

Три крупнейших кирпичных завода Бадильке, Гинзбурга и Аркина в 1915 г. располагались рядом с запасами глины на Загородной слободе. В непосредственной близости от железнодорожного полотна на пересечении ул. Артиллерийской и Пороховой в 1905 г. открылся чугунно-литейный завод «Файнгольд и К^о», изготовлявший конные приводы, молотилки, памятники и т. д. [18, с. 165–166].

В непосредственной близости от Немана были расположены пивоваренный завод Кунца (на ул. Огородной), лесопильный завод И. Соловейчика (Рыбацкая слобода).

Примером сформировавшегося фабрично-заводского района может быть Занеманский форштадт. Свободные территории, близость Немана и переправы через реку благоприятствовали здесь развитию промышленности во второй половине XIX – начале XX в. Фактически район формировался как типичная заводская окраина города, неблагоустроенный, с неразвитой городской инфраструктурой [19, с. 210–221].

В 1881 г. в Гродно было зафиксировано 20 торгово-финансовых предприятий [13]. Центр коммерческой жизни находился на Парадной площади, где размещалось 15 % всех предприятий, и нескольких прилегающих к ней улицах: Замковой (10 %), Мостовой (10 %), Купеческой (20 %), Соборной (15 %), Садовой (Муравьева) (10 %) и Дворцовой площади (10 %). Если для промышленных предприятий было характерно размещение все же на окраинных районах города и возле транспортных магистралей, торговые заведения располагались среди жилых кварта-

лов с тенденцией тяготения к центру, то финансовые учреждения размещались исключительно на центральных улицах города. Так, в 1903 г. все указанные финансовые учреждения по данным справочника «Вся Россия» находились на улице Муравьева, на Соборной, Палатской, Городничанской, Банковой, Полевой улицах и Парадной площади [16, с. 319].

В 1913 г. в Гродно действовало уже 59 торгово-финансовых учреждений [14]. К этому моменту четко обозначилось смещение делового центра города с Парадной площади на Соборную улицу. На Парадной площади вместе с Биржевой находилось 11,9 % всех торгово-финансовых предприятий города, в то время как на Соборной – 25,4 %.

Важным является рассмотреть локализацию социально значимых объектов – адреса медицинских учреждений, в том числе медперсонала, благотворительных заведений, учреждений образования и культуры.

По данным на 1913 г. в Гродно было зафиксировано 39 адресов акушерок, вольнопрактикующих врачей, медицинских и благотворительных учреждений (лечебниц и приютов) [14].

Большая часть адресов акушерок и врачей (93 %) была локализована исключительно в центральной части города на главных его улицах, в том числе на Городничанской улице – 13,8 %, на Купеческой – 13,8 %, на Соборной – 10,3 %. При этом из 29 адресов акушерок и врачей 93 % были сконцентрированы исключительно в центральной части Гродно на его главных улицах. За пределами центра находилось всего лишь два адреса – на Белостокской улице в Занеманской части города и на Северной улице в Новом свете. Фактически адреса врачей и акушерок располагались в селитебной части города. Медицинские работники проживали и работали в непосредственной близости со своими пациентами.

Локализация 10 адресов медицинских и благотворительных учреждений была гораздо более обширная и охватывала более широкое пространство города. На Садовой улице находились больница и приют Гродненского благотворительного общества (далее – ГБО). На центральной Замковой находилась частная глазная лечебница, в здании Нового замка на Замковой улице был расположен военный госпиталь. Еврейские медицинские и благотворительные заведения располагались в районе исторически сложившейся еврейской застройки и за полотном железной дороги (Талмуд-тора, приют). Фельдшерская школа была размещена на Александровской улице. Окружная лечебница, которая в 1880 г. находилась на Садовой улице, к 1913 г. была удалена от центра и располагалась на Грандзичской улице.

В расположении медицинских и благотворительных учреждений четко прослеживается сегрегационная политика городских властей. В центре города располагались частные медицинские заведения, а также благотворительные и медучреждения ГБО, членами которого были высшие слои гродненского общества. Социально же значимые для малоимущих и неимущих слоев населения учреждения были вынесены за пределы центра города, располагались на его окраинах.

В расположении учреждений культуры – книжных магазинов, библиотек, клубов, театров, фотоателье – прослеживается четкая тенденция тяготения этих заведений к центральным, главным улицам и площадям города. Из 27 учреждений – 66,7 % располагались на Замковой, Городничанской, Ивановской, Купеческой, Мещанской, Мостовой улицах, улице гр. Муравьева, Парадной, Сенной, Акцизной и Дворцовой площадях. В том числе на Замковой улице располагался Клуб военного собрания, на Мостовой – Клуб собрания чиновников, на Парадной площади – Клуб гражданского благородного собрания. На Соборной улице находилось 22,2 % всех данных заведений – это театр Люкс, три частных фотоателье, четыре книжных магазина. Главными потребителями учреждений культуры города начала XX в. были состоятельные слои горожан, те, у кого были средства посещать театры и клубы, покупать книги. А потому и заведения эти для удобства и привлечения своих клиентов располагались в центре города, в зоне их проживания.

Учреждения образования были разбросаны по всему городу, однако прослеживается определенная тенденция. Прежде всего на центральных улицах города размещались частные и средние учебные заведения, учениками которых были

дети из состоятельных семей. На Замковой располагалось частное еврейское женское училище Тамариной, на ул. Муравьева – женская и частная мужская гимназии, на Соборной – классическая гимназия, на Полицейской – частная женская гимназия. Исключение составляло реальное училище, расположенное на Саперной улице. Там же находилась и Дирекция народных училищ.

Из 25 всех учебных заведений города примерно одна треть (все начальные) располагалась на окраинных или удаленных от центра улицах – на Иерусалимской, Индурской, Подольной, Тарарской улицах, Кирочном переулке.

В расположении учебных заведений, которые были рассчитаны на средние и низшие слои горожан, четко проявляется сегрегационная политика городских властей. Учебные заведения, как и медицинские, социально значимые для малоимущих и неимущих слоев горожан, располагались на окраинах города.

Таким образом, в рассматриваемый период политика российских властей по насаждению в городах воинских подразделений, значительно деформировала развитие городской территории и пространства. В данный период происходит расширение и смещение городского центра с площади на улицы. В Гродно центральным местом становится Соборная улица. Также произошло значительное изменение селитебной зоны Гродно. Горожане активно заселяют новый район города «Новый свет». Тенденцией становится стремление горожан к уединению и комфорту в городской жизни. Также в городе проводилась четкая сегрегационная политика в отношении мало- и неимущих слоев горожан, что нашло отражение в размещении социально-значимых объектов на удалении от центра города либо на его окраинах.

Список использованных источников

1. Територіальний та просторовий виміри міста // Соціологія міста. Навчальний посібник. – Донецьк, 2010. – С. 93–128.
2. Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861–1862 г. Материалы для составления предположений об улучшении общественного управления в городах. Ч. 1, 1 т. Раздел XI. Гродненская губерния. – СПб.: В тип. К. Вульфа, 1863. – С. 3.
3. Города России в 1904 году. – СПб.: Типо-лит. Ныркина, 1906. – С. 65.
4. Города России в 1910 году. – СПб.: Типо-лит. Ныркина, 1914. – С. 75.
5. Кудряшев, В. И. Архитектура города Гродно (исследование развития архитектуры города с XII по XX век): автореф. дис. ... канд. искусствоведения / В. И. Кудряшев. – М., 1960. – С. 12.
6. Чернякевич, А. «Новый Свет» и его окрестности / А. Чернякевич; при участии И. Трусова. – Минск: Лимариус, 2009. – С. 4.
7. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Гродненская губерния. Составил Член-сотрудник Императорского русского географического общества Генерального штаба подполковник П. Бобровский. Часть вторая. – СПб.: В типографии Иосифата Огризко, 1863. – С. 776.
8. Вароніч, Т. Город и проституція: из истории повседневности Гродно (вторая половина XIX – начало XX в. Гарадзенскі палімпсест. 2011. Асоба, грамадства, дзяржава. XV–XX стст. / пад рэд. А. Ф. Смаленчука, Н. У. Сліж. – Мінск: Зміцер Колас, 2012. – С. 284–286.

9. Памятная книжка Гродненской губернии на 1881 год. Адрес-календарь и статистическо-справочные сведения. – Гродно: Тип. губерн. правления, 1880. – С. 167–224.
10. Адрес-календарь и справочная книжка Гродненской губернии на 1913 год. – Гродна: Губерн. тип., 1912. – С. 341–384.
11. Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно. – Ф. 2. – О. 25. – Д. 2033. – Л. 1.
12. Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно. – Ф. 9. – О. 3. – Д. 177. – Л. 34.
13. Указатель города Гродны // Памятная книжка Гродненской губернии на 1881 год. Адрес-календарь и статистическо-справочные сведения. – Гродна: Тип. губерн. правления, 1880. – С. 1–12.
14. Указатель города Гродны // Адрес-календарь и справочная книжка Гродненской губернии на 1913 год. – Гродна: Губерн. тип., 1912. – С. 85–96.
15. *Соркіна, І.* Сацыяльная тапаграфія Параднай (Саборнай) плошчы ў канцы XIX – пачатку XX ст. / І. Соркіна // *Гарадзенскі гадавік*. – 2012. – № 1. – С. 50–65.
16. *Вся Россия*. На 1903 год. Русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации. Адрес-Календарь Российской империи. Издание А. С. Суворина. 1902. – М.: Тип. А. С. Суворина, 1902. – С. 319.
17. Указатель города Гродны // Адрес-календарь и справочная книжка Гродненской губернии на 1915 год. – Гродна: Губерн. тип., 1915. – С. 93–94.
18. *Вашкевіч, А.* На гродзенскім бруку / А. Вашкевіч, В. Саяпін. – Гродна: «ЮрСаПрынт», 2016. – С. 165–166.
19. *Вашкевіч, А.* Занёманскі Фарштат Гродна ў XIX – першай палове XX ст: эвалюцыя гарадской прасторы / А. Вашкевіч, А. Чарнякевіч // *Гарадзенскі палімпсест 2012. Людзі даўняй Гародні. XV–XX стст.* / пад рэд. А. Смалянчука, Н. У. Сліж. – Гродна, 2012. – С. 210–221.

Дата поступления: 20.11.2018.

РАЗДЕЛ 4. КОНФЛИКТ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ: ИДЕНТИЧНОСТИ И КУЛЬТУРА ЭЛИТ И НАСЕЛЕНИЯ БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ

Гурченко А. И.

Белорусский государственный университет культуры и искусств, Минск

Gurchenko A. I.

Belarusian State University of Culture and Arts, Republic of Belarus, Minsk

УДК 398(4)(091)+7.031.2(4)

ОСМЫСЛЕНИЕ ФОЛЬКЛОРА В ИСТОРИИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ «ДОЛГОГО XIX ВЕКА»

COMPREHENSION OF FOLKLORE IN THE HISTORY OF ARTISTIC CULTURE «LONG XIX CENTURY»

В статье анализируется специфика «долгого XIX века» как исторического периода в истории осмысления фольклора, который начался зарождением интереса к традиционной народной культуре на волне идей предромантизма и закончился в преддверии формирования советской эстетики с ее отношением к фольклору, определившей развитие данного художественного явления на долгие десятилетия вперед.

Ключевые слова: осмысление фольклора; история художественной культуры.

The article analyses specific features of the «Long 19th century» as a historical period in the history of folklore comprehension, which began with the emergence of interest in traditional folk culture on the wave of pre-romantic ideas and ended on the threshold of the formation of soviet aesthetics with its attitude to folklore that determined the development of this artistic phenomenon for many decades forward.

Keywords: comprehension of folklore; history of artistic culture.

Нестабильный, противоречивый и перенасыщенный всевозможными конфликтами современный мир побуждает к поиску и осмыслению социокультурных механизмов, благодаря которым возможно хотя бы частично преодолеть, нивелировать напряженность актуальной ситуации. Одним из такого рода регуляторов может выступить феномен традиционной народной культуры. Более того, востребованность и злободневность вопросов, связанных с осмыслением фольклора, во многом обусловлены той миссией, которую выполняет наследие наших предков в современной культуре, а именно обеспечение межпоколенной преемственности, сохранение социокультурной стабильности, формирование и укрепление национального самосознания. В этой связи актуальным является обращение к вопросам осмысления фольклора в разные исторические периоды развития общества.

Особый научный и общественный интерес к традиционному народному творчеству в художественной культуре Европы проявлялся во второй половине XVIII в. В научной литературе данного исторического периода в указанном контексте использовались категории «народное» и

«национальное», которые понимались как тождественные. Что же касается термина «фольклор» (от англ. *folk-lore* – народная мудрость), то в научный оборот он был введен английским археологом У. Д. Томсом лишь в 1846 г.

Впервые теоретическая разработка концепции народности искусства была предпринята предромантиками (Дж. Вико, И. Г. Гаман, И. Г. Гердер, В. фон Гумбольд и др.), которые выдвинули идею создания новой национальной культуры. Аристократическому искусству с его ложной возвышенностью представители предромантизма противопоставили правду простых человеческих переживаний, отражение которых они находили в понятной массам традиционной народной культуре. Носителями национального они видели народ, жизнь которого (история, обычаи, нравы, язык) трактовали как источник и цель искусства. Так, немецкий философ и член литературного движения «Буря и натиск» И. Г. Гердер рассматривал фольклор как основу интеллектуальности и духовности человека, как фундамент национальной культуры. И. Г. Гердер был одним из первых, кто попытался обосновать значение народа и традиционного народного творчества

в процессе развития искусства. Учение философа о «духе народа», который и является критерием ценности искусства, находится у истоков фольклористики как науки. И. Г. Гердер был страстным пропагандистом и собирателем фольклора. Собственным примером он призывал современников изучать и бережно относиться к традиционному народному творчеству. В этой связи нельзя не отметить сборник «Голоса народов в песнях» (1778–1779 гг.), в котором наряду с обработками текстов песен разных народов И. Г. Гердером были включены авторские поэтические произведения, в чем современные исследователи видят заявленную автором сборника идею о неразрывной связи народного творчества и «высокого» академического искусства [1]. Также нельзя не отметить тот факт, что именно И. Г. Гердером было введено в оборот понятие «народная песня», сущность которого им еще не была четко определена. В своих работах мыслитель трактовал его по-разному – как отражение народного характера, как сферу традиционного народного творчества, как памятник средневековой культуры и т. д. Нельзя также не подчеркнуть, что взгляды философа оказали колоссальное влияние на идеи европейских и русских мыслителей относительно осмысления фольклора как явления культуры.

Вопросы народного в искусстве поднимались и русскими предромантиками, мировоззренческая основа которых строилась на активизации национального самосознания и патриотических настроений, стремлении осознать особенность национальной жизни и познать сущность славяно-русской духовности. Так, понятие «духа народного» как «привязанности к нашему особенному» было введено в работах Н. Карамзина, в чем современные исследователи видят аналогию его значения для русской науки и культуры с ролью И. Г. Гердера в немецкой философии и литературе [2]. Более того, И. Г. Гердер, по меткому замечанию Е. Жуковой, довольно органично сочетавший в себе талант философа и религиозного мыслителя, поэта и историка культуры, этнографа и фольклориста, помимо Н. Карамзина оказал большое влияние на многих русских мыслителей данного исторического периода (М. Державина, А. Радищева и др.) [3].

Предромантики декларировали особый тип отношения к миру, а именно осознание действительности с точки зрения историзма, социальности, народности и национальной самобытности. Именно ими был стимулирован интерес общественности к национальной истории, мифологии и фольклору. Так, ко второй половине XVIII в. относятся публикации первых опытов описания и изучения русской традиционной народной культуры. Как подчеркивает Ю. Келдыш, начи-

ная с 1760-х гг. на страницах популярных журналов и альманахов, рассчитанных на массового читателя, начали публиковаться тексты русских народных песен, сказок, пословиц и поговорок [4, с. 219]. Кроме того, большой популярностью у читателей пользовались первые сборники русских народных песен (М. Чулкова, В. Трутовского и др.). Однако, как подчеркивает Ю. Келдыш, публикации данного периода в полной мере не отражали специфику русской традиционной народной культуры в связи с тем, что материалы были представлены в обработке, и их фиксация велась не от аутентичных исполнителей, а из «вторых рук». Что же касается изучения фольклора непосредственно из уст носителей традиции, то данный метод исследования станет характерен лишь для середины XIX в.

В этой связи нельзя не отметить публикацию русских народных песен Н. Львова в гармонизации И. Прача «Собрание народных песен с их голосами» (1790 г.). Этот сборник по праву считается изданием, которое дало толчок зарождению русской фольклористики как науки. Но, не смотря на значимость данной публикации, которая еще при жизни автора претерпела не одно переиздание, нельзя не подчеркнуть, что материалы в нем представлены не в аутентичном виде, а в обработке и гармонизации, рассчитанной, по всей видимости, на клавирное сопровождение и предназначенной для городского домашнего музицирования [4, с. 246, 250].

Концепция народности искусства была развита в идеях романтиков, которые, разочаровавшись в настоящем, видели свою духовную опору в прошлом. Особый интерес к прошлому объяснялся романтиками тем, что в их понимании личность может чувствовать себя уверенной только в том случае, если она ощутит себя частью народного целого или продолжительного исторического процесса. Романтики обосновали принцип историзма в искусстве, предполагающий восприятие мира в движении, в развитии. Согласно данному принципу, внимание романтиков было сосредоточено на национальном прошлом, национальной истории, укладе жизни.

Вкус к экзотике, под которой понималась любая культура, не совпадавшая с господствовавшими в XVII–XVIII вв. представлениями об античной классике, стал характерной чертой романтизма [5]. В этой связи едва ли не самым экзотичным романтикам виделось собственное прошлое, а именно традиционная народная культура. Фольклор для романтиков стал основой национального колорита, без которого они искусство не представляли. Главным признаком истинного искусства они называли народность. В их понимании народ воплощал нетронутую добродетель,

а язык, сказки, песни, обычаи осознавались как правдивое выражение его души.

Под воздействием идей романтизма в европейских странах возник большой общественный интерес к национальному фольклору, который привел к активизации собирательской и исследовательской деятельности. Так, в редакции немецких поэтов и членов кружка романтиков из Гейдельберга А. Арнима и К. Брентано в 1805 г. был подготовлен и позднее издан сборник текстов песен «Волшебный рог мальчика. Старинные немецкие пени», который включал как обработки текстов немецких народных песен, так и авторские поэтические произведения. Более 700 собранных текстов были художественно обработаны авторами сборника: тексты приобрели завершенность, была отредактирована их стилистика и т. д. Вскоре идея А. Арнима и К. Брентано нашла свое продолжение в публикации авторских обработок немецких народных сказок братьями А. и В. Гримм (большой популярностью пользовались сборники «Детские и домашние сказки» (1812 г.) и «Немецкие сказания» (1816 г.)). Сборники включают обработки традиционных народных немецких сказок, собранных А. и В. Гримм, тексты сказок из уже опубликованных другими авторами сборников и, собственно, стилизованные под народные авторские сказки братьев А. и В. Гримм.

У русских романтиков концепция народности предполагала особое внимание ко всем проявлениям национальной самобытности (истории, характеру, быту, фольклору, языку) и понимание каждой нации как носителя некой идеи в истории всего человечества. Идеологи русского романтизма разрабатывали предложенную еще И. Г. Гердером идею национального как индивидуально и оригинального. Вместе с тем, соглашаясь с тезисом о трансформируемости эстетических вкусов под воздействием внешних факторов, они не поддерживали выдвинутую им идею о необходимости подражания тем или иным исключительным образцам (например, античным) и отстаивали положение о приоритете обращения к национальному и самобытному. Как справедливо отмечает российский исследователь Т. Кузнецова, для взглядов русских мыслителей-романтиков еще на этапе становления стали характерны особые мотивы, которые в дальнейшем развились вне рамок романтического движения. Речь идет о критическом отношении к ценности основ европейской жизни, в результате которого возник особый интерес к духовности и специфике собственного национального бытия [6]. Более того, автор убедительно доказывает, что выражающие национальное своеобразие культуры категории «дух народа» и «национальный характер» ста-

ли трактоваться русскими романтиками с ярко выраженной социальной конкретизацией. Так, в отличие от немецких романтиков, для которых в построении собственной теории факт расслоения общества не являлся определяющим, русские мыслители 1820–1830-х гг. хранителями национальной идеи видели простой народ. В результате сформулированная русскими романтиками национальная идея, олицетворением которой являлись низшие, непривилегированные слои населения, найдет свое продолжение в позиционировании традиционной народной культуры в рамках советской эстетики. Так, на долгие десятилетия именно фольклор как устное народное творчество крестьянской среды станет основным символом национальной идеи в республиках Советского Союза. Уже с момента основания молодое государство станет выделять немалые финансовые средства для изучения фольклора, а также пропаганды и развития на его основе профессионального и любительского творчества. Данная установка в культурной политике СССР будет преследовать четкую и определенную цель, а именно «показ преимущества социалистического строя над капиталистическим в разных областях жизни общества, в том числе и в области народного творчества, на примере которого наглядно демонстрировалось, что впервые в мире в Советском Союзе фольклор был выведен на уровень искусства» [6, с. 172].

На русской почве целостная теория народности впервые была разработана в трудах В. Белинского, одного из самых авторитетных представителей идейно-литературного движения 1830–1840-х гг. Размышляя о сущности самобытности каждого народа, мыслитель выделял важные по отношению к идентификации этноса элементы (обычай и язык), разрушение которых неизбежно влечет за собой уничтожение самого народа. Тем не менее, в его понимании «народность» не должна предполагать ориентацию на нравы и обычаи только простого народа («черни», «низов»), так как они не являются единственными носителями духа русского народа. Таким было отношение к проблеме народности В. Белинского как приверженца западнического крыла русской общественной мысли.

Интерес к фольклору был характерен и для течения славянофилов, которое возникло на фоне подъема национального самосознания после победы над Наполеоном. Представители данного направления философской и общественной мысли первой половины XIX в. (братья Н. и К. Аксаковы и П. и И. Киреевские, А. Кошелев, А. Хомяков и др.) позиционировали себя как сторонников национальной самобытности русского народа. Находясь под влиянием идей европейско-

го романтизма, славянофилы призывали изучать жизнь простого народа (язык, обычаи, обряды и т. д.). Так, выходец из среды славянофилов и брат одного из теоретиков данного течения И. Кириевского П. Кириевский собирал и публиковал тексты русских народных песен.

В 1840-е гг. в России активизировался процесс изучения и сбора материалов о традиционной народной культуре, чему в значительной степени способствовала организация ряда научных обществ, ориентированных на решение данной задачи. Речь идет об Императорском Русском географическом обществе и основанном в недрах Московского университета Императорском Обществе любителей естествознания, антропологии и этнографии, которые сформировали необходимую теоретическую базу для изучения фольклора и осуществили полномасштабную работу по созданию фонда материалов о традиционном народном творчестве. Экспедиционная деятельность данных обществ проводилась в разных регионах страны, результаты которой широко освещались в периодической печати («Этнографический сборник» и другие издания).

В период 1850–1880-е гг. вышли из печати материалы, касающиеся разных фольклорных жанров: сборники песенного фольклора П. Киреевского, П. Рыбникова, П. Шейна, П. Якушкина, сборники поэтического фольклора А. Афанасьева, Е. Барсова, А. Гильфердинга, В. Даля, Д. Садовникова и др. Не преуменьшая значения данных публикаций, нельзя не отметить и некоторую специфику, которая была характерна для исследований периода зарождения фольклористики как науки. Так, что касается музыкального фольклора, то часть изданных сборников содержит лишь поэтические тексты песен. В некоторых изданиях представлены расшифровки напевов песен, однако сами поэтические тексты изложены фрагментарно (одна музыкально-поэтическая строфа). Что же касается, в принципе, всех сборников, включающих напевы народных песен, то в них фольклорные первоисточники представлены не в аутентичном, а адаптированном виде. Более того, зачастую музыкальный текст обработок мелодий народных песен гармонизирован (чаще всего для фортепиано).

Говоря об осмыслении фольклора в рамках анализируемого периода, нельзя не отметить то, что прогрессивной интеллигенцией, в числе которых были ученые, исследователи-любители и композиторы, фольклор изучался как непосредственно от носителей традиции, так и от знатоков народной культуры. Более того, многие из «ходивших в народ» сами были выходцами из этой среды или близки ей, поэтому хорошо знали данный пласт культуры. Так, композиторами

Н. Римским-Корсаковым, М. Балакиревым и др. на разных этапах профессиональной деятельности велась работа по фиксации и расшифровке русских традиционных народных песен. К слову, нельзя не отметить, что для современной художественной практики такая тенденция не характерна в виду того, что естественная среда бытования фольклора практически исчезла, а если в сельской традиции она и представлена, то зачастую лишь фрагментарно или в рамках так называемых «вторичных форм бытования фольклора» (любительского творчества). В связи с этим современные практики (композиторы, исполнители) традиционное народное творчество вынуждены изучать опосредованно на материалах уже проведенных теоретических исследований.

На волне романтизма, который захлестнул Европу в первой половине XIX в., интерес к фольклору был характерен и для территории Беларуси. Однако не менее значимым стимулирующим фактором явились кардинальные социально-политические изменения рубежа XVIII–XIX вв., связанные с результатами разделов Речи Посполитой и включением белорусских земель в состав Российской империи. В этой связи отечественный исследователь О. Дадиомова подчеркивает, что, несмотря на стремление российских властей к унификации и установлению на данной территории единого с российским социокультурного пространства, в среде интеллигенции возникли «новые силы, направленные на разработку собственно белорусской идеи и ориентаций, чему в значительной степени способствовала активизация сбора и осмысления белорусского фольклора как воплощение общей для славянской культуры тенденции сближения с народной средой, «движение в народ» [7, с. 169].

Специфика осмысления традиционной народной культуры белорусов в анализируемый период была обусловлена, в том числе, и тем, что ее изучением занимались исследователи разных областей научного знания, первооткрывателями среди которых были историки и этнографы. В этой связи нельзя не отметить, что их работы в большей степени носили описательный характер. Более того, географическое расположение Беларуси явилось причиной активного обращения к исследованию традиционной культуры белорусов не только отечественных исследователей, но и российских и польских авторов. В результате уже в первой половине XIX в. в работах этнографов и историков стали появляться ценные сведения о специфике материальной культуры белорусов. Так, книга Л. Голембевского «Люди польский. Его обычаи, суеверия» включает иллюстрации народных строев одежды разных местностей на терри-

тории Беларуси [8], а крупная этнографическая работа Е. Тышкевича «Описание Борисовского повета...» содержит материалы о традиционной народной одежде [9].

Были опубликованы первые исследования музыкального инструментария как элемента материальной культуры. Так, в работе А. Рыпинского «Bialoś» рассмотрена специфика изготовления и звучания скрипки и пастушеской пищалки (пасвирели) в Подвинье, а также роль дударя в свадебном обряде данного региона [10]. Описание конструкции, способов игры и специфики бытования дуды представлены в статье Н. Анимелле «Быт белорусских крестьян» [11]. В исследовании А. Грузинского рассматривается быт профессиональных нищих-старцев, репертуар и их музыкальный инструмент – колеская лира [12]. Ценные сведения об использовании в обрядах белорусов традиционных народных инструментов представлены в работах П. Шейна [13].

Во второй половине XIX в., как справедливо подчеркивает О. Дудинова, «движение по исследованию белорусского народного творчества официально, на государственном уровне, было инициировано как российскими властями, которые были заинтересованы в этнографических исследованиях и освоении фольклорного наследия присоединенных к России белорусских земель, так и западными соседями, которые стремились утвердить прежние приоритеты» [7, с. 169]. Так, уже несколько позднее, в 1910–1912 гг., в рамках деятельности Юго-Западного отделения упомянутого в данной статье Русского географического общества, И. Сербовым, Е. Романовым и Н. Чуркиным были проведены экспедиции по разным регионам территории Беларуси. Собранные материалы хранятся в библиотеке Вильнюсского университета, часть из которых в 1970–1990-е гг. была опубликована в многотомном издании Института искусствоведения, этнографии и фольклора Академии наук Белорусской ССР «Белорусское народное творчество».

Фольклористы и этнографы начали целенаправленную работу по сбору белорусских традиционных народных музыкальных инструментов,

которые в последствии вошли в коллекции музеев Беларуси и России. Более того, белорусские инструменты составили экспозиции ряда крупных выставок, среди которых Первая всероссийская географическая выставка (Москва, 1893 г.). Как подчеркивает И. Назина, многие коллекции белорусских музыкальных инструментов после экспонирования в Беларусь возвращены не были, а переданы в крупные музеи на территории России [14]. В этой связи ценные сведения о инструментарии белорусов приведены в каталоге А. Маслова, включающем изображения и некоторые технические характеристики отдельных белорусских традиционных народных инструментов, находящихся в Дашковском этнографическом музее [15].

Анализируя процесс формирования общественного и научного интереса к традиционному наследию белорусов во второй половине XIX в., белорусский исследователь О. Лобачевская справедливо отметила, что на данный процесс значительное влияние оказали выставки, на которых экспонировался, в том числе, и белорусский народный текстиль (Всероссийская этнографическая (1867 г.) и антропологическая (1879 г.) выставки в Москве) [16, с. 17]. Автор также обратила внимание на то, что важным этапом в становлении белорусской общественной мысли и публицистики, посвященной этническим художественным традициям, явились статьи первой национальной газеты «Наша ніва» (1908–1914 гг.), в которых были размещены материалы, касающиеся традиционного народного творчества, а также отзывы об уже состоявшихся выставках.

Таким образом, «долгий XIX век» явился важным периодом в истории осмысления фольклора как яркого и самобытного явления культуры. Общественный и научный интерес к изучению фольклора стал устойчивой тенденцией, которая имела свои особенности в каждой стране. В результате совместными усилиями была заложена теоретическая основа для изучения фольклора и осуществлена большая работа по созданию фонда материалов о традиционном народном творчестве разных народов.

Список использованных источников

1. Иванова, Л. П. Типология фольклоризма в русской музыке XX в.: дис. ... докт. искусствоведения: 17.00.02 / Л. П. Иванова. – СПб., 2005. – 305 с.
2. Кузнецова, Т. В. Народность искусства как проблема эстетической мысли : дис. ... докт. филос. наук: 09.00.04 / Т. В. Кузнецова. – М., 1999. – 288 с.
3. Жукова, Е. П. Гердер и философско-культурологическая мысль в России: дис. ... канд. культурологии: 24.00.04 / Е. П. Жукова. – М., 2000. – 238 с.
4. Келдыш, Ю. В. Записи и изучение народной песни / Ю. В. Келдыш // История русской музыки : в 10 т. – М.: Музыка, 1984. – Т. 2.: ч. 1. – С. 216–255.
5. Федотова, Л. В. Фольклор как художественный и духовно-философский феномен эстетических исканий поэтов-романтиков: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.01.09 / Л. В. Федотова. – Майкоп, 2008. – 53 с.

6. Гурченко, А. И. Фольклор в концертно-сценической практике Беларуси / А. И. Гурченко // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2015. – Вып. 3(9). – С. 171–179.
7. Дадзіёмава, В. У. Гісторыя музычнай культуры Беларусі да XX стагоддзя / В. У. Дадзіёмава. – Мінск: Беларуская дзяржаўная акадэмія музыкі, 2012. – 230 с.
8. Gołębjowski, Ł. Lud Polski. Jego zwyczaje, zabobony / Ł. Gołębjowski. – Warszawa: Druk. A. Gałęzowskiego I Spolki, 1830. – 328 st.
9. Tyskiewicz, E. Opisanie powiatu Borysowskiego pod względem statystycznym, geognostycznym, historycznym, gospodarczym, przemysłowo-handlowym i lekarskim / E. Tyskiewicz. – Wilno: Druk. A. Marcinowskiego, 1847. – 446 s.
10. Rypiński, A. Białoruś: kilka słów o poezji prostego ludu tej naszej polskiej prowincji; o jego muzyce, śpiewie, tańcach, etc. / A. Rypiński. – Paryż: W księgotłoczni J. Marylskiego, 1840. – 232 s.
11. Анимелле, Н. Быт белорусских крестьян / Н. Анимелле // Этнографическое обозрение. – 1854. – Вып. 2. – С. 111–268.
12. Грузинский, А. Е. Из этнографических наблюдений в Речицком уезде Минской губернии / А. Е. Грузинский // Этнографическое обозрение. – 1891. – № 4. – С. 142–156.
13. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края: [в 3 т.] / собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном. – СПб.: Тип. Император. акад. наук, 1902. – Т.3. – 535 с.
14. Назина, И. Д. Этноинструментоведение как специальная дисциплина / И. Д. Назина // Белорусская этномузыкалогия: очерки истории (XIX–XX вв.) / З. Можейко [и др.]; под ред. З. Можейко. – Минск: Тэхналогія, 1997. – С. 199–234.
15. Маслов, А. Л. Иллюстрированное описание музыкальных инструментов, хранящихся в Дашковском этнографическом музее в г. Москве / А. Л. Маслов // Труды музыкально-этнографической комиссии, состоящей при этнографическом отделе Императорского Общества Любителей Естественного знания, Антропологии и Этнографии. – М., 1911. – Т. II. – С. 248–250.
16. Лобачевская, О. А. Белорусский народный текстиль: традиции и художественные новации в XX веке: дис. ... докт. искусствоведения: 17.00.09 / О. А. Лобачевская. – Минск, 2014. – 286 л.

Дата поступления: 27.09.2018.

Дудчик А. Ю.
Белорусский государственный университет, Минск

Dudchik A.
Belarusian State University, Minsk

УДК 1(091)(4/9);1(091)

ТРАНСФЕР ЕВРОПЕЙСКИХ ИДЕЙ КАК ФАКТОР ДИНАМИКИ БЕЛОРУССКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ В «ДОЛГОМ XIX ВЕКЕ»

TRANSFER OF EUROPEAN IDEAS AS A FACTOR OF BELARUSIAN PHILOSOPHY'S DEVELOPMENT IN THE 'LONG 19TH CENTURY'

В статье представлен анализ развития философской мысли Беларуси в «долгом XIX веке» в контексте влияния на этот процесс идей европейской философской традиции. Реконструированы основные особенности модели культурного трансфера и обоснована эвристическая значимость ее использования для изучения философской традиции Беларуси. Осуществлена экспликация содержания, направления и основных механизмов и стратегий трансфера философских идей в белорусском интеллектуальном пространстве XIX в.

Ключевые слова: белорусская философия XIX века; европейская философия; немецкая философия; трансфер идей; культурный трансфер.

The article analyzes development of Belarusian philosophy in the context of ideas of European philosophy influence. The main peculiarities of the cultural transfer model are reconstructed and its heuristic value for study of Belarusian intellectual culture is proved. Main content, directions, mechanisms and strategies of philosophical ideas transfer in Belarusian culture are explicated.

Keywords: Belarusian philosophy in 19th century; European philosophy; German philosophy; transfer of ideas; cultural transfer.

Вопросы, связанные с развитием национального философского знания, по праву находятся в центре внимания белорусского философского

сообщества. Они активно обсуждались в рамках Первого белорусского философского конгресса [1], а также специализированных про-

фессиональных дискуссий [2]. Большинство специалистов сходятся во мнении о значимости периода «долгого XIX века» для становления национального самосознания и интеллектуальной традиции. В последние годы в Беларуси был опубликован ряд работ, посвященных изучению истории философской и общественно-политической мысли Беларуси XIX в. (тексты И. М. Бобкова [3], В.Б. Еворовского [4]). Объективной особенностью данного периода общепризнанно считается отсутствие в регионе философских образовательных учреждений (после закрытия Виленского университета в 1832 г.), в связи с чем основной упор делается на тексты художественного, публицистического и социально-политического характера. В то же время более специализированная философская проблематика, также представленная в белорусской культуре, гораздо менее известна как профессиональному сообществу, так и студенческой аудитории. Заполнение определенных «белых пятен» в данной области историко-философского знания предполагает как специальную историко-архивную исследовательскую работу, так и использование соответствующих исследовательских подходов.

В рамках нашего исследования будет использоваться подход изучения процессов культурного трансфера. Программа изучения процессов и феноменов культурного трансфера является относительно молодой (возникла в 1980-е гг.) и достаточно активно развивающейся областью исследования, обладающей междисциплинарным статусом. Само понятие культурного трансфера связано с работами французских историков культуры М. Вернера и М. Эспаня (интересно отметить, что оба исследователя – немецкого происхождения, поэтому культурный трансфер не только исследуется ими теоретически, но и, в определенном смысле, практикуется, являясь частью их «жизненного мира»). Первоначально понятие применялось преимущественно для исследований в области истории культуры (прежде всего литературы), но в дальнейшем стало применяться по отношению к более широким проблемным полям и на сегодняшний день вполне может рассматриваться как самостоятельная область исследований, принципиальной характеристикой которой можно назвать ее междисциплинарность, что позволяет обращаться к проблемам и методам самых разных дисциплин: культурологии, социологии, антропологии, лингвистики, истории искусства и т. д.

Само понятие культурного трансфера является принципиально полисемантическим и активно используется в разных областях человеческой деятельности (от экономики до психоанализа), обозначая целый ряд процессов, связанных с фено-

меном перехода, переноса и перевода (в широком значении последнего). В оригинале используются термины *Transferts Culturels* (фр.) и *Kulturtransfer* (нем.) соответственно, в русском языке уже существует традиция перевода термина как «культурный трансфер» (хотя, видимо, возможны и другие варианты, например, «трансфер культуры»). Понятие активно используется в конкретных исследовательских проектах, охватывающих большое количество самых разных областей (культурный трансфер в различные исторические периоды, между национальными культурами, между цивилизациями и т. д.). При этом, однако, наблюдается преобладание литературы, посвященной исследованиям конкретных явлений в рамках изучения процессов культурного трансфера по отношению к теоретической концептуализации данного подхода. Вероятно, это можно связать с тем, что подобный подход изначально ориентирован на конкретные исследования, в отрыве от которых изложение теоретической программы может показаться малопродуктивным. В наиболее полном виде общие принципы данного подхода изложены в ряде статей М. Эспаня [5; 6] и М. Вернера [7]. Из русскоязычных источников назовем работы Д. В. Лобачевой [8] и Е. Е. Дмитриевой [9]. В целом следует отметить, что в последние годы на русском языке наряду с переводом научных статей [10] появилось несколько материалов научно-популярного характера, посвященных проблематике культурного трансфера [11; 12]. Это, в свою очередь, может свидетельствовать о популярности и актуальности подобного исследовательского подхода. При этом все же количество материалов на русском языке пока несколько ограничено. При этом достаточно подробная немецкоязычная библиография по теме культурного трансфера представлена на сайте университета австрийского города Грац, в котором действует один из исследовательских центров процессов культурного трансфера [13].

На наш взгляд, данная исследовательская программа обладает достаточно большим эвристическим потенциалом, как в области исследования культуры в целом, так и применительно к изучению проблематики истории философии (в области изучения трансфера идей, понятий, дисциплинарностей и т. д.). Наряду с другими современными подходами (история идей, интеллектуальная история, социология знания и т. д.) изучение процессов культурного трансфера может стать хорошим дополнением к классическим методам и проблемам историко-философских исследований.

Вполне уместным будет сравнение понятия трансфера с другим весьма популярным в отечественной историко-философской традиции

понятием, а именно понятием рецепции, имеющим достаточно длительную и вполне успешную историю использования, в частности, в рамках изучения белорусской философской мысли (см. работы В. Ф. Шалькевича [14], А. А. Легчилина [15], А. А. Подолинской [16] и др.). Обычно это понятие используется для анализа определенного влияния идей, понятий, концепций и т. д. в рамках философских школ, национальных или региональных традиций мысли, авторских философских систем.

В этой связи интересно отметить, что анализ соотношения этих двух понятий осуществлялся и представителями подхода изучения «культурного трансфера». Так, в материалах общей дискуссии одной из конференций, посвященных процессам культурного трансфера в XVI в. [17], затрагивается, наряду с другими, и вопрос о соотношении понятия культурного трансфера и более традиционного в гуманитарных науках понятия рецепции. Не отрицая важности и эвристической значимости понятия рецепции для изучения интеллектуальной культуры в целом, в ходе дискуссии был сформулирован и ряд отличий между двумя этими понятиями, что позволяет в некоторых случаях использовать понятие культурного трансфера как более удобное для исследования.

Так, во-первых, понятие культурного трансфера основывается на понимании характера взаимодействия между сторонами в процессе обмена как принципиально динамическом и разнонаправленном (используя популярный политический термин – многовекторном) по сравнению с понятием рецепции. Например, усвоение определенных идей, понятий, концепций предполагает не только их пассивное восприятие, но и достаточно активную деятельность по выбору, переводу, интерпретации и т. п. В этой ситуации более уместно вести речь, например, не просто о чтении, но о прочтении, не просто об усвоении, но и освоении и даже присвоении (в позитивном значении делания значимым для себя) и т. п.

Во-вторых, понятие трансфера позволяет сделать акцент на процессуальной составляющей взаимодействия, избегая при этом проведения четких границ (например, между субъектом и объектом, системой и средой, субъектами взаимодействия и т. д.) и не всегда оправданного гипостазирования отдельных элементов процесса. В рамках истории философии, в частности, это может проявляться в появлении таких сущностей как традиции, направления, течения и т. п. При этом весьма дискуссионным является вопрос о том, существуют ли они реально в культурно-социальной реальности либо же являются результатом деятельности исследователя. В рамках программы изучения «культурного трансфера»

эти проблемы также сохраняются, однако принимают не столь острый характер, поскольку исходное процессуально-динамическое видение изучаемой реальности не предполагает выделения четких и непреодолимых по отношению друг к другу границ внутри изучаемой области.

Также использование понятия культурного трансфера основывается на широком понимании культуры (включая в это понятие не только сферу высокой интеллектуальной культуры, но и культуру материальную, повседневную жизнь, маргинальные сферы культуры и т. д.). Это, в свою очередь, предполагает включение в рассмотрение и широкого социально-культурного контекста: материальных артефактов, технических приспособлений, социальных институтов и практик и т. п. Конечно, это является весьма существенным расширением предметного поля исследования по сравнению с классическими представлениями об истории философии, что, однако, соответствует современным тенденциям в этой сфере. Следовательно, наряду с другими современными подходами (история идей, интеллектуальная история, социология знания и т. д.) изучение процессов культурного трансфера может стать хорошим дополнением к классическим методам и проблемам историко-философских исследований.

Таким образом, даже на основании данного краткого обзора аргументации сторонников программы изучения «культурного трансфера» можно сделать вывод, что использование данного понятия при исследовании интеллектуальной культуры, в частности, истории философии, имеет под собой определенные основания и в ряде случаев вполне оправдано. Тем не менее, на наш взгляд, не совсем корректно было бы противопоставлять понятие культурного трансфера уже вполне привычному и достаточно успешно используемому понятию рецепции. Можно предположить, что эти понятия не столько противоположны по своему содержанию и направленности, но, скорее, могут дополнять друг друга даже в рамках одного исследования. Так, понятие рецепции может использоваться для обозначения взаимодействия преимущественно в области идей, тогда как понятие культурного трансфера позволяет фиксировать более широкий социально-культурный контекст этого взаимодействия. С другой стороны, использование понятия культурного трансфера позволяет подчеркнуть процессуально-динамический характер взаимодействия, в то время как понятие рецепции может использоваться для обозначения результатов этого процесса взаимодействия в наличной форме.

Кроме того, изучение процессов культурного трансфера позволяет скорректировать несколько одностороннюю субъект-объектную схему, по-

казывая белорусскую философскую традицию не только в ситуации пассивной рецепции определённых внешних влияний, но как активно вовлечённую в сложные и многообразные процессы взаимодействия в рамках общеевропейских процессов (включая взаимодействие с западноевропейской, центральноевропейской и русской интеллектуальными традициями). Далее можно предположить, что процессы трансфера осуществлялись не только в пространстве между белорусской культурой и ее внешним окружением, но и во времени – между различными периодами в истории белорусской мысли. Это может свидетельствовать в пользу эвристической значимости анализа культурного трансфера при изучении разных периодов развития белорусской философии (в частности дореволюционного, советского и постсоветского), что позволит выявить определённую преемственность между ними. Это, в свою очередь, позволяет говорить об эвристической значимости использования понятия культурного трансфера при изучении философской мысли Беларуси, и, в частности, влияния идей европейской философии в период XIX в.

Как было отмечено ранее, в качестве основной особенности данного периода следует рассматривать отсутствие институализированных форм философии. Тем не менее, белорусская интеллектуальная среда не была вполне герметичной по отношению к философским идеям и определённые контакты и получение информации, конечно, имели место. Этот процесс, на наш взгляд, целесообразно описывать в категориях изучения культурного трансфера. Одним из принципов данного подхода является акцент на изучении не только культурного производства (идей, смыслов, артефактов и т. д.), но и культурного потребления. При этом последнее рассматривается не только как по преимуществу пассивный процесс, но, напротив, как достаточно активная практика, часто связанная с избирательностью, интерпретацией и т. д. Важными в этом случае будут и социальные факторы, например, престижность того или иного вида культурного досуга (скажем, чтения определённой литературы и т. д.). На наш взгляд, вполне уместно сделать акцент на культурном потреблении, подчеркнув, однако, творческий и избирательный характер процессов чтения и декодировки. При этом в данном контексте речь идет о трансфере в широком смысле слова, затрагивающем не только отдельные идеи, понятия, персоналии, но и методологию, исследовательскую «оптику», способы постановки проблем и выделения объекта исследования, т. е. интеллектуальную культуру в целом.

Таким образом, в качестве основного механизма публичного трансфера философских идей

в белорусском интеллектуальном пространстве XIX в. может рассматриваться процесс рецензирования и перевода обзорных философских текстов в периодической прессе. Так, ряд материалов философского содержания публиковался в частной просветительской газете «Минский листок» (позднее – «Северо-Западный край»). Несмотря на общий популярно-просветительский характер публикуемых материалов, они выполнены на достаточно высоком уровне и содержат определенные сведения философского толка.

Отдельно стоит отметить переводческую деятельность, которая традиционно рассматривается как одна из наиболее важных и эффективных форм культурного трансфера [18]. В XIX в. переводы философских текстов осуществляются преимущественно на польский (первая половина века) и русский (вторая половина века) языки.

Особый интерес с точки зрения анализа процессов трансфера в белорусской интеллектуальной традиции представляют идеи, связанные с проблемами гносеологии и возможностей человеческого знания как такового. В наибольшей степени они были представлены немецкоязычной философской традицией, которую в данном случае вполне уместно будет обозначить как «трансцендентально-критическую», поскольку речь идет, прежде всего, об идеях И. Канта. При этом гносеологическая проблематика немецкого мыслителя пользуется наибольшей популярностью, и другие части его учения (например, кантовская концепция права, анализировавшаяся выдающимся русским правоведом, уроженцем Витебской губернии и выпускником местной гимназии Л. И. Петражицким) также рассматриваются как продолжение кантовских гносеологических идей.

Процессы трансфера гносеологических идей европейской философии в белорусском интеллектуальном пространстве XIX в. целесообразно рассматривать на примере двух временных отрезков. Во-первых, это первая треть XIX в. В этот период действуют Виленский Императорский университет и Полоцкая иезуитская академия, и процессы трансфера идей трансцендентально-критической философии осуществляются в рамках и средствами академической философии. Во-вторых, это последующий период (начиная с 1832 г. – года закрытия Виленского университета), когда процессы трансфера идей трансцендентально-критической философии продолжаются, но происходят уже за пределами академического философского пространства.

Так, первый период характеризуется не только процессами трансфера идей, но и перемещением их носителей, поскольку значительная часть философов была приглашена на территории на-

шего региона из-за рубежа. Прежде всего, речь идёт о преподавателях, читавших курсы по философии, поэтому процесс трансфера идей был тесно связан с образовательными практиками. Здесь следует назвать имена профессора из Германии Г. И. Абихта, в начале XIX века читавшего в Виленском университете лекции, излагавшие основные идеи кантовской философии, а также Ю. Голуховского, ученика Шеллинга, читавшего в 1820-е гг. в Виленском университете лекции в духе идей шеллинговского романтизма.

Кроме непосредственно лекционных курсов стоит отметить и переводческую деятельность, связанную с распространением идей трансцендентально-критической философии. Так, уроженец Беларуси, ученик и последователь И. Канта И. В. Быховец в 1799–1802 гг. в Кенигсберге переводит на польский три работы И. Канта, посвящённые социально-правовой проблематике: «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане», «К вечному миру», «Спор факультетов» (опубликована была только первая работа). Слушатель курсов лекций Г. И. Абихта, выпускник Виленского университета Я. Бобровский (1777–1823) в 1819 г. перевел на польский язык и издал в Вильно работу И. Канта «О педагогике».

Во второй период после закрытия Полоцкой иезуитской академии и Виленского Императорского университета центр интеллектуальной активности перемещается в периодические издания, которые публикуют статьи философского характера. К наиболее известным изданиям следует отнести «Атенеум» («*Athenaeum. Pismo Poświęcone Historii, Literaturze, Sztukom, Krytyce itd.*», 1841–1853, Вильно) и газету «Минский листок» (1886–1902, Минск, впоследствии – «Северо-Западный край»).

Следует отметить, что восприятие идей И. Канта в Беларуси и регионе в целом носило во многом критический и полемический характер. Так, среди критиков И. Канта следует упомянуть А. Довгирда (1776–1835), сменившего И. Г. Абихта на кафедре философии Виленского университета. Он является автором фундаментального труда «Трактат о присущих мышлению правилах или логика теоретическая и практическая», который вышел в Полоцке в 1828 г. В нем дан последовательный анализ «Критики чистого разума» И. Канта, ее основных частей – трансцендентальной эстетики, трансцендентальной аналитики и трансцендентальной диалектики. Схоластическая

версия критики философии И. Канта была представлена профессорами Полоцкой иезуитской академии. Так, профессор философии Полоцкой иезуитской академии итальянец И. Анджиолини (1747–1814) в своих лекциях, изданных в Полоцке в 1819 г. после смерти их автора, неоднократно полемизировал с И. Кантом. Критика философии И. Канта содержится и в работе другого известного профессора Полоцкой иезуитской академии, уроженца Беларуси В. Бучинского (1789–1853), в частности, в его трехтомном труде «Основы философии», изданном на латинском языке в Вене в 1843 г. В его основу были положены лекции, читанные их автором для студентов иезуитской академии в Полоцке.

В 1904 г. в газете «Северо-Западный край» выходит статья «Учение Канта (к столетию со дня кончины)», являющаяся переводом работы немецкого писателя и философа К. Лассвица [19]. К числу менее известных исследователей и популяризаторов философии И. Канта в Беларуси того времени относится А. Аргамаков, преподаватель Полоцкого кадетского корпуса. Его работа «Сознание, самоочевидные истины и мыслимые пространства по Канту и по воззрению современных философов и математиков» вышла в Полоцке в 1910 г.

Таким образом, философская мысль Беларуси в XIX в. представлена рядом недостаточно изученных интеллектуальных центров (Полоцкая академия, Минская духовная семинария, Полоцкий кадетский корпус, газеты «Северо-Западный край», «Минские епархиальные ведомости», «Минское слово», «Белорусская жизнь», интеллектуальные кружки и собрания) и философских текстов, находящихся в библиотечных архивах (В. Бучинский «*Institutiones doctrinae religionis, in quibus principia philosophica ad veritates religionis applicantur conscriptae*», А. П. Аргамаков «Сознание, самоочевидные истины и мыслимые пространства по Канту и по воззрению современных философов и математиков», Д. В. Скрынченко «Ценность жизни по современно-философскому и христианскому учению», Д. М. Мейчик «Учение Ф. Ницше о любви к дальнему» и др.). Комплексное исследование данного периода в форме историко-философской картографии позволит расширить и уточнить существующие научные представления и модернизировать соответствующие учебные материалы учебных курсов.

Список использованных источников

1. Национальная философия в глобальном мире: материалы Первого белорусского философского конгресса (Республика Беларусь, г. Минск, 18–20 окт. 2017 г.). Доклады / НАН Беларуси, Ин-т философии НАН Беларуси. – Минск: Право и экономика, 2018. – 766 с.

2. Белорусская философская традиция как феномен духовной культуры (Материалы круглого стола) // Философские исследования: сб. науч. тр. – Минск: Беларус. навука, 2018. – Вып. 4. – С. 30–51.
3. Бабкоў, І. М. Памежжа эпох, скрыжаванне культур, складка цывілізацый: інтэлектуальная культура эпохі Асветніцтва і рамантызму / І. М. Бабкоў // Философские исследования: сб. науч. тр. – Минск: Беларус. навука, 2018. – Вып. 4. – С. 105–120.
4. Евароўскі, В. Б. З’яўленне беларускай нацыянальнай ідэі / В. Б. Евароўскі // Философские исследования: сб. науч. тр. – Минск: Беларус. навука, 2018. – Вып. 4. – С. 121–133.
5. Espagne, M. Der theoretische Stand der Kulturtransferforschung / M. Espagne // Kulturtransfer. Kulturelle Praxis im 16. Jahrhundert. – Wien, 2003. – P. 63–75.
6. Espagne, M. Die Rolle der Mittler im Kulturtransfer / M. Espagne // Kulturtransfer im Epochenumbbruch Frankreich-Deutschland 1770 bis 1815. – Leipzig, 1997. – P. 309–329.
7. Werner, M. Dissymmetrien und symmetrische Modellbildungen in der Forschung zum Kulturtransfer / M. Werner // Kulturtransfer im Epochenumbbruch – Deutschland-Frankreich 1775 – 1810. – Leipzig, 1997. – P. 139–155.
8. Лобачёва, Д. В. Культурный трансфер: определение, структура, роль в системе литературных взаимодействий / Д. В. Лобачёва // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2010. – № 8. – С. 12–17.
9. Дмитриева, Е. Е. Теория культурного трансфера и компаративный метод в гуманитарных исследованиях: оппозиция или преемственность? / Е. Е. Дмитриева // Вопросы литературы – 2011. – № 4. – С. 14–21.
10. Эспань, М. Межкультурная история филологии / М. Эспань // Новейшее литературное обозрение. – 2006. – № 82. – С. 7–17.
11. Эспань, М. Что такое культурный трансфер? [Электронный ресурс] / М. Эспань. – 2014. – Режим доступа: <https://republic.ru/calendar/event/1109349/>. – Дата доступа: 01.10.2016.
12. Эспань, М. Иностранцы в Париже и культурный обмен [Электронный ресурс] / М. Эспань. – 2016. – Режим доступа: <http://arzamas.academy/materials/809>. – Дата доступа: 01.02.2017.
13. Bibliographie Kulturtransfer [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа: <http://www-gewi.kfunigraz.ac.at/moderne/kutrbib.htm>. – Дата доступа: 01.10.2016.
14. Шалькевич, В. Ф., Легчилин, А. А. Рецепция философии И. Канта в Беларуси и Литве в первой трети XIX века / В. Ф. Шалькевич // Кант между Западом и Востоком. К 200-летию со дня смерти и 280-летия со дня рождения Иммануила Канта: труды Под ред. В. Н. Брюшинкина. – Калининград, 2005. – Ч. I. – С. 87–98.
15. Легчилин, А. А. Рецепция немецкой философии в Беларуси и Литве в XIX веке / А. А. Легчилин // Историко-философские исследования в регионе Восточной Европы: опыт, задачи, социокультурное значение: материалы Междунар. науч. конф. – Минск, 2013. – С. 68–77.
16. Падалінская, А. А. Рэцэпцыя ідэі Антычнасці ў філасофскай думцы сярэднявечнай Беларусі / А. А. Падалінская // Гісторыя філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі: у 6 т. / В. Б. Евароўскі [і інш.]; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т філасофіі. – Минск: Беларус. навука, 2008. – Т. 1. Эпоха Сярэднявечча. – С. 414–440.
17. Ehalt, H. «Kulturtransfer» – Europäische Geschichte gegen den Strich nationaler Mythen (Podiumsdiskussion in den «Wiener Vorlesungen») / H. Ehalt [et al] // Kulturtransfer. Kulturelle Praxis im 16. Jahrhundert. – Wien, 2003. – P. 9–40.
18. Stockhorst, S. Introduction. Cultural transfer through translation: a current perspective in Enlightenment studies / S. Stockhorst // Cultural Transfer through Translation. The Circulation of Enlightened Thought in Europe by Means of Translation. Edited by Stefanie Stockhorst. – Amsterdam – New York, 2010. – P. 7–29.
19. Познякова, О. Л., Легчилин, А. А. Рецепция идей И. Канта в Беларуси / О. Л. Познякова // Философско-культурологические исследования [Электронный ресурс]: сб. ст. / под ред. А. А. Легчилина, Т. Г. Румянцевой. – Минск, 2016. – Вып. 2. – С. 27–33.

Дата поступления: 01.10.2018.

Белозорович В. А.

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, Гродно

Belazarovich V.

Yanka Kupala State University of Grodno

УДК 930/94(476)“18”

ИСТОРИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ АДАМА КИРКОРА (НА ПРИМЕРЕ «ЖИВОПИСНОЙ РОССИИ»)

HISTORICAL VIEWS ADAM KIRKOR (FOR EXAMPLE «PICTURESQUE RUSSIA»)

Статья раскрывает авторское видение Адамом Киркором истории белорусских земель. Исследование основано на двух очерках, размещенных в третьем томе «Живописной России». Проанализированы основные события и явления по четырем периодам: древнему, полоцкому, литовско-русскому и российскому. Отмечается отсутствие социально-экономического анализа, «бедность» исторической информации. С другой стороны, А. Киркор привел ряд малоизвестных фактов из истории Беларуси.

Ключевые слова: история; историография; белорусско-литовские земли; народ; концепция истории.

The article reveals the author's vision of the history of Belarusian lands by Adam Kirkor. The study is based on two essays published in the third volume of «Picturesque Russia». The main events and phenomena on four periods are analyzed: ancient, Polotsk, Lithuanian-Russian and Russian. There is a lack of socio-economic information, «poverty» of historical information. Kirkor cited a number of little-known facts from the history of Belarus.

Keywords: history; historiography; Belarusian-Lithuanian lands; people; concept of history.

Формирование концепции белорусской истории на рубеже XIX–XX вв. органически вытекает из белорусоведения предшествующего XIX в. Оно было заложено в работах Михаила Бобровского и профессуры Виленского университета. После закрытия вуза изучением прошлого и культуры белорусского народа занимались любители истории, исследователи-«антиквары», для которых история родной земли представляла собой духовную основу патриотизма. К таким людям можно смело отнести Адама Карловича Киркора. Он оставил потомкам уникальный источник о Беларуси. Это разделы в 3-м томе книги «Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении». Издание вышло в 1882 г. под общей редакцией Петра Семенова [1].

Адам Киркор подготовил для этого популярного издания два раздела: «Литовское Полесье» и «Белорусское Полесье». Автор включил в арал Литовского Полесья Виленскую, Ковенскую и Гродненскую губернии, а в Белорусское Полесье – Минскую, Могилевскую, Витебскую и Смоленскую губернии. Очерки содержат графические рисунки художников Владислава Дмоховского, Юзефа Крашевского, Нила Гоголинского и др.

Территорию Беларуси Адам Киркор разделил на две части: литовскую и белорусскую. В литовской части проживали литовцы и белорусы, в белорусской – только белорусы. Считал ли автор книги эти народы самостоятельными этносами?

Найти однозначный ответ в тексте нельзя. Но использование понятия «народность», выделение сюжетных линий об отдельной «исторической судьбе», описание литовского и белорусского наречий позволяют сделать вывод о неприятии Адамом Киркором положений западнорусской исторической школы. Ведь к моменту издания третьего тома «Живописной России» в Петербургской Духовной академии сформировалась западнорусская историография в лице Михаила Кояловича, Платона Жуковича и др.

Методологические подходы Адама Киркора к изучению прошлого не являются новаторскими. Историю он изучал в современной ему традиции историописания. События и явления прошлого он рассматривал через деяния политических деятелей, полководцев, иерархов церкви. Прослеживается в книге влияние романтической историографии первой половины XIX в. В тексте значительный объем информации посвящен народной культуре. Автор подробно описал быт, хозяйственную деятельность, традиции, верования, обряды населения. Чувствуется не только исследовательский интерес историка к предмету познания, но и любовь, восхищение людьми, населявшими «литовское и белорусское Полесье».

Поскольку во второй половине XIX в. формировалось историко-юридическое направление, основанное на изучении памятников законодательства, то Адам Киркор в очерке рассмотрел законодательные акты Великого Княжества

Литовского, в частности привилей Казимира 1447 г. (в тексте 1557 г.), Судебник 1492 г., Статуты Великого Княжества Литовского. В отличие от представителей школы Адама Нарушевича, которые видели в законодательстве Княжества римскую основу, в «Живописной России» правовые нормы выводятся из «Русской Правды» [1, с. 297–298].

Видение истории родного края у Адама Киркора сложилось на основе широкого круга литературы. В тексте нет ссылок на использованные источники (этого не предусматривала научная традиция XIX в.), но автор опирался на большое количество опубликованных работ польской и российской историографии. Он знал содержание трудов Матея Стрыйковского, Альберта Кояловича, Адама Нарушевича, Иоахима Лелевеля, Теодора Нарбута, Василия Татищева, Николая Карамзина, Никиты Устрялова и многих других исследователей. Для обоснования сформулированных положений и выводов он приводил цитаты из летописных источников, документов юридического характера, мемуаров.

Историю белорусских земель Адам Киркор начинал с глубокой древности. Имея опыт археологических исследований, он принял концепцию трех периодов первобытного общества, предложенную Евстафием Тышкевичем после стажировки в Европе. Древние люди появились в Литовском Полесье в каменном веке, о чем свидетельствовало, согласно автору, более 800 каменных и кремниевых орудий, находившихся в Виленском музее древностей [1, с. 4]. Белорусское Полесье – это «край могил, курганов, городищ, городков, урочищ, замков, замковищ» [1, с. 236]. Но в курганах отсутствовали каменные орудия труда, не было и «могил каменного века», «гробов, сложенных из кирпичей, связанных известковым цементом», «гробниц из дубового дерева сложенных» [1, с. 237–238]. Причем для литовского погребального обряда характерно трупосожжение, для русинского – трупоположение или «остовы» [1, с. 6].

Адам Киркор считал и литовцев, и славян автохтонным населением в занимаемых ими ареалах, причем справедливо отмечал, что племя полочан – это те же кривичи. Радимичей он размещал на реке Сож, правильно локализовал дреговичей. Однако автор очерка повторил неверную гипотезу Иллариона Зелинского («Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба», Минская губерния) о проживании племени ятвягов в районе Мозыря, Турова, Давид-Городка. Поэтому происхождение белорусов он выводил не только от полочан, кривичей, дреговичей, радимичей, но и от ятвягов и даже от древлян [1, с. 290].

В «Живописной России» отрицается теория происхождения литовских князей от римлян и от скандинавов. Адам Киркор считал, что римская легенда удовлетворяла амбиции Ягайло как короля польского и льстила самолюбию литовской знати. Первым достоверно известным литовским князем назван Рингольд, хотя современные историки относятся к нему как мифической личности. Киркор поверил информации из текста «Хроники Великого Княжества Литовского и Жемойтского». Историк настаивал на династической связи литовской знати с полоцкими князьями. Свою позицию он обосновал рядом факторов: почему столица была перенесена в Новогрудок, «где литовцев вовсе не было»; как славянские земли согласились признать над собой верховную власть литовца Рингольда? При этом привел сообщение Воскресенской летописи о переселении в Литву в 1128 г. полоцких князей [1, с. 73–75].

В тексте Воскресенской летописи утверждается, что жители Вильно пригласили к себе на княжение (из Константинополя) Давида, сына Ростислава Рогволодовича [1, с. 292]. По свидетельству Михаил Без-Корниловича, эту информацию оставила императрица Екатерина II в своих записках [2, с. 9–12]. Адам Киркор добавил, что полоцкие князья бежали от преследований киевского князя Мстислава Владимировича в Литву и Ливонию. Там они прикинулись язычниками, пока Рингольд и его сын Миндовг (из рода полоцких князей Всеславичей) не сформировали мощное государство. Позже, в XX в., эта идея трансформировалась в концепцию «белорусское государство – ВКЛ», которую пропагандировали Вацлав Ластовский [3], Всеволод Игнатовский [4], Николай Ермолович [5] и др.

В «Живописной России» присутствует термин «Литовско-Русское государство» [1, с. 78], впоследствии принятый в либеральной российской историографии благодаря работам профессора Московского университета Матвея Любавского [6]. Сам Адам Киркор положительно оценивал политику великих князей литовских, направленную на централизацию государственного управления. Он отрицал распространенное мнение о «низком» (конюх) происхождении Гедимина, восхищался политикой Витовта, направленной на отделение от польской Короны. В тексте отмечен интересный факт, не получивший развития в современной историографии. Автор пишет о том, что Витовт готовил в свои преемники сына маркграфа бранденбургского [1, с. 90], в будущем курфюрста Фридриха II (1413–1471), получившего прозвище «Железный зуб». Фридрих с восьмилетнего возраста был обручен с Ядвигой, дочерью Ягайло. Десять лет прожил в Польше. После внезапной смерти невесты

Фридрих предался меланхолии и даже отказался от предложенного ему польского престола.

Исследовательский интерес вызывает еще один сюжет. Адам Киркор отметил, что неудачная коронация Витовта в Троках (1430 г.) сопровождалась рядом знамений и преданий: вода в Трокском озере приобрела красный оттенок, там же появилось чудовище, пожиравшее людей, под Смоленском люди якобы видели железного волка, а в Бресте случилось землетрясение [1, с. 91].

Историю Литовского Полесья, по сути ВКЛ, автор завершает в традиции польской историографии 1569 годом. Он пишет о «политической смерти» государства. Конец самостоятельной истории Белорусского Полесья Киркор определил княжением Казимира IV Ягеллона. Ко второй половине XV в. в результате централизаторской политики князей этот регион окончательно вошел в состав Литовско-Русского государства и стал частью «общей истории Литвы и Руси» [1, с. 296].

Период Речи Посполитой для Адама Киркора – польский. Он отметил, что с 1569 по 1795 г. литовские и белорусские земли пережили «ряд бедствий и нравственных насилований, доведших до нравственного растрепания и затем падения» [1, с. 91]. Польский период представлен в тексте «Живописной России» менее подробно, чем период Великого Княжества Литовского.

Адам Киркор выделил ряд основных моментов этой эпохи: нежелание «литовско-русских чинов» осуществлять межгосударственную унию; веротерпимость Сигизмунда II Августа; стремление иезуитов «окаатоличить массы народа»; моровую язву и голод 1588, 1659, 1710 гг.; пожары 1610, 1655, 1715 гг.; войны с русским царем Алексеем Михайловичем и со шведским королем Карлом XII; борьбу между магнатами в XVII–XVIII вв. [1, с. 93–96].

Анализируя историю Белорусского Полесья, автор отдельно затронул проблему Брестской церковной унии и положение греко-католической церкви. Он отметил противоречия между католическим и униатским духовенством, между базилианами и сельским униатским духовенством. Именно церковная уния, по его мнению, «вызвала протест в южных областях», т. е. казацко-крестьянскую войну середины XVII в., породила народные восстания в Слуцке, Быхове, Могилеве, Речице, Мозыре, Бобруйске [1, с. 306–308]. Факт присоединения униатской церкви к православной в 1839 г. Адам Киркор назвал «знаменательным» [1, с. 316]. Очевидно, что сам автор получил не только возможность ознакомиться с работами, посвященными Брестской унии (Н. Бантыш-Ка-

менского, М. Кояловича, П. Жуковича), но и принял их положения.

Современный для Киркора XIX в. оценен им противоречиво, возможно, под влиянием политических процессов, наблюдавшихся в белорусско-литовских губерниях Российской империи.

Пристальное внимание он обратил на события Отечественной войны 1812 г. В тексте можно прочитать об арьергардных сражениях русской армии, предательстве дворянства и иезуитов, поверивших в обещание Наполеона, данное им в Витебске: «...я устрою (здесь) Польшу...», мародерах и фуражистах французской армии, голоде среди населения. Очень реалистично автор описал переправу «Великой армии» через Березину у деревни Студенка. При этом задан риторический вопрос, не получивший ответа в истории: «Куда Чичагов дел имущество, награбленное в Несвиже?» [1, с. 310–316].

Следуя официальной оценке, Адам Киркор назвал восстания 1830–1831 и 1863–1864 гг. «мятежами». Суровые правительственные меры, направленные на их подавление, он объяснил «увлечениями и легкомысленной верой в заграничные подстрекательства» со стороны польского и белорусско-литовского дворянства [1, с. 96]. Биография Киркора свидетельствует, что его дворянский салон в Вильно еженедельно собирал прогрессивную местную интеллигенцию и играл важную роль в культурной жизни края. В литературоведении этот салон представлен как кружок польско-белорусских писателей и поэтов. В 1858 г. члены кружка под руководством Адама Киркора подготовили к приезду в Вильно императора Александра II сборник статей, стихов, получивший название «Виленский альбом» [7]. Патриотическая польская интеллигенция посчитала этот факт изменой и обрушилась с критикой на писателя и его сподвижников [8, с. 94]. Впоследствии Киркор пытался в Петербурге издавать газету «Новое время», чтобы сблизить русскую и польскую интеллигенцию. Однако его не приняли ни демократические, ни консервативные слои столичного общества.

Таким образом, историческая концепция белорусских земель, представленная в «Живописной России» Адамом Киркором, закрепляла в массовом сознании образованных кругов российского общества убеждение о самостоятельности белорусского народа, его праве на свое, отличное от других этносов, прошлое и свой особый язык. Приведенные им факты, оценка ряда событий были приняты представителями как либерального течения российской историографии, так и белорусскими национальными историками.

Список использованных источников

1. Живописная Россия: Отечество наше в его зем., ист., плем., экон. и быт. значениях: Литов. и Белорус. Польские: репринт. воспроизведение изд. 1882 г. – 2-е изд. – Минск: БелЭн, 1994. – 550 с.
2. Исторические сведения о примечательнейших местах в Белоруссии: с привосокуплением и других сведений, к ней же относящихся / сост. М. О. Без-Корнилович. – [Факсимильное изд.]. – Минск: Алфавит, 1995. – VIII, 355 с.
3. Ластоўскі, В. Ю. Кароткая гісторыя Беларусі / В. Ю. Ластоўскі. – Мінск: Універсітэцкае, 1993. – 126 с.
4. Ігнатоўскі, У. М. Кароткі нарыс гісторыі Беларусі / У. М. Ігнатоўскі. – 5-е выд. – Мінск: Беларусь, 1991. – 188 с.
5. Ермаловіч, М. Беларуская дзяржава Вялікае княства Літоўскае / М. Ермаловіч. – Мінск: Беллітфонд, 2000. – 435 с.
6. Любавский, М. К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно / М. К. Любавский. – Минск: Беларус. навука, 2012. – 395 с.
7. В память пребывания государя императора Александра II в Вильне, 6 и 7 сентября 1858 г.: [Сборник]. – Вильно: Виленск. археол. комис., 1858. – [4], 182, 12, 21 с.
8. Пытин, А. Н. История русской этнографии / А. Н. Пытин. – Минск: Беларус. Энцыкл., 2005. – Т. 4: Белоруссия и Сибирь. – 256 с.

Дата поступления: 20.11.2018.

Мастяница-Станкевич О.
Институт истории Литвы, Вильнюс

Mastianica-Stankevič O.
The Lithuanian Institute of History, Vilnius

УДК 94:37.014“1905/1915”(470+476)

**С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ РОДИНА? ИДЕЯ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ
СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КРАЯ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ
ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ (1905–1915 ГОДЫ)**

**WHY A HOMELESS HAPPENS? THE IDEA OF STUDYING THE HISTORY
OF THE NORTH-WESTERN LEFT IN THE STATE SYSTEM
OF SCHOOL EDUCATION (1905–1915)**

В статье исследуется вопрос, как имперская власть использовала школьное обучение, стараясь создать единое имперское самосознание среди юного поколения, проживавшего на землях бывшего Великого Княжества Литовского в период 1905–1915 гг.

Ключевые слова: политика российских властей; XIX век; имперская лояльность.

This article examines the question of how imperial power used school education, trying to create a unity of imperial self-awareness among the young generation living on the lands of the former Grand Duchy of Lithuania in the period 1905–1915.

Keywords: the policy of the Russian authorities; the nineteenth century; imperial loyalty.

Ковенский губернатор Петр Владимирович Веревкин (1862–1946) в своем отчете за 1908–1911 гг. заметил, что «...главными проводниками русских начал в крае могут быть и всегда будут только школы. Лишь через их посредство возможно воспитывать подрастающее поколение в сознании неразрывной связи северо-западных окраин с коренной Россией...» [21, л. 16]. Уже эта цитата позволяет предположить, что даже после революции 1905 г. и несмотря на некоторые преобразования в государственной системе

образования¹ школьное образование чиновники Российской империи считали одним из основных инструментов, при помощи которого создается и поддерживается единство имперского самосознания.

До сих пор в научной литературе отдельно не поднимался и не изучался вопрос, как после

¹ После революции 1905 г. в государственных школах Виленского учебного округа было разрешено учиться литовскому и польскому языкам, на этих языках также происходило изучение религии.

революции 1905 г. имперская власть использовала школьное образование в процессах формирования лояльности к империи в Северо-западном крае, как и реагировала ли центральная и местная администрация на вызовы формирующихся национальных движений, которые, в свою очередь, также стремились оказывать влияние на ценностные установки подрастающего поколения. Основное внимание как в российской, так и в национальных историографиях в основном сосредоточено на тех преобразованиях в системе образования, которые провела имперская власть после революции 1905 г., и какое значение эти преобразования имели для формирования национальной системы образования [1; 2; 3; 5; 6; 8; 9; 10; 12; 13; 14; 16; 29; 37].

В статье внимание сосредоточено на одном вопросе: как имперская власть использовала школьное обучение, а точнее, преподавание таких учебных дисциплин, как истории, географии, стараясь создать единство имперского самосознания среди юного поколения, проживавшего на землях бывшего Великого Княжества Литовского в период 1905–1915 гг.

Очевидно, что и после революции 1905 г. имперская власть такие учебные дисциплины, как история и география, а также русский язык и литература, считала одним из основных факторов, которые могут формировать понятия патриотизма, чувство гражданина Российской империи. Поэтому этим сферам науки и соответствующим учебным дисциплинам придавалось особое значение в процессах национализации юного поколения как среди чиновников Российской империи, так и среди представителей национальной интеллигенции.

Красноречиво об этом свидетельствует тот факт, что во время революции 1905 г. учащиеся государственных учебных заведений в петициях к попечителю Виленского учебного округа (далее – ВУО)¹ в первую очередь обращались с просьбой изъять из учебного процесса тенденциозные учебники по истории и географии Российской империи, ввести изучение родного языка учащихся, а также истории и географии всех тех групп населения, которые проживают на территории Северо-Западного края [25, с. 207–208].

Необходимо отметить, что даже Иван Иванович Толстой (1858–1916), который во время революции 1905 г. пребывал на посту министра просвещения, говорил о том, что «в русскую школу на окраинах следует ввести изучение местного языка, а возможно и истории и географии края»

[32, с. 15]. Кстати, Толстой вообще считал, что имперской власти следует отказаться от цели «обрусить посредством школы все не-русское» [32, с. 16]. Он был уверен в том, что семья, зная цели государственной школы, будет всеми силами внушать детям любовь к своему в ущерб русскому, а «Россию считать насильницей, разлучницей от родного племени, ее поработанного» [32, с. 18]. Поэтому Толстой предлагал вообще отказаться от преследования политических целей в школе, а особое внимание сосредоточить на укреплении педагогических основ. Таким образом, по мнению Толстого, «поступивший в русскую школу, оставаясь сыном своего племени, не изменяя ему, не только охотно научится всему русскому, но даже полюбит русскую школу, а с нею и Россию» [32, с. 18].

Однако было ли суждено идеям Толстого и требованиям учащихся ВУО реализоваться?

Как известно, Толстой на посту министра народного просвещения задержался недолго – до апреля 1906 г. Учащимся в начальных и средних учебных заведениях ВУО была предоставлена возможность изучать родной язык (речь не шла о белорусском и украинском языках, которые имперская власть считала лишь диалектами русского языка). Однако учебные программы по истории в государственных школах Северо-Западного края оставались теми же, как и в других частях империи.

Например, в учебной программе по истории, составленной в 1913 г. для мужских гимназий, история Северо-Западного края, как и раньше, была включена в общий курс Российской истории. В этой учебной программе, которой руководствовались и в школах Северо-Западного края, история Великого княжества Литовского была представлена как история «Литовско-Русского государства» [20, с. 112]. Кроме того, в объяснительной записке Министерства народного просвещения к систематическому курсу русской истории учителю истории было указано «в рассказе об образовании Литовско-Русского государства обстоятельно показать преобладание в нем, как в численном, так и в культурном отношении православно-русского населения». [20, с. 112]. Учитель истории также должен был опустить «подробности завоеваний первых литовских государей» [20, с. 112]. Видимо, таким образом Министерство народного просвещения стремилось пресечь возможность интерпретации о слабости русского народа и государственности во времена Великого Княжества Литовского. Преподаванию истории вообще ставилась воспитательная цель – «направить внимание и мысль детей ко всему прекрасному и идеальному в прошлой жизни родного народа, укоренить

¹ В 1850–1915 гг. в состав Виленского учебного округа входили Виленская, Ковенская, Гродненская, Минская, Могилевская и Витебская губернии.

в них любовь к родине, преданность Престолу и отечеству» [19, с. 106].

Поэтому учителю истории отводилась особая роль. Он был приравнен к воспитателю, главная задача которого – «развивать патриотизм и любовь к родине и связанных с ними нравственных устоев» [19, с. 106]. Таковых убеждений придерживалась и администрация ВУО. Поэтому по распоряжению попечителя ВУО Василия Александровича Попова именно преподавателям истории, географии, русского языка и словесности, преподававшим в государственных учебных заведениях, была поставлена задача подготовить сборник статей по случаю воздвижения памятника Екатерине II в Вильне (1903 г.), подробно описать именно тот период, когда земли Велико-го Княжества Литовского вошли в состав Российской империи [15].

Кроме того, именно по инициативе местных чиновников уже в марте 1907 г. в ВУО был созван съезд преподавателей русского языка и истории [31]. Позже (снова по инициативе местных властей) была создана комиссия преподавателей русского языка и словесности (в январе 1908 г.) [24], прошел съезд преподавателей математики, физики, естествоведения и географии [30], а также графических искусств [33]. В 1909 г. при управлении ВУО была создана комиссия о мерах содействия физическому, нравственному и умственному развитию учащихся [31].

Однако преувеличивать значение и комиссии, и съездов преподавателей не стоит. Конечно, Борис Эдуардович фон Вольф, сменивший на посту ВУО Попова, больше, нежели его предшественник, искал сотрудничества с представителями местного общества. Однако позиция местных школьных властей оставалась неизменной. Происходившие съезды преподавателей следует считать номинальными – это был лишь способ обмена мнениями по тем вопросам, которые заранее формулировало управление ВУО. Кроме того, принять или отклонить резолюции учителей, которые были приняты на съездах, также решал Попечительский совет ВУО. Однако даже в таких условиях, когда местные власти старались и профессиональную деятельность учителей, и их социальную активность подчинить своим интересам, было обращено особое внимание на родиноведение, т. е. искали способы отдельно преподавать историю и географию местного края.

Так, например, на съезде преподавателей русского языка и истории, происходившего в Вильне с 7 по 11 марта 1907 г., учитель истории в Гродненской мужской гимназии Евстафий Филаре-

тович Орловский (1863–1913)¹ поднял вопрос о преподавании родиноведения в государственных школах ВУО. Видимо, Орловский, как член Северо-Западного отдела Императорского Русского географического общества, в свою очередь много внимания уделявший изучению истории Гродно и Гродненской губернии, был довольно неплохо ознакомлен с новой ландшафтной концепцией географии, развитие которой активно происходило в Российской империи в 1880–1910 гг.

Согласно логике ландшафтной концепции обучение должно было начинаться с изучения ближайшего окружения ученика – мира хорошо знакомых ему вещей и явлений, – и лишь затем переходить к вещам удаленным и менее известным. Применительно к изучению географии это означало, что после построения плана класса и школы ученики должны приступить к изучению своего города и своей «родины». По новой ландшафтной концепции географии «родиной» в данном случае понимался родной край ученика, в отличие от «отечества» или «отчизны» – всей Российской империи в целом. В свою очередь ландшафтная концепция хорошо отвечала воспитательным задачам: она вводила ученика в постепенно расширяющееся пространство «родного края», помогала ему ощутить свое неразрывное с этим краем единство. Поэтому данная концепция получила довольно быстрое развитие в Российской империи: и центральная школьная власть в Петербурге, и учителя провинции делали немало попыток, в особенности попытки создания особого курса родиноведения, т. е. курса, направленного на изучение «родного края» – особого промежуточного пространства между ближайшим окружением человека и всей империей [17].

На съезде преподавателей русского языка и истории Орловский в отдельном докладе также предложил преподавать родиноведение в школах ВУО, а под родиной разуметь губернию, в которой живут учащиеся. По мнению Орловского, разнообразные сведения из истории и географии,

¹ Евстафий Филаретович Орловский (1863–1913) родился в селе Словенск Ошмянского уезда Виленской губернии (ныне Минская область) в семье священника. Начальное образование получил в духовном училище в Вильно, затем прошел курс обучения в Литовской духовной семинарии. Высшее образование получил в Петербургском историко-филологическом институте. По его окончании в 1885 г. был назначен учителем греческого языка и истории в Гродненскую гимназию, которой и посвятил всю свою педагогическую деятельность. Одновременно активно занимался общественной и краеведческой работой, являясь членом Гродненского Софийского православного братства и сотрудником Северо-Западного отдела Русского географического общества и Гродненского церковно-археологического комитета.

имеющие отношение к данной губернии, и составят предмет родиноведения, а для изучения родной губернии потребуются 3–4 урока.

Как ни странно, но идею об включении родиноведения в школьные программы средних учебных заведений также выдвинул окружной инспектор ВУО Александр Фаустович Пигулевский, окончивший историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. Во время работы комиссии о мерах содействия физическому, нравственному и умственному развитию учащихся, работавшей при управлении ВУО в феврале 1909 г., Пигулевский «обратил внимание на заграничный опыт, когда изучение географии начинается с изучения своей местности, своего города» [31, с. 89]. По мнению Пигулевского, «изучение родины необходимо. Наши гимназисты и реалисты – теоретики и крайне бедны знаниями пригодными в практической жизни они не знают ни плана своего учебного заведения, ни уездов своих губерний, ни здешних дорог, ни плана своего города, но зато знают Америку, Африку и Австралию» [31, с. 89]. Однако даже Пигулевский, а в большей степени Орловский должен был выдержать лавину критики со стороны других учителей, в то время работавших в государственных школьных учреждениях.

Например, преподаватель русского языка и истории в Виленской первой мужской гимназии Сергей Минич Никонов посмотрел на введение родиноведения с практической стороны, учитывая дальнейшие судьбы воспитанников: «...нужно ли нам то, что мы называем родиноведением? Будет ли Вильна родиной для 50 процентов наших гимназистов, которые учатся в Вильне, пока живут их родители, а может быть не заглянут в Вильню вообще...» [31, с. 89]. В то время другие преподаватели государственных учебных заведений, которые присутствовали на съезде преподавателей русского языка и истории, считали, что выделение местной истории в особое исключительное положение среди общего курсового материала может иметь неблагоприятные последствия. Так, например, учитель истории и географии в Гомельской мужской гимназии Иван Петрович Максимов был уверен в том, «что выделение сведений о родном крае может породить в умах учащихся ложное представление, будто родная местность представляет собой нечто особое наряду с многими другими областями России, а не есть такая же страна, как и другие части государства» [31, л. 18]. В то же время учитель истории в Виленской второй мужской гимназии Валентин Васильевич Котов обратил внимание на тот факт, что история Западного края, при более или менее подробном изложении, может

задеть самолюбие отдельных национальностей [31, л. 18]. Возможно предположение, что Котов имел в виду учебники Арсения Осиповича Турцевича – председателя секции истории на съезде преподавателей русского языка и истории.

Как известно, Турцевич¹, преподаватель истории в Виленской первой гимназии, был автором нескольких учебных пособий по истории Западной России [34; 36]. В его хрестоматии и учебнике история Великого Княжества Литовского считалась частью общерусской истории. Как и в первом учебнике по истории Западной России, который в 1836 г. подготовил Николай Устрялов, так и в исторической концепции Турцевича Великое Княжество Литовское по своему государственному устройству, конфессиональному и этническому составу было таким же русским государством, как и Московское княжество. Кроме того, в учебниках Турцевича явно прослеживался антипольский характер. Турцевич утверждал, что после Люблинской унии (1569 г.) поляки на русских землях стали насаждать чужую веру и культуру, а польские паны жестоко мучали русских крестьян [35].

Тенденция антипольскости была настолько очевидна в учебниках Турцевича, что в сентябре 1906 г. попечительский совет ВУО рассматривал письменное обращение части польской интеллигенции во главе с Виленским бурмистром Михалом Венцлавским (Michał Węślawski, 1849–1917), которые утверждали, что учебник задевает религиозные и национальные чувства учеников-поляков [28]. Однако попечительский совет ВУО во главе с попечителем Вольфом решил, что учебник Турцевича следует оставить в школьном обращении, так как в нем нет ровно ничего оскорбительного для поляков. Автор учебника, который присутствовал на заседании попечительского совета, все же пообещал в новом издании «изменить несколько фраз и слов, которые в нынешней реакции могут вызывать какие-либо недоразумения» [28]. Однако было ли его обещание исполнено, нам неизвестно. Учебники Турцевича и дальше были основным учебным пособием в государственных школах ВУО. Кроме того, Турцевич решением попечителя ВУО Вольфа был назначен

¹ Арсений Осипович Турцевич (1848 – после 1915) – русский археограф и историк. Родился в Минской губернии в семье православного священника. В 1872 г. окончил Императорский Санкт-Петербургский университет. Еще работая в гимназии, Турцевич написал курс лекций для городских и уездных училищ, принятых Министерством народного просвещения к широкому распространению, – «Русская история (в связи с историей Великого княжества Литовского)» (выдержала 13 изданий). Неоднократно издавались его «Краткий учебник русской истории», «Хрестоматия по истории Западной России» (1892).

председателем секции истории на съезде преподавателей русского языка и истории.

Очевидно, что местные школьные власти ВУО не спешили, а возможно, боялись нововведений в учебные программы по истории Российской империи. Попечительский совет ВУО даже отклонил предложение секции истории съезда преподавателей русского языка и истории об изменениях в распределении исторического материала по русской истории в низших классах гимназий. По мнению учителей, участвовавших в секции истории, эпизодический курс русской истории, который преподавался в первом и втором классах гимназий, следовало расширить и на третий класс. Как заметили некоторые преподаватели, «большая часть учеников покидала школьные стены после трех классов, и в таком случае они имели бы более систематическое и глубокое познание русской истории» [31, с. 18]. Однако попечительский совет ВУО не принял даже это довольно рациональное предложение преподавателей, а дал распоряжение четко руководствоваться программами Министерства просвещения. «Изложение истории Западного края также должно было вести в связи с общим курсом отечественной истории в соблюдении строгой объективности и научности» – так звучала резолюция попечительского совета ВУО от 28 сентября 1907 г. [31, с. 18]. Особое внимание местные школьные власти уделяли не концепции истории, которая оставалась неизменной с 40-х гг. XIX в., а методике преподавания этих дисциплин, а именно наглядности и эмоциональной составляющей.

По мнению местной школьной администрации, чувство принадлежности к отечеству должно было воспитывать участие учащихся в государственных и исторических праздниках, хотя эта форма воздействия была рассчитана не только на эту социальную группу и была активно использована в период до революции 1905 г. Например, уже в мае 1868 г. по инициативе попечителя ВУО Помпея Николаевича Батюшкова по поводу рождения наследника императора Александра II было организовано празднование «по русскому обычаю»: в лесу на Антоколе ученики Виленских средних и начальных школ, в том числе и еврейских, пели русские песни и гуляли [4]. Таким образом, ученики государственных учебных заведений нередко становились как бы заложниками власти. Они должны были участвовать в праздновании государственных праздников, развлекать занимающих высокий служебный пост пением и чтением поэзии. Такие функции учеников были частью формирования в них чувства лояльности к империи, попыткой формирования нового имперского поколения.

Необходимо отметить, что на первые десятилетия XX в. выпало немалое количество государственных праздников: 300-летний юбилей правления династии Романовых, 100-летний юбилей войны 1812 г., 200-летие Полтавского боя, 50-летие освобождения крестьян от крепостной зависимости.

Местные школьные власти считали необходимым, чтобы участие в государственных празднованиях имело для учащихся особое эмоциональное значение и влияние. Поэтому ученики должны были становиться не столько наблюдателями, сколько участниками празднеств. Кроме того, участие в праздниках все более становилось дифференцированным, направленным на различные возрастные группы учащихся. Например, во время празднования Полтавской победы для учеников младших классов устраивались световые картины, в то время ученики старших классов не только читали поэзию, например, стихотворение Александра Сергеевича Пушкина «Полтавский бой», но и сами сочиняли стихи. Например, ученик 6-го класса Виленской первой мужской гимназии Клименко в своем стихотворении акцентировал: «Окрепла Русь. В борьбе тяжелой великим стал ее народ» [22, с. 15]. Однако особое значение школьная администрация ВУО придавала ученическим сочинениям для лучшего запечатления главных событий.

Например, во время празднования юбилея династии Романовых ученики писали сочинения на темы: «Значение русских государей в истории освобождения западных славян», «Русско-польские отношения при Михаиле Федоровиче и Алексее Михайловиче» и т. д. Ученик 8-го класса Виленской реальной гимназии Б. Зубрицкий в своем сочинении доказывал, что разбор Речи Посполитой, а точнее, действия русского правительства в отношении Польши, были самым естественным следствием упрямства и ослепления поляков, поэтому были правильны и необходимы. Ученик Виленской реальной гимназии утверждал, что со времени первого соединения Литвы с Польшей вплоть до Люблинской унии польское правительство начало унижение православных и русских.

Такие утверждения учеников были весьма «обоснованы». Например, учитель истории и географии Гомельской мужской гимназии Макарий Иосифович Сидоренко во время своей речи на торжестве празднования 300-летия правления династии Романовых однозначно утверждал, что границы империи «раздвигаются при Екатерине до их естественных пределов» [26]. Для поддержания патриотического чувства учителя умело использовали и празднование Отечественной войны 1812 г. Ярким примером могут служить

действия учителя истории Виленского реально-го училища Иосифа Николаевича Ящинского. В своей речи он утверждал, что «1812 год был годом русской славы, а для поляков годом радужных мечтаний и тяжелых разочарований». «Отечественная война», по мнению воспитанника Варшавского университета, «способствовала пробуждению среди русского народа сильного патриотического чувства. Все русские люди объединились, сплотились между собой и в этом единении почерпнули великие нравственные силы для борьбы с внешним врагом, задевшим и оскорбившим национальное чувство русского народа» [23].

Во время празднеств для учеников организовывались специальные экскурсии, в первую очередь по знаковым местам (г. Борисов, д. Студенка), которые хоть как-то были связаны с военными событиями 1812 г. Кроме того, депутация из учеников государственных учебных заведений ВУО была приглашена на празднества в Москву. А такие экскурсии учеников производили соответствующие впечатления. Так, Борис Хрыпов, ученик 8-го класса Бобруйской мужской гимназии так описывал свои впечатления после юбилейных торжеств в Москве: «За эти дни мне вспомнились слова Карамзина – кто не знает Москвы, тот не знает России. Сколько чувств связано с Кремлем, его стенами, соборами, палатами, ведь здесь выросло русское государство, здесь сокровищница исторических богатств русского народа» [11].

Конечно, говорить о результатах такой индоктринации юного поколения довольно сложно. Однако усердия местных школьных властей могли дать и совсем «другой» результат. Здесь следует вспомнить процесс формирования национальной самоидентичности Якуба Коласа. По воспоминаниям Константина Мицкевича, в Несвижской учительской семинарии русский язык и литературу преподавал Федот Андреевич Кудринский¹ (1867–1933), который, несмотря на то, что в стенах семинарии допускалось говорить только по-русски, поощрял выступления семинаристов на «местном наречии», на вечерах художественной самодеятельности, настойчиво рекомендовал своим ученикам собирать устно-поэтическое народное творчество, бытовые и исторические предания, различные этнографические материалы [18]. Увлечшись поиском и собиранием таких материалов, Мицкевич пишет стихи по-русски и по-белорусски, выступает на литературных вечерах с чтением юмористических рассказов на белорусском языке, а затем, уже как Якуб Колас, активно участвует в формировании белорусского национального движения.

¹ Федот Андреевич Кудринский (1867–1933) – педагог, литератор, этнограф, родился 19 февраля/3 марта 1867 г. в местечке Степань Ровенского уезда Волынской губернии в семье священника. Некоторое время работал преподавателем Нижегородской духовной семинарии, затем во 2-м Петроградском реальном училище, в Несвижской учительской семинарии. Интересовался этнографией литовцев и белорусов.

Список использованных источников

1. *Dąbrowski, P.* Narodowa Demokracja byłego Wielkiego Księstwa Litewskiego. Studium z zakresu myśli politycznej i działalności obozu narodowego na ziemiach litewsko-białoruskich w latach 1897–1918 / P. Dąbrowski. – Kraków: Księgarnia akademicka, 2010. – S. 127–168.
2. *Karčiauskienė, M.* Pradinio švietimo raida Lietuvoje XIX a. antroje pusėje ir XX a. Pradžioje / M. Karčiauskienė. – Kaunas: Šviesa, 1989.
3. *Matusas, J.* Lietuvių rusinimas per pradžios mokyklas / J. Matusas. – Kaunas: Švietimo ministerijos Knygų leidimo komisija, 1937.
4. *Petronis, V.* Vilnius ir vilniečiai: miesto ir bendruomenių kaitos bruožai XIX a. antrosios pusės oficialiojoje spaudoje / V. Petronis // Lietuvos istorijos metraštis. – 2016. – № 1. – P. 43.
5. *Pukienė, V.* Lietuvių švietimo draugijos XX a. pradžioje (1906–1915 metais) / V. Pukienė. – Vilnius: A. Varno personalinė įmonė, 1994.
6. *Pupšys, V.* Lietuvos mokykla: atgimimo metai (1905–1918) / V. Pupšys. – Klaipėda: Klaipėdos universitetas, 1995.
7. *Staliūnas, D.* Lenkija ar Rusija? Lietuva rusiškame mentaliniame žemėlapyje / D. Staliūnas // Lietuvos erdvinės sampratos ilgajame XIX šimtmečiuje. Sudarytojas D. Staliūnas. Straipsnių rinkinys. – Vilnius: Baltijos kopija, 2015. – P. 39–43.
8. *Walasek, S.* Polska oświata w gubernii Wileńskiej w latach 1864–1915 / S. Walasek. – Kraków: Impuls, 2003.
9. *Žukauskas, K.* Iš Lietuvos mokyklos istorijos 1905–1907 metai / K. Žukauskas. – Kaunas: valstybinė pedagoginės literatūros leidykla, 1960.
10. *Арискин, И.* Школа в Литве в эпоху капитализма / И. Арискин // Из истории школы Белоруссии и Литвы. – М., 1964. – С. 189–203.
11. Впечатления присутствовавшего на юбилейных торжествах в городе Москве в августе 1912 года // Народное образование в Виленском учебном округе. – 1913. – № 1. – С. 28–31.
12. *Гончаров, М.* Национально-образовательная политика на западных окраинах Российской империи XIX – начала XX вв. / М. Гончаров // The Humanities and Social Science. – 2015. – № 25. – С. 79–89.

13. Гулюк, М. А. Политика российского правительства по подготовке педагогических кадров для Виленского учебного округа (вторая половина XIX – начало XX вв.) / М. А. Гулюк. – Минск, 2006.
14. Евдокимова, Е. Л. Гимназическое образование в Беларуси: Исторический опыт и тенденции развития (XIX – начало XX в.) / Е. Л. Евдокимова. – Минск, 1998.
15. Императрица Екатерина II. Сборник исторических статей. Издан по распоряжению господина попечителя Виленского учебного округа В. А. Попова / под ред. преподавателя Виленской I-й гимназии А. Турцевича. – Вильна: Тип. А. Г. Сыркина, 1904.
16. Лавицкая, Е. Б. Начальное образование на белорусских землях в XIX – начале XX века (на примере церковных школ) / Е. Б. Лавицкая // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Е, Педагогические науки: научно-теоретический журнал. – 2013. – № 7. – С. 35–38.
17. Лоскутова, М. С чего начинается родина? Преподавание географии в дореволюционной школе и региональное самосознание (XIX – начало XX в.) / М. Лоскутова. – Ab Imperio. – 2003. – № 3. – С. 159–198.
18. Моя автобиография (1928 г.) // Избранные сочинения / Я. Колас. – Минск, 1983. – С. 10.
19. Объяснительная записка к программе элементарного курса отечественной истории // Журнал Министерства народного просвещения. – 1913. – Ч. XLVI. – С. 106.
20. Объяснительная записка к систематическому курсу русской истории // Журнал Министерства народного просвещения. – 1913. – Ч. XLVI. – С. 112.
21. Отдел рукописей и редкой книги Литовской национальной библиотеки имени М. Мажвидаса (LNB RS). – F. 19, AP. 1, B. 82.
22. Полтавские дни в Виленском учебном округе. 200-летие Полтавского боя / Изд. упр. Вилен. учеб. округа. – Вильна: Тип. А. Г. Сыркина, 1909.
23. Причины и значение отечественной войны 1812 года. Речь преподавателя истории Виленского реального училища Яшинского, произнесенная на годовичном акте училища 22 октября 1912 года // LVIA. – F. 567, ap. 1, b. 1995, l. 21.
24. Протоколы заседаний комиссии преподавателей русского языка и словесности Виленского учебного округа, происходивших 2–8 января 1908 года в г. Вильне. – Вильна: Тип. А. Г. Сыркина, 1908.
25. Революция 1905–1907 гг. в Литве. Документы и материалы. – Вильнюс: Гос. изд-во полит. и науч. лит-ры, 1961. – С. 207–208.
26. Речь преподавателя истории Гомельской мужской гимназии Сидоренко, читанная на торжестве празднования 300-летия дома Романовых 21 февраля 1913 года // LVIA. – F. 567, ap. 1. B. 2161.
27. Русско-польские отношения при первых Романовых (ученик VIII класса Виленского реального училища Б. Зубрицкий) // 1613–1913. Юбилейные торжества в Виленском учебном округе. – Вильна: Тип. Рус. почин, 1913. – С. 287.
28. Секретная записка попечителя Виленского учебного округа Б. Э. Вольфа от 19 марта 1908 года № 28 министру народного просвещения А. Н. Шварцу // LVIA. – F. 567, ap. 26, b. 800a, l. 18.
29. Виленский учебный округ: политика российского правительства в области образования (вторая половина XIX – начало XX вв.) / В. В. Сергеевкова [и др.] // Российские и славянские исследования. – Т. 3. – 2008. – С. 48–95.
30. Съезд преподавателей математики, физики, естествознания и географии средних учебных заведений Виленского учебного округа происходивший в Вильне с 25 февраля по 2-е марта 1908 г.: секция географии. – Вильна: Тип. А. Г. Сыркина, 1908.
31. Съезд преподавателей русского языка и истории средних учебных заведений Виленского учебного округа, происходивший в Вильне в марте 1907 года. Секция истории. Вильна: Тип. А. Г. Сыркина, 1907.; Протоколы заседаний комиссии при управлении Виленского учебного округа по вопросу о мерах содействия физическому, нравственному и умственному развитию учащихся. – Вильна: Тип. А. Г. Сыркина, 1909.
32. Толстой, И. Заметки о народном образовании в России / И. Толстой. – СПб.: Тип. Т-ва М. О. Вольф, 1907. – С. 15.
33. Труды Съезда преподавателей графических искусств и ремесел Виленского Учебного Округа 21–25 апреля 1910 г. – Вильна, 1911.
34. Турцевич, А. Русская история (в связи с историей Великого Княжества Литовского) / А. Турцевич. – Вильна: Тип. А. Г. Сыркина, 1894.
35. Турцевич, А. Русские крестьяне под владычеством Литвы и Польши: краткий исторический очерк / А. Турцевич. – Вильна: Тип. А. Г. Сыркина, 1911.
36. Турцевич, А. Хрестоматия по истории Западной России. Учебное пособие для учеников старших классов средних учебных заведений / А. Турцевич. – Вильна: Тип. А. Г. Сыркина, 1892.
37. Уварова, Н. А. Государственная политика в сфере образования на западных окраинах России в конце XIX – начале XX в. как часть национальной политики / Н. А. Уварова // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2012. – № 1. – С. 71–77.

Дата поступления: 02.10.2018.

Ершова О. И.
Белорусский государственный университет, Минск

Ershova O.
Belarusian State University, Minsk

УДК 94(470+571)«18»(043.3)

РЕФОРМЫ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В БЕЛАРУСИ В XIX ВЕКЕ

REFORMS OF NATIONAL EDUCATION IN BELARUS IN THE XIX CENTURY

В статье раскрывается процесс реформирования сферы начального образования в белорусских губерниях Российской империи на протяжении XIX ст. Анализируется содержание и особенности реформ на территории Виленского учебного округа. Описывается процесс складывания на белорусских землях предпосылок для введения всеобщего начального образования.

Ключевые слова: образование; школа; учебный округ; попечитель; реформа.

The article reveals the process of reforming the sphere of primary education in Belarusian provinces of the Russian Empire throughout the XIX century. The content and features of the reforms on the territory of the Vilna school district are analyzed. The process of forming the preconditions for the introduction of universal primary education on the Belarusian lands is described.

Keywords: education; school; school district; trustee; reform.

Первая четверть XIX в. в Российской империи прошла под знаком правления императора Александра I. Его вступление на престол ознаменовалось началом проведения реформ, в ходе которых подверглась реорганизации и сфера образования. Основной территориально-административной единицей управления учебными заведениями на местах стал учебный округ, в центре которого находился университет. Университет готовил кадры и учебно-методическую базу для средних учебных заведений, а те, в свою очередь, для начальных учебных заведений. Все учебные округа подчинялись созданному Министерству народного просвещения. Одним из принципов, привнесенных реформой в сферу образования, стала преемственность учебных заведений.

Территории Виленской, Гродненской, Минской, Могилевской, Витебской, Киевской, Подольской и Волынской губерний образовали Виленский учебный округ, учрежденный в 1803 г. [1, с. 422]. Первым попечителем округа назначили князя Адама Чарторыйского. Его правой рукой стал ректор Виленского университета Иероним Стройновский. Основу системы народного образования в округе составили учебные заведения, существовавшие на территории Беларуси еще в XVIII в.: католические и униатские училища, школы Эдукационной комиссии, главные и малые народные училища по указу 1786 г. Так, в 1803 г. в главных и малых народных училищах обучалось 767 учеников, в школах монашеских орденов – 5820 [2, с. 12].

В 1804 г. в Российской империи вышел школьный устав, согласно которому в Виленском

учебном округе появились учебные заведения нового типа: четырехлетние уездные училища, одноклассные и двухклассные приходские училища. Адам Чарторыйский, пользуясь расположением Александра I, стремился укрепить позиции польской культуры в сфере образования вверенных ему территорий. Преподавание во всех учебных заведениях округа осуществлялось на польском языке. Благодаря стараниям своего попечителя и администрации Виленский учебный округ вышел на первое место в Российской империи по количеству учебных заведений и отличался хорошим подбором преподавательских кадров [2, с. 6].

Пришедший к власти в 1825 г. император Николай I инициировал проведение в стране очередной образовательной реформы. Новый устав 1828 г. ликвидировал преемственность учебных заведений. Для крестьян и беднейших представителей городского сословия отныне предназначались приходские училища, содержать которые должны были помещики, духовенство и прихожане. Для горожан учреждались трехклассные уездные училища, являвшиеся высшим типом начальных учебных заведений. Основу среднего образования составляли гимназии.

В 1826 г. учебные заведения Витебской и Могилевской губерний передали Петербургскому учебному округу. В 1829 г. они перешли в состав вновь образованного Белорусского учебного округа. В 1831 г. учебные заведения, находившиеся на территории современной Украины, вошли в состав Харьковского учебного округа, а Минская губерния – в состав Белорусского [3, с. 329].

В 1832 г. Виленская, Гродненская губернии и Белостокская область влились в состав Белорусского учебного округа, а Виленский учебный округ прекратил свое существование [1, с. 424].

Таким образом, в начале 1830-х гг. Белорусский учебный округ объединил все учебные заведения, находившиеся на территории современной Беларуси. Данное решение было оправданным с точки зрения эффективного управления образовательной сферой и, в частности, осуществления строгого контроля за образовательным процессом в условиях резкого изменения правительственного курса в отношении белорусских земель. Политика обрусения в области народного образования, которую начало осуществлять российское правительство после подавления Польского восстания 1830–1831 гг., преследовала цель ослабления польского и усиления русского влияния. Так, в 1836–1838 гг. в учебных заведениях Белорусского учебного округа запретили преподавание польского языка [1, с. 426].

В 1830–1840-х гг. Министерство народного просвещения в сфере начального образования уделяло основное внимание учебным заведениям высшего типа. Так, согласно штатам, утвержденным в 1836 г., в Белорусском учебном округе планировалась работа 17 пятиклассных и девяти трехклассных уездных училищ [1, с. 425]. В октябре 1833 г. Министерство разрешило открывать «по мере надобности» приходские училища согласно уставу 1828 г., содержание которых возлагалось на сельские и городские общества [4, с. 8].

В 1850 г. учебные заведения Витебской и Могилевской губерний передали Петербургскому учебному округу, а 2 мая 1850 г. именным указом Николая I был восстановлен Виленский учебный округ в составе Виленской, Гродненской, Минской и Ковенской губерний [5, № 2749]. Обязанности по управлению учебными заведениями округа, согласно решению центральной власти, принял на себя виленский генерал-губернатор И. Г. Бибииков (Второй).

В 1855 г. в Виленской, Гродненской, Минской, Могилевской и Витебской губерниях насчитывалось 19 пятиклассных и восемь трехклассных уездных училищ, 89 приходских училищ Министерства народного просвещения и 89 – Министерства государственных имуществ, семь училищ при церквях иностранных исповеданий, три женских школы [6, с. 28]. Существовали также школы, подведомственные Св. Синоду. Применительно к численности населения этого количества было явно недостаточно. Начальные учебные заведения находились в неудовлетворительном состоянии. Начальник 4-го Округа Корпуса жандармов в секретном донесении от 12 марта 1856 г. отмечал, что Виленский гене-

рал-губернатор И. Г. Бибииков (Второй) занимался делами округа «без всякой системы, внимания и последовательности» (цит. по: [7, л. 25]). В январе 1856 г. Министерство вновь обратилось к практике назначения попечителя учебного округа, новым попечителем стал Е. П. Врангель. Он не планировал коренных изменений в области народного образования, считая достаточным увеличить количество учебных заведений, перераспределить финансовые потоки, скорректировать схему управления начальным образованием. Однако приход к власти императора Александра II ознаменовал начало в стране структурных реформ, затронувших и сферу образования.

Сменивший в 1861 г. Е. П. Врангеля на посту попечителя Виленского учебного округа А. П. Ширинский-Шихматов лично доложил Александру II о состоянии образования на вверенных ему землях. 18 января 1862 г. император повелел немедленно приступить к организации в северо-западных губерниях народных училищ [8, с. 809]. Началось составление правил, согласно которым должны были функционировать начальные школы белорусских губерний. На процесс разработки проекта «Временных правил для народных школ в губерниях Виленской, Гродненской, Минской, Могилевской и Витебской» большое влияние оказали предложения А. П. Ширинского-Шихматова, виленского генерал-губернатора В. И. Назимова и представителей местного образованного общества.

На выделенные из Государственного казначейства 10 000 руб. четыре доверенных лица А. П. Ширинского-Шихматова организовали в Виленской, Гродненской и Минской губерниях 101 сельское народное училище для детей временнообязанных крестьян. Деятельность этих училищ в конце 1862 – начале 1863 г. прояснила вопрос материального обеспечения учебных заведений. Стало понятным, какие суммы и из каких источников нужно выделять на отдельные виды школьных расходов, как обеспечить их стабильное поступление. Вырисовывалось содержание ревизий школ, которые учебное ведомство стало проводить ежегодно. Была уточнена схема управления училищами. С учетом полученной информации о работе вновь образованных сельских училищ во время неоднократных обсуждений в верхах проект «Временных правил» подвергся значительной переработке. Именно А. П. Ширинский-Шихматов сформулировал основные принципы существования начальных училищ, определил особенности их организации. Он настаивал на развитии в Северо-Западном крае преимущественно системы правительственных, а не общественных училищ, предлагал отстранить от управления школой общественных

представителей и придать ему централизованный характер. Кроме того, попечитель стремился устранить влияние католиков в области образования [9, с. 55–57].

23 марта 1863 г. были утверждены «Временные правила для народных школ в губерниях Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской, Могилевской и Витебской». Руководство школами взяли на себя дирекции, каждой из которых управлял училищный совет. Все члены училищного совета – директор, инспектора, по одному представителю от Министерства внутренних дел, Министерства государственных имуществ и епархиального ведомства православного исповедания – назначались. На открытие школы требовалось разрешение училищного совета. Инспектора в течение года лично осматривали училища. Так сфера народного образования оказалась под контролем администрации и правительства. Училища могли посещать дети без различия исповеданий. Там, где большинство учащихся исповедовало православие, за их религиозным и нравственным воспитанием наблюдал приходской священник [10, № 39411]. 7 октября 1864 г. в Виленский учебный округ вновь включили Могилевскую и Витебскую губернии [11, № 41331]. С этого момента состав округа, объединившего шесть северо-западных губерний, не менялся.

В 1860-е гг. в Виленском учебном округе, как и в Российской империи, шел процесс подчинения начальных учебных заведений разных ведомств Министерству народного просвещения. Если в 1855 г. Министерство контролировало 5,25 % всех школ в империи, то в 1876 г. – уже 82,6 % [12, с. 200–201]. В белорусских губерниях в начале 1860-х гг. школы открывали и Министерство внутренних дел, и Министерство государственных имуществ, и Св. Синод. В 1864–1865 гг. в ведение дирекций народных училищ перешли приходские училища, в 1867 г. – школы в селениях бывших государственных крестьян, в 1868 г. – начальные училища при лютеранских и реформатских церквях. Часть школ, учрежденных духовенством и Министерством внутренних дел, также стала подчиняться дирекциям. К 1866 г. в каждой губернии округа работала отдельная дирекция, состоявшая из директора, инспекторов и канцелярских служащих. Таким образом, к началу 1870-х гг. шесть дирекций народных училищ Виленского учебного округа управляли начальными учебными заведениями практически всех типов (кроме уездных училищ) – как существовавших ранее, так и появившихся в 1860-е гг. Городское население белорусских губерний округа могло получить начальное образование в 200, сельское – в 1515 учебных заведениях Министерства народного просвещения [13, л. 1–2].

Во второй половине 1860-х гг. Министерство народного просвещения обратило внимание на развитие женского образования. В городах и местечках Виленского учебного округа в 1865 г. начали учреждаться женские смены при приходских училищах, содержавшиеся за счет государства. Учебный процесс проходил в помещении приходских училищ, но в послеобеденное время, поэтому данный тип учебных заведений и получил название «женская смена». Благодаря деньгам, выделенным в 1868 г. Государственным казначейством, в белорусских губерниях открылись 12 двухклассных и 15 одноклассных женских частных училищ. В сельской местности школу, как правило, посещали дети обоих полов. Дирекции стремились к увеличению числа учащихся девочек как в городе, так и в деревне [6, с. 75–76].

С каждым годом деятельность Министерства народного просвещения становилась все более консервативной, что отразилось и на подборе кандидатур попечителей учебных округов. В 1869 г. на должность попечителя Виленского учебного округа был назначен Н. А. Сергиевский – осторожный, консервативно настроенный чиновник, ориентированный не на проявление инициативы, а на исполнение предписаний руководства [14, с. 63]. Кандидатура Сергиевского удовлетворяла и Александра II, и министра народного просвещения Д. А. Толстого, которые хотели видеть попечителем в Вильно не реформатора, а администратора. Император ожидал от Сергиевского осторожных действий, не затрагивавших явно религиозные и национальные чувства населения. По мнению Толстого, Сергиевский мог обеспечить поддержку начальных учебных заведений со стороны гражданской власти и православного духовенства.

Одной из важнейших задач образовательной политики в Виленском учебном округе в 1870–1890-х гг. выступало совершенствование системы контроля за народными училищами. В 1872 г. после одобрения Министерства народного просвещения вступила в действие «Инструкция инспекторам народных училищ Виленского учебного округа» [15, с. 1879–1882]. Контроль за школами возлагался на инспекторов народных училищ, обязанности и полномочия которых прописывались в «Инструкции». В Виленском учебном округе именно инспектор играл ведущую роль в процессе формирования единообразной системы начального образования. Во-первых, проверяющие оказывали практическую помощь каждой начальной школе. Во-вторых, они передавали всю информацию с мест в училищные советы дирекций, которая и определяла суть управленческих решений в от-

ношении школы. Система контроля за начальными учебными заведениями Виленского учебного округа была признана лучшей в Российской империи [16, с. 13].

13 января 1879 г. Министерство народного просвещения утвердило «Инструкцию училищным советам дирекций народных училищ Виленского учебного округа» [15, с. 1874–1879]. В ней прописывались обязанности и полномочия училищных советов, механизм управления начальными учебными заведениями. Советы разрешали открытие училищ, назначали в них учителей. Обязанности членов Советов заключались в улучшении учебно-воспитательной работы, материально-хозяйственного состояния учебных заведений, в содействии открытию новых училищ. Широкими полномочиями обладала дирекция в отношении учителей: сообщала о санкционированных училищным советом замечаниях, выговорах, перемещениях или увольнениях, командировках на педагогическую практику в губернский город, представляла к благодарности или награде. В целом училищный совет каждой дирекции занимался регулированием развития начального образования в границах всей подведомственной губернии: осуществлял кадровую политику, перераспределял материальные средства между училищами, контролировал выполнение обязательств перед учебными заведениями и пр. «Инструкция училищным советам дирекций народных училищ Виленского учебного округа» утверждалась в виде опыта на шесть лет, но так и не была переработана до конца XIX в.

В 1870-е гг. в Виленском учебном округе шел процесс централизации управления всеми типами начальных учебных заведений, открывались школы новых типов. Появилась такая разновидность начальной школы, как городское училище. По «Положению» 31 мая 1872 г. Министерство народного просвещения планировало все уездные училища преобразовать в городские и открыть новые – на частные и общественные средства. В сравнении с уездными, в городских училищах был увеличен срок обучения, предметную заменила классная система преподавания. В сельской местности начали открываться так называемые образцовые училища Министерства народного просвещения, которые были учреждены по высочайшему повелению 29 мая 1869 г. с целью дать детям начальное образование в большем объеме, чем сельские училища других типов. Как оказалось на практике, обучение в народных училищах Виленского учебного округа обеспечивало более высокий уровень подготовки учащихся, чем в образцовых [17, лл. 3, 6–8]. Однако образцовые училища в белорусских губерниях продолжали открываться, поскольку финансировались

государством и не требовали денежных вливаний от крестьян [18].

В 1874 г. в ведение дирекций народных училищ были переданы уездные и городские училища, частные начальные учебные заведения, начальные училища для евреев. В итоге дирекции сосредоточили в своих руках управление начальными училищами всех типов: от дающих наиболее полное начальное образование уездных и городских до отделений сельских училищ. В 1877 г. начальные училища Виленского учебного округа составляли 14,9 % от количества училищ Российской империи. Большой показатель имел только Московский учебный округ [19, с. 144].

В 1881 г. к власти в стране пришел консервативно настроенный император Александр III. На время его правления приходится расширение системы начальных школ, подведомственных Св. Синоду. Усиление влияния духовного ведомства на сферу образования происходило в границах всего государства, но Виленский учебный округ оно затронуло в большей степени. Если в империи с 1881 по 1895 г. число церковных школ увеличилось в 7,9 раза, а учащихся – в 10,6 раза, то в четырех белорусских епархиях – соответственно в 24,5 и 21,7 раз [6, с. 89]. Процесс взаимодействия двух систем начального образования в белорусских губерниях носил противоречивый характер. С одной стороны, для него было характерно соперничество, порожаемое борьбой учебного и духовного ведомств за симпатии населения, наполняемость училищ, материальные средства, а также амбициями части православного духовенства. С другой стороны, эффективное развитие обеих образовательных систем становилось возможным при условии взаимовыгодного сотрудничества. Руководство округа воспринимало православную церковь как своего давнего и единственного союзника в деле образования местного населения в русском духе и стремилось к плодотворной совместной работе на ниве народного образования. Однако местное православное духовенство зачастую рассматривало сотрудничество с учебным ведомством как помеху развертыванию системы церковных начальных школ. В этой сложной ситуации начальные училища, подведомственные Министерству народного просвещения, сумели сохранить свои позиции в округе. Для многонационального населения Северо-Западного края народное училище Министерства являлось более приемлемым типом начального учебного заведения, чем церковное. Народные училища лидировали по наполняемости учащимися. Среди церковных училищ преобладали одногодичные школы грамоты с достаточно примитивным уровнем организации учебного процесса. Училища, под-

ведомственные Синоду, ориентировались, как правило, на православных. Училища, подчинявшиеся дирекциям, принимали детей всех вероисповеданий. Примечательно, что имевшее место соперничество положительно сказывалось на училищах обоих ведомств, способствуя совершенствованию учебно-воспитательного процесса [14, с. 63–64].

К концу XIX в. резко обозначилось несоответствие числа подведомственных Министерству народного просвещения начальных училищ потребностям в грамоте населения белорусских губерний. Если в 1866 г. одно начальное учебное заведение приходилось здесь в среднем на 3476 человек, то в 1897 г. – на 6037 человек [6, 88]. Медленный рост их численности обуславливался содержанием и особенностями образовательной политики российского правительства в отношении Виленского учебного округа. В ее основе лежали принципы отстранения общества от управления и контроля над школой и распространения среди местного населения русской грамоты. Все недостатки системы начального образования

в округе Министерство народного просвещения планировало устранить в рамках существовавшей системы.

Таким образом, к концу XIX в. в Виленском учебном округе была создана учебно-методическая и учебно-воспитательная база для развития широкой сети начальных училищ в городской и сельской местности, наработаны принципы управления и контроля. Российское правительство могло продолжить придерживаться прежних принципов организации здесь начального образования либо скорректировать их, исходя из особенностей социально-политического и национально-религиозного состояния Северо-Западного края. Второй вариант означал реорганизацию системы, стабильно функционировавшей в пореформенные годы. Как показала история, Николай II, пришедший к власти в 1894 г., склонялся к преобразованиям только под нажимом серьезных факторов, претендовать на которые в северо-западных губерниях могли изменение политической и социальной ситуации, нарастание национального движения.

Список использованных источников

1. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. XVIII в. – первая половина XIX в. / отв. ред. М. Ф. Шабаева. – М.: Педагогика, 1973. – 608 с.
2. Гурецкий, А. А. Политика царизма в области образования в Белоруссии в конце XVIII – первой четверти XIX века. (1772–1825 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. / А. А. Гурецкий. – Минск: БГПУ им. М.Танка, 1998. – 20 с.
3. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения: в 18 т. – СПб., 1864. – Т. 2. – 562 с.
4. Кириллов, М. К. Начальная школа Белоруссии во второй половине XIX и в начале XX в. (1860–1907) / М. К. Кириллов // Изв. Акад. пед. наук РСФСР. – 1964. – Вып. 131. – С. 7–182.
5. Рубинштейн, С. Ф. Хронологический указатель указов и правительственных распоряжений по губерниям Западной России, Белоруссии и Малороссии за 240 лет, с 1652 по 1892 г. / С. Ф. Рубинштейн. – Вильна: Тип. А. Г. Сыркина, 1894. – 918 с.
6. Ершова, О. И. Политика российского правительства в области начального образования во второй половине XIX в. (на материалах белорусских губерний Виленского учебного округа): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. / О. И. Ершова. – Минск: БГУ, 2005. – 224 с.
7. Российский государственный исторический архив в Санкт-Петербурге (далее – РГИА в Санкт-Петербурге). – Ф. 733. – Оп. 62. – Д. 1334.
8. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения: в 18 т. – СПб., 1865. – Т. 3. – 834 с.
9. Белецкий, А. В. Сорокалетие русской начальной школы в Северо-Западном крае России / А. В. Белецкий. – Вильна: Тип. А. Г. Сыркина, 1905. – 64 с.
10. Полное собрание законов Российской империи. – 2-е собр.: в 55 т. – Т. 38. – СПб.: Тип. Второго отделения собственной е. и. в. канцелярии, 1866. – 734 с.
11. Полное собрание законов Российской империи. – 2-е собр.: в 55 т. – Т. 39. – СПб.: Тип. Второго отделения собственной е. и. в. канцелярии, 1867. – 695 с.
12. Сергеенкова, В. В. Правительственная политика в области начального образования в России во второй половине 60–70-х гг. XIX в.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. / В. В. Сергеенкова. – Минск: Белорус. гос. ун-т им. В. И. Ленина, 1980. – 258 с.
13. РГИА в Санкт-Петербурге. – Ф. 733. – Оп. 202. – Д. 355.
14. Виленский учебный округ: политика российского правительства в области образования (вторая половина XIX – начало XX в.) / В. В. Сергеенкова [и др.] // Российские и славянские исследования: науч. сб. / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2008. – Вып. 3 – С. 57–75.
15. Фальборк, Г. Настольная книга по народному образованию: в 3 т. / Г. Фальборк, В. Чарнолуцкий. – СПб.: Изд. Тов-ва «Знание», 1904. – Т. 3. – 2623 с.
16. Извлечение из всеподданнейшего отчета министра народного просвещения за 1871 год // Журнал Министерства народного просвещения. – 1873. – Ч. 165, № 2. – С. 97–155; Ч. 166, № 3. – С. 1–46.

17. Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (далее – НИАБ в г. Минске). – Ф. 458. – Оп. 1. – Д. 49.
 18. НИАБ в г. Минске. – Ф. 2254. – Оп. 2. – Д. 122.
 19. Извлечение из всеподданнейшего отчета министра народного просвещения за 1877 год // Журнал Министерства народного просвещения. – 1879. – Ч. 205, № 9. – С. 1–61; № 10. – С. 93–155.

Дата поступления: 01.10.2018.

Острога В. М.

Белорусский государственный технологический университет, Минск

Ostroga V.

Belarusian State Technological University, Minsk

УДК 316.3562:37-054.7«18/19»

СЕМЬЯ В ЖИЗНИ УЧИТЕЛЕЙ БЕЛАРУСИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)

FAMILY IN THE LIFE OF BELARUSIAN TEACHERS (THE SECOND HALF OF XIX – EARLY OF XX CENTURY)

Семья принадлежит к важнейшим ценностям в жизни человека, поэтому от того внимания, какое придавало и придают этому социальному институту общество и государство, во многом зависит его будущее. Какой бы стороны социальной жизни мы ни касались, вопросы брака и семьи относятся к проблемам, привлекающим пристальное внимание исследователей. В статье рассматриваются различные аспекты семейного положения учителей Беларуси во второй половине XIX – начале XX в.: ценность семьи в жизни учителя и возможности для ее создания, отношение к вступлению в брак учебной администрации, численность холостых (замужних) и состоящих в браке, бытовые условия жизни семейных учителей, воспитание их детей и др.

Ключевые слова: учитель; учебное заведение; семейное положение; брак; замужество; семейный вопрос; повседневная жизнь; семейный бюджет.

The family belongs to the most important values in a person's life, therefore, the future depends on the attention that the society and the state give to this social institution. Whichever side of social life we touch, the issues of marriage and family concern problems that always attract close attention of researchers. The article examines various aspects of the marital status of teachers in Belarus in the second half of the nineteenth and the beginning of the twentieth centuries: the value of the family in the life of the teacher and the possibilities for creating it, the attitude towards the marriage of the educational administration, the number of single (married) and married, life of family teachers, the upbringing of their children, and others.

Keywords: teacher; educational institution; marital status; marriage; marriage; the family issue; everyday life; family budget.

Во второй половине XIX – начале XX в. на территории Беларуси достаточно динамично развивалось народное образование. Значительно расширилась сеть различных типов учебных заведений, обеспечивающих получение навыков чтения и письма. Просветительская деятельность школы заметно возрастала и охватывала не только огромное количество детей и подростков, но и многочисленные группы взрослого населения. Значительную часть интеллигенции составляло учительство, которое характеризовалось, в основном, недостаточным уровнем профессиональной подготовки, молодым возрастом, незначительным педагогическим стажем и неоднородностью социального происхождения. Наблюдалась тен-

денция увеличения работающих женщин-педагогов. Большинство среди «учащих» не торопилось или не могло создать и обеспечить семью.

Согласно первой школьной переписи 1880 г., в шести губерниях Виленского округа насчитывалось 1226 учителей и 324 учительницы, следовательно, учителя составляли 79,1 %, учительницы – 20,9 %. Как видно из данных переписи 1911 г., общее количество учителей выросло до 6959 человек, или 63,5 %, учительниц – до 4006, или 35,5 % [1, с. 12]. Для женщин учительство являлось наиболее доступным поприщем для самостоятельной деятельности, а часто – «единственным средством для добывания насущного куска хлеба путем благородного честного труда».

Женский педагогический труд успешно конкурировал с мужским, прежде всего потому, что служба в начальной школе для мужчин в материальном отношении сильно уступала другим видам профессиональных занятий (240–360 руб. в год). На протяжении рассматриваемого периода доля учительниц среди общей численности педагогов непрерывно увеличивалась.

По возрасту большинство учителей составляла молодежь, которая обычно приступала к педагогической деятельности как к своему первому самостоятельному занятию. В 1880 г. среди мужчин в школах в возрасте до 30 лет работало около 77 %, в 1911 – 70 %. Среди женщин, соответственно, 87 % и 81 %. Большинство из них преподавало в возрасте 21–25 лет.

В 1880 г. большинство учителей (54 %) и практически все учительницы были в числе лиц, которые не находились в браке. И в начале XX в. во всех белорусских губерниях $\frac{3}{4}$ всего преподавательского персонала состояло из холостых учителей и незамужних учительниц. Согласно данным 1903 г. в Гродненской епархии среди 347 учителей церковноприходских школ было 234 холостых учителей и 76 незамужних учительниц, в браке соответственно находился 31 учитель и 3 учительницы. Аналогичная картина наблюдалась и в Могилевской епархии. Из 546 преподавателей неженатых было 275 и 178 незамужних, в браке находился 81 учитель, только 1 учительница и 11 человек вдовых [2, с. 86, 88]. Сравнивая показатели 1880 и 1911 гг. по Виленскому учебному округу, видно, что количество холостых сельских учителей увеличилось с 65,9 % до 67,4 %, соответственно, процент женатых сократился. Процент незамужних сельских учительниц сократился с 86,4 до 86,4. Процент вдовых сельских учителей повысился с 1,1 до 1,3, вдовых сельских учительниц понизился с 4,6 до 3,7. Статистические данные позволяют утверждать, что, как и раньше, семейных среди преподавателей низших учебных заведений было весьма незначительное количество.

В городских учебных заведениях число семейных «учащих» было значительно выше, чем в селениях. В городах холостых учителей – 30 % и учительниц – 76,1 %. В частности, наибольшим процентом женатых учителей в городах отличались еврейские школы всех типов, а также приходские и железнодорожные школы. Наибольшим, сравнительно, процентом замужних учительниц выделялись в городах и селениях школы еврейские и железнодорожные. В двухклассных училищах женатых учителей было 43,7 %, замужних учительниц – 15,9 %, в одноклассных первые составляли 30,6 %, вторые – 11,4 % [1, с. 13]. Несколько иная ситуация наблю-

далась в среде преподавателей средних учебных заведений, где большая половина преподавателей имели семью и в среднем по 3–4 ребенка. Эти данные находились в прямой зависимости от материального положения «учащих» и отчасти от условий городской и сельской жизни в крае.

Согласно законам Российской империи разрешалось вступать в брак всем совершеннолетним. Для лиц, состоявших на военной и гражданской службе, требовалось согласие их начальства. Но ни одно гражданское ведомство не запрещало ни одному чиновнику жениться. По вопросу замужества учительницы и возможности ее дальнейшей работы возникали различные мнения (в ряде российских губерний – Архангельской, Тобольской, Олонецкой, также в Санкт-Петербурге и др. – незамедлительно следовало увольнение с занимаемой должности), хотя в нормативной базе никаких ограничений по этому поводу не было.

Учительницы городских средних учебных заведений, в отличие от их коллег из сельских школ, имели право на оплачиваемый декретный отпуск (до 2 месяцев) и при необходимости на дополнительный «без содержания». Совсем иное положение занимали учителя и учительницы низших школ. Но, как часто отмечали сами учителя, «у школьного начальства существует какой-то особенный взгляд на замужних учительниц: к ним как-бы снисходят, их терпят, как неизбежное зло. Учительницы, выходя замуж, чувствуют, что они как-бы преступление против кого-то или чего-то совершили» [3, с. 145]. Для учителей начальных народных школ вступление в брак являлось почти «непозволительной роскошью». Рождение детей влекло за собой прерывание на определенное время учебного процесса. Заменить их на должности было некому, исключение составляли те, у кого мужа также являлись учителями одного училища.

Циркуляром от 28 августа 1880 г. Министерство народного просвещения объясняло, что замужество не могло лишать учительницу приобретенных ею образованием прав, но если «в отдельных случаях семейные обязанности препятствуют какой-либо учительнице с успехом исполнять прежние обязанности ее по службе, то вопрос об оставлении ее при гимназии должен быть решен для каждого случая отдельно» [4, с. 29].

Также следует отметить, что определенную роль в безбрачии значительной части учительниц играли не только дискриминация замужних со стороны учебного начальства, но и трудности с выбором достойного супруга в деревенской глуши, где «учащая», как правило, была единственной представительницей интеллигенции. Впрочем, некоторые учительницы сознатель-

но отказывались от создания семьи, считая, что только таким образом они могут всецело посвятить себя своей профессиональной деятельности, которая для них была высшей ценностью [5, с. 50].

Следует подчеркнуть, что во многих округах Российской империи существовала практика контроля личной жизни не только учительниц, но и учителей: например, следовало доносить учебному начальству о намерении вступить в брак, а где и получить на это особое разрешение. В прошении о браке, которое учитель направлял в дирекцию народных училищ, указывались социальное происхождение избранника или избранницы, род занятий и вероисповедание (должно быть обязательно православное). В случае положительного решения вопроса учителям высылались свидетельства или так называемые билеты на женитьбу с записью, что преград для заключения брака у дирекции нет. Так, невеста учителя В. Вишневого с Барковского училища Витебской губернии «при вступлении в брак приняла православие». Только после этого педагог мог создать с нею семью [6, л. 12]. А вот учитель Д. Лапатко Холопеничского училища Минской губернии за разрешением вынужден был обратиться в Министерство образования, так как «невеста католического вероисповедания, и Минская дирекция не разрешила, ссылаясь на существующее распоряжение, запрещающее такие браки в здешнем крае народным учителям». Из Санкт-Петербурга пришел положительный ответ. Возможно, «просимая милость в виде исключения» была подарена потому, что учитель отработал в школе 25 лет и имел звание «личного почетного гражданина» [7, л. 37].

Но именно в семье человек ощущает свою целостность, свою завершенность, стабильность в жизни. Семья дает человеку чувство устойчивости, комфорта и личностного развития. Но не всегда желания и надежды могли реализоваться в условиях суровой действительности. В этой связи один сельский учитель писал, что «...с каждым днем хороню все глубже и глубже свою идею о браке по любви, что все мои мечты о дорогой, любимой, разлетаются в прах... Припомнился мне совет старого директора семинарии С.: “Женитесь на грамотных крестьянках!”. Это верно, если жить, “не мудрствуя лукаво”, жить так, как отцы и деды жили; жить так, чтобы только пить, есть и одеваться. Но я хотел чего-то большего!» [8, с. 74].

Учителя городских училищ имели больше возможностей выбора «второй половинки», да и в материальном плане обеспечены были несколько лучше. Но при этом большинство из них старалось «подыскать себе такую подружку жизни,

которая могла бы сама добывать хоть что-нибудь. Женятся они на акушерках, учительницах, телеграфистках» [9, с. 255].

Попытку посчитать средний учительский бюджет народного учителя в конце XIX в. сделал А. И. Самойлович – бывший инспектор Витебской дирекции. Он попробовал перевести на деньги все то, что представлялось учителю бесплатно дополнительно к «жалованью». Квартиру, которую выделяли для учителя, в деревне можно было нанять за 15–20 руб., отопление стоило 10–20 руб., освещение – 7–10 руб., услуги сторожа – 12–15 руб., огород давал 5–20 руб., а вместе со «ссыпкой» стоимость всего доходило до 100 руб. Но за 200 руб. заработной платы с вычетом 12 руб. в пенсионную кассу и 1 руб. в кассу общества взаимопомощи учителю необходимо было кормить, одевать, воспитывать (оплачивать учебу в средних учебных заведениях) и при необходимости лечить детей, а также удовлетворять свои интеллектуальные требования. Возможны были и непредвиденные расходы. Небольшой семье из 4 душ на полугодное питание из расчета по 4 руб. в месяц на человека было необходимо 192 рубля. На все остальное оставалось только 8 руб. Инспектор удивлялся такому уменю сводить концы с концами и просил бога «уберечь учителя даже от мысли обзаводить семьей» [10, с. 41–42].

На первом Всероссийском съезде товариществ взаимопомощи открыто заявлялось, что «учитель (семейный) – это пролетарий, почти нищий, потому что всегда недоедает, недопивает и всегда имеет долги у мясников, кравцов и шевцов», а «о сбережениях для улучшения своего быта не может быть и речи» [11, с. 22]. Так, И. Катусенко с Двинского уезда в 1911 г. сообщал в дирекцию народных училищ: «Мы дошли до нищенства, и я боюсь за судьбу своих детей... Питание самое недостаточное» [12, л. 2]. Опытные земские врачи смотрели на народную школу как на «инфекционный барометр». Все эпидемические заболевания вместе с детьми не одного, а нескольких сел приносились в училище, где и жил учитель с семьей. В свою комнату он проходил не иначе, чем через класс. Бывало и наоборот: ученики в класс шли через квартиру учителя. Например, в Речицком уезде в начале XX в. не было ни одной школы, где бы учитель заходил к себе через самостоятельный вход. В 1902 г. один врач подчеркивал: «При исследовании быта учителей еще не получены точные сведения о смертности среди учительских детей, но она, несомненно, большая» [11, с. 26].

С учительской заработной платой семейному педагогу было намного сложнее прожить, чем холостому. Государство в поддержке семей педаго-

гов делало очень мало. Еще в 1872 г. на съезде директоров народных училищ Виленского учебного округа обсуждали предложение о выдаче помощи «учащих» в народных училищах при заключении брака в размере 50 руб., но оно так и не было принято и оставлено на личное усмотрение учебного начальства [13, л. 401]. Определенной привилегией для всех служащих в мужских средних учебных заведений Министерства просвещения с педагогическим стажем не менее 10 лет, в том числе и находившимся в отставке (если они представляли свидетельство о бедности), было освобождение от платы за учение в мужских гимназиях, прогимназиях и реальных училищах (стоимость «воспитания учащихся» составляла 80–100 руб. в год). Это положение было закреплено в уставах средних учебных заведений. В 1893 г. на основе постановления «Об освобождении детей служащих от платы за учебу в разных учебных заведениях» такое же право распространяется и на учительских дочерей, а также служащих в министерских народных училищах [14, с. 842]. В начале XX в. аналогичную привилегию получают служащие в женских гимназиях и прогимназиях.

В городах директора народных училищ выделяли специальные помещения для жилья начальникам училищ, которые также не всегда соответствовали необходимым санитарным нормам. Так, квартира учителя-инспектора, расположенная в здании Слуцкого городского училища, представляла собой «самое убогое помещение, одну большую комнату, разделенную дощатыми перегородками на 3 комнаты без всяких удобств, которые необходимы для жизни всякого семейного человека, даже нет кухни» [15, л. 79, 104]. Что же касается самих учителей, то при наличии свободных помещений с разрешения начальника они получали квартиры при училищах, выполняя все правила по внутреннему порядку, выработанные начальником и утвержденные директором народных училищ. Но таких счастливиц было мало. Согласно анкетным данным, большинство учителей нуждалось в улучшении жилищных условий, так как они «арендовали съемное жилье»: «ютились на краю города в квартирке в 2–3 комнаты при семье в 5–6 человек» («отец семьи нередко не имеет особой комнаты для отдыха после трудового дня») и вынуждены были заниматься за одним столом с детьми [16, с. 114].

В значительно лучшем материальном положении находились преподаватели средних учебных заведений, которые в среднем зарабатывали не менее 2500 руб. в год. Жилищные условия большинства учителей средних школ были хорошие. Выходцы в своем большинстве из состоятельных слоев общества, многие были обеспечены собственным жильем. Согласно су-

ществующим нормам и правилам, при наличии свободных помещений в школе их могли предоставить в качестве квартир учителям. Иногда это делалось бесплатно, если служащему в учебном заведении полагалась квартира по штатному расписанию. Если гимназия располагала средствами, то она могла оплатить аренду квартиры для педагога. Например, считалось, что в 3–4-комнатных квартирах семейные педагоги не жили, а «ютились». Что же касалось холостых, то они имели, как правило, 2-комнатные квартиры [17, с. 187]. Достаточная и даже излишняя жилплощадь позволяла многим из них за определенную плату «содержать учеников-пансионеров», что разрешалось уставами самих средних учебных заведений. Быт и условия жизни учителей гимназий и реальных училищ соответствовали примерно сложившимся стандартам в средних слоях городского населения. Скажем, домашняя работа (уборка квартиры, стирка одежды, приготовление пищи) выполнялась прислугой. В бюджетах женатых учителей значились расходы на кухарку, горничную, а если учитель имел детей, то и на няню.

В архивах сохранились списки вещей учителей, которые сгорели во время пожаров вместе со зданиями народных училищ. Они дают представление о приобретенном педагогами имуществе и всем том, что окружало их в повседневной жизни. Для одиноких все их богатство обычно составляла кухонная посуда, несколько книг и одежда с обувью. Женатым «квартиру приходилось обставлять семейным образом... с целью хоть немного сделать привлекательным тот угол, в котором приходилось жить. Я. Короб из Могилевской губернии до пожара смог приобрести, кроме одежды и обуви, постельное белье, ска-терти, кухонную и столовую посуду, полотенца, альбомы, книги и др. на общую сумму 300 руб. Список личных вещей Е. Бонасова той же губернии включал 34 наименования, среди которых самыми ценными были ковер, одеяло, подушки, сундук с бельем, чемодан (на 567 руб.) [18, л. 234, 284]. Одежда сельских учителей и членов их семей была достаточно скромной. Их коллеги, которые вели городской образ жизни, должны были модно одеваться, бывать в гостях, принимать их у себя и нести иные расходы, связанные с городской жизнью. Сельские учителя и их жены «находили удовлетворение в ношении самой простой одежды, близкой к крестьянской... поэтому на нее идет очень небольшая сумма» [19, с. 27].

Определенный доход семье сельского учителя мог принести и участок земли, который обычно был при каждом училище. Часто при определении учителей на службу дирекции обращались в волостные правления с просьбой

«принимая к сведению ограниченность средств для жизни... уступить хоть небольшой огород, который мог служить немалым подспорьем в скромном хозяйственном бюджете» [20, л. 42]. Но многие учителя во время летних каникул уезжали к родителям и землю за несколько рублей сдавали в аренду. Семейные обычно оставались на месте, работая вместе с детьми на пришкольном участке. Так, один из учителей Слонимского уезда гордился, что он «никогда не покупает ни ягод, ни овощей... малина, смородина, крыжовник, клубника, груши, яблоны – все здесь есть. Посажены цветники-летники» [21, с. 22]. Некоторые держали домашних животных и птиц, занимались сельским хозяйством на арендной земле, как, например, И. Пуеринов из Хадченского училища Могилевской губернии. У него были «две коровы, теленок, свои зерно и мука» [22, л. 50]. Городские учителя таких возможностей не имели. Чтобы укрепить семейный бюджет,

они искали «дополнительные занятия» в других учебных заведениях. Иногда во второй половине дня в различных учреждениях города они выполняли функции письмоводителей, счетоводов, сторожей и др.

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX в. личная жизнь учителя во многом зависела как от учебного начальства, так и от разных объективных условий, среди которых особенно выделялись материальные. Семейный вопрос являлся одной из самых мучительных проблем в жизни учителей, в первую очередь преподавателей народной школы. Многие современники были убеждены в том, что до тех пор, пока педагог не будет материально обеспечен настолько, чтобы мог обзавестись семьей и не бояться за участь детей, деятельность его не могла протекать нормально, ибо «неудовлетворенная потребность иметь семью будет часто волновать его и причинять ему ненужные страдания».

Список использованных источников

1. Однодневная перепись начальных школ в империи, произведенная 18 января 1911 года. Выпуск VIII. Виленский учебный округ / под ред. В. И. Покровского. – СПб.: Тип. т-ва «Екатерингофское Печатное Дело», 1914. – 134 с.
2. Исторический очерк развития церковных школ за истекшее двадцатипятилетие (1884–1909). – СПб.: Синод. тип., 1909. – 686 с.
3. Я. К. Правовое положение народного учителя / Я.К. // Русская школа. – 1908. – № 5. – С. 128–145.
4. Сборник действующих постановлений и распоряжений по женским гимназиям и прогимназиям Министерства народного просвещения / сост. М. В. Родевич. – СПб.: Тип. д-ра М. А. Хана, 1884. – 88 с.
5. Говоров, С. К. Брачный вопрос в быту учащихся начальной школы / С. К. Говоров. – М., 1903. – 76 с.
6. Национальный исторический архив Беларуси в г. Минск (далее – НИАБ в Минске). – Ф. 2507. – Оп. 1. – Д. 1332.
7. НИАБ. – Ф. 458. – Оп. 1. – Д. 337.
8. Из жизни русского народного учителя / И. А-вль // Русская школа. – 1911. – № 11–12. – С. 51–75.
9. Клод, С. Десять лет в сельской школе / С. Клод // Педагогический листок. – 1911. – Кн. 4. – С. 233–256.
10. Самойлович, И. А. Экономическое значение народного образования: положение последнего и его нужды в Витебской губернии / И. А. Самойлович. – Витебск: Губ. тип., 1903. – 82 с.
11. Тулупов, Н. Первый Всероссийский съезд обществ вспомоществования лицам учительского звания / Н. Тулупов. – М.-Л.: Работник просвещения, 1930. – 37 с.
12. НИАБ в Минске. – Ф. 2515. – Оп. 1. – Д. 22.
13. НИАБ в Минске. – Ф. 458. – Оп. 1. – Д. 260.
14. Настольная книга по народному образованию. 1899–1911: в 3 т / сост. Г. Фальборк, В. Чарнолуский. – СПб.: Т-во «Знание», 1901. – Т. 2. – С. 715–1538.
15. НИАБ в Минске. – Ф. 488. – Оп. 1. – Д. 17.
16. Запанков, Н. А. К вопросу о материальном положении учителей городских, по Положению 1872 г., училищ / Н. А. Запанков // Русская школа. – 1909. – № 7/8. – С. 111–121.
17. Бюджет служащих в мужских гимназиях и реальных училищах по данным анкеты Прогрессивной группы / Русская школа. – 1910. – № 7/8. – С. 182–194.
18. НИАБ в Минске. – Ф. 2254. – Оп. 2. – Д. 679.
19. Тарнавский, А. Об обязанностях учителя и учительницы начального народного училища. Опыт краткого руководства / А. Тарнавский. – М.: Изд-во К. И. Тихомирова, 1904. – 411 с.
20. НИАБ в Минске. – Ф. 2507. – Оп. 1. – Д. 2148.
21. Луппиан, С. О. О летнем отдыхе сельского учителя / С. О. Луппиан // Народное образование в Виленском учебном округе. – 1906. – № 1. – С. 20–23.
22. НИАБ в Минске. – Ф. 2254. – Оп. 1. – Д. 678.

Дата поступления: 27.09.2018.

Мухина З. З.

Старооскольский технологический институт (филиал) Национального исследовательского технологического университета «МИСиС», Старый Оскол

Mukhina Z.

Stary Oskol Technological Institute, branch of National University of Science and Technology «MISiS», Stary Oskol

УДК 39.572.9

СОЦИОВОЗРАСТНЫЕ ГРУППЫ КАК ИНДИКАТОР СТАТУСА ЖЕНЩИНЫ В РУССКОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ СЕМЬЕ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

SOCIAL-AGE GROUPS AS AN INDICATOR OF WOMEN'S STATUS IN THE RUSSIAN PEASANT FAMILY OF THE REFORM PERIOD

Статья посвящена относительно малоизученной в исторических исследованиях тематике – возрастной и социально-семейной стратификации, оказывающей влияние на социальный статус женщины-крестьянки. Главное внимание уделено тем изменениям, которые происходили в крестьянском социуме, в социально-семейных отношениях у восточных славян в пореформенный период. Показана многовариантность женских статусов на протяжении жизни.

Ключевые слова: женщина; женская история; этнография семьи; крестьянка; социальные и возрастные группы.

This article is about relatively poorly studied topic in historical researches: age and socio-family stratification, which has an impact on the social status of peasant women. The main attention is paid to the changes that took place in the peasant society, in the social and family relations of the Eastern Slavs in the post-reform period. It shows the multiplicity of women's status throughout life.

Keywords: woman; women's history; family ethnography; peasant woman; social and age groups.

В работе представлены результаты исследования женских социовозрастных групп в крестьянском социуме второй половины XIX – начала XX в.

Важнейшее место в структуре и культуре крестьянского социума занимали категории пола и возраста. Они имели определяющее значение не только в жизнедеятельности и поведении членов любой социальной единицы (общины, семьи, артели и др.), но и в архаическом сознании, составлявшем ядро народного мировоззрения и регулировавшем бытовую и ритуальную сферу. Такое разделение являлось важнейшим биосоциальным звеном в механизме воспроизводства, эволюции и передачи культурных ценностей, оформлявших народные знания и групповой опыт как залог продолжения человеческого рода. Разделение по половозрастному принципу пронизывало любую социальную общность и обуславливало соответствующие различительные признаки в культуре, поведении и функциях [1, с. 5–6]. Согласно И. С. Кону, в исследованиях традиционно-бытовой культуры возможно несколько систем отсчета: анализ проблемы в системе возрастного символизма; с позиций социовозрастной стратификации, изучение специфически возрастной деятельности, взаимодействия различных институтов социализации и т. д. [2,

с. 10]. Термин «социовозрастная стратификация» означает совокупность социовозрастных групп, расположенных в определенном иерархическом порядке.

Наряду с семьей и общиной социовозрастные группы представляли первичные единицы общества. При стремительных социально-экономических изменениях жизни крестьянства в пореформенный период социовозрастная структура крестьянского социума продолжала сохранять свою стабильность. Многообразные взаимодействия таких разноплановых общностей, как семья и община, с одной стороны, и социовозрастные группы, с другой, приводили к значительной вариативности форм отношений в общественной реальности. Социовозрастное деление играет роль структурообразующего принципа в организации социальных отношений. Модернизационные процессы внесли ряд новых, не свойственных традиционному обществу, изменений в выполнение социальных ролей и обязанностей, что, естественно, привело и к статусным переменам в женских возрастных группах в традиционной крестьянской семье.

В традиционном обществе половозрастные и семейные роли были устоявшимися, их динамика определялась биологическим взрослением и теми переменами, которые в жизни женщины

были связаны с подготовкой к замужеству и самим замужеством. Одежда, поведение, семейные роли, имущественные права, ритуальные функции и все другие стороны жизни женщины были в высокой степени стереотипизированы и жестко регламентированы, какого бы возраста и статуса ни была девочка, девушка, женщина [1, с. 53]. И все же жестко привязать «возрасты» женщины к определенному количеству исполнившихся лет, а особенно выявить их границы – дело довольно сложное, несмотря на то, что переход в иную социовозрастную группу всегда был номинирован терминологически у каждого из трех восточнославянских народов (русских, белорусов и украинцев), отражался во внешнем облике (одежде, причёске, украшениях), поведении, в выполнении семейных, семейно-трудовых и религиозно-обрядовых, ритуальных функций. Женщины каждой из этих групп имели определенные права и обязанности.

Наряду с возрастной стратификацией – ребенок (дитё) до 3–4 лет, девочка до 7–8 лет, отроковица (подросткового возраста), девушка, женщина молодого и зрелого возраста, старая женщина, тех, кто составлял женскую часть любой крестьянской семьи, можно было распознать и по тому кругу прав и обязанностей, которые формировали статус и семейные роли: большуха, сноха, вдова, солдатка, старая дева, старуха и пр.

Возрастная рамка добрачной жизни для ребенка женского пола может быть определена с большой долей условности до 16 лет. В этом временном промежутке можно выделить свои группы: младенец, чадо, дите – до 3–4 лет, девочка – до 7–8 лет; отроковица или подросток – с 8–9 до 15–16 лет. В каждом из них были свои тенденции социализации, шло медленное формирование девичьей субкультуры, являвшей собой многообразие девичьих ритуалов и практик, которые в будущем воплощались в женщине-матери и хозяйке. Появление девочки на свет сопровождалось целой системой обрядов, связанных с ее рождением именно как девочки, имянаречением, крещением [3, с. 322–325], вхождением в первую возрастную группу – «младенец», «дитё» (до 3–4 лет).

Переход в следующую социовозрастную группу девочек – от 3–4 до 7–8 лет – был маркирован рядом действий, внешне носивших ритуальный характер и имеющих гендерную окраску. Среди них: соответствующая полу одежда (до 3–4 лет различия в одежде девочек и мальчиков были минимальными [4, с. 435; 5, с. 357, 605], заплетение косички, в особенности же «посвящение в пряхи» и др. (см.: [4, с. 319, 435; 6, с. 349]). В конкретных локальных вариантах ритуалов, фиксирующих культурное признание половой

принадлежности, имелись свои вариации. Общее заключалось в следующем: с этого возраста девочку начинали одевать не просто в рубаху (как мальчика), а в сарафан (будни) и ситцевые платья (праздники) [5, с. 562; 7, с. 59].

Другим средством вхождения ребенка в социум были игры. Общие игры до пяти лет сменялись играми, соответствующими своему полу, мальчики и девочки начинали держаться дальше друг от друга и играть отдельно. Каждый ребенок, наблюдая за занятиями старших, имитировал трудовой процесс.

Девочки-подростки (у рус. – отроковицы) с 8–10 до 14–15 лет должны были подготовиться к совершеннолетию и вхождению во взрослую жизнь. Поведение, занятия, интересы приобретали все более отчетливую половозрастную маркировку. В этом возрасте девочек-подростков, помимо присмотра за младшими детьми, постепенно подключали к выполнению различных женских работ, определяли круг хозяйственных и домашних дел и навыков, которые ей в будущем предстояло считать «своими». К этому возрасту относится начало интенсивной социализации вне семьи, когда подростки начинали участвовать в беседах, являвшихся излюбленным, в малой степени формализованным способом их общения и времяпровождения.

Появление месячных означало для девочки конец детства. С этого времени к девочке как к будущей невесте предъявляли более серьезные требования: за провинности ругали, могли обозвать («кобыла», «замуж пора, а ты дуришь», «ведь волосами обросла») [8, с. 355]. В том самом возрасте, в каком мальчишки должны были проявлять активность и самостоятельность, девочек приучали держаться «скромнее и осмотрительнее». Этот возраст – возраст становления девушкой – считался для них самым опасным – она могла «пасть, не сознавая важности проступка и его последствий», стать «падшей», «посрамленной» и «загубить себя навеки» [9, с. 121]. Двойной стандарт и двойная мораль традиционного общества уже открыто проявлялись в повседневье, про парней говорили: «Пусть погуляет, на то есть молодость. Парень – не девка: ребенка не принесет, не повесит зыбки в доме, не заставит батька кормить» [10, с. 117].

Переход в возрастную группу девушек (16–18 лет) означал совершеннолетие, с этого времени она получала статус девушки-невесты. Обрядом перехода была символизация девичьего совершеннолетия [11, с. 233–246] – смена причёски, элементов одежды, украшений, стандартов поведения. Девушка-невеста к тому времени должна была иметь приданое, которое обеспечивало ей в будущем определенное положение в се-

мье мужа, а также создавало о ней определенное общественное мнение.

С взрослением на внешний вид девушки, в частности на одежду, обращалось все большее внимание. У девушки, начавшей «невеститься», чтобы привлечь внимание женихов, одежда должна была быть приличной. Нередко ее приобретение наносило существенный урон семейному бюджету. В пореформенный период сельские девушки стремились нарядиться уже в городские, сшитые по последней моде, платья. Информаторы из разных регионов России сообщали, что у них в деревнях к рубежу веков вошли «в употребление зонты, перчатки, различная косметика» [12, с. 174, 179]. Однако, как и раньше, для здорового продолжения рода особое внимание уделялось дородности девушки (достаточная полнота, полные румяные щеки, хороший цвет лица, белые здоровые зубы, гладкое лицо, высокий рост, длинные густые волосы, в поведении – сдержанность).

В анализируемый пореформенный период социовозрастная группа девушек уже была не однородна по материальному достатку, социальному статусу и поведению. Одним из маркеров, указывающим место девушки на социальной лестнице, была одежда. Социальные различия конструировали правила поведения, скажем, во время праздников девушки из зажиточных семей всегда стояли рядами впереди остальных. Они были заметней, им отдавали преимущество парни в играх [10, с. 218].

Каждой девочке с детства внушалось, что доминантой ее жизни будет замужество – основной и престижный для женского пола способ самореализации.

Переход в социовозрастную группу замужних женщин являлся поворотным пунктом в жизни каждой девушки. Этот переход, связанный с репродуктивной функцией женщины, имел жизненно важное значение для крестьянского общества в целом и был насыщен целым комплексом свадебных обрядов и ритуалов, исполненных глубокого символического смысла [7, с. 66–86]. Девушка-невеста уходила из своей семьи, из подчинения своим родителям. В новой семье она переходила в подчиненное положение по отношению к мужу, его родителям – свекру и свекрови и некоторым другим членам семьи.

Маркерами принадлежности к группе замужних оставались все те же внешние детали одежды, головного убора, убранства волос. Например, отличительными деталями костюма замужних женщин в ряде центральных, западных и южных губерний являлась понева (она была характерна и для белорусских крестьянок) – поясная одежда и кичка на голове, в качестве прически преобла-

дали две косы или перехваченные (по сути – распущенные волосы, убранные под платок-косник), а также разнообразные кокошники с крытым верхом (похожие на кики), которые носили главным образом по праздникам [1, с. 68–69].

Но влияние городской жизни проявилось на рубеже XIX–XX в. в том числе и в том, как переменялась повседневная одежда крестьянок в начале в Центральном промышленном районе и в районах, примыкавших к Санкт-Петербургу, а затем и в других российских регионах, включая и западные. Будничной одеждой социовозрастных групп замужних женщин стали платья, дополненные шелковыми покупными платками и шерстяными шальями. Такую одежду могли позволить себе и девушки, и основной, казалось бы, маркер принадлежности к кругу замужних, оказался стёрт. Парню было уже нелегко решить, стоит ли ухаживать за встреченной молодой особой, поскольку сходу уже было не разобрать, замужем ли она. Правда убранство волос для девушек и для замужних женщин оставалось прежним: однокосыми были девушки, две косы, уложенные венцом вокруг головы, а также кичу носили лишь замужние.

К числу главных функций замужней женщины относилось деторождение. Русская крестьянская традиция восхваляла женщину, имеющую детей, и сочувствовала бездетной. Однако в пореформенный период с его малоземельем, нищенским существованием значительной части крестьянских семей отношение к количеству детей в семье и числу рождений у женщины стало меняться. Так, например, среди части крестьян бесплодие, бездетность начали восприниматься и как счастье в жизни, дарованное Богом [13, с. 252].

В большой неразделенной семье все домашнее хозяйство и женская часть семьи находились под контролем старшей женщины – «большухи» (жена главы семьи, старшая по возрасту женщина). Социовозрастная группа большух многократно описана (см., например: [14, с. 78–79]).

Иное дело – группа снох, жен сыновей и братьев главы семьи (схожесть и, особенно, различия в положении невесток и снох в семьях патрилокального и матрилокального типа – отдельная тема для специального изучения!), которая занимала в неразделенной крестьянской семье особое положение. Снохи были «чужеродками», связанными свойством, а не родством с новой семьей. Все они, особенно молодые и нерожавшие, были зависимы от мужей, их родителей и прочих родственников, всех старших по возрасту. На статус снох и их условную «независимость» влияли разные факторы: возраст, отношение с мужем, наличие детей, размеры приданого, умение работать, внешность (красивых свекры «любили»), личные качества. Все это определяло ее

место в семейной иерархии. Многое зависело от достатка введенной в семью женщины, наличия у нее многочисленной и богатой родни.

В крестьянском обществе женским социовозрастным группам изначально отводилось более низкое место в социальной иерархии, чем мужским. Согласие с таким неполноправием внушалось как естественное и необходимое, заданное самой Природой и Богом. Подчиненность занимала важнейшее место в семейных экономических отношениях (см.: [15, с. 10–11]).

Имущественное и социальное расслоение в пореформенной деревне повлекло за собой перемены в статусе крестьянок. Стали меняться представления о браке. Повысился брачный возраст, уменьшилось число ранних браков, стали обычным явлением неравные браки по возрасту и социальному положению. Замужество с женихом-отходником с приличным заработком открывало перспективы подняться на более высокий уровень социальной лестницы.

Еще одной чертой пореформенного периода стали участвовавшие фактические разводы (см.: [16]). По законодательству возможность развестись, как и ранее, существовала, но была чрезвычайно затруднена. В пореформенный период социовозрастная группа замужних женщин пополнилась подгруппой тех, кто формально оставались в браке, но жили отдельно от мужей. Главным фактором, ведущим к появлению такой подгруппы, было отходничество. Нередко отходники бросали свои семьи и заводили в городах новые, оставляя старые семьи без поддержки.

Отдельную социовозрастную группу женщин представляли в сельском социуме вдовы, статус которых после смерти мужа менялся во всех отношениях [17]. В наследственных правах вдовы явно проявлялась неполноправность, вдовы были значительно ущемлены по сравнению с лицами мужского пола [4, с. 68, 295]. Статус вдовы характеризовала вдовья одежда – печальная, «погребального цвета» (черного или белого) в зависимости от местных традиций, которая должна была носиться положенный срок, иногда и до конца жизни.

Еще одной социовозрастной группой были солдатки. Солдатками становились только половозрелые, вступившие в брак и превратившиеся в «соломенных вдов» в случае долговременной службы и, таким образом, отсутствия мужей. Солдатки либо оставались жить с родными мужа, либо уходили к своим родным, либо шли в наемные работницы.

Отметим, что солдатки, как и вдовы, пользовались некоторой свободой в своем поведении. В пореформенный период влияние таких регуляторов общественного поведения, как община

и семья, стало ослабевать. Внебрачные сожития вдов и солдаток далеко не всегда подвергались осуждению, отношение к ним со стороны крестьянского сообщества стало терпимей [18, с. 500–501, 503–504; 19, с. 152–153].

Старухи (бабки, бабушки) – еще одна категория женщин пожилой возрастной группы. С переходом в данную социовозрастную группу происходили перемены в комплексе одежды: вместо рубаш и сарафанов старухи носили глухую темного цвета одежду типа сарафана без лямок или передники с рукавами – запон, занавеска, повязывали платок определенным способом, у них отсутствовали какие-либо украшения, принято было донашивать одежду, т.е. существовал запрет на новое платье (см.: [1, с. 69]). Статус женщин этой группы обладал широкой вариативностью. Они могли быть большухами, старшими по положению среди всех женщин в доме; в других семьях старухи, как и старые девы, могли считаться и бесполезными членами семьи. Всем старым женщинам отводилась одна из центральных ролей в ритуальных действиях, связанных со свадьбой и похоронами [19, с. 102; 20, с. 214, 390; 4, с. 312–313; 19, с. 255–259; 8, с. 76].

Особой социальной группой среди женщин-крестьянок были старые девы (см.: [21]) и нищенки (см.: [22]).

Особое рассмотрение статуса крестьянских женщин разных возрастных групп заставляет найти иерархии в самих женских «коллективах» сельского социума пореформенного времени. В пореформенный период в повседневность жизни крестьянских женщин всех возрастов вплелись новые жизненные обстоятельства, идущие вразрез с нормами обычного права и обычаями. Появлялось такое многообразие связей и отношений, которое отсутствовало в традиционном обществе. Пример тому – существование социовозрастных групп разведенных, отдельно живущих, а также жен отходников. Всех их объединяло отсутствие мужей, временное или постоянное или временное, становившееся постоянным, когда они бросали свои семьи (см., например, [12, с. 304]). Часто женщины именно этой группы обретали правомочность, экономическую самостоятельность, могли даже участвовать в сельском сходе с правом голоса [20, с. 434]. Это было следствием потери ими всех преимуществ социального иждивенчества, ведь на их плечи ложились все тяготы ведения хозяйства, содержания и воспитания детей.

Предпринятая попытка назвать и описать основные социовозрастные группы преследовала цель показать, как в трансформациях социальной и возрастной стратификации крестьянского социума находили отражение крутые перемены

уклада жизни российского общества (см.: [23]). Традиционное, как видно из вышеизложенного, постоянно отступало под напором нового, это новое было тесно связано с экономической жизнью села и города, и следствиями перемен в экономике были перемены в поведении женщин, равно как в его мотивациях. Общий вектор трансформаций был направлен не столько к большей «свободе» женщин всех возрастов, сколько к большему спектру их самореализации. И это тот важнейший вывод, который имеет не только абстрактное, но и

большое практическое значение, если задуматься о дальнейшей истории русских, как и белорусских, женщин. То, что веками культивировалось как правильное, ожидаемое в жизненном цикле женщин, оказалось подвержено эрозии. На смену жесткой иерархичности и полному исключению взаимозаменяемости гендерных ролей в традиционном обществе начинали приходиться иные отношения, с широким спектром вариаций в судьбе и статусе каждой крестьянки. Эта тенденция сохранилась вплоть до революции 1917 г.

Список использованных источников

1. Бернштам, Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины / Т. А. Бернштам. – Л.: Наука, 1988.
2. Кон, И. С. Этнография детства (Проблемы методологии) / И. С. Кон // Советская этнография. – 1981. – № 5. – С. 3–13.
3. Зеленин, Д. К. Восточнославянская этнография / Д. К. Зеленин. – М.: Наука, 1991.
4. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева (Далее – РКЖБН). Т. 3: Калужская губ. – СПб., 2005.
5. РКЖБН. Т. 7: Новгородская губ. Ч. 2: Череповецкий уезд. – СПб., 2009.
6. Добровольский, В. Н. Смоленский этнографический сборник / В. Н. Добровольский. – СПб., 1893. – Ч. II.
7. Байбурин, А. К. Ритуал в традиционной культуре / А. К. Байбурин. – СПб.: Наука, 1993.
8. РКЖБН. Т. 6: Курская, Московская, Олонецкая, Псковская, Санкт-Петербургская, и Тульская губернии. – СПб., 2008.
9. Пушкарева, Н. Л. Позорящие наказания для женщин / Н. Л. Пушкарева // Этнографическое обозрение. – 2009. – № 5. – С. 120–134.
10. РКЖБН. Т. 7: Новгородская губ. Ч. 1: Белозерский, Боровичский, Демянский, Кирилловский и Новгородский уезды. – СПб., 2011.
11. Зеленин, Д. Обрядовое празднество совершеннолетия девицы у русских / Д. Зеленин // Живая старина. – 1912. – С. 233–246.
12. РКЖБН. Т. 1: Костромская и Тверская губернии. – СПб., 2004.
13. Смирнова, М. Родильные и крестильные обряды крестьян села Голицына, Курганской волости, Сердобского уезда, Саратовской губернии / М. Смирнова // Этнографическое обозрение. – 1911. – Вып. 1–2. – С. 252–256.
14. Адоньева, С. Дух народа и другие духи / С. Адоньева. – СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2009.
15. Кузнецов, Я. Положение членов крестьянской семьи по народным пословицам и поговоркам / Я. Кузнецов. – СПб., 1909.
16. Мухина, З. З. Разводы в русской крестьянской семье в пореформенной России: гендерный аспект / З. З. Мухина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России». – 2013. – Вып. 1. – С. 49–63.
17. Мухина, З. З. Вдова в русской крестьянской среде: традиции и новации (вторая половина XIX – начало XX в.) / З. З. Мухина // Женщина в российском обществе. – 2012. – № 4. – С. 62–71.
18. РКЖБН. Т. 2: Ярославская губ. Ч. 1: Пошехонский уезд. – СПб., 2006.
19. РКЖБН. Т. 4: Нижегородская губ. – СПб., 2006.
20. РКЖБН. Т. 2: Ярославская губ. Ч. 2: Даниловский, Любимский, Борисоглебский уезды. – СПб., 2006.
21. Мухина, З. З. Старые девы в русской крестьянской среде (вторая половина XIX – начало XX в.) / З. З. Мухина // Женщина в российском обществе. – 2013. – № 4. – С. 50–57.
22. Мухина, З. З. Нищенство и нищенки в русской крестьянской среде Европейской России (вторая половина XIX – начало XX века) / З. З. Мухина // Вестник Пермского университета. Серия «История». – 2013. – № 3. – С. 7–15.
23. Мухина, З. З. Социальные и возрастные группы в традиционном русском крестьянском социуме пореформенного времени: гендерный аспект / З. З. Мухина // Этнографическое обозрение. – 2014. – № 2. – С. 99–115.

Дата поступления: 24.09.2018.

Чикалова И. Р.

Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка, Минск

Chikalova I.

Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk

УДК 947.083–055.2

ПРОЕКТЫ РЕШЕНИЯ ЖЕНСКОГО ВОПРОСА В РОССИИ В НАЧАЛЕ XX СТОЛЕТИЯ

PROJECTS FOR SOLVING OF THE WOMEN'S ISSUE IN RUSSIA AT THE BEGINNING OF THE XXTH CENTURY

Статья посвящена обсуждению трех проектов решения женского вопроса, зафиксированных в документах российских политических партий в начале XX ст., – консервативного, либерального и социалистического. Идеология первого из них базировалась на принципах сохранения сложившихся в стране устоев и, как следствие, традиционного гендерного порядка; либеральный проект наделения женщин гражданскими и политическими правами нашел развернутое воплощение в программных документах Конституционно-демократической партии. Наиболее радикальный проект эмансипации женщин предложили социалисты.

Ключевые слова: женский вопрос; политические партии; Россия; начало XX столетия.

The article is devoted to the discussion of the three drafts of a women's issue solution as it was presented in the documents of the political parties at the beginning of the XXth century. The ideology of the conservative project was based on the principles of preserving the existing social conditions in the country and, as a consequence, the traditional gender order. The liberal project of empowering women with civil and political rights has been developed in program documents of the Constitutional Democratic Party. The most radical project for the emancipation of women was proposed by the socialists.

Keywords: the women's issue; political parties; Russia; the beginning of the XXth century.

В начале XX в. в России обсуждались и нашли воплощение в программных положениях политических организаций и партий три проекта решения женского вопроса – консервативный, либеральный и социалистический.

Консервативный проект. Его идеология базировалась на принципах сохранения сложившихся в стране устоев общества (политических, экономических, социальных, духовно-религиозных) и, как следствие, традиционного гендерного порядка. В этом ключе консерваторы-охранители исповедовали тезис о полной несамостоятельности женщин. Соответственно, отношение к проблеме женского равноправия лежало в плоскости безусловного отрицания самой возможности хоть какого-либо прогресса в этой области, что и зафиксировали программные установки монархических партий и организаций («Русского собрания», «Русской монархической партии», «Союза русского народа»), которые последовательно указывали на «природное несовершенство» женщин. На страницах крайне правых газет «Русское знамя», «Колокол» стремление женщин к образованию, их борьба за равноправие изображались как стремление к развлечению, попытка уйти от материнских обязанностей и даже как «стремление к разврату». Один из идеологов консерватизма М. О. Меньшиков на страницах газеты «Новое время» борьбу за политическое равноправие

называл психопатией, заразной и опасной, ибо «женам навеки заповедано повиновение мужьям, и такое безграничное: как Господу. Никак не меньше. Повиновение во всем, точно Самому Христу» (цит. по: [9, с. 422–423]).

На территории белорусских губерний консерваторы-охранители представляли заметную политическую силу. Функционировали отделы «Союза Русского народа», «Всероссийского Дубровинского Союза Русского Народа» (ВДСРН), «Всероссийского национального союза». Местных консерваторов объединяли «Русский окраинный союз», «Белорусский союз земельных собственников», «Союз белорусского православного духовенства», «Северо-Западное Русское Вече», «Крестьянин». Как указывает К. М. Бондаренко, «своеобразным явлением в белорусском монархическом движении можно считать наличие в рядах правых союзов и партий значительного количества лиц женского пола». В Витебском и Виленском губернских отделах ВДСРН они составляли 21 % и 22 % соответственно. В основном это были «вдовы, жены и дочери мужской половины отделов, многие из которых занимали в них весьма высокое положение» [1, с. 220–221].

С правым лагерем в центре и на местах тесно консолидировались немногочисленные женские кружки, призванные на внепартийном уровне объединить православных русских на принципах

патриотизма. Среди них выделялся «Союз русских женщин» в Петербурге, членами которого могли быть «женщины русского подданства всех вероисповеданий, кроме иудейского, и иудейского происхождения» [22]. Его устав прямо предписывал руководствоваться программой «Союза русского народа». Активность женщин вне сферы семьи и служения престолу признавалась противоестественной, а идеи женского равноправия – вредными. В унисон этим требованиям в Минске учредительницы «Русского женского кружка» (баронесса Е. А. Тызенгаузен и др.) поставили задачу сблизить русских людей «во имя высокого чувства патриотизма», «во имя любви к России», ибо «пагубное воздействие на русскую молодежь современного политического психоза усиливается еще значительным числом поляков и евреев, обучающихся в средних учебных заведениях, объединяемых чувствами вражды к православию и русской народности» [28, с. 4]. Собственно говоря, идея передать в руки женщин работу по объединению общества, сближению русских людей, положив в ее основу воспитание любви к родине, исходила от партийных элит, разочарованных провалом на выборах в Думу из-за разногласий внутри монархического лагеря. При этом прямо признавалось, что именно женщина сумеет лучше выполнить эту трудную задачу, а ее деятельность «в укромном уголке своей домашней жизни» приобретает «громадное общественное значение» в ситуации, «когда в революционное движение втянулась уже не только молодежь, но и дети» [1, с. 287–288].

Вполне традиционные взгляды в женском вопросе исповедовал «Союз 17 октября». Хотя в соответствии с уставом женщины приглашались к участию в партийной работе, партия не ставила вопрос о политических правах женщин и, более того, выступала против распространения на них избирательных прав даже на выборах органов местного самоуправления. Доказывалась невозможность осуществления на практике «абстрактной» формулы всеобщего избирательного права, поскольку для России она «не приемлема». А расширение прав женщин в сфере образования признавалось лишь в связи с необходимостью повышения грамотности детей и утверждения идеологии «просвещенного материнства». На страницах октябристских газет была представлена консервативная позиция по женскому вопросу: сфера деятельности женщин должна быть ограничена семьей, детьми и церковью. В этом русле автор заметки в газете «Слово» естественность неравноправия женщин обосновывал «дикостью и некультурностью» последних, которую законами или избирательными правами устранить нельзя, и предостерегал женщин об опасной перспек-

тиве – лишиться интереса и внимания со стороны мужчин, поскольку, чем меньше у них прав, тем лучше к ним относятся мужчины: «а наибольшим уважением и неприкосновенностью со стороны посторонних мужчин пользуются женщины Востока, где они лишены каких бы то ни было прав» [11]. Октябристские отделы возникли в белорусских губерниях, но с началом Первой мировой войны они распались. При этом в мае 1917 г. белорусскими католическими священниками Ф. Абрантовичем, А. Станкевичем и другими их соратниками в Петрограде была основана правая клерикальная национальная партия – «Белорусская христианская демократия».

Либеральный проект. В женском вопросе партии либерального лагеря демонстрировали амплитуду мнений. Например, «Партия демократических реформ» в лице ее лидера, выдающегося социолога и историка М. М. Ковалевского, считала, что идея предоставления личных прав не означает автоматического наделения ими всех и в полном объеме [8]. На практике это положение вело к отказу от требования участия женщин в выборах в нижнюю палату, которая должна избираться «всеми совершеннолетними и полноправными гражданами мужского пола на равных для всех началах» [7]. Как отмечалось в партийных документах, это было необходимо из-за традиционной зависимости женщин от мнения мужа или отца в условиях патриархального и малограмотного крестьянского общества. В конце 1907 г. «Партия демократических реформ» влилась в «Партию мирного обновления». Последняя, хотя и соглашалась с требованием всеобщего, прямого, равного и тайного голосования на выборах как конечной цели либерального движения, но считала, что оно не применимо немедленно: требование избирательных прав для женщин рассматривалось ею как чисто теоретическое, не имевшее в России почвы для реализации. Женщинам предлагалось предоставить право голоса при выборах органов местного самоуправления, что должно было создать условия для подготовки их к участию в политической жизни, дать им первичный опыт общественной деятельности [18].

Партией, в деятельности которой либеральный проект решения женского вопроса нашел наиболее полное воплощение, стала Конституционно-демократическая (в белорусских губерниях ее филиалы действовали в Могилеве, Минске и в других городах), к тому же она не только активно привлекала женщин для работы в низовых структурах, но и не исключала участие их в верхних эшелонах партийной иерархии. Е. Д. Кускова на 1-м съезде партии была избрана в ЦК, но из-за разногласий с руководством по программным и тактическим вопросам отказалась вступить

в партию [24, с. 29, 50]. А. В. Тыркова с конца 1905 г. входила в Петербургский городской комитет кадетов, на 3-м съезде партии была избрана в ЦК, вплоть до 1914 г. заведовала кадетским бюро печати [15, с. 630]. Вплоть до избрания в состав ЦК в 1917 г. графини С. В. Паниной она являлась единственной в нем женщиной. В известной степени именно ей (равно как и А. С. Милюковой) женское движение обязано тем, что среди кадетов было значительное количество его сторонников [23, с. 287; 4, с. 26]. Кадетами были многие члены «Союза равноправия женщин» и «Русского женского взаимно-благотворительного общества».

Партийная позиция по вопросу женского политического равноправия была сформулирована в ходе полемики в либеральной прессе и дискуссии, состоявшейся на II съезде кадетов (январь 1906 г.), на котором в повестку по требованию делегатов включили вопрос «о допущении женщин к выборам». Против избирательных прав высказались видные кадеты – П. Б. Струве, отстаивавший неактуальность «в настоящий момент» этого вопроса, поскольку он может отпугнуть от партии многих членов [24, т. 1, с. 135], и И. В. Гессен, предложивший не тратить время впустую [24, т. 1, с. 156]. Их поддерживал П. Н. Милюков. С одной стороны, он считал препятствием отсталость русских крестьянок и их неподготовленность к политической жизни. С другой стороны, женское избирательное право, по его мнению, спровоцирует недовольство среди крестьян, «не привыкших смотреть на женщину, как на равную», уронит партию в глазах многих, оттолкнет от нее [24, т. 1, с. 156]. Однако обсуждение показало, что в принципиальном плане многие делегаты съезда поддерживали идею политического равноправия. В защиту женских прав эмоционально выступила А. В. Тыркова, на тот момент организатор агитационной комиссии партии для молодежи. Сомневающимся также убеждал член ЦК, горячий сторонник женских прав, уроженец поместья Колонтаево Витебской губернии, профессор Л. И. Петражицкий: «Партия, провозглашающая необходимым всеобщее избирательное право, хочет игнорировать целую половину человеческого рода. <...> Волна женского движения разливается по России с великой силой. Есть вопросы по отношению, к которым существует нравственная тупость, например, угнетение евреев, поляков и т. д. Женский вопрос находится в таком же положении, к.-д. партия должна отстаивать права всех угнетаемых, если это партия истинно демократическая» [24, т. 1, с. 156]. В конечном счете съезд большинством голосов сделал требование политического равноправия женщин обязательным пунктом программы партии [24, т. 1, с. 158], а Петражицкий, будучи избранным в I Государственную думу от

Петербурга, выступил в ней с развернутой речью в защиту женского равноправия [13]. Еще один депутат I Государственной думы, связанный с Беларусью, – избранный в нее от Гродненской губернии как беспартийный, но обычно голосовавший вместе с кадетами, в будущем один из основоположников политической социологии М. Я. Острогорский, – не только защитил в парижской Свободной школе политических наук диссертацию «О происхождении всеобщего избирательного права» (1885), но и издал в 1892 г. в Париже работу «Женщина с точки зрения публичного права» [29]. Книга, посвященная проблемам женского равноправия, была отмечена юридическим факультетом Парижского университета специальной премией и была издана на английском (1893) и польском (1898) языках [30; 31]. Ряд законопроектов о демократических свободах, в том числе о всеобщем избирательном праве, представители кадетов внесли на рассмотрение IV Государственной думы, но безрезультатно.

В белорусских губерниях проводниками идей женского равноправия были частично связанные с кадетами отделения Российской Лиги равноправия женщин (в Вильно, Витебске, Минске, Бобруйске, Могилеве), кружок Союза равноправности женщин в Минске, а также местные женские организации («Общество равноправия женщин», «Союз литовских женщин», «Польский кружок равноправия женщин» в Вильно, Филиал «Варшавского Общества равноправия польских женщин» в Белостоке, «Общество женского совета» в Витебске). Главным печатным органом кадетов в Минской губернии стала ежедневная газета «Минская жизнь». С ней сотрудничали видные российские кадеты, среди них А. В. Тыркова.

Социалистический проект. Социалистический проект являлся более развернутым и касался всех сторон жизни работающих женщин – тех самых, кого социалисты призывали присоединиться к мужчинам, братьям по классовой принадлежности, в их борьбе за свержение существующего строя. Рассматривая работниц и крестьянок как свою опору, социалистические партии обещали им освобождение от «двойного рабства». «Партия социалистов-революционеров» и «Российская социал-демократическая партия» включили в свои программы требования всеобщего, без различия пола, избирательного права; всеобщего, обязательного обучения; охраны труда, защиты материнства и детства [19; 20]. С РСДРП была тесно связана деятельность «Всеобщего еврейского рабочего союза в Польше, Литве и России (БУНДа). На VII конференции партии в 1907 г. отмечалось, что ее программой является программа РСДРП [2, с. 317, 332, 778]. БУНДом были даже пред-

приняты некоторые шаги для организации представительства партии на 1-м Всероссийском женском съезде (1908). В резолюцию X Всероссийской конференции БУНДа (апрель 1917 г.) был включен отдельный (XVI) раздел «О женском равноправии»: «Конференция предлагает Центральному комитету и местным организациям организовать специальную комиссию за женское равноправие» [2, с. 421].

На территории белорусских губерний помимо указанных активно действовали национальные партии социалистической ориентации – «Белорусская социалистическая громада» (БСГ), «Литовская социал-демократическая партия», Витебский комитет Еврейской социал-демократической рабочей партии «Поалей-Цион», «Сионистско-социалистическая рабочая партия», «Еврейская социал-демократическая рабочая партия». В Белостоке и Вильно функционировали комитеты «Партии Социал-демократии Королевства Польского и Литвы» и «Польской партии социалистической». Среди рабочих Вильно, Минска, Сморгони проводила активную деятельность «Литовская социал-демократическая партия». В целом все они разделили общие требования в отношении женского вопроса. В программе самой влиятельной из них – БСГ – отмечалась необходимость установления равенства «всех людей в крае, как мужчин, так и женщин, невзирая на их национальную принадлежность и веру; равную плату для мужчин, женщин и детей за равный труд», требование полного запрета ночного труда для женщин и труда детей до 14 лет, установления обязательного равного для всех общего светского образования за государственный счет.

Вступление России в Первую мировую войну на время убрало женский вопрос из актуальной политической повестки. Революционные перемены принес 1917 г. Февральская революция сняла программные и тактические различия и разногласия между общероссийскими либеральными партиями. На базе партии кадетов начался процесс консолидации всех либеральных сил. Прекратили свою деятельность монархические партии. Не смогли найти себя в новых условиях октябристы. К концу лета 1917 г. в состав центральных комитетов всех ведущих политических партий входили женщины: А. В. Тыркова и С. Панина у кадетов, А. Коллонтай у большевиков; Л. А. Аксельрод (уроженка местечка Дуниловичи Вилейского уезда), Е. Л. Бройдо (уроженка Свентян Виленской губернии) у объединенных меньшевиков (ЦК РСДРП(о) от интернационалистов), Е. К. Брешко-Брешковская (в качестве почетного члена) у эсеров и М. Спиридонова у левых эсеров. В ЦК БУНДа после февральской революции была избрана одна из организаторов I съезда

РСДРП Е. А. Гурвич, она же стала редактором его центрального органа – газеты «Дер Векер».

В условиях революции российские партии, заинтересованные в поддержке со стороны женских масс, усилили работу среди них и провели съезды женщин. Социалистические и демократические партии усилили работу в профсоюзах, союзах солдаток, среди крестьянок. На волне революции возникли и активно выступали «Женская прогрессивная партия», «Всероссийский союз равноправия женщин» и другие политические организации. Только в Москве и Петрограде действовали 33 женские организации и общества взаимопомощи. Еще до февральских событий А. Шабанова провозгласила образование «Всероссийского женского общества», вскоре переименованного в «Национальный женский совет». Брошюры, посвященные правам человека и женскому вопросу, наводнили страну, как это уже было в 1905 г. [5; 10; 25; 27]. Отдельной брошюрой были изданы фрагменты из стенографических отчетов, отразившие полемику по вопросу о равноправии женщин в I Государственной думе, где дебаты по этому вопросу были самыми острыми. Белорусские кадеты не остались в стороне от этой работы, занявшись распространением брошюр, написанных идеологами КДП, и среди них – «Освобождение женщины» А. В. Тырковой [25].

Изменившаяся в связи с революцией общественно-политическая ситуация предопределила и неизбежность решения вопроса о женском гражданском и политическом равноправии. В апреле 1917 г. все граждане, достигшие 20 лет, без различия национальности, вероисповедания и пола получили право голосовать и баллотироваться в городские думы и районные управы. Благодаря этому женщины смогли принять полноправное участие в первых выборах (май – август 1917 г.) в городские и районные думы и быть избранными в них. Так, в Минскую городскую думу по спискам БУНДа (а евреи также впервые с 1890 г. смогли в нее баллотироваться) прошла Е. А. Гурвич, ставшая в ней единственной женщиной и избранная ее секретарем.

В мае Временное правительство признало «Национальный женский совет», который в знак благодарности своим президентом провозгласил самого П. Н. Милюкова. В июне женщины-юристы получили право заниматься адвокатской практикой, тогда же они были включены в состав судов присяжных. В августе 1917 г. женщинам гарантировали равную оплату труда и равное с мужчинами право занимать государственные должности. Министерство просвещения, в котором заместителем министра была С. В. Панина, разработало проект преобразования высших

женских курсов в настоящие женские университеты, во всех отношениях равные мужским.

Наконец, был пересмотрен вопрос о женских политических правах. На специальной конференции по разработке закона о выборах в Учредительное собрание он не встретил серьезного противодействия, и 20 июля Временное правительство приняло витавшее в воздухе решение – предоставить женщинам, достигшим 21 года, избирательные права. В ноябре 1917 г. в соответствии с новой избирательной нормой прошли выборы в городские думы и Учредительное собрание. К этому пе-

риоду Временное правительство уже было свергнуто большевиками. Было разогнано и начавшее работу 5 января 1918 г. Учредительное собрание (в нем 10 женщин: эсерки Е. К. Брешко-Брешковская, О. А. Матвеевская, А. Н. Слетова-Чернова, М. А. Спиридонова, В. Н. Фигнер, М. Д. Первеева и большевички Е. Г. Бош, А. М. Коллонтай, Е. Ф. Розмирович, В. Н. Яковлева).

С победой большевиков решение женского вопроса будет осуществляться по всем направлениям радикально как в плане постановки задач, так и в отношении методов их реализации.

Список использованных источников

1. *Бондаренко, К. М.* Правые партии и их организации в Беларуси (1905–1917 гг.) / К. М. Бондаренко. – Могилев: МГГУ, 2010.
2. Бунд: документы и материалы, 1894–1921 / сост., авт. коммент.: Ю. Н. Амиантов [и др.]; предисл., послесл.: Ю. Н. Амиантов, И. С. Розенталь. – М.: РОССПЭН, 2010. – 1358, [1] с.
3. Воззвание к русским женщинам // Русское знамя. – 1906. – 17 окт. – № 257. – С. 2–3.
4. *Волкова, О. А.* Общественно-политическое движение женщин в Санкт-Петербурге и Москве в годы Первой российской революции: дис. ... канд. ист. наук / О. А. Волкова. – Минск: БГПУ, 2009. – 158 л.
5. *Гуревич, Л. Я.* Почему нужно дать женщинам такие же права, как мужчинам / Л. Я. Гуревич. – Пг., 1917. – 16 с.
6. Документы общероссийских партий и организаций либерального направления в Беларуси (1905–1918 гг.): хрестоматия: учеб.-метод. пособие / авт.-сост. Д. С. Лавринович. – Могилев: МГГУ, 2010.
7. Извещение «От партии демократических реформ» и «Основные положения программы партии демократических реформ», сформулированные к началу избирательной кампании во II Государственную думу // Партия демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. 1906–1916 гг. Документы и материалы. – М., 2002. – С. 85.
8. *Ковалевский, М. М.* Политическая программа нового союза народного благоденствия (речь на собрании клуба независимых) / М. М. Ковалевский // Партия демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. 1906–1916 гг. Документы и материалы. – М.: РОССПЭН, 2002. – С. 34–35.
9. *Меньшиков, М.* Национальная империя: сб. ст. / М. Меньшиков. – М.: Изд. Имперская традиция, 2004. – 555 с.
10. *Мижухев, П. Г.* Равноправие женщин (Права женщины и ее обязанности) / П. Г. Мижухев. – М.: Тип. О. Л. Сомовой, 1917. – 54 с.
11. На злыбы дня // Слово. – 1905. – 3 (16) мая. – № 140. – С. 6.
12. Основоположения Союза русского народа (1906 г.) // Монархическое движение в России и Беларуси в 1905–1917 гг.: хрестоматия: учеб.-метод. пособие / авт.-сост. К. М. Бондаренко. – Могилев: МГУ, 2009. – С. 122–128.
13. *Петражицкий, Л. И.* О пользе политических прав женщин / Л. И. Петражицкий // Речь ... депутата 1-й Гос. думы. Партия народной свободы. По стеногр. отчету. – СПб.: Тип. Б. М. Вольфа, 1907. – 16 с.
14. *Покровская, М. И.* Отношение русских политических партий к правам женщин / М. И. Покровская // Женский вестник. – 1906. – № 4. – С. 109–111; № 5. – С. 134–138.
15. Политические партии России, конец XIX – первая треть XX в.: Энциклопедия / В. В. Шелохаев (отв. ред.) [и др.]. – М.: РОССПЭН, 1996. – 800 с.
16. Права и свободы человека в программных документах основных политических партий и объединений России. XX век / под ред. А. Н. Аринина (отв. ред.) [и др.] – М.: РОССПЭН, 2002. – 494, [1] с.
17. Правые партии, 1905–1917 гг.: Документы и материалы: в 2 т. / редкол.: О. В. Волобуев [и др.]; сост. Ю. И. Кирьянов. – М.: РОССПЭН, 1998. – Т. 1–2: 1905–1910 гг.
18. Программа партии мирного обновления // Партия демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. 1906–1916 гг. Документы и материалы. – М., 2002. – С. 63–64.
19. Программа Партии социалистов-революционеров // Российские партии союзы и лиги: сб. программ, уставов и справочных сведений о российских политических партиях. – СПб.: РОССПЭН, 1906.
20. Программа Российской Социал-демократической Рабочей Партии. – Женева, 1905. – С. 3, 6.
21. Программа Союза Русского Народа (1906 г.) // Русские и белорусские монархисты в начале XX века: монография / К. М. Бондаренко, Д. С. Лавринович. – Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова, 2003.
22. Союз русских женщин. Устав. – СПб., 1908. – С. 14.
23. *Стайтс, Р.* Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм и большевизм, 1860–1930 / Р. Стайтс; пер. с англ. И. А. Школьникова. – М.: РОССПЭН, 2004. – 615 с.

24. Съезды и конференции Конституционно-демократической партии / редкол.: В. В. Шелохаев (отв. ред.) [и др.]: в 3 т. – М.: РОССПЭН, 1997–2000.
25. *Тыркова, А. В.* Освобождение женщины / А. В. Тыркова. – Пг.: Партия Народной свободы, 1917.
26. *Тыркова-Вильямс, А. В.* На путях к свободе / А. В. Тыркова-Вильямс. – 2-е изд. – Л.: Overseas Publ. Interchange, 1990. – 437 с.
27. *Усовский, Б.* Политические права женщин: К выборам в учредительное собрание / Б. Усовский. – Харьков: [б. и.], 1917. – 23 с.
28. Устав Русского женского кружка в г. Минске // Минское слово. – 1907. – 18 янв.
29. *Ostrogorski, M.* La Femme Au Point de Vue Du Droit Public: Tude D'Histoire Et de Lgislation Compare / M. Ostrogorski. – Paris: A. Rousseau, 1892. – 198 p.
30. *Ostrogorski, M.* The Rights of Women; A Comparative Study in History and Legislation / M. Ostrogorski. – London: S. Sonnenschein & Company; New York: C. Scribner's sons, 1893. – 170 p.
31. *Ostrogorski, M.* Kobieta a prawo publiczne (studium z historyi i ustawodawstwa porównawczego) / M. Ostrogorski / Przeł. z fr. z upoważnienia aut. Zygmunt Poznański. – Warszawa: Druk. K. Kowalewskiego, 1898. – 188, [2], 6 s.

Дата поступления: 12.10.2018.

Литвинёнок Р. С.

Республиканский институт высшей школы, Минск

Litvinionak R.

National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 93.[(=84)(476+474.5)+947.6+947.45]«18/19»

СОЦИАЛ-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ПОЛЬСКОМ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ В БЕЛАРУСИ И ЛИТВЕ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ

SOCIAL-PATRIOTIC DIRECTION IN THE POLISH PUBLIC-POLITICAL MOVEMENT IN BELARUS AND LITHUANIA AT THE TURN OF THE XIX–XX CENTURIES

В статье дается характеристика польских политических партий социалистической ориентации в польском общественно-политическом движении на белорусско-литовских землях в конце XIX – начале XX в., в частности его «националистического крыла» – «ППС на Литве»: социальный состав, основные программные положения, политические организации данного направления, печатные органы, основные политические лидеры.

Ключевые слова: партии социалистической ориентации; «ППС на Литве»; политическая программа; социальный состав; печатные органы; национальная идея.

In the article description is given «Polish political parties of socialistic orientation» in Polish social and political motion on Belarussian-Lithuanian earth in the end XIX – beginning of XX of centuries, in particular his «nationalistic wing» of «PPS on Lithuania»: social structure, substantive programmatic provisions, political organizations of this direction, printed organs, basic political leaders.

Keywords: parties of socialistic orientation; «PPS on Lithuania»; political program; social structure; printed organs; national idea.

Социалистическая идея получила свое распространение среди польского населения Беларуси и Литвы в 70-е гг. XIX в. Она имела свою специфику: идея воссоединения и восстановления страны, утратившей свою государственность, разорванной на части державами-соседями, у польского населения края была достаточно сильна и зачастую заслоняла собой социальные программы, характерные для партий социалистической ориентации в целом.

С конца 80-х – начала 90-х гг. XIX в. в польском общественно политическом движении социалистической ориентации на белорусско-литовских

землях начинается новый этап, связанный с организационным оформлением. В первую очередь это было связано с деятельностью таких организаций и групп, как «Гмина Виленска», секция Гмины Социалистов Польши, «Виленский кружок», «Группа Матэуша Блажевского». Последнюю С. Трусевич, посетивший Вильно в 1890–1892 гг., назвал польско-литовской социалистической организацией. Ядро данных политических групп и организаций, наряду со сторонниками М. Блажевского, составляли рабочие, высланные в административном порядке из Варшавы в Вильно за участие в деятельности «Пролетариата». Многие

члены партии «Пролетариат» были уроженцами Литвы и Беларуси (Б. Ануфрович, И. Острейко, А. Поплавский, Ю. Разумейчик и др.). В свою очередь это сыграло не последнюю роль в том, что партия вела активную пропагандистскую работу в западной части Беларуси и Виленском крае. Известно более десятка следственных дел, которые проводились царскими властями в Гродно, Минске, Слуцке. В них высказывались опасения в связи с расширением влияния на местную молодежь польской социалистической пропаганды через печатные издания [1].

Данных деятелей польского социалистического движения можно атрибутировать как представителей одной из региональных элит на белорусских землях, а выявленные документы из самых разных источников, как официальных, так и имеющих более субъективный статус, позволяют использовать метод репутационного анализа для выявления степени их влияния на социально-политические процессы в регионе [5, с. 9].

В конце XIX в. в польском социалистическом движении на белорусско-литовских землях определились два направления (социал-патриотическое и революционно-демократическое), каждое из которых находилось под влиянием распространения социалистической идеи из Королевства Польского и России соответственно. Одно из них (социал-патриотическое) сгруппировало вокруг себя революционную польскую интеллигенцию, признававшую, что польский рабочий класс может добиться своего освобождения только в условиях независимой Польши. Из этого вытекало, что польские рабочие на первом этапе своего освободительного движения совместно с польским крестьянством и революционной интеллигенцией должны бороться за независимость Польши. Союз с рабочим классом России при такой постановке вопроса не рассматривался. Организационно данное движение впоследствии оформилось в Польскую Партию Социалистов (ППС).

Свою деятельность на территории Литвы и Беларуси ППС разворачивает сразу после организационного Парижского съезда. С. Мендельсон в 1893 г. нелегально посетил г. Вильно и встретился с членами существовавшей здесь польской политической организации (в широких общественных кругах Вильно ее именовали «Суполка польских социалистов» («Суполка»)). В неё входили Ю. Пилсудский, А. Сулькевич, С. Беляк, Л. Зайковский, Д. Рымкевич. В своих действиях «Суполка» руководствовалась программой ППС, выработанной на парижском учредительном съезде. «Виленские социалисты» поддержали идеи съезда и провозгласили себя «Литовской секцией ППС», которая в 1902 г. была переименована в «ППС на Литве» [2, с. 15–48].

Число сторонников ППС в Литве и Беларуси постепенно росло. В их состав в основном входили представители интеллигенции, которые занимались распространением газеты «Работник», печатного органа ППС. На страницах «Работника» размещались в основном материалы о социально-экономическом положении польского рабочего класса и его борьбе за расширение своих прав и свобод. Газета проводила мысль, что причиной тяжелого положения польских рабочих является не только социальный, но и политический гнет в самодержавной России.

Во второй половине 90-х гг. XIX в. организации польских социалистов начали создаваться и в городах Беларуси. Так, в 1895 г. в Гродно при содействии ППС был образован «Кружок польских интеллигентов» [3]. Основателем клуба был Петр Шумов. Через него в Гродно поступала нелегальная польская социалистическая литература. Члены кружка, активизировав свою деятельность, развернули активную пропаганду социалистической идеи среди рабочих Гродно и в 1897 г. образовали Гродненский рабочий комитет, во главе которого стояли П. Шуман, В. Фрейман. Членами комитета также являлись В. Гец, М. Вайнер, Ш. Капульский, М. Хирург, Ч. Штам, Ф. Сольц, Л. Фарбер. В 1899 г. Рабочий комитет своим влиянием охватил примерно около ста рабочих, которые объединялись в кружки на крупных фабриках города. В этом же году под руководством комитета были проведены первые забастовки и политические акции рабочих [4].

В 1901 г. Рабочий комитет Гродно был переименован в Гродненский рабочий комитет ППС. Комитет объединял главным образом польских рабочих города. Именно в этот период в Гродно по инициативе рабочего губернской типографии Францишка Грабовского была создана типография ППС [6, л. 301]. Это закономерно, так как главной формой деятельности «ППС на Литве» была агитация и пропаганда с помощью печатного слова. Помимо газеты, партия издавала брошюры и прокламации под конкретные политические акции.

В 1902–1904 гг. активизировали свою работу Гродненский и Виленский рабочие комитеты «ППС на Литве». Первым были основаны партийные организации в Индуре, Волковыске, Слониме. Виленский комитет способствовал созданию рабочих организаций в Свентянах, Вилейке, Минске [6, л. 305].

В крупных городах литовско-белорусских земель развернули свою работу окружные функционеры «ППС на Литве», скрывавшиеся под известными на то время псевдонимами. Так, например, в Гродно это были А. Дьяконов («Саша»), В. Матушевский («Анатолий»), С. Не-

любович («Казимир»), в Вильно – Л. Василевский («Литвин»).

Члены ППС в Гродно, Вильно, Минске, Барановичах и других наиболее крупных городах и местечках Литвы и Беларуси находили всё большую поддержку в среде польской общности.

В 1903 г. «ППС на Литве» выступила в качестве одного из организаторов первых общегородских политических выступлений рабочих в Гродно, Вильно, Минске. Так, по инициативе Гродненского рабочего комитета и Комитета Бунда 17 февраля 1903 г. рабочие принимали участие в похоронах известного в городе врача-атеиста Ю. Банецкого, которые переросли в массовую манифестацию. В этом же году рабочими комитетами ППС в Вильно, Гродно были организованы крупнейшие собрания рабочих, на одном из которых присутствовало около 1000 человек [6, л. 302].

Накануне революции 1905–1907 гг. «ППС на Литве» активизирует свою работу на белорусско-литовских землях. Это было связано с реорганизацией самой структуры партии на VI съезде (июнь 1906 г.). Было введено деление на округа, появились отделы. Был расширен состав ЦКР (Centralny Komitet Robotniczy (Центральный рабочий комитет)), определен круг его обязанностей. В ЦКР входили представители окружных организаций ППС, редактор газеты «Robotnik», с 1904 г. им стал Ф. Перль, и представитель Заграничного комитета и заграничной секции ППС В. Йодко-Норкевич. По инициативе Ю. Пилсудского в рамках ЦКР был создан исполнительный орган – Исполнительная комиссия. В ее функции входило: издание общепартийных документов, представительство ППС в межпартийных объединениях, организация печати информационных и агитационных материалов, назначение редакционных советов печатных партийных изданий. В Исполнительную комиссию съездом были избраны Ю. Пилсудский, А. Буйно, Б. Чарковский. Так постепенно шло оформление организационной структуры «ППС на Литве», которая окончательно оформилась накануне событий 1905–1907 гг. Она представлена в виде схемы (рисунок 1) [7, с. 176].

«ППС на Литве» в своей работе на территории Литвы и Беларуси также не могла не считаться с особенностями данного региона. Во-первых, в общественно-политической жизни Литвы и Беларуси нельзя было не учитывать сильного влияния еврейских организаций (Бунд, ЕСДРП («Поалей-Цион»)). Хотя бундовцы, например, и выступали против борьбы за независимость Польши, но в 1903 г. Рабочий комитет в Вильно принял решение дать разрешение комитетам

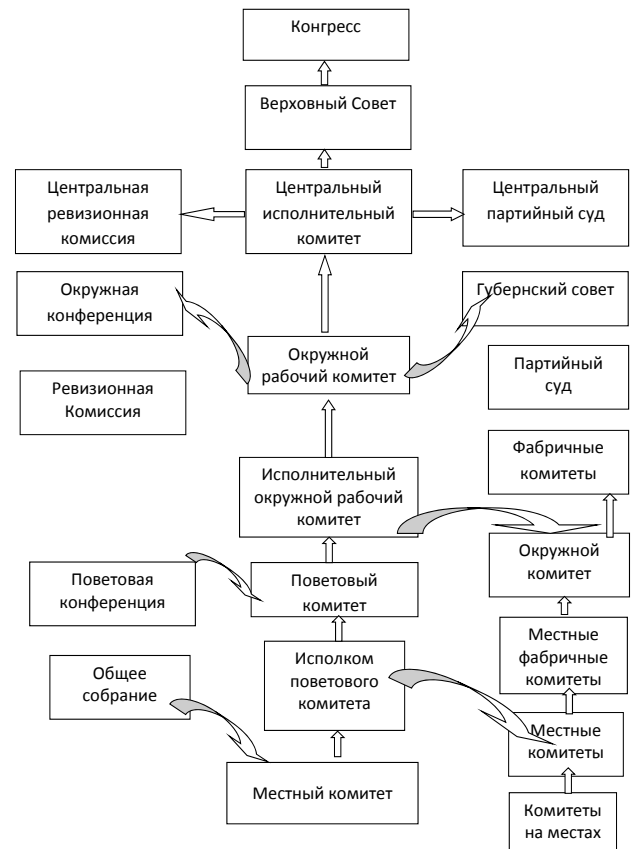

Рис. 1. Организационная структура «ППС на Литве»

ППС на Литве принимать участие в манифестациях Бунда.

Ю. Пилсудский на страницах «Walki» отмечал: «...мы (поляки) представители национального меньшинства в Литве и Беларуси, оказываем значительное влияние на развитие социалистического движения в крае, однако не можем, да и не имеем права без согласия литовских, белорусских и еврейских товарищей решать судьбу нашей общей отчизны» [8].

Чтобы как-то противостоять усилению еврейских организаций в крае, «ППС на Литве» активизирует работу среди еврейского населения. На IV съезде ППС было принято решение о создании еврейской организации с руководящим органом – Еврейским комитетом. Первая конференция еврейских организаций ППС состоялась в Гродно 6 апреля 1903 г. Постепенно в районе деятельности «ППС на Литве» была образована целая сеть еврейских организаций ППС. По данным на октябрь 1906 г. такие организации функционировали в Вильно, Гродно (до 150 человек), Бресте (200 человек), Барановичах и Минске [9]. Во-вторых, ППС, отказавшись от сотрудничества в борьбе с царизмом с революционными партиями России, делая ставку на достижение независимости Польши в ее исторических границах, стремилась использовать просыпающееся

ся «национальное» чувство белорусов, литовцев, украинцев.

Одним из первых по этому вопросу высказался видный польский социалист С. Мендельсон: «...В открытой вооруженной борьбе с самодержавием должны быть использованы все политические факторы. В том числе и такой путь, как полное сближение с литовцами и белорусами» [2, с. 118].

А вот по отношению к русским революционерам ППС явно стремилась подтолкнуть своих восточных коллег (белосов, литовцев) к сепаратистским настроениям. Это отчетливо проявилось на виленском совещании. Касаясь будущего «непольских» народов, ППС провозгласила «полное равноправие народностей, входящих в состав будущей Польской республики на основе принципа добровольной федерации». Этим самым делегаты съезда высказывались не за этнографические, а «исторические границы» польского государства. О праве Литвы и Беларуси на самостоятельность не упоминалось [2].

Отношение польских социалистов к литовским и белорусским национальным партиям формировалось под влиянием двух факторов. Первый – мобилизация белорусского и литовского народов на борьбу с царизмом. Второй – неоднозначное отношение к идее литовского, а тем более белорусского национального возрождения (лидеры ППС заявляли о проблематичности конструктивного разрешения белорусского вопроса и после ожидаемого свержения царизма) [2]. Однако проблема будущего политического статуса литовско-белорусских земель становилась все более актуальной и требовала своего (хотя бы на первых порах) теоретического обоснования.

Естественно, ППС старалась выработать свою линию по отношению к образующимся национальным политическим партиям на белорусско-литовских землях. IV съезд ППС констатировал образование Литовской социал-демократической партии (ЛСДП) из местных («тутэйшых») социалистов, однако отношения между ППС и ЛСДП осложнялись в значительной степени тем, что они придерживались относительно противоположенных взглядов на политическую будущность Польши и Литвы. Правда, ЛСДП положительно отнеслась к идее федерации Польши и Литвы, однако, как отмечал Ю. Пилсудский в одном из своих писем, «...литовские социал-демократы не смогли выдать из себя, за какую они федерацию с Польшей или с кем-то еще. ...Они федерацию не отрицают, но только не известно, с кем и для чего. В этом вся абсурдность ситуации» [10, с. 17].

Однако следует отметить, что акцент в работе ППС в крае был направлен не столько на

ослабление национальных социалистических организаций, сколько на консолидацию социалистических сил с целью создания единой организации, которая смогла бы противостоять влиянию русских революционных организаций.

Выдвинутый лозунг единения социалистического движения Польши и Литвы сторонниками ППС натолкнулся на неприятие со стороны других партий социалистической ориентации в крае.

В сложившейся ситуации «Wałka» неоднократно отмечала, что необходимо создание единой территориальной социалистической партии, которая имела бы значительное влияние в крае. Но ее сила во многом будет зависеть от связей с социалистическим движением в самом Королевстве Польском [11].

Это воссоединение, по мнению сторонников ППС, было возможно исходя из общих политических целей Польши и Литвы (белорусско-литовских земель), а также исторической и культурной общности народов, населяющих данный регион.

В этой связи руководство ППС проявило немалый интерес к деятельности просветительской, а впоследствии и политической организации белорусского студенчества, которую возглавляли В. Ивановский, братья Антон и Иван Луцкевичи. Эта организация была основана в 1902 г. и функционировала в Петербурге. По воспоминаниям М. Вайнера, активное участие в создании этой организации принимал член ППС А. Сулькевич [12].

На IV съезде партии (июнь 1902 г.) ППС приняла резолюцию, в которой рассматривала вопрос образования белорусской социалистической партии. «ППС на Литве» принимает решение послать своих представителей на «белорусский» съезд «выразить им свои симпатии и пожелать, чтобы дожили до независимости и федерации с нами». Одновременно в резолюции отмечалось, что ППС «оставляет за собой право проводить активную работу среди белорусского населения, не создавая при этом конфликтных ситуаций с представителями белорусской социалистической организации». На этом же съезде ППС приняло резолюцию по поводу издания агитационной литературы на местных языках [13].

«ППС на Литве», выполняя решения IV съезда, подготовила к изданию три белорусско-язычные брошюры: «Гутарка аб тым, куды мужыцкія грошы ідуць», «Хто праўдзівы прыяцель беларускага народа», «Як зрабіць, каб людзям было добра жыць на свеце».

Стремление польских социалистов установить контроль над деятельностью БСП привело к ее расколу. В 1903 г. левое радикальное крыло этой организации образовало Белорусскую Революционную Громаду (позже она была переиме-

нована в Белорусскую Социалистическую Громаду). ППС старалась взаимодействовать с данной партией путем издания совместных воззваний. В 1904 г. силами ППС были изданы: антивоенное обращение «Таварыш» на белорусском, польском, литовском и латышском языках за подписью ППС, БРГ, Литовской и Латышской социал-демократических партий и воззвание «Браце сяляне» за подписью ППС и БРГ [14]. Члены Гродненской, Минской, Виленской организаций «ППС на Литве» стремились вести широкую деятельность среди белорусского населения.

Несомненно, что часть тогдашнего руководства ППС стремилось к сотрудничеству с БСГ на принципах партнерства и учета национальных интересов последних. Однако решающее слово было за теми членами руководства ППС (Ю. Пилсудский, Ф. Перль), для которых это сотрудничество было скорее лишь вопросом их тактики.

Несмотря на то, что официальные документы ППС провозглашали равные права представителей всех национальностей Литвы и Беларуси, в том числе и право на самоопределение [15], в руководстве партии стали раздаваться призывы о включении Ковенской, Виленской, Гродненской и Минской губерний в состав будущего Польского государства [8]. А это означало раздел Беларуси и аннексию ее западных земель.

В такой ситуации ППС пошла на создание под своей эгидой организации, которая должна была стать альтернативой БСГ. Летом 1904 г. она получила название Социалистическая Партия Белой Руси (СПБР). Во главе партии стояли молодые «пэпээсовцы» Мариан Фальский, Францишек Завадский, братья Станислав и Казимир Трусовские, Бронислав Шушкевич. Все они были выходцами из Гродненской и Минской губерний, знали белорусский язык, имели достаточный опыт революционной и просветительской деятельности. Организация должна была стать «активной» союзницей БСГ и впоследствии, после объединения БСГ и СПБР, войти в состав единой территориальной организации. В конце 1904 г. М. Фальский в качестве первого шага в этом направлении предложил двум партиям (СПБР и БСГ) объединиться. Однако переговоры не принесли положительных результатов. Причину такого исхода М. Фальский видел в том, что СПБР стояла на позициях социалистической идеологии, а БСГ так и не решилась на смену своего национального облика.

Что касается позиции А. Луцкевича, то он не видел принципиальной разницы между партиями в области идеологии, а обвинения СПБР в адрес БСГ объяснял «страхом перед пробуждавшимся тогда в белорусских массах национальным чувством» [14, с. 25].

Вся непродолжительная история СПБР как представительницы ППС свидетельствуют о том, что за провозглашенным ею лозунгом об объединении польских, белорусских, литовских и еврейских социалистов скрывались намерения ППС установить контроль над деятельностью национальных организаций в крае. Разумеется, что такие намерения были не приняты ни БСГ, ни литовскими социалистами. В результате конференции, созванная в конце 1904 г. по инициативе ППС с целью объединения литовско-белорусских партий, закончилась неудачей.

Сплочение социалистических партий, работающих совместно с ППС в Литве и Беларуси на платформе федерации, открывало перспективу их объединения вместе с литовской секцией ППС в единую территориальную организацию (причем федерация, по расчетам ППС, должна была стать ядром сплочения). Ю. Пилсудский, учитывая это обстоятельство, высказывал предположение, что руководство этим территориальным объединением, координирующим деятельность всех социалистических партий в Литве и Беларуси, должна взять на себя ППС.

С возникновением Бунда и образованием РСДРП реальная возможность возглавить социалистическое движение в Литве и Беларуси у ППС становилась все меньше и меньше. ЛСДП, а еще в большей степени Белорусская Социалистическая Громада больше тяготели к российской социал-демократии, чем к польским социалистам. Однако нельзя отрицать и тот факт, что ППС сыграла важную роль в становлении литовского и белорусского социалистических движений.

Слабая сторона деятельности «ППС на Литве» была уже изначально заложена в ее сепаратистской направленности. Однако в начале XX в. польские социалисты выступили организаторами революционных выступлений не только с сепаратистских позиций, но и стремились организовать широкий фронт борьбы с российским самодержавием. Это дало возможность укрепиться ППС в рабочей среде Вильно, Гродно, Ковна, Минска и других крупных городах Литвы и Беларуси.

Наряду с активной деятельностью партии в «блоке левых сил», «ППС на Литве» вместе с национально-демократической партией выступала против идеологии «угоды». На страницах своих периодических изданий она стремилась выявить несостоятельность и «пагубность» «угодной» идеологии для поляков Литвы и Беларуси, обвинив их в национальной измене и «слепоте по отношению к происходящему в крае» [12, с. 14].

На основании таких критериев, как социальный состав, основные цели, политические партии и организации, программа, печатные органы, основные лидеры, «общий портрет»

социал-патриотического направления польского общественно-политического движения на белорусско-литовских землях можно представить следующим образом (таблица 1).

Как отмечалось выше, социалистические крыло польского общественно-политического движения на белорусско-литовских землях не было однородным. Наряду с ППС начали разворачивать свою деятельность социалистические организации, стоявшие исключительно на интернациональных позициях. В первую очередь это были социал-демократические партии и организации, которые составляли ядро революционно-демократического направления в польском социалистическом движении на белорусско-литовских землях. В русле этого направления образовалась партия Социал-демократия Королевства

Польского (с 1899 г. Социал-демократия Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ)), которая впоследствии объединила свои усилия с российской социал-демократией. Она ассоциируется в большей степени с рабочим движением, которое ставило целью победу над капитализмом и освобождение рабочего класса. Отношения СДКПиЛ и «ППС на Литве» на белорусско-литовских землях складывались драматично и противоречиво.

Деятельность партий и организаций данного направления в польском общественно-политическом движении социалистической ориентации на белорусско-литовских землях значима и сыграла важную роль в развитии общественно-политического движения в Беларуси и Литве в конце XIX – начале XX в. и, безусловно, заслуживает отдельной публикации.

Таблица 1

Социал-патриотическое течение польского общественно-политического движения социалистической направленности на белорусско-литовских землях

	Краткая характеристика
Состав	Широкие круги интеллигенции, в том числе выходцы из среды крупных землевладельцев и промышленников, студенчество, широкий спектр крестьянства (от зажиточного до ведущих мелкое крестьянское хозяйство), представители рабочих.
Основная цель	Независимая, обновленная, демократическая, федеративная Польская Республика
Политические партии и организации	«ППС на Литве», «Гмина Виленска», «Рабочий союз Польши», «Суполка польских социалистов», «Суполка польских интеллигентов»
Основные программные установки	Независимое польское государство на основе федерации, тактика «левого блока», объединение местных социалистических групп и организаций в краёвую децентрализованную партию
Печатные органы	«Pszedwit», «Robotnik», «Słowo», «Gazeta Ludowa», «Latarnia», «Gazeta Robotnicza», «Walka», «Ruch», «Legionista», «Do broni», «Z pola Wałki»
Основные лидеры	Ю. Пилсудски, Г. Валецки, М. Белецки, Ф. Кон, Ф. Сакс, В. Йодко-Норкевич, Ф. Перль, С. Войцеховски, Б. Шушкевич, М. Фальски, Ф. Завадски

Список использованных источников

1. Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). – Ф. 60. – Оп. 4. – Д. 3. – Л. 62.
2. *Malinowski, A.* Materiały do historii PPS i ruchu rewolucyjnego w zaborze rosyjskim od r. 1893–1904 / A. Malinowski. – Warszawa: Druk. Piotra Laskauera, 1911. – Т. II: 1898–1901. – 286 s.
3. Белорусский государственный исторический архив литературы и искусства. – Ф. 3с. – Оп. 1. – Д. 139. – Л. 6.
4. *Walka*. – 1902. – №1.
5. *Шимукович, С. Ф.* Белорусские региональные элиты периода «Долгого XIX века» как предмет исторического исследования : обоснование понятия / С. Ф. Шимукович // «Долгий XIX век» в истории Беларуси и Восточной Европы : исследование по Новой и Новейшей истории / редкол.: И. А. Марзалюк (пред.) [и др.] – Минск: РИВШ, 2017. – Вып. 1. – С. 3–12.
6. НАРБ. – Ф. 60. – Оп. 3. – Д. 91.
7. *Литвинёнок, Р.* Польское общественно-политическое движение в Литве и Беларуси. Характеристика и анализ на рубеже XIX–XX вв. / Р. Литвинёнок – Саарбрюккен: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2013. – 193 с.
8. *Walka*. – 1903. – № 1.
9. *Jurkewicz, J.* Rozwój polskiej myśli politycznej na Litwie i Białorusi w latach 1905–1922 / J. Jurkewicz. – Poznań: UAM, 1983. – 285 s.
10. *Piłsudski, J.* Piśma zbiorowe: Wydanne prac dotychczas drukiem ogłoszonych / J. Piłsudski. – Warszawa: Inst. J. Piłsudskiego, 1937. – Т. II. – 117 s.
11. *Piłsudski, J.* Artykuł wstempny / J. Piłsudski // *Walka*. – 1902. – № 1.
12. *Wajner, M.* Do historii PPS na Litwie / M. Wajner // *Nepodległość*. – Warszawa, 1934. – Т. IX.
13. *Walka*. – 1902. – № 6.

14. Луцкевіч, А. За дваццаць пяць гадоў (1903–1928). Успаміны аб працы першых беларускіх рэвалюцыйных арганізацый БРГ, БСГ / А. Луцкевіч. – Вільня: Беларус. друк. імя Ф. Скарыны, 1928. – 51 с.
15. Walka. – 1903. – № 3.

Дата поступления: 20.11.2018.

Шыдлоўскі С. А.
Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт, Полацк

Shydloouski S.
Polotsk State University, Polotsk

УДК 39(37.01)«18/19»

ТРАДЫЦЫІ МЕМАРЫЯЛІЗАЦЫІ МІНУЛАГА Ў КУЛЬТУРЫ ПАМЕСНАГА ДВАРАНСТВА БЕЛАРУСІ (КАНЕЦ XVIII – ПАЧАТАК XX СТАГОДДЗЯ)

THE TRADITIONS OF MEMORIALIZATION OF THE PAST IN THE CULTURE NOBILITY OF BELARUS (LATE XVIII – EARLY XX CENTURIES)

У артыкуле разглядаюцца традыцыі мемарыялізацыі мінулага ў культуры дваранства Беларусі канца XVIII – пачатку XX ст. Вызначаюцца разнастайныя сродкі захавання і трансляцыі сямейных традыцый у асяроддзі беларускага прывілеяванага саслоўя. У прыватнасці, апісваюцца спосабы мемарыялізацыі месцаў пахавання продкаў. Робіцца выснова аб наяўнасці спецыфічнага адукацыйнага і сацыялізуючага асяроддзя маёнтка, у якім адбываўся працэс узаўвядзення культуры дваранскага памешчыцкага саслоўя.

Ключавыя словы: традыцыі мемарыялізацыі; культура дваранства; дваранскі маёнтка; гістарычная свядомасць.

The article discusses the tradition of the memorialization of the past in the culture of the nobility of Belarus late XVIII – early XX centuries. Determined by a variety of means of preservation and transmission of family traditions in the environment of the Belarusian privileged classes. In particular, it describes the ways memorialization of the burial places of their ancestors. It is concluded that there is a specific educational and socializing environment of the estate, in which there was a process of reproduction of the culture of the noble estate.

Keywords: the tradition of memorialization; aristocratic culture; noble estate; historical consciousness.

Для памеснага дваранства Беларусі маёнткі з'яўляліся ўвасабленнем «малой радзімы». Культурны ландшафт сядзіб акумуліраваў сямейныя традыцыі і гістарычную памяць, уплываў на фарміраванне саслоўна-радавой ідэнтычнасці. Можна гаварыць аб наяўнасці спецыфічнага адукацыйнага і сацыялізуючага асяроддзя маёнтка, у якім адбываўся працэс узаўвядзення культуры дваранства. Дынаміка трансфармацыі традыцый мемарыялізацыі мінулага ў культуры памеснага дваранства Беларусі ў дадзеным артыкуле разглядаецца ў межах «доўгага XIX стагоддзя», якое, паводле вызначэння С. Ф. Шымуковіча, адпавядае часу знаходжання Беларусі ў складзе Расійскай імперыі [1, с. 4].

Задачы саслоўнага выхавання маладога пакалення дваран вырашаліся ў межах маёнтка разнастайнымі сродкамі. Сама назва сядзібы магла служыць інструментам мемарыялізацыі, – найменні маёнткам, вёскам і фальваркам часам даваліся ў гонар родзічаў памешчыка [7, с. 70–71]. У многіх памешчыцкіх сядзібах Бела-

русі складаліся нерэгулярныя сямейныя дзённікі (Silva rerum), якія ўключалі звесткі і чуткі грамадска-палітычнага характару, палітычныя сатыры, песні, анекдоты, тосты, удалыя прамовы на пахаваннях, вяселлях і шляхецкіх выбарах, выпісы з прыватных лістоў, памятныя сямейныя і агульнанацыянальныя даты, апісанне надвор'я, гаспадарчыя рахункі і статыстыку, памятныя надпісы з надмагільных помнікаў і г. д. У некаторых дваранскіх сем'ях меліся выявы радавога генеалагічнага дрэва, часам з алегарычнымі сюжэтамі. Мэце захавання сямейных традыцый служылі таксама рукапісныя зборнікі гаспадарчых парад, кулінарных і медыцынскіх рэцэптаў, якія вяліся і перадаваліся звычайна па жаночай лініі [2, с. 69; 3, с. 55–56; 4, с. 231–232].

У дваранскіх маёнтках збіраліся гістарычныя дакументы, партрэты продкаў, кнігі, прадметы мастацтва, сямейныя рэліквіі і проста рэчы «з гісторыяй». Напрыклад, цанілася мэбля з уласным «радаводам». Аб'ектам калекцыяніравання рабіліся антычныя памяткі, пераважна

манеты. Збіраўся саксонскі фарфор, які меў часам памятнаы надпісы, напрыклад, кубкі, зробленыя ў гонар канстытуцыі 1791 г. з партрэтам С. Панятоўскага. Сустрэкаліся шаблі, гузікі ад фракаў, дамскія стужкі і сукні, якія мелі надпіс «1791»; срэбныя лыжачкі з адчаканеным партрэтам князя Ю. Панятоўскага. Падобныя калекцыі ўтрымлівалі надзвычай прэстыж і нераўнацэнны матэрыял. Так, у канцы XVIII – пачатку XIX ст. папулярным месцам наведвання ў Вільні з’яўляўся кабінет рэдкасцей генерала Юзафа Касакоўскага, у якім дэманстраваліся калекцыі французскіх габеленаў, японскай і кітайскай парцэляны, посуду з горнага крышталю, разьбы па дрэве і слановай косці, зброі часоў Барскай канфедэрацыі, рэчаў, валоданне якімі прыпісвалася гістарычным дзеячам, а таксама іншыя дзівосы, кштатлу ключа ад Бастыліі. Курганныя знаходкі дахрысціянскай пары, вырабленыя з некаштоўных металаў, не знаходзілі цікавасці ў памешчыкаў. Толькі з паяўленнем Віленскай археалагічнай камісіі (1855–1865) і Віленскага музея старажытнасцей (адкрыты ў 1856 г.) адбывалася пашырэнне ідэі гістарычнай важнасці падобных рарытэтаў [5, s. 139, 230, 258].

Мясцовыя прыватныя бібліятэкі былі шматмоўнымі, аднак пераважалі зборы на польскай і лацінскай мовах. Рэгулярнае камплектаванне хатняй бібліятэкі вымагала ад калекцыянераў значных фінансавых укладанняў. Бібліяфілы намагаліся папоўніць свае калекцыі бібліяграфічнымі рэдкасцямі, аўтографамі, рукапісамі. Істотнымі лічыліся выдавецкія характарыстыкі кнігі (якасці пераплёту, паперы), яе мастацкае афармленне (напрыклад, наяўнасць мініяцюр вядомых ілюстратараў). Практычнае значэнне ў выхаваўча-адукацыйным працэсе мелі калекцыі нотных выданняў, а таксама зборы твораў класікаў. У галерэях айчынных аматараў жывапісу сустрэкаліся творы старых галандскіх майстроў, італьянскіх мастакоў эпохі Рэнесансу, шматлікія палотны П. П. Рубенса. Іх сапраўднасць застаецца спрэчнай, бо апісанні калекцый таго часу грунтаваліся найчасцей на словах саміх уладальнікаў, а не на экспертнай ацэнцы. Спраўдзіць іх слушнасць не выпадае, бо лёс значнай колькасці прыватных айчынных калекцый невядомы [6, s. 83–85].

Франтоны порцікаў і брам шляхецкіх сядзіб запаўняліся гербавымі картушамі ўладальнікаў маёнтка. Герб роду мог знаходзіцца над камінам, на пячной паліванай кафлі, над уваходам на ганак. Сустрэкаліся таксама флюгеры, на якіх выбіваўся год пабудовы дома, знаходзіўся герб або ініцыялы гаспадара. Алегарычныя малюнкi, надпісы на польскай і лацінскай мовах, маральныя максiмы, жыццёвае крэда і дэвізы сустрэкаліся на брамах, на папярэчных бэльках дома, над дзвярыма ганка,

на дрэвах. На галоўнай папярэчнай бэльцы, якая ўтрымлівала дах, часам выразалі дату пабудовы дома (дзень, месяц і год на лацінскай мове), крыж, імя Ісуса і Багародзіцы, сентэнцыі з маральным зместам, а таксама цяслярскі знак. Бэлькі, якія ўтрымлівалі столь, характарызаваліся суладна перакананню хатніх як «шчаслівыя» і «злыя». Пад «шчаслівымі» бэлькамі, напрыклад, нараджаліся здаровыя дзеці, паненкі атрымлівалі прапановы рукі і сэрца. Мелі распаўсюджанне разнастайныя алегарычныя малюнкi з тлумачальнымі надпісамі часцей усяго на лацінскай мове. Напрыклад, папулярнымі з XVIII ст. былі выявы складзеных у малітве далоняў з надпісам «Deo sic» (Так Богу), далоняў у адкрытым жэсце запрашэння з надпісам «Sic amico» (Так сябру) і далоні, складзенай у дулю з надпісам «Inimico sic» (Так ворагу). Падобнае сустрэкалася на шырмах, іх рабілі над дзвярыма пакояў і г. д. Часам пры нараджэнні дзіцяці або пры заключэнні шлюбу на манеце надрапваўся год, і такую манету захоўвалі як рэліквію. Школьная моладзь любіла выразаць і надрапваць свае імёны на дрэвах, бэльках і сценах дамоў [8, s. 270, 307; 9, s. 134, 253–254; 10, s. 267].

Уладальнікі маёнткаў збіралі гістарычныя легенды, якія звязвалі гісторыю іх уладання з драматычнымі падзеямі мінулага. Аднак падобныя згадкі, як правіла, не мелі дакументальнага пацверджання. Распаўсюджаным легендарным сюжэтам, напрыклад, было наведванне памешчыцкіх двароў каранаванымі валадарамі. Найбольш папулярнымі у дадзеных легендах персанажамі сярод памешчыкаў-католікаў з’яўляюцца Вітаўт, С. Баторы і Напалеон, у праваслаўных – Кацярына II. Аб многіх храмах, фундаваных памешчыкамі, можна было пачуць, што Напалеон выказваў сваё захапленне іх архітэктурай і шкадаванне, што не можа перанесці гэтыя цудоўныя збудаванні ў Парыж. Часам падобныя сямейныя апокрыфы публікаваліся памешчыкамі асобнымі выданнямі або ўключаліся ў мемуары. З нагоды гістарычных і псеўдагістарычных падзей, якія звязваліся з дадзенай мясцінай, усталёўваліся памятнаы дошкі. Паводле іранічнай заўвагі З. Глогера, калі сціпласць замянала гаспадару маёнтка дэманстраваць мемарыяльны пакой, дзе ў вайну 1812 года начаваў генерал Напалеона, то ён заўжды мог паказаць на сцяне свайго дома драпіны ад варожых куль [8, s. 189–190; 343; 371; 5, s. 27].

Паводле К. Тышкевіча, у гістарычнай свядомасці мясцовага прывілеяванага саслоўя ў якасці буйных культурных эпох вылучаліся «пястоўскія часы», эпоха Жыгімонта Старога і каралевы Боны, эпоха Сасаў і часы Станіслава Аўгуста. З «часоў Станіслава Аўгуста» пачыналася «новая эпоха» – сучаснасць. Тое, што было да часоў С. Панятоўскага, называлася даўніной, «за даўнімі

часамі». Найбольшым прэстыжам «з даўніны» карысталася эпоха Жыгімонта Старога і каралевы Боны, якая прыўнесла шмат навацый у патрыярхальны побыт мясцовай шляхты [5, s. 241].

Мемарыялізаваліся месцы пахавання продкаў. Найбольшым прэстыжам карысталіся мураваныя капліцы з пахавальным радавым склепам, якія ладзіліся пры бажніцах, фундаваных землеўладальнікамі. Падобныя храмы рабіліся сямейным гонарам, ім перадаваліся землі і фальваркі, закупаліся культавыя прадметы, засноўваўся фундуш (з 1843 г. утрыманне рымска-каталіцкіх цэркваў пераходзіла ў юрысдыкцыю ўрада). Набожныя памешчыкі маглі адпісваць у спадчыну цэркваў і манастыроў значныя зямельныя ўладанні. Напрыклад, у Сенненскім павеце памешчык Ф. С. Ляшко спрыяў заснаванню на сваіх землях Няклюдзкіскага Барысаглебскага мужчынскага манастыра (1899 г.) [11, с. 90–91].

К. Тышкевіч дае наступнае апісанне склепа роду Радзішэўскіх у Буйвідах: труны былі выраблены з чырвонага дрэва, акаванага серабрыстым металам, спераду труны знаходзілася бляха з гербам, яшчэ адна – з надпісам, у якім згадвалася імя памерлага, – на вечцы. Труна была наглуха забітая. На вечцы часам змяшчалі дошкі з кароткай біяграфіяй (дата з’яўлення на свет, заручыны, шлюб, нараджэнне дзяцей) памерлага і пахвалою яму. Склеп мог мець земляную падлогу, на якой і знаходзіліся труны [5, s. 153].

Калятар (фундатар храма), які пабудаваў бажніцу і забяспечыў яе фундушам, атрымліваў права для сябе і сваіх нашчадкаў уплываць на выбар асобы святара ў выпадку вакансіі. У яго была асобная калятарская лава ў храме, падчас рэлігійных працэсій калятар меў права весці святара пад руку. Фундушы касцёлам маглі давацца пад абавязацельствы, напрыклад, утрымліваць настаўніка для моладзі, пэўную колькасць ксяндзоў, ладзіць фэсты, адкрываць школу або шпіталь. Існаваў звычай згадваць у тастаментах, каб блізкія штогод ладзілі жалобнае набажэнства ў дзень смерці фундатара. У такі дзень родныя памерлага давалі міласціну жабракам. Магла таксама штотыднёва ці некалькі разоў на тыдзень праводзіцца імша за душы фундатараў. На гэтыя мэты адпісваліся спецыяльныя сродкі ці маёмасць. Існаваў звычай закладаць медныя капсулы пад страхой, у якой утрымліваліся дакументы аб фундатарах, будаўніцтве і грошы. Герб і імя фундатара бажніцы можна было сустрэць на званых, на франтоне царкоўнага будынка або ўнутры яго. Калятараў, іх нашчадкаў, а таксама членаў касцельнай рады, якія памерлі, знаходзячыся на дадзенай пасадзе, хавалі ў сценах храмаў. Аднак у сямейных пахавальнях на тэрыторыі храма род не меў права хаваць дальніх родзічаў. Калі род фун-

датара страчваў у дадзенай мясцовасці маёмасць ці закрывалася царква, пахаванні не даглядаліся. Часам здаралася, што спадкаемцамі фундатара аспрэчваліся падараваныя храму або манастыру землі. Былі выпадкі таксама і самавольнага захопу духоўнымі асобамі зямель памешчыкаў [12, s. 50–51; 110, 249; 9, s. 55; 13, s. 155–156; 5, s. 131–133, 144].

Статус касцёла ацэньваўся па памеры фундаша, старажытнасці каралеўскіх прывілеяў, знакамітасці фундатараў, касцельным начынні, вядомасці архітэктара (мураваныя касцёлы цаніліся больш), колькасці парафіян, наяўнасці манастыра, сямейных пахавальняў, шанаваных святыняў, фэстаў, брацтваў (з дазволу рымскага прастола). У той жа час праваслаўныя цэрквы пераважна былі драўляныя, іх фундатары часам не лічылі нават патрэбным дакументальна засведчаць свой унёсак у іх заснаванне. У 40-я гг. XIX ст. урад надаваў касцёлам класнасць. Важнай статуснай прыналежнасцю касцёла з’яўляліся званы, якія маглі фундавацца багатымі прыхаджанамі і мелі адпаведны дарчы надпіс. Пэўныя касцёлы рабіліся вядомымі дзякуючы працяглым службам, напрыклад, саракагадзіннаму набажэнству [13, s. 144–145, 155–156; 5, s. 253].

У канцы XVIII – пачатку XIX ст. узнікла мода на складанне элегій у выпадку смерці. Дадзеныя практыкаванні былі недасканалымі з пункта гледжання літаратурнага густу, насілі напышлівы характар, і шэраг інтэлектуалаў зрабілі «элегіяманію» прадметам высмейвання. Існаваў таксама звычай друкаваць па смерці шляхціца клепадры – карткі, на якіх змяшчаўся алегарычны малюнак, што мусіў адлюстроўваць ідэю хуткабежнасці часу і смутку блізкіх, а таксама ўтрымлівалася тэкставая інфармацыя з лацінамоўнай сентэнцыяй, іменем памерлага, часам і месцам, дзе павінна было адбывацца набажэнства і пахаванне. Меў распаўсюджанне і звычай выпускаць на знак жалобы па памерлых грамадскіх дзеячах парцалінавыя філіжанкі і пярсцёнкі з адпаведнымі надпісамі [3, s. 120; 9, s. 44; 4, s. 11].

Патрэбе ўшанавання гісторыі роду служыў парк, дзе ўсталёўваліся капліцы-пахавальні, помнікі, абеліскі, камяні з эпітафіямі. Шырокую распаўсюджанасць мелі памятныя дрэвы, якія мясцовая легенда звязвала з рознымі слаўтасцямі («дубы Міцкевіча» і падобнае). Найбольш вялікія дубы мелі ўласныя імёны, аб іх пісала мясцовая прэса, яны рабіліся любімым фонам для фатаграфавання. Гаспадар падобнага дуба, нават калі дрэва ўжо памірала, клапаціўся захаваць аб ім памяць: з калод падобных дрэў вырабляліся альтанкі або капліцы. Маладыя парасткі каля гэтага месца з часам наследавалі «бацькоўскую» славу [12, s. 307].

На дарогах (раздарожжах), у вёсках, на цвінтарах, на месцы даўніх храмаў, капліц, палях бітваў можна было сустрэць драўляныя крыжы. Яны ставіліся, каб людзі маглі памаліцца або за невядомых памерлых, або за канкрэтных людзей, імёны якіх былі ўказаны на крыжы (кшталту «крыж пастаўлены за душу памерлага ...»). Крыжы маглі ставіць людзі, якія каяліся ў нейкім учынку, або хацелі падзякаваць за выбаўленне ад хваробы, або каб вылечыцца ці спыніць эпідэмію, у тым ліку і сярод жывёл. Пад падобнымі крыжамі (але не на зямлі цвін-

тара) маглі хаваць самагубцаў. Пад прыдарожнымі крыжамі таксама жабравалі. У апошні чвэрці XIX ст. крыжы сталі вырабляць з металу і ставіць на каменным падмурку [12, s. 190; 14, s. 167].

Такім чынам, разнастайнымі сродкамі ў маёнтках фарміравалася выхаваўчае асяроддзе, у якім маладое пакаленне дваран набывала першыя веды пра край і род. Нават руіны сядзібнага дома, пераходзячы ў катэгорыю нацыянальнай спадчыны і гістарычнай рэліквіі, працягвалі службыць выхаваўчым мэтам.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Шимукович, С. Ф. Белорусские региональные элиты периода «Долгого XIX века» как предмет исторического исследования: обоснование понятия / С. Ф. Шимукович // «Долгий XIX век» в истории Беларуси и Восточной Европы : исследования по Новой и Новейшей истории / редкол.: И. А. Марзалюк (пред.) [и др.] – Минск: РИВШ, 2017. – Вып. 1. – С. 3–12.
2. Шыдлоўскі, С. А. Культура прывілеяванага саслоўя Беларусі: 1795–1864 гг. / С. А. Шыдлоўскі. – Мінск: Беларус. навука, 2011. – 168 с.
3. Gloger, Z. Encyklopedia staropolska : w 4 t. / Z. Gloger. – Warszawa: Druk P. Laskauera i W. Babickiego, 1900–1903. – Т. 2. – 1901. – 332 s.
4. Gloger, Z. Encyklopedia staropolska : w 4 t. / Z. Gloger. – Warszawa: Druk P. Laskauera i W. Babickiego, 1900–1903. – Т. 4. – 1903. – II, 523, [5] s.
5. Tyszkiewicz, K. Wilija i jej brzegi : pod względem hydrograficznym, historycznym, archeologicznym i etnograficznym / K. Tyszkiewicz. – Drezno: Drukiem i nakładem Józefa I. Kraszewskiego, 1871. – XVI, 362 s.
6. Kraszewski, J. I. Wspomnienia Polesia, Wołynia i Litwy / J. I. Kraszewski. – Paryż: Nakładem J. K. Wilczynskiego, 1860. – 144 s.
7. Юрчак, Д. В. Усадьба И. А. Маньковского «Милое»: история создания, первоначанный облик и перспективы восстановления / Д. В. Юрчак, Ю. В. Юрчак // Искусство и культура : научно-практический журнал. – 2013. – № 3. – С. 69–73.
8. Gloger, Z. Budownictwo drzewne i wyroby z drzewa w dawnej Polsce : w 2 t. / Z. Gloger. – Warszawa: Druk Wł. Lazarskiego, 1907–1909. – Т. 1. – 1907. – 383 s.
9. Gloger, Z. Encyklopedia staropolska : w 4 t. / Z. Gloger. – Warszawa: Druk P. Laskauera i W. Babickiego, 1900–1903. – Т. 3. – 1902. – 350 s.
10. Gołębiowski, Ł. Domy i dwory / Ł. Gołębiowski. – Warszawa: Druk. N. Gkücksberga, 1830. – [4], 296 с.
11. Аникиевич, К. Т. Сенненский уезд Могилёвской губернии: опыт описания в географическом, историческом, этнографическом, бытовом, промышленном и статистическом отношениях, с картой уезда, схемой двух озёр и рисунками в тексте / К. Т. Аникиевич. – Могилёв : Губерн. тип., 1907. – 149 с.
12. Gloger, Z. Encyklopedia staropolska : w 4 t. / Z. Gloger. – Warszawa: Druk Piotra Laskauera i S-ki, 1900–1903. – Т. 1. – 1900. – 316 s.
13. Tyszkiewicz, E. Opisanie powiatu borysowskiego pod względem statystycznym, geognostycznym, historycznym, gospodarczym, przemysłowo-handlowym i lekarskim, z dodaniem wiadomości : o obyczajach, śpiewach, przysłowiach i ubiorach ludu, gusłach, zabobonach itd. / E. Tyszkiewicz. – Wilno: Druk. A. Marcinowskiego, 1847. – 489, IV s.
14. Gloger, Z. Budownictwo drzewne i wyroby z drzewa w dawnej Polsce : w 2 t. / Z. Gloger. – Warszawa: Druk Wł. Lazarskiego, 1907–1909. – Т. 2. – 1909. – 192 s.

Дата паступлення: 10.10.2018.

Шимукович С. Ф.

Республиканский институт высшей школы, Минск

Shymukovich S.

National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 394.011:94(47+476)“18/19”

К ВОПРОСУ ОБ ИДЕНТИЧНОСТЯХ ЭЛИТ БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ В ПЕРИОД «ДОЛГОГО XIX ВЕКА»: ПРОБЛЕМА КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

TO THE QUESTION ABOUT THE IDENTITIES OF THE ELITES OF BELARUSIAN LANDS DURING THE «LONG 19 CENTURY»: THE PROBLEM OF CONCEPTUALIZATION

В статье рассматривается феномен идентичности в качестве важного фактора, который определял деятельность представителей разных групп локальных элит белорусского региона в XIX веке. Автор выявляет уровни и формы идентичностей локальных элит белорусского региона, факторы, которые влияли на процессы трансформации идентичностей на протяжении «долгого XIX века».

Ключевые слова: идентичность; долгий XIX век; история России XIX века; история Беларуси XIX века; Западный край; элиты; нация; государство; Российская империя.

The article considers the phenomenon of identity as an important factor that determined the activity of representatives of different groups of local elites of the Belarusian region in the 19 century. The author reveals the levels and forms of identities of local elites of the Belarusian region, the factors that influenced the processes of identity transformation during the «long 19 century».

Keywords: identity; long 19 century; history of Russia of 19 century; history of Belarus of 19 century; Western region; elite; nation; state; Russian Empire.

Во многом XIX век является определяющим для становления современного мира и в формировании оценок процессов, которые привели мир в современное его состояние, а также в оформлении подходов, с помощью которых мы оцениваем прошедшие события. Каждый исторический период по своему расставляет приоритеты в отношении оценок исторического прошлого.

Если в советской историографии царствовал марксистский классовый подход в оценке исторических событий, то с крахом советской политической системы и маргинализацией марксизма на постсоветском пространстве преимущество получил национальный взгляд на историю, причем опирался данный подход в первую очередь на эссенциалистские и примордиалистские концепции формирования наций. Романтический характер данных концепций ограничивает исследователя в возможностях более глубокой и детализированной интерпретации событий не меньше ранее почившего классового марксистского подхода. Важным событием в деле знакомства постсоветской научной общественности с достижениями конструктивистского направления в исследовании феномена национализма и идентичностей стало издание в 1994 году реферативного сборника «Национализм и формирование наций. Теории – модели – концепции» под редакцией А. И. Миллера [11].

В то же время перед современными постсоветскими обществами (государствами) стоит важная общественно-политическая задача – найти свое место в стремительно глобализирующемся мире, при этом не потерять своей самостоятельности – как в смысле сохранения политического и экономического суверенитета, так и в плане развития уникальной культурной традиции. Эти задачи невозможно решить без глубокого и непредвзятого всестороннего анализа истории каждого конкретного общества, нации, государства в том понимании этих терминов, которые были характерны и использовались в соответствующие исторические периоды (и особенно это актуально относительно проблемы формирования белорусской нации). Ведь XIX век – это век становления современных (или модерных) наций, и любые факторы, положительно либо отрицательно влиявшие на данные процессы, могут объяснить многие современные проблемы страны и нации, указать на их причины и способы снятия «блокираторов» социального развития.

Современные постсоветские национальные историографии, в том числе и белорусская, активно апеллируют к исторической фактуре XIX века, конструируя пантеон национальных героев, собирая даты национального величия и формируя подборки артефактов и символов, при этом параллельно формируются списки ан-

тигероев, «врагов нации» и т. д. Но насколько корректно с научной точки зрения заниматься данным творчеством, если критерии отнесения к *национальным* героям либо антигероям в современном этнокультурном понимании данного термина могут быть, мягко говоря, неприменимы для периода XIX века, поскольку в то время нации в современном понимании этого понятия только формировались, идентичности как региональных элит, так и широких слоев обывателей проходили сложный путь трансформаций, а критерии отнесения к тому либо иному виду идентичности были не столь очевидными и однозначными, как они понимаются в наше время. Как отмечает известный историк Э. Хобсбаум со ссылкой на Э. Ренана, «ошибочный взгляд на собственную историю – это один из факторов формирования нации» [20, с. 24]. В развитие данного тезиса приведем мнение белорусского историка А. Смоленчука, который отмечает, что белорусская нация формировалась именно на этнокультурном фундаменте и для белорусской историографии важно было находить, сохранять и развивать в первую очередь этнические и культурные маркеры белорусскости [18, с. 59].

Все эти сложные моменты оценки процессов формирования национальной исторической парадигмы вполне подлежат научному анализу и могут составлять объектно-предметную область исследований современного белорусского историка, и стоит отметить, что применение методов смежных наук – политологии, социологии, философии, культурной антропологии и прочих в рамках междисциплинарного подхода может значительно облегчить его работу и способствовать формированию объективного знания об истории белорусских земель и социальных процессах, о чем уже нами отмечалось относительно подходов к изучению истории региональных элит [21].

В современном российском историческом знании и в целом в социально-гуманитарных науках в последние десятилетия уже утвердился новый методологический подход, который, не отрицая традиционного выявления и описания причинно-следственных связей в рамках структурализма, предполагающего формирование линейного видения хронологии развития истории, все более и более использует наработки междисциплинарных исследовательских практик и методов, основанных на онтологическом понимании социального мира. А здесь исследователи в большей степени акцентируют свое внимание на *интересах* различных групп элит, на процессах формирования или трансформаций *идентичностей*, систем ценностей разных сообществ – от регионального до глобального уровня коммуникаций [14, с. 149]. Именно на основе данной мето-

дологии, опирающейся на конструктивистские и постконструктивистские теории наций, разработанные в западной историографии, подготовлен и издан в 2014 году в России пятый том научного издания «Всемирная история». Этот более чем серьезный труд затрагивает и проблему национальных нарративов в век империй (т. е. в период «долгого XIX века»), которую во втором разделе на примере российской империи представил известный историк А. И. Миллер [14, с. 153].

Полагаю, что для белорусской исторической науки в «долгом XIX веке» кроется большое количество если не четких и однозначных ответов, то более-менее конкретных указаний на возможные новые варианты рассмотрения и интерпретации известных и однозначно трактуемых исторических фактов и событий, генетически связанных с проблемами в оценке процессов становления современной белорусской государственности в XX веке и этапов формирования белорусской нации и соответствующих каждому этапу уровней идентичностей.

Таким образом, глубоко занимаясь историей периода «долгого XIX века», необходимо достаточно ясно понимать процессы, проходившие в рамках формирования наций и трансформаций идентичностей как у соответствующих групп элит, так и широких масс обывателей. Осмысление идентичности как сложного явления стало актуальной проблемой современной отечественной гуманитарной науки. Считаю, что историкам имеет смысл более глубоко погрузиться в исследование процессов трансформации идентичностей в период «долгого XIX века», итогом которого стало появление наций в современном их понимании и явление феномена национально-культурной идентичности. Для этого нужно разобраться в сущности данного понятия для того, чтобы понимать, какие уровни идентичностей были актуальны для представителей элит в тот исторический период, поскольку, на наш взгляд, именно элиты во многом инициировали и формировали разнообразные проекты социального развития, в том числе национальные (политические и культурные).

Понятие «идентичность» в социальных науках широко стали использовать только в XX веке, как указывает Э. А. Орлова, сначала в психологии, а затем в социологии и антропологии. В своих работах она подробно останавливается на том содержании, которое вкладывает в данное понятие каждое научное направление. Так, она отмечает, что в рамках антропологии представление об идентичности сформировалось с учетом представления об индивидуальных ролях как совокупностях функциональных и символических целостностей, зафиксированных в

институциональных социокультурных структурах и обеспечивающих их сохранность, а также формирование типичных ситуаций социального взаимодействия [12, с. 92]. При этом в социологии идентичность рассматривается как артефакт, формирующийся в результате социального взаимодействия. С этим знаком (или стигмой) связано определенное поведение личности [12, с. 100], т. е. идентичность определяет направления и уровни активности индивидов, и этот факт для научного анализа и понимания сути прошедших исторических событий, равно как и анализа деятельности конкретных исторических личностей, имеет определяющую ценность.

Поведение многих исторических персонажей является результатом не столько личного выбора (который все-таки не стоит недооценивать), а детерминировано в первую очередь их социальным положением, включением в разнообразные социальные структуры, соответствующие определенным формам и уровням идентичностей.

В части своей статьи, посвященной познавательной значимости категории «идентичность» в контексте современных социальных наук (а к ним относится и история), Э. А. Орлова отмечает, что анализ идентичностей делает «очевидными устойчивые характеристики личности, группы, ситуации, которые рассматриваются как детерминанты *индивидуальных действий или совместной активности* людей». При этом общественные отношения понимаются как такая жизненная среда людей, в которой они одновременно ищут, строят, реализуют свою идентичность [12, с. 109–110]. Исторические события, в том числе происходившие в белорусском регионе, в данном контексте получают новую возможность для анализа и интерпретаций.

Сложилось устойчивое представление о социальной идентичности как соотносительности конкретного человеческого индивида с некоей универсальной общностью, при этом последняя понимается как самоотжествленная (т. е. состоявшаяся и утвердившаяся) сущность, что дает возможность с ней соотноситься индивиду [19, с. 25]. В качестве таковой сущности вполне может выступать *нация*, и в данном случае мы говорим о национальной идентичности. Однако здесь мы выходим на необходимость четкого понимания сути понятия «нация» в конкретном историческом контексте. Что касается современного понимания термина «нация», то оно еще дальше отошло от тех принципов определения, которые были актуальны в XIX и даже XX веке, все более испытывая влияние постмодернистских тенденций в гуманитарном знании.

Подробнее на этом понятии мы остановимся чуть ниже, но, полагаю, не вызовет нареканий

коллег мнение, что наполнение понятия «нация» серьезно трансформировалось на протяжении XIX века, и это достаточно наглядно иллюстрирует формула самоидентификации представителей региональных элит западного края, которые в начале XIX века определяли свою идентичность как «*gente Alba-Ruthenus, natione Polonus*», т. е. по национальности поляк, по рождению – белорус (как возможные вариации – литвин, русин). Попытки разобраться в уровнях идентичностей белорусских региональных элит уже предпринимались белорусскими исследователями [8, с. 85], однако требуется более глубокий анализ данных процессов с более широким использованием методов междисциплинарного анализа. Тем более что в XIX веке многие представители локальных элит белорусского региона демонстрировали расщепленность на множество идентичностей, которые они не могли интегрировать в единую целостную личность, что является признаком кризиса идентичности, из которого к концу XIX века локальные элиты белорусского региона вышли, в том числе путем формирования проектов по конструированию современных модерных наций.

На еще один признак, характеризующий динамизм и подвижность идентичностей, указывает Э. Гоулднер. Он отмечает, что всегда имелась возможность переходить от одной идентичности (по крайней мере публично демонстрируемой) к другой [12, с. 103–104]. «Долгий XIX век» белорусской истории богат и на такие факты, объективная интерпретация которых должна быть освобождена от всевозможных обвинений и навешиваемых ярлыков, сформулированных в рамках эссенциалистской и примордиалистской традиций написания истории белорусской нации. В частности, Н. А. Тельнова отмечает, что выбор национальной принадлежности конкретной личностью может осуществляться исходя из экономических, политических и социокультурных предпочтений индивида, что придает данному выбору изменчивый и ситуативный характер [19, с. 28].

Известный историк Э. Хобсбаум, проанализировавший огромный пласт исторической информации, касающейся XIX века, также отмечает, что национальная идентичность не исключает и не превосходит по своей значимости все остальные способы и варианты самоидентификаций, присущих человеку в общественном состоянии, напротив, она с ними сочетается и, более того, способна претерпевать изменения и сдвиги во времени, причем довольно резкие [20, с. 21].

Поскольку идентичность выступает «как ключевая категория осмысления человеком различных форм самореализации, способов измерения социальных процессов и определения кон-

кретных путей устойчивого и цивилизационного развития общества» [19, с. 25], необходимо принять, что именно она определяла во многом социальную активность индивидов. И чем ярче проявлялась идентичность, тем более последовательно и активно действовал конкретный ее носитель. Также необходимо учитывать, что идентичность исходит и из категории различия, когда идентификация с чем-то изначально чуждым, внешним, тем, что есть «не-я», также формирует определенные паттерны поведения, которые в истории вполне могут выливаться, например, в формы оппозиционного движения определенных социальных групп, вплоть до антиправительственных восстаний, на которые история белорусских земель в период «долгого XIX века» достаточно богата.

Таким образом, «идентичность, ее характер, масштабность, интенсивность, способствует ориентации и мобилизации людей, становится социальным ресурсом в общественном развитии» [3, с. 218]. Для современного историка вопрос об уровнях идентичностей, процессах трансформации идентичностей элит и широких масс обывателей в этом ракурсе становится принципиальным и актуальным объектом исследования, поскольку позволяет под новым углом зрения взглянуть на многие исторические события, попытаться объяснить их с позиции, нетипичной для традиционной структуралистской методологии.

В этой связи понимание процессов трансформации идентичностей, выявление и анализ условий и факторов, оказывающих влияние на данные процессы, равно как и фиксация уровней идентичностей, которые могут в том числе существовать параллельно, позволяют прийти к более объективным оценкам исторических событий, личностей, смысловому наполнению символов и артефактов и избежать суждений, не совсем соответствующих критериям историзма и научности.

В XIX веке произошли кардинальные перемены, которые породили тот современный мир, который мы понимаем и оцениваем исходя из объективных критериев, поскольку в данном мире мы живем. Именно по итогам исторического периода, который получил название «долгого XIX века», родился современный человек, появились современные нации, современный тип государства и т. д. Можно предположить, что в XIX веке все, что связано с идентичностями, также претерпело кардинальную трансформацию, и процессы эти были зачастую весьма болезненными, поскольку накладывались на события, связанные с войнами, формированием и реализацией политических национальных проектов, ликвидацией либо созданием государств, модернизацией и гибелью империй.

История белорусских земель в XIX веке имеет исключительный набор ярких событий, кардинально встряхнувших и изменивших условия существования как региональных элит, так и широких масс обывателей, на протяжении достаточно коротких временных отрезков, что напрямую сказалось на процессах, связанных с трансформациями идентичностей.

Как отмечает Н. А. Тельнова, любая форма идентификации есть развивающийся процесс, а идентичность подразумевает действие механизма различия, когда человек идентифицируется с «другим», прекрасно осознавая, что существует то, идентификацию с чем он отвергает: другая национальность, другой пол и возраст, другое вероисповедание и т. д. [19, с. 30].

Таким образом, мы приходим к осознанию взаимовлияния двух процессов: идентичность испытывает мощное давление со стороны исторических событий, изменяющих условия существования общества и приводящих к трансформации идентичностей, но, с другой стороны, коммуникативные и особенно деятельностные аспекты, связанные с феноменом проявления идентичности конкретной личности, оказывают влияние на саму историю, иницируя многие важные и не очень исторические события.

В «долгий XIX век» общество входило, опираясь в значительной степени на остатки средневекового сознания, в котором идентичность строилась как на отождествлении себя с Богом-Творцом. Как отмечает Н. А. Тельнова, «человек был вписан в жесткую сословно-корпоративную иерархию и в своих действиях не должен был проявлять себя как нечто особенное, а подчеркивать свою принадлежность к определенной социальной структуре» [19, с. 26]. Применительно к белорусскому региону это утверждение более чем справедливо как в отношении широких слоев обывателей, так и в отношении социальной группы, претендующей на статус региональной элиты – шляхты. «Сарматство» как сословная идеология шляхты и соответствующий вариант идентичности, т. е. выделение себя в отдельную социальную и политическую категорию «народ», эксклюзивно обладавший политическими правами, строгое соблюдение сословных привилегий и защита своих «золотых вольностей», полностью строилось именно на данных архаических принципах [5, с. 39–41].

В традиционных обществах, а в начале XIX века и в белорусском регионе как локальные элиты (как вариант – шляхта), так и обыватели существовали в форматах именно традиционного общества, где «идентичность личности удостоверялась социальным статусом, социальной ро-

лью, а общественное признание было встроено в идентичность» [19, с. 27].

Что касается широких слоев обывателей, то архаичные формы идентичности в большей степени представляли собой варианты «механической солидарности» в рамках малых и относительно замкнутых общин (в силу низкого уровня коммуникаций как минимум до появления железных дорог) с преимущественно личностно-частным уровнем взаимодействия [16, с. 34]. Стоит отметить, что эти формы идентичности просуществовали и даже главенствовали в обывательской среде в белорусском регионе достаточно долгое время – до начала XX века, проявляясь, например, в феномене «тутэйшасці» белорусских крестьян. Однако на определенном этапе конструирования нации по М. Гроху и этот вариант идентичности вынужден был, не исчезая окончательно, отступить на второй план.

В конце XVIII века потерпела крах государственность Речи Посполитой, которую российский историк Л. Горизонтов характеризует как своеобразную форму польской империи [2, с. 120–121]. Виды идентичностей, тесно завязанные на данную политическую форму организации общества, потеряли связь с символической социальной структурой в лице государства и вступили в фазу кризиса, о чем уже выше указывалось. Н. А. Тельнова, ссылаясь на А. Рено, отмечает, что «исторически каждый человек солидаризируется непосредственно с определенными ценностями и моделями. Когда эти ценности терпят крах, идентичности находятся под угрозой распада», в этой ситуации возникает необходимость в переосмыслении базовых потребностей и социокультурных ценностей [19, с. 29]. Переосмысление осуществлялось либо в формате приспособления к новым условиям существования, либо в формировании действий, направленных на возвращение утраченного.

В этой связи открывается интересный подход для интерпретаций и оценки исторических процессов, которые происходили в белорусском регионе в начале XIX века и которые были связаны с масштабной колонизацией шляхты белорусского региона, до этого достаточно последовательно придерживавшейся «литвинского патриотизма». Колонизацию начала XIX века можно охарактеризовать как процесс закрепления и приоритизации самоопределения региональными элитами в формате «поляк» как имперской, наднациональной (политической) формы идентичности в попытке вернуть, восстановить утерянную «домодерную» государственность Речи Посполитой. Как отмечает И. В. Малыгина, конфликт между метрополией (т. е. Российской империей) и национальным меньшинством («поляками»)

оформляется в рамках идеологии культурного консерватизма, когда фиксируется представление об уникальности собственного (т. е. «речьпосполитовского») исторического опыта, культуры и социального порядка [9, с. 148]. В этой связи апеллирование лидеров региональных элит, ориентировавшихся на Речь Посполитую, к ее историческому наследию, традициям потерянного государства как к *общему наследию* всей шляхты бывшей Речи Посполитой как единого «народа» получило преимущество перед «литвинской» традицией, поскольку позволяло консолидировать значительные социальные ресурсы в противостоянии с империей. Также данному процессу приоритизации только содействовала архаичская (или «сарматская») сущность идентичности «поляк» XVIII века.

«Литвинство» как региональная идентичность в «речьпосполитовский» период существовало в формате соревнования с «короняжами» и, таким образом, играло на ослабление единства шляхты. Когда Речь Посполитая была ликвидирована, «литвинство» как форма региональной идентичности объективно должно было уступить первенство наднациональной идентичности в польском имперском варианте, поскольку именно этот формат позволял мобилизовать активную часть общества на решительные действия по восстановлению Речи Посполитой. В этой связи оценка событий войны 1812 года в регионе и восстаний 1830–1831 и 1863–1864 годов начинает наполняться новыми смыслами и интерпретациями. Крайне ошибочно, на наш взгляд, отождествлять колонизацию населения белорусского региона в начале XIX века с целенаправленной национально-культурной ассимиляцией в ее этническом смысле, который мы понимаем исходя из опыта XX века.

Но справедливости ради стоит отметить, что она заложила твердый фундамент для этнокультурной ассимиляции части белорусских региональных элит и обывателей в конце XIX – начале XX века – в период оформления проекта модерной польской нации и реализации политического проекта по созданию польского мононационального государства. То есть именно к концу XIX века, когда польский национальный проект после поражения всех восстаний перешел на уровень формирования польской нации на этнокультурных основаниях, сопровождающийся стремлением воссоздать польскую национальную государственность, но уже как государства модерной (этнической) нации, заложенные в начале XIX века технологии ополячивания привели к серьезным проблемам с идентичностями локальных элит белорусского региона, которые оказались крайне разобщены и напоминали по своим

устремлениям лебеда, рака и щуки из известной нам басни. А белорусский национальный проект как проект конструирования белорусской современной нации был лишен серьезных материальных, а также социальных и интеллектуальных ресурсов. Слабость белорусского национального проекта также объясняется масштабной унификацией национальных регионов империи в рамках формирования государственной российской идентичности [9, с. 149].

Искать внешние причины для объяснения исторических проблем развития белорусской нации есть признак глубокой закомплексованности и незрелости, однако интересны оценки внешних экспертов, не завязанных на проблемы белорусско-польских либо белорусско-российских взаимоотношений, но для которых белорусы представляли в рамках их деятельности определенный утилитарный интерес. Так, весьма отрицательно польское влияние на белорусов оценивает немецкий генерал Э. Людендорф, который командовал немецкими войсками на германо-российском фронте в первую мировую войну. Он отмечает, что «...с белорусами считаться не приходится, так как поляки национально их обезличили, ничего им не дав взамен. Осенью 1915 года я хотел себе составить представление о том, где группируются белорусы. Но сначала их буквально нигде нельзя было найти. Лишь позднее обнаружилось, что это весьма распространенное, но крайне ополеченное племя, стоявшее на столь низкой степени культуры, что помочь им возможно было лишь путем продолжительного воздействия» [7].

Примечательны в этой связи несколько аспектов данного неангажированного мнения. Во-первых, немецкий генерал ничего не говорит об итогах русификации белорусов, хотя в белорусской историографии глубоко укоренился стереотип о ее крайне негативных последствиях. Не отрицая факта существования данного явления, имеет смысл более подробно проанализировать результативность русификаторской деятельности в белорусском регионе на момент начала Первой мировой войны. Во-вторых, генерал указывает на возможность ускорения процессов формирования белорусского национального проекта, таким образом давая аргументы в пользу конструктивистского подхода к появлению наций современного типа.

Опыт «национального поражения», как отмечает И. В. Малыгина, стимулировал сначала в польских имперских, а позднее – в польских национальных элитах развитие «оборонительного национализма», в котором доминировали поиски новых или дополнительных оснований для восстановления национальной независимости. Считается, что выход был найден в «иде

нации», причем «дополнительный» смысл состоял в том, что идея польской нации гражданского типа «речьпосполитовского» периода к концу XIX века трансформировалась в идею (и реально реализуемый проект) нации «этнического» или «культурного» типа [9, с. 148].

Опыт «национального поражения» имелся и у носителей «литвинской» идентичности (правда, более ранний, связанный с Люблинской унией и к XIX веку значительно подзабытый), однако представители этой группы локальных элит так и не смогли сформулировать эти «новые или дополнительные основания» в рамках своего политического проекта, что не позволило им мобилизовать более-менее приличные социальные ресурсы. Со временем, к началу XX века, литвинская идентичность у ее носителей трансформировалась либо в польскую, либо в белорусскую (в зависимости от соответствующих предпочтений, о чем уже указывалось выше). Достаточно подробно о кризисе «литвинской» идентичности можно прочитать у А. Смоленчука [17].

Рассматривая процессы трансформации идентичностей во второй половине XIX – начале XX века, мы не можем обойтись без осознания и принятия определенных моделей формирования современных наций и интерполяции их в реальных исторических событиях, происходивших в белорусском регионе Российской империи. Здесь же нам нужно достаточно четко понимать, какие уровни идентичностей могли существовать в рамках сложного имперского пространства в данном регионе

В этой связи интересен опыт исследования и выявления уровней идентичности в период «долгого XIX века» на пространстве бывшей Австро-Венгерской империи, имевшей, как и Российская империя, многонациональный характер. Хотя обе империи имели значительные различия в моделях устройства и отношении к этническим меньшинствам, тем не менее, методологические подходы исследования уровней идентичностей могут, с известной долей критичности, использоваться и для выявления идентичностей в белорусском регионе. Так, чешский историк Й. Коржалка и венгерский И. Халас сформулировали несколько вариантов идентичностей на основе чешского и словацкого материала. Они выделяют идентичности в сообществах Австро-Венгерской империи, существовавших и трансформировавшихся во времени, отмечая идентичности наднационального уровня, связанные с политическим институтом многонационального государства – империи; идентичности на уровне сословного земельного патриотизма; самоотождествление со славянским (либо германским) миром; этнический и субнациональный уровни идентичности. При этом у И. Халаса,

изучавшего процессы трансформации идентичностей у словаков в XIX веке, старый земельный патриотизм, который понимался как в некоторой степени наднациональная «венгерскость», а уже современный «модерный» национализм – как «мадьярскость». При этом интересно упоминание им о существовании в словацком обществе идентичности «мадьяронов», которые не только переняли венгерский язык и культуру, но и стремились распространить ее вопреки своей исконной словацкой национальности [15, с. 103–104]. Схожая ситуация в белорусском регионе наблюдается в деятельности так называемых «краевых поляков», активно распространявших в белорусском регионе польскую культуру и образование. А обозначенная Й. Коржалкой идентичность в форме «богемизма» во многом по своим признакам соотносится с «литвинской» идентичностью части элит белорусского региона, и как литвинство богемизм утратил актуальность к концу XIX века, уступив место этнокультурному «чешству» (чем не аналог «белорусскости»?) [13, с. 103, 106].

Таким образом, процесс трансформации идентичностей во многом можно рассматривать как изменения по вертикали – от идентичностей регионального или иного узкого характера, скорее напоминавших архаичные виды идентичности, к более глобальным формам идентификации – национальным и наднациональным (и наоборот), так и по горизонтали – между идентичностями культурными (этническими) и политическими (гражданскими), использовавшими разные маркеры (национально-гражданские или этнокультурные) одного уровня.

Основными компонентами (маркерами), характеризующими культурную или этническую идентичность, согласно П. Альтера, являются традиции, язык, место проживания, традиционная религия, обычаи и общая история. А вот ключевым компонентом политической национальной идентичности исследователь считал «наличие у граждан политического сознания равенства перед законом». М. Игнатъев расширил компоненты политической нации за счет «патриотической приверженности разделяемых всеми политических практик и ценностей», а этнической идентичности он присовокупил «доверие только к представителям своего этноса» [1]. Примечательно, что критериям политической нации полностью соответствует идентичность «поляк» в сарматском ее проявлении конца XVIII – начала XIX века, равно как и «русская» имперская идентичность. А вот идентичность «поляк» (в том числе и краевая, или «кресовая», его разновидность) применительно к концу XIX – началу XX века более характеризуется как раз критериями культурной (этнической) нации.

Справедливости ради стоит отметить, что, по мнению К. Нилсена и У. Кимлика, уравнивать культурный и этнический национализм и, соответственно, идентичности неправильно, так как эти формы несколько различаются по степени открытости для аутсайдеров [1].

В этой связи интерес представляет описание самоидентификации М. Ромера, известного представителя региональной элиты конца XIX века, относящегося к группе «кресовых поляков». Он пишет: «...я категорически отвергаю трактовку литовских поляков как “ответвления польской нации, которое живет в Литве”. Если по отношению к нам, литовским полякам, и можно говорить о каком-то “ответвлении” от чего-либо или от кого-либо, то историческая точность требует отметить, что мы – не часть польской нации, пришедшая в Литву, а часть коренного населения края, которое сегодня стало польским. Мы не импортированный экзотический товар, а продукт непосредственной исторической эволюции, происшедшей в нашем крае в результате определенных событий политической истории» [18, с. 69].

Однако не все «кресовые поляки» столь четко определяли свое отличие от исходно польской этнической идентичности, т. е. представителей польской нации этнического типа.

В этой связи требуют пояснения моменты, связанные с пониманием сущности нации как конструируемого проекта и определения так называемых движущих сил, заинтересованных в его реализации нациестроительства в конкретных ситуациях. Как отмечает Э. Хобсбаум со ссылкой на работы К. Хэйса и Х. Кона, нации вовсе не являются столь же древними, как сама история, на чем настаивали примордиалисты и эссенциалисты [20, с. 8–9].

Однако нации представляют собой важнейшую коренную предпосылку социального бытия и индивидуальной идентификации ее членов, хотя Э. Хобсбаум отмечает, что отсутствуют сколь-нибудь удовлетворительные критерии, которые позволили бы определить, какие сообщества имеют право носить ярлык «нации». Используемые критерии (язык, этнические характеристики и пр.) исследователь отмечал как крайне зыбкие [20, с. 11, 13], поскольку, как мы говорили выше, они могут меняться, а идентичность – подвергаться транзиту при стечении определенных условий.

Критикуя «объективистские» определения нации, Э. Хобсбаум выделяет и недостатки «субъективистских» определений нации, в частности К. Реннана, который полагал, что «национальность может быть предметом произвольного выбора конкретной личности, где бы и в каком бы окружении последняя ни проживала», при

этом сам К. Реннан сравнивал процесс выбора национальной принадлежности человека с его религиозным выбором, отмечая, что взрослый выбирает религию самостоятельно, а несовершеннолетние – через родителей [20, с. 15].

Критиковал понятие нации и социолог П. Сорокин. Он считал, что рассматриваемые признаки нации по отдельности никак ее не определяют, а все вместе – и вовсе противоречат друг другу. Проблема определения национальной принадлежности, по его мнению, есть индивидуальная самоидентификация личности, в основе которой лежит национальное неравенство как разновидность социального неравенства [6, с. 23].

Таким образом, нация в рамках конструктивистских и постконструктивистских теорий зачастую понимается преимущественно с субъективистских позиций как явление, которое подвержено практикам конструирования. В этой связи важная задача – выявить заинтересованных в данном процессе акторов и определить их как с размером и форматом затраченных на конструирование ресурсов, так и с содержанием и объемом базовых предпосылок, включенных в концептуально-теоретическое основание нации как конструкта.

Американский социолог М. Манн отмечает, что, по сложившемуся стереотипу, значительная часть историков считает, что нации, оформившиеся в XIX веке, возникали в рамках союзов между модернизирующимися старыми элитами и мелкой буржуазией (средним классом). При этом он настаивает, что основную функцию «модернизаторства» брали на себя либеральные гражданские служащие и специалисты [10, с. 214]. М. Манн критикует тезис о политическом национализме среднего класса в лице буржуазии (т. е. отрицает ее активную роль в нациестроительстве и формировании соответствующих идентичностей), отмечая лояльность, процветание, самоуспокоенность, желание отличиться в потреблении и т. д. представителей данной социальной группы. Все эти признаки объединялись им в понятие «консерватизм среднего класса» [10, с. 218]. И действительно, можно вспомнить, каких трудов стоило О. Бисмарку в начале «собираения» германской нации заставить сытых и довольных жизнью прусских бюргеров сначала просто отправиться на войну с Данией, а затем начать воевать и побеждать.

М. Манн считает, что национализм в XIX веке во многом был порожден бюрократизацией, которая сопровождалась ростом на протяжении «долгого XIX века» так называемой «выгоды государства», проявившейся в увеличении государственных доходов и расходов, изменениях в налогообложении, расширении функций госу-

дарства. При этом бюрократизация предполагала, что должности доставались образованным соискателям, а лучшие должности – обученным. Расширение государственных функций привело к тому, что государственная служба стала рассматриваться как преимущество [10, с. 220], и не средний класс в лице мелкой буржуазии и модернизированные старые элиты, а государственные служащие, наиболее завязанные на государство, и лица высокообразованные, наиболее социализированные в государственных идеологиях были наиболее вероятными агрессивными националистами [10, с. 233]. В этой связи университеты начинают играть особую роль в процессах нациестроительства как центры сосредоточения интеллектуальной элиты и учреждения по подготовке высококвалифицированных кадров для госслужбы, а наличие университета в соответствующем национальном регионе империи значительно ускоряло процесс оформления национального проекта.

Относительно ситуации в белорусском регионе данные положения можно рассматривать в связи с учетом региональной специфики, в рамках которой данные наблюдения подтверждают свою актуальность, но проявляются не так однозначно. Так, в белорусском регионе основная масса государственных служащих учреждений Российской империи среднего и низового уровня имела местное шляхетское по преимуществу происхождение. Белорусский историк А. Киселев отмечает, что даже в органах полиции в белорусском регионе доля местных уроженцев зачастую превышала показатель в 90 % [4, с. 154–160]. Идентичность данной социальной группы преимущественно была связана с ориентацией на Речь Посполитую как историческую желаемую форму государственного устройства. Вероятно, ими осознавались потенциальные преимущества государственной службы на пользу «собственного» государства, а не «чужой» империи; этим объясняется достаточно активное участие части госслужащих в антиправительственных восстаниях.

Помимо этого, в шляхетских семьях белорусского региона существовала давняя устойчивая традиция давать детям максимально возможный, желательный высший уровень образования. Однако после 1832 г. использовать возможности получения высшего образования были существенно ограничены, поскольку крупнейший в Российской империи Виленский университет был закрыт. В белорусском регионе был ликвидирован ключевой интеллектуальный центр, который со временем мог и должен был стать местом концентрации интеллектуальных сил и способствовать разработке и продвижению белорусской национальной

идентичности (несмотря на изначально польский характер данного учебного заведения). Так, М. Грох отмечает, что в быстром формировании чешской нации значительным положительным фактором было наличие Карлова университета в Праге [13, с. 99]. Необходимо отметить, что представители белорусской интеллектуальной элиты были разбросаны по университетам Российской империи, что значительно снижало ее нациетворческий потенциал [22]. Тем не менее именно в среде белорусского студенчества университетов Петербурга, Москвы, Киева (как правило, территориально максимально приближенных к белорусскому региону) были сформулированы основные положения белорусской национальной идеи и заложены основы формирования белорусской идентичности. То есть теория М. Манна имеет право на объяснение социальных процессов белорусского нациетворчества. Не средний класс и старые элиты, представленные преимущественно носителями «крэсово́й» польской идентично-

сти, а государственные служащие и специалисты с высшим образованием местного происхождения с приличным уровнем образования и социальной активности (а также студенты университетов, готовящиеся стать таковыми) стали инженерами белорусской национальной идентичности.

Таким образом, «долгий XIX век» – это время трансформации региональных элит, которые вместе с перестройкой политических институтов, в которых они существовали, модернизацией физического и символического пространства империи заложили основы формирования современных (в том числе и белорусской) наций, создававшихся на основе общей этнической и культурной идентичности. Реальные исторические процессы в рамках модернизации империи в совокупности с формированием наций отражались на уровнях и идентичностях как глобальных имперских, так и локальных, региональных элит и определяли конкретные формы и направления их социальной активности.

Список использованных источников

1. Бунаков, М. Ю. Национализм и национальная идентичность в условиях глобализации: проблемы концептуализации / М. Бунаков, В. Лукин // CREDO NEW [Электронный ресурс]. – 2006. – № 2. – Режим доступа: credonew.ru/content/view/553/58/. – Дата доступа: 10.10.2018.
2. Горизонтов, Л. Е. Славянские народы и империи в долгом XIX веке. Размышления о векторах исследований / Л. Е. Горизонтов // Российское славяноведение в начале XXI века: задачи и перспективы развития: сб. материалов Всерос. совещания славистов, Москва, Ин-т славяноведения РАН, 23–24 окт. 2003 г. / отв. ред. В. К. Волков. – М.: Стратегия, 2005. – С. 116–130.
3. Дробижьева, Л. М. Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости / Л. М. Дробижьева // Электронная библиотека: Гражданское общество в России [Электронный ресурс]. – М. – С. 214–228. – Режим доступа: <http://www.civisbook.ru/files/File/Nacionalno-grajd.pdf>. – Дата доступа: 10.10.2018.
4. Киселев, А. А. Система управления и чиновничество белорусских губерний в конце XVIII – первой половине XIX в.: монография / А. Киселев. – Минск: Изд-во УО «Военная академия Респ. Беларусь», 2007. – 172 с.
5. Клімуць, Л. Я. Сармацкая культура беларускай шляхты ў XVI–XVIII стагоддзях / Л. Я. Клімуць. – Мінск: Беларусь, 2013. – 127 с.
6. Красовицкая, Т. Ю. Этнокультурный дискурс в революционном контексте февраля – октября 1917 г. Структуры, персонажи / Т. Ю. Красовицкая. – М.: Новый Хронограф, 2015. – 416 с.
7. Людендорф, Э. Мои воспоминания о войне. 1914–1918: в 2 т.: пер. с нем. / Э. Людендорф; под ред. А. Свечина. – М.: Высш. воен. ред. совет, 1923–1924. – Т. 1. – 1923. – 387 с.
8. Макарэвіч, В. Шляхта Беларусі XIX ст. у святле беларускасці / В. Макарэвіч // ACTA ALBARUTHENICA. – 2003. – № 3. – С. 82–85.
9. Малыгина, И. В. Национализм как форма культурной идентичности и его российская специфика / И. Малыгина // Общественные науки и современность. – 2004. – № 1. – С. 147–153.
10. Манн, М. Источники социальной власти: в 4 т. / М. Манн; пер. с англ. А. В. Лазаревича; под науч. ред. Д. Ю. Карасева. – М.: Издат. дом «Дело» РАНХиГС, 2018. – Т. 2: Становление классов и наций-государств, 1760–1914 годы (кн. 2). – 520 с.
11. Национализм и формирование наций. Теории – модели – концепции / отв. ред. А. И. Миллер. – М.: РАН, Ин-т славяноведения и балканистики, 1994. – 198 с.
12. Орлова, Э. А. Концепции идентичности/идентификации в социально-научном знании / Э. А. Орлова // Вопросы социальной теории. – 2010. – Т. IV. – С. 87–111.
13. Павленко, О. В. Йиржи Коржалка: новый взгляд на процессы формирования наций в Центральной Европе / О. В. Павленко // Национализм и формирование наций. Теории – модели – концепции / отв. ред. А. И. Миллер. – М.: РАН, Ин-т славяноведения и балканистики, 1994. – С. 94–111.
14. Павленко, О. В. Осмысливая «долгий XIX век»: новые подходы в современной российской историографии (к выходу 5 тома научного издания «Всемирная история»: в 6 т. Т. 5 Мир в XIX веке: на пути к индустриальной цивилизации / гл. ред. А. О. Чубарьян; отв. ред. В. С. Мирзеханов. – М.: Наука, 2014. 939 с.) // Вестник РГГУ.

Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. – 2016. – № 1(3). – С. 148–154.

15. Попов, К. А. Рецензия на книгу: Халас И. Венгрия и формы словацкой идентичности в «долгом» XIX веке = Halász I. Uhorsko a podoby slovenskej identity v dlhom 19. storočí. Bratislava, 2011. 236 s. // Славяноведение. – 2015. – № 3. – С. 103–105.

16. Рашковский, Е. Б. Многозначный феномен идентичности: архаика, модерн, постмодерн... / Е. Б. Рашковский // Вопросы философии. – 2011. – № 6. – С. 33–39.

17. Смалянчук, А. Ф. Паміж краёвасцю і нацыянальнай ідэяй. Польскі рух на беларускіх і літоўскіх землях. 1864 – люты 1917 г. / А. Ф. Смалянчук. – СПб.: Неўскі прасцяг, 2004. – 406 с.

18. Смоленчук, А. «Польское присутствие» в белорусской истории / А. Смоленчук // Перекрестки: Журнал исследований восточноевропейского пограничья. – 2006. – № 1–2. – С. 55–72.

19. Тельнова, Н. А. Феномен идентичности: способы описания и социокультурные основания / Н. А. Тельнова // Вест. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 7. Философия. – 2011. – № 1(13). – С. 25–31.

20. Хобсбаум, Э. Нации и национализм после 1870 года / Э. Хобсбаум; пер. с англ. А. А. Васильев. – СПб.: Алетейя, 2017. – 308 с.

21. Шимукович, С. Ф. Белорусские региональные элиты периода «долгого XIX века» как предмет исторического исследования: обоснование понятия / С. Ф. Шимукович // «Долгий XIX век» в истории Беларуси и Восточной Европы: исследования по Новой и Новейшей истории / редкол.: И. А. Марзалюк (пред.) [и др.]. – Минск: РИВШ, 2017. – Вып. 1. – С. 3–12.

22. Шимукович, С. Ф. Свои среди чужих? Об уроженцах белорусского региона в Казанском университете в XIX веке / С. Ф. Шимукович // Электронный научный журнал «Гуманитарные науки в XXI веке» [Электронный ресурс]. – Казань, 2018. – № 11. – С. 42–57. – Режим доступа: <https://humanist21.kgasu.ru/>. – Дата доступа: 14.01.2019.

Дата поступления: 15.01.2019.

РАЗДЕЛ 5. КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ: ПОВСЕДНЕВНОСТЬ И КОНФЛИКТЫ

Заблоцкая Т. М.

Рэспубліканскі інстытут вышэйшай школы, Мінск

Zablotskaya T.

National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 94:37(476.6)“18”

ПРАЦЭС ЗАКРЫЦЦЯ НАВУЧАЛЬНЫХ І ДАБРАЧЫННЫХ УСТАНОЎ ОРДЭНА ПІЯРАЎ ЛІТОВСКОЙ ПРАВІНЦЫІ НА ТЭРЫТОРЫІ ГРОДЗЕНСКОЙ ГУБЕРНІ Ў 1830–1840 ГАДАХ

THE PROCESS OF CLOSING EDUCATIONAL AND CHARITABLE INSTITUTIONS OF THE ORDER OF PIARISTS OF THE LITHUANIAN PROVINCE IN THE TERRITORY OF GRODNO PROVINCE IN 1830–1840

Паўстанне 1830–1831 гг. змяніла падыход расійскай улады да каталіцкай царквы ў цэлым, асабліва да дзейнасці кляштару ў Заходняй частцы Беларусі. Прадстаўнікі расійскай улады лічылі, што каталіцкія кляштары з’яўляюцца цэнтрамі апазіцыйных сіл, якія былі абвінавачаны ва ўдзеле ў паўстанні. Сярод удзельнікаў вылучаецца каталіцкае духавенства (ксяндзы, манахі). Напачатку расійская адміністрацыя шукала магчымасць да паслаблення ўплыву каталіцкай царквы ў Заходніх губернях і падначалення дзейнасці каталіцкага духавенства сваім інтарэсам. Аднак загад ад 19 ліпеня 1832 г. распачаў «масштабную антимонастырскую кампанію». У Гродзенскай губерні было зачынена 17 каталіцкіх кляштару, у тым ліку Ордэна піяраў у Шчучыне. На працягу 1832–1834 гг. адбыўся шэраг пакаранняў, якія былі накіраваны, галоўным чынам, супраць існуючай сістэмы польска-каталіцкай адукацыі.

Ключавыя словы: Расійская імперыя; Гродзенская губерня; каталіцкія кляштары; Ордэн піяраў; павятовае вучылішча.

The rebellion of 1830–1831 changed the approach of Russian authorities to the catholic church, especially to the activity of monasteries in the western part of Belarus. The Russian authorities believed that catholic monasteries were the centers of opposition forces that were accused of participating in the rebellion. The catholic clergy (priests, monks) stands among the participants. At the beginning, the Russian administration was looking for an opportunity to weaken the influence of the catholic church in the western provinces and to subordinate the activity of the catholic clergy to their interests. However, the order dated July 19, 1832 began a large campaign against monasteries. Seventeen catholic monasteries were closed in Grodno province including the Order of piarists in Schuchin. During the 1832–1834, the series of punishments followed, which were directed mainly against the existing system of polish-catholic education.

Keywords: Russian empire; Grodno province; catholic monasteries; the Order of piarists; county school.

Пасля далучэння тэрыторыі беларускіх зямель да Расійскай імперыі пачалі выпрацоўвацца зыходныя палажэнні дзяржаўнай палітыкі ў галіне народнай асветы. Паводле Статута 1804 г., сістэма адукацыі будавалася на прынцыпе адзінства і пераемнасці, назіраўся рост свецкай адукацыі, у навучальныя планы ўводзіліся прыродазнаўчыя дысцыпліны.

Рэформа сістэмы адукацыі не прадухіліла ў навучальных установах беларускіх зямель каталіцкага ўплыву. Распрацаваная ў мінулыя стагоддзі манаскімі ордэнамі сістэма адукацыі са дзейнічала павышэнню эфектыўнасці навучання. На беларускіх землях працавалі навучальныя

ўстановы піяраў, базыльян, дамініканцаў, місіянераў, канонікаў рэгулярных і інш.

У першай трэці XIX ст. найбольш актыўна манаскія вучылішчы працавалі ў Заходняй Беларусі, дзе здолелі заняць пануючае месца ў галіне адукацыі. У Гродзенскай губерні «налічвалася 7 павятовых вучылішчаў, якія ўтрымліваліся манашаскімі Ордэнамі: дамініканцамі ў Гродна і Навагрудку, базыльянамі ў Жыровіцах, канонікамі лютэранскімі ў Слоніме, піярамі ў Шчучыне і Лідзе, місіянерамі ў Ваўкавыску» [15]. Такім чынам, панаванне манаскай адукацыі над свецкай цалкам задавальняла кіраўніцтва Віленскай навучальнай акругі, утворанай у 1803 г.

Свае пазіцыі ў школьнай справе захаваў каталіцкі Ордэн піяраў. Аб гэтым сведчыць колькасць навучальных устаноў на 1817 г. у межах Віленскай навучальнай акругі: Віленская губерня – у Расіенах, Вількаміры, Панявежжы; Гродзенская губерня – у Шчучыне, Лідзе; Беластоцкая вобласць – у Драгічыне; Мінская губерня – у Лужках, Любяшове; Валынская губерня – у Дамбровіцы, Мендзыжэччы; Віцебская губерня – у Віцебску [18, л. 152]. Навучальныя ўстановы знаходзіліся ў межах сучаснай тэрыторыі Літвы, Беларусі, Правабярэжнай Украіны.

Істотных змен у становішчы навучальных устаноў Ордэна піяраў пасля далучэння беларускіх зямель да Расійскай імперыі не назіралася. Толькі першапачатковая назва навучальнага Ордэна піяраў «калегіум» была зменена на назву «павятовае вучылішча». Неабходна адзначыць, што перайменаванне назвы навучальнай установы ніякім чынам не адбілася на праграме навучання, вучэбным працэсе, мове выкладання і на складзе выкладчыкаў.

Значныя змены ў сістэме адукацыі Віленскай навучальнай акругі адбыліся пасля паўстання 1830–1831 гг., у якім актыўна прынялі ўдзел не толькі шляхта, студэнты і выкладчыкі Віленскага ўніверсітэта, але і ксяндзы, манахі рымска-каталіцкіх кляштар, у тым ліку і манахі Ордэна піяраў. У даследаваннях В. В. Гарбачовай падаюцца дадзеныя сацыяльнага складу ўдзельнікаў паўстання 1830–1831 гг. на Беларусі, якія паказваюць, што каталіцае, праваслаўнае і ўніяцкае духавенства складала 5,4 % ад агульнай колькасці паўстанцаў [2, л. 127].

Расійскі імператар Мікалай I адзначыў: «...прошла пора великодушия; неблагодарность поляков сделала его невозможным, и на будущее время во всех сделках, касающихся Польши, всё должно быть подчинено истинным интересам России» [3].

У 1831 г. былі прыняты першыя рашэнні з улікам «істинных интересов». Са складу Віленскай навучальнай акругі былі выведзены тры губерні: Мінская губерня пераведзена ў Беларускаю навучальную акругу, Падольская і Валынская губерні – у Харкаўскую навучальную акругу. Услед адбылося закрыццё 1 мая 1832 г. Віленскага ўніверсітэта і скасаванне Віленскай навучальнай акругі.

Расійская адміністрацыя шукала магчымасць да паслаблення ўплыву каталіцкай царквы ў заходніх губернях і падначалення дзейнасці каталіцкага духавенства сваім інтарэсам. Аднак загад Мікалая I ад 19 ліпеня 1832 г. распачаў «масштабную антимонастырскую кампанію». Ён загадаў «...объявить немедленно Римско-католической коллегии и главным местным началь-

ствам Западных губерний об упразднении некомплектных монастырей, как лишенных средств к поддержанию порядка и благочиния между монашеством» [1, с. 121].

Зыходзячы з загаду закрываліся некамплектныя кляштары, якія былі малаколькаснымі па штаце. Па кананічных правілах у кожным кляштары павінна было знаходзіцца не менш за 9 манахаў. У перапісцы ад 12 жніўня 1832 г. віленскі ваенны губернатар і «исправляющий» пасаду гродзенскага і беластоцкага генерал-губернатара М. А. Даўгарукі адзначае гродзенскаму грамадзянскаму губернатару М. Н. Мураўёву, што «...в Римско-католических монастырях “Западных губерний”, большею частью издавна уже замечается недостаток контингента монахов» [5, арк. 1].

Міністр унутраных спраў Д. Н. Блудаў падае прапановы па пытаннях уладкавання каталіцкіх кляштар, ад імя імператара Мікалая I спадару Рымска-каталіцкай духоўнай калегіі да «належаючага іх выканання» [5, арк. 7–10]:

1. Для лепшага ўладкавання «благочиния» ў кляштар, а таксама для ўстанаўлення найбліжэйшага нагляду над манаскім духавенствам прадаставіць поўную ўладу Епархіяльным епіскапам над кляштарамі на дакладнай аснове пастаноў 1798 г.: ад 28 красавіка 20 бытці в России для исповедующих Римскую веру шести диоцезий...» і «Регламента для церквей и монастырей Римско-католического исповедания в Российской Империи» ад 3 кастрычніка, ускласці на іх адказнасць і галоўны нагляд за кіраваннем фондушамі, якія знаходзяцца ў кляштар, іх епархій.

2. Скасаваць неадкладна ўсе некамплектныя кляштары як пазбаўленыя сродкаў да падтрымання парадку і «благочиния» паміж манаштвам, вызначыўшы пайменна асаблівы вопіс усіх кляштар, якія прызначаны да скасавання. Выключыць з агульнага правіла тыя кляштары, якія ўяўляюць большую ці меншую зручнасць да размяшчэння манахаў з іншых скасаваных кляштар.

3. Скасаваць таксама кляштары, якія знаходзяцца пасярод пасяленняў грэка-расійскай і ўніяцкай цэркваў, у прыходах якіх манахі чужога выканання не могуць быць запатрабаванымі для выканання духоўных патрэб.

4. Манахаў са скасаваных кляштар, перавесці ў іншыя кляштары іх Ордэнаў.

5. Цэрквы скасаваных кляштар, да якіх прылічаны парафіі, ператварыць, на меркаванне мясцовага грамадзянскага начальства і з дазволу міністра ўнутраных спраў, у простыя прыходскія, філіяльныя, але не інакш. У адваротным выпадку ператварыць разам з іншымі кляштарнымі збудаваннямі да агульнакарэйскіх устаноў.

6. Калі кляштарныя цэрквы застаюцца ў Беларусі і паўднёвых губернях, начальнікам губерняў строга прытрымлівацца пастановы 1795 г., дадзенай на імя беларускага генерал-губернатора П. Б. Пасэка, якой было вызначана, што на 1 святара на невялікай прасторы – не менш чым 100 двароў, а на 2 святароў – не менш чым 200 двароў (жыхары павінны мець свае дамы ці іншую нерухомую маёмасць).

7. Парадак вызначэння святароў парафій, устаноўлены ў 1831 г. для Самагіцкай епархii, у сакавіку 1832 г. распаўсюджваецца на ўсе іншыя рымска-каталіцкія і грэка-уніяцкія епархii, прыняць і цяпер пры назначэнні да цэркваў скасаваных кляштараў, у якіх права кціарства павінна належаць казне.

8. Аб'яднання з фондушамі скасаваных кляштараў абавязкі пакінуць пры цэрквах, якія пераўтвараюцца ў парафіяльныя, калі абавязкі могуць быць выкананы і белым духавенствам. Прадвызначана загадам 1795 г. У супрацьлеглым выпадку фондушавыя абавязкі перавесці разам з манахамі ў іншы кляштар.

9. Грашовыя капіталы, якія належаць скасаваным кляштарам, далучыць да агульнага дапаможнага рымска-каталіцкага духавенства і назначыць з іх сумы на задавальненне патрэб Рымска-каталіцкай царквы.

10. Нерухомыя маёмткі і іншую ўласнасць скасаваных манастыроў перадаць у кіраванне казне дзеля таго, каб даход з іх быў пераведзены на богаўгодныя ўстановы, асабліва на заснаваныя павятовых вучылішч замест тых, якія цяпер утрымліваюцца пры скасаваных кляштарых.

11. Аб богаўгодных установах і вучылішчах, прыналежных да скасаваных кляштараў, аддаць распараджэнне: па першых – мясцоваму духоўнаму начальству, па-другіх – Міністэрству народнай асветы. Будынкi скасаваных кляштараў, за выключэннем памяшканняў святароў пры цэрквах, ператвораных ў парафіяльныя, ператварыць ва ўстановы агульнага карыстання, пакінуць у кожнай епархii адзін кляштар для патрэб самога духавенства, а менавіта для састарэлых святароў.

Згодна з загадам расійскія ўлады праводзяць перапіс колькасці рымска-каталіцкіх і грэка-уніяцкіх манастыроў, якія знаходзяцца ў Гродзенскай губерні. Са звестак, прадстаўленых віленскім епіскапам А. Б. Клангевічам на сакавік 1832 г., становіцца вядома, што ў павятовым вучылішчы г. Ліды налічваецца 7 манахаў і 58 вучняў, а ў шчучынскай навучальнай установе піяраў – 12 манахаў і 104 вучні [8, арк. 8–8 адв.].

Таксама распачалася расійская «кампанія» па выяўленні «неблаганадзеіных» манахаў, якія маглі мець дачыненне да паўстання 1830–1831 гг.

З архіўных матэрыялаў з НГАБ у г. Гродна становіцца вядома не толькі пра паводзіны асобных манахаў, але і магчыма вызначыць колькасны склад манастыроў Ордэна піяраў у м. Шчучын і г. Лідзе.

У кляштары Ордэна піяраў у мястэчку Шчучын вызначаны пайменны спіс у колькасці 12 асоб: рэктар манастыра Антон Закржэўскі, наглядчык вучылішча Яцэк Румяноўскі, Андрэй Запольскі, Карл Маліноўскі; настаўнікі: Антон Казлякоўскі, Ювеналіс Тамашэвіч, Банавентура Пяткевіч; настаўнікі-клірыкі: Вікенцій Палуян, Якаў Кучан, Фама Семяновіч, Юзаф Станіслаўскі [9, арк. 55 адв. – 56]. Да дадзенага спісу шчучынскіх піяраў, згодна з ведамасцю аб колькасці кляштараў на тэрыторыі Гродзенскай губерні, неабходна далучыць манаха Юзафа Каласанты Лукевіча, які знаходзіўся для выканання духоўных патрэб у фальварку Акопы, што ў Зэльве Ваўкавыскага павета [9, арк. 27 адв.].

Павятовае вучылішча Ордэна піяраў у г. Ліда налічвала 7 манахаў, аднак пайменны спіс паведамляе пра 9 асоб: рэктар манастыра – Антоні Паеўскі, Фердынанд Шумборскі – наглядчык (прэфект), прыбыў з Віленскага піярскага манастыра 4 кастрычніка 1831 г., Фадзей (Гадэвуш) Внятоўскі – хрысціянская навука, Іосіф Кабылянскі – лацінская і польская мовы, Антоні Ясінскі – французская мова, гісторыя, Гіпаліт Дабравольскі – арыфметыка, геаметрыя, Піус Ясенскі – руская мова, геаграфія, Палікарп Заленскі – памочнік, Юзаф Каласанты Багуцкі – арыфметыка, геаметрыя, нямецкая мова [9, арк. 53]. У мястэчку Жырмуны Лідскага павета пры парафіяльным касцёле знаходзіліся два манахі-піяры з кляштара г. Ліды – святар Каласанты Санкоўскі і вікарый Юзаф Сангайла [9, арк. 58].

Што датычыцца спісу «неблаганадзеіных манахаў», то ў ім адзначаюцца паводзіны кожнага манаха з кляштара ў Шчучыне і Лідзе: са шчучынскага кляштара быў адзначаны Андрэй Запольскі, які 11 чэрвеня 1831 г. па сакрэтнай справе быў запатрабаваны маёрам жандармаў Г. Ожыгавым. Аднак, па нявызначаных матывах паводзін, А. Запольскі скрыўся, але 28 чэрвеня рэктарам Антоні Закржэўскім быў выданы паліцыі і адпраўлены ў г. Гродна, дзе пад арыштам у жніўні таго ж года памёр [9, арк. 55 адв. – 56].

Сярод манахаў каталіцкага Ордэна піяраў «неблаганадзеіным» у Лідскім павятовым вучылішчы быў вызначаны Юзаф Каласанты Багуцкі (былы наглядчык вучылішча). Так, як ён ужо «до прыбытця мятежников скрывал зловредные намерения», а калі ў Ліду прыбыў невялікі атрад паўстанцаў у маі 1831 г. на чале з генералам Д. Хлапоўскім, ён далучыўся да іх і больш не вярнуўся [9, арк. 53 адв.].

Дакладна не ўстаноўлена, што з'явілася прычынай закрыцця Шчучынскага павятовага вучылішча і скасавання кляштара манахаў-піяраў: ці навучальня не адпавядала колькаснаму штату манахаў, а можа лёс прадвызначыў кляштару Ордэна піяраў у мястэчку Шчучын апынуцца ў спісе «сямнаццаці рымска-каталіцкіх кляштарай», якія былі прапанаваны віленскім ваенным губернатарам і «исправляющим» пасаду гродзенскага і беластоцкага генерал-губернатара М. А. Даўгарукім да закрыцця ў Гродзенскай губерні.

Справа аб скасаванні Шчучынскага манастыра была распачата ў верасні 1832 г. [13]. З рапарта расійскага чыноўніка Якава Бараноўскага становіцца вядома, што да шчучынскага кляштара адносіліся «новы касцёл, двухпавярховы мураваны будынак кляштара і тры асобныя драўляныя дамы, аптэка, фруктовы сад у 1 дзесяціну, агароды і 10,5 моргаў зямлі» [13, арк. 10 – 12].

З архіўных матэрыялаў становіцца вядома, як выглядалі дамы: першы меў «6 пакояў, 2 кухні, 3 кладоўкі, 2 сцяпенні, 11 вокнаў ды 2 дзвярэй, быў крыты гонтамі»; другі налічваў «4 пакоі, 1 кухню, 1 кладоўку, 1 сцяпенне, 10 вокнаў ды 1 дзверы, быў крыты саломай»; трэці меў «5 пакояў, 11 вокнаў ды 1 дзверы, быў крыты саломай» [13, арк. 10 адв.]. Два першыя дамы здаваліся ў арэнду розным асобам, якія размяшчалі ў іх вучняў вучылішча за плату 1 руб срэбрам. У год атрымывалася 100 рублёў срэбрам. З нагоды закрыцця манастыра адышлі арандатары па прычыне заканчэння тэрміну кантрактаў. Толькі ўдава Ганна Дзерангова «выказала жаданне арандаваць два пакоі на 8 месяцаў, выплочваючы па 1 рублю срэбрам» [13, арк. 11 адв.].

На 1832 г. піяры валодалі маёнткам Радзевічы, які быў здадзены ў арэнду. Фальварак Аконы ў Ваўкавыскім павеце заўсёды належаў да шчучынскага кляштара яшчэ па запісу 1739 г. князя Сапегі на карысць першага правінцыяла Літоўскай правінцыі, але з нагоды скасавання шчучынскага кляштара быў таксама перададзены ў загадванне казне [7, арк. 204 адв. – 205].

Разам з манастырскімі збудаваннямі была секвестравана і аптэка манахаў-піяраў. 2 верасня 1832 г. гродзенскі грамадзянскі губернатар М. Н. Мураўёў даручыў Гродзенскай казённой палаце прыняць аптэку ў мястэчку Шчучын Лідскага павета ў казённае ведамства [12, арк. 1 адв.].

Камісія ў складзе з аператарам Гродзенскай медычнай управы А. Ф. Савічам была камандзіравана ў мястэчка Шчучын дзеля складання вопісу і ацэнкі ўсіх медыкаментаў, матэрыялаў, посуду і іншых рэчаў, якія знаходзіліся ў аптэцы айцоў-піяраў. З рапарта Я. Бараноўскага за № 6 ад 14 верасня 1832 г. становіцца вядома, што

«шчучынская аптэка прынята ў казну і складзены яе падрабязныя вопісы» [12, арк. 12], а менавіта:

1. Аптэчных матэрыялаў, якія знаходзіліся ў Шчучынскай аптэцы, прыналежаючай піярскаму манастыру [12, арк. 20–34].

2. Вопіс посуду, знойдзенага ў шчучынскай аптэцы [12, арк. 34 аб. – 37 адв.].

3. Поўны вопіс аптэчных матэрыялаў і посуду, якія знаходзіліся ў аптэцы манахаў-піяраў, знаходзіцца ў гістарычным архіве ў г. Гродна [12].

Пасля прыняцця ў казённае ведамства аптэка працавала пад наглядам аптэкара І. М. Іваноўскага. У ёй працягваўся продаж лекаў і медыкаментаў. І. М. Іваноўскаму была дадзена шнураваная кніга для ўліку прыходу грошай, якія паступалі ад продажу. За 2 тыдні (з 29 жніўня 1832 г. па 14 верасня 1832 г.) паступіла 79 рублёў [12, арк. 12].

22 лютага 1833 г. па распараджэнні Міністэрства фінансаў выдаецца пастанова «Аб продажы шчучынскай аптэкі», згодна з якой аптэку скасаванага піярскага манастыра вырашана прадаць з публічных таргоў [12, арк. 39].

Камісіяй, якая была камандзіравана для складання падрабязнага вопісу аптэчных матэрыялаў і посуду, праведзена «ацэнка як медыкаментаў, так і ўсёй маёмасці ў той аптэцы» [12, арк. 40]. Медыкаменты, посуд і іншая маёмасць аптэкі былі ацэнены гродзенскай медычнай управай у 2337 руб. 9 кап. асігнацыямі.

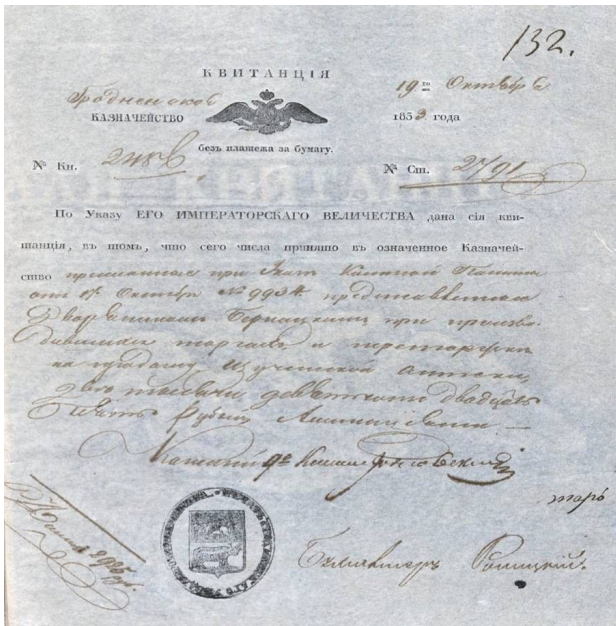
Продаж аптэкі быў назначаны на 5 чэрвеня 1833 г., у мястэчку Шчучын, а ператаргі – на 12 чэрвеня 1833 г. у губернскім г. Гродна. Жаданне набыць аптэку выказалі: князь Францішак Ксаверый Друцкі-Любецкі (у асобе паверанага памочніка князя Пятра Бернацкага) і аптэкар І. М. Іваноўскі.

Як сведчыць гандлёвы ліст ад 5 чэрвеня 1833 г., таргі адбыліся ў мястэчку Шчучын. І. М. Іваноўся падчас таргоў адмовіўся ад удзелу ў таргах да ператаргоў, якія былі назначаны на 12 чэрвеня 1833 г. Ператаргі адбыліся ў гродзенскай казённой палаце, дзе прысутнічалі П. Бернацкі (павераны князя Ф. К. Друцкага-Любецкага) і аптэкар І. М. Іваноўскі.

Згодна з гандлёвым лістом ператаргоў, аптэка скасаванага манастыра Ордэна піяраў была куплена Пятром Бернацкім за 2,925 рублі асігнацыямі [12, арк. 140].

Збудаванні касцёла айцоў-піяраў у мястэчку Шчучын планавалася пакінуць у статусе «парафіяльнай царквы» і даручыць кіраванне ёю вызначанаму святару, а збудаванне кляштара ператварыць для размяшчэння ў ім састарэлых святароў, усе фондушавыя абавязкі пакінуць пры дадзеным касцёле [6, л. 133].

Вучні зачыненага павятовага вучылішча былі пераведзены ў Ліду. Аднак ужо 1832/1833 на-

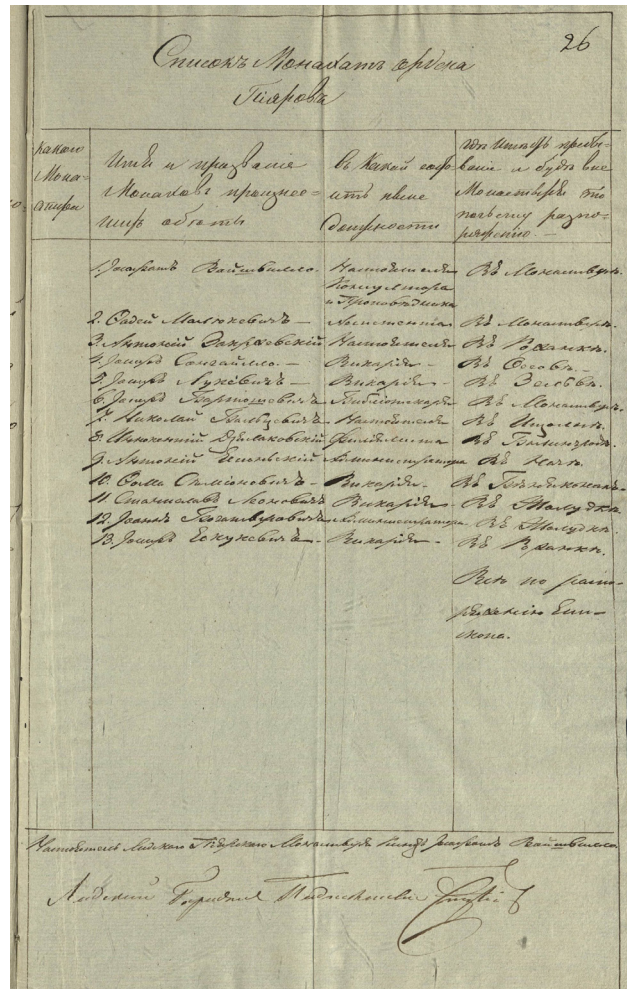
Мал. 1. Спіс манахаў манастыра Ордэна піяраў у г. Ліда на 11 красавіка 1842 год.

Крыніца: Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ў г. Гродна. – Ф. 1. – Воп. 20. – Спр. 934. – Спіски монахов Гродненской губернии. 24.03.1842–11.02.1843. – Арк. 26 (усяго ў справе 61 арк.)

вучальны год быў апошнім і ў дзейнасці Лідскай навучальні, канчатковай датай закрыцця павятовага вучылішча манахаў-піяраў лічыцца 2 верасня 1834 г. [4, s. 87].

Манахі-піяры заставаліся ў Лідзе на працягу 10 гадоў. Вядома, што ў 1840 г. пляцы, якімі валодалі манахі ў цэнтры горада Ліды, былі здадзены імі ў арэнду [11, арк. 27].

Пра тое, што манахі-піяры яшчэ 11 красавіка 1842 г. былі ў Лідзе, становіцца вядома з рапарта лідскага гараднічага да гродзенскага губернатара Г. Г. Дапельмаера, у якім ён прыкладае спіс манахаў Піярскага манастыра [10, арк. 26].

Мал. 2. Квітанцыя ад 19 кастрычніка 1833 года аб выплаце грашовых сродкаў у казначэйства г. Гродна Пятром Бернацім у памеры 2925 рублёў асігнацыямі за аптэку Ордэна піяраў у м. Шчучын.

Крыніца: Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ў г. Гродна. – Ф. 31. – Воп. 2. – Спр. 85. – Дело о передаче в казённое ведомство аптеки в местечке Шчучин Лидского уезда в связи с упразднением Шчучинского пиарского монастыря. – 03.09.1832–08.05.1858. – Арк. 132 (усяго ў справе 157 арк.)

Табліца 1

Спіс манахаў-піяраў на 1842 год

Імя і прозвішча манахаў, якія прынеслі зарок	Пасада	Месца прыбывання
Юзаф Вайшвіла	настаяцель, кансультар і прапаведнік	у манастыры
Фадзей Малюкевіч	асістэнт канцылярыста	у манастыры
Антоні Закржэўскі	настаяцель	у Рожанцы
Юзаф Сангайла	вікарый	у Осаве
Юзаф Лукевіч	вікарый	у Зэльве
Юзаф Баргашэвіч	бібліятэкар	у манастыры
Мікалай Бальцэвіч	настаяцель	у Ішчальні
Інакенцій Дзялакоўскі	філіяліст	у Балінгродзе
Антоні Ясінскі	адміністратар	у Начы
Фама Семяновіч	вікарый	у Беньконях
Станіслаў Леановіч	вікарый	у Жалудку
Ян Богатыровіч	адміністратар	у Жалудку
Юзаф Якукевіч	вікарый	у Ражанцы

Такім чынам, навучальная ўстанова піяраў у Лідзе ўжо не існавала, але манахі выконвалі парафіяльныя абавязкі пры розных касцёлах.

23 жніўня 1842 г. у Лідзе адбыўся пажар, у выніку якога была пашкоджана частка касцёла Ордэна піяраў [17, арк. 99]. Расійскія ўлады распачынаюць перадачу збудавання Лідскага піярскага рымска-каталіцкага касцёла ў ведамства праваслаўнага духавенства для перабудавання яго ў праваслаўную царкву, а збудаванне кляштар – у дваранскае вучылішча [11]. Канчаткова Ордэн піяраў ліквідаваны ў Лідзе 14 мая 1845 г. І толькі ў 1848 г. пакінуў сваю абіцель апошні рэктар лідскай навучальні – Юзаф Вайшвіла.

Пасля падаўлення паўстання 1830–1831 гг. урад распачаў рэарганізацыю ўсёй сістэмы аду-

кацыі ў Гродзенскай губерні. Паводле праведзеных мерапрыемстваў царскага ўрада, павятовае вучылішча Ордэна піяраў у мястэчку Шчучын было зачынена, а Лідскае павятовае вучылішча ператворана спачатку ў мяшчанскае вучылішча (канец 1834 г. – па лістапад 1835 г.), а пасля – у 5-класнае дваранскае павятовае вучылішча (1835–1858 гг.) [16].

Палітыка па ліквідацыі манаскай адукацыі, як увогуле ў дачыненні да каталіцкіх манаскіх ордэнаў, так і да Ордэна піяраў, будзе працягнута расійскімі ўладамі. Заставаўся фармальны акт скасавання Ордэна піяраў: у 1843 г. Літоўская правінцыя Ордэна піяраў была ліквідавана (толькі кляштар айцоў-піяраў у Мендзыхэччы праіснуе да 1853 г.) [14, р. 271].

Спіс выкарыстаных крыніц

1. *Вибе, И. Н.* Католические монастыри в политике российской власти в Западном крае (1831–1832) [Электронный ресурс] / И. Н. Вибе // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. Аспирантские тетради [Текст]. – СПб., 2008. – № 32(70), ч.1. – Режим доступа: <https://lib.herzen.spb.ru/m/rgpu-periodic/1/148>. – Дата доступа: 24.09.2018.
2. *Гарбачова, В. В.* Удзельнікі паўстання 1830–1831 гг. на Беларусі: бібліяграфічны слоўнік / В. В. Гарбачова; [наук. рэд. У. І. Навіцкі]. – Мінск: БДУ, 2004. – 400 с.
3. *Зайончковский, А. М.* Восточная война 1853–1856 гг. [Электронный ресурс] / А. М. Зайончковский // Литература и жизнь. – Режим доступа: <http://dugward.ru/library/nikolay1/zayonchkovskiy1.html>. – Дата доступа: 15.10.2018.
4. *Kurkowski, J.* Pijarzy w Werenowie i Lidzie (1735–1845) / J. Kurkowski // Z dziejow Ziemi Lidzkiej. – Warszawa: Retro-Art, 1997. – S. 55–131.
5. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ў г. Гродна (далей – НГАБ у Гродна). – Ф. 1. – Воп. 27. – Спр. 233. Дело об упразднении семнадцати Римско-католических монастырей в Гродненской губернии. 16.08.1832–02.09.1832. – 171 л.
6. НГАБ у г. Гродна. – Ф. 1. – Воп. 27. – Спр. 234. Дело об упразднении семнадцати Римско-католических монастырей в Гродненской губернии. 02.09.1832–30.09.1832. – 400 л.
7. НГАБ у г. Гродна. – Ф. 1. – Воп. 27. – Спр. 235. Дело об упразднении семнадцати Римско-католических монастырей в Гродненской губернии. 01.10.1832–05.04.1834. – 447 л.
8. НГАБ у г. Гродна. – Ф. 1. – Воп. 3. – Спр. 1238. Ведомости о количестве монастырей в Гродненской губернии. 28.02.1831–24.03.1831. – 15 л.
9. НГАБ у г. Гродна. – Ф. 1. – Воп. 3. – Спр. 1239. Дело о доставлении собранных подробных сведениях о поведении Римско-католических и греко-унияетских священников и монахов во время бывшего мятежа. 28.12.1831–25.06.1831. – 151 л.
10. НГАБ у г. Гродна. – Ф. 20. – Воп. 20. – Спр. 934. Списки монахов Гродненской губернии. 24.03.1842–11.02.1843. – 61 л.
11. НГАБ у г. Гродна. – Ф. 20. – Воп. 3. – Спр. 2186. Дело о передаче здания Лидского пиарского римско-католического костёла в ведение православного духавенства для переделки в церковь. 03.04.1843–06.09.1848. – 49 л.
12. НГАБ у г. Гродна. – Ф. 31. – Воп. 2. – Спр. 85. Дело о передаче в казённое ведомство аптеки в местечке Шчучин Лидского уезда в связи с упразднением Шчучинского пиарского монастыря. 03.09.1832–08.05.1858. – 157 л.
13. НГАБ у г. Гродна. – Ф. 31. – Воп. 2. – Спр. 91. Дело об упразднении Щучинского пиарского монастыря Лидского уезда. 19.09.1832–11.08.1838. – 17 л.
14. *Picanyol, L.* Brevis conspectus historico-statisticus ordinis Scholarum Piarum. – Roma: Apud curiam generalitiam PP. Scolopi di S. Pantaleo, 1932. – 318 p.
15. *Сливкин, В. В.* Учебные заведения Лидского уезда [Электронный ресурс] / В. В. Сливкин. – Режим доступа: <http://www.lida.info/uchebnye-zavedeniya-lidskogo-uezda/>. – Дата доступа: 01.10.2018.
16. *Сливкин, В. В.* Учебные заведения Лидского уезда. Лидское уездное дворянское училище [Электронный ресурс] / В. В. Сливкин. – Режим доступа: <http://www.lida.info/uchebnye-zavedeniya-lidskogo-uezda-lidskoe-uezdnoe-dvoryanskoe-uchilishhe/>. – Дата доступа: 01.10.2018.
17. *Сліўкін, В. В.* Лідчына ў 1830–1850-я гады / В. В. Сліўкін // Памяць: Ліда. Лідскі раён: Гіст.-дакум. хроніка гарадоў і раёнаў Беларусі / рэдкал.: В. Г. Баранаў [і інш.]. – Мінск: Беларусь, 2001. – 592 с.

18. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 733. – Оп. 62. – Д. 375. Отчёт о состоянии Виленского университета, гимназий, уездных и приходских училищ и конвиктов за 1817 год. 24.09.1818. – 256 л.

Дата паступлення: 15.11.2018.

Кароль М. М.
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск

Karol M.
Belarusian State University, Minsk

УДК 94(476)“1905/1917”

АДЛЮСТРАВАННЕ МІЖКАНФЕСІЙНЫХ ПЕРАХОДАЎ У ПЕРЫЯДЫЧНЫМ ДРУКУ БЕЛАРУСКІХ ГУБЕРНЯЎ У ПАЧАТКУ ХХ СТАГОДДЗЯ

IMAGE OF RELIGIOUS CONVERSIONS IN THE PRESS OF THE BELARUSIAN PROVINCES IN THE BEGINNING OF 20TH CENTURY

У артыкуле разглядаюцца тэндэнцыі, якія былі характэрны для перыядычнага друку рознай палітычнай, этнічнай і канфесійнай скіраванасці ў пачатку ХХ ст. пры асвятленні рэлігійнай сітуацыі, якая склалася пасля выдання 17 красавіка 1905 г. Указа аб асновах верацярпімасці. Акрэсліваюцца і характарызуюцца асноўныя адрозненні ў падачы інфармацыі пра пераходы з праваслаўя ў каталіцызм, стаўленне насельніцтва да змен у канфесійным становішчы.

Ключавыя словы: верацярпімасць; рэлігійная канверсія; Указ ад 17 красавіка 1905 г.; перыядычны друк; праваслаўе; каталіцызм; праселітызм.

The article discusses on trends, which were characterized of periodicals of various political, ethnic, and confessional orientations in the beginning of 20th century after the publication on April 17, 1905 of the Decree on the religious tolerance. The main differences in the presentation of information about the conversions from Orthodoxy to Catholicism, about the attitude of the population to a new religious situation are determined and characterized.

Keywords: religious tolerance; religious conversion; Decree of April 17, 1905; press; Orthodoxy; Catholicism; proselytism.

Пачатак ХХ ст. прынёс кардынальныя змены ў рэлігійнае жыццё Расійскай імперыі. Указ аб асновах верацярпімасці ад 17 красавіка 1905 г. (далей – Указ аб верацярпімасці) абвясціў свабоду веравызнання і адмяніў крымінальную адказнасць за пераход з праваслаўя ў іншую веру. Дадзеная падзея атрымала шырокі розгалас сярод сучаснікаў, у першую чаргу ў тагачаснай прэсе. Мэта дадзенага артыкула – прасачыць, як адлюстроўвалася прыняцце і рэалізацыя Указа аб верацярпімасці на старонках газет рознай палітычнай накіраванасці.

Перш за ўсё звернемся да «Епархіяльных ведамасцей», якія з’яўляліся афіцыйным друкаваным органам праваслаўных епархій на тэрыторыі Беларусі. Адзначым, што ў пераважнай большасці праваслаўнае духавенства крытычна аднеслася да абвясчэння Указа аб верацярпімасці, бо бачыла ў ім пагрозу для панавання праваслаўя ў беларускіх губернях, што ў будучым магло прывесці да памяншэння колькасці вернікаў.

Рэдакцыі «Епархіяльных ведамасцей» апэратыўна адрэагавалі на абвясчэнне Указа аб

верацярпімасці ад 17 красавіка 1905 г. Яшчэ да афіцыйнага выхаду Указа ў № 8 «Мінскіх епархіяльных ведамасцей» ад 15 красавіка 1905 г. аўтар А. Тавараў прысвяціў артыкул «Западнорусские православные братства и предстоящие им задачи деятельности, в связи с вопросом о признании свободы вероисповедания»¹, раскрыццю мэт і задач царкоўных брацтваў ва ўмовах абвясчэння рэлігійнай талерантнасці. На думку аўтара, абвясчэнне свабоды сумлення прывядзе да ўзрастання пагрозы для праваслаўя з боку каталіцкай рэлігіі [1, с. 169]. У выніку паслаблення ў рэлігійнай палітыцы любая «вера [...] варожа праваслаўю [...] атрымлівае права адкрыта сябе вызнаваць, не баючыся адказнасці перад законам» [1, с. 160]. У такім выпадку праваслаўная царква, якая раней знаходзілася пад апекай дзяржавы і закона, пасля Указа застаецца «безабароннай перад ударамі ворагаў» [1, с. 165]. Пры гэтым А. Тавараў менавіта тэрыторыю Беларусі лічыў найбольш «неабароненай», дзе «вора-

¹ Другая частка артыкула была надрукавана 1 мая.

гі праваслаўя» адштурхнуць ад яго шмат людзей [1, с. 166]. Натуральна, што небяспека бачылася толькі з боку рымска-каталіцкай царквы, а не іудзейскай, мусульманскай або пратэстанцкай веры. Такім чынам, для аўтараў «Епархіяльных ведамасцей» абвяшчэнне Указа аб верацярпімасці азначала, перадусім, пачатак новага этапу ў змаганні з каталіцызмам за вернікаў.

«Гродзенскія епархіяльныя ведамасці» пачалі друкавацца пазней за астатнія, іх першы нумар выйшаў толькі ў студзені 1901 г. Але і яны не абмінулі актуальнай тэмы. Неабходна адзначыць, што непасрэдна ва Указе аб верацярпімасці шмат якія пытанні не асвятляліся непасрэдна. Напрыклад, пытанне аб магчымасці ажыццяўлення неправаслаўнага празелітызму. Дагэтуль права на яго ў Расійскай імперыі мела толькі праваслаўная царква, але Указ ад 17 красавіка і наступны Маніфест ад 17 кастрычніка 1905 г., якія абвяшчалі свабоду сумлення, трактаваліся прадстаўнікамі іншых рэлігій як дазвол на пропаведзь. У 1906 г. «Гродзенскія епархіяльныя ведамасці» надрукавалі артыкул пра місіянерскую дзейнасць ксяндзоў і пагрозы, якія тая нясе для праваслаўя [2, с. 1110]. Аднак у выніку забарона на публічную пропаведзь для неправаслаўных веравызнанняў была адлюстравана ў тлумачэннях да Указа, выдадзеных 14 сакавіка 1906 г. [3, с. 262], што ў пэўнай ступені захавала пануючы статус праваслаўнай царквы ў Расійскай імперыі і зменшыла актуальнасць пытання «чужога» празелітызму для праваслаўных публіцыстаў.

Царкоўная перыёдыка шмат у чым засяродзілася на праблеме стаўлення праваслаўных святароў да патэнцыйных пераходаў паствы ў іншыя веравызнанні. Надрукаваны ў № 20–21 ад 29 мая 1905 г. артыкул «Веротерпимость и вытекающие из нее пастырские отношения» яго аўтар – высокі праваслаўны іерарх – епіскап гродзенскі і брэсцкі Ніканор – пачаў з канстатацыі таго, што абвешчана шырокая «да бязмежнасці» верацярпімасць. Ён звярнуў увагу на праблему, якая паўстала перад праваслаўным духавенствам: любая спроба абмежавання свабоды сумлення магла прывесці да поўнага адыходу чалавека з праваслаўнай веры ў іншую [4, с. 573].

Аўтары «Епархіяльных ведамасцей» імкнуліся даць парады святарам, як у новых умовах захаванні сваіх парафіян і па магчымасці вярнуць тых, хто змяніў канфесію. Неаднаразова падкрэслівалася, што пасля выдання Указа аб верацярпімасці праваслаўная царква пазбавілася дапамогі з боку свецкіх уладаў: «ні суд, ні паліцыя, ніякая іншая знешняя сіла не прыйдзе больш на дапамогу праваслаўнаму пастыру» [5, с. 217]. Пры гэтым адначасова адзначаўся негвалтоўны характар хрысціянства і прызнанне свабоды сумлення

інтымнай справай кожнага чалавека [5, с. 217]. Праваслаўны святар павінен быў быць узорам маральных паводзін. На старонках царкоўных газет выказвалася меркаванне, што неабходна засяродзіць увагу на знешняй атрыбутыцы набажэнстваў, а таксама па магчымасці аказаць матэрыяльную дапамогу вернікам [5, с. 219].

На старонках «Епархіяльных ведамасцей» знайшоў пэўнае, хоць далёка не ўсебаковае адлюстраванне сам працэс змянення канфесійнай прыналежнасці асобнымі вернікамі. Ужо ў кастрычніку 1905 г. «Мінскія епархіяльныя ведамасці» паведамлялі пра масавыя пераходы насельніцтва Віленскай губерні з праваслаўя ў каталіцызм (са спасылкай на «Літоўскія епархіяльныя ведамасці»), але не падавалі дакладныя лічбы аб колькасці тых, хто перайшоў з праваслаўя. Пры гэтым акцэнтавалася варожасць паміж вернікамі, якая нібыта з'явілася менавіта пасля выдання Указа аб верацярпімасці і якую распальваюць «спакушальнікі з праваслаўя» [6, с. 444]. Цікава, што ва ўсіх артыкулах такога кшталту аўтары заклікалі праваслаўных пастыраў да павышэння маральнага і адукацыйнага стану, паляпшэння службы як у рэчышчы знешніх праяў (праз спевы), так і ўнутранага зместу (казанні, пропаведзі на актуальныя і надзённыя для вернікаў тэмы). Падкрэслівалася абавязкі святароў наведваць школы і дамы для збліжэння з уласнымі парафіянамі [6, с. 445].

Яшчэ адной вострай тэмай на старонках «Епархіяльных ведамасцей» сталася «каталіцкая прапаганда». Насамрэч, адразу пасля абвяшчэння Указа аб верацярпімасці рымска-каталіцкае духавенства прапанавала са свайго боку спрошчаны варыянт далучэння да каталіцызму, які не адпавядаў афіцыйнаму, але дазваляў вернікам хутка змяніць канфесію. Пры асвятленні выпадкаў пераходу з праваслаўя аўтары «Епархіяльных ведамасцей» асабліва спыняліся на выпадках агрэсіўнай прапаганды, гвалту і зняваг з боку каталікоў [7, с. 447], якія цяжка праверыць на сапраўднасць. Праваслаўныя аўтары сцвярджалі, што каталікі распаўсюджвалі накіраваныя на дыскрэдытацыю праваслаўя чуткі аб тым, што ўсіх праваслаўных будуць ссылаць у Сібір, а іх землі адбіраць; праваслаўныя царквы перабудуюць у касцёлы, а праваслаўных прымусам запішуць у каталікі; у Віленскай губерні будзе адноўлена Польскае каралеўства. Таксама сцвярджалася, што каталікі прапаноўвалі праваслаўным грошы за пераход у іх веру [7, с. 448].

Варта суаднесці тэзіс праваслаўных публіцыстаў аб нарастанні міжканфесійнай варожасці пасля прыняцця Указа аб верацярпімасці з канкрэтнымі прыкладамі падобных канфліктаў, вядомых не толькі з тэндэнцыйных газетных

аглядаў, але і з матэрыялаў афіцыйнага справаводства. У іх адсутнічаюць прыклады буйных спраў аб міжрэлігійнай варожасці. Звычайна канфлікты на глебе рэлігіі, калі нават даходзілі да суда, аказваліся ў большай ступені бытавымі сваркамі, у якіх людзі, няздольныя інакш вырашыць свае супярэчнасці, пераходзілі да асабістых абраз, у тым ліку і па канфесійнай прыкмеце. Можна выказаць гіпотэзу, што апісанне ў праваслаўнай перыёдыцы цяжкага стану праваслаўных, якія падвяргаліся нападам і абразам з боку каталіцкага насельніцтва пасля прыняцця Указа аб верацярпімасці, у большасці выпадкаў было мастацкім перабольшваннем, а не адлюстраваннем рэальнага стану рэчаў. На старонках «Епархіяльных ведамасцей» можна знайсці расповеды аб тым, як кагосьці з праваслаўных кінула жонка, а камусьці папсавалі хатнюю жывёлу, але без дакладных звестак аб ахвярах [8, с. 455]. Асвятляючы масавы пераход у каталіцызм, аўтары «Ведамасцей» заўжды імкнуліся падкрэсліць яго гвалтоўны характар [8, с. 456].

Не абміналі «Епархіяльныя ведамасці» і такія знакавыя падзеі для каталікоў, як візіты касцельных іерархаў. 1 мая 1905 г., праз два тыдні пасля прыняцця Указа, у Ракаў (Мінскі павет Мінскай губерні) прыехаў арцыбіскуп магілёўскі граф Ежы Юзаф Шэмбек [9, с. 438]. Ён знаходзіўся ў мястэчку 11 дзён, падчас якіх правёў імшу. Праваслаўны публіцыст адзначаў, што біскуп казаў аб дадзенай каталікам «поўнай свабодзе». На думку журналіста, гэта сталася яшчэ адным пацвярджэннем таго, што пасля выдання Указа аб верацярпімасці «няма ніякай магчымасці выкараніць пасеянае зло», пад якім мелася на ўвазе распаўсюджанне каталіцызму.

Падобны дыскурс для апісання становішча пасля прыняцця Указа аб верацярпімасці выкарыстоўвала і газета «Мінскае слова», якая мела чарнасоценную і вялікарускую нацыяналістычную скіраванасць. Яе рэдактарам быў Дзмітрый Скрынчанка, які адначасова з'яўляўся рэдактарам «Мінскіх епархіяльных ведамасцей». Рыторыка, ужываная ў абедзвюх газетах, была вельмі падобнай.

«Мінскае слова» з'яўлялася друкаваным органам «Рускага ўскраіннага саюза», галоўнай яе мэтай была безумоўная падтрымка тэорыі афіцыйнай народнасці. Асноўны змест газеты быў прысвечаны выбарам, агітацыі, агляду дзейнасці Дзяржаўнай думы. Але знаходзілася месца і для кароткіх зацемак на іншыя тэмы. Друкаваліся яны ад імя ананімных карэспандэнтаў і асвятлялі розныя падзеі ў губерні. Не маглі яны абмінуць і выпадкі вяртання ў праваслаўе, у якіх заўжды падкрэсліваўся адмоўны змест каталіцкай рэлігіі.

У 1911 г. карэспандэнт выдання паведамляў, што ў вёсцы Горна Барысаўскага павета Мінскай губерні 26 студзеня ў царкве адбылося сціплае свята. Сялянка вёскі Жардзяжжа Ганна Белая вярнулася з каталіцызму ў праваслаўе. Асабліва падкрэслівалася, што новаахрышчаная «зразумела мярзотнасць свайго ўчынку», пад якім мелася на ўвазе папярэдняе прыняцце каталіцызму. Адзначалася, што на святкаванні, нягледзячы на будні дзень, сабралася шмат народу [10, с. 7].

У Дуброўскай царкве (Мінскі павет) 13 мая 1912 г. па добраахвотным жаданні далучылася да праваслаўя сялянка вёскі Навасёлкі Ракаўскай воласці Ганна Жыткевіч, якая некалькі год таму прыняла каталіцтва [11, с. 4]. Карэспандэнт «Мінскага слова» паведамляў, што ў мясцовасці шмат людзей, падобных да сялянкі Жыткевіч, якія, прыняўшы каталіцызм, пасля вярталіся ў праваслаўе. Аўтар апавядаў пра складанае становішча «перакуленцаў», як іх называлі, а таксама пра тых, хто хацеў бы зноў вярнуцца ў праваслаўе, але баіцца помсты з боку фанатыкаў-каталікоў [11, с. 4]. Цікавыя метады, якімі, на думку аўтара, каталікі імкнуцца перацягнуць у сваю веру праваслаўных. У Дуброве мелася невялікая капліца, у якую яны набылі фісгармонію коштам у 500 рублёў. Менавіта праз любоў «простага люду» да музыкі меркавалася перацягнуць яго ў каталіцызм [11, с. 4].

Як бачым, царкоўная і правакансерватыўная перыёдыка акцэнтавала ўвагу на пагрозы, якія нес Указ аб верацярпімасці для праваслаўнай царквы, і імкнулася акрэсліць узоры паводзін для праваслаўных святароў у новых умовах. У падобнага кшталту газетах адзначаліся выпадкі пераходу насельніцтва ў каталіцызм, але яны, як правіла, апісваліся як вынік зламыснай каталіцкай прапаганды, з куды большай ахвотай прэса праваслаўнай і кансерватыўнай скіраванасці падвала выпадкі адмовы ад каталіцызму на карысць праваслаўя.

Зразумела, што не толькі расійскія нацыяналістычныя часопісы і газеты адгукаліся на рэлігійнае пытанне. «Кур'ер літоўскі», грамадска-палітычная штодзённая польскамоўная газета, таксама часам асвятляла актуальныя падзеі, звязаныя з рэлігійным жыццём беларускіх губерняў. У № 14 ад 17 (30) верасня 1905 г. была апублікавана навіна пра з'езд праваслаўнага духавенства, дзе абмяркоўвалася праблема «адыходу ад праваслаўя» і змагання з «каталіцкай прапагандай». У зацемцы адзначалася, што ў Мінскай губерні адбываецца масавы пераход былых уніятаў у каталіцызм, чаму не могуць ніякімі сродкамі супрацьстаяць святары. Тым больш, што большасць з тых, хто перайшоў у праваслаўя, яшчэ да

абвяшчэння Указа таемна вызнавалі каталіцызм, «лічачы яго лепшым за праваслаўе» [12, с. 3].

У адрозненне ад «Епархіяльных ведамасцей», у газетах ліберальнага кірунку можна было сустрэць канкрэтныя лічбы аб колькасці тых, хто перайшоў з праваслаўя ў каталіцызм. У «Кур'еры літоўскім» (№ 19 ад 23 верасня (6 кастрычніка) 1905 г.) у нататцы «Колькасць вернутых» паведамлялася, што ў Гродзенскай губерні да парафіян губернскіх касцёлаў далучыўся агулам 1471 чалавек. Насуперак расійскай кансерватыўнай і царкоўнай прэсе польскамоўная перыёдыка асабліва падкрэслівала, што вяртанні ў каталіцызм адбываюцца і шырацца пры поўнай адсутнасці агітацыі з боку рымска-каталіцкага духавенства [13, с. 3].

Цікава, што ў рубрыцы, прысвечанай агляду расійскай прэсы, «Кур'ер літоўскі» часам прыводзіў вытрымкі з «Епархіяльных ведамасцей». Напрыклад, пры перадруку ўрыўка з «Гродзенскіх епархіяльных ведамасцей» пад назвай «Якія новыя абавязкі накладае на святароў Найвышэйшы Маніфест 17 красавіка» падкрэслівалася, што, на думку аўтараў праваслаўных выданняў, у новых умовах кожны праваслаўны павінен узяць на сябе ролю місіянера [14, арк. 3]. Як бачым, калі рускамоўная прэса апісвала каталіцкі бок як актыўнага ініцыятара пераходаў, то польскамоўныя публіцысты імкнуліся давесці незаангажаванасць памкненняў народа да каталіцызму, а таксама адзначыць акурат схільнасць праваслаўных да празелітызму і місіянерства.

Указ аб асновах верацярпімасці спрашчаў умовы будаўніцтва і аднаўлення касцёлаў. Працэс адбудовы каталіцкіх капліц зрэдку, але трапляў у поле зроку тагачаснай прэсы. «Кур'ер літоўскі» паведамляў, што пасля выдання Указа аб верацярпімасці памешчык Яўген Булгак пачаў будаўніцтва ў маёнтку Бранчыцы Слуцкага павета Мінскай губерні капліцы ў раманскім стылі [15, с. 3].

Для беларускай газеты «Наша ніва» адной з важных праблемаў быў канфесійны падзел беларусаў і імкненне да яго пераадолення [16, с. 58]. У рубрыцы «3 Беларусі і Літвы» газета змяшчала прыклады таго, як на практыцы дзейнічаў Указ аб верацярпімасці.

Так, 2 снежня 1906 г. карэспандэнт «Нашай нівы» паведамляў, што ў лютым 1906 г. да каталіцкага святара Лужкоўскай парафіі (Дзісенскі павет Віленскай губерні) Іосіфа Шаўкоўскага звярнуліся праваслаўны Віктар Каснікоўскі і каталічка Стэфанія Пальнская з просьбай абвянчаць іх, бо гэта права яны маюць у адпаведнасці з Маніфестам 17 кастрычніка. Але мясцовы праваслаўны святар, даведаўшыся пра гэта, падаў на ксяндза І. Шаўкоўскага ў суд за вячанне праваслаўнага [17, с. 3]. Суд адбыўся 4 снежня ў Вільні. Падчас

яго ксёндз І. Шаўкоўскі апеляваў да зместу Маніфеста ад 17 кастрычніка, які абвяшчаў усе грамадзянскія свабоды, у тым ліку і свабоду сумлення. Суд апраўдаў ксяндза, грунтуючыся на тым, што шлюб быў здзейснены да публікацыі «тлумачэнняў» [18, с. 5]. Пад «тлумачэннямі» маюцца на ўвазе згаданыя вышэй каментарыі да Указа аб верацярпімасці, якія выйшлі 14 сакавіка 1906 г. У адпаведнасці з імі (п. 93) здзяйсненне неправаслаўным святаром вячання асобы праваслаўнага веравызнання прадугледжвала штраф у памеры не менш за трыста рублёў [3, с. 262].

Цікава прасачыць, як падаваліся навіны пра адну і тую ж падзею ў розных газетах. У мястэчку Івянец Мінскага павета здарыўся канфлікт з-за пастаноўкі крыжа. У мястэчку меліся касцёл і праваслаўная царква, якая была перароблена з касцёла ў 1864 г. Каталікі, скарыстаўшыся атрыманымі пасля выдання Указа аб верацярпімасці магчымасцямі, паставілі чатыры крыжы, а пяты хацелі паставіць побач з былым касцёлам. Але мясцовы прыстаў пры падтрымцы стражнікаў загадаў выкапаць пяты крыж і перанесці яго на могілкі. Пры гэтым здарыўся канфлікт, падчас якога дзвюх жанчын, С. Крупскую і Ю. Цімаховіч, пабілі нагайкамі на могілках. Аднак калі паліцыя сышла, вернікі, сярод якіх пераважалі жанчыны, выкапалі крыж і вярнулі яго на ранейшае месца. У выніку паміж прысутнымі веруючымі і стражнікамі завязалася сапраўдная бойка. Стражнікі збівалі людзей, а натоўп адказваў кіданнем камянёў. 55-гадовая Паўліна Мікуцкая сцягнула аднаго са стражнікаў з каня, а сама была збіта нагайкамі. Яшчэ чатыры кабеты былі пабіты, а стражнікі і станы прыстаў паранены камянямі. Не абышлося і без смяротнага выпадку: стражнікі пачалі страляць і забілі 63-гадовую Ю. Нядзвецкую [19, арк. 6].

Для карэспандэнта «Наша нівы», які хаваўся пад крыптонімам М., дадзены выпадак з'яўляўся яшчэ адным прыкладам таго, як на глебе рэлігіі спрабуюць раз'яднаць «цёмны народ». Зусім па-іншаму гэты выпадак быў асветлены ў «Весніку Віленскага Праваслаўнага Свята-Духаўскага брацтва» [20, с. 219]. Інцыдэнт у Івянцы яго аўтары назвалі «варожай дэманстрацыяй мясцоваму праваслаўнаму насельніцтву» з боку каталікоў [20, с. 219]. У сваю чаргу афіцыйныя ўлады прызналі вінаватым у канфлікце мясцовага ксяндза Люцыяна Шчэрбу [21, арк. 25 адв.].

Штодзённая польскамоўная газета «Goniec Wileński» таксама пісала пра падзеі, якія былі выкліканы зменамі ў рэлігійным заканадаўстве. У № 32 ад 13 сакавіка 1908 г. была апублікавана нататка, прысвечаная будаўніцтву касцёла ў Дзярэчыне (Слоніўскі павет Гродзенскай губерні). Мясцовы касцёл быў закрыты ў 1864 г. пасля

падаўлення паўстання 1863–1864 г. У 1907 г. каталіцкія парафіяне атрымалі дазвол на будаўніцтва новага касцёла. Газета паведамляла, што з-за беднага стану вернікаў ім цяжка будаваць вялікі будынак, таму ксёндз прымае дапамогу і грашовыя ахвяраванні ад усіх неабыякавых [22, s. 3].

Такім чынам, на фоне больш надзённых і грамадска значных падзей руска-японскай вайны, выбараў у Дзяржаўную думу і эпідэміі халеры тагачасная прэса менш асвятляла рэлігійныя праблемы, асабліва калі яны не былі звязаны з буйнымі людскімі дэманстрацыямі або ахвярамі. «Епархіяльныя ведамасці» былі, магчыма, адзінымі, на старонках якіх стала адлюстроўвалася

меркаванне святароў адносна новай рэлігійнай сітуацыі, іх стаўленне да новых сацыяльна-рэлігійных выклікаў і пошук шляхоў іх вырашэння. Пры гэтым выданні рознай палітычнай, нацыянальнай і канфесійнай скіраванасці па-рознаму акрэслівалі і характарызавалі асноўных актараў у новай рэлігійнай сітуацыі: калі праваслаўныя і кансерватыўныя газеты наракалі на разгортванне каталіцкай прапаганды, то польскамоўная прэса рабіла акцэнт на добраахвотнасці і масавасці вяртання насельніцтва ў каталіцызм. У сваю чаргу беларускамоўная газета «Наша ніва» бачыла ў новых умовах канфесійных дачыненняў чарговы падзел беларусаў паводле канфесійнай прыкметы.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. *Товаров, А.* Западнорусские православные братства и предстоящие им задачи деятельности, в связи с вопросом о признании свободы вероисповедания / А. Товаров // Минские епархиальные ведомости. – 1905. – 15 апр. – С. 159–169.
2. Новые враги православия // Гродненские епархиальные ведомости. – 1906. – 15 окт. – С. 1110–1114.
3. Высочайше утвержденное мнение Государственного совета «О согласовании некоторых постановлений уголовного законодательства с указом 17 апреля 1905 года об укреплении начал веротерпимости и о введении в действие второй главы нового Уголовного уложения» от 14 марта 1906 г. // Полное собрание законов Российской империи: Собрание 3-е. – Т. 26. – Отд. 1. – СПб., 1909. – С. 261–265.
4. *Никанор (епископ).* Веротерпимость и вытекающая из нее пастырские отношения / Никанор // Гродненские епархиальные ведомости. – 1905. – 29 мая. – С. 573–575.
5. Какие новые обязанности на православных пастырей налагает Высочайший Указ 17 апреля // Минские епархиальные ведомости. – 1905. – 15 июня. – С. 213–219.
6. По епархиям // Минские епархиальные ведомости. – 1905. – 15 окт. – С. 444–446.
7. Католическая пропаганда / Минские епархиальные ведомости. – 1905. – 15 окт. – С. 447–448.
8. *Околович, К. (священник).* К вопросу о веротерпимости (продолжение) / К. Околович // Минские епархиальные ведомости. – 1905. – 1 нояб. – С. 455–457.
9. *Околович, К. (священник).* К вопросу о веротерпимости / К. Околович // Минские епархиальные ведомости. – 1905. – 15 окт. – С. 447–448.
10. С. Горно, Минская губерния (кор-ция «Минск. Слово») // Минское слово. – 1911. – 19 февр. – С. 8.
11. По губернии и краю // Минское слово. – 1912. – 25 мая. – С. 4.
12. Rezolucja // Kurier Litewski. – 1905. – 17 września. – S. 3.
13. Liczba nawróceń // Kurier Litewski. – 1905. – 23 września. – S. 3.
14. Z prasy rosyjskiej // Kurier Litewski. – 1905. – 28 września. – S. 3.
15. Budowa kaplicy // Kurier Litewski. – 1905. – 6 października. – S. 3.
16. *Унучак, А. У.* «Наша Ніва» і беларускі нацыянальны рух (1906–1915 гг.) / А. У. Унучак. – Мінск : Беларуская навука, 2008. – 186 с.
17. Свабода сумлення // Наша ніва. – 1906. – 2 снеж. – С. 3.
18. Дзісна // Наша ніва. – 1907. – 6 студз. – С. 5.
19. 3 Івянца // Наша ніва. – 1905. – 20 ліп. – С. 5–6.
20. Событие в Ивенце // Вестник Виленского Православного Свято-Духовского братства. – 1907. – 1 авг. – С. 217–220.
21. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (далей – НГАБ). – Ф. 295. – Воп. 1. – Спр. 7374. – Справа аб прызначэнні ксяндза Л. Шчэрбы вікарным Мінскага Марыінскага касцёла. 09.09.1903 – 04.11.1907. – 32 арк.
22. Na kościół w Dereczynie // Gonicz Wileński. – 1908. – 13 marca. – S. 3.

Дата паступлення: 05.11.2018.

Кейко Ю. В.

Гродненский государственный университет имени Я. Купалы, Гродно

Kejko J.

Yanka Kupala State University of Grodno

УДК 903.7:271.2(476.6)«18»

ПОДГОТОВКА К СТРОИТЕЛЬСТВУ ПРАВОСЛАВНЫХ ХРАМОВ ГРОДНЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ (60-Е ГОДЫ XIX ВЕКА)

PREPARATIONS FOR THE CONSTRUCTION OF ORTHODOX CHURCHES OF THE GRODNO PROVINCE (60-S OF THE XIX CENTURY)

В статье раскрывается подготовительный период строительства православных храмов Гродненской губернии в 60-е гг. XIX в.

Ключевые слова: подготовительный период строительства православных храмов; Временные уездные комитеты по сооружению православных церквей; проектно-сметная документация; финансирование; строительные материалы; церковные советы; Гродненская губерния.

The article reveals the preparatory period for the construction of Orthodox churches in Grodno province in the 60-s of the XIX century.

Keywords: preparatory period for the construction of Orthodox churches; Temporary county committees for the construction of Orthodox churches; plan and estimate documentation; financing, construction materials; church councils; Grodno province.

После восстания 1863–1864 гг. в западных губерниях Российской империи осуществлялось широкое храмовое строительство с целью распространения православия и русской культуры. Инициатором этого процесса был виленский генерал-губернатор М. Н. Муравьев. Для развития церковно-строительного дела в губернских центрах Северо-Западного края создавались Временные церковно-строительные комитеты.

С апреля 1864 г. в Гродненской губернии все строительные работы по возведению православных храмов производились под контролем Временного губернского комитета по сооружению и исправлению православных церквей [1] под руководством гродненского губернатора И. Н. Скворцова и утверждались виленским генерал-губернатором М. Н. Муравьевым, а затем его приемником К. П. Кауфманом. 22 мая 1864 г. на очередном заседании члены комитета заслушали предложение М. Н. Муравьева от 8 мая 1864 г.: «принять к руководству и исполнению, по Гродненской губернии, журнал Временного Виленского губернского комитета от 30 апреля 1864 г. по исправлению церквей в Виленской губернии». В этом журнале было отмечено, что для местного освидетельствования положения приходских храмов в каждом уезде Виленской губернии были учреждены «особые комитеты» (уездные комитеты). Данные уездные комитеты занимались осмотром и выявлением тех храмов, которые требовали ремонта. По итогам осмотра

составлялись сметы с указанием необходимых денежных средств для осуществления строительных работ [2, л. 6]. Исходя из этого следует, что процедура строительства храмов в Гродненской губернии была разработана Временным Виленским губернским комитетом.

В итоге было принято постановление о создании во всех городах Гродненской губернии Временных уездных комитетов под председательством военных начальников (с июня 1864 г.) [3, л. 23]. В состав каждого уездного комитета входили: мировые посредники, благочинные, уездные исправники, участковые начальники государственных имуществ, приходские священники, церковные старосты и волостные старшины, а также по распоряжению Гродненской губернской строительной и дорожной комиссии в комитеты были командированы техники [2, л. 6]. Из-за нехватки квалифицированных кадров на два уезда назначался один штатный архитектор [4, л. 7] и было разрешено приглашать частных архитекторов [5, л. 5]. Так, в марте 1866 г. для составления проекта и сметы храма в селении Самуйловичи Волковысского уезда был привлечен частный архитектор [6, л. 2]. Составлением документов в казенных имениях губернии занимались архитекторы и гражданские инженеры из Гродненской палаты государственных имуществ [7, л. 43]. Как видим, для решения проектно-технических вопросов в состав уездных комитетов помимо архитекторов из государственных уч-

реждений привлекались частно практикующие архитекторы.

Деятельность уездных комитетов регламентировалась постановлением Временного губернского комитета по сооружению и исправлению православных церквей от 22 мая 1864 г. В шести пунктах документа были прописаны основные функции комитетов, которые сводились к сбору сведений о текущем состоянии храма, причта и прихожан. Полученные сведения отражались в подробно составленных описях (актах), сметах, проектах и направлялись на рассмотрение Временного губернского комитета через два месяца (в августе 1864 г.) [2, л. 6]. Следовательно, после рассмотрения документов, составленных членами уездных комитетов, председатель губернского комитета принимал решение о начале строительных работ, т. е. данная проектно-сметная документация служила основанием для организации строительства православных храмов в подготовительный период.

Сбор сведений осуществлялся по трем ключевым направлениям в соответствии с обязанностями членов комитета, прописанными в постановлении.

Первое направление – описание текущего внешнего и внутреннего состояния храма, жилых и хозяйственных строений священников и причта. Данная информация фиксировалась в акте осмотра архитектором в ходе освидетельствования церковного здания и причтовых строений. Сведения о необходимой церковной утвари, книгах, иконах и иконостасе предоставлял приходской священник. Далее составлялась смета с перечнем церковных принадлежностей, ее прикладывали к акту осмотра. Отдельно архитектором составлялась смета на ремонт или возведение причтовых строений с указанием необходимого строительного материала [8, л. 1].

Второе направление – информация о численности и финансовом положении прихожан. Эти данные для акта осмотра предоставляли благочинные, мировые посредники и волостные старшины по поручению председателя уездного комитета. Благочинные составляли ведомость с перечислением всех православных храмов в пределах своих благочиний и напротив каждого храма прописывали численность прихожан обою пола (по отдельности) и их социальное положение [2, л. 6; 9, л. 208]. Мировые посредники занимались привлечением крестьян, которые или делали пожертвования, или оказывали конкретную помощь в осуществлении строительных работ.

Третье направление – информация о расценках на услуги рабочих и строительные материалы – узнавалась членами комитета на местах [10, л. 1]. По итогам осмотра церковного здания

и причтовых строений и на основе собранных сведений составлялся акт и подписывался всеми членами уездного комитета, присутствующими при данной процедуре [11, л. 1].

Проект храма разрабатывался архитектором уездного комитета на основе «нормальных» или детальных чертежей¹, составленных И. И. Свиязовым в 1857–1861 гг. [12]. Чтобы облегчить и ускорить организацию строительства, которая часто замедлялась перепиской по составлению планов и смет между губернным и уездными комитетами, виленский генерал-губернатор лично отбирал чертежи для возведения новых храмов и отсылал Гродненскому губернатору И. Н. Скворцову во Временный губернский комитет по сооружению православных церквей. Далее чертежи рассылались по уездным комитетам. При возникновении необходимости в возведении большего числа храмов в уезде требовались дополнительные экземпляры печатных смет и планов, в связи с этим уездный комитет обращался с просьбой в губернский комитет. Также М. Н. Муравьев разрешил использовать архитекторам при проектировании храмов не только «нормальные» чертежи, но и создавать свои, сокращая при этом сметную сумму [7, л. 14].

После подготовки всей проектно-сметной документации документы рассматривались и обсуждались на заседаниях уездного комитета [13, л. 3], затем председатель уездного комитета отправлял документы в губернский комитет. Изучив документы на своем заседании, последний в лице И. Н. Скворцова отсылал их виленскому генерал-губернатору на утверждение. Если при ознакомлении с документами в губернском комитете выявляли ряд недочетов, то документы подлежали обратной пересылке в уездный комитет на доработку, тем самым замедлялась подготовка строительных работ. Чаще всего возникали вопросы по неправильно составленным актам осмотра церковного здания. Утвержденные виленским генерал-губернатором проекты и сметы обратно возвращались к гродненскому губернатору и рассылались в уездные комитеты [14, л. 12]. Отсюда следует, что под организацией строительства в подготовительный период при возведении храма подразумевалось составление проектно-сметной документации на основе сведений, собранных членами уездного комитета в результате осмотра церковного здания и зафиксированных в акте осмотра.

После утверждения губернатором проектно-сметной документации начинался поиск денежных средств на постройку храма. Основными источниками финансирования выступали Мини-

¹ Нормальные или детальные чертежи – серия типовых проектов православных храмов.

стерство внутренних дел, Министерство государственных имуществ [15, л. 14], Министерство финансов, а вспомогательными – контрибуционные и дополнительные сборы [16, л. 4; 17, л. 1], кредиты [18, л. 37], а также пожертвования прихожан. Остановимся на ключевых. Деньги из министерств отчислялись в большинстве случаев в зависимости от социального статуса прихожан: крестьян (собственников), вышедших из крепостной зависимости, и крестьян (государственных) ведомства государственных имуществ [7, л. 208] на основе ведомости, составленной благочинным и представленной в губернский комитет. По данному вопросу М. Н. Муравьев обращался к министру внутренних дел П. А. Валуеву или министру государственных имуществ А. А. Зеленому, а в отдельных случаях – к министру финансов М. Х. Рейтерну. С разрешения министра денежные средства направлялись в Гродненское губернское казначейство, а затем распределялись по уездным казначействам. Отчетность по финансовому обороту вела Гродненская казенная палата [19, л. 23]. В 1865 г. Валуев с согласия императора Александра II выделил для строительства храмов в Виленской и Гродненской губерниях 500 000 рублей [20, л. 28]. Следовательно, выделение денежных средств на строительство храмов из центральных государственных учреждений Российской империи осуществлялось после непосредственного обращения виленского генерал-губернатора в министерство. Затем с разрешения министра денежные средства направлялись в губернское казначейство, а потом – в уездные комитеты.

После поступления денежных средств на баланс уездных казначейств начинался подготовительный период строительства храмов (длился до закладки фундамента): поиск и подготовка строительного материала и выбор места для возведения храма.

В каждой местности, где необходимо было построить новое церковное здание, по приказу И. Н. Скворцова открывались церковные советы в составе 6–8 человек из числа прихожан, которые являлись исполнителями и руководителями строительных работ [7, л. 85]. С 1867 г. они были переименованы в приходские попечительства [21, л. 229]. Ориентировались церковные советы на проектно-сметную документацию, полученную из уездных комитетов. Поскольку главным строительным материалом был кирпич [9, л. 68], то церковные советы занимались его поиском и заготовкой. Производили кирпич на заводах, выделенных помещиками на определенный срок [22, л. 27] или специально построенных для возведения храмов [23, л. 11]. Обжиг кирпича и копку глины крестьяне осуществляли собственными

силами. Если крестьяне не могли самостоятельно произвести кирпич, то церковный совет с разрешения уездного комитета заключал контракт с владельцем завода на производство N-го количества кирпича [7, л. 103]. В редких случаях для возведения храма использовали булыжный камень. Данный строительный материал церковные советы приобретали в конфискованных имениях с разрешения Гродненской палаты государственных имуществ [24, л. 28]. Отдельно осуществлялся поиск лесоматериала для обжига кирпича и строительных работ. Бревна церковные советы изыскивали в близлежащих лесничествах или в государственных и конфискованных дачах [25, л. 11; 26, л. 10]. Согласно предписанию лесного департамента от 15 апреля 1864 г., Гродненская палата государственных имуществ должна была выделять лесоматериал бесплатно [2, л. 6]. Все выше перечисленные строительные материалы вывозили и доставляли крестьяне к месту возведения храма. Их качество проверял архитектор. Из этого следует, что основным строительным материалом был и кирпич, и булыжный камень. Его поиском и заготовкой занимались члены церковных советов.

Выбор места под строительство храма в предполагаемой местности совершался во время разведки и исследования грунта членами уездного комитета: благочинным, мировым посредником, архитектором и членами церковного совета [7, л. 221]. Подходящим местом в соответствии с правилами «О постройке Православных церквей и причетнических строений в Северо-Западном крае» (1865 г.) и «Правилами для устройства православных церквей в 9-ти губерниях Западного края» (1867 г.) являлся центр населенного пункта или возвышенность, с которой храм можно было бы увидеть с любой точки местности [27; 28]. Члены комитета, выбрав нужный участок земли, составляли акт и заверяли своими подписями. Архитектор фиксировал местность на план [9, л. 188]. Акт и план направлялись в губернский комитет к гродненскому губернатору на утверждение [17, л. 1]. Часто избранное место было занято деревянными храмами, питейными заведениями, жилыми и хозяйственными строениями крестьян [29, л. 68]. В таком случае место для храма расчищали, а постройки переносили в другие места. На свободном участке земли разбивали план и выкапывали рвы для закладки фундамента [30, л. 47].

Подготовив строительный материал и место под храм, церковные советы приступали к строительству, которое велось хозяйственным или подрядным способом. Хозяйственный способ строительства предусматривал осуществление всех строительных работ собственными силами прихожан под руководством членов церковного

совета и под контролем архитектора. При выборе подрядного способа подготовительный период затягивался до подписания контракта с подрядчиком [31, л. 203]. Контракт с подрядчиком члены церковного совета заключали с разрешения председателя уездного или губернского комитета. Подрядчиками выступали лица различного социального происхождения. Поиск подрядчиков осуществлялся посредством объявлений, опубликованных в приложениях к газете «Губернские ведомости» на отдельных листах и рассылаемых в уездные и губернные комитеты. Объявления расклеивались в общественных местах. Подрядчика выбирали на конкурсной основе в день тор-

гов на заседании губернского комитета. В торгах могли участвовать только те лица, которые имели право на приобретение земельной недвижимости в Северо-Западном крае.

Таким образом, подготовка к строительству православных храмов в Гродненской губернии в 60-е гг. XIX в. предусматривала следующие стадии: составление и разработку проектно-сметной документации, определение источника финансирования, поиск и заготовку строительного материала, выбор места для возведения церковного здания. Продолжительность подготовительного периода зависела от выбора способа строительства и завершалась после закладки фундамента.

Список использованных источников

1. Громыко, С. Из истории церковного строительства / С. Громыко // Гродненские епархиальные ведомости. – 2003. – № 2.
2. Национальный исторический архив Беларуси в Гродно (далее – НИАБ в Гродно). – Фонд 846. – Оп. 1. – Д. 1.
3. НИАБ в Гродно. – Ф. 844. – Оп. 1. – Д. 24.
4. НИАБ в Гродно. – Ф. 848. – Оп. 1. – Д. 1.
5. НИАБ в Гродно. – Ф. 848. – Оп. 1. – Д. 11.
6. НИАБ в Гродно. – Ф. 848. – Оп. 1. – Д. 12.
7. НИАБ в Гродно. – Ф. 846. – Оп. 1. – Д. 3.
8. НИАБ в Гродно. – Ф. 845. – Оп. 1. – Д. 15.
9. НИАБ в Гродно. – Ф. 849. – Оп. 1. – Д. 30.
10. НИАБ в Гродно. – Ф. 845. – Оп. 1. – Д. 3.
11. НИАБ в Гродно. – Ф. 845. – Оп. 1. – Д. 21.
12. Столичный проект Кенозерской Успенской церкви / Архангельская епархия [Электронный ресурс]. – 03.10.2016. – Режим доступа: <http://www.arh-eparhia.ru/publications/60112/>. – Дата доступа: 17.08.2017.
13. НИАБ в Гродно. – Ф. – 849. – Оп. 1. – Д. 17.
14. НИАБ в Гродно. – Ф. – 844. – Оп. 1. – Д. 40.
15. НИАБ в Гродно. – Ф. – 852. – Оп. 1. – Д. 3.
16. НИАБ в Гродно. – Ф. – 97. – Оп. 1. – Д. 7.
17. НИАБ в Гродно. – Ф. – 844. – Оп. 1. – Д. 4.
18. НИАБ в Гродно. – Ф. – 97. – Оп. 1. – Д. 180.
19. НИАБ в Гродно. – Ф. – 849. – Оп. 1. – Д. 21.
20. НИАБ в Гродно. – Ф. – 844. – Оп. 1. – Д. 77.
21. НИАБ в Гродно. – Ф. – 845. – Оп. 1. – Д. 24.
22. НИАБ в Гродно. – Ф. – 844. – Оп. 1. – Д. 36.
23. НИАБ в Гродно. – Ф. – 849. – Оп. 1. – Д. 29.
24. НИАБ в Гродно. – Ф. – 845. – Оп. 1. – Д. 7.
25. НИАБ в Гродно. – Ф. – 849. – Оп. 1. – Д. 10.
26. НИАБ в Гродно. – Ф. – 849. – Оп. 1. – Д. 16.
27. НИАБ в Гродно. – Ф. – 10. – Оп. 13. – Д. 264.
28. Ганчар, А. И. Римско-католическая церковь в Беларуси (вторая половина XIX – начало XX вв.). Исторический очерк: монография / А. И. Ганчар. – Гродно: ГГАУ, 2010. – 512 с.
29. НИАБ в Гродно. – Ф. 849. – Оп. 1. – Д. 31.
30. НИАБ в Гродно. – Ф. 849. – Оп. 1. – Д. 23.
31. НИАБ в Гродно. – Ф. 846. – Оп. 1. – Д. 6.

Дата поступления: 14.10.2018.

Шевкун П. В.

Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка, Минск

Shevkun P.

Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Minsk

УДК 355.257.72(476)+94(476)«17/19»

ФОРМЫ САМОУПРАВЛЕНИЯ В БЕЛОРУССКО-ЛИТОВСКИХ ПРАВОСЛАВНЫХ ЕПАРХИЯХ (КОНЕЦ XVIII – НАЧАЛО XX ВЕКА)

SELF-GOVERNMENT FORMS IN BELARUSIAN-LITHUANIAN ORTHODOX DIOCESES (LATE XVIII – EARLY XX CENTURY)

В работе рассмотрены формы самоуправления на уровне клира и прихожан в белорусско-литовских православных епархиях в конце XVIII – начале XX в. Раскрыта их эволюция от традиционных до современных в контексте общих изменений социальной системы Российской империи. Отмечена роль епархий региона в процессе выработки и становления форм епархиального самоуправления. Дана характеристика и показано их содержание. Сделан общий вывод об объективных трудностях на пути самоорганизации православной церкви империи в рассматриваемое время.

Ключевые слова: православная церковь; епархия; приход; СМИ; епархиальный съезд; совет; братства.

Self-government forms at the level of clergy and parishioners in Belarusian-Lithuanian Orthodox dioceses in the late XVIII – early XX century are studied in the article. Their evolution from traditional to modern ones in terms of total changes of the social system of the Russian empire is disclosed. The role of regional dioceses in the process of formulation and formation of diocesan self-government forms is pointed out. The characteristic is given and their contents is displayed. General conclusion is made about objective difficulties on the way of self-organization of the Orthodox church in the Empire in the time reviewed.

Keywords: Orthodox church; diocese; parish; press; diocesan congress; council; fellowship.

Православная каноническая традиция выстраивает четкую линию духовной иерархии, принципы отношений священноначалия и прихожан. Решающее слово в приходе имеет священник, а в епархии – епископ. Вместе с тем это не отменяет определенных вариаций более широкого участия в принятии решений. Именно этот процесс организации и самоорганизации церковно-приходских элит и находится в центре нашего исследования.

В 1793–1839 гг. на территории белорусско-литовских губерний Российской империи находилось две православные епархии: Могилевская и Минская. В общих чертах система управления представляла собой структуру, во главе которой находился архиерей. Он контролировал все направления епархиальной жизни: богослужебную, административную, судебную, образовательную, экономическую, гуманитарную сферы, осуществлял и курировал взаимодействие с государственными органами, следил за состоянием веры и нравственности в епархии. При епископе существовал орган церковного управления и суда – консистория. Для ведения дел формировалась канцелярия во главе с секретарем. Далее следовали: правления, заказы, благочиния и десятоначалия. Духовные правления и заказы являлись коллегиальными органами, подведомственными

консистории, и осуществляли административные, судебные и хозяйственные функции у себя в округах. Благочинные округа были территорией, на которой один из священников (благочинный) осуществлял контроль над приходскими священно- и церковнослужителями (причтом) [1]. Десятоначалия находились в ведении духовного правления или заказа. Низшим звеном являлся приход. По штатам 1778 г. он должен был насчитывать не менее 150 дворов (≈ 600 человек) на одну церковь. Церковный причт состоял из одного или двух священников, иногда дьякона и причетников. Представителем прихода для контроля за хозяйственно-экономической сферой церковной жизни был староста (избирались с 1808 г.).

Традиционные формы самоуправления заключались во влиянии прихода на выборы причта, в ограниченном контроле над церковными расходами, редким, лишь в чрезвычайных случаях, вмешательством епархиальных властей в жизнь церковных общин. Наиболее ярким проявлением православного общинного самоуправления на территории Киевской митрополии были братства¹. Однако братской традиции в приходской жизни

¹ Братства – организации православных мирян в Речи Посполитой (с конца XVI в.), направленные на защиту интересов церкви, а также с целью контроля за всеми (кроме богослужебной) сторонами жизни православной общины.

российской церкви не было. Поэтому возможности для их развития после включения белорусских земель в состав Российской империи отсутствовали. Вместе с тем из-за низкой степени интеграции православных епархий региона в православную церковь империи большого количества униатских приходов (где братства продолжали свое существование), которые лишь в 1839–1840 гг. на особых условиях объединились с православными епархиями, братства сохранились в ряде приходов. Так, наличие незначительных подобных объединений прослеживается в начале XIX в. при Дисненском Воскресенском и Пинском Богоявленском монастырях [2, с. 479, 507]. Позднее, перед реализацией инициативы по возрождению братств, власти заинтересовались их наличием. Из отчета по Минской епархии следовало, что на ноябрь 1863 г. существовало 105 «древних православных братств» [3]. Очевидно, схожая ситуация была и в других епархиях региона.

Вместе с тем период конца XVIII – первой половины XIX в. ознаменовался тенденцией к разрушению традиционных социальных отношений в регионе. В нашем случае это попытки проникновения церковного контроля и повышение эффективности администрирования на всех уровнях иерархии, особенно на низовом, приходском. Проявлялось это в интенсификации инспекций, повышении образовательного уровня причта¹, лучшей координации в действиях духовных и светских властей, но самое главное – в упразднении некоторых устоявшихся практик общественного участия в жизни прихода.

Прихожане и помещики устранились от непосредственного влияния на выборы причтов [4]. 13 ноября 1801 г. православные церкви западных губерний перевели «на право состоящих в казенных имениях», изъяв из-под контроля «фундаторов» [5]. В 1815 г. Минская консистория распорядилась, чтобы помещики не вмешивались в выборы церковных старост [6].

Усиливался и епархиальный контроль. Епископ Могилевский Афанасий (Вольховский) требовал, чтобы духовные правления «за подведомственными священниками накрепко наблюдали, как себя вести будут ...» [7, с. 20]. Архиепископ Минский Иов (Потёмкин) по прибытии в г. Минск «усмотрел самоуправные поступки» консистории, правлений и благочиний. Им было дано указание: «Впредь без нашего дозволения ничего не делать» [2, с. 23]. По указу императо-

¹ Получение стандартизированного образования гарантировало властям адекватное и единообразное восприятие требований, приемлемый уровень их выполнения, повышение возможностей духовенства в реакции на социальные изменения, способствовало выработке нового уровня легитимности системы управления, который базировался не столько на традиции, сколько на понимании ее организации.

ра от 8 декабря 1804 г. Св. Синод распорядился, «чтобы во время отправления в церквях службы Божией священно и церковнослужители не только исполняли должность свою с благоговением, но и обходились между собою со всякою приличною святости места благопристойностию и уважением» [8]. В конце правления Александра I вновь был принят ряд указов, призванных мобилизовать православную иерархию в должном выполнении своих обязанностей [9].

Уже в правление Николая I Св. Синод 2 марта 1827 г. распорядился сообщать обо всех происшествиях в церквях с участием духовенства [10]. 17 марта 1828 г. Государственный совет предписал архиереям «иметь деятельный надзор за поведением священнослужителей» [11]. 30 января 1828 г. священникам предписали не скрывать от полиции сведения о происшествиях в церквях [12]. 8 января 1829 г. император распорядился, чтобы о происшествиях в церквях ему докладывали лично [13]. 11 марта он потребовал предоставить полный список всех священников, находящихся под судом или следствием [14, с. 341].

Своеобразным итогом административно-унификационной деятельности императора был устав духовных консисторий 1841 г. В нем определялись цели и задачи консисторий, их полномочия, порядок управления, регламентировалась деятельность духовных судов [15]. Последние нововведения Николая I в системе епархиального управления были проведены в 1848 г., когда ликвидировали духовные правления и указы [16].

Конечно, как нельзя недооценивать эти процессы, также было бы неправильно и переоценить их. Во многом все требования сводились лишь к увеличению отчетности, дополнительной переписке. Дело в рассматриваемое время из-за дороговизны бумаги также не дешёвое. Да и возможности коммуникации были ограничены традиционными средствами передвижения. Если же учесть большую протяженность до 1839 г. епархий региона, а на приходском уровне сохранившуюся и впоследствии, то можно заключить, что патриархальные формы церковно-общинной организации были в регионе особенно живучи.

Тем не менее, процесс был обозначен. Постепенно упразднялись прежние формы участия в управлении, которые заключались в сохранении овеянных традицией сфер автономного существования. Вместе с тем взамен ничего не предлагалось. Хотя не только общие тенденции развития, связанные с размыванием традиционной общинной конфессиональной идентичности, но и сложная конфессиональная обстановка в регионе требовали выработки новой, более гибкой индивидуально ориентированной идентичности и основанных на ней форм участия. От

этого, во многом, зависела устойчивость православных общин.

Ситуация несколько изменилась в правление Александра II. В 1860–1870-е гг. были проведены крестьянская, земская, судебная реформы, реформа городского самоуправления и образования. Православную церковь они также не обошли стороной. Так, представители духовенства в обязательном порядке входили в состав уездных училищных советов [35, с. 82]. Устав гимназий и Устав военных училищ 1866 г. открывали сыновьям духовенства двери светских учебных заведений и освобождали их от обязательного обучения в духовных. В 1869 г. отменили наследование священнических мест в отношении детей священнослужителей. Произошло снятие ограничений на вход и выход из духовного сословия.

На этом фоне в 1862 г. было создано Присутствие по делам православного духовенства. Также были открыты его отделения в губерниях в составе архиерея, губернатора и управляющего палатами государственных имуществ. Цель – «...ближайшее попечение об улучшении быта духовенства по всей империи» [17]. Данный орган занимался вопросами реформ в церкви.

На епархиальном уровне наиболее значимые инициативы вначале применялись в епархиях Северо-Западного края. Это организация епархиальных съездов и благочиннических советов. Епархиальные съезды духовенства появились в 1860-х гг. в Минской епархии. Вскоре они распространились и на другие в связи с реформой духовно-учебных заведений. Согласно положению во главе семинарий и училищ находились правления, состоявшие из представителей преподавательского состава и епархиального духовенства. Соответственно в ведении съездов было: избрание членов от духовенства в училищные и семинарские правления, общие вопросы организации учебного процесса, проблемы их материального обеспечения, устройство свечных заводов и их деятельность, издательская деятельность, организация эмеритальных, «взаимо-вспомогательных» и сберегательных касс, складов для предметов церковного обихода, снабжения церквей, некоторые чрезвычайные вопросы [20]. Так, Епархиальный съезд в январе 1874 г. обращался с просьбой к епископу о ходатайстве перед властями по скорейшему возведению или починке причтовых строений [21]. Постепенно съезды усиливали свое влияние. Это встречало противодействие со стороны епископов. В 1879 г. Минский архиерей изъял из ведения консистории, подчинив непосредственно себе, издание епархиальных ведомостей [23]. В правление Александра III с целью ограничения влияния съездов

неформального расширения их полномочий в 1884 г. последовало официальное распоряжение: «существующие съезды духовенства ... вполне предоставить усмотрению и распоряжениям епархиальных преосвященных...» [22].

В начале XX в. компетенция съездов несколько расширилась. Так, съезд духовенства Минской епархии 1905 г. обсуждал кроме традиционных вопросов также и проблемы братского движения. Созывая съезд, первый с 1901 г. епископ определял его чрезвычайный характер, поскольку «настоит нужда, как в выяснении в каких местах епархии и с какой силою ведется пропаганда в пользу католичества, так и в изыскании мер, общих по епархии, которыми можно было бы, если не остановить такую пропаганду, то по крайней мере отвлечь внимание от нея православных...». Депутаты съезда 27 августа просили отменить обязанность предоставлять приходскими священниками местному становому приставу карточек о смертности от заразных болезней, вмешиваясь, таким образом, во взаимоотношения со светскими властями [24].

С 1909 г. епархиальным съездам было предоставлено назначение причтам нового жалованья из казны в пределах назначаемой Св. Синодом суммы. Также с этого года к участию в съездах духовенства были привлечены церковные старосты [25]. Делегаты съезда избирались от благочиннических округов. Программа вопросов формировалась заранее и утверждалась епископом. Работа съезда длилась около недели и включала в себя свыше десяти заседаний [26].

Также существовала такая форма самоуправления, как благочиннические съезды. Они имели совещательный характер и всецело зависели от архиерея, собираясь не регулярно. Так, Минский епископ, иницируя съезд духовенства епархии, в 1905 г. планировал вначале созвать благочинных для рассмотрения ситуации на местах с отпадениями от православия [27]. Впрочем, в отдельных епархиях такие съезды рассматривали работу благочиннических советов и в случае жалоб на них могли делать представление епархиальному архиерею [22].

Кроме общепархиального уровня существовали элементы самоуправления и на уездном. Благочиннические советы получили распространение в Литовской епархии, где в 1870 г. и была составлена для них инструкция. Советы избирались на «соборике» духовенства благочиния большинством голосов, на основании указа консистории, которая и утверждала результаты выборов. Их состав включал благочинного и нескольких выборных членов [28]. Основным направлением их деятельности был суд по незначительным конфликтным ситуациям между

членами клира, а также между клириками и мирянами [29].

На уровне взаимодействия с прихожанами были созданы братства. 8 мая 1864 г. приняли «Основные правила для учреждения православных церковных братств». Братства организовывались по благословению епископа, после согласования устава с губернатором и генерал-губернатором. В сферу их компетенции входило поддержание «благолепия» храмов, распространение книг, устройство школ, помощь нуждающимся. Процедура открытия братств не была детализирована, и администрации пришлось прилагать дополнительные усилия, чтобы поставить под контроль этот процесс, поскольку в регионе братства стремились к расширению своих полномочий [3, л. 171, 60, 61, 176–179].

Возглавляли братства советы, состоящие из председателя, его товарища, членов совета, казначея и секретаря. Совет избирался на три года на общем собрании. Членами братств могли быть выходцы из всех слоев общества. Из братств белорусско-литовских епархий самыми значительными являлись: Виленское Свято-Духовское братство и Минское Николаевское, имевшие отделения в своих епархиях [30].

События начала XX в. привели к активизации братской деятельности. В 1906 г. Св. Синодом изданы «Правила, определяющие отношения церковной власти к обществам и союзам, возникающим в недрах Православной Церкви и вне ее, и к общественно-политической и литературной деятельности церковных должностных лиц». Они усилили власть архиерея. Он являлся попечителем и главным духовным руководителем всех союзов и обществ, действующих в пределах его епархии.

В 1907 г. стал выходить «Вестник Виленского Свято-Духовского братства». Паломнический комитет братства организовывал крестные ходы по святыням епархии. С 1908 г. начали проводиться съезды братств. Первый съезд был созван Минским православным народным братством во имя Св. Креста и проходил с 29 по 31 августа 1908 г. в Минском Свято-Духовском монастыре. Основной задачей съездов стало совершенствование организации братского движения – прежде всего устройство епархиальных центральных братств как руководящих и объединяющих приходские [31].

Не менее значимую роль, чем братства, в приходской жизни играли церковные советы или попечительства. Их организация началась осенью 1864 г. в Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской, Витебской и Могилевской губерниях с целью наблюдения «за вновь совершаемыми в настоящее время постройками православных

церквей в некоторых приходах северо-западного края и работам по обновлению ныне существующих...». В их состав входили приходской священник на правах председателя, 4–8 старшин, волостной старшина, церковный староста, сельский учитель. Выборы проходили каждые три года [32].

В ведении церковного совета были вопросы строительства и сохранности церквей, часовни и усыпальницы с кладбищами, церковные суммы, имущество церкви. Также советы должны были прилагать «...старания и о возможно большем распространении между прихожанами грамотности и о доставлении всех материальных средств для поддержания школы в должном порядке...». В силу схожести функций церковные советы могли войти в состав братства, сохраняя за собой все свои обязанности [32, л. 44, 6, 7].

2 августа 1864 г. было утверждено положение о попечительствах при церквях. Их цель заключалась в «попечении о благоустройстве и благосостоянии приходской церкви и причта в хозяйственном отношении, а также об устройстве первоначального обучения детей и для благотворительных действий в пределах прихода». В отличие от советов, которые утверждал губернатор, попечительства утверждал епископ [33, л. 1, 2]. В 1867 г. церковные советы были переименованы в попечительства [34].

Попытка реорганизации приходской жизни нашла продолжение в указе Св. Синода от 18 ноября 1906 г., в котором говорилось о расширении полномочий попечительств путем создания церковно-приходских советов. Однако они возникали лишь там, где не функционировали попечительства [36].

Вместе с тем, если институциональное участие не подкреплено информационно, то само существование таких платформ становится проблематичным. Поэтому выражение возможности участия в принятии решений проявилось процессом развития средств массовой информации (СМИ). Во второй половине XIX в. появляется значительное количество прессы, ориентированной на верующих [18, с. 11].

На страницах как специализированных, так и других изданий обсуждались религиозные проблемы. Вопросы преобразований в православной церкви находили живой отклик в образованных кругах российского общества. На региональном уровне выходят епархиальные ведомости. Несмотря на то, что на протяжении всего периода в ведомостях была цензура, свидетельствующая о непризнании церковным руководством права за прихожанами и рядовым духовенством полноправного информационного участия в церковной жизни, тем не менее, огра-

ниченное участие допускалось и даже приветствовалось. Так, при открытии Литовских епархиальных ведомостей в Минскую епархию для духовенства было прислано приглашение о сотрудничестве [19].

В начале XX в. существенно возросла роль СМИ в связи с учреждением Государственной думы и предоставлением населению основных гражданских свобод. Для церкви важно было сохранить свое значение в социальной системе империи, поэтому на духовенство, имевшее доступ ко всем православным подданным, возлагались особые надежды. Это повышало значимость приходского духовенства, его слова, как живого, так и печатного.

Таким образом, в период конца XVIII – начала XX в. православная церковь Российской империи, ее белорусско-литовские епархии включились в процесс социальной модернизации. До середины XIX в. это проявлялось в усилении административного вмешательства в жизнь приходов и разрушении традиционных форм участия в управлении. Затрагивались богослужебная практика, состояние храмов, ведение церковной отчетности, выполнение прихожанами своих обрядовых обязанностей, взаимоотношения с клиром. Происходило ограничение влияния помещиков на религиозную жизнь общины, максимальное уменьшение роли прихода при назначении священнослужителя.

Вместе с тем к середине XIX в. все отчетливее ощущалась потребность в выработке модер-

ных форм самоуправления. В регионе это было вызвано, наряду с реформами Александра II, и конфессиональной обстановкой, в самой церкви – ростом основанного на индивидуальном выборе (насколько это было возможно в рассматриваемое время), православного самосознания, что проявлялось в повышении уровня образования, в информационном участии через СМИ в жизни церкви. К формам самоуправления в определенной степени можно отнести епархиальную печать, а также съезды духовенства, благочиннические советы, делегаты на которые выбирались духовенством. На уровне приходов появились и активно развивались братства и приходские советы (попечительства). Несколько активизировался этот процесс в начале XX в. в связи с предоставлением подданным империи основных политических и религиозных свобод.

Тем не менее, данные инициативы носили половинчатый характер ввиду тесной связи церковного и государственного аппаратов. В результате чего чиновничество, прежде всего на уровне губернаторов, получило возможность вмешиваться в процесс самоорганизации церкви. Это вело к противоречивому положению, когда, с одной стороны, инициативы поощрялись, с другой – они должны были соответствовать представлениям чиновничества и не ущемлять их прерогатив. Однако значимая роль в функционировании социально-государственного механизма империи не позволяла ей дистанцироваться от государства в рассматриваемое время.

Список использованных источников

1. Национальный исторический архив Беларуси в г. Минск (далее – НИАБ в Минске). – Ф. 136. – Оп. 1. – Д. 1521. – Л. 18–24.
2. Рункевич, С. Г. История Минской архиепископии (1793–1832) / С. Г. Рункевич. – СПб.: Тип. А. Катанского, 1893. – 623 с.
3. НИАБ в Минске. – Ф. 136. – Оп. 1. – Д. 30544. – Л. 4, 8–10.
4. Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ): собр. 1-е с 1649 по 12 декабря 1825 г.: в 45 т. – СПб.: Тип. Втор. отд. Соб. Е. И. В. канц., 1830. – Т. XXIV. – С. 636.
5. НИАБ в Минске. – Ф. 1416. – Оп. 1. – Д. 228. – Л. 106.
6. НИАБ в Минске. – Ф. 136. – Оп. 1. – Д. 3737. – Л. 1, 1 об., 3 об., 5.
7. Горючко, П. С. Афанасий Вольховский, епископ Могилёвский и Полоцкий (с 5 марта 1795 года по 27 августа 1797 года) / П. С. Горючко. – Могилёв: Тип. Ш. А. Фридланда, 1902. – 31 с.
8. НИАБ в Минске. – Ф. 136. – Оп. 1. – Д. 4825. – Л. 25.
9. ПСЗРИ: собр. 1-е с 1649 по 12 декабря 1825 г.: в 45 т. – СПб.: Тип. Втор. отд. Соб. Е. И. В. канц., 1830. – Т. XXXVI. – С. 324–325; ПСЗРИ: собр. 1-е с 1649 по 12 декабря 1825 г.: в 45 т. – СПб.: Тип. Втор. отд. Соб. Е. И. В. канц., 1830. – Т. XXXVII. – С. 406–408; ПСЗРИ: собр. 1-е с 1649 по 12 декабря 1825 г.: в 45 т. – СПб.: Тип. Втор. отд. Соб. Е. И. В. канц., 1830. – Т. XXXVIII. – С. 1337–1341; ПСЗРИ: собр. 1-е с 1649 по 12 декабря 1825 г.: в 45 т. – СПб.: Тип. Втор. отд. Соб. Е. И. В. канц., 1830. – Т. XXXIX. – С. 478; ПСЗРИ: собр. 1-е с 1649 по 12 декабря 1825 г.: в 45 т. – СПб.: Тип. Втор. отд. Соб. Е. И. В. канц., 1830–1849. – Т. XL, 1830. – С. 200–201.
10. Руководственные для православного духовенства Указы Святейшего Правительствующего Синода. 1721–1878 гг. – М.: Тип. М. Н. Лаврова и К., 1879. – С. 284–285.
11. НИАБ в Минске. – Ф. 2301. – Оп. 1 – Д. 6. – Л. 16 об., 19, 19 об.
12. ПСЗРИ: собр. 2-е с 12 декабря 1825 г. по 28 февраля 1881 г.: в 55 т. – СПб.: Тип. Втор. отд. Соб. Е. И. В. канц., 1830–1884. – Т. III, 1830. – С. 72.

13. ПСЗРИ: собр. 2-е с 12 декабря 1825 г. по 28 февраля 1881 г.: в 55 т. – СПб.: Тип. Втор. отд. Соб. Е. И. В. канц., 1830–1884. – Т. IV, 1830. – С. 16.
14. Кондаков, Ю. Е. Государство и православная церковь в России: эволюция отношений в первой половине XIX в. / Ю. Е. Кондаков. – СПб.: Рос. нац. б-ка, 2003. – 360 с.
15. ПСЗРИ: собр. 2-е с 12 декабря 1825 г. по 28 февраля 1881 г.: в 55 т. – СПб.: Тип. Втор. отд. Соб. Е. И. В. канц., 1830–1884. – Т. XVI, ч. I, 1842. – С. 221–263.
16. НИАБ в Минске. – Ф. 136. – Оп. 1. – Д. 19402. – Л. 9.
17. НИАБ в Минске. – Ф. 136. – Оп. 1. – Д. 30455. – Л. 2, 3.
18. Шимолин, В. И. У истоков белорусской печати: епархиальные ведомости второй половины XIX – начала XX в. / В. И. Шимолин. – Минск: БГУ, 2010. – 199 с.
19. НИАБ в Минске. – Ф. 136. – Оп. 1. – Д. 29944. – Л. 1.
20. НИАБ в Минске. – Ф. 136. – Оп. 1. – Д. 36396. – Л. 17–22.
21. НИАБ в Минске. – Ф. 136. – Оп. 1. – Д. 33603. – Л. 2–5.
22. Савва (Титунов). Епархиальные реформы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kartaslov.ru/>. – Дата доступа: 16.09.2018.
23. НИАБ в Минске. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 35457. Л. 17–22.
24. НИАБ в Минске. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 37178. Л. 45–49.
25. Съезды духовенства епархиальные и благочиннические [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://theological_encyclopedia.academic.ru/. – Дата доступа: 16.09.2018.
26. НИАБ в Минске. – Ф. 136. – Оп. 1. – Д. 37254. – Л. 1, 44.
27. НИАБ в Минске. – Ф. 136. – Оп. 1. – Д. 37178. – Л. 58.
28. НИАБ в Минске. – Ф. 136. – Оп. 1. – Д. 34482. – Л. 3–4.
29. НИАБ в Минске. – Ф. 136. – Оп. 1. – Д. 37156. – Л. 19, 19 об.
30. НИАБ в Минске. – Ф. 136. – Оп. 1. – Д. 36351. – Л. 4, 62–86.
31. Церковные братства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https:// http://scibook.net/russkoy-tserkvi-istoriya/](https://http://scibook.net/russkoy-tserkvi-istoriya/). – Дата доступа: 17.09.2018.
32. НИАБ в Минске. – Ф. 136. – Оп. 1. – Д. 30804. – Л. 3, 3 об.
33. НИАБ в Минске. – Ф. 136. – Оп. 1. – Д. 35477. – Л. 50.
34. НИАБ в Минске. – Ф. 136. – Оп. 1. – Д. 31165. – Л. 81.
35. Канфесіі на Беларусі (к. XVIII–XX ст.) / пад рэд. У. І. Навіцкага [і інш.]. – Мінск: Экаперспектыва, 1998. – 340 с.
36. Мендюков, А. В. Церковная реформа Александра II [Электронный ресурс] / А. В. Мендюков. – Режим доступа: <http://www.academia.edu/доступ/>. – Дата доступа: 21.09.2018.

Дата поступления: 08.11.2018.

РАЗДЕЛ 6. ВОЕННЫЙ ФАКТОР В ИСТОРИИ ЗАПАДНОГО РЕГИОНА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Кошман В. И.

Институт истории НАН Беларуси, Минск

Koshman V.

Institute of History of the National Academy of Sciences, Minsk

УДК 902:94(47)«1812»

ПЕРЕПРАВА АРМИИ НАПОЛЕОНА ЧЕРЕЗ Р. БЕРЕЗИНУ И АРХЕОЛОГИЗАЦИЯ СОБЫТИЙ 26–29.11.1812 ГОДА В СВЕТЕ ИССЛЕДОВАНИЙ 2012–2017 ГОДОВ

CROSSING THE RIVER OF BEREZINA AND ARCHAEOLOGISATION OF THE EVENTS OF THE 26–29TH 1812 IN THE LIGHT OF INVESTIGATIONS IN 2012–2017

В статье представлены данные по археологическому изучению места переправы через р. Березину 26–29.11.1812 г. отступающей Великой Армии Наполеона. Особое внимание уделяется примерам археологизации объектов, которые отождествляются именно с событиями переправы и отражают трагическую историю участников отступления.

Ключевые слова: война 1812 г.; переправа; археологическое изучение; бивуак.

The article presents information about the archaeological study of the crossing point across the river of Berezina on 26–29.11.1812 retired the Great Army of Napoleon. Particular attention is paid to examples of archaeologisation of the objects that were identified with the events of the crossing and shows the tragic history of retreat participants.

Keywords: war of 1812; river crossing; archaeological research; bivouac.

«Наполеоновские войны» начала XIX в. вошли в историю Западной и Восточной Европы в виде крупнейших сражений и военных походов, в которых приняли участие десятки наций Европы. В боях были опробованы новые подходы и методики к их ведению, взаимодействию различных родов войск, масштабному и достаточно унифицированному выпуску оружия и снаряжения, разработке логистики снабжения и передвижения тысячных армий. Масштабные и кровопролитные сражения привели к значительному изменению демографического европейского потенциала. Данные события почти сразу стали объектами пристального внимания историков, мемуаристов и художников.

В то же время следует констатировать, что внимание археологов к событиям военной истории XIX в. было крайне недостаточным. Данный факт находит свое объяснение в том, что археологическое исследование событий XVIII–XX вв. в виде полей битв, мест бивуаков, переправ и т. д. не воспринималось научным сообществом как полноценное фундаментальное научное направление. Отметим, что в последнее время данный подход коренным образом меняется, и именно археологические исследования масштабных военных конфликтов эпохи Сред-

невековья, Нового и Новейшего времени получили новый импульс развития.

Тема войны 1812 г. для истории белорусских земель, уже включенных в состав Российской империи, в настоящий момент разрабатывается рядом ведущих историков (А. М. Лукашевич, И. А. Груцо и др.), однако попытка «археологического взгляда» на события 1812 г. в Беларуси предпринята впервые. Так, начиная с 2012 г. на р. Березина, в районе д. Студёнка и Брили Борисовского района, проводились масштабные археологические исследования, которые ставили целью получить реальную «материальную» информацию о трагических событиях, которые происходили на этом месте в конце ноября 1812 г. В проведении исследований приняли участие археологи Института истории НАН Беларуси (2012–2017 гг.), французские археологи из Национального института превентивных археологических исследований (INRAP) (2012 г.), археологи РАН (А. Н. Хохлов, 2013 г.), представители Центра Наполеоновских исследований (Франция) (2012–2017 гг.), дайверы клуба «Морской Пегас» (Минск) (2015–2017 гг.), археологи-дайверы отдела подводной археологии (CASA) Свободного университета Брюсселя (2017 г.).

Основными целями работ 2012–2017 гг. являлись:

1) планомерное изучение микрорегиона и его археологического составляющего;

2) археологическое изучение места переправы, стоянки и боя Великой Армии Наполеона 26–29.11.1812 г.

3) поиск археологических объектов, которые можно отождествлять с событиями 1812 г. (остатки мостов, бивуаков, мест массовых погребений, локализации д. Студёнка начала XIX в.);

4) оценка перспективности подводных исследований и подводное изучение места переправы.

При археологических работах применялись различные археологические методики исследования (таблица 1):

1) археологическое изучение раскопами/траншеями/шурфами с ручным послойным снятием культурных напластований, изучением стратиграфии и планиграфии, фиксацией находок на плане;

2) археологическое изучение диагностическими траншеями с механизированным снятием грунта тонкими прослойками, фиксацией и изучением объектов, поиском археологических артефактов (методика INRAP);

3) археологическое изучение местности визуальным обследованием, поиском и сбором подъемного материала (в том числе и с помощью металлодетектора) и его фиксацией;

4) подводное изучение прибрежной полосы р. Березина, ее русла и притоков в районе расположения мостов и движения войск.

В результате данных работ получена коллекция археологических артефактов в количестве около 2700 экз. Подавляющее количество артефактов относится к событиям 1812 г., однако коллекция характеризуется и презентативностью артефактов начиная с периода неолита/бронзового века и до Первой мировой войны.

Касаясь в данной статье исключительно событий 26–29 ноября 1812 г., следует отметить, что для исследователей эти события представляют большой интерес, так как «археологизация» артефактов и объектов произошла в крайне ограниченный и строго определенный момент времени. Строго говоря, археологи имеют дело с своеобразной «археологией катастрофы» со своим специфическим набором артефактов и объектов. Здесь нет классического для археологии понятия «культурный слой», а речь идет о множестве артефактов, которые «выпали» в окружающую природную среду (почву полей, лесов, воды рек

Таблица 1

Археологические исследования в районе переправы армии Наполеона через р. Березину

Год исследования	№ диагностической траншеи, исследованная площадь	Шурфовка, раскопки, исследованная площадь	Исследованная площадь, всего	Место проведения археологических работ	Руководитель работ
2002		36 м ² , 2 м ² + раскопки кургана	Около 50 м ²	пойма правого берега р. Березины около д. Брили; д. Студёнка	О. В. Иов
2012	№ 1–15 1983,75 м ²	24 м ²	2007,75 м ²	д. Студёнка; акватория р. Березины (подводные работы)	В. И. Кошман
2013	№ 16–22 1100 м ²	16 м ²	1116 м ²	д. Студёнка	В. И. Кошман
2014	№ 23–36 370,7 м ²		370,7 м ²	д. Студёнка; правый берег р. Березины (Стаховский лес, Брилёвское поле)	В. И. Кошман
2015	№ 37–40 276,4 м ²		276,4 м ²	д. Студёнка; прибрежная полоса левого и правого берега р. Березины (в т. ч. подводные работы)	В. И. Кошман
2016	№ 41–47 144 м ²		144 м ²	д. Студёнка; пойма правого берега р. Березины (в т. ч. подводные работы)	В. И. Кошман
2017	Подводные работы		Около 10 м ²	акватория р. Березины; прибрежная полоса левого и правого берега р. Березины	В. И. Кошман

и озер, иногда в культурные напластования городов, местечек и деревень) или были целенаправленно сокрыты тем или иным образом при чрезвычайных обстоятельствах. Нахождение этих артефактов указывает на условия их археологизации, которая хронологически соответствует конкретному историческому катаклизму.

Не вдаваясь подробно в историографический экскурс о характере военного события на р. Березина в конце ноября 1812 г., многократно описанного военачальниками, мемуаристами, историками и пр., в настоящее время преобладает точка зрения о стратегической победе Наполеона на р. Березина и достаточно успешной военной операции, которая, тем не менее, явилась «пирровой победой». Масштабные людские потери, которые были связаны с боями, переправой и дальнейшим отступлением Великой Армии в конце ноября – декабре 1812 г., до настоящего времени внушают ужас и демонстрируют масштабность и трагизм тех далеких событий. По различным оценкам общее количество убитых, утонувших и замерзших на р. Березине 26–29.11.1812 г. составило от 10 до 50 тысяч человек.

Использование д. Студёнка, д. Брили и их окрестностей в качестве места кратковременного пребывания нескольких десятков тысяч людей, путь переправы по болотистой пойме правого берега р. Березины, а также военные стычки 27–29.11.1812 г. на обеих сторонах р. Березины, безусловно, повлекли «выпадение» множества артефактов (пули, картечь, ядра, элементы вооружения и амуниции, бытовые предметы и т. д.). Отличительные особенности артефактов «французского» происхождения, в первую очередь в амуниции, в совокупности с неархеологическими источниками позволяют более адекватно и достоверно проводить широкие исторические реконструкции.

Письменные источники «рисуют» достаточно апокалиптическую картину места после переправы в д. Студёнка («...поле и река так завалены мертвыми телами и лошадьми, что местами можно было по ним идти через реку») (конец ноября 1812 г.) [1, с. 391]; «... река вверх и вниз по течению заполнена была не только трупами людей и мертвыми лошадьми, но и массой других предметов, какие всегда бывают при армии; уже зимой вырубали изо льда и откапывали из снега людей и всякую добычу: в окрестных лесах находили невероятное количество трупов ... при них оказывалось много ценностей в виде часов, денег, орденских знаков, оружия, эполет и т. п. особенно много этих вещей было найдено мужиками ... но они должны были отдать все найденное своим господам. И сам он, майор, во время своего пребывания и работы на этом берегу извлёк из воды

множество чемоданов, сундуков, ранцев, ящиков и т. п. У него оказались большие запасы оружия, седел, сбруи... Этот майор добыл из реки даже пушки и всякого рода экипажи и знал про места, где их еще больше лежит в болоте и на дне реки.. В чемоданах, сундуках и т.п. он нашёл серебро в плитках и слитках, ...золото, драгоценные камни... Его солдаты не могли удержаться, чтобы не показать нам также часов, колец, золотых и серебрянных монет, одежды и т. п. находившихся в их владении. Мне майор подарил шпагу, саблю и английское седло. Отсюда мы объехали окрестности и видели массу остатков оружия, ключья одежды и особенно много касок, шляп, шапок и т. п., а также бумаг, книжек, карт, планов. Я нашёл офицерские патенты, свидетельства о смерти в тех частях войск, к которым я принадлежал; два года спустя я передал все это в наше посольство в Петербурге...» (весна 1813 г.) [2, с. 155–156]; «...в этой деревне при входе в неё, бросалось в глаза во множестве валявшиеся на земле куски кожи, сукна, войлока. На берегу же реки на большом пространстве нога проваливалась в смесь костей людей и животных, разных обломков жести и других металлов. Ясно обозначились места мостов, а также путь через долину к дер. Брили. На месте главного моста образовался островок, поросший “травой забвения” и незабудками; для его образования послужили трупы и провалившиеся предметы, занесённые илом. Всюду валялся шанцевый инструмент, всевозможные воинские предметы. Болотистая долина правого берега, шириной сажень в триста, также была покрыта обломками, то местами виднелись более крупные предметы» (примерно 1823 г.) [3, с. 618]. Такого рода описания – это только маленькая толика воспоминаний о великой трагедии людей и примеры археологизации огромного количества артефактов, которые «выпали» в почву и воду и создали тот неповторимый археологический контекст событий переправы 26–29 ноября 1812 г.

Важнейшими объектами археологизации событий переправы будут являться массовые захоронения, однако, к сожалению, несмотря на их кажущуюся очевидность и даже прямое документальное указание на их организацию, до настоящего времени в окрестностях д. Студёнка, д. Брили и Стаховского леса не выявлены. Данному феномену будет посвящена отдельная статья.

Работы различного рода и характера, связанные с поиском “кладов” и отдельных артефактов 1812 г. в окрестностях д. Студёнка, д. Брили, «Стаховского леса», «Брилёвского поля», стали проводиться с завидной регулярностью начиная с весны 1813 г. Безусловно, говорить о какой-либо научной основе подобных работ не приходится. Находки поступали в частные помещи-

чь «коллекции древностей», в лучшем случае информация о находках попадала на страницы печати или сами находки передавались в музейные фонды. В абсолютном большинстве случаев артефакты событий 1812 г. стали объектом коллекционирования, а также обмена и купли-продажи. В процессе этих работ использовался как «индивидуальный чёрный поиск» (в последние 20 лет с помощью металлодетекторов), так и использование тяжелой техники (землечерпальные машины при работах в р. Березина, 1896, 1960 гг.). Используемые методики нельзя считать научными, поскольку в ходе предпринятых работ наносился непоправимый урон историческому ландшафту местности, где происходили величественные и трагические события переправы, а извлеченные многочисленные артефакты имеют крайне относительную привязку.

Масштабные работы по сбору материальных свидетельств переправы на р. Березина были предприняты в начале XX в. борисовским помещиком И. Х. Колодеевым. Будучи большим любителем истории военной кампании 1812 г., он провел раскопки на левом берегу реки в д. Студёнка. Отчеты о проделанной работе до настоящего времени не опубликованы и даже неизвестно, сохранились ли они. Определённое представление о масштабе и результатах проведенного исследования дают материалы статьи 1926 г. [4]. Ее автор утверждал, что И. Х. Колодеев за свои средства провел широкомасштабное исследование русла Березины. С помощью системы запруд им был отгорожен от основного русла реки болотистый участок левого берега в том районе, где предположительно строились наполеоновские мосты. Далее с помощью землечерпалки отгороженный участок был перекопан, что позволило извлечь на поверхность около тонны различного снаряжения и предметов, утерянных в ходе переправы.

К сожалению, объем статьи не позволяет в полной мере остановиться как на описании всех полученных артефактов, так и особенностей всех выявленных объектов. В данном случае уделим внимание наиболее выразительным примерам археологизации событий конца ноября 1812 г., а также объектам, которые, по нашему мнению, представляют наибольший интерес.

Археологическими исследованиями 2012–2017 гг. охватывалась территория, непосредственно отождествляемая с расположениями мостов через р. Березина, с одним из эпизодов боя и бивуаков (?) (диагностические траншеи № 1–12), с местами бивуаков и предполагаемого кладбища XVII–XVIII вв. (диагностическая траншея № 13), с местом расположения «старой Студёнки», местами бивуаков и предполагаемого места массового захоронения жертв 1812 г. (диагностические

траншеи № 14–22, 28–29, 34–47), предполагаемого направления дороги и мест массовых захоронений жертв 1812 г. (диагностические траншеи № 23–27, 30–33). С помощью металлодетекции и подводных археологических работ (поиск в местах аномалий и промывка донных отложений через ячеистое сито с помощью помпы) осуществлялись локальные археологические работы с фиксацией и сбором артефактов по заболоченной пойме и речным притокам на правом берегу р. Березины с целью изучения конкретных путей движения переправившихся войск. Кроме того, были осуществлены точечные поисковые работы на месте возможной локализации бивуаков гвардии Наполеона вблизи дороги на д. Зембин и предполагаемой ставки Наполеона на хуторе Занивки, а также на Брилёвском поле.

В 2012 г. в целях изучения наличия/отсутствия культурных напластований и собственно остатков деревянных конструкций в районе Верхнего моста была исследована траншея. Этот мост интересен тем, что именно им воспользовался Наполеон для перехода через Березину 27 ноября 1812 г. Среди находок представлены различные пуговицы подразделений Великой армии (21 экз.) (подавляющая их часть принадлежала к т.н. «гетровым»), а их концентрация в районе вероятного нахождения Верхнего моста указывает на большое скопление людей и давку в районе переправы), свинцовые пули, картечь, пряжки и т. д. При зачистке материка выявлены контуры двух объектов (столбовые ямы), которые по стратиграфическим параметрам можно связать с напластованиями и событиями 1812 г. Объектов, которые бы прямо указывали на материальные остатки моста (подходы к мосту), к сожалению, не выявлено. Но это и не удивительно, так как временный характер моста («на козлах»), который сооружался сапёрами Эбле и просуществовал в полуразрушенном состоянии до весны 1813 г., по-сути, крайне проблематичен для выявления. Но вот концентрация находок в береговой линии, а именно находок гетровых пуговиц, на наш взгляд, и является прямым свидетельством если не «входа» на мост, то его непосредственной близости. Многие воспоминания содержат информацию о давке и сумятице вблизи мостов, в особенности в последний день переправы («...только сильная лошадь и крепкая посадка спасали от смерти. Люди, обвешанные со всех сторон вещами, теряли всё, даже у пешех обрывались все пуговицы на мундирах») [5, с. 113].

Разработка траншеи в 2013 г. в районе «Нижнего моста», к сожалению, не принесла ожидаемого результата. Единственной находкой, которая уверенно связывалась с событиями 1812 г., оказалось массивное железное стрема.

Представительный материал 1812 г. был получен в диагностических траншеях № 11–12, которые размещались на некотором удалении от ул. Береговой, в достаточно сильно заболоченной местности (железное ядро, железные ружейные курки, огниво, ружейные болты и винты, свинцовые обоймы для удерживания кремня, свинцовые пули, отвертки, железный крепеж оси обоза и др.). Появление данных предметов на этом заболоченном пространстве следует объяснять тем, что в период переправы было достаточно сильное нагромождение транспорта и людей на подходе к мостам, а также тем, что ноябрьские морозы сделали доступными это пространство.

В дальнейшем разработка диагностических траншей была перенесена на возвышенности, которые господствуют над д. Студёнка и р. Березина. В траншее № 13 были исследованы 8 объектов, которые интерпретировались как остатки хозяйственно-бытовых и столбовых ям и которые, видимо, маркируют на данной территории остатки бывшей застройки деревни, но из более 200 находок в траншее только 2 свинцовые пули связываются с событиями 1812 г., но они находились вне исследованных объектов. Диагностические траншеи № 23–33 размещались в овраге, который разделяет поле с т.н. «швейцарским памятником», и поле с траншеями № 14–22, 28–29, 34–47. Целью данного поиска являлось предположение о прохождении через данный овраг дороги, которая могла существовать в этой ложбине и по которой часть войск Великой армии могла направляться к переправе на мосты. Предполагалось, что достаточно высокие склоны холмов по обеим сторонам «дороги» могли использоваться в конце зимы – начале весны 1813 г. для обустройства массовых погребений жертв переправы, боя и обстрелов. По результатам разработки траншей № 23–33 можно говорить о том, что овраг является результатом земляных работ начала XX в., и, соответственно, следов захоронений жертв событий 1812 г. в этом месте не выявлено. Более того, артефакты периода 1812 г. здесь совершенно единичны и, скорее, являются результатом естественной «миграции» с более возвышенных участков.

Диагностические траншеи № 14–22, 28–29, 34–47 разрабатывались на склоне холма. Данная возвышенность являлась знаковой в истории переправы 1812 г. – именно на ней могло располагаться основное количество войск, стоявших бивуаками и концентрировавшихся перед переправой. Анализ мемуарных и картографических источников также указывал и на близость расположения «старой Студёнки». Стремление исследовать данную территорию основывалось на предположении, что эта возвышенность наи-

лучшим образом соответствовала фотографии С. М. Прокудина-Горского (1911 г.) с изображением склона возвышенности, на котором явно просматриваются каменные кресты и камни, очевидно надмогильные, а также деревянный крест на ее вершине [6]. Подпись «кладбище павших в бою у деревни Студёнка» склонила ряд исследователей к однозначной интерпретации данного фото, а натурный поиск «приводил» к этой возвышенности на северной оконечности современной д. Студёнка. В результате исследований никаких следов погребений не выявлено. Тем не менее, благодаря данным работам были зафиксированы разновременные объекты, которые однозначно были отнесены нами к остаткам курганных погребальных насыпей XI–XII вв. (части околоскурганых ровиков + типичные находки XI–XII вв.), объектам «старой Студёнки» и объектам 1812 г., чья «археологизация» произошла в чрезвычайно краткий временной промежуток – 26–29 ноября 1812 г.

Основная масса находок и объектов, связанных с существованием отдельных элементов застройки д. Студёнка и собственно объектов 1812 г., была выявлена в южных частях траншей № 20, 34–47. Были зафиксированы как следы жилой застройки «старой Студёнки» (остатки жилой постройки с отопительным сооружением), так и следы бивуака, который размещался на территории одной из усадеб. Археологическое изучение участка принесло представительную коллекцию артефактов 1812 г. (фрагменты стеклянной и керамической посуды, походных котелков, свинцовые пули, разнообразные изделия из железа, цветного металла и пр., пуговицы 1-го полка пешей артиллерии и обоза, концентрация гвардейских пуговиц, 30-го линейного полка, 9-го кирасирского полка, а также печать и фрагменты циркулей и т. д.). Представляется, что здесь мы имеем дело с одним из первых бивуаков, который принадлежал артиллеристам, а имеющаяся возвышенность вкрупне с выявленным материалом вполне может претендовать на ее отождествление с местом, описанным Коленкуром 26.11.1812 г. («Он (Наполеон. – В. К.) осмотрел берега Березины и приказал разместить большие артиллерийские силы на занятом нами берегу, который господствует над противоположным берегом и над окаймляющими его болотами во всю их ширину, достигающую 200–300 туазов») [7]. Не будет большой фантазией и предположение о том, что место ночевки Наполеона в д. Студёнка с 26 на 27 ноября также находилось где-то поблизости. В воспоминаниях Кастелана содержится следующая информация: «...наша артиллерия, построившись в батарею перед помещением императора, довольно удачно стреляет по казачьим эскадронам...» [8]. Офи-

цер Россле также свидетельствует, что «...придя на рассвете в деревушку Студянку, мы расположились на небольшой возвышенности, господствовавшей на довольно близком расстоянии над Березиной. Артиллерия поместилась с нами там же, и был повторен приказ не допускать никого удаляться с места» [9].

Гвардия как наиболее ценная и боеспособная единица армии Наполеона всегда находилась при нем и при занятии населенных пунктов всегда занимала наиболее сохранившиеся постройки. Представительная коллекция гвардейских пуговиц с этого места указывает и на их пребывание поблизости с артиллеристами, по крайней мере до полудня 27 ноября. По свидетельству Коленкура, «...гвардия и обозы перешли через Березину днем 27-го и заняли позиции в Брилях, на противоположном берегу». В соседних траншеях, кроме многочисленных находок изделий из железа, цветного металла, глины, стекла, была выявлена представительная коллекция бутонистического материала (1-й польский пехотный полк из контингента Великого герцогства Варшавского, 6-й шеволежерский полк, 57-й полк линейной пехоты, 61-й полк линейной пехоты, 1-й полк пешей артиллерии, 1-й батальон артиллерийского обоза, гладкие и плоские пуговицы без обозначений и т. д.), изделие из кожи, бомба, штык от ружья AN-IX и т. д.

Крайне интересной является остеологическая коллекция, в которой выделены кости мелкого рогатого скота, свиней, коров и лошадей, причем почти все они имели следы воздействия огня. Анатомический состав костей указывает на разбор туш на месте, когда гастрономически малозначительные части не использовались в пищу. Примечательно то, что в скоплении костей и был найден штык, на котором, вероятно и происходила обжарка мяса на костре. Данное предположение находит свое отражение в многочисленных воспоминаниях ночевки войск Наполеона в д. Студёнка: «...я еду для того, чтобы лично содействовать их переправе, потому что, как я думал, мосты должны быть очень загромождены. Я поскакал туда галопом, но каково же было мое изумление, когда я нашел их совершенно пустыми. Никто не переходил через них в ту минуту, между тем как в 100 шагах отсюда при ярком лунном свете я заметил более 50 000 солдат, отсталых или отделившихся от своих полков, так называемых жарильщиков. Люди эти, спокойно сидя перед огромными кострами, готовили жаркое из конины, нимало не беспокоясь тем, что находились перед рекой, переправа через которую на следующий день могла стоить жизни многим из них, между тем как сейчас они в несколько минут могли бы без всяких препятствий перейти ее и

на том берегу закончить приготовления к своему ужину...» [10]; «...По ближнему полю шатались толпами французы. Одни кое-где разводили огонь и садились к нему, другие резали у лошадей мясо и глодали их кости, жарили его, ели сырым...» [11]. Примечательно то, что на знаменитой панораме «Березина» В. Коссака крайне реалистично показан бивуак с приготовлением мяса на штыке винтовки и разделка туши лошади [12]. Несмотря на то, что данная масштабная картина была написана в 1895–1896 гг., автор крайне щепетильно подошел к ее созданию, включая не только тщательнейшее ознакомление с оружием, амуницией и пр., но и личное знакомство с местностью в районе д. Студёнка и д. Брили, что придало панораме крайнюю реалистичность. Не меньшей реалистичностью, безусловно, характеризуется и картина очевидца и участника переправы Я. Суходольского «Переход армии Наполеона через р. Березину».

Из «статусных» находок на приближенном к разрабатываемым траншеям отметим фрагмент крыла орла, который, видимо, представляет собой элемент навершия полкового знамени. Этот символ воинской чести представлял огромную ценность для любого воинского подразделения Великой Армии. Данная находка вносит важное дополнение в дискуссию о судьбе «французских орлов».

Интересная коллекция артефактов 1812 г. (бутонистический материал различных подразделений наполеоновской армии, свинцовые пули, киверная «чешуя», черепья ядер, ядра, бомба и т. д.) была получена в результате обследования левого берега старицы р. Березины на окраине д. Студёнка. Данная коллекция, по нашему мнению, отражает трагические попытки отдельных (разрозненных и дезорганизованных) участников переправы найти переход выше по течению р. Березины. Старица, которая в конце ноября 1812 г. уже должна была замерзнуть, стала местом, где толпились люди, теряя мелкие предметы амуниции, боеприпасы, конское снаряжение и т. д. Известно, что берега этой старицы неоднократно привлекали внимание «черных копателей», и, как нам известно, коллекции артефактов, полученные в результате масштабного поиска 1990-х – начала 2000-х гг., достаточно значительны и разнообразны. Из статусных находок следует отметить эфес латунной пехотной сабли (тесака). С правой стороны дужки оттиснуты клейма «В» (подполковник Simon Beumarez/инспектор завода с 24.09.1803 г.), «М» (Jean-Jacques Mouton/гражданский инспектор, председатель правления завода и первый контролер класса с 4 июля 1798 г. до 21 февраля 1809 г.). На устье (около отверстия для клинка) имеется клеймо «L» (François Louis

Lobstein, смотритель (редактор), «менеджер» мастерской в Версале с 15 июня 1804 г. по 27 июля 1821 г. / контролер 2-го класса). Сабля произведена на предприятии французской оружейной мануфактуры Клингенталь (Klingenthal) в Эльзасе, которая работала по государственным заказам с 1768 г. С 1801 г. и до прекращения деятельности в 1962 г. ею управляла семья Куло (Coulaux).

Единым комплексом возможно рассматривать саблю с фрагментированным клинком и ружейный ствол, которые были обнаружены лежащими вплотную друг к другу. От сабли сохранился выгнутый клинок длиной около 39 см и шириной 3–2,2 см. Ширина обуха – 0,6–0,3 см. Сохранилось перекрестье из полированной латуни с шаровидными окончаниями. Ширина перекрестья – 1–3,5 см. Длина рукояти – 11,5 см (заканчивается расклепкой, которая держала деревянную обкладку). На рукояти сабли были остатки деревянной рукояти с поперечно нарезанными бороздками. Под перекрестьем сохранилась кожанная подкладка. Елмань утрачена. Ширина пятки – 3,1 см. На обухе имеется надпись: «..e Klingenthal Coulaux frères Entrep» (Императорская мануфактура братьев Куло в Клингентале). На перекрестье клеймо «40», на рукояти имеются клейма «24» (очевидно, номер клинка), «В» (подполковник Simon Beumaretz/назначен инспектором завода с 24.09.1803 г.) (??? инициалы J.G. Bick, reviseur в 1809–24 гг.) + 2 слабоблагодаримых клейма. Длина ружейного ствола – 82 см, диаметр выходного отверстия – около 1,9 см. Имеется припаянный подшомпольник и прицел в виде трилистника из серебра (?). Клейма отсутствуют. Судя по всему, данный ствол является кавалерийским (из-за своей длины), а при очистке и реставрации ствола были выявлены свинцовая пуля, остатки бумажного пыжа и порох. Поиски аналогий двух последних предметов вооружения привели нас к мысли об их принадлежности мамелюкам, которые входили эскадронам в состав императорской гвардии. Это достаточно экзотическое подразделение, состоящее перед «русским походом» из кавказцев, крымских татар, арабов и сирийцев. Рота мамелюков (109 человек) перед «русской кампанией» являлась группой телохранителей Наполеона, которая сопровождала его и на парадах, и на полях сражений. Их вид

и вооружение разительно отличались от европейских. Так, они предпочитали сабли турецкого типа, а будучи конным подразделением они были вынуждены использовать укороченные варианты ружей. Примечательно то, что мануфактура в Клингентале изготовила только 82 изогнутых «мамелюкских» клинка. В данном случае мы имеем уникальный случай археологизации предметов вооружения крайне малого воинского подразделения.

Письменные свидетельства о переправе Наполеона, гвардии и обозов через р. Березину и занятие ими позиций в Брилях и хуторе Занивки (как временной «штаб-квартиры»), на наш взгляд, фиксируется находками характерных гвардейских пуговиц. В свою очередь наличие этих пуговиц напрямую свидетельствует о том, что и Наполеон был где-то рядом. В этом случае крайне показательны разведки на местности между д. Брили и Стаховским лесом (на поле, в районе поворота в д. Ляховку), когда нами был выявлен бивуак с присутствием гвардейских пуговиц, предметов вооружения и бытовых вещей. По имеющейся информации, находки гвардейских пуговиц на данной территории при «черном поиске» также не являлись редкостью.

Таким образом, район переправы через р. Березину многотысячным войском Наполеона до сих пор представляет прекрасную возможность разработки проблемы особенностей археологизации таких масштабных и одномоментных событий и их корреляции письменных и археологических источников. Примеров данной археологизации, безусловно, множество. Результаты работ 2012–2017 гг. показали перспективность исследований и оставляют надежду на решение большинства задач, поставленных перед собой исследователями. В то же время чрезвычайную обеспокоенность вызывает факт активности сотен «черных копателей» и «кладоискателей», которые, используя современное поисковое оборудование, буквально уничтожают следы как событий 1812 г., так и предыдущих эпох (железного века, эпохи Средневековья, Нового времени). Огромные коллекции, которые формируются за время таких нелегальных работ, к сожалению, служить полноценным историческим источником зачастую не могут.

Список использованных источников

1. Столетие военного министерства. 1802–1902. Главное инженерное управление / под ред. ген.-лейт. Д. А. Скалона. – СПб., 1902. – Т. VII, ч. 1. – 787 с.
2. Роос, Г. У. С Наполеоном в Россию. Воспоминания врача о походе 1812 г.: пер. с нем. / Г. У. Роос. – СПб., 1912 – 175 с.
3. Альбовский, Е. А. Клады на берегах Березины / Е. А. Альбовский // Исторический вестник. – 1898. – № 2. – С. 603–619.

4. Самцэвіч, В. Помнікі кампаніі 1812 г. у Барысаве / В. Самцэвіч // Наш Край. – 1926. – № 10–11 (13–14). – С. 46–48.
5. Лоссберг, Ф.-В. Письма вестфальского штаб-офицера / Ф.-В. Лоссберг. – М., ООО «Наследие», 2003. – 168 с.
6. Открытый исследовательский проект «Наследие С. М. Прокудина-Горского» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://prokudin-gorskiy.ru/image.php?ID=731>. – Дата доступа: 13.09.2018.
7. Де Коленкур, А. Мемуары: поход Наполеона в Россию [Электронный ресурс]. – Москва АО «Скиф Алекс», 1994. – Режим доступа: <http://militera.lib.ru/h/caulaincourt/index.html>. – Дата доступа: 13.09.2018.
8. Из воспоминаний французского офицера Кастелана // Французы в России. 1812 год. – Москва, 1912. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.hrono.ru/libris/lib_n/12n389.html – Дата доступа: 13.09.2018.
9. Из воспоминаний французского офицера Россле // Французы в России. 1812 год. – Москва, 1912. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.hrono.ru/libris/lib_n/12n382.php. – Дата доступа: 13.09.2018.
10. Из воспоминаний французского офицера // Французы в России. 1812 г. По воспоминаниям современников-иностранцев/ сост.: А. М. Васютинский, А. К. Дживелегов, С. П. Мельгунов. – М.: Изд-во «Задруга», 1912. – Ч. 1–3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.hrono.ru/libris/lib_n/12n375.php – Дата доступа: 14.09.2018.
11. Из воспоминаний инженерного офицера армии Чичагова Мартоса // Нашествие Наполеона на Россию / Е. В. Тарле. – М.: Гиз, 1941. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.museum.ru/museum/1812/Library/tarle1/part10.html>. – Дата доступа: 14.09.2018.
12. Электронный архив «Мемориал Отечественной войны 1812 г.» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.1812db.simvolika.org/>. – Дата доступа: 15.09.2018.

Дата поступления: 14.09.2018

Купченко К. В.

Смоленский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Смоленск

Kupchenko K.

Smolensk branch of The Russian Presidential Academy Of National Economy And Public Administration, Smolensk

Никитина Н. В.

Смоленский государственный университет, Смоленск

Nikitina N.

Smolensk state University, Smolensk

УДК 94(470)“16/18”

КОРПОРАЦИИ КУПЕЧЕСКОГО СОСЛОВИЯ СМОЛЕНСКОГО РЕГИОНА В ПЕРИОД НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН. К ВОПРОСУ О ГОРОДАХ РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫЕ ЭПОХИ XVIII – НАЧАЛА XX В.

CORPORATION OF MERCHANTS OF THE SMOLENSK REGION IN THE PERIOD OF THE NAPOLEONIC WARS. TO THE QUESTION ABOUT CITIES OF THE RUSSIAN-BELARUSIAN BORDER AREA IN THE EXTREME ERA OF THE XVIII – EARLY XX CENTURIES

*В статье показано положение купеческих сословных корпораций в период военных действий лета-осени 1812 г. на территории Смоленской губернии, торгово-хозяйственное состояние региона в послевоенный период.¹
Ключевые слова: Смоленский регион; купеческое сословие; наполеоновские войны.*

Merchant class corporations showing situation in the period of warfares of the summer-autumn of 1812 on the territory of Smolensk province, trade-economic condition of the region in post-war period.

Keywords: Smolensk region; merchant class; Napoleonic wars.

¹ Работа подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 18-49-670005 p_a.

Отечественная война 1812 г. в пределах Смоленской губернии изучена достаточно основательно. Однако основные вопросы, которые поднимались исследователями в прошлом и настоящем, связаны либо с военными действиями в Смоленской губернии, либо с оккупацией Смоленска, либо с общими разрушениями губернии в результате войны.

В то же время, приходится констатировать, что комплексного многопланового исследования проблемы социокультурных последствий после Отечественной войны 1812 г. для Смоленской губернии на данный момент не создано (см., например, [14, с. 8–22; 15, с. 41–56]).

Надо отметить, что полноценные исследования проблемы не могли быть реализованными и по ряду объективных причин, главные из которых – почти полное отсутствие документального материала по истории Смоленской губернии до 1812 г. в связи с гибелью большей части губернского, городских архивов и архивов образовательных учреждений во время Отечественной войны и недоступность ряда интереснейших материалов, отложенных в Государственном архиве Смоленской области (далее – ГАСО), для исследователей.

Открытые в последнее время для исследователей новые фонды ГАСО позволили уточнить и расширить наши знания о состоянии Смоленской губернии в первые десятилетия после окончания войны.

Одной из лакунарных тем является социальная история отдельных сословий во время войны 1812 г., в связи с чем положение купеческих корпораций региона в период наполеоновских войн вызывает определенный интерес к представителям купечества. Быть может, именно представители купечества, в сравнении с другими сословиями, в большей степени перенесли все тяготы и лишения военных действий: гибель в период оккупации, эвакуацию, разорение, плен, грабежи, утрату имущества.

Анализ архивных данных позволяет нам сделать вывод, что в предвоенные годы наиболее развитыми в торговом отношении городами Смоленской губернии являлись Смоленск, Белый (764 представителя купечества), Гжатск (749 представителей купечества), Поречье (116 представителей купечества) и Вязьма [2, л. 113–148; 3, л. 3–39; 4, л. 2–24]. Рост в торговом отношении Белого, Гжатска, Поречья был связан с деятельностью местных пристаней, имеющих выход к портам Риги и Петербурга.

По разным данным, в Смоленске до 1812 г. проживало от 11,5 до 13 тысяч человек, в том числе 88 купеческих семей [5, л. 2–37].

В июне 1812 г. император Франции Наполеон не объявляя войны перешел пограничную реку

Неман и вторгся в Россию. Жители Смоленской губернии узнали об этом лишь спустя несколько недель. В связи с отступлением русских войск спустя месяц после начала война докатилась до пределов Смоленщины, оказавшейся в прифронтной полосе и ощутившей все тяготы военного положения.

По свидетельству современников, представители всех слоев населения были готовы оказать посильную помощь: размещение прибывающих воинских частей, участие в формировании подразделений ополченцев, обеспечение их провиантом и фуражом, сбор средств для раненых, членов их семей, обустройство госпиталей [17, с. 71]. Активное участие в деле организации помощи принимали представители Смоленского купечества.

После изгнания оккупантов местные власти занялись налаживанием мирной жизни, восстановлением разрушенного хозяйства. Смоленская губерния, принявшая на себя основные тяготы разорения и оккупации, понесла в связи с этим колоссальные убытки и материальные потери. Например, в Смоленске в 1812 г. из 2250 частных дома уцелело всего 350. Убытки, нанесенные городу, превышали 6 млн рублей. Окрестные деревни, села и слободы были или сожжены, или разорены [13, с. 64]

Особенно сильный удар от разорения испытало купечество малых городов Смоленской губернии. Приведем наиболее типичные примеры, иллюстрирующие состояние, в котором оказались представители данного сословия после освобождения Смоленщины.

Одна из самых авторитетных и богатых смоленских купеческих семей Донских была совершенно разорена, а ее глава Лука Донской умер в конце 1812 г. В общественной жизни послевоенного Смоленска Донские перестали играть какую-либо роль. Прошения купеческой вдовы Ирины Анисимовны Донской и ее деверя Григория Константиновича Донского рисуют картину краха семьи. Ирина Анисимовна писала: «...Во время вторжения неприятеля ...в городе Смоленске деревянной дом мужа моего смоленского купца Луки Донского, состоявший в Петропавловском приходе, сожжен до основания, а движимое имущество и в мелочной наемной лавке товар тоже сторел». Лука Константинович сумел вывести семью в последний момент в «начавшемся уже в городе приступу и сражению», «по недостатку лошади» они едва спаслись от неприятеля и «странствовали по городам Тверской губернии», а «по очищении города Смоленска от неприятеля возвратились в оной», от болезни Л. К. Донской умер. «А оставшись после то вдовой да еще с малолетними детьми и приобретаю к поддержанию

себя никаких способов...», – писала И. А. Донская [16, л. 151–151 об.].

Ее родственник смоленский купец Григорий Константинович с малолетними братьями тоже лишился деревянного дома в Петропавловском приходе, «содержимое в нем имение и товар, вынесенное на сохранение в Петропавловскую церковь, святые образы и платье сгорело, а также и товар в мелочной лавочке». Его мать умерла в Смоленске в период оккупации Смоленска французскими войсками [16, л. 174–174об.].

Семейство смоленского именитого гражданина Павлова было разорено в годы войны. Его вдова Матрена Ивановна Павлова в прошении указала, что в собственности семьи было два дома в I и II частях Смоленска: «первый близ Молоховских ворот на каменном фундаменте с флигелями и разными деревянными строениями и снаружи обнесенные тесом, второй за Никольскими воротами с разными деревянными строениями, обнесенным тыном снаружи; в которых производили торговлю покупкою хлеба, пеньки и прочего» [16, л. 177–177об.]. Матрене Ивановне удалось покинуть Смоленск «на одной только лошади... с крепостным мальчиком, не взяв с собою ничего, кроме не себе летнего платья и продолжали путь, дабы не попасть в руки неприятеля до города Ярославля» [16, л. 177]. Оба дома сгорели, имущество расхищено, ущерб был оценен в 29 950 рублей [16, л. 177]. «Несчастный случай довел меня до того, что я должна ныне с семейством моим состоящим в 4 душах нанимать квартиру», – писала М. И. Павлова летом 1813 г. [16, л. 177об.].

Смоленский купец Петр Федорович Павлов лишился «деревянного хорошего дома на каменном фундаменте возле Вознесенского монастыря с флигелем, погребями, двумя людскими, кухней, конюшней, сараем, амбарами, кладовыми, баней и садом», а также нескольких лавок с «красным» товаром на Верхнем рынке [16, л. 182–182об.]. Семейство его, состоящее из 12 человек, спаслось от военного лихолетья в Орловской губернии. По возвращении в Смоленск умерла сестра его жены Александра Михайлова, а ее малолетняя дочь осталась на попечении Петра Федоровича. Дом и товар был уничтожены огнем, убытки составили 8105 рублей 65 копеек. «А сверх того пропали мои книги, в коих записано было на разных людях долгу до четырех тысяч рублей, почему о подробности сего долга кому сколько именно без тех книг обстоятельно припомнить, следственно и требовать произвести не могу», – отметил в прошении Павлов [16, л. 182].

Смоленский купец Роман Петрович Крыжановский потерял каменный дом в I части Смоленска на Большой Вознесенской улице с разными пристройками и погребями под домом «с товаром,

состоящим из виноградных вин», ущерб составил 19 300 рублей [16, л. 241–241 об.]. Деревянный на каменном фундаменте дом купца Григория Ивановича Лапина в I части Смоленска, имущество и товар разграблены, семья из четырех человек вынуждена продавать то небольшое имущество, которое успели взять с собой [16, л. 172].

Смоленский купец Иван Игнатьевич Кещенков летом 1812 г. исполнял должность городского квартирмейстера, поэтому «едва успел выехать с семейством при вторжении почти уже неприятеля в город», по возвращении нашел свой деревянный дом в I части города и имущество разоренным, лавки с разным товаром «превращенными в пепел» [16, л. 152–152об.].

В 1813 г. смоленский городской голова Верзин просил выдать ссуду купечеству 2,5 млн рублей, но правительство отказало [9, л. 63]. Земские сборы в 1813 г. «по разорению» смолян не собирались, поэтому и раскладки городских доходов не было [7, л. 30, 414 об.]. В 1813 г. смоленские купцы предложили собрать на общественные расходы с каждого капитала «I-ой гильдии по 30 рублей, II – по 20 рублей, III – по 10 рублей», однако даже в 1814 г. «сбора не проведено» [7, л. 23] из-за бедственного положения смоленского купечества: еще в 1813 г. купцы Смоленска объявили «только десять капиталов в III гильдию», остальные были переведены в мещанское сословие из-за разорения [7, л. 54]. На 1814 г. 42 семьи объявили капиталы более 8 тыс. рублей, достаточных для записи их к III купеческой гильдии.

Только 23 февраля 1816 г. Александр I «повелел состоящую на купцах и мещанах городов Смоленска и Гжатска по 1 января 1815 года недоимку простить и не взыскивать» [8, л. 84]. В апреле 1817 г. новый городской голова И. В. Филимонов составил на имя графа А. А. Аракчеева записку о способах, которые могли способствовать восстановлению города. Самым важным для купцов обстоятельством он считал то, что две смоленские ярмарки (в январе и августе) после окончания войны не проводились. Этот факт городской голова объясняет тем, что разорением жителей губернии «воспользовались поляки и наиболее евреи», которые способствовали созданию новых ярмарок в Могилевской губернии, в помещичьих селах Любавичи и Хиславичи. Основные торги были перенесены туда. Они собирали купцов из Москвы, Калуги, Ярославля. Этим фактором можно объяснить и рост числа купцов в первые послевоенные годы: в районах, наименьше всего пострадавших от военных действий и разорения. Например, число купцов города Красный в 1814 г. составило 565 человек (против 53 в 1812 г.), Духовщины – 585 человек в 1814 г. (против 16 в 1812 г.) [2, л. 113–148; 3,

л. 3–39; 4, л. 2–24]. И. В. Филимонов просил разрешения высшего начальства о возвращении этих торгов в Смоленск [1, л. 2–4].

К середине 1814 г. в купечество Вязьмы записалось только 15 семейств, причем только в третью гильдию [9, л. 24]. В рославльском купечестве в этот же период оказалось только 29 человек, также записанных в третью гильдию [10, л. 40]. В Ельне объявили капиталы, достаточные для записи в третью гильдию, 2 человека (Парфен Федорович Ярцов и Трофим Иванович Кузменков), в Духовщине – 1 человек (Иван Иванович Савостеев), в Красном – 6 человек (Антон Саввич Щелкин, Иван Карнеевич (фамилия не читается), Максим Григорьевич Дубинин, Андрей Лукьянович Басаргин, Тит Ильия Прудников, Макар Исаевич Ковальков), в Красном – 6 человек, в Сычевке – 1 человек. В Поречье в купечество третьей гильдии записались 23 городских жителя [9, л. 7–14 об.].

Краснинские купцы долго не могли оправиться от разорения, вызванного нашествием Наполеона. В 1820 г. «розничный торг более в 1000 рублей» производили только три купца третьей гильдии: Антон Щелкин, Тихон Прудников, Андрей Басаргин [6, л. 12]. В 1824 г. купцов третьей гильдии осталось только 2 человека, в 1825 г. – 10 человек [11, л. 171–172], в 1828 г. – 13 человек [12, л. 23]. В городе собиралась ежегодная ярмарка, которая действовала в течение трех дней со дня празднования Сошествия Святого Духа [12, л. 7].

В послевоенный период начинается резкое падение торговли и сокращение торговых обо-

ротов гжатских купцов. Аналогичный процесс переживала и промышленность Гжатска. Упадок начался в 1812 г. Были разрушены и прекратили существование мануфактуры купцов Самбунова и Чешихина, некоторые бумаготкацкие и кирпичные предприятия.

Вывод однозначен: после войны 1812 г. происходит повсеместное обнищание определенной части купечества в Смоленской губернии и значительное снижение числа купеческого сословия, которое вынуждено было перейти в мещане, не сумев заплатить определенной пошлины.

В основном восстановиться от разорения 1812 г. Смоленская губерния смогла только в 30-е гг. XIX в. при огромной поддержке со стороны государства, серьезным подспорьем в этом процессе стала в том числе и купеческая инициатива.

Правда, к середине XIX в. назрел новый кризис, негативно сказавшийся на местной торговле и положении купеческих корпораций. Это связано со стечением многих факторов: снижение значения торговых пристаней Гжатска и Поречья, обмеление основных рек, по которым производился сплав барж с товарами, строительство железных дорог в стороне от торговых уездных городов (Дорогобуж, Ельня) и т. д.

Таким образом, кризис, вызванный войной 1812 г. и ее последствиями для Смоленского купечества, так и не был полностью преодолен в последующие периоды, что негативно сказалось на развитии торговли региона и положении местного купеческого сословия.

Список использованных источников

1. Государственный архив Смоленской области (далее – ГАСО). – Ф. 1. – Оп. 1. (1817). – Д. 5.
2. ГАСО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 224.
3. ГАСО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 229.
4. ГАСО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 322.
5. ГАСО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 49.
6. ГАСО. – Ф. 1069. – Оп. 1 (1820). – Д. 40.
7. ГАСО. – Ф. 112. – Оп. 1 (1863). – Д. 6.
8. ГАСО. – Ф. 1260. – Оп. 1 (1816). – Д. 25.
9. ГАСО. – Ф. 2. – Оп. 15 (1814). – Д. 623.
10. ГАСО. – Ф. 2. – Оп. 2 (1814). – Д. 15.
11. ГАСО. – Ф. 1069. – Оп. 1 (1825). – Д. 64.
12. ГАСО. – Ф. 1069. – Оп. 1 (1828). – Д. 78.
13. *Глинка, Ф. Н.* Письма русского офицера. – Б. м., 1816. – Т. 6.
14. *Купченко, К. В., Никитина, Н. В.* Провинциальное общество во время Отечественной войны 1812 г. (на материалах Смоленской губернии) // Российское общество в эпоху войн и политических потрясений: коллективная научная монография / под ред. К. В. Купченко. – Новосибирск: Изд. АНС «СибАК», 2016. – 108 с.
15. *Купченко, К. В.* Социальные аспекты Отечественной войны 1812 г. (на материалах Смоленской губернии) / К. В. Купченко, Н. В. Никитина // Отечественные войны в социально-политической истории России: коллективная научная монография / под ред. К. В. Купченко. – Новосибирск: Изд. АНС «СибАК», 2016. – 90 с.
16. Российский государственный исторический архив. – Ф. 1309. – Оп. 1 (1813). – Д. 100.
17. Русский архивъ. Историко-литературный сборникъ. – М.: Тип. Лазарев. ин-та вост. яз., 1881. – Кн. 3.

Дата поступления: 20.11.2018.

Некрашевич Ф. А.

Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь, Минск

Nekrashevich P.

Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Minsk

УДК 355.098:27–726.3(470+571)“1827/1856”

ОСОБЕННОСТИ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СРЕДИ КАНТОНИСТОВ-ЕВРЕЕВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ

FEATURES OF THE SOCIAL EDUCATIONAL WORK AMONG JEWISH CANTONISTS OF THE RUSSIAN IMPERIAL ARMY

Кантонисты-евреи составляли специфическую группу детей, воспитанием которых занималось государство. Особенности еврейской культурной традиции вынуждали власти проводить с малолетними евреями специальную работу, отличную от работы с прочими кантонистами. Мероприятия российских властей были направлены на адаптацию кантонистов-евреев к условиям военной службы и принятие ими православной веры.

Ключевые слова: Российская империя; вооруженные силы; кантонисты; военное образование; национальные меньшинства; этноконфессиональные отношения; религиозное обращение.

Jewish cantonists formed a special group of children that was raised by the Russian government. Specific features of the Jewish culture forced Russian authorities to conduct a special social educational work among Jewish boys. These acts differed from the work among Christian cantonists. The main aims of Russian commanders were to adapt Jewish cantonists to the conditions of military service and to convert to Orthodox faith.

Keywords: Russian empire; armed forces; cantonists; military education; national minorities; ethnic religious relations; religious conversion.

В Российской империи кантонистами называли несовершеннолетних сыновей солдат, которые с рождения относились к военному ведомству. Кроме того, к кантонистам относили детей евреев, повстанцев, цыган, бродяг, а также некоторых других групп населения, принудительно записанных на военную службу. Основной целью школ кантонистов (официально они назывались батальоны и полубатальоны кантонистов) было обеспечение российской армии хорошо подготовленными рядовыми и унтер-офицерами. Целенаправленная воспитательная работа военного ведомства должна была превратить их из представителей национальных и религиозных меньшинств в верных солдат империи [1, с. 58–59].

Во все времена воспитательная работа среди военнослужащих играла огромную роль. В истории Российской империи наиболее полно механизм воздействия воспитательной работы на рядовой состав вооруженных сил можно проследить на примере военных кантонистов. Принято считать, что воспитательная работа в российской императорской армии проводилась по трем основным направлениям:

1) умственное воспитание (обучение подчиненных общенаучным и военным знаниям, развитие у них мышления, речи, памяти и т. д.);

2) нравственное воспитание (духовное развитие личности, воспитание сознательного отношения к исполнению воинского долга);

3) физическое воспитание (укрепление здоровья военнослужащих, строевое обучение, фехтование, верховая езда, гимнастика, спортивные игры и т. д.) [4].

Наиболее проблемной группой среди военных кантонистов являлись представители еврейской диаспоры. Рекрутская повинность была распространена на евреев в 1827 г., причем к призыву принимались лица с 12 лет. Дети-рекруты из евреев распределялись в школы кантонистов. Высокий для того времени уровень самосознания, особенности иудейской традиции, а также незнание юными кантонистами русского языка и обычаев делали процесс адаптации еврейских детей к военным реалиям крайне мучительным и болезненным [2, с. 72–85; 3, с. 277–278]. Начиная с первого рекрутского еврейского набора, российская администрация пыталась в своей деятельности учесть этноконфессиональные особенности евреев.

На наш взгляд, воспитательная работа среди еврейских кантонистов в вооруженных силах Российской империи имела следующие особенности: изоляция кантонистов от общения с гражданским населением иудейского вероисповеда-

ния; запрет на участие родителей в воспитании кантонистов; учет важнейших иудейских культурных традиций; законодательно закреплённая религиозная дискриминация при распределении на службу; комплекс мер, направленных на пропаганду перехода малолетних евреев в православную веру.

Несмотря на живую заинтересованность в подготовке квалифицированных кадров для вооружённых сил, российское правительство обеспечивало полноценное воспитание лишь небольшой части всех кантонистов. Так, на 1 января 1837 г. в батальонах и полубатальонах кантонистов числилось 27 299 чел., при родственниках находилось 176 250 чел., а в армейских полках и командах состояло 75 763 чел. (всего 279 312 чел.) [5, с. 271]. Таким образом, полноценной воспитательной работой было охвачено лишь около 10 % всех кантонистов. На протяжении 1827–1856 гг. данные цифры кардинально не изменились. Таким образом, в Российской империи существовала легальная лазейка, позволявшая солдатским детям де-факто жить среди близких до наступления призывного возраста. По достижении 20-летнего возраста солдатские дети подлежали определению на действующую службу в армию. Причины столь «щедрого» отношения со стороны российских властей носили финансовый характер. Содержание воспитанников батальонов и полубатальонов военных кантонистов осуществлялось только за счет государственных средств. Отсутствие должного финансирования не позволяло военному министерству отправить в учебные заведения всех кантонистов. Поэтому власти достаточно охотно соглашались отдавать детей на воспитание гражданским лицам и военнослужащим. Однако на евреев данное правило не распространялось: евреи оставались в батальонах и полубатальонах на протяжении всего периода обучения. Лишь 8 марта 1838 г. высочайше утвержденным положением комитета министров были сделаны некоторые послабления в этом вопросе. Так, военнослужащим-евреям, находящимся на службе за пределами черты оседлости, было разрешено воспитывать сыновей в возрасте до 10 лет. После достижения указанного возраста родители обязаны были отправить своих детей в батальоны и полубатальоны кантонистов. Евреи-кантонисты были единственной этноконфессиональной группой Российской империи, на которую воспитательная работа распространялась в полном объеме.

Иудейская традиция вступала в резкий контраст с реалиями российской армии XIX ст. Поэтому армейское командование формально стремилось уважать еврейские обычаи с целью постепенной адаптации еврейских кантонистов к армейской жизни. Так, 24 июня 1829 г. вышел

императорский указ «О еврейских праздниках, в кои освобождаются они от работ, с расписанием, от каких именно». Согласно документу, евреи освобождались от любых видов работ по субботам и в период Йом-Кипура. Кроме того, в период еврейского Нового года (рош хашана), Куши (суккот), окончания ежегодного цикла чтения Пятикнижия (симхат тора), Пасхи (песах) и Пятидесятницы (шавуот) работа кантонистов была серьезно ограничена. В эти дни евреи получали законное право не заниматься строительством, заводским трудом, ремесленным делом, верховой ездой и т. д. При этом кантонисты обязаны были исполнять приказы начальства, которые касались разведения огня, чистки обмундирования и амуниции, стрелковых упражнений, переноса вещей и т. д. Во все остальные дни еврейские кантонисты не имели никаких послаблений в исполнении распоряжений начальства. Несмотря на то, что данное распоряжение значительно сокращало время проведения богослужений, оно заложило правовые основы для сохранения еврейской традиции в условиях армейской службы. Это позволяло российским властям надеяться на постепенную интеграцию еврейских детей в ряды вооружённых сил. Взамен евреи не освобождались от работ в дни христианских праздников [6, с. 321]. Особняком в этом вопросе стояли «высокопраздничные» дни (день Рождества Христова, первый день Светлой недели, дни тезоименитства, рождения и коронации Их Императорских Величеств, день восшествия на престол Государя Императора), когда от работ освобождались и христиане, и евреи [7, т. IV, № 3.137].

По мнению военного командования, огромную роль в эффективной воспитательной работе среди евреев-кантонистов должна была играть их изоляция от единоверцев. Лишившись общения не только с родными и близкими, но и со взрослыми евреями вообще, кантонисты гораздо быстрее приспосабливались бы к новым для себя условиям. Кроме того, общение с единоверцами могло привести малолетних евреев к идее побега или активного сопротивления военному командованию. Поэтому руководство батальонов и полубатальонов кантонистов стремилось изолировать своих подопечных от общения с иудеями, не принадлежащих к военному ведомству. В решении этого вопроса надежным средством являлась высылка малолетних евреев в батальоны кантонистов, расположенные за пределами черты оседлости. Так, если еще в январе 1829 г. из 1862 принятых на службу малолетних евреев 1136 (61 %) числились в батальонах, находящихся в черте оседлости, то уже в июне 1839 г. из 3019 чел. – ни одного [8, с. 119, 124]. Периодически евреи все-таки направлялись в батальо-

ны, расположенные в пределах черты оседлости (например, в Киевский батальон). Вероятно, это было вызвано большим удельным весом евреев среди общей численности всех кантонистов и нежеланием военного командования посылать чересчур большие группы евреев в отдельно взятые учебные заведения.

В системе воспитательной работы армии Российской империи огромную роль играла православная церковь. На священников возлагалась работа в том числе по поднятию боевого духа солдат, повышению уровня их образованности, а также проведению ритуальных богослужений. Несмотря на существовавшую в вооруженных силах свободу вероисповедания, в российской армии прослеживалась отчетливая тенденция по распространению православной веры среди военнослужащих ненасильственными методами. Особое внимание российские власти уделяли крещению еврейских кантонистов. В глазах военного командования принятие кантонистами-иноверцами означало их социализацию в армейской среде.

Довольно действенным стимулом смены вероисповедания являлась законодательно закрепленная дискриминация в вопросе распределения на службу крещеных и некрещеных кантонистов из евреев. Военное командование считало, что малолетние евреи ради сохранения карьерных перспектив, а также из-за боязни попасть в зону реальных боевых действий будут согласны оставить веру своих предков. Статистика говорит о том, что у принявших православие малолетних евреев было гораздо больше шансов попасть на сравнительно легкие должности по военному ведомству (сигналисты варшавской телефонной линии, фельдшеры и школьники, мастеровые), чем у евреев, оставшихся верными иудаизму. В то же время в военные поселения, где условия службы были крайне тяжелыми, отправляли в основном некрещеных евреев [8, с. 125–126]. Кроме того, еврей-кантонисты знали, что дальнейшее продвижение по службе также во многом будет зависеть от их вероисповедания. Согласно российскому военному законодательству, произведение рядового иудейского вероисповедания в унтер-офицеры было возможно лишь за отличия, полученные во время сражения [9, т. 5, с. 478]. Начиная же с 20 сентября 1850 г. иудеи могли стать унтер-офицерами лишь после личного разрешения Николая I. Следует отметить, что солдаты из евреев могли рассчитывать оказаться на службе в пределах черты оседлости (иными словами, надеяться увидеть родных и близких) только по прошествии 15 лет беспорочной службы [6, с. 610].

Отдельное внимание военное командование уделяло материальному поощрению лиц, пере-

шедших из иудаизма в православие. Так, начиная с 1829 г. каждому малолетнему еврею, принявшему православие, полагалось выдать 25 руб. Один из мотивов подобной политики, вероятно, заключался в том, что кантонисты, как правило, получали от своих родителей материальную помощь. Изменение вероисповедания нередко приводило к потере какой-либо связи с родителями, которые могли отказаться от своего крещеного сына [10, с. 135]. Данное поощрение должно было обеспечить некоторую материальную поддержку выкрестам до достижения совершеннолетия и поступления на полноценную военную службу.

Серьезной проблемой, с которой столкнулось военное командование при знакомстве с малолетними евреями, было полное непонимание российскими военнослужащими менталитета иудейских новобранцев. Во-первых, абсолютное большинство кантонистов из числа евреев вообще не знало русского языка, обладая при этом очень высоким уровнем образованности. Во-вторых, кантонисты-евреи показывали сравнительно низкий уровень готовности к несению службы из-за особенностей иудейской культурной традиции. В результате юные новобранцы порой просто не понимали, чего от них хотят. Многолетний опыт работы подсказал военному руководству, что в образовательном и воспитательном процессе должны принимать участие военнослужащие из числа евреев, принявших православие. Это позволяло сделать процесс адаптации малолетних евреев к армейской жизни более эффективным. Крещеные евреи могли разговаривать с кантонистами-новобранцами на одном языке. По своему личному опыту они прекрасно знали, что происходит в головах у оторванных от своих семей детей и как именно можно помочь им свыкнуться с их солдатской судьбой. Кроме того, наставники-выкресты должны были всячески подталкивать кантонистов-евреев к переходу из иудаизма в православие. По воспоминанию одного из евреев-кантонистов, своим личным примером они должны были доказать неотвратимость крещения [2, с. 55–65].

Вышеперечисленные мероприятия складывались на протяжении нескольких десятилетий (1820-е – начало 1850-х гг.). Полученный практический опыт навел на мысль некоторых православных священников, служивших в батальонах и полубатальонах военных кантонистов, что следует издать специальные инструкции, которые бы давали рекомендации служителям церкви по обращению малолетних евреев в православие. Так, протоиерей Е. Ремезов, служивший при Киевском батальоне кантонистов, изложил подобные рекомендации в своем труде «Краткие извлечения из писем христианина к евреям об

истинной вере». Данное произведение состояло из 16 статей и должно было «помочь» кантонистам из числа иудеев понять «превосходство» православной веры. Однако Священный Синод, ознакомившись с трудом Е. Ремизова, отказалось издавать его из-за отсутствия убедительности, ясности и доступности [8, с. 137]. Тем не менее, сам Е. Ремезов активно использовал идеи этой рукописи для распространения православия среди кантонистов Киевского батальона.

Таким образом, российское военное командование стремилось учитывать особенности евреев-кантонистов при организации их подготовки. Мероприятия российских властей были

направлены на адаптацию кантонистов-евреев к условиям военной службы и принятие ими православной веры. Анализируя деятельность военного командования, следует отметить, что, в целом, они носили ярко выраженный дискриминационный характер. Воспитательная работа среди военнослужащих в современном понимании данного термина нередко ассоциировалась с попыткой обращения юных иудеев в христиан. Установки, задаваемые российским правительством по воспитанию малолетних евреев, создавали условия для появления перегибов и действий насильственного характера над учащимися батальонов и полубатальонов кантонистов.

Список использованных источников

1. Ячменихин, В. К. Институт военных кантонистов в структуре русской армии / В. К. Ячменихин // Вестник Московского университета. – Сер. 8. История. – 2000. – №1. – С. 55–68.
2. Коробков, Х. Еврейская рекрутчина в царствование Николая I / Х. Коробков // Еврейская старина. – 1913. – Вып. 3. – С. 72–85.
3. Ofek, A. Cantonists: Jewish children as soldiers in tsar Nicolas's army / A. Ofek. – P. 277–308.
4. Цепин, М. Формы и методы воспитательной работы в истории Российской армии / М. Цепин // Ориентир. – 2016. – № 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://goup32441.narod.ru/files/ogp/001_oporn_konspekt/2006/2006-01-3.html. – Дата доступа: 12.11.2018.
5. Столетие Военного министерства. 1802–1902: в 13 т. / гл. ред. Д. А. Скалон. – СПб.: Тип. поставщиков двора Е. и. вел. т-ва М.О. Вольф, 1902–1914. – Т. 4: Главный штаб. Исторический очерк. Ч. 2, кн. 1, отд. 2: Комплектование войск в царствование императора Николая I / сост. В. В. Шепетильников. – 1907. – 330 с.
6. Полный хронологический сборник законов и положений, касающихся евреев, от Уложения царя Алексея Михайловича до настоящего времени, от 1649–1873 г.: извлечение из Полных собраний законов Российской империи / составил и издал В. О. Леванда. – СПб.: [В. О. Леванда], 1874. – 1158, XVIII с.
7. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2: с 12 дек. 1825 по 28 февр. 1881 г.: в 55 т. – СПб.: Тип. II отд-ния собств. Е. и. вел. канцелярии, 1830–1884. – 55 т.
8. Петровский-Штерн, Й. Евреи в русской армии 1827–1914 гг. / Й. Петровский-Штерн. – М.: Новое лит. обозрение, 2003. – 556 с.
9. Свод военных постановлений. Ч. 5: Устав военно-уголовный. – 1838. – 426 с.
10. Менделевич, Й. Кантонисты: еврейские дети на военной службе при Николае I: история насильственного крещения, 1827–1856 гг. / Й. Менделевич. – М.: Б-ка Офер, 2016. – 223 с.

Дата поступления: 15.11.2018.

Билецкий А. С.
Гродно

Biletski A.
Grodno

УДК 619:355(476)(091)

ОРГАНИЗАЦИЯ ВОЕННОЙ ВЕТЕРИНАРИИ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

ORGANIZATION OF MILITARY VETERINARY ON THE BELARUSIAN LANDS AT THE END OF THE XVIII – THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURIES

В статье рассматривается процесс становления ветеринарного дела в войсках Великого княжества Литовского в конце XVIII и Российской империи в первой половине XIX в. На основе обширного литературного материала обобщается опыт системы ветеринарного обеспечения и обслуживания армии, показывается дина-

мика развития и совершенствования военно-ветеринарной организации, дается оценка ее особенностям функционирования, раскрываются взаимоотношения персонала с военным окружением и государственными институтами.

Ключевые слова: военная ветеринария; история ветеринарии; ветеринарный лекарь; ветеринарный помощник; коновал; ветеринарное обслуживание войск; белорусские земли; кавалерия.

In this article discusses the process of becoming a veterinary in the troops of the Grand Duchy of Lithuania at the end of the XVIIIth and the Russian Empire in the first half of the XIXth centuries. On a based of large number of literary material, generalizes the experience of the system of veterinary support and maintenance of the army, shows the dynamics of development and improvement of the military-veterinary organization, provides an assessment of its features of functioning, discloses staff relations with the military environment and state institutions.

Keywords: military veterinary; history of veterinary; veterinary doctor; veterinary assistant; farrier; veterinary service of troops; Belarusian lands; cavalry.

Создание и развитие военной ветеринарии определялось практической необходимостью максимального сбережения работоспособности войсковых животных, предохранения их от различных заболеваний, лечения и боевых потерь военной лошади, тяглого и продовольственного скота, что является важной стороной боеспособности войск, в особенности конницы и артиллерии. Значительную часть государственного бюджета составляли расходы по ремонту армии лошадьми, поставке рабочего и продовольственного скота, а также затраты, связанные с гибелью животных от болезней и во время боев. Этим объясняется то серьезное внимание, которое уделяли коневодству и коннозаводству многие видные государственные и военные деятели XVIII–XIX вв. Военная ветеринария находилась в прямой зависимости от военно-экономических потребностей государства [1, с. 5].

В 1717 г. впервые в штате польско-литовской езды иностранного авторамента встречается должность коновала. Это произошло с согласия гетмана Синявского. Так, при его руководстве армией Речи Посполитой был увеличен штат штаба драгунов следующим образом: прибавлен 1 аудитор, 1 regimentфельдшер, 1 капеллан, 1 коновал, 1 шорник, 1 помощник. Ротам была добавлена одна телега с лошадьми, однако число рядовых было уменьшено на 29 человек. Таким образом, в то время штат предусматривал в Великом княжестве Литовском (ВКЛ) на 4 regimentа драгунов (всего 1500 лошадей) 4 коновала [2, с. 294; 3, с. 214].

Все материальные потребности regimentа решались за счет отчислений от заработка рядовых и других низших чинов. Из этих средств выделялись деньги, необходимые для лечения лошадей. Сумма отчислений для рядового составляла 14 злотых 29,5 грошей, из них на ковку лошадей ежемесячно шел 1 злотый. При этом заработная плата коновала приравнивалась к 1,5 порциям (1 порция – 25 злотых), таким образом, она составляла ежемесячно 37,5 злотых, а ежегодно – 450 злотых [4, с. 12; 5, с. 323].

В период упадка армии Речи Посполитой, который начался еще в конце XVII в., хоругви или роты, содержащие от 50 до 150 лошадей, не имели своих штабов и служб. Отсутствие штатных служб дает повод ряду авторов предполагать, что даже функциюковки лошадей исполняли солдаты-пахолики (почты, почеты). Поэтому лечением армейских лошадей могли заниматься только ротмистры, товарищи или почты [6, с. 314; 7, с. 228; 8, с. 4].

На конвокационном Сейме в 1764 г. Чарторийским удалось добиться создания Военной комиссии. В 1767 г. вновь образованная комиссия разработала первый Регламент для кавалерийского regimentа (полка). В штате унтер-штаба regimentа предусматривался коновал примерно на 300 лошадей [6, с. 315; 9, с. 316].

В 1776 г. с целью выполнения сеймовых распоряжений 1764 г. возник Военный департамент, который проработал новые штаты, утвержденные Сеймом 1784 г. [10, с. 173; 11, с. 7]

Согласно новому штату в ВКЛ были предусмотрены следующие формирования конной езды:

1) 2-е бригады кавалерии (бригада состояла из 6 швадронов, а швадрон, в свою очередь, из 4 хоругвей). В каждом швадроне предусматривался 1 коновал;

2) regiment конной гвардии с 1-м коновалом;

3) 5 полков легкой езды с 1-м коновалом на полк, который состоял из 6 хоругви.

Для войска Речи Посполитой штат предусматривал 47 коновалов на около 8 тыс. лошадей [4, с. 14; 12, с. 6].

Четырехлетний сейм (1788–1792) утвердил новую организацию армии, приведшую к ухудшению состояния ветеринарной части. Так, с 1789 г. в войсках ВКЛ предусматривалось 32 668 голов лошадей со следующим штатом езды:

1) 2 бригады Национальной кавалерии, состоящей из 12 швадронов. На каждую бригаду предусматривался 1 коновал в среднем и низшем штабе, а также по 1-му кузнецу в швадроне;

2) 5 полков Передней стражи, состоящих из 8 хоругвей, в каждой из которых предусматривался 1 кузнец;

3) 1 regiment конной Гвардии, который был лишен ветеринарных специалистов.

Обучение или повышение квалификации коновалов в направлении лечения лошадей в соответствии с вышеуказанными правилами проводилось в рамках своих воинских подразделений (чаще всего отрядов) [6, с. 316; 13, с. 8].

Во время восстания Т. Костюшко в 1794 г. Военный комиссариат предусмотрел 1 коновала в Департаменте лошадей и упряжек. В его обязанности входили ремонт, поставка, лечение и ковка лошадей, наблюдение за состоянием и запасом конного состава [4, с. 19].

После последнего раздела Речи Посполитой в 1795 г. ВКЛ как государство вместе с армией перестали существовать. Однако часть отрядов под управлением литовских (белорусских) командиров продолжала сражаться в составе французской армии до 1806 г., а с появлением Княжества Варшавского – в составе польской армии. Ветеринарная служба в этих отрядах и других боевых единицах была сформирована по образу и подобию французской, работа которой была примером и рекомендовалась к наследованию декретами 1807 и 1809 гг. В последнем из них, кроме того, предусматривался в каждом полку кавалерии 1 коновал, а в корпусе артиллерии – 4 коновала с 4-мя помощниками [5, с. 420].

С возрождением на короткий срок ВКЛ в 1812 г. его армия состояла из пяти полков уланов с количеством коновалов таким же, как в польской армии. Данные воинские подразделения получили номера, следующие за номерами полков армии Княжества Варшавского (с 17-го по 21-й) и были сформированы под конец войны в Купишках, Несвиже, Новогрудке, Пинске, Минске. Кроме того, 5 июля 1812 г. Наполеон в Вильне подписал указ о создании 3-го Литовского уланского полка, командиром которого назначил бригадного генерала Я. Конопку (родом из окрестностей Слонима). Необходимо отметить, что генерал ранее служил в 1-м легкоконном полку Красинского армии Княжества Варшавского. 12 июля 1812 г. Комиссия временного правительства ВКЛ приняла резолюцию о наборе 1000 шляхтичей-добровольцев в полк Конопки. Туда присоединились многие студенты Виленского университета. Гвардейский уланский полк состоял из 4-х эскадронов (8 компаний), в штабе которого находились 2 коновала и 2 помощника, а также 2 кузнеца [4, с. 24–27; 14, с. 105–112].

Звание военного коновала в то время соответствовало званию старшего сержанта других войсковых подразделений. Курировал ветеринар-

ную службу офицер, член хозяйственного Совета полка. Расходование денег на ветеринарные нужды зависело также от его одобрения, что соответствовало такому же порядку, как и во французской армии [8, с. 6; 12, с. 9].

Во время наполеоновских войн существовало строгое разделение функций. Ковка лошадей уже не входила в обязанности коновала. Штабы предусматривали данную должность, соответствующую французским *artistes veterinaires* (ветеринарные специалисты), и помощников, аналогичных французским *aides veterinaires* или *marechal expert* (ветеринарные помощники или эксперты). Коновалы регулярно сдавали экзамен и показывали навыки умения лечить лошадей перед полковыми врачами [7, с. 230; 10, с. 174].

Частыми были случаи, особенно под конец войны, когда французские военные (во время боевых действий) или местные гражданские (при переходах и на постое) ветеринарные специалисты служили в литовских полках [13, с. 9].

Как и во французской армии, в литовских формированиях больные лошади собирались партиями и отсылались для лечения в резервные части (глубокий тыл), а также при возможности раненые лошади размещались по оси марша или на территории деятельности полка. Таким образом, создавались передвижные депо больных лошадей и стационарные инфирмерии, соответствующие полковым лазаретам. Инфирмерии эти находились в постоянной связи с полковыми больницами для людей, которые старались размещать в одной и той же местности. Командовал этими лазаретами один офицер или старший унтер-офицер, а непосредственно с лошадьми работали ветеринарные специалисты. Выздоровевшие животные возвращались из депо обратно в полк на передовую. В случаях, когда ситуация не требовала размещения больных лошадей, ветеринары находились при полку или поступали в расположение штаба [4, с. 30–31; 5, с. 423; 9, с. 318].

В дополнение к мероприятиям, связанных с лечением конного состава, ветеринарный персонал проводил инспекции лошадей полка, на которых часто присутствовал командир. Во время проверок ветеринары выделяли больных животных и принимали участие в комиссии по ремонту лошадей [6, с. 324].

Подобная система помощи животным в 1812 г. была налажена и в русской армии по инициативе фельдмаршала М. И. Кутузова и генерала А. С. Кологривова. К сентябрю 1812 г. были сформированы резервные кавалерийские корпуса, которые имели свои депо и перемещались вслед за наступающей армией. Установлено, что такие лазареты были развернуты в разное время при продвижении русской армии на запад в го-

родах: Орле, Шклове, Минске, Муроме, Нижнем Новгороде, Новгороде-Северском, Брест-Литовске, Варшаве, Познани, Лейпциге. Восстановление лошадей в резервных депо проходило 40–60 дней, после чего формировались маршевые эскадроны. Туда отправлялось большое количество лошадей. Так, в Брест-Литовское депо в 1813–1814 гг. поступило 49,1 тыс. животных, в Варшавском депо было сосредоточено до 17 тыс. Благодаря работе всех лазаретов удалось вернуть в войска более $\frac{1}{3}$ конского состава. Лечение нужных армии животных проводилось эскадронными коновалами под руководством ветеринарных лекарей или их помощников [1, с. 6–7; 15, с. 8–9; 16, с. 10; 17, с. 4; 18, с. 101; 19, с. 336].

Таким образом, возникновение системы организации сборных пунктов (резервных депо) относят ко времени наполеоновских войн, что способствовало укреплению боеспособности действующих войск и освобождало их от раненых, больных лошадей, ограничивавших маневренность частей. В то же время содержание большого количества животных в одном месте, регулярные нагрузки и частое их поступление из районов, зараженных различной инфекционной патологией, приводило к появлению среди них массовой заболеваемости. По данным штаба резервной армии, из 49 тыс. лошадей, поступивших в 1813–1814 гг. в Брест-Литовск, пало и было уничтожено в связи с невозможностью дальнейшего лечения 1470 лошадей [15, с. 17; 16, с. 18; 17, с. 4].

В начале XIX в. в русской армии были лишь в незначительном количестве коновалы, кузнецы и их помощники (подмастерья) и единичное число иностранных ветеринаров. Все они не оказали заметного влияния на улучшение ветеринарного обслуживания армии. Специальных учебных заведений в Российской империи, готовивших ветеринарных врачей, в том числе для нужд армии, до 1808 г. не было. Общими мероприятиями по защите войсковых животных от заразных болезней занимались в конце XVIII – начале XIX в. военные медики [15, с. 6; 18, с. 99; 19, с. 335; 20, с. 63; 21, с. 12].

В августе 1812 г. в ветеринарном училище Петербургской медико-хирургической академии произошел первый выпуск шести ветеринарных лекарей и их помощников, которых первоначально направляли только в армию. Во время войны 1812 г. в рядах войск уже находилось 150 ветеринарных специалистов – выпускников академии (1808–1882) и артиллерийской коновальной школы (1803–1868), на обслуживании которых состояло около 4 млн животных (вместе с продовольственным скотом). А в конце 1850-х гг. в войсках было до 260 ветврачей, на каждого приходилось в

среднем до 1000 лошадей [18, с. 84; 19, с. 335; 20, с. 63–64; 22, с. 53; 23, ч.1, с. 64–65]. Ветеринарные помощники в армии постепенно заменяли коновалов. Если коновалы, в том числе и полковой, являлись рядовыми, то ветеринарные лекари и их помощники были классными чиновниками, что определяло их правовое положение [16, с. 17; 18, с. 100].

В 40–50-х гг. XIX в. ветеринарное обслуживание прочно вошло в жизнь вооруженных сил. Отдельные положения в этом направлении были включены в уставы и наставления. Так, в уставе «О полевой кавалерийской службе» 1849 г. указывался порядок размещения ветеринарных лазаретов и их работы. В военных кампаниях русской армии система полевого ветеринарного обслуживания усовершенствовалась, развертывались передовые ветеринарные пункты, полковые, бригадные, отрядные, общие, дивизионные и корпусные лазареты [15, с. 9, 17; 16, с. 20].

Длительный период военная ветеринария организационно была отраслью военной медицины. Их единство определяло подготовку ветеринарных кадров, снабжение медикаментами и решение других ветеринарных вопросов. На долю ветспециалиста оставалось лишь техническое выполнение практических задач, причем в боевой обстановке нередко после того, как он окажет медицинскую помощь раненым солдатам [22, с. 54; 24, с. 120].

До 1863 г. не существовало документов, регламентирующих права и обязанности военных ветеринаров. Нередко были случаи, когда их сажали за малейшую с точки зрения командира провинность. Военно-ветеринарные кадры в русской армии подчинялись военно-медицинскому департаменту военного министерства, а в полках – строевым командирам. В некоторых войсковых подразделениях командиры вмешивались в работу ветеринарных лекарей и их помощников, приказывая им, как и чем лечить больных лошадей. К началу правления Николая I по штатам военного ведомства для русской армии полагалось 87 ветеринарных лекарей и 56 помощников, фактически их было 70 и 43 соответственно. Ветеринарное дело в армии было сильно запущено, а служебные условия носили характер полной неопределенности. Снабжение медикаментами и хирургическими инструментами предоставлялось на произвол судьбы. Оно полностью зависело от Военного медицинского управления и военно-медицинских врачей армии и полков [15, с. 7; 18, с. 103; 19, с. 337–338; 20, с. 65; 21, с. 22; 24, с. 110, 113, 117; 25, с. 56].

По мере развития ветеринарии «симбиоз» с медицинской организацией стал играть отрицательную роль. Отсутствие самостоятельности

тормозило раскрытие потенциальных возможностей военной ветеринарии. Ее передовые деятели начали упорно и последовательно добиваться независимости. Однако на пути стояли консерватизм командования и нежелание отдельных медицинских руководителей содействовать решению этой проблемы [21, с. 23; 24, с. 117–121; 26, с. 67].

Идея самостоятельности ветеринарии не была прихотью отдельных лиц, она вытекала из потребностей армии. Лошадь приобретала все более важное значение, и сохранение ее отвечало интересам усиления боеспособности войск [25, с. 57].

К началу 1850-х гг. медицинский департамент Военного министерства признал необходимым преобразовать устройство ветеринарной части войск ввиду ее неэффективности. В 1851 г. по решению временного ветеринарного комитета под председательством В. В. Пеликана (уроженец г. Слонима), учрежденного в 1847 г. при медицинском департаменте военного министерства, в армии была введена высшая должность корпусного ветеринарного лекаря (по одному человеку в каждом кавалерийском и пехотном корпусе и в резервной легкой кавалерийской дивизии), подчиненных непосредственно начальникам штабов корпусов [18, с. 104; 19, с. 338; 20, с. 65; 21, с. 25; 24, с. 114; 25, с. 57; 26, с. 68; 27, с. 50].

Старший (корпусный) ветеринар стал оказывать необходимое влияние на командиров частей и подразделений в отношении лучшего содержания лошадей. Полковые и корпусные ветеринары подчинялись начальникам этих частей только в служебном отношении, так же как поступали чины военно-медицинского ведомства. Войсковой ветеринар получил начальника по своей специальности. Ему подчинялись ветеринарные лекари всех кавалерийских корпусов [21, с. 26; 24, с. 13, 115, 121; 28, с. 16].

На вакансию корпусного ветеринара старались назначать специалистов со степенью магистра ветеринарных наук, которые были опытны и сведущи по ученой части и прослужили уже несколько лет в военном ведомстве. Служебное положение военных ветеринаров стало более независимым, чем прежде, и это принесло пользу войскам [18, с. 105; 19, с. 339; 20, с. 66; 21, с. 28; 26, с. 68].

Следует заметить, что раньше ветеринары находились в зависимости от полкового командира, дивизионного и корпусного медика. Теперь он мог прямо доносить в штаб корпуса о стеснении ветеринаров в их действиях и других беспорядках происходящих в лазарете. При этом временный комитет признал необходимым упразднить должности ветеринарных помощников в военном ведомстве, а звание старших

ветеринаров было заменено званием магистра ветеринарных наук, что и было осуществлено в 1854 г. [18, с. 104; 19, с. 338; 21, с. 27; 24, с. 13, 114, 121; 25, с. 57; 26, с. 68].

Ввиду того, что к получению звания ветеринарного помощника допускались люди, едва знавшие грамоту и не имевшие никакого понятия об естественных науках, это откладывало отрицательный отпечаток на всем военно-ветеринарном сословии. Кроме того, за выслугу небольшого количества лет, в зависимости от разряда, они производились в звание ветеринарных врачей. А между тем значительная часть лиц, которым было доверено сбережение лошадей в войсках, имела только подобную подготовку. Однако, несмотря на учреждение должности корпусного ветеринара, некоторые из военных медиков не желали упускать из-под контроля ветеринарную часть [21, с. 31; 23, ч. 2, с. 23–24; 24, с. 24, 35, 39, 114, 115, 121].

В 1864 г. в связи с упразднением в мирное время корпусов ветеринарный состав частей утратил непосредственного начальника по службе. Правда, в том же году в созданных взамен корпусов военных округах в штате окружного военно-медицинского управления была открыта вакансия окружного ветеринарного врача, но с ограниченными обязанностями. Он подчинялся окружному военно-медицинскому инспектору. Окружной ветеринар обязан был проводить необходимые мероприятия против возникновения и распространения инфекционных болезней, содействовать сохранности казенных лошадей и крупного рогатого скота. Таким образом, вся система заведования ветеринарным делом, созданная при императоре Николае I, была принципиально изменена [18, с. 105; 19, с. 339–340; 20, с. 84–85; 21, с. 34; 24, с. 115, 123–124]. В центральном аппарате в 1861 г. впервые была создана позиция «сверхкомплектного Магистра ветеринарных наук, с прикомандированием к Медицинскому Департаменту Военного Министерства для занятий и командировок в случае появления в местах расположения войск эпидемических заболеваний животных» [24, с. 142].

Правовое положение военных чиновников существенно отличалось от правового положения офицеров. Жалованье, форма одежды, титулование, награждения, присвоение чинов – все это служило требованиям разделению военнослужащих на касты, причем чиновники различных служб, в том числе и ветеринарной, считались представителями низшей касты [28, с. 16; 29, с. 18].

В 1817 г. Военным министерством были учреждены штатные должности военных ветеринарных лекарей в кавалерии, в 1834 г. – в артиллерии, а в 1829 г. – в подвижных магазинах.

В 1819 г. для ветеринарного персонала, в том числе коновалов, была введена военная форма, по образцу медицинских лекарей, но с некоторыми особенностями. Затем были изменения в мундире в приказе 1854, 1855, 1867 гг. и т. д. В 1820 г. они вместе с кузнецами военно-конных заводов были отнесены к военному ведомству и в зависимости от звания получали ежемесячный заработок и прочее содержание. В этот период тщательно следили за гигиеной и ковкой лошадей [15, с. 7, 17; 18, с. 101; 19, с. 337; 20, с. 64–65; 21, с. 23; 24, с. 107; 29, с. 19].

К концу 40-х гг. при каждом кавалерийском полку полагалось по 1-му ветеринарному лекарю и 1-му помощнику; при конноартиллерийской бригаде – 1 лекарь; при пешей артиллерийской бригаде – 1 помощник; при конноартиллерийском резерве – 2 лекаря; при двух саперных бригадах отряда военного поселения – по 2 лекаря; в отдельных командах, например в пионерном эскадроне, или жандармском дивизионе – по 1-му лекарю; при пяти императорских военных конских заводах – в каждом по 1-му лекарю и по 2 помощника; при шести свободных случных конюшнях – в каждой по 1-му помощнику. В середине XIX в. ветеринарные лекари имелись во всех кавалерийских, артиллерийских и некоторых других воинских частях и подразделениях. К этому времени относится приглашение ветеринарного специалиста в состав крупного учреждения. Так, в 1848 г. в штат управления действующей армии в «часть генерал-штаб-доктора» был назначен старший ветеринарный лекарь [24, с. 13, 114; 29, с. 20].

Следовательно, в 50-х гг. XIX в. ветеринарная часть в русской армии была обособлена, пользовалась поддержкой корпусного начальства и оставалась в таком положении почти 10 лет, а именно до введения системы военных округов, когда самостоятельные должности корпусных ветеринаров перестали существовать.

До времени рассматриваемых событий военнослужащие ветеринарные чиновники состояли в непосредственном распоряжении военных медиков и обязаны были выполнять все их приказания. Причиной этого было и то, что ветеринары в первой четверти XIX в. были недостаточно образованы, так как многие из них, окончив в лучшем случае первые 2 или 3 класса гимназии, поступали в училища, где по истечении 3-летнего курса обучения и сдачи экзамена выпускались со званием ветеринарных помощников. Те из них, которые желали определиться на военную службу,

принимались с чином коллежского регистратора, но утверждались в нем по выслуге лет, без прохождения повторного специального экзамена и впоследствии по представлениям медицинского департамента Военного министерства получали звания ветеринарных врачей с чином коллежских секретарей и титулярных советников. Те, кто хотел получить звание старшего ветеринарного врача и чин коллежского ассесора, обязаны были написать в виде диссертации историю какой-либо болезни лошади или рогатого скота. Кроме того, науки на 2-м разряде ветеринарных училищ читались не в полном объеме, а хороших профессиональных сочинений для будущей работы на русском (польском) языке или переводных изданий выпускалось очень мало. Поэтому специалисты руководствовались только своими записями, составленными на занятиях, и, следовательно, не могли совершенствоваться в своих познаниях и сильно отставали от современных тенденций в науке [23, ч.2, с. 23; 24, с. 8, 35, 39, 115, 120–121].

С этой точки зрения непосредственное подчинение ветеринаров врачам было достаточно закономерным, поскольку последние получали лучшее образование в медицинском отношении и были знакомы даже с некоторыми отраслями ветеринарной науки. Однако к 1850-м гг. ветеринарный специалист, окончив курс наук и получив звание вместо ветеринарного помощника ветеринарного врача, точно так же был хорошо образован по своей части, как врач по своей, а потому один другому ни в чем не уступал [24, с. 121].

Как показывает ряд авторов [1, с. 28; 15, с. 4, 10, 16; 16, с. 5, 20–21; 18, с. 99–105; 21, с. 22–27; 24, с. 117–121], хотя сфера приложения ветеринарных знаний в народном хозяйстве и была шире, чем в армии, однако со времени появления первых ветеринарных врачей в Российской империи и до 1861 г. обеспеченность вооруженных сил этими специалистами была относительно выше обеспеченности страны в целом и сельского хозяйства в частности. Это обстоятельство, наряду с первостепенной необходимостью и стратегической важностью устройства военно-ветеринарного дела, когда основные силы ее использовались для обслуживания вооруженных сил, коннозаводства и т. д., привело к одностороннему развитию данной отрасли. Поэтому не случайно, что именно в армии ветеринарной структуре удалось добиться значительных успехов в организационном плане, научном и практическом отношении.

Список использованных источников

1. Сипко, Н. Ф. История русской военной ветеринарии: автореф. дис. ... д-ра ветеринар. наук / Н. Ф. Сипко; Харьк. зоовет. ин-т. – Харьков, 1969. – 30 с.

2. *Perenc, A.* Historia leczenia zwierząt w Polsce / A. Perenc. – Toruń: Druk. J. K. Kuszel, Zrzeszenie Prac. Pom. Druk. Roln., 1936. – 411 s.
3. *Gonkowski, S.* Opieka weterynaryjna nad końmi wojskowymi i ich leczenie w XVI- i XVII-wiecznej Polsce / S. Gonkowski // Dawna medycyna i weterynaria militarna: praca zbior. / UMK Collegium medicum, UWM; pod red. M. Z. Felsmanna, J. Szarka, M. Felsmann. – Chelmno, 2009. – S. 213–226.
4. *Perenc, A.* Polska historia wojskowo-weterynaryjna / A. Perenc. – Lwów: Druk. «Dziennika Polskiego», 1926. – 53 s.
5. *Augustauskas, V.* Kariuomenės tiekimas, sanitarija ir veterinarija: sistematizuotas rinkinys įsakymų, įstatymų ir taisyklių, išleistų kariuomenei iki 1922 m. sausio 1 d. / V. Augustauskas, V. Tarasevicius. – Kaunas: K.A.M., Karo mokslo skyriaus, 1923. – 749 p.
6. *Perenc, A.* Historia leczenia zwierząt w Polsce / A. Perenc; oprac. i uzup. K. Millak. – wyd. II. – Wrocław, Warszawa: PAN, 1958. – 428 s.
7. Historia weterynarii i deontologia / T. Rotkiewicz, S. Tarczyński, D. Liszewski; red. T. Rotkiewicz. – Olsztyn: Wyd. UWM, 2006. – 337 s.
8. *Aleksa, K.* Įnašas į Lietuvos veterinarijos istoriją / K. Aleksa // Veterinarijos ir zootechnijos. – 1935. – № 3. – S. 2–12.
9. Historia weterynarii i deontologia / M. Janeczek [itc.]. – Warszawa: Pań. Wyd. Rol. i Leś., 2012. – 431 s.
10. Zarys historii polskiej weterynarii z podstawami deontologii / pod red. S. Tarczyński [itc.]. – Warszawa: PWN, 1990. – 282 s.
11. *Burakauskas, A.* Trumpa Lietuvos veterinarijos istorija iki 1918 metų / A. Burakauskas, E. Danilevičius; LTSR Ž.-ū. M-ja. Lietuvos Veterinarijos moskl. tyrimo in-tas. – Vilnius: LKP CK I-kla, 1970. – 55 p.
12. *Danilevičius, E.* Veterinarija Lietuvoje seniau ir dabar: (medžiaga lektoriui) / E. Danilevičius – Vilnius: Lietuvos TSR «Zinijos» d-ja. Žemės ūkio moksl.-mėtod. taryba, 1966. – 18 p.
13. *Stuikys, V.* Veterinarija Lietuvoje / V. Stuikys, K. Lukauskas; straipsnių bendraautoriai: A. Burakauskas, E. Danilevičius [i.e.] – Vilnius: Judex, 2000 – 196 p.
14. *Швед, В. В.* Заходні рэгіён Беларусі ў часы напалеонаўскіх войнаў. 1805–1815 гады / В. В. Швед, С. У. Данских. – Гродна: ГрДУ імя Я. Купалы, 2006. – 251 с.
15. *Таршиц, М. Г.* Военная ветеринария в феодальной и капиталистической России и ее роль в укреплении боеспособности армии и развитии животноводства: автореф. дис. ... канд. ветеринар. наук / М. Г. Таршиц; Ленингр. вет. ин-т М-ва сел. хозяйства РСФСР. – Ленинград, 1963. – 18 с.
16. *Таршиц, М. Г.* Исследование по истории русской военной ветеринарии: автореф. дис. ... канд. ветеринар. наук / М. Г. Таршиц; Моск. вет. акад. М-ва сел. хозяйства РСФСР. – М., 1961. – 21 с.
17. *Малашко, В. В.* Подковы победы / В. В. Малашко // UNIAgro. – 2012. – № 1 (янв. 2012). – С. 4.
18. *Коропов, В. М.* История ветеринарии в СССР / В. М. Коропов. – М.: Гос. изд. с.-х. лит., 1965. – 264 с.
19. *Минеева, Т. И.* История ветеринарии / Т. И. Минеева. – СПб.: Лань, 2005. – 384 с.
20. *Никитин, И. Н.* История ветеринарии / И. Н. Никитин, В.И. Калугин. – М.: Агропромиздат, 1988. – 191 с.
21. *Колесниченко, И. С.* История развития военной ветеринарии в России 1707–2002: метод. пособие / И. С. Колесниченко, Т. И. Минеева. – М.: МГАВМиБ им. К. И. Скрябина, 2002. – 41 с.
22. *Колесниченко, И. С.* Военному образованию в России – 300 лет / И. С. Колесниченко // Ветеринария. – 2001. – № 2. – С. 53–54.
23. Столетие Военного министерства 1802–1902. Императорская Военно-медицинская (медико-хирургическая) академия: ист. очерк: в 2 ч. / сост. проф. Г. Г. Скориченко; гл. ред. ген.-лейт. Д. А. Скалон. – СПб.: Синод. тип., 1902 – 1914.
24. Столетие русской военной ветеринарии, 1812–1912 / сост. А. М. Руденко. – СПб.: Тип. Тренке и Фюсно, 1912. – 406 с.
25. *Колесниченко, И. С.* Исторические военно-ветеринарные законодательные документы России / И. С. Колесниченко // Ветеринария. – 2007. – № 4. – С. 54–57.
26. *Калугин, В. И.* Изучать и знать историю и достижения отечественной ветеринарии // Ветеринария. – 1991. – № 4. – С. 66–69.
27. *Калугин, В. И.* России верные сыны // Ветеринария. – 1993. – № 3. – С. 47–51.
28. *Боев, Ю. В.* Коновальных дел мастер / Ю. В. Боев // Военно-промышленный курьер. – 2007. – № 24(190). – С. 15–17.
29. *Попов, С. И.* Нестроевые офицеры. Гражданские чиновники в войсках военно-сухопутного ведомства 1801–1855 гг. / С. И. Попов // Цейхгауз (11). – 2000. – № 2. – С. 16–20.

Дата поступления: 02.10.2018.

Оськин М. В.

Институт законовещения и управления ВПА, Тула

Oskin M.

Institute of Jurisprudence and Management of the All-Russian police association, Tula

УДК 94.47

СНАБЖЕНИЕ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914–1915)

THE SUPPLY OF THE NORTHWESTERN FRONT DURING THE FIRST WORLD WAR (1914–1915)

В статье раскрывается проблема снабжения русского Северо-Западного фронта продовольствием и фуражом в период Первой мировой войны. Фронт существовал только в первый год войны, будучи в конце августа 1915 г. разделенным на Северный и Западный. Показаны особенности снабжения одного из русских фронтов в маневренный период военных действий, деятельность интендантских органов, действия высших руководителей. В целом интендантство справилось со своими обязанностями, сумев к концу 1914 г. отладить структуру и организацию органов снабжения на театре военных действий.

Ключевые слова: Северо-Западный фронт; продовольственное снабжение; интендантство; местные средства; театр военных действий.

The article is devoted to the problem of supplying the Russian Northwestern front with food and fodder during the First World War. Front existed only in the first year of the war; being at the end of August 1915 divided into the Northern and Western front. Thus, the article shows the features of the supply of one of the Russian fronts in the maneuvering period of hostilities. The article shows the features of the supply of troops, activities of control bodies, the actions of senior executives. In General, the intendants coped with its duties, having managed by the end of 1914 to fine-tune the structure and organization of supply bodies at the theater of military operations.

Keywords: Northwestern front; food supply; intendants; local means; theatre of military operations.

Русский Северо-Западный фронт в период Первой мировой войны существовал около года (19 июля 1914 – 23 августа 1915г. по старому стилю), оперируя в пограничных с Германией и Австро-Венгрией регионах Российской империи – русской Польше, Литве и Белоруссии. Одной из важнейших проблем ведения боевых операций являлось снабжение войск фронта продовольствием для личного состава и фуражом для конского состава частей и соединений. Снабжение осуществлялось посредством двух основных видов заготовок продфуража – использования местных средств (ресурсы районов, где действовали армии фронта), имевшего приоритет в период маневренной войны, и подвоза из глубины страны, а на начальном этапе военных действий – использование заранее накопленных для развертывания войск запасов. Армии фронта получали довольствие усилиями как фронтовых интендантских органов, так и окружных интендантств пограничных Двинского, Виленского, Варшавского и Минского военных округов.

В кампании 1914 г. русские армии Северо-Западного фронта дважды вторгались на территорию германской Восточной Пруссии, используя ее ресурсы как трофеи. В Восточной Пруссии, а затем и в боях на левом берегу Вислы, русские вой-

ска получали от интендантства полное пищевое и фуражное довольствие, хотя все это в огромных количествах находилось и на занимаемой территории неприятеля, так как Восточная Пруссия являлась житницей Германии. Военнослужащие 1-й армии вспоминали, что особенно много немцами было оставлено свиней: «оставленный хозяевами скот избивали без всякой пощады. Наша рота объелась свининой, почти всех рвало. Со всех сторон солдаты гонят к бивуаку коров, быков и лошадей; происходят драки между солдатами из-за дележа добычи». Или: «еда наша – главным образом чай, консервы и свиньи, которых мы ловим по всем хуторам» [1, л. 28; 2, л. 113].

В зависимости от района, где протекали боевые действия, запасы местных средств имели различный потенциал. Поэтому и мнения участников сражений о снабжении соседних армий были самые разные. Так, в одном солдатском письме указывалось: «после генеральной чистки интендантов интендантская часть поставлена так хорошо, что нет ничего похожего на японскую или турецкую грабильку». В других же письмах говорилось, что в Японскую войну было больше порядка и лучше снабжение войск [3, л. 24, 29, 30 и др.]. Общий порядок установился только к концу 1914 г.

В целом в массированных операциях армии противников перемещивались, и то русские на немецкой территории, то немцы – на русской забирали продукты и фураж, разоряя приграничье. Войска на театре военных действий (ТВД) истощали запасы населения реквизициями, что при отсутствии подвоза негативно сказывалось на этом населении. Поэтому уже в сентябре 1914 г. «для ознакомления с положением пострадавшего от войны населения и принятия продовольственных и иных неотложных мер помощи» МВД командировало в польские и западнобелорусские регионы специальных уполномоченных [4, л. 1, 134].

Западные регионы Российской империи – Привислинские губернии (русская Польша) – и Белоруссия являлись производителями картофеля в общегосударственном масштабе. Отсюда большие запасы картофеля в Польше, так как здесь население собирало этого продукта больше, нежели могло само потребить (рыночно-товарный сбор), а в связи с началом войны большая часть продукта, в мирное время шедшего на продажу, осталась в регионе. В частности, в западных губерниях собирали по 20–30 пудов (пуд) картофеля на душу населения, в то время как, например, в Новгородской губернии – около 9 пуд [5, с. 200]. Такая разница помогла русским войскам в самоснабжении этим продуктом. Ввиду отставания обозов и пока продолжавшейся сумятице в деятельности интендантства картофель служил первым продуктом среди номенклатуры местных средств, на которые приходилось ориентироваться войскам во время маневренных действий. Картофель – продукт неприхотливый, элементарный в готовке, а осенью 1914 г. оставался на полях, то есть мог быть изъят немедленно, и не обязательно у населения, а собственными силами с брошенных полей.

Помимо людей, интендантству приходилось питать огромное количество лошадей, находившихся в войсках – кавалерийских, артиллерийских и обозных. Поэтому огромные транспортные ресурсы направлялись на подвоз фуража. Дело осложнялось тем, что кавалерия не имела собственных фуражных обозов и зависела от обоза корпусов. В условиях активной маневренной войны это вело к нехватке зернофуража здесь и сейчас, в войсках, ведущих операции. Так, телеграмма генерал-квартирмейстера 1-й армии К. К. Байова начальнику штаба Северо-Западного фронта В. А. Орановскому от 25 сентября 1914 г. сообщала, что «недостаточность перевозочных средств объясняется необходимостью подвозить фураж и отсутствием корпусных транспортов для второочередных и кавалерийских корпусов и дивизий». Расчет на подножный корм и местные ресурсы имел следствием отсутствие фуража в

дивизионном обозе, что заставляло «корпусные транспорты, а также заменяющие их армейские транспорты обратить исключительно на подвозки фуража, которая обеспечивает 4-дневный запас овса» [6, л. 10].

В ходе Варшавско-Ивангородской операции сентября – октября 1914 г., характеризовавшейся огромным размахом боевых действий и используемых в боях войск, успех снабжения сражавшихся соединений во многом зависел от их расположения – рядом с коммуникациями или нет. Казалось бы, что присутствие в тылу большого города – Варшавы не должно было вызвать затруднений с питанием даже и весьма многочисленных войск. Тем не менее, интендантство еще не справлялось с подвозом, а организация Министерства земледелия, взявшего на себя обязательство выполнения нарядов интендантства для армии, только начиналась.

Доклад генерала для поручений при Верховном главнокомандующем Б. М. Петрово-Солово от 5 октября 1914 г. сообщал: «Из заявления начальствующих лиц и расспросов нижних чинов выяснилось, что хлеба часто не было. Так, некоторые части даже в 10 верстах от Варшавы не имели хлеба три дня. Многие конные части заявляли, что на правом берегу Вислы часто овса и сена не бывало... Походных кухонь в резервных войсках нет, а в некоторых частях кавалерии – развалились» [7, л. 152]. Противоречивую ситуацию отразили и перехваченные цензурой офицерские письма с Варшавского фронта. Одно, подтверждая доклад Петрово-Солово, утверждало: «Смешно сказать, в 15 верстах от Варшавы мы форменно голодали в продолжение целой недели». Другое, напротив, сообщало, что «солдат кормят великолепно, заботясь о них больше, чем следует. Интендантство наше работает бесподобно, видно, что урок недаром прошел» [1, л. 197, 203].

С востока к Варшаве подходили две мощные железнодорожные магистрали: Северо-Западная и Привислинская. На левом берегу из города выходили железнодорожные ветки на Торн, Калиш и Сосновицы. Однако между станциями правого и левого берегов через железнодорожный мост вела только единственная передаточная ветвь в одну колею. Поэтому припасы просто-напросто не успевали перебрасываться на западный берег Вислы, чтобы обеспечить армии всем необходимым, прежде всего продовольствием и боеприпасами. Русским железнодорожникам пришлось даже организовать перевоз грузов через речную преграду по двум обыкновенным мостам колесным транспортом, после чего грузы уже забивались в поезд [8, с. 121].

Передача войскам, дравшимся в Польше, городских запасов способствовала начинающейся

нехватке хлеба в городах, и эти грузы следовало перебросить из глубины страны. Так, 16 ноября и.д. Варшавского генерал-губернатора возбудил телеграммой в МВД ходатайство о доставке в Варшаву 800 тыс. пуд ржаной обдирной муки и 3 тыс. пуд пшена. 19 ноября министр внутренних дел отдал распоряжение об удовлетворении ходатайства «из заготовленных главноуполномоченным по заготовке хлеба для нужд армии запасов» по заготовительной цене. Например, Люблин получил рожь из Тульской губернии, Радомская губерния – из Нижегородской и Самарской [9, л. 1–4, 7, 10, 25]. В середине декабря в Киевской губернии собрали 75 вагонов продовольствия для бедствующего польского населения на ТВД [10, л. 156, 204]. То есть уже с осени 1914г. продовольственная организация России приступила к перевозке продовольственных грузов не только для фронта, но и для пострадавших тыловых регионов в пределах ТВД.

С увеличением количества войск на ТВД возрастала и нагрузка на интендантскую инфраструктуру. В частности, полевые хлебопекарни не успевали производить хлеб для войск в требуемых количествах. Основной причиной недохвата продфуража в войсковых соединениях, конечно, была недостаточно энергичная деятельность тылов. Приказ по армиям фронта от 17 октября сообщал: «Если войска испытывают подчас недостаток в продовольствии, то это происходит не от отсутствия последнего в районе действий войск и в ближайшем тылу, а вследствие полного неумения хозяйственной части штабов армий и корпусных управлений распоряжаться теми средствами, которые им предоставляются, а равно по причине крайне неумелого руководства службой обозов» [11, № 130]. Работе хозяйственников препятствовал объективный фактор громадного размаха ведшихся военных операций. Письмо из действующей армии дает следующую картину: «Переходы были до того быстры, что интендантство не успевало нам доставлять питание; по пути мы скупали овес, сено, хлеба негде было купить, соли тоже... хлеба нет и нет. Целый месяц недоедания. Сейчас получают по ¼ фунта вместо 2 фунтов... Обьедаем местное население до последней картошки, скупаем принудительно все съедобное» [12, л. 83].

Во время проведения осенних Варшавско-Ивангородской и Лодзинской операций русские корпуса армий Северо-Западного фронта оторвались от своих баз на 150–250 верст и стали испытывать значительный недостаток в тыловом обеспечении и подвозе: боеприпасах, продовольствии, фураже. В конце октября армии требовали от штаба фронта подвоза фуража, дабы иметь возможность вести наступление – «при дальней-

шем наступлении потребуется подвоз в армию овса, ибо местного фуража почти нет, и на сбор его при быстром наступлении не бывает времени, а транспортных средств в армии для подвоза его не имеется». Для людей же требовали сухари, запасы которых в войсках истощались, и это срывало подготовку войск к атакам [13, с. 463–464, 470]. Чтобы упорядочить дело снабжения и перераспределения продуктов, приказ главнокомандующего армиями фронта Н. В. Рузского от 25 ноября устанавливал войсковой и тыловой районы. Рузский разграничивал ответственность: «Предписываю частям войск, управлениям, учреждениям и заведениям производить покупку и заготовку предметов довольствия исключительно в своих районах. Покупка же и заготовка означенных предметов вне своих районов, а также внутри империи, безусловно воспрещается» [14, л. 58].

Местные средства польского ТВД достаточно быстро были исчерпаны, поэтому к концу 1914 г. войска Северо-Западного фронта должны были питаться преимущественно подвозом. Главный начальник снабжений фронта Н. А. Данилов 27 января сообщал в Ставку Верховного командования: «В настоящее время на месте можно находить в значительном количестве только один картофель; все остальное и даже дрова для хлебопечения (требуются сухие) приходится подвозить». Правда, пока еще – из ближайшего тыла, поэтому весной 1915 г. в тыловых губерниях производились перепись и учет ресурсов регионов, чтобы иметь возможность использовать их в будущем [15, л. 232; д. 32. л. 23].

Как показывает исследователь, в начальный период войны, до зимы 1915 г., борьба за ресурсы на Восточном фронте носила «лишь вспомогательный и случайный характер, когда русская армия была вынуждена прибегать к ресурсам гражданского населения для обеспечения военных действий в материалах, продовольствии и фураже в силу невозможности интендантских служб выполнить свои обязанности». До весны 1915 г. шла защита этих ресурсов как «превентивный характер в виде реквизиций скота и лошадей в прифронтовых областях» в связи с ударами противника. И лишь в период Великого отступления – главный этап борьбы за ресурсы – происходила массовая реквизиция «живой силы и материальных ресурсов» [16, с. 299]. Эти ресурсы – «местные средства» – требовали не только своего учета, но и доставки в войска по составленным планам, чтобы не срывать реквизиции друг друга.

Весной 1915 г. в связи с истощением местных ресурсов армии Северо-Западного фронта все в возрастающей степени стали нуждаться в

подвозе продфуража из глубины страны. Задачей интендантских служб и железнодорожников являлся своевременный учет требовавшейся продукции, подача требований отвечающему за заготовку продовольствия в стране Министерству земледелия и подвоз этой продукции на фронт как для повседневного питания, так и для образования запасов. В марте 1915 г. на фронте насчитывалось 1 832 320 чел. и 539 260 лошадей, поэтому потребность в продфураже исчислялась на 5 месяцев, наряду с требованием содержания месячного запаса в войсковых продовольственных магазинах (складах).

Характерно, что нехватка одних продуктов (требование подвоза) могла сочетаться с избытком других (местные средства). Например, в середине апреля 1915 г. на Северо-Западном фронте наблюдается критическая нехватка фуража, который не успевали подвозить вследствие слабого развития сети железных дорог фронта [17, л. 18, 205–207]. В мае, с началом общего отступления на восток, обострилась проблема снабжения мясом, так как теплая погода препятствовала его перевозке в битом виде, а подвоз скота занимал слишком много вагонов. Характеристику положения дает дневниковая запись от 5 мая советника в распоряжении Ставки Ф. Ф. Палицына: «Большую тревогу вызывает фуражный вопрос и в особенности мясной... Интендантство бессильно. Не скажу, чтобы оно не хотело, но оно не умеет, не может, как не умеет удовлетворять и остальные потребности» [18, с. 90]. Такой вывод подтверждается и телеграммой Н. А. Данилова от 18 мая: «Положение вопроса снабжения войск мясом на Северо-Западном фронте обострилось до крайности. Реквизиция, помогавшая выходить из затруднения, становится безуспешной вследствие полного истощения средств в районах. Сегодня Главнокомандующий уменьшил мясную дачу до $\frac{3}{4}$ фунта, считая в том числе $\frac{1}{4}$ фунта солонины. Несмотря на эту меру, войскам фронта, отбрасывая войска внутренней службы и тыловые учреждения, необходимо ежедневно подавать не менее 4 тыс. голов живого рогатого скота. Кроме того, необходимо ежемесячно получать 500 тыс. пуд солонины и возможно скорее получить всю потребованную фронтом воблу» [19, л. 20].

Не надеясь на отвечавшее за закупки продфуража для армии Министерство земледелия, с целью обеспечения действующей армии усилиями интендантских органов линия раздела управления и ответственности между фронтом и тылом отодвинулась далеко на восток по сравнению с 1914 г. Теперь военные власти получили в свои руки ресурсы многих губерний, считавшихся еще в начале войны глубоким тылом. Неудивительно, что при слабости отечественного транспорта и

нераспорядительности центральных органов власти военные пытались разрешать свои проблемы за счет населения этих территорий, что вошло в ведение военных после установления позиционного фронта в 1915 г. от Балтики до Верхнего Днестра. При отступлении из Польши и Литвы войска получали эвакуируемые с оставляемой территории продукты питания [20, л. 60].

Великое отступление 1915 г., начавшееся с Горлицкого прорыва 19 апреля против русской 3-й армии Юго-Западного фронта, постепенно перекинулось и на Северо-Западный фронт. Масштабными ударами из Восточной Пруссии и Польши германцы сбивали русские армии с занимаемых позиций, вовлекая их в отход. Целью германского командования являлось создание громадного «котла» окружения в Польше, в котором оказалось бы большинство русских соединений. В сумятице отхода, усугубленной эвакуацией оставляемой территории и потоками беженцев (существенная часть которых выселялась вглубь страны насильно), войска могли испытывать нехватку определенных продуктов питания. Все эти шероховатости следовало исправлять Главному интенданту армий Северо-Западного фронта, должность которого занимал Г. В. Акишев, а после его скоростной кончины в июне 1915 г. – Е. Е. Немов.

Обстановка усугублялась эвакуацией оставляемых местностей. Чтобы максимально осложнить жизнь наседаящему неприятелю, к лету 1915 г. военными властями был запрещен вывоз всех основных продуктов питания из мест их нахождения. Еще 6 октября 1914 г. был введен запрет на вывоз из Двинского военного округа, 9 марта 1915 г. – из Минского, 1 мая 1915 г. – из Киевского. При эвакуации военные власти забирали с собой брошенный скот и сжигали амбары с зерном, обязывая землевладельцев уничтожать свои посевы за плату [21, л. 1–2, 45].

Войска летом 1915 г. доносили, что вывозить припасы из оставляемых местностей у них нет возможности, так как много и своего имущества, а местные власти также не имели транспорта. Железные дороги были перегружены, почему и уничтожались все припасы и посевы. В прифронтовых регионах создавались продовольственные совещания для помощи беженцам, но вскоре и они вовлекались в отступление (Вильно, Ковно) [22, л. 69]. Примечательно, что в большие города продовольствие все равно подвозилось, так как эвакуация оставляла людей без запасов. Например, 18 июля Ставка сообщила главнокомандующему армиями фронта М. В. Алексееву, что Варшаве угрожает голод, и следует помочь из интендантских запасов [21, л. 120], а уже через несколько дней польская столица была сдана немцам.

Военные власти даже пытались организовать эвакуацию хлеба из прифронтовой полосы, как очищавшейся перед подходом противника, так и потенциально угрожаемой неприятельским нашествием. С другой стороны, население белорусских губерний неохотно занималось сельскохозяйственными работами, поскольку опасалось, что отступление продолжится, и посевы будут уничтожены. В итоге, когда к октябрю 1915 г. установился позиционный фронт, белорусские крестьяне не только не могли дать войскам хлеб в перспективе (то есть в хозяйствах остались запасы, однако новые посевы стали минимальными), но и сами нуждались в снабжении хлебом. Минский губернатор А. Г. Чернявский 27 ноября отчитывался, что уезды, примыкающие к фронту (Минский, Борисовский, Новогрудский, Игуменский и Пинский), в тяжелом положении, так как население не обсемило поля, а что было – подъядено войсками и беженцами [23, л. 14, 16, 18об.].

В то же время в распоряжении фронтовых властей оказались эвакуируемые ресурсы, прежде всего – скот, отгоняемый в тыл. Офицер-артиллерист так описывает продовольствование войск в период отступления летом 1915 г.: «От недостатка съестных припасов мы не страдаем, так как самое главное – мясо, у нас всегда под рукой, в виде своего собственного небольшого гурта рогатого скота, постоянно еще пополняемого бродячими коровами, брошенными злосчастными крестьянами, ушедшими в беженцы». Кроме того, все деревушки были забиты брошенной домашней птицей, а цена коровы у беженцев могла составлять всего 5 рублей. Неудивительно, что многие солдаты даже отказывались от казенного обеда [24, с. 100, 103, 106]. Поэтому к сентябрю 1915 г. в армию было отправлено всего 189 574 головы скота, так как на фронте был избыток скота в связи с эвакуацией, и отправка летом 1915 г. шла по минимуму [25, л. 17об.].

Дабы соумножить усилия военных и гражданских властей, в ходе отступления под власть фронта передавались все новые регионы, где интендантство могло проводить самостоятельные закупки продуктов питания, так как железные дороги, вынужденные перевозить массу грузов, теперь не только с востока на запад, но и обратно, не справлялись с перегрузками. Например, к сентябрю 1915 г. на Северо-Западном

фронте во всех продовольственных магазинах насчитывалось 24,5 млн пуд продфуража, а средняя месячная потребность действующей армии в 1915 г. – 46,28 млн пуд [26, с. 313]. Поэтому, чтобы компенсировать недовоз, тыловая граница фронтов относилась все дальше вглубь страны, чтобы в распоряжении интендантства были местные запасы и новые склады.

Второй причиной расширения фронтов вглубь страны стал факт эвакуации 1915 г., когда ближайшие к фронту губернии заполнялись различными военными структурами и учреждениями. Прибывавшие из эвакуированных местностей войсковые части первоначально не снабжались местными интендантствами [27, л. 52]. Чтобы питать эти структуры, и расширяли зоны военных округов, подчинявшихся фронтам за счет тыловых военных округов, управлявшихся Военным министерством. Соответственно, для местных властей главной заботой стало урегулирование отношений с войсковым начальством.

В середине августа Северо-Западный фронт был разделен на два – Северный (Н. В. Рузский) и Западный (А. Е. Эверт). Алексеев отправлялся на должность начальника штаба Верховного главнокомандующего, которым стал сам император Николай II. Тем самым фронтовая единица первого года войны оказалась упраздненной. Основное войсковое ядро бывшего фронта перешло в ведение Западного фронта, располагавшегося теперь уже в Белоруссии.

Невзирая на череду сменявших друг друга тяжелых сражений (кампания 1914 г.) и неудач на фронте (кампания 1915 г.), в целом задача продовольственного и фуражного снабжения Северо-Западного фронта, который в начале войны включал в себя две армии, а спустя год – восемь армий, была достаточно успешно решена. Громадную роль в решении задачи сыграли запасы прифронтовых регионов Российской империи, на потребление которых опирались войска, в течение первого года войны испытывавшие затруднения в подвозе. Обилие продфуражных запасов в стране позволило поставлять фронту все виды продуктов питания, сложности заключались лишь в структуре интендантской организации. Как только к концу 1914 г. эта организация была отлажена, войска практически перестали испытывать перебои в снабжении.

Список использованных источников

1. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). – Ф. 826. – Оп. 1. – Д. 338.
2. ГА РФ. – Ф. 826. – Оп. 1. – Д. 341.
3. ГА РФ. – Ф. 826. – Оп. 1. – Д. 343.
4. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). – Ф. 2005. – Оп. 1. – Д. 30.
5. Давыдов, М. А. Всероссийский рынок в конце XIX – начале XX вв. и железнодорожная статистика / М. А. Давыдов. – СПб., 2010. – 828 с.

6. РГВИА. – Ф. 2019. – Оп. 1. – Д. 51.
7. РГВИА. – Ф. 2003. – Оп. 2. – Д. 513.
8. Сулейман, Н. А. Устройство тыла и тактика снабжения в действующей армии / Н. А. Сулейман. – М., 1919. – Вып. 1. – 347 с.
9. ГА РФ. – Ф. 1788. – Оп. 11. – Д. 34.
10. РГВИА. – Ф. 2004. – Оп. 1. – Д. 87.
11. Приказы по армиям Северо-Западного фронта за 1914 г. – [б.м.], 1915.
12. ГА РФ. – Ф. 826. – Оп. 1. – Д. 340.
13. Лодзинская операция. Сборник документов империалистической войны. – М.-Л., 1936. – 505 с.
14. РГВИА. – Ф. 2019. – Оп. 1. – Д. 1.
15. РГВИА. – Ф. 2020. – Оп. 1. – Д. 3.
16. Астахов, А. Б. Русская армия и население: реквизиции в 1915 г. и социальные последствия / А. Б. Астахов // Первая мировая война: взгляд спустя столетие. 1915 год. – М., 2016. – С. 298–309.
17. РГВИА. – Ф. 2000. – Оп. 2. – Д. 1576.
18. Палицын, Ф. Ф. Записки. Северо-западный фронт и Кавказ (1914–1916) / Ф. Ф. Палицын. – М., 2014. – Т. 1. – 318 с.
19. РГВИА. – Ф. 499. – Оп. 3. – Д. 1411.
20. РГВИА. – Ф. 2005. – Оп. 1. – Д. 77.
21. РГВИА. – Ф. 2005. – Оп. 1. – Д. 40.
22. РГВИА. – Ф. 2005. – Оп. 1. – Д. 42.
23. ГА РФ. – Ф. 102. 4-е делопроизводство. – Оп. 1915. – Д. 108. – Ч. 40.
24. Веверн, Б. В. 6-я батарея 1914–1917 гг. / Б. В. Веверн. – Париж, 1938. – Т. 2. – 171 с.
25. РГВИА. – Ф. 369. – Оп. 12. – Д. 2.
26. Сулейман, Н. А. Тыл и снабжение действующей армии / Н. А. Сулейман. – М.-Л., 1927. – Ч. 2: Фронт и армия. – 446 с.
27. РГВИА. – Ф. 1607. – Оп. 6. – Д. 10.

Дата поступления: 22.09.2018

Никонова С. И.

Казанский государственный архитектурно-строительный университет, Казань

Nikonova S.

Kazan state University of architecture and construction, Kazan

УДК 94(47)

«...НА ЛИНИИ ОГНЯ»: РУССКАЯ АРМИЯ В 1917 ГОДУ (НА МАТЕРИАЛАХ 6-Й ФИНЛЯНДСКОЙ СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ)

«...IN THE LINE OF FIRE»: THE RUSSIAN ARMY IN 1917 (ON MATERIALS OF 6 FINLYANDSKY RIFLE DIVISION)

Статья посвящена исследованию состояния российской армии на Юго-Западном фронте в 1917 г. Представленный круг источников иллюстрирует недостаточно изученные страницы истории Великой войны, позволяет составить представление о трансформации сознания солдатской массы, революционных настроениях в действующей армии. Отражен процесс эволюции взглядов на войну, выраженный в письмах с фронта. На основе анализа архивных документов 6-й Финляндской стрелковой дивизии, впервые ставшей объектом исследования, представлена объективная картина военных будней на одном из важных участков фронта накануне заключительных событий Великой российской революции 1917 г.

Ключевые слова: снабжение действующей армии; солдатские комитеты; революционные настроения в армии; 6-я Финляндская стрелковая дивизия; солдатские письма

This article is devoted to the research of the state of Russian army in the 1917. It is based on the archival and other documents which reflect hard and ambiguous position at the Southwestern front of 1917. Sources presented in this article are presenting the events of the Great Patriotic War. The article reflects the process of evolution of opinions about war expressed by the letters from the front. Article is based on the analysis of the archival documents of 6th Finlyandsky rifle division which became the object of research for the first time. An objective picture of military everyday life is presented at the one of the important sector of the front on the eve of the final events of the Great Russian Revolution of 1917.

Keywords: the supply of the army; soldiers' committees; the revolutionary sentiments in the army; 6 Finlyandsky rifle division; the soldiers' letters

Революционные события 1917 г. отразились на всех сторонах жизни российского общества. Особое значение имело состояние действующей армии в условиях мировой войны, российское воинство к началу Великой русской революции в большинстве своем не имело иллюзий насчет «справедливости» войны, революционные настроения все более овладевали российским воинством на передовой линии фронта. Настроения, моральный дух армии во многом предопределили драматические события этого переломного в судьбе России периода. Неслучайно, что борьба за армию занимала ведущее место в программах и стратегии всех политических сил, а от ее поддержки зависела судьба как той или иной политической партии, так и их лидеров.

Положение в действующей армии в 1917 г. можно назвать критическим. Огромные жертвы, отсутствие достаточного снабжения боевой техникой, вооружением, а также неполное обеспечение как офицерскими кадрами, так и нижними чинами, нехватка лошадей, повозок, фуража – все это свидетельствует о кризисе, который сопровождался активизацией деятельности солдатских комитетов, расширением масштаба большевистской пропаганды в войсках, усилением накала антивоенных и революционных настроений солдатского корпуса.

Новые политические реалии в ходе Великой российской революции можно наблюдать в течение 1917 г. на материалах 6-й Финляндской стрелковой дивизии.

29 января 1917 г. из частей 2-й и 4-й Финляндских стрелковых дивизий была сформирована 6-я Финляндская стрелковая дивизия в составе 21, 22, 23 и 24-го Финляндских стрелковых полков. В боевых действиях дивизия в составе 6-го и 49-го армейских корпусов участвовала в операциях 11-й армии на Юго-Западном и Северо-Западном фронтах.

Так, части дивизии в районе юго-западнее Тарнополя вели оборонительные действия с февраля по июль 1917 г, а затем были переброшены на Северо-Западный фронт по направлению к г. Ченстохову.

16.08.1917 г. дивизия назначена к расформированию, с 18.10.1917 г. – она в составе 12-й армии (Северный фронт) [1]. В декабре 1917 г. основной состав дивизии был демобилизован. Таким образом, дивизия существовала всего год, однако это был 1917 судьбоносный год, в течение которого происходила интенсивная трансформация сознания и мироощущения солдатских масс и офицерского корпуса.

О приближающемся коллапсе в 1917 г. свидетельствовали многие факторы. К лету 1917 г. в дивизии явственно проявляются и увеличиваются количественно дисциплинарные нарушения: от участвовавших случаях дезертирства («самовольных отлучек») до небрежно заполняемых дивизионных документов. Остро ощущался некомплект личного состава формирующихся полков дивизии. Так, 24-й Финляндский полк в январе 1917 г. из 3643 положенных по штату нижних чинов в наличии имел 3207 [2, л. 6], подобное положение было и в других частях. Пополнение прибывало на фронт практически не обученное, не владеющее оружием. Команды новобранцев сопровождали приказы следующего содержания: «Окончательная подготовка их (новоприбывших) должна быть закончена при дивизии Вашими работами...» [2, л. 38].

Непосредственно перед боями обучать новобранцев было некому и некогда, дивизионное начальство обязывало заниматься подготовкой пополнения командиров взводов. «Обучение должно быть исключительно одиночное, и лишь для действия в рассыпном строю партии могут быть сведены в отделения и взводы. Манера и привычка взводных командиров сводить партии для занятий во взводы и отделения особо вредно отражается на подготовке к действию огнем и штыком, ибо умение произвести выстрел и нанести удар штыком требует исключительно частного упражнения каждого обучаемого под надзором учителя, для укрепления и исправления неправильностей».

Принятие присяги ратниками запасных батальонов перед отправкой на «линию огня» также перестает быть торжественным актом, ритуал не соблюдается. «При приводе к присяге молодых солдат вверенного Вам батальона мною замечено, что при чтении статей Военного устава о наказаниях, касающихся обязанностей службы в военное время, не было знамени и присутствующие нижние чины не держали “на караул”, ...вследствие чего не было признано значения важности принятия присяги» (из распоряжения начальника 9-й пехотной запасной бригады от 07.08.1915).

Командование делало попытки наладить исчезающую дисциплину, собрать разваливающийся прежний порядок.

«Начальнику полицейской команды выставить полицейский пост у полкового перевязочного пункта, которому наблюдать, чтобы легко раненные нижние чины приносили с собой винтовки и противогазы, а с тяжело ранеными должны приносить также винтовки и противога-

зы сопровождающие их санитары, в приеме каковых старшему врачу полка выдавать раненым квитанции (приказ по 15 Финляндскому стрелковому полку (4 дивизия)).

В действующей армии накануне июльских (1917 г.) наступательных боев ощущался дефицит вооружения, запасных частей к пулеметам, не хватало оружия для офицеров. В этой ситуации командование пыталось найти выход.

«Револьверы системы Наган офицерского образца отпускать за деньги распоряжением Начальника Артиллерии снабжений армий Юго-Западного фронта. Для чего надлежит прислать ...требование, к нему приложить удостоверение командира части в том, что на вооружении у названного офицера нет ни револьвера, ни пистолета. Патроны к револьверу могут быть отпущены из запасов армий по требованию» (начальнику штаба 6 дивизии, апрель 1917).

«В настоящее время поступили в запас фронта для выдачи офицерам за деньги пистолеты системы Кольта стоимостью 42 руб 50 коп (50 патронов к каждому пистолету стоят 4 руб 93 коп.) (состояние на 24.04.1917 г.). Сообщая об этом, Управление Полевого Генерал-Инспектора Артиллерии считает необходимым предупредить, что число имеющихся в распоряжении ...револьверов крайне ограничено, поэтому требую от желающих купить револьвер предъявления удостоверения о неимении револьвера... С не меньшей осторожностью следует относиться и к требованиям об отпуске за деньги патронов особенно к пистолету Кольта в виду, что на каждый пистолет куплено только по 50 патронов...». Однако уже 22.05.1917 г. продажа пистолетов Кольта была остановлена «за отсутствием их» [2, л. 72, 105].

При анализе дивизионных документов можно отметить стремление к строжайшей экономии всех видов вооружения, вплоть до использования трофейного оружия. «...Доложу, что полученный из 21 полка австрийский пулемет № 3281 в настоящем его виде для боевого употребления не годен и отправляется в оружейную мастерскую. Пулемет австрийский № 4378, полученный из 22 полка для правильной и более или менее продолжительной работы, требует замены некоторых частей. Последних у нас нет. Патронных лент по этим пулеметам имеется 12 вместо 72, коробок под ленты вместо 72 только 6». Таким образом, боевая сила команды с получением этих пулеметов несколько не увеличилась (рапорт командиру 24 полка начальника пулеметной команды поручика Ботрака). Вызывает удивление и «Инструкция для пользования неисправными гранатами образца 14 и 12-гг. для подрывных работ», разосланная по полкам 6-й дивизии.

В такой обстановке даже верным присяге офицерам достаточно сложно было сохранять свои убеждения в необходимости войны «до победного конца», а главное – находить аргументы в разговорах с «нижними чинами», особенно после выхода исторического Приказа № 1, «опрокидывающего исстари сложившиеся традиции в русской армии» [3, с. 44].

Офицерский корпус дивизии состоял как из кадровых военных, так и добровольцев, пришедших в армию по патриотическому влечению. В этом ряду выделяется фигура командира 24 полка генерал-майора Евгения Александровича Гротте де Буко (1862–1944), который до войны служил в г. Лиде Гродненской губернии полицейским исправником, а в 1914 г. добровольно вступил в действующую армию, командовал ротой, батальоном, в 1917 г. принял командование 24-м Финляндским стрелковым полком, был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени за личную храбрость. Бывший командир Гротте де Буко, полковник Свечын, писал в своей книге «Искусство управления полком ...»: «Офицерский состав в моем полку был чрезвычайно удачный. У меня было несколько отличных помощников в лице командиров батальонов... отличным командиром был подполковник Гротте де Буко. Это был бесхитростный старик, перед войной Лидский исправник, который по своей доброй воле изменял свою спокойную полицейскую должность на тяжелую профессию – сначала командира роты, потом батальона. Добрая воля, доброжелательность, достаточно крепкие нервы, а затем седина делали на солдат захватывающее впечатление. Солдаты еще не освободились от оков патриархальных представлений, и для них дедушка Гротте являлся несомненным вождем-старейшиной; слушали они его с благоговением и любовью, и после штурма офицеры 1-го батальона рассказывали о том, что они наблюдали солдат, которые хватали дедушку в критическую минуту за фалды и прятали его в вырву, солдаты защищали его своими телами. Молодость – сила, но в определенной обстановке седая борода, приставленная к хорошей голове, также является крупной нравственной силой при условии непосредственного соприкосновения с солдатской крестьянской массой» [4].

Судьба Е. А. Гротте де Буко сложилась драматически. После войны он стал одним из организаторов Белорусского национального движения в г. Лиде, позже выехал в Вильнюс, затем в Польшу и погиб в Варшаве в 1944 г.

И все же патриотизм и мужество, доблесть и отвага командиров и нижних чинов уже не могли спасти ни армию, ни страну, которая двигалась к пропасти, революционные настроения в солдатской среде развивались стремительно.

Эволюцию настроений в армии возможно проследить и по солдатским письмам, которые наполнены горькими словами о невыносимых страданиях человека в окопах, о недостатке продовольствия, отсутствии элементарных условий быта, недостаточном обеспечении патронами и винтовками. Большинство солдат признают бессмысленность войны, ее трагическую безысходность: «Люди гибли, как мухи, смерть косила направо и налево», «толку в войне никакого нет, только пролить кровь», «надоело до чертиков служить и надоело воевать; поскорее бы кончилась война». «Эта жизнь и обстановка накладывает на все какое-то отупение. Все чувства приглушаются, нет ни страха, ни жалости, ко всему относишься безразлично. Все принимаешь, как будто так и быть должно. Не удивительно, что при подобной жизни люди превращаются в зверей» [5, с. 72]. В 1917 г. в письмах отражаются революционные настроения солдат, описания митингов, встречаются упоминания об убийстве офицеров, о появлении солдатских комитетов и их работе, оценка и попытка анализа политической ситуации в стране.

В марте 1917 г. в 6-й Финляндской стрелковой дивизии были сформированы солдатские комитеты, активное большинство их состава было пробольшевистским. Дивизионные делегаты участвовали в работе армейских съездов (XI армия Юго-Западного фронта и XII армия Северного фронта) солдатских депутатов. В выступлениях на съездах, публикациях революционной военной печати рефреном проходит антивоенная линия, более того, в большинстве выступлений делегатов отчетливо звучат революционные, большевистские призывы [6].

Обстановка в отдельно взятой дивизии, находящейся в 1917 г. на самом переднем крае, на линии огня, соответствует положению многих частей российской армии, вступающей в последний акт событий Великой российской революции 1917 г.

Настроения солдатских масс получили яркое отражение в публикациях большевистских изданий, например, «Окопной правды»¹. Пись-

¹ «Окопная правда» («Окопный набат») – большевистская фронтовая газета. Выходила с 30 апреля (13 мая) 1917 до середины февраля 1918 сначала в г. Риге, с 12(25) октября – в г. Вендене (ныне г. Цесис, Латвия).

ма в редакцию нижних чинов, незамысловатые солдатские стихи, резолюции собраний солдатских комитетов – все говорит об изменении обстановки в армии, о стремительном процессе трансформации политического сознания солдатских масс.

Так, в марте 1917 г. настроения в армии еще не носят радикального характера, и солдатские комитеты в своих требованиях довольно умеренны: «...Стоять на страже интересов солдатских масс и следить за правильным удовлетворением солдатских нужд... Разъяснять через ротные и батальонные комитеты события настоящего момента; устраивать литературные собеседования с разъяснением разного рода литературных произведений – книг, журналов, газет, воззваний и приказов. Устройство ротных литературных кружков. Устройство митингов для агитационных целей в свободное от занятий время... Да здравствует единение армии и народа. Да здравствует демократическая республика...» [7, л. 2].

В октябре-ноябре солдатские комитеты переходят к радикальным требованиям и действиям, в их решениях отражаются настроения солдатских масс после неудачного наступления летом 1917 г., а также резонанс на происходящие в стране революционные изменения.

«...Предать суду ген. Корнилова за его измену и предательство не только Риги, но и всей многострадальной России... Опубликовать военный договор ... ибо мы не знаем, за что мы воюем...» [7, л. 21–22].

«...Требовать немедленную передачу власти Совету Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов... Требуется немедленного ареста и предания беспощадному народному суду всех контрреволюционеров и предателей родины, засевавших в ставку, кующих подлый заговор против Революции и сеющих смуту среди солдат... Да здравствует власть пролетариата!...» [7, л. 65].

В результате острой политической борьбы, развернувшейся в стране весной и летом 1917 г., русская армия была деморализована и не способна успешно решать крупные стратегические задачи. Демобилизованные нижние чины, а также часть офицерского корпуса возвращались с театра военных действий с четким пониманием грядущих перемен в стране, которые многие из них связывали с революцией.

Список использованных источников

1. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). – Ф. 2003. – Оп. 2. – Д. 678.
2. РГВИА. – Ф. 2540. – Оп. 2. – Д. 78.
3. «Телефонный кабель шел от нас напрямиком в немецкие окопы...» Воспоминания подпоручика Льва Пунина, встретившего революцию на фронте // Родина. – 2017. – № 2. – С. 42–48.
4. Свечин, А. Искусство вождения полка по опыту войны 1914–1918 гг. / А. Свечин. – М.–Л., 1930. – Т. 1.

5. Рябая, С. А. Письма из действующей армии в Вятскую губернию как источник изучения истории Первой мировой войны / С. А. Рябая // Вестник архивиста. – 2012. – № 3. – С. 65–73.

6. РГВИА. – Ф. 2540. – Оп. 1. – Д. 3.

7. Российский государственный архив социально-политической истории. – Ф. 289. – Оп. 1. – Д.1. – Л. 2, 21–22, 65.

Дата поступления: 25.09.2018.

Терентьев В. О.

Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С. О. Макарова, Санкт-Петербург

Terentev V.

Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping, Saint-Petersburg

УДК 94(47)

199-Й ПЕХОТНЫЙ КРОНШТАДТСКИЙ ПОЛК. ПОСЛЕДНИЙ БОЙ «ВЕЛИКОГО ОТСТУПЛЕНИЯ». ДЕРЕВНЯ СТРЕЛЬНИКИ, 11–13 СЕНТЯБРЯ 1915 ГОДА

199TH INFANTRY KRONSTADT REGIMENT. THE LAST COMBAT OF THE «GREAT RETREAT». STRELNIKI, 11–13 SEPTEMBER 1915

В статье рассмотрено ключевое событие практически неизвестного сегодня сражения за Новогрудок – бой за деревню Стрельники 11–13 сентября 1915 г. В ходе сражения 9-я немецкая армия пыталась прорваться на встречу главным силам, осуществлявшим Свенцянский прорыв. Русские войска, хотя им и пришлось отступить на реку Сервечь, в упорных боях остановили врага, сорвав немецкий замысел стратегического окружения. Бой 199-го пехотного Кронштадтского полка за деревню Стрельники был одним из самых тяжелых и наиболее результативных в Новогрудском сражении: именно после него наступательный порыв германских частей выдохся и войска перешли к долговому позиционному противостоянию.

Ключевые слова: Великая война; Первая мировая война; Беларусь; Новогрудок; Стрельники; 199-й полк; Кронштадтский полк; Великое отступление; 1915 год.

The article outlines the key event of an almost unknown today battle for Novogrudok, which was the fight for the village Strelniki on 11 – 13 September 1915. In the course of action the 9th German Army sought to cut its way to meet the main forces occupied in the Sventiany breakthrough. The Russian troops, though forced to retreat behind the river Servetch, stopped the enemy and thus ruined the German plan of a strategic encirclement. The fight of the 199th Kronstadt infantry regiment for the village Strelniki turned out to be one of the hardest and at the same time the most effective one in the battle for Novogrudok. After this very fight the offensive rush of the German troops weakened and the armies passed on to the long-term trench warfare.

Keywords: Great War; World War; Belarus; Novogrudok; Strelniki; 199th regiment; Kronstadt regiment; Great Retreat; 1915.

За последние годы во всем мире значительно возрос интерес к ранее «забытой» Первой мировой войне. Тем не менее, эта тема, а особенно Восточный фронт, остается малоисследованной. Историками достаточно широко изучены политика, экономика, социальная жизнь в период войны. В военной истории хорошо рассмотрен Брусиловский прорыв 1916 г., заметно внимание к маневренной войне 1914 г., в связи с революционными событиями анализируются 1917 и 1918 гг. Однако научных работ, посвященных «Великому отступлению» 1915 г., крайне мало. Даже фундаментальный «Стратегический очерк войны 1914–1918» показывает его сжато и малоинформативно [1]. Этот период непопулярен

из-за поражений, отступлений, лишений и уныния. Но это тоже часть нашей истории, в которой есть множество значимых и интересных аспектов, изучение которых было бы крайне полезно перед Великой Отечественной войной, а в ряде вопросов не утратило актуальности и сейчас. Изучение «Великого отступления» и отдельных его частей позволяет лучше понять причины развала Русской армии и Российской империи, негативное отношение к России ряда стран нынешней Восточной Европы, а главное – извлечь из забвения подвиги солдат и офицеров, героически сражавшихся «За веру, царя и Отечество!» в гораздо более тяжелых условиях, нежели во времена прорывов и наступлений.

В статье рассмотрено ключевое событие сражения за Новогрудок – бой деревню Стрельники 11–13 сентября 1915 г. Практически неизвестное сегодня сражение за Новогрудок в сентябре 1915 г. шло параллельно с известным Свенцянским прорывом [2]. Главной задачей 9-й немецкой армии был немного-немало прорыв навстречу главным силам, действующим под Сморгонью и Молодечно. Такой широкий прорыв позволил бы свернуть русский фронт от Двинска и до Пинска, повторив события двухмесячной давности. В начале сентября против обескровленных сил 4-й русской армии на узком участке фронта была сосредоточена ударная группа генерала Шеффера, созданная на основе 25-го армейского корпуса. Для обеспечения правого фланга ей в помощь был придан 12-й австрийский корпус. Прорвав слабую оборону русских заслонов на реке Щаре севернее Слонима, группа Шеффера устремилась к Неману в обход Новогрудка. Единственный резерв 4-й русской армии – 14-й армейский корпус, дислоцировавшийся в этом районе, накануне был переброшен под Сморгонь. Во избежание окружения командование 1-й русской армии стало отводить свой левый фланг – 5-й сибирский и 1-й туркестанский корпуса – к Новогрудку.

199-й пехотный Кронштадтский полк в это время входил в состав 50-й пехотной дивизии 5-го сибирского корпуса. Полк был сформирован в 1910 г. в Кронштадте, где и квартировал до начала войны. В сентябре 1914 г. он был переброшен в Польшу и с колес вступил в бой. Вместе с другими частями 5-го сибирского корпуса полк участвовал в Варшавско-Ивангородской операции, Лодзинском сражении, защищал Варшаву. Летом 1915 г. по распоряжению Ставки с боями отошел на Свислочь. С декабря 1914 г. «кронштадтцами» командовал Георгиевский кавалер, полковник Генерального штаба Л. А. Радус-Зенкович, впоследствии один из организаторов Литовской армии и ее Генерального штаба [3, с. 207–217].

К исходу 2 сентября 199-й полк 5-го сибирского корпуса был снят с передовой и к 6 сентября 1915 г. совершил 50-километровый марш к Новогрудку, где занял оборону на реке Невда [2, с. 120, сх. 14]. 8 сентября 5-й сибирский и 1-й туркестанский корпуса общей численностью менее 20 тысяч штыков вступили в бой на оборонительных позициях под Новогрудком с преследующими их частями 12-й германской армии. В это время 4-я русская армия была практически разбита, а ее войска через Валежку и Поручин отошли на восток, за реку Сервечь. Ее преследовали австрийцы. В образовавшийся прорыв устремились 49-я германская резервная дивизия и кавалерия группы Шеффера. Вслед за ними ускоренным маршем выдвинулись 84-я пехотная и 5-я резерв-

ная германские дивизии с тяжелой артиллерией. Группа Шеффера 9-й германской армии, несмотря на длительное участие в боях, имела почти полноценный состав и насчитывала до 45 тысяч штыков и сабель. В сложившихся условиях русское командование, удерживая часть сил Новогрудок, 10 сентября стало отводить часть сил 5-го сибирского и 1-го туркестанского корпусов на реку Сервечь для удержания переправ. Утром 11 сентября 199-й пехотный Кронштадтский полк, отойдя на 35 верст к востоку, занял оборону на рубеже Старые Кольчицы – Тударево – Ровины для обеспечения моста Кореличи – Березовец [4, л. 9 об.; 5, л. 5 об]. Длина участка обороны составляла около 10 верст. К этому времени в составе полка насчитывалось не более тысячи штыков. Треть из них, включая 8 прапорщиков, были из нового пополнения. Личный состав полка, отступавшего от Влоцлавска и Варшавы, был крайне утомлен постоянными переходами.

Днем 11 сентября на правый берег перешли ряд частей 50-й пехотной и 6-й сибирской дивизий. Главные силы 1-го туркестанского корпуса отступали на Негневицы. В этот момент германские дивизии атаковали русские войска на марше. 5-я германская резервная дивизия пошла на штурм Новогрудка, 84-я – на Негневицы, 49-я резервная – на Щерсы. Части последней заняли деревни Полужье, Стрельники, Милушева, Калиновкина, Клиницы и вышли к Сервечи у Щерсовского моста, отрезав 5-й сибирский корпус от 1-го туркестанского [6, л. 21–22]. Кроме того, русские отряды вели бой в Новогрудке и на дорогах к Кореличам и Негневицам. Создалась опасная ситуация разгрома и окружения с последующим прорывом немцев на Молодечно. Это значило бы окружение 10-й, 1-й и 2-й русских армий. В сложившемся положении в русских корпусах были созданы сводные ударные батальоны, задачей которых был прорыв навстречу друг другу для восстановления единого фронта.

В ночь на 12 сентября ударные батальоны пошли на прорыв. У Кольчиц и Марисина, где действовали части 5-го сибирского корпуса против 49-й немецкой дивизии, разгорелся ожесточенный бой, длившийся более суток. Окопы под Марисиным неоднократно переходили из рук в руки. На левом фланге русские солдаты штыковым ударом выбили немцев из деревни Полужье. Навстречу «сибирякам» из Негневицей пошли на прорыв «туркестанцы». В длительном упорном бою за Подгурье им удалось сломить сопротивление противника и штыковым ударом овладеть деревней [7, с. 119; 8, с. 613]. Однако из-за значительного превосходства германцев в пехоте и, главное, в артиллерии пробиться навстречу друг другу так и не удалось. Войска разделяла деревня Милушево,

превращенная немцами в мощный опорный пункт с пушками на прямой наводке и пулеметами.

В этих боях особое место занимает атака 199-го пехотного Кронштадтского полка на деревню Стрельники.

Деревня Стрельники располагается на шоссе Новогрудок – Минск, по которой происходило основное снабжение русского гарнизона Новогрудка. Два пехотных батальона 49-й германской резервной дивизии, перерезавшей шоссе, при поддержке саперов и полевой артиллерии заняли крутой обрывистый берег Кольчицкого ручья и быстро подготовили его в качестве опорного пункта к обороне. Для того чтобы выбить немцев из деревни и освободить шоссе для вывода Новогрудского гарнизона из войск в деревне Кореличи, был ускоренно сформирован ударный батальон 199-го пехотного полка под командованием капитана А. М. Русначенко. Он был создан на основе 9-й роты, усиленной отрядами других подразделений полка. В ночь с 11 на 12 сентября ударный батальон «кронштадтцев» атаковал Стрельники. 9-я рота под командованием прапорщика К. Соколова вдоль шоссе, через ручей, под убийственным ружейным и пулеметным огнем противника стремительным штыковым ударом выбила немцев из окопов и обратила их в бегство. Первой в немецкие укрепления ворвался взвод подпрапорщика Я. Н. Николаева [9, с. 282]. Рота захватила 22 пленных, 2 зарядных (пулеметных) ящика и 13 лошадей пулеметной и тыловой немецких команд [10]. На других участках (Бушки, Новые Кольчицы) ударные отряды успеха не достигли. Тем не менее, деревня Стрельники была захвачена. В начале штурма был тяжело ранен и в январе 1916 г. скончался капитан А. М. Русначенко. Во время атаки был убит выпускник 3-й Петергофской школы прапорщик М. М. Жемойд и ранен прапорщик П. С. Шрейтер [11]. Попытка ударного батальона продвинуться дальше была пресечена шрапнельным огнем немецких орудий, выставленных на прямую наводку в Полонском лесу у кладбища и пулеметным огнем с флангов. В ходе атаки был ранен и попал в плен к немцам прапорщик К. И. Смирнов [11]. При поддержке артиллерии и пулеметов немцы перешли в контратаку, но были отбиты, несмотря на значительное превосходство в силах. Всего ударным батальоном было пленено до 600 немцев, захвачен пулемет и несколько зарядных ящиков [7, с. 119; 8, с. 613]. До вечера русский батальон находился под беспощадным огнем германской артиллерии, но отразил еще несколько атак превосходящих сил противника. Во второй половине дня он был обойден немцами со стороны речки Рута и сражался в полукружении. Обнаружив упорное сопротивление германцев на шоссе, а также по-

лучив известие, что часть сил гарнизона выходит из Новогрудка на Негневичи, командир 199-го полка принял решение отвести ударный отряд назад к Кореличам, где занимали оборону остатки 50-й пехотной дивизии. Вечером батальон, вынося раненых, прорвался к Кореличам и в ночь на 13 сентября отошел за Сервечь. В бою погибло более 100 солдат, в основном из новобранцев. Полк потерял четырех офицеров.

За этот бой командир ударной 9-й роты прапорщик К. Соколов был награжден Георгиевским оружием [10]. Командир взвода подпрапорщик запаса Я. Н. Николаев получил Святого Георгия 3-й степени на основании п.п. 1 ст. 67 Георгиевского Статута, который гласил: «Кто, при штурме укрепленного неприятельского места, первый взойдет в оное» [9, с. 282]. На следующий день приказом главнокомандующего Западным фронтом Яков Николаев был произведен в прапорщики [12].

В течение дня 12 сентября немцы, подтянув тяжелую артиллерию и резервы, атаковали русские позиции в Негневичах, Кольчицах и Тударево. Неоднократные атаки врага были отбиты. Тем не менее, Новогрудок был оставлен, и его гарнизон отошел за Сервечь, оставив боевое охранение в Делятичах и Любче. Части 5-й резервной германской дивизии стали обходить 1-й туркестанский корпус в Негневичах с запада. В ночь на 13 сентября главные силы 1-го туркестанского и 5-го сибирского корпусов отошли на восточный берег Сервечи. 13 сентября немцы попытались форсировать Сервечь, но под Делятичами и Кореличами были разбиты [6, л. 21–22]. К исходу дня оба села и Любча были оставлены русской армией. Немцы, понеся ощутимые потери, прекратили наступление и перешли к обороне по западному берегу Сервечи. До 20 сентября изпод Новогрудка и Негневичей выходили к реке группы окруженцев. 16 сентября 199-й полк короткой атакой на Жуки разгромил немецкий гарнизон, позволив выйти из окружения нескольким группам русских солдат. До 9 декабря 1915 г. на рубеже дорога в Жуки – Новое Село – Верхняя Слобода Кронштадтский полк вел позиционную войну [4; 5].

Бой за Стрельники был одним из самых тяжелых и наиболее результативным на всем участке 5-го сибирского корпуса и в целом по Новогрудскому сражению. Само сражение под Новогрудком сыграло важную роль в ходе кампании 1915 г. и всей Великой войны. Из-за упорных боев, обескровивших ударную группу Шеффера, немецким войскам не удалось достичь ни тактических (окружение и уничтожение двух русских корпусов), ни оперативных (окружение трех русских армий), ни стратегических (разгром Западного фронта и взятие Минска) целей [13, с. 558–559,

sch. 28]. Вскоре Свенцянский прорыв был ликвидирован, фронт надолго застыл в позиционной

войне [2]. На реке Сервечь позиционная война продлилась до февраля 1918 г.

Рис. 1. Окрестности деревни Стрельники в 1915 г.

Список использованных источников

1. Стратегический очерк войны 1914–1918: в 7 ч. – М.: Высш. воен. ред. состав, 1922. – Ч. 4.
2. Елисеев, Н. Ф. Свенцянский прорыв (1915): военные действия на восточном фронте мировой войны в сентябре – октябре 1915 г. / Н. Ф. Елисеев. – М.: Гос. воен. изд-во, 1936.
3. Терентьев, В. О. Командиры 199-го пехотного Кронштадтского полка – выпускники Николаевской академии Генерального штаба / В. О. Терентьев // Николаевская академия Генерального штаба (1832–1918): сб. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2018.
4. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). – Ф. Р-5956. – Оп. 1. – Д. 9.
5. ГАРФ. – Ф. Р-5793. – Оп. 1. – Д. 2.
6. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). – Ф. 500. – Оп. 12519. – Д. 152. – Германские еженедельные сводки.
7. Летопись войны 1914–1917. – 1915. – № 60.
8. Разведчик. – 1915. – № 1299.
9. Патрикеев, С. Б. Сводные списки кавалеров Георгиевского креста 1914–1922 гг. / С. Б. Патрикеев. – М., «Духовная Нива», 2015. – Т.2. III степень.
10. Высочайший приказ 13 ноября 1916 г. // Высочайшие приказы: сб. – 1916. (ВП 13.11.1916)
11. Русский Инвалид. – 17 сентября 1915. – № 204.
12. Высочайший приказ 16 февраля 1916 г. // Высочайшие приказы: сб. – 1916. (ВП 16.2.1916)
13. Der Weltkrieg 1914 bis 1918. V.8. Die Operationen des Jahres 1915. Die Ereignisse im Westen im Frühjahr und Sommer, im Osten vom Frühjahr bis zum Jahresschluß. – Berlin, 1932.

Дата поступления: 25.09.2018.

Волкава В. В.

Рэспубліканскі інстытут вышэйшай школы, Мінск

Volkava V.

National Institute for Higher Education, Minsk

УДК [94(476)+338.22(=112.2)(476)(091)]“1915/1918”

ПРЫЦЯГНЕННЕ НАСЕЛЬНІЦТВА АКУПРАВАНАЙ ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ НА ПРЫМУСОВЫЯ РАБОТЫ Ё ГАДЫ ПЕРШАЙ СУСВЕТНАЙ ВАЙНЫ

INVOLVEMENT OF THE POPULATION OF THE OCCUPIED TERRITORY OF BELARUS FOR FORCED WORK DURING THE FIRST WORLD WAR

У артыкуле аўтар акрэслівае два кірункі праблемы прыцягнення грамадзянскага насельніцтва на прымусовыя работы нямецкай акупацыйнай уладай: вываз насельніцтва для работ у Германію і выкарыстанне працоўных рэсурсаў на месцы. На акупіраваных тэрыторыях, у тым ліку ў зоне *Обер-Ост*, эканамічна абгрунтаваным лічылася выкарыстоўваць працу грамадзянскага насельніцтва на месцы: на ваенных аб'ектах, у сельскай гаспадарцы, лесанарыхтоўках (асабліва ў *Белавежскай пушчы*), добраўпарадкаванні гарадоў. У разглядаемы перыяд (ад пачатку акупацыі ў кастрычніку 1915 г. да лютага 1918 г.) вярбоўка для адпраўкі на працу ў Германію не насіла масавы характар. З верасня-кастрычніка 1916 г. ствараліся працоўныя батальёны, з верасня 1917 г. – рабочыя каманды з мясцовага мужчынскага насельніцтва. Заканадаўча рэгуляваліся ўмовы пражывання, харчавання, аплаты працы работнікаў.

Ключавыя словы: Першая сусветная вайна; нямецкая акупацыя; беларускія тэрыторыі; *Обер-Ост*; грамадзянскае насельніцтва; прымусовыя работы.

The author outlines two ways the problem of attracting the civilian population for forced work of the German occupation authorities: the export of the population to work in Germany and the use of work resources in place. In the occupied territories, including in *Ober-Ober* zone, was considered economically justified to use the work of the civilian population on the ground: at a military facility, in agriculture, forestry (especially in the *Bialowieza Forest*), improvement of cities. In the period under review (from the beginning of the occupation in October 1915 to February 1918) the recruitment to be sent to work in Germany did not carry mass character. From September-October 1916 created a battalion of workers from September 1917 – work teams from the local male population. Legislature to regulate the conditions of accommodation, meals, compensation of employees.

Keywords: World War I; german occupation; Belarusian territories; *Ober-Ost*; civilians; forced work.

У адрозненне ад перыяду Другой сусветнай вайны, пытанне прыцягнення грамадзянскага насельніцтва на прымусовыя работы ў перыяд нямецкай акупацыі Беларусі з 1915 па 1918/1919 гг. у беларускай і нямецкай гістарыяграфіі амаль не даследавана. Выключэннем з'яўляецца выдадзеная на аснове дысертацыі манаграфія нямецкага гісторыка К. Вестэрхофа «Прымусовыя работы ў гады Першай сусветнай вайны: нямецкая палітыка адносна працоўных рэсурсаў у Польшчы і Літве» (2012). У кнізе закранаюцца сюжэты, якія датычацца беларускіх акупіраваных тэрыторый, у тым ліку выкарыстанне працы мясцовага насельніцтва ў *Белавежскай пушчы* [1]. У вывучэнні гэтага пытання неабходна вылучыць два кірункі: вываз насельніцтва для работ у Германію і выкарыстанне працы мясцовых рабочых на месцы.

У параўнанні з Варшаўскім генерал-губернатарствам, дзе мэтанакіравана праводзілася вярбоўка мясцовага насельніцтва для адпраўкі на працу ў Германію, у зоне *Обер-Ост* эканамічна

абгрунтаваным лічылася выкарыстоўваць яго на месцы [2, с. 85–93]. У першую чаргу, гэта было звязана з вялікім попытам на рабочую сілу ў перапрацоўцы лясной і сельскагаспадарчай сыравіны для эфектыўнай загатоўкі для патрэб арміі і для вывазу яе ў Германію. Тэрыторыі *Обер-Ост* і іх аграрны і лясны патэнцыял разглядаліся з пункту гледжання пастаўшчыка прадуктаў харчавання на ўнутраны нямецкі рынак і лясной сыравіны для прадпрыемстваў Усходняй Прусіі. Найбольш важнае значэнне ў забеспячэнні сыравінай дрэвапрацоўчай, будаўнічай галін прамысловасці, цэлюлозных заводаў, парахавых і папяровых фабрык надавалася *Белавежскай пушчы* [3, арк. 6].

З іншага боку, нямецкая адміністрацыя праводзіла асобныя мерапрыемствы, каб не дапусціць вываз работнікаў па-за межы акупіраванага рэгіёна. Так, у чэрвені 1916 г. Галоўнае ўпраўленне *Обер-Ост* увяло абмежаванні на вываз кваліфікаваных работнікаў прамысловасці (чэрвень 1916 г.) [4]. 13 снежня 1917 г. было выдадзена распараджэнне шэфа генеральнага

штаба пры Галоўнакамандуючым на Усходзе М. Хофмана «Аб забароне нелегальнай вярбоўкі работнікаў» [5]. Спасылаючыся на ранейшыя распараджэнні палітычнага V аддзела Галоўнага ўпраўлення Обер Ост ад 12 ліпеня і 6 верасня 1917 г., распараджэнне ад 13 жнежня 1917 г. дазваляла свабодную вярбоўку і вываз ў Германію толькі яўрэяў абодвух палоў і жанчын-сельскагаспадарчых работніц без абмежаванняў. Мужчын-хрысціян дазвалялася вывозіць толькі з ваеннага ўпраўлення Беласток – Гродна і этапных інспекцый Буг і Войрш. У Вільні, Гродна і Беластоку былі створаны яўрэйскія камітэты па вярбоўцы работнікаў «Дапамога праз работу» (ням. Hilfe durch Arbeit), якія дзейнічалі пры дазволе шэфу ўпраўленняў. Вярбоўка рабочай сілы ў Обер Ост для вывазу ў Германію знаходзілася выключна ў руках нямецкага бюро пошуку работнікаў (ням. Deutsche Arbeiter-Zentrale). Любая нелегальная вярбоўка забаранялася.

Распараджэнне стала адказам на сітуацыю, у якой вярбоўка работнікаў на вёсцы нямецкімі прадпрымальнікамі для розных ваенных служб адбывалася без дазволу мясцовых ваенных улад. У такіх умовах прадпівалася, што выдача даволаў для свабоднай вярбоўкі насельніцтва для работ павінна адбывацца выключна шэфамі адміністрацый у ваенных ўпраўленнях Курляндзя, Літва і Беласток – Гродна, этапнымі інспектарамі – у этапных інспекцыях Буг і Войрш, армейскімі камандаваннямі – у вайскова-аперацыйнай паласе. Пры патрэбе ў работніках прадпівалася звяртацца непасрэдна ў павятовую адміністрацыю, у этапныя камандатуры (для тылавых раёнаў Войрш і Бург), у камандаванне ваенных частак (для вайскова-аперацыйнай паласы). Потым заяўкі на работнікаў падаваліся ў вышэйшую адміністрацыю (адпаведна ў ваенныя ўпраўленні, этапныя інспекцыі, армейскія камандаванні).

Пункты вярбоўкі работнікаў для адпраўкі ў Германію былі арганізаваны ў Вільні, Беластоку, Марыямпалі, Сувалках, Коўна, Бельску, Гродна, Лідзе, Валкавыску, а таксама ў Бяла-Падляску, Пружанах і Драгічыне [6, с. 87].

Паводле даных урадавай камісіі па пытаннях работнікаў пры Міністэрстве сельскай гаспадаркі Германскай імперыі, за ўвесь перыяд акупацыі з тэрыторыі зоны Обер Ост было вывезена 34 108 чалавек [2, с. 95]. Даняя па асобных ўпраўленнях адсутнічаюць. Пакуль гісторыкамі не выяўлены больш дакладныя звесткі пра вываз насельніцтва з беларускіх тэрыторый Обер Ост. Аднак, паводле нямецкіх статыстычных звестак, дакладна вядома, што мінімум 4194 чалавека ў перыяд з сакавіка 1916 г. па люты 1918 г. былі вывезены ў Германію з ўпраўленняў Гродна і Беласток, якія 1 лістапада 1916 г. былі аб'ядна-

ны ў адно ваеннае ўпраўленне Беласток – Гродна, а з 1 лютага 1918 г. увайшлі ў склад ваеннага ўпраўлення Літва (раён Літва-поўдзень). У склад гэтых адміністрацыйна-тэрытарыяльных адзінак уваходзіла большасць сучасных беларускіх тэрыторый. Колькасць жыхароў у 4,2 тыс. чалавек сведчыць аб тым, што вываз насельніцтва з беларускіх тэрыторый на працы ў Германію не насіў масавы характар. Так, з Галоўнага ўпраўлення Гродна ў перыяд з 16 сакавіка па 30 верасня 1916 г. у Германію было адпраўлена 304 чалавека. З іх 95 мужчын і 64 жанчыны былі накіраваны на сельскагаспадарчыя работы, 131 мужчына і 14 жанчын – на прадпрыемствы [7, с. 20]. З ўпраўлення Беласток – Гродна з красавіка па снежань 1917 г. было вывезена 3834 чалавека, з іх 2293 мужчыны і 1 542 жанчыны. Па канфесійнай прыкмеце 3509 работнікаў былі хрысціянамі, 326 – іўдзеямі. Найбольшая колькасць была вывезена ў чэрвені 1917 г. – 2664 чалавека. За два месяцы 1918 г. было вывезена яшчэ 56 чалавек. Вываз насельніцтва ў Германію адбываўся і з тылавога раёна Войрш. З лютага па лістапад 1917 г. было вывезена 975 чалавек, з іх 213 мужчын, 678 жанчын і 84 дзіцяці (табліцы 1, 2) [6, с. 90–91].

Адразу пасля стабілізацыі лініі фронту на акупіраваных тэрыторыях нямецкія ваенныя ўлады пачалі выкарыстоўваць працу мясцовага насельніцтва на месцы: пра рыцці акапаў і ўзвядзенні земляных насыпаў [9, арк. 1; 10, арк. 1–2]. Шырока прыцягвалася насельніцтва пры добраўпарадкаванні гарадоў (на работах па пабудове каналізацыі і вадаправода, умацаванні берагоў рэк, брукаванні вуліц, перабудове дамоў для адміністрацыйных патрэб, назапашванні і падвозе торфу і г. д.). Ужо 22 верасня 1915 г. у Вільні абвешчаліся наборы на работы. За працу прадугледжвалася плата: 1,20 маркі – мужчынам, 0,80 маркі – жанчынам і падлеткам, маладзейшым за 16 год [11, арк. 1]. Аднак ужо ў маі 1916 г. асобна прадпівалася плата ў 0,30 маркі для дзяцей [6, с. 84]. Адміністрацыі гарадоў вывешвалі апавяшчэнні аб працах, якія прапанаваліся «ўсім здольным да працы мужчынам і кабетам, каторым мінула 14 гадоў» [12, арк. 4].

У сельскіх мясцовасцях жанчыны і падлеткі працавалі на невялікіх фабрыках і станцыях па пераапрацоўцы сельскагаспадарчых прадуктаў.

У сярэдзіне 1916 г. ва ўмовах інтэнсіўнага выкарыстання зямельных плошчаў, пераапрацоўкі прадуктаў сельскай гаспадаркі ў прымысловасці і лясной гаспадарцы назіраўся ўсё больш узростаючы попыт на рабочыя рукі пры недахопе добраахвотных працаўнікоў. У такіх умовах распараджэннем ад 16 верасня 1916 г. аб'яўлялася аб выкарыстанні працы мужчын ва ўзросце 16–50 гадоў і жанчын 18–45 гадоў на ваенных

аб'ектах, на будаўніцтве нямецкіх ваенных умацаванняў, падрыхтоўцы пляцовак для ваеннай тэхнікі, у сельскай гаспадарцы і лесанарыхтоўках [7, с. 20]. Згодна з распараджэннем мясцовае насельніцтва не мела права адмовіцца ад работ, якія загадала адбываць нямецкая адміністрацыя [13, с. 100]. Пры адмове прадугледжвалася турэмнае заключэнне да пяці гадоў. Паводле «Інструкцыі аб фарміраванні і выкарыстанні рабочых батальёнаў з грамадзянскага насельніцтва» за подпісам галоўнага квартэрмайстра генерал Ё. фон Эйзенгарт-Ротэ ад 3 кастрычніка 1916 г. прадугледж-

валася, што ўсё мясцовае мужское насельніцтва, старэйшае за 17 гадоў, можа быць прыцягнута да работ у прымусовым парадку. Адзначалася аднак, што добраахвотная вярбоўка з'яўлялася пераважнай. Паводле распараджэння на тэрыторыі Обер-Ост былі арганізаваны пяць батальёнаў грамадзянскіх работнікаў (Zivilarbeiterbataillone) пад нумарамі 8, 10, 12, 13 і 14. Пазней батальёны 8 і 14 былі аб'яднаны. Колькасць дасягала 2000 мужчын у кожным з батальёнаў. На чэрвень 1917 г. у батальёнах налічвалі каля 6 тыс. чалавек (табліца 3) [6, с. 80].

Табліца 1

Насельніцтва, адпраўленае на працы ў Германію з тэрыторыі ўпраўлення Беласток – Гродна ў перыяд з красавіка 1917 г. па люты 1918 г. (з 1 лютага 1918 г. з раёна Літва-поўдзень)

Перыяд (год, месяц)	Работнікі хрысціянскага веравызнання				Работнікі-іўдзеі			Агульная колькасць работнікаў
	муж			жан	муж		жан	
	квал	неквал	с/г		квал	неквал		
1917: красавік	4	1	9	3	2	–	–	19
май	–	36	376	273	8	–	–	693
чэрвень	1	48	1401	1205	9	–	–	2 664
ліпень	–	6	49	29	1	2	–	87
жнівень	1	10	–	5	6	71	–	93
верасень	–	6	4	8	–	87	–	105
кастрычнік	1	–	6	13	13	51	1	85
лістапад	–	3	3	5	8	42	–	61
снежань	1	2	–	–	2	23	–	28
за 1917 г.	8	112	1848	1541	49	276	1	3834
1918: студзень	–	2	–	9	2	22	–	35
люты	5	6	1	8	1	–	–	21
за 1918 г.	5	8	1	17	3	22	–	56
за ўвесь перыяд	13	120	1849	1558	52	298	1	3890

Табліца 2

Насельніцтва, адпраўленае на працы ў Германію з тэрыторыі этапнай інспекцыі Войрш у перыяд з лютага па лістапада 1917 г.

Перыяд (год, месяц)	Работнікі хрысціянскага веравызнання				Работнікі-іўдзеі			Агульная колькасць работнікаў
	муж			жан	муж		жан	
	квал	неквал	с/г		квал	неквал		
1917: люты	–	–	25	93	–	–	–	118
сакавік	–	–	48	235	–	–	–	283
красавік	–	–	1	32	–	–	–	33
май	–	–	60	138	1	–	–	199
чэрвень	–	–	61	184 + 84 дзіцяці	–	–	–	245 + 84 дзіцяці
ліпень	–	–	–	–	–	–	–	–
жнівень	–	–	2	–	–	–	–	2
верасень	–	–	1	–	–	–	–	1
кастрычнік	2	–	–	–	–	–	–	2
лістапад	–	4	–	–	–	8	–	8
за ўвесь перыяд	2	4	198	678 + 84 дзіцяці	1	8	–	891 + 84 дзіцяці

Табліца 3

Колькасць работнікаў у рабочых батальёнах на тэрыторыі Обер Ост на чэрвень 1917 г.

Батальёны грамадзянскіх работнікаў (нумары)	Прыцягнутыя да працы работнікі		Агульная колькасць работнікаў
	добраахвотна	прымусова	
8	23	1685	1708
10	202	1387	1589
12	592	631	1223
13	190	1330	1520
разам	1007	5033	6040

Як адбываўся набор у працоўныя батальёны, сведчыць газета «Гоман». Так, паводле распараджэння гарадской адміністрацыі Вільні ад 20 лістапада 1916 г. у горадзе праводзіліся агляды мужчын ад 17 да 60 гадоў для вызначэння іх здольнасці да выканання работ. Ад агляду вызваліліся духоўныя асобы, вучні школ равінаў і каталіцкіх семінарыяў, настаўнікі, дактары, аптэкары і ветэрынары. Заможныя асобы маглі вызваліцца ад работы на шэсць месяцаў за плату ў 600 марак. За гэтыя грошы прадугледжвалася пакупка цёплага адзення для працаўнікоў. Існуюць архіўныя звесткі, якія пацвярджаюць выпадкі, калі ад працы можна было адкупіцца 30 маркамі ці большымі сумами. З тых асоб, якія не маглі адкупіцца ад працы, фарміраваліся працоўныя батальёны [14].

Аднак летам 1917 г. батальёны грамадзянскіх работнікаў пачалі распускаць з прычыны «нарастаючай антынямецкай прапаганды». Распараджэнне аб ліквідацыі батальёнаў было апублікавана 22 верасня 1917 г. палітычным аддзелам Галоўнага ўпраўлення Обер Ост. У новых умовах да работ сталі прыцягвацца толькі свабодныя работнікі (*freie Arbeiter*), якія стваралі «рабочыя каманды» (*Arbeterabteilungen*) [6, с. 81]. Пад свабоднымі работнікамі разумеліся асобы, якія адпрацоўвалі судовыя ці паліцэйскія штрафы. Даныя аб колькасці асоб, якія былі прыцягнуты ў гэтыя рабочыя каманды, пакуль не выяўлены.

31 кастрычніка 1916 г. кіраўніком адміністрацыйнага штаба Ё. фон Эйзенгарт-Ротэ было зацверджана распараджэнне, якое рэгулявала пражыванне, забеспячэнне харчаваннем, адзеннем, медыцынскай дапамогай і падзяляла работнікаў на вольнанаёмных, ваеннапалонных і тых, хто адпрацоўваў штрафы. Распараджэнне ад 29 студзеня 1917 г. рэгулявала пытанне аплаты працы. Так, паводле яго ў залежнасці ад узросту, полу і віда працы прадугледжвалася розная штодзённая плата (шэсць катэгорый). Работнікам да 18 гадоў магло быць выплачана ад 1,5 да 2 марак; жанчынам – ад 1,7 да 3 марак; некваліфікаваным работнікам, на земляных работах і будаўніцтве чыгункі, работнікам майстэрняў, вознікам – ад 2,5 да 3,8 маркі; кваліфікаваным рамеснікам,

будаўнікам, лесасекам, старшым работнікам – ад 3 да 5 марак. Кваліфікаваныя чыгуначнікі і рамеснікі маглі атрымаць ад 3,7 да 5,5 маркі, а высокаадукаваныя вузкія спецыялісты – ад 5 да 8 марак. Праз некаторы час працы (ад шасці тыдняў да трох месяцаў) плата магла быць павышана. У канцы 1917 г. тарыфы аплаты былі павышаны прыкладна на 60 %. Мінімальная аплата гарантавалася, але верхняя мяжа ўзрасла да 3, 5, 6, 8, 9 і 13 марак адпаведна. Харчаванне і вяртанне павінны былі самазабеспячывацца самімі работнікамі пры сельскагаспадарчых працах. Пры працяглай працы пры вайсковых частках харчаванне забеспячвалася з армейскіх магазінаў [6, с. 85–86].

Для работнікаў, прыцягнутых на прымусовыя работы з ліку тых, хто адпрацоўваў штрафы, харчаванне рэгулявалася наступным чынам. Порцыя на чалавека на дзень павінна была складаць 500 г хлеба; 5 дзён у тыдзень – прадугледжвалася выдача па 100 г свежага, засоленага ці сухога мяса, ці 80 г вэнджанага мяса, ці 150 г салёнага селядца. У якасці гарніра прадугледжвалася на дзень 125 г рыса, пярлоўкі, маннай крупы, ці 250 г бабовых ці мукі, ці 60 г сушанай гародніны, ці да 500 г бульбы, ці 100 г сушанай бульбы. Акрамя таго, прадугледжвалася 25 г солі, 11 г кавы на дзень. Прадпісвалася выдаваць тлушчы, таксама 40 г сала раз на 15 дзён, 100 г кансерваў раз на 10 дзён, 100 г салодкага раз на 5 дзён [16, арк. 245адв.]. Плата за харчовае ўтрыманне вылічвалася з аплаты за работы ў працоўных батальёнах. Нягледзячы на ўстаноўленыя нормы, харчовае забеспячэнне ў працоўных батальёнах часта ім не адпавядала. Часта на дзень паёк складаў 250 г хлеба і 1 літр супа [13, с. 102].

Прымусова мабілізаваныя на работы жыхары знаходзіліся ў выключна цяжкіх умовах на вайсковых і лесанарыхтоўчых аб'ектах. Недастатковае харчаванне і забеспячэнне адзеннем і абуткам, пражыванне нават зімой у бараках без ацяплення, у якія вярталіся работнікі пасля шматгадзіннай працы, прыводзілі да частых выпадкаў абмаражэння. У такіх умовах непазбежна пашыраліся эпідэміі тыфу, сухотаў, халеры. Гэта прыводзіла да распаўсюджвання інфекцый-

ных хвароб і высокай смяротнасці [17, с. 62–65]. Часта ў павятовую адміністрацыю дасылаліся прашэнні аб вызваленні ад палявых ці лясных работ па прычыне наяўнасці асабістага вялікага надзелу зямлі, які было неабходна апрацоўваць і з якога збіраліся падаткі [18, арк. 168]. Дэклараваная дзённая аплата ў 1,5 маркі часта зніжалася да 1 маркі ці наогул не выплачвалася. Цяжкія ўмовы працы і малая аплата за яе прыводзілі да пабегаў, асабліва з зімовых прац па рыцці акапаў у прыфрантавых раёнах [15, арк. 4адв.].

Міхал Брэнштэйн пісаў: «Увядзенне хлебных картак, забарона змены месца жыхарства прыводзіла працоўных, якія шукалі зарабатак, у адчайны настрой. Гэтым карысталіся нямецкія ўлады. Работнік імі прымушаўся да працы, страчваў права і годнасць чалавека, страчваў рысы вольнага, трактаваўся як нявольнік, працаваў над наглядом нямецкіх ваенных. Работнікаў хапалі на вуліцах, выцягвалі з дамоў, прымушаючы іх працаваць дрэнна апранутых і абутых, па начах, у неапааленых месцах. Супраць міжнароднага права іх пасылалі умацоўваць фронт, адкуль яны вярталіся з адмарожанымі канечнасцямі і ранамі ад куль» [19, арк. 4].

Мал. 1. Абедзенны перапынак грузчыкаў.

Крыніца: Bialowies in deutscher Verwaltung. H. 1. Die Eroberung des Urwaldes. Die Erschliessung des Urwaldes. Das Waldgebiet. Die wirtschaftliche Erschliessung. Die wissenschaftliche Erforschung / hrsg. von der Militärforstverwaltung Bialowies. – Berlin: P. Parey, 1917.

На тэрыторыях па-за межамі Ober Ost, у тылавым раёне Войрш, грамадзянскае насельніцтва таксама прыцягвалася да работ розных відаў. Так, з 27 красавіка 1916 г. на работы магло вызывацца ўсё мужское насельніцтва ад 17 гадоў [20]. «Пінская газета», афіцыйны друкаваны орган 41-га рэзервавага корпуса, змясціла 15 ліпеня 1916 г. аб'яву аб тым, што для збору ўраджаю 1916 г. аб'яўляўся набор рабочых і дзяцей, старэйшых за 12 гадоў. За працу прадугледжваўся штодзённы

паёк у 400 гр. хлеба і аплата грашыма да 1,5 маркі ў залежнасці ад аб'ёму выкананай працы [21]. Аднак ужо ў наступным нумары 16 ліпеня ўдакладнялася, што порцыя хлеба будзе выдавацца роўная 200 гр., а на працу могуць запісвацца толькі падлеткі 12–17 гадоў і жанчыны, не занятыя працай пры вайсковых часцях [22].

На некаторыя працы можна было запісацца ў гарадской адміністрацыі Пінска, для выканання іншых прысылаліся асобныя адрасныя павесткі на чырвонай паперы. Асоба, якая атрымала такую павестку, павінна была асабіста выйсці на работу, перадача павесткі трэцяй асобе забаранялася. Пры адсутнасці на месцы працы па нейкай прычыне накладваўся штраф у 1,5 маркі за адзін дзень. Усялякая спроба абыйсці гэтую пастанову наказвалася арыштам з выкананнем прымусовых работ [23].

Перыядычна ў камендатуры праводзілася рэгістрацыя жыхароў са складаннем спісаў працаздольнага насельніцтва, так званыя «рабочыя спіскі» (Arbeiterliste). Так, з 16 па 30 студзеня 1917 г. у Пінску праводзілася рэгістрацыя ў камендатуры ўсіх жыхароў мужскога полу ва ўзросце ад 14 да 50 гадоў. З 26 лютага па 3 сакавіка 1917 г. у камендатуры праводзілася рэгістрацыя ўсіх дзяўчын ад 16 да 35 гадоў, роўна як і ўсіх жанчын, якія не мелі мужа і дзяцей, у тым жа ўзросце [24]. Горад быў падзелены на сем участкаў паводле тэрытарыяльнага прынцыпу. Жыхары кожнага ўчастка павінны былі прыходзіць у вызначаны дзень у камендатуру з дакументамі (пашпартамі, метрычнымі запісамі). Пры няўцы прадугледжваўся штраф ці арышт, як крайні сродак – высылка з гарада [25]. З 23 па 24 красавіка 1917 г. праводзілася рэгістрацыя падлеткаў 13–15 гадоў [26]. Рабочыя, якія былі запісаны ў рабочыя спісы камендатуры, забяспечваліся харчаваннем ці ваеннымі часткамі, пры якіх яны працавалі, ці камендатурай г. Пінска [27].

У значна большай ступені праца мясцовага насельніцтва выкарыстоўвалася ў лясной гаспадарцы. Адзначым, што ў адміністрацыйнай структуры Галоўнага ўпраўлення Ober Ost пытаннямі лясной гаспадаркі займаўся аддзел лясніцтва [28]. Паводле афіцыйнага штатнага раскладу пад назвай «Арганізацыйная структура аддзелаў адміністрацыі пры штабе Ober Ost» у ліпені 1917 г. пасля некалькіх змен унутраннай структуры аддзел стаў складацца з 4 секцый: VII В1 – лясная адміністрацыя, дрэваапрацоўка, VII В2 – пытанні лясной адміністрацыі на тэрыторыях этапнай інспекцыі Буг і армейскай групы Войрш, VII В3 – хімічныя і тэхнічныя прадпрыемствы, VII В4 – кантроль над лесапільнямі [29, с. 8].

Для арганізацыі эксплуатацыі лясоў у зоне Ober Ost была ўтворана адпаведная асобная

сістэма кіравання з пяці ваенных лясных адміністрацый (Militärforstverwaltung) Курляндыя, Літва, Гродна, Беласток і Белавежа, кіраўнікі якіх падпарадкоўваліся напраму аддзелу лясніцтва, а не шэфам упраўленняў Обер Ост. Ваенныя лясныя адміністрацыі, у сваю чаргу, падзяляліся на 42 ваенна-лясныя інспекцыі (Forstinspektion) [30, с. 266]. Тэрытарыяльна да ўпраўлення Курляндыя адносілася восем ваенных лясных інспекцый, да ўпраўлення Літва – 17, Гродна – 6, Беласток – 4, Белавежа – 7. Служачыя ў іх рэкрутаваліся з ваенных чыноў. У 1918 г. агульны склад лясной адміністрацыі зоны Обер Ост налічваў больш за 3,2 тысячы служачых [6, с. 111]. На сучасныя беларускія тэрыторыі распаўсюджвалася юрысдыкцыя ваенных лясных адміністрацый Гродна, Беласток і Белавежа. Па нямецкіх падліках, агульная плошча іх лясоў складала 363 479 га. Самым буйным лясным масівам была Белавежская пушча, якая займала 137 800 га. Гродзенскія лясы займалі 108 050 га, а беластоцкія – 117 629 га [31, с. 71].

Кіраўніцтва ляснымі абшарамі занятых тэрыторый фарміравалася паступова. Так, 11 верасня 1915 г. была ўтворана ваенная лясная адміністрацыя з цэнтрам у Беластоку, у кастрычніку сядзіба была перанесена ў в. Задуб'е (каля Гродна). У сваім складзе яна мела шэсць ваенных лясных інспекцый: Задуб'е (сядзіба ў в. Задуб'е), Гродна (в. Казіміраўка), Парэчча (в. Зубрава), Нача (в. Нача), Шчучын (в. Алічэвічы), Бершты (в. Зуброўка). Акрамя таго, спецыяльна вылучаліся адміністрацыя Васілішкі, лесапільня і дрэвапрацоўчая фабрыка ў Азёрах. 28 верасня 1915 г. была ўтворана Беластоцкая ваенная лясная інспекцыя з сядзібай у Беластоку. Яна мела ў сваім складзе чатыры лясныя інспекцыі: Беласток-усход, Беласток-запад, Нараў (сядзіба ў Беластоку), Фронт (сядзіба ў Дзятлава) [31, с. 71]. Найбольш вялікая па плошчы Белавежская ваенная лясная адміністрацыя, утвораная 30 верасня 1915 г., мела ў сваім складзе восем лясных інспекцый [6, с. 111]. Да 1918 г. іх колькасць зменшылася да сямі. З іх Белавежа, Падальяны, Гайнаўка, Малая Нараўка знаходзяцца на тэрыторыі сучаснай Польшчы, а Чарлянка, Ціхаволя-поўнач (сядзіба

ў Дабраволі), Ціхаволя-поўдзень – у сучаснай Беларусі. Шэфам лясной адміністрацыі Белавежа і аднайменнай камендатуры з 1 кастрычніка быў прызначаны Г. Эшэрых [32]. У структуры Белавежскай адміністрацыі выдзялялася некалькі аддзелаў, кожны з якіх адказваў за асобны кірунак дзейнасці: I – лес, II – эканоміка, III – тэхнічнае забеспячэнне, IV – хімічная апрацоўка, V – палявыя вузкакалейкі, VI – ваенна-санітарная справа, VII – упраўленне бюджэтам і фінансавымі сродкамі [29, с. 61].

У канцы 1916 г. у ваенных лясных адміністрацыях Белавежа, Беласток, Гродна працавала каля 16 тыс. чалавек. Найбольшая колькасць мясцовага насельніцтва выкарыстоўвалася для прац ў Белавежы. «Ні адна вытворчасць у зоне Обер Ост не была так хутка і ў такой высокай меры забяспечана працоўнай сілай, машынамі і транспартнымі шляхамі, у першую чаргу вузкакалейнымі чыгуначнымі, як Белавежа», – пісаў В. фон Гауль, шэф палітычнага аддзела Галоўнага упраўлення Обер Ост [2, с. 96]. Кіраўнік этапнай камендатуры Дзярэчын, пазней шэф упраўлення Беласток – Гродна і шэф аб'яднанага ўпраўлення Літва Т. фон Хеппе, у сваіх успамінах пісаў аб 5 тыс. работнікаў з грамадзянскага насельніцтва ў Белавежскай пушчы на стан канца 1916 г. [33, арк. 61]. Акрамя таго, на лесанарыхтоўках працавалі ваеннапалонныя (найбольшыя нацыянальныя групы прадстаўлялі рускія і французы) (табліца 4).

У сваім дакладзе «Аб значэнні Белавежскай пушчы для нямецкай гаспадаркі» ад 23 жніўня 1917 г. кіраўнік Белавежскай ваеннай лясной адміністрацыі вызначыў прыкладную колькасць грамадзянскага насельніцтва, якое было задзейнічана на працах у пушчы, у межах 8–10 тыс. чалавек, цяглавай жывёлы, – 1–1,2 тыс. галоў [3, арк. 5]. Адзначаная колькасць працаўнікоў, аднак, прызнавалася недастатковай для выканання запланаваных аб'ёмаў працы, а фізічны стан работнікаў не задавальняў нямецкую адміністрацыю. Для працы ў лясах насельніцтва набіралася з бліжэйшых гарадоў: Беластока, Бельска, Пружан, Ваўкавыска, Новага Двара і Свіслачы. Работнікаў з бліжэйшых вёсак не хапала, бо большая частка насельніцтва была прымусява выселена

Табліца 4

Колькасць работнікаў у ваенных лясных адміністрацыях Гродна, Беласток і Белавежа ў перыяд кастрычнік – снежань 1916 г. [31, с. 71]

Работнікі	Гродна	Беласток	Белавежа	Разам
Грамадзянскія работнікі	1000	3300	4980	9280
Ваеннапалонныя	835	1 000	2 860	4 695
Нямецкія служачыя	789	417	743	1 949
Разам	2624	4717	8583	15924

Мал. 2. Кіраўнік ваеннай лясной адміністрацыі Белавежа Г. Эшэрых (трэці злева) і мясцовымі работнікамі 30 чэрвеня 1916 г. у Белавежскай пушчы
Крыніца: Westerhoff, C. Zwangsarbeit im Ersten Weltkrieg: deutsche Arbeitskräftepolitik im besetzten Polen und Litauen 1914–1918. – Paderborn; München [u. a.]: Schöningh, 2012. – S. 136.

Мал. 3. Здабыча смалы.
Крыніца: Bialowies in deutscher Verwaltung. H. 1. Die Eroberung des Urwaldes. Die Erschliessung des Urwaldes. Das Waldgebiet. Die wirtschaftliche Erschliessung. Die wissenschaftliche Erforschung / hrsg. von der Militärforstverwaltung Bialowies. – Berlin: P. Parey, 1917.

расійскімі ўладамі. Капітан Войт, супрацоўнік адміністрацыі Г. Эшэрых, пісаў: «Вельмі хутка ў вялікай колькасці прыбываюць старыя мужчыны і падлеткі, жанчыны, дзяўчыны і дзеці з мяхамі і пакункамі, у большасці бежанцы ў падраным адзенні, заклапочаныя і паўгалодныя, людзі, якія бачылі лепшыя часы» [34, с. 23]. Акрамя таго, большасць з працаўнікоў не мелі ніякага вопыту працы на лесанарыхтоўчых працах, што прыводзіла да няшчасных выпадкаў.

Такім чынам, для эфектыўнай загатоўкі сыравіны для патрэб арміі і ўнутранай адміністрацыі, а таксама адпраўкі ў Германію ў зоне акупацыі шырока выкарыстоўвалася прымусовая

праца мясцовых жыхароў. Практыка вывазу насельніцтва з акупіраваных беларускіх зямель ў Германію не была пашырана. З верасня 1916 г. рэгламентавалася магчымасць прыцягнення да прымусовых прац усіх працаздольных мужчын ва ўзросце 16–50 гадоў і жанчын 18–45 гадоў. Ва ўмовах недахопу працаздольнага насельніцтва шырока прыцягваліся людзі старэйшага ўзросту, падлеткі і дзеці. У найбольшай ступені прымусовая праца выкарыстоўвалася ў лясной гаспадарцы, а менавіта ў ваеннай лясной адміністрацыі Белавежа. Праца мясцовых жыхароў аплочвалася вельмі нізка і праходзіла ў складаных умовах.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. *Westerhoff, C.* Zwangsarbeit im Ersten Weltkrieg: deutsche Arbeitskräftepolitik im besetzten Polen und Litauen 1914–1918 / C. Westerhoff. – Paderborn; München [u. a.]: Schöningh, 2012. – 377 S.
2. *Westerhoff, C.* Deutsche Arbeitskräftepolitik in den besetzten Ostgebieten / C. Westerhoff // Zeitschrift für Regionalgeschichte über den Weltkrieg hinaus: Kriegserfahrungen in Osteuropa 1914–1918. – Lüneburg: Institut für Kultur und Geschichte der Deutschen in Nordosteuropa – Nord-Institut, 2009. – S. 83–107.
3. Lietuvos Valstybes Istorijos Archyvas (Літоўскі дзяржаўны гістарычны архіў, далей – LVIA). – F. 641. – Ap. 1. – B. 971. – Die Bedeutung des Urwaldes von Bialowies für die deutsche Volkswirtschaft. Holzverwertung. 23. August 1917.
4. Vermittlung von Arbeitskräften aus dem besetzten Gebiet nach Deutschland, 06.06.1916. // Befehls – und Verordnungsblatt des Oberbefehlshabers Ost. – 1916. – № 31. – Z. 240.
5. Bundesarchiv-Militärarchiv in Freiburg im Breisgau (Федэральны ваенны архіў у Фрайбургу, далей – BArch-MA). – F. PH 30/III. Sign. 32. Sammelbefehl des Oberbefehlshabers Ost, № 6, z. 74, 13.12.1917. – Verbot der wilden Arbeiteranwerbung, 15.11.1917.
6. *Häpke, R.* Die deutsche Verwaltung in Litauen 1915 bis 1918 / R. Häpke. – Berlin : Reichsdruckerei, 1921. – 225 S.
7. Staatsbibliothek zu Berlin Preußischer Kulturbesitz (Дзяржаўная бібліятэка прускай культурнай спадчыны ў Берліне, далей – SBB). – Sign. 4° Krieg 1914/24155. IV. Verwaltungsbericht der Deutschen Verwaltung Grodno vom 1. Juli 1916 bis 30. September 1916. – Bialystok: Deutsche Verwaltungsdruckerei Bialystok, 1916. – 27 S.
8. Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz (Таёмны дзяржаўны архіў прускай культурнай спадчыны, далей – GStA PK). – F. I.HA. Rep. 84 A. Sign. 6211. II. Verwaltungsbericht der Etappen-Inspektion der Armee-Abteilung Woysch. 1. November 1916 – 31. März 1917. – Warschau: Deutsche Staatsdruckerei Warschau, 1917. – 24 S.

9. Российский государственной военно-исторический архив (далее – РГВИА). – Ф. 13159. – Оп. 4. – Д. 330. – Л. 1. – О привлечении к окопным работам жителей Гродненской губернии // Новое время. – 1915. – 25 октября.
10. РГВИА. – Ф. 13159. – Оп. 4. – Д. 372. – Л. 1–2. – О принуждении германцев мирных жителей к рытью окопов на линии Гродно – Брест-Литовск // Московский листок. – 1915. – 23 октября.
11. LVIA. – F. 641. – Ap. 1. – B. 699. – L. 1. – Aus Verwaltungsbefehl II. Wirtschaftliche Verhältnisse russischen Gebiets. 22. 09. 1915.
12. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). – Ф. 1843. – Оп. 1. – Д. 404. – Л. 4. – Arawiaszczenie ab zajaucy bezpraciuonych zdolnych da pracy. Wilna, 14.6.1916.
13. *Liulevicius, V. G.* Kriegsland im Osten. Eroberung, Kolonisierung und Militärherrschaft im Ersten Weltkrieg 1914–1918 / V. G. Liulevicius. – Hamburg: Hamburger Edition, 2002. – 374 S.
14. Arawiaszczennie [Ab ahladzie muszczyn ad 17 da 60 hadou ab zdolnasci ich da rabot. Na mocy zahadu 20.X.1916] // Homan. – 1916. – 10 listapada. – S. 3.
15. Lietuvos mokslų akademijos Vrublevskių bibliotekos. Rankraščių skyrius (Бібліотека Літоўскай акадэміі навук ім. Урублеўскіх. Адзел рукапісаў, далей – LMAVB RS). – F. 79. Liudviko Abramoviciaus Kolekcija. – B. 876. – Deutsche Kulturarbeit im Osten. Referat. 1916.
16. LMAVB RS. – F. 23. – B. 1. – L. 245 v. – Verpflegung für Arbeiter unter militärischer Bewachung (Zivilarbeiter-Batallione 10, Zivilarbeiter-Kolonnie Wilna, Strafgefangene), Etappen-Inspektion 10, 6. Februar 1917.
17. *Linde, G.* Die deutsche Politik in Litauen im Ersten Weltkrieg / G. Linde. – Wiesbaden: Harrassowitz, 1965. – 265 S.
18. LVIA. – F. 641. – Ap. 1. – B. 1114. – L. 168. – Gesuch von W. Baranowski, 10. 7. 1918.
19. LMAVB RK. – F. 84. Michailas Brenšteinis Kolekcija. – B. 3222. – Bedarbiu ir varguomenes judemas Vilniaus mieste I jo pasaulinio karo meto.
20. Объявление [О определении крайнего младшего возраста лиц, призываемых к общественным работам]. 27 апреля 1916 // Pinsker Zeitung. – 1916. – 28. April. – S. 1.
21. Объявление [О рабочих для сбора урожая]. 14 июля 1916 // Pinsker Zeitung. – 1916. – 15. Juli. – S. 1.
22. Объявление [О рабочих для сбора урожая]. 16 июля 1916 // Pinsker Zeitung. – 1916. – 16. Juli. – S. 1.
23. Объявление [О приглашаемых на работу красными повестками жителей]. 19 октября 1916 // Pinsker Zeitung. – 1916. – 20. Oktober. – S. 1.
24. Объявление [О необходимости явиться в комендатуру всем девушкам города между 16 и 35 годами]. 23 февраля 1917 // Pinsker Zeitung. – 1917. – 24. Februar. – S. 1.
25. Объявление [О необходимости явиться в комендатуру всем жителям мужского пола в возрасте между 14 и 50 годами]. 14 января 1917 // Pinsker Zeitung. – 1917. – 15. Januar. – S. 1.
26. Объявление [О необходимости явиться в помещение полицейской стражи всем мальчикам в возрасте от 13 до 15 лет]. 21 апреля 1917 // Pinsker Zeitung. – 1917. – 22. April. – S. 1.
27. Объявление [О снабжении продовольствием рабочих]. 23 февраля 1917 // Pinsker Zeitung. – 1917. – 24. Februar. – S. 1.
28. *Волкава, В. В.* Адміністрацыйна-тэрытарыяльнае ўладкаванне акупаванай тэрыторыі Беларусі ў гады Першай сусветнай вайны (кастрычнік 1915 г. – люты 1918 г.) / В. В. Волкава // Беларускі гістарычны часопіс. – 2017. – № 10. – С. 32–44.
29. SBB. – Sign. 4” Krieg 1914/25168^{2a} – Gliederung und Namensliste der militärischen Landesverwaltung des Oberbefehlshabers Ost. Juli 1917. – 70 S.
30. Das Land Ober Ost. Deutsche Arbeit in den Verwaltungsgebieten Kurland, Litauen und Bialystok-Grodno. – Berlin; Stuttgart : Verlag der Presseabteilung Ober Ost, 1917. – 472 S.
31. GStA PK. – F. HA I. Rep. 89. Sign. 32466. Verwaltungsbericht der Militärverwaltung Bialystok-Grodno für die Zeit vom 1. Oktober 1916 bis 1. April 1917. – Bialystok: Druckerei der Militärverwaltung Bialystok-Grodno, 1917. Anlage VIII.
32. Ein Besuch ein Wisentwald Bialowies // Die Woche. – 1916. – H. 2. – 8. Januar. – S. 39.
33. BArch-MA. – F. 196. Nachlass von Heppe. Sign. 1. Lebenserinnerungen von T. von Heppe. Im Ersten Weltkrieg 1914–1918.
34. Bialowies in deutscher Verwaltung. H. 1. Die Eroberung des Urwaldes. Die Erschliessung des Urwaldes. Das Waldgebiet. Die wirtschaftliche Erschliessung. Die wissenschaftliche Erforschung / hrsg. von der Militärforstverwaltung Bialowies. – Berlin : P. Parey, 1917. – 54 S.

Дата поступления: 20.11.2018.

РАЗДЕЛ 7. ПОСЛЕ «ДОЛГОГО XIX ВЕКА» : НОВЫЕ НАЦИИ И НАСЛЕДИЕ ИМПЕРИЙ

Гарматны В. П.

Інстытут парламентарызму і прадпрымальніцтва, Мінск

Harmatny V.

Institute of Parliamentarism and Entrepreneurship, Minsk

УДК 94,476“1921–1939”

МЕНТАЛІТЭТ І САМАІДЭНТЫФІКАЦЫЯ СЯЛЯН ПАЛЕСКАГА ВАЯВОДСТВА Ў 1921–1939 ГАДАХ

MENTALITY AND SELFIDENTITY OF POLESIAN WOIVODESHIP PEASANTS IN 1921–1939

Палешукі ўяўляюць сабой у навуковым плане ўнікальную этнаграфічную групу, якая падзелена між суседнімі краінамі і не мае нават уласнай адміністрацыйнай адзінкі. Неспрыяльныя прыродныя ўмовы, у якіх жылі палешукі, наклалі асаблівы адбітак на іх псіхалогію і стаўленне да жыцця. З аднаго боку, яны вядомыя сваёй працавітасцю і кемлівасцю, але разам з тым адсутнасць на працягу доўгага перыяду гісторыі магчымасці свабоднага кантакту нават з суседнімі паселішчамі спрычынілася да шырока распаўсюджанай абыякавасці і нецікавасці да ўсяго, што не датычылася асабіста іх уласнага рэгіёна. У 1921 г. тут было створана Палескае ваяводства, першая адміністрацыйная адзінка з падкрэсліваннем палескай самабытнасці. Большасць мясцовага насельніцтва складалі сяляне, дабрабыт якіх застаўляў жадаць лепшага, і таму ім увесь час прыходзілася прыкладаць намаганні для ўласнага выжывання.

Ключавыя словы: Палессе; палешукі; сяляне; менталітэт; самаідэнтыфікацыя; працавітасць; кансерватызм; вынаходлівасць.

Poleshuki are scientifically unique ethnographic group separated by the borders of neighboring countries and not even having its own administrative unit. Adverse environmental conditions in which they lived poleshuki, left a special imprint on their psychology and attitude to life. On the one hand, poleshuki far known for its industriousness and ingenuity, but with the absence of a long period of history possibility of free contact even with the neighboring villages has led to widespread indifference and disinterestedness to everything that did not concern them personally own region. In 1921 there was created Polesie province, the first administrative unit with an underscore Polesian identity. Most of the local population were peasants, which makes welfare is poor and therefore they constantly had to make enormous efforts for their own survival.

Keywords: Polesie; poleshuki; peasants; mentality; selfidentity; diligence; conservatism; ingenuity.

На сучасным этапе палешукі пражываюць на тэрыторыі ў асноўным Беларусі (Брэсцкая і Гомельская вобласць), Украіны і часткова Польшчы і Расіі. Закінутая ў нетрах і маланаселеная тэрыторыя палешукоў у сілу свайго стратэгічнага становішча была пастаянным полем бітвы розных народаў і дзяржаў за асабістыя інтарэсы, што прывучыла палешукоў да частай змены ўлад, выклікала размытасць уласнай ідэнтычнасці ў сувязі з пастаяннай пагрозай для праяў нацыянальнай самаідэнтыфікацыі [5, с. 356; 9, с. 99]. Навукоўцы здаўна вылучаюць асаблівыя псіхалагічныя рысы жыхароў краю лясоў і балот, адзначаюць непайторнасць іх культуры і адносін да жыцця, адначасова вельмі часта ў пагоні за неапраўданым рамантызмам скажона падаюць характэрныя для палешукоў асаблівасці, робячы іх ледзьве не люд-

зьмі «другога сорту» [4, с. 441; 23]. Напрыклад, для многіх сваіх суседзяў жыхары Палесся – гэта цёмнаватыя людзі, дзікаватыя і горшыя героі баек і розных аповедаў: «палешукі – там яны ўсе ў балоне сідзяць, як дзікі» [1, с. 143, 145].

Ва ўспамінах навакольнага фатографа Юзафа Шыманчыка (Косава-Палескае) сцвярджаецца, што «мясцовыя лічылі сябе “тутэйшымі” ... Слова паляшук мала выкарыстоўвалася». На ўскраінах Палесся тэрмін «паляшук» функцыянаваў як негатыўны стэрэатып, як вызначэнне цёмнага, недалёкага і прымітыўнага чалавека і таму адносіўся ў першую чаргу да жыхароў палескай глыбінкі [5, с. 356]. У сваю чаргу ў глыбіні Палесся гэты стэрэатып страчваў адмоўную эмацыянальную акраску і становіўся нейтральнай назвай жыхароў краю, у тым ліку насельні-

цтва памежных рэгіёнаў, якія сябе палешукамі не лічылі. Больш таго, як сведчыць Ю. Абрэмбскі, нават у межах асобнай вёскі адных жыхароў маглі так называць, а другіх – не.

Суседнія этнічныя групы аб'ядноўваліся ў свядомасці жыхароў Палесся адзінай рысай – іх больш высокім палажэннем адносна палешукоў. Разумелася гэта вельмі шырока і датычылася таксама вопраткі, мовы, псіхічных і культурных асаблівасцей, што ў цэлым можна падагульніць: «Жывуць як пань». Пад гэтае вызначэнне падыходзіць многае: пакупная (не саматканая) гарадская вопратка, боты замест лапцей, больш высокі ўзровень жыцця, што дазваляла купляць мноства рынкавых тавараў для хатніх патрэб, упэўненасць у адносінах з людзьмі і пагарда да палешукоў. Падкрэслівалася таксама інтэлектуальная перавага суседніх этнасаў, якія ацэньваліся як «народ адукаваны, культурны і хітрэйшы». Варта звярнуць увагу на адносіны палешукоў да сваёй гаворкі, якая становілася мяжой, што вызначала сваіх і чужых: «Гэта не мова, а трызненне вар'ята» [3, с. 435–436].

Навукоўцы яскрава і маляўніча апісвалі непаўторнасць і каларыт тагачаснага Палесся, яго асаблівасці. «З якога боку мы бы не набліжаліся да Палесся – поўдня, поўначы ці захаду, – адметнасць гэтай тэрыторыі не схаваецца ад нашай увагі. Спецыфіка ўспрымання Палесся жыхарамі суседніх тэрыторый складаецца ў тым, што яны ў першую чаргу адзначаюць дзікасць і варварства, коснасць і першабытнасць, якія яны ўспрымаюць як культурны анахранізм». Насельніцтва суседніх рэгіёнаў мела вельмі лапідарныя канцэпцыі адносна асобнасці Палесся і яго жыхароў: «Там на Палессі, то не дай Божэ, як людзі жывуць. Не дай Божэ, пане, якое там цяжкае жыццё...» [1, с. 143]. У многім гэта абумоўлена мясцовымі прыроднымі ўмовамі і перш за ўсё невысокай урадлівасцю навакольных глеб і іх забягненасцю. У якасці характэрнага прыкладу можна прывесці наступнае выказванне польскіх вайскоўцаў аб баявых дзеяннях тут падчас польска-савецкай вайны (1919–1921 гг.): «Цэлыя дывізіі губляліся ў чашчах і балотах Палесся, тыднямі спрабуючы выйсці з гэтых сапраўдных лабірынтаў, вядомых толькі мясцовым жыхарам» [14, с. 244].

У 1921–1939 гг. у складзе Польскай дзяржавы існавала Палескае ваяводства, якое ахоплівала большую частку сучаснай Брэсцкай вобласці, першая адміністрацыйна-тэрытарыяльная адзінка з падкрэсліваннем ідэнтычнасці палешукоў. Ваяводскім цэнтрам з'яўляўся горад Брэст-над-Бугам, але некаранаванай сталіцай Палесся, «яе жамчужынай», заставаўся Пінск, які знаходзіўся ў яго геаграфічным «сэрцы» [8, с. 104; 20, с. 43]. У гэты час абсалютную большасць палешукоў

складалі сяляне [17, с. 28], прычым, як рэзюміравалі сучаснікі падзей, «палескі селянін імкнецца да ўтрымання сябе на зямлі, нават калі б не мог з яе пракарміцца... Прывязанасць да зямлі назіраем і ў сялян з іншых рэгіёнаў Польшчы, але ў палешука яна мае больш першасны і заалагічны характар прывязанасці да месца, у якім нарадзіўся, а не выклікана больш глыбокімі пачуццямі. У кожным разе гэтыя пачуцці, што выклікаюць у палешука прывязанасць да зямлі, надзвычай моцныя і па прычыне гэтага з зямлёй ён расстаецца вельмі неахвотна» [26, с. 33].

Перш за ўсё ваяводская адміністрацыя, зразумела, праводзіла меры па інтэграцыі Палескага ваяводства ў адзіны народна-гаспадарчы комплекс міжваеннай Польшчы, а таксама даволі сур'ёзныя і комплексныя навуковыя даследаванні (асабліва на сярэдзіну 1930-х гг.), што павінны былі вызначыць магчымасці і напрамкі польскай культурнай экспансіі на Палессі. Па словах гісторыка В. Сляшынскага, «палескае пытанне заставалася на перыферыі ўсіх польскіх палітычных канцэпцый, галоўным чынам з прычыны характэрнай для гэтага рэгіёна структуры насельніцтва і ягонай слабай нацыянальнай самасвядомасці. Як прадстаўнікі федэратыўнай канцэпцыі, так і прыхільнікі ідэі інкарпарацыі не звярталі на гэты тэрыторыі вялікай увагі..., прадугледжвалася, што тэрыторыі Валыні, а асабліва Палесся, пры адпаведнай палітыцы даволі хутка асімілююцца і прыойдуць у сферу польскіх дзяржаўных інтарэсаў, інтэгруюцца з іншымі землямі польскай дзяржавы».

У тагачасным грамадска-палітычным дыскурсе Палессе становіцца полем рэалізацыі разнастайных нацыянальных і сацыяльных праектаў, аднак ніколі ні для аднаго з іх не становілася прыярытэтным аб'ектам. Асабліва яскрава ў першыя гады дзейнасці ваяводскай адміністрацыі можна прасачыць выразна каланіяльныя рысы, найперш уяўленне аб высокай цывілізатарскай місіі адміністрацыі і ўвогуле польскай дзяржавы (зрэшты, у адносінах не толькі да аднаго Палесся) [13, с. 140; 25, с. 71]. Напрыклад, у матэрыяле пра з'езд павятовых старост на пачатку 1921 г., апублікаваным на старонках «Dziennika urzędowego», абвяшчалася: «Мэтай (з'езда) было высвятленне паўнаты патрэб і баячак як адміністрацыі, так і насельніцтва на тэрыторыі ваяводства, каб праз іх усведамленне і прадумванне сродкаў выйсця – скаардынаваным намаганнем узяцця да адзінадушной і плённай працы як у сферы форм кіравання, так і ў сферы заспакаення самых пільных культурных патрэб мясцовага насельніцтва». У якасці пацвярджэння можна прывесці развітальны зварот першага палескага ваяводы Валерыя Романа, які падкрэсліваў:

«Адначасова выказаю надзею, што мясцовае грамадства не пакіне пачатай працы, але з падвойнай энергіяй будзе імкнуцца як да гаспадарчага, гэтак і культурнага развіцця Палесся, ва ўпэўненасці, што абрабляючы і ўдасканальваючы свой родны загон – будзем магутны гмах вялікай і моцнай Рэчы Паспалітай». У цэлым нават у маштабах Заходняй Беларусі Палескае ваяводства лічылася месцам, дзе дзяржаўных функцыянераў чакаюць неімаверныя цяжкасці, а перамяшчэнне на роўнавартасную пасаду ў іншы рэгіён успрымалася як павышэнне [15, с. 643].

Даволі стрымана праступаючы праз афіцыйныя пастановы, гэтая цывілізатарская місія знайшла сваё вобразнае адлюстраванне ў польскай публіцыстыцы міжваеннага дзесяцігоддзя. Як прыклад П. Ціхарацкі цытуе працу тагачаснага рэпарцёра і падарожніка Фердынанда Антонія Асяндойскага «Палессе»: «Жывейшым ужо пульсам б'ецца жыццё гэтай зямлі, дзе пад апекай і ўплывам Польшчы адыходзяць у змрок мінулага адвечныя скаргі на цяжкае, жабрацкае існаванне, а з імі разам – паганскія боствы, гэтыя злыя духі цемры, недаверу, помсты і змрочнай галечы, як плач ветру на шырокіх прасторах, як жаласнае выццё ваўка ў зарасніках ракі ды чароту». Такім чынам, міжваенная афіцыйная публіцыстыка пераважна становіцца ацэньвала цывілізатарскую місію польскіх улад на Палессі, але была і малаўплывовая група скептыкаў (перш за ўсё аб гэтым сведчаць артыкулы Юзафа Мацкевіча, надрукаваныя ў віленскай кансерватыўнай газеце «*Slowo*»).

У вачах грамадства Польшчы 1921–1939 гг. Палессе – гэта заняпалы балотны край, без прамысловасці, з рэдкай сеткай дарог, з большага населены цывілізацыйна адсталымі «тубыльцамі», непазбаўленымі зрэшты кемлівасці і своеасаблівай прыцягальнасці – у прэсе часам з'яўляліся артыкулы з загалоўкамі тыпу «Барометр палешука з галінкі ядлоўца» [15, с. 643–644]. Як адзначаў вядомы тагачасны пінскі настаўнік і заснавальнік музея Дзмітрый Георгіеўскі па выніках сваіх падарожжаў з мэтай збору экспанатаў, «амаль у кожнай хаце ёсць таленавіты самавук-вынаходнік якога-небудзь прымітыўнага, але вельмі цікавага прыстасавання. Чулі мы пра драўляны грамафон, барометр з галінкі ядлоўца, пра электрычныя гадзіннікі з жалезных цвікоў і г. д.» [2, с. 44]. Гэта апошняе павінна было прычыніцца да папулярызавання Палесся ў якасці турыстычнага кірунку, перш за ўсё ў памерах краіны, а таксама і для замежнікаў. Некаторыя даследчыкі параўноўвалі становішча Палесся ў складзе Польшчы са становішчам самой Польшчы ў цывілізацыйнай Еўропе.

Як рэзюміравалі даследчыкі-сучаснікі апісваемых падзей, «першаснасць прывычак, звычайў і

ладу жыцця на Палессі застаецца істотна ўражлівай. Абумоўлены пануючым уплывам зямлі і яе краявідаў быт мясцовага насельніцтва характарызуецца абсалютнай адсталасцю ў культуры як матэрыяльнай, так і духоўнай, акрамя іншых спецыфічных праяў Палесся, застаецца важнай характэрнай рысай, з-за якой у вялікай меры замаруджваюцца ўсялякія пачынанні ў накірунку эканамічнага і грамадскага развіцця гэтага рэгіёну нашай дзяржавы. Пранікненне ўплываў заходняй і ўсходняй культуры з поглядаў на недаступны характар Палесся мела тут месца навогул у слабай ступені... Таму і мясцовае насельніцтва засталася ў высокай ступені верным звычаям сваіх продкаў» [21, с. 286–287].

У цэлым, як падкрэсліваў Ю. Абрэмбскі, у міжваенны перыяд на Палессі раскладалася старое архаічнае грамадства і распадалася этнічная група: «Сучасныя палешукі ўжо іншыя. Ад былых прадстаўнікоў гэтага краю і гэтай групы іх цяпер розніць комплекс этнічнай непаўнавартасці, адсутнасць лакальнага патрыятызму, уцёкі ад уласнай культуры і свайго асяроддзя, палеская настальгія, імкненне да іншых сацыяльных і этнічных групаў, пошук бацькаўшчыны па-за межамі свайго краю і атачэння. Увесь гэты комплекс новых культурных пазіцый дазваляе нам знайсці прычыны той упартасці, з якой палешук пазбягае ўласнай нацыянальнай ідэнтыфікацыі. І тая няўлоўнасць яго аблічча, якая дзвіць усіх нас: палешук, украінцаў і беларусаў» [1, с. 171].

Тагачасныя сем'і былі шматдзетнымі [18, с. 224], але становішча дзяцей застаўляла жадаць лепшага: «Палескія дзеці не ведаюць дзяцінства ў нашым разуменні. Вельмі рана яны пачынаюць працаваць фізічна. Забавак, акрамя пастуховай пугі і дудкі ўласнага вырабу, яны не маюць. Сапраўдным адпачынкам для іх з'яўляецца час, праведзены ў школе, да якой яны ходзяць з ахвотай, не зважаючы на яе аддаленасць, дождж ці мароз. Колькі безнадзейных слёз праліваюць яны з-за немагчымасці набыцця бацькамі якой-небудзь кніжкі ці сшытка» [2, с. 44, 46].

Адначасова бацькі неахвотна аддавалі дзяцей у школу, бо не бачылі асаблівай карысці ад адукацыі ў будучым жыцці чалавека, які заставаўся працаваць на зямлі. На палажэнне дзяцей у сям'і ўплывала гаспадарчая сітуацыя. Становішча дзяцей у цэлым пагоршылася, што можна абумавіць таксама крызісам патрыярхальнай сям'і, бо, па меркаванні сучаснікаў апісваемых падзей, «з распадам вялікай сям'і і апорай сямейнай гаспадаркі на малых сем'і палескае дзіця ў больш раннім, чым у даўнейшыя часы, узросце становіцца вытворчым членам сям'і, работнікам, а не дзіцём... Дзіцячая праца для многіх сямей была жыццёвай неабходнасцю, а не пытаннем дастатку

альбо акумуляцыі сямейнага багацця» [16, s. 156]. Пацвярджэннем гэтага з'яўляецца наступнае выказванне аднаго з жыхароў вёскі Макава Лунінецкага павета: «Даўней, як людзі лепей жылі, дык да якіх 18 гадоў ён не ведаў, як трымацца за плуг. А зараз, як яму 10 год, дык ён ідзе і працуе на станцыі, каб зарабіць які грош. І гэта, каб яшчэ было дзе (зарабіць), але няма дзе. У дзевяць гадоў хлопец да работы ідзе» [11, с. 206].

Як падкрэслівалі тагачасныя даследчыкі, «нягледзячы на тое, што бацькі разумеюць неабходнасць адукацыі дзяцей, нягледзячы на тое, што да школы адносяцца вельмі прыхільна, нярэдка тыя, што ўмеюць чытаць, карыстаюцца нават бібліятэкамі, а курсы для дарослых карыстаюцца вялікай папулярнасцю, акалічнасці вымушаюць да занядання школьнага абавязку. А шкада – бо матэрыял сапраўды вельмі добры, праца з гэтымі дзецьмі вельмі ўдзячная і хутка прыносіць плады». Таксама адзначалася, што сяляне пагаджаліся, што «навука свет – не цьма», аднак казалі: «Мне не патрэбна настаўніка, а патрэбен пастух» [12, с. 316]. Наступнае апісанне дзіцячага быту знаходзім ў працы былога мясцовага вясковага настаўніка В. Астафіньскага: «Там, дзе болей карчоў, так, што нямажна касіць, пасвіцца быдла і яно бродзіць па живот у багне. Амаль за кожнай каровай наглядае дзіця ва ўзросце ад сямі да васемнаццаці гадоў, пераважна хлопцы, нярэдка прамоклыя пад самыя пахі... Авечак пасвяць пераважна дзяўчаты, сядзяць па адной, ціха, схіленыя над якойсьці працай» [11, с. 206].

Свайго роду пацвярджэнне гэтых высноў знаходзім ва ўспамінах жыхаркі вёскі Сяхновічы Жабінкоўскага раёна Марыі Міхайлаўны Дзісятык (1928 г.н.): «Вучыты было цяжка пры Польшчы, алэ мама (!) вучыла брата (!). Батько ўсе бурчыць: от сэдять пшэкають, а ты робы!». У гэтым выказванні відаць яшчэ адну праблему школы на Палессі – стаўленне сялян да школы як інстытута чужога не толькі прафесійна, але і саслоўна, што непарыўна было звязана з нацыянальным пытаннем. Такім чынам, агульнаадукацыйная польская школа, як і раней расійская, давала мала жыццёвых перспектыв і фактычна зводзілася да завочнага падарожжа вучня ў знешні свет, каб потым вучань вярнуўся да сямейнай гаспадаркі і забыўся амаль усяго, чаму яго навучылі [12, с. 316].

Паляшук як спажывец знаходзіўся на самым нізкім ўзроўні, нават элементарныя патрэбы тут вельмі эластычныя, прывучаны абыходзіцца самым неабходным і часта знаходзіцца на мяжы выжывання [22, s. 128; 24, s. 3]. Вельмі часта ў большасці палешукоў хапала грошай толькі на ўласнае выжыванне, таму само жыццё прывучала іх да ашчаднасці і беражлівасці. Калі ж здараліся надзвычайныя сітуацыі, то жыхары Палесся тра-

плялі ў вельмі крытычнае, фактычна безвыхаднае становішча. Пацвярджэннем гэтага, напрыклад, з'яўляецца пахаванне ў 1932 г. сялянкі без выканання рэлігійных абрадаў (вёска Андронава Кобрынскага павета), бо ў салдата, які прыехаў на пахаванне маці, не знайшлося 15 злотых на аплату паслуг святара [6, с. 16]. Палескія вёскі былі амаль не электрыфікаванымі, толькі ў вельмі нешматлікіх хатах мелася радыё. Распаўсюджаным было хаджэнне без абутку нават восенню, прычым не толькі сярод дзяцей, але і дарослых [18, s. 226].

Слаба развітая нацыянальная ідэнтыфікацыя палешукоў не абумоўлівала адначасова недахоп пачуцця асобнасці ад прадстаўнікоў іншых нацыянальнасцей: «З усім гэтым было б памылкай дапушчэнне, што беларускі народ цалкам пазбаўлены пачуцця сваёй адметнасці. Наадварот, усюды сярод беларускага насельніцтва можна без намаганняў адзначыць высокі ўзровень самаідэнтыфікацыі, перш за ўсё сацыяльна-класавай, рэлігійнай, а таксама нацыянальнай, што праўда часцей у негатыўным значэнні – непрыналежнасці да іншых народаў, чым у пазітыўнай прыналежнасці да аднаго з іх» [26, s. 33].

Мясцовае насельніцтва маральна падтрымлівала збройную барацьбу сярод палякаў, але з прычыны нацыянальнай неакрэсленасці не лічыла мэты гэтай барацьбы за жыццёва неабходныя. Паводле сведчання адміністрацыі Палескага ваяводства галоўную ўвагу палешукі аддавалі пытанням матэрыяльнага забеспячэння жыцця, захоўваючы непрыхільны нейтралітэт да абсалютнай большасці захадаў як палітычных групавак нацыянальных меншасцяў, так і афіцыйных польскіх уладаў [10, с. 27; 19, s. 152]. Як трапна пісаў В. Сляшынскі, «вялікай ілюзіяй аказалася ўспрыманне так званых тутэйшых як групы, якая лёгка можа быць перавыхавана ў польскім нацыянальным духу... Ілюзія адносна вынікаў палітыкі міжваеннай Польшчы не застаецца пасля аналізу падзей другой паловы верасня 1939 г. Сярод усіх паўночна-ўсходніх зямель міжваеннай Польшчы менавіта на Палессі ў верасні 1939 г. былі найбольш значныя антыпольскія выступленні» [7, с. 382].

Такім чынам, Палессе – гэта ўнікальны рэгіён на геаграфічнай мапе Еўропы, край балот, лясоў і туманаў, што ўяўляе сабой адзіны біясферны арганізм, які не здолеў змяніць ні гістарычныя, ні палітычныя ўзрушэнні. У цэлым да ліку асноўных характэрных рыс палешукоў можна аднесці высока развіты кансерватызм, практыцызм і індывідуалізм, упартасць і працавітасць, якая часам нават дапускае гіпербалізацыю («праца дзеля працы»). Ад іншых этнасаў палешукоў адрознівае скептыцызм у адносінах да саміх сябе

і ўражлівая лёгкасць адаптацыі да іншаэтнічнага асяродку, якая праяўляецца за кошт вонкавай адмовы ад сваёй этнічнай прыналежнасці, духоўнай і арганізацыйнай раз'яднанасці.

На цяперашні дзень сучасныя палешукі, падзеленыя межамі чатырох дзяржаў, не маюць ярка выражаных каштоўнасных устаноў і

ўплывовых грамадска-палітычных структур, якія б аб'ядналі іх у адзіны этнас. Па ацэнках даследчыкаў, агульная колькасць палешукоў перавышае 3 000 000 чалавек, але афіцыйнага статусу асобнага этнаса за імі ніхто не прызнаў, разам з тым абсалютную большасць з іх гэта абсалютна задавальняе.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. *Абрэмбскі, Ю.* Народ без бацькаўшчыны / Ю. Абрэмбскі // АРСНЕ: Пачатак. – 2011. – № 3. – С. 137–220.
2. *Лабачэўская, В. А.* Захавальнік Палесскага музея Дзмітрый Георгіеўскі: Да 75-годдзя адкрыцця музея ў Пінску / В. А. Лабачэўская. – Мінск: Тэхналогія, 2001. – 82 с.
3. *Олюнина, И. В.* Белорусское Полесье в работах польских этнологов 1920–1930-х годов / И. В. Олюнина // Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі. Вып. 5. – Мінск: Права і эканоміка, 2008. – С. 431–439.
4. *Олюнина, И. В.* Социальная культура Белорусского Полесья в работах К. Мошиньского 1920–1930-х гг. / И. В. Олюнина // Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі. Вып. 11. – Мінск: Права і эканоміка, 2011. – С. 441–447.
5. *Предко, Т. И.* Этническая и конфессиональная самоидентификация полешуков / Т. И. Предко // Хрысціянства ў гістарычным лёсе беларускага народу: зб. навук. арт. – Гродна: ГрДУ, 2008. – С. 354–362.
6. *Синчук, И. И.* История одной фальшивой монеты / И. И. Синчук. – Минск: Минсктиппроект, 2006. – 37 с.
7. *Сляшынскі, В.* Палессе ў палітыцы польскай дзяржавы ў 1918–1939 гг. / В. Сляшынскі // АРСНЕ: Пачатак. – 2011. – № 3. – С. 370–382.
8. *Смолярчик, А.* Полесское воеводство в общественной, культурной и религиозных структурах Второй Речи Посполитой / А. Смолярчик // Славянскія краіны ў эпоху глабалізацыі: зб. навук. прац. – Брэст: БрДзТУ, 2004. – Вып. 1. – С. 103–111.
9. *Томчонек, С.* Полесское воеводство 1918–1939 гг. (избранные проблемы) / С. Томчонек // Славянскія краіны ў эпоху глабалізацыі: зб. навук. прац. – Брэст: БрДзТУ, 2004. – Вып. 1. – С. 99–103.
10. *Хвірысюк, В.* Палескае ваяводства ў 1920–1925 гг.: міжнацыянальныя дачыненні і палітычнае становішча / В. Хвірысюк // Загароддзе-2: матэрыялы навук.-краязн. канф. «Палессе – скрыжаванне культур і часу», 25–27 вер. 1999 г., Пінск. – Мінск: Тэхналогія, 2000. – С. 23–25.
11. *Чарнякевіч, І. С.* Дзеці ў заходнепалескай вясковай сям'і ў міжваенны перыяд / І. С. Чарнякевіч // Актуальныя пытанні медыцыны: матэрыялы навук.-практ. конф., посвяц. 65-летію УЗ «Городская клиническая больница № 2 г. Гродно», 30 окт. 2009 г. – Гродно: ГрГМУ, 2009. – С. 206–208.
12. *Чарнякевіч, І. С.* Жыццёвыя перспектывы палескай вясковай моладзі ў II Рэчы Паспалітай / І. С. Чарнякевіч // Народы, культуры і социальныя працэсы на пограніч'е (Гродно, 22–23 февр. 2010 г.). – Гродно: ГрГУ, 2010. – С. 315–316.
13. *Чарнякевіч, І. С.* Палессе ў навуковай і грамадскай думцы ў міжваенны перыяд / І. С. Чарнякевіч // Беларусь і суседзі: шляхі фарміравання дзяржаўнасці, міжнацыянальныя і міждзяржаўныя адносіны: зб. навук. арт. – Гомель: ГДУ, 2014. – Вып. 3. – С. 140–144.
14. *Чарнякевіч, І. С.* «Чалавек апалітычны»: паляшук і польска-савецкая вайна 1919–1920 гг. / І. С. Чарнякевіч // Геополитические трансформации в Восточной Европе между двумя мировыми войнами: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. – Брэст, 17–18 марта 2011 г. – Брэст: БрГУ им. А. С. Пушкина, 2011. – С. 244–251.
15. *Чарнякевіч, І. С.* «Польскі “Мадагаскар”»: медыйны вобраз Палесся і палітыка ваяводскай адміністрацыі (па старонках «Dziennika urzędowego województwa Poleskiego») / І. С. Чарнякевіч // Традыцыі і сучасны стан культуры і мастацтваў: зб. дакл. і тэз. VII Міжнар. навук.-практ. канф. (Мінск, 24–25 ліст. 2016 г.): у 2 т. – Мінск: Права і эканоміка, 2017. – Т. 2. – С. 643–645.
16. *Чарнякевіч, І. С.* Трансфармацыя традыцыйнага погляду палескіх сялян на сістэму сямейных адносін (міжваенны перыяд) / І. С. Чарнякевіч // Problemy cywilizacyjnego rozwoju Białorusi, Polski, Rosji i Ukrainy od końca XVIII do XXI wieku. – Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2007. – S. 152–156.
17. *Cichoracki, P.* Województwo Poleskie 1921–1939. Z dziejów politycznych / P. Cichoracki. – Łomianki: LTW; Wrocław: IH Uniwersytetu Wrocławskiego, 2014. – 477 s.
18. *Juchcińska-Gilka, K.* Dzieciństwo na wsi polskiej w okresie Drugiej Rzeczypospolitej w świetle źródeł pamiętnikarskich / K. Juchcińska-Gilka // Przegląd Pedagogiczny. – 2012. – № 1. – S. 224–234.
19. *Majecki, H.* Problem samookreślenia narodowego Polaków w Polsce okresu międzywojennego / H. Majecki // Загароддзе-3: матэрыялы навук.-краязн. канф. «Палессе ў XX стагоддзі», 1–4 чэрв. 2000 г., Беласток. – Мінск: Тэхналогія, 2001. – S. 152–153.
20. *Marczak, M.* Przewodnik po Polesiu / M. Marczak. – Brześć nad Bugiem: Polskie Tow. Krajoznawcze. Oddział, 1935. – 160 s.
21. *Niezbrzycki, J.* Polesie: opis wojskowo-geograficzny i studjum terenu / J. Niezbrzycki. – Warszawa: Wojskowy Instytut Naukowo-Wydawniczy, 1930. – 455 s.

22. *Olszewski, W.* Changes to the preferred model of consumption and the ethnic identity crisis of poleshuks in the early Twentieth Century / *W. Olszewski* // Вісник Національного авіаційного університету. Серія Філософія. Культурологія. – 2015. – № 2. – S. 128–131.
23. *Ossendowski, F. A.* Polesie / *F. A. Ossendowski*. – Poznań: Wydawnictwo Polskie, 1934. – 201 s.
24. *Poniatowski, J.* Polesie w gospodarczej strukturze Polski / *J. Poniatowski*. – Wilno: Znicz, 1934. – 16 s.
25. *Śleszyński, W.* Województwo Poleskie / *W. Śleszyński*. – Kraków: Avalon, 2014. – 335 s.
26. *Tomaszewski, J.* Z dziejów Polesia, 1921–1939: zarys stosunków społeczno-ekonomicznych / *J. Tomaszewski*. – Warszawa: Państw. Wydaw. Nauk., 1963. – 208 s.

Дата поступления: 18.09.2018.

Грачева И. М.
Прокуратура Брестской области, Брест

Hrachova I. M.
Brest region Prosecutor's office, Brest

УДК 347.963(476)(091)Г78

СТАНОВЛЕНИЕ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ БССР В 1920-Х ГОДАХ

THE FORMATION OF BODIES OF PROSECUTOR'S OFFICE OF THE BSSR IN THE 1920S

Рассмотрены основные этапы становления органов прокуратуры БССР в 1920-х гг., выделение их из системы наркомата юстиции. Описаны основные организационные действия, предпринятые советской властью на белорусских землях для создания самостоятельного аппарата органов прокуратуры. Проанализированы заимствования, внесенные в становление белорусской прокуратуры из российского опыта XVIII–XIX вв., а также влияние прокуратуры РСФСР. Фактически возникшая из наркомата юстиции прокуратура БССР стала продолжателем наработанных со времен Петра I традиций, которые откорректированы классовым характером нового государства.

Ключевые слова: прокуратура; законность; государственные органы; административно-территориальное деление; судебная реформа; надзор; правоохранительные органы; юстиция.

The main stages of the formation of the prosecution authorities of the BSSR in the 1920s from the system of the People's Commissariat of Justice are considered. The main organizational actions taken by the Soviet authorities on the Belarusian lands to create an independent prosecutor's office are described. The borrowings made to the establishment of the Belarusian prosecutor's office from the Russian experience of the XVIII–XIX centuries, as well as the influence of the RSFSR prosecutor's office, are analyzed. In fact, the prosecutor's office of the BSSR, which emerged from the People's Commissariat of Justice, became the successor of the traditions developed since the time of Peter I, which were adjusted by the class character of the new state.

Keywords: Prosecutor's office; legality; government agencies; administrative and territorial division; judicial reform; supervision; law enforcement agencies; justice.

Надзор за исполнением законодательства, соблюдением прав и законных интересов граждан возложен на прокуратуру, как единую и централизованную систему органов, осуществляющих от имени государства надзор за точным и единообразным исполнением нормативных правовых актов на территории Республики Беларусь, а также выполняющих иные функции, установленные законодательными актами.

Прокурорский надзор в системе государственных органов один из краеугольных камней государственно-правовой защиты граждан, интересов общества и государства.

Находясь между Западом и Востоком, этнические белорусские земли постоянно испытыва-

ли воздействие различных культур и духовных традиций. Нахождение в составе различных государственных образований, изменяло подход к организации государственного управления и надзора. Так, во время ВКЛ систему государственного устройства определяли своды законов – Статуты 1529, 1566, 1588 гг. Поддержание государственного обвинения от имени государства или Великого князя согласно Статутам осуществлялось инвеститором. Так, в ВКЛ и затем в Речи Посполитой называлось лицо, на котором лежала обязанность наблюдать за правосудием и в случае нарушения порядка призывать нарушителей к суду. По сути, статус и функции Главного инвеститора соответствовали статусу Генерального

прокурора современной Беларуси. После присоединения к Российской империи по результатам трех разделов Речи Посполитой на белорусских землях были введены в действие имперские государственные институты.

Должность прокурора в Российской империи появилась при Петре I, который считается основателем органов прокуратуры и прокурорского надзора в России, основанных 12 января 1722 г. в соответствии с Именным Высочайшим Указом Петра I Правительствующему Сенату. Указ Петра I от 27 апреля 1722 г. «О должности Генерал-прокурора» подробно регламентировал полномочия данного должностного лица и определял, что генерал-прокурор назначается на должность государем, подчиняется только императору и является «оком государевым» и «стряпчим о делах государевых» [1, с. 10].

После реформы 1864 г. прокуратура изменила направление своей деятельности – из органа контроля она превратилась в орган обвинительной власти и в таком виде с соответствующим набором функций прокуратура в Российской империи просуществовала до 1917 г.

Последним министром юстиции и генерал-прокурором Российской империи был Николай Александрович Добровольский (1854–1918). На этом посту он находился с 20 декабря 1916 г. по 28 февраля 1917 г. Стоит отметить, что в 1899–1900 гг. камергер, действительный статский советник Н. А. Добровольский являлся губернатором Гродненской губернии.

После победы февральской революции 1917 г. в России было свергнуто самодержавие и сформировано Временное правительство, председателем Совета Министров и министром внутренних дел которого стал князь Георгий Евгеньевич Львов. В состав первого и Временного правительства вошли 11 министров, должность министра юстиции и генерал-прокурора занял Александр Федорович Керенский, в июле 1917 г. возглавивший Временное правительство России, а обер-прокурора Святейшего Синода – Владимир Николаевич Львов.

Последним министром юстиции и генерал-прокурором России был уроженец Витебска, адвокат Павел Николаевич Малянтович, который занимал этот пост во Временном правительстве. Позднее на территории бывшей Российской империи стали создаваться новые органы охраны революционной законности.

История Беларуси неотделима от влияния геополитических факторов. Долгое время входившие в состав Российской империи земли, заселенные этническими белорусами, получили новый толчок в развитии в связи с революционными событиями 1917 г. Разрушив до осно-

вания старый государственный строй, молодое государство упразднило 5 декабря (22 ноября) 1917 г. Декретом Совета Народных Комиссаров РСФСР «О суде» старую судебную систему и прокурорский аппарат. В Декрете говорилось: «Упразднить донныне существовавшие институты судебных следователей, прокурорского надзора, а равно и институты присяжной и частной адвокатуры. ...Для борьбы против контрреволюционных сил в видах принятия мер ограждения от них революции и ее завоеваний, а равно для решения дел о борьбе с мародерством и хищничеством, саботажем и прочими злоупотреблениями торговцев, промышленников, чиновников и прочих лиц учреждаются рабочие и крестьянские Революционные Трибуналы, в составе одного председателя и шести очередных заседателей, избираемых губернскими или городскими Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» [1, с. 204].

1 января 1919 г. был провозглашен манифест Временного рабоче-крестьянского советского правительства Белоруссии о независимости. В соответствии с первой Конституцией, принятой 3 февраля 1919 г. на I Всебелорусском съезде Советов, Беларусь провозглашалась республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и получила официальное название – Социалистическая Советская Республика Белоруссии (ССРБ). С 1922 года она называлась Белорусская Социалистическая Советская Республика (БССР), а с 1936 года – Белорусская Советская Социалистическая Республика.

На территории Белоруссии началось формирование новой системы органов власти. Однако, учитывая социально-политическую обстановку, отсутствие четкого административно-территориального деления, а также поочередную, сменявшую одна другую, оккупацию сначала германскими, а потом и польскими войсками (1917–1920), говорить о формировании на территории Белоруссии централизованной структуры органов советской власти до 1920 г. не приходится.

Наступление Красной Армии в июле 1920 г. на запад (14 июля от польских интервентов был освобожден Вильнюс, 17 июля – Лида, 1 августа – Брест) создало возможности для восстановления белорусской государственности. 9 июля 1920 г. приказом Реввоенсовета Западного фронта был образован Минский губернский военно-революционный комитет (Мингубревком), которому передавалась полнота власти на освобожденной территории. 31 июля 1920 г. Военно-революционный комитет БССР (председатель – А. Червяков), созданный на базе Мингубревкома, издал Декларацию о провозглашении независимости Советской Социалистической Республики Белоруссии. Состоялось второе провозглашение ССРБ. Респу-

блика восстанавливалась только в составе Минской (без Речицкого уезда) и белорусских уездов Гродненской и Виленской губерний. Белорусские районы Витебской, Гомельской и Смоленской губерний оставались в РСФСР.

На освобожденной территории начался процесс создания системы советских органов власти и управления. Он проходил не без оглядки на процессы, происходившие в РСФСР. В 1917–1918 гг. надзор от имени государства за состоянием законов осуществляли народные комиссары юстиции. Однако В. И. Ленин понимал, что необходимо возрождать органы прокуратуры, но, по его мнению, это должен был быть принципиально новый орган, образованный на классовом принципе. В 1922 г. он написал И. Сталину письмо «О “двойном” подчинении и законности», в котором обосновал необходимость единой законности для советского государства. 26 мая 1922 г. сессия ВЦИК приняла Положение о прокурорском надзоре, и в этот день была создана прокуратура РСФСР.

Не нарушая традиций преемственности при создании органов государственного управления в советском государстве, становление органов прокуратуры в Белоруссии началось с организации и функционирования Народного Комиссариата Юстиции ССРБ (Наркомюст).

11 июля 1920 г. при Мингубревкоме создан отдел юстиции, который 1 августа 1920 г. преобразован в отдел юстиции Военревкома ССРБ, а с 26 августа – в Комиссариат юстиции Военревкома ССРБ.

Второй Всебелорусский съезд Советов, проходивший 14–17 декабря 1920 г. в Минске, принял дополнения к Конституции БССР, в соответствии с которыми в республике учреждались новые органы государственной власти. Для общего управления делами ССРБ и для руководства отдельными отраслями был создан Совет народных комиссаров и 15 народных комиссариатов. Основываясь на решениях съезда, Комиссариат Юстиции Военревкома ССРБ был переименован в Народный Комиссариат Юстиции ССРБ. На него возлагалась охрана революционной законности, организация новой системы судебных органов. В функции Наркомюста входило: надзор за исполнением законов, содержанием заключенных в местах лишения свободы, руководством расследованием дел органами следствия, редактирование и опубликование законодательных актов, кодификация законодательства, составление заключений по юридическим вопросам, возникающим в практике деятельности центральных учреждений.

Для организации работы органов советской юстиции в Белоруссии и подготовки для их нужд новых специалистов из пролетарской среды при-

влекались за неимением иных вариантов старые кадры. Это было вызвано объективными реалиями процесса советского строительства в Белоруссии. По данному поводу в письме Народного Комиссариата Юстиции ССРБ, в частности, отмечалось: «Организация аппарата юстиции на территории Республики Белоруссии, бывшей в течение долгого времени оторванной от Советской власти, имеет свои характерные особенности. В то время, как в местностях, где Советская власть существовала непрерывно или лишь с короткими промежутками, правотворчество шло нога в ногу с непрерывно развивавшимся социалистическим правосознанием народных масс и таким образом получалось, что ни одно законоположение даже по самым сложным вопросам не могло не найти благодарной для своего проведения в жизнь почвы. В Белоруссии при применении данных 3-летнего опыта Советской власти Комиссариат Юстиции натывается на необходимость начинать все сначала, с подробного и тщательного разъяснения того, что в Советской России давно уже считается аксиомой.

Поэтому при строительстве аппарата юстиции приходится применять тот же метод, который создал Красную Армию – метод привлечения старых специалистов при осуществлении строгого политического контроля над ними» [2].

В соответствии с новыми задачами, стоящими перед НКЮ ССРБ, и в связи с ведением НЭП структура наркомата претерпела изменения. В сентябре 1921 г. был образован нотариальный отдел, административно-хозяйственный отдел преобразован в подотдел при общем отделе, карательный отдел в ноябре 1921 г. реорганизован в исправительно-трудовой отдел, в январе 1922 г. ликвидирован судебно-следственный отдел, образованы новые отделы: законодательно-кодификационный (январь 1922 г.) и охраны революционной законности (февраль 1922 г.).

3 января 1922 г. Президиумом ЦИК ССРБ было утверждено Положение о Народном Комиссариате Юстиции. Данным правовым актом устанавливались должности прокуроров при высших судах республики: прокурор Кассационного трибунала, прокурор Революционного трибунала, а также товарищи прокурора, состоявшие при Совете народных судей и выполнявшие функции надзора за законностью в уездах.

Обязанности прокурора Кассационного трибунала выполнял нарком юстиции, который назначался Президиумом ЦИК по представлению Совнаркома республики. Нарком юстиции назначал прокурора Революционного трибунала, а также утверждал в должности товарищей прокурора по представлению прокурора Революционного трибунала.

Для руководства деятельностью этих органов в аппарате Наркомюста был образован отдел охраны революционной законности. Основными его функциями являлись: организация обвинения, наблюдение за производством дознания и следствия, предварительное рассмотрение и дача заключений по делам, направленным в Верховный трибунал (как в порядке кассационном, так и в порядке высшего судебного контроля), рассмотрение жалоб о незаконных действиях и возбуждение уголовного преследования, наблюдение за местами заключения. Отдел инструктировал и контролировал деятельность товарищей прокурора в уездах, анализировал и обобщал данные об их работе, проводил совещания.

Первоначально штатная структура отдела охраны революционной законности предусматривала его организацию в следующем количественном составе: товарищ прокурора – 3, секретарь – 1, журналист – 1, машинистка – 1, курьер – 1 [3].

В дальнейшем, до упразднения отдела в июле 1922 г., его штаты не претерпели существенных изменений. Руководил отделом охраны революционной законности Степан Иванович Мундау.

В феврале-марте 1922 г. были созданы отделы охраны революционной законности и на местах – в пяти уездах республики (Борисовском, Бобруйском, Игуменском – ныне Червенском, Мозырском и Слуцком). В Минском уезде такой отдел не учреждался, так как на его территории, как и в Минске, надзор за законностью и функции по руководству работой прокуроров возлагались на отдел революционной законности Наркомюста. Штаты уездных отделов охраны революционной законности состояли из товарища прокурора, двух судебных следователей, секретаря и курьера [4].

Из архивных материалов – отчетов товарищей прокурора по уездам в Наркомюст – следует, что товарищи прокурора начали свою работу в январе 1922 г. [5].

На основании приведенных документов можно утверждать, что в Беларуси уже в начале 1922 г. были заложены правовые и организационные основы института прокурорского надзора. Этого мнения придерживается и известный правовед, профессор И. Мартинович, которая в своих исследованиях отмечает: «С момента основания в республике органов революционной законности формируются основные направления прокурорского надзора: надзор за законностью в деятельности органов дознания и следствия, надзор за законностью судебных постановлений, надзор за законностью приговоров, надзор за законностью в деятельности органов государственного управления (общий надзор). ...Анализ архивных мате-

риалов свидетельствует о том, что большая часть работы по борьбе с преступностью в первой половине 1922 г. концентрировалась именно в прокуратуре, или, как она тогда называлась, в органах революционной законности» [6, с. 69–70].

В начале 1921 г. наряду нарастал кризис как экономического, так и политического характера. Красноармейские продотряды, выполняя разнарядки по продразверстке, забирали у крестьян последнее. Подобные акты большевистской власти явились поводом для многочисленных политических выступлений белорусского крестьянства. Кроме того, влияли также агитация партий антибольшевистского толка, антисоветские выступления, недоверие населения к официальной политике.

Общая криминальная обстановка вызывала крайнюю тревогу, что потребовало строжайшего проведения в жизнь еще большей революционной законности и стало одной из самых насущных задач Советской власти. 26 июня 1922 г. третья сессия ЦИК ССРБ в целях осуществления надзора за соблюдением законов и в интересах правильной постановки борьбы с преступностью приняла Положение о прокурорском надзоре и учредила в составе Народного Комиссариата Юстиции Государственную прокуратуру. С этого времени берет официальный отсчет история прокуратуры Белоруссии, а день 26 июня на основании Указа Президента Республики Беларусь от 26 марта 1998 г. № 157 установлен Днем работников прокуратуры.

В соответствии с Положением о прокурорском надзоре на прокуратуру возлагалось:

а) осуществление от имени государства надзора за законностью действий государственных учреждений, общественных и частных организаций и частных лиц путем возбуждения уголовного преследования против виновных и опротестования противоречащих закону постановлений;

б) опротестование указанных выше распоряжений и постановлений в Совнарком и Президиум ЦИК на предмет их отмены; принесение протеста прокурором не приостанавливало, однако, проведения в жизнь опротестованного постановления или решения;

в) непосредственное наблюдение за деятельностью следственных органов и органов дознания в области раскрытия преступлений, а также за деятельностью органов Госполитуправления и дача указаний и разъяснений органам дознания и предварительного следствия по вопросу о мере пресечения, а равно и по другим связанным с предварительным следствием вопросам;

г) разрешение вопросов о предании суду и прекращении дел, поступающих к нему от органов дознания; предложение прокуратуры о пре-

дании суду по данной категории направляется непосредственно в суд;

д) утверждение обвинительных заключений следователей по всем делам, по которым производилось предварительное следствие, составление обвинительного акта и постановления о прекращении дела и, в случаях несогласия прокурора с заключением следователя, направление таковых в распорядительное заседание суда для окончательного утверждения;

е) участие в распорядительных заседаниях суда по вопросам о предании суду и прекращении дел во всех тех случаях, когда прокуратура признает свое личное участие в этих заседаниях необходимым;

ж) опротестование в кассационном порядке приговоров и определений, выносимых судом, а также опротестование, в порядке Высшего судебного контроля, вошедших в законную силу приговоров судов первой инстанции и кассационных решений Совета народных судей;

з) проверка правильности содержания под стражей во всех без исключения местах лишения свободы и освобождение лиц, неправильно содержащихся;

и) руководство и наблюдение за деятельностью помощников Прокурора республики и дача им разъяснений и указаний по всем возникающим в их деятельности вопросам;

к) поддержание обвинения в суде [7, с. 269–270].

В РСФСР Положение о прокурорском надзоре было утверждено 28 мая 1922 г. третьей сессии ВЦИК IX созыва. Однако в соответствии с Декретом ВЦИК от 8 июля 1922 г. срок введения института прокуратуры в Российской Федерации был отсрочен до 1 августа 1922 г. Структура отдела прокуратуры определялась Положением о Народном Комиссариате Юстиции РСФСР (Декрет ВЦИК от 1 февраля 1923 года). В отдел вошли: 1) подотдел общего управления и личного состава прокурорского надзора; 2) подотдел общего надзора; 3) подотдел надзора за органами следствия, дознания и местами лишения свободы; 4) подотдел государственного обвинения и следственная часть.

Белорусский вариант Положения о прокурорском надзоре в основном копировал российский, а по пунктам г), д), е), ж), з) и к) текст документа совпадал вплоть до запятой. Отличался белорусский документ от российского только отсутствием упоминания о губернских прокурорах, поскольку в Белоруссии не существовало губерний, и он не касался надзора за деятельностью военных и военно-транспортных трибуналов, поскольку они не входили в судебную систему ССРБ [8, с. 13].

В ССРБ и в РСФСР должность прокурора республики совмещалась с должностью народного комиссара юстиции. Первым прокурором Советской Белоруссии стал нарком юстиции Адольф Христофорович Гетнер, возглавлявший Народный Комиссариат Юстиции ССРБ с 10 января 1921 г.

В речи, произнесенной на VI съезде Советов рабочих, солдатских и красноармейских депутатов Слуцкого уезда, А. Гетнер выразил цель деятельности прокуратуры: «На страже защиты интересов законности стоит Прокуратура... и каждый гражданин должен знать, что зря его никто не обидит» [9, с. 34].

Органы прокуратуры организационно не представляли собой самостоятельного государственного органа, прокуратура как отдел входила в наркомат юстиции. Народный комиссар юстиции, он же прокурор республики, был подотчетен и ответствен перед Президиумом ЦИК ССРБ.

Отдел прокуратуры в НКЮ ССРБ был создан на базе отдела охраны революционной законности. Заведующий отделом прокуратуры являлся помощником прокурора республики, т. е. наркома юстиции.

Большую роль в регламентации прокурорской деятельности играла инструкция Народного Комиссариата Юстиции «О правах и обязанностях помощников Прокурора республики», утвержденная постановлением Президиума ЦИК ССРБ от 4 августа 1922 г. Она содержала четыре главы о правах и обязанностях помощников прокуроров в области наблюдения за законностью и возбуждения дел против нарушителей; наблюдения за местами заключения, приведения приговоров в исполнение [10].

Согласно Положению о прокурорском надзоре, прокуроры участвовали в распорядительных заседаниях судов, поддерживали в суде обвинение, имели право опротестования приговоров и определений в кассационном порядке и в порядке высшего судебного контроля. В 1923 г. органы прокуратуры республики были полностью сформированы и проводили в центре и на местах большую работу по укреплению законности и борьбе с преступностью. В том же году на второй сессии ЦИК БССР было принято и введено с 15 апреля 1923 г. в действие Положение о судостроительстве БССР, разработанное на основе аналогичного акта РСФСР. Устанавливалась единая система судебных учреждений: народный суд, Высший суд, Верховный суд. Об объеме работы белорусской прокуратуры того времени можно судить по данным, опубликованным в статистическом справочнике «Белорусская ССР в 1922–1923 годах к V-му Всебелорусскому съезду Советов». Только за период с 1 января по 15 ноября 1923 г. через

прокуратуру прошло 4863 дела, в том числе поступившие от органов дознания – 2905, от следователей – 1615 [8, с. 19].

Таким образом, период 1920–1923 гг. в истории белорусской прокуратуры можно назвать начальным периодом ее становления, который характеризовался практической необходимостью создания органов охраны революционной законности, опытного выявления и установления принципов их организации, задач и функций в советском социалистическом государстве, которые никто кроме органов прокуратуры как единого государственного надзорного органа выполнить не мог.

Белорусская прокуратура была создана по образцу прокуратуры РСФСР, которая, в свою очередь, переняла основные цели и задачи российской прокуратуры XIX в., за исключением классового принципа построения как кадрового состава, так и направлений работы.

Нехватка знаний при организации работы органов прокуратуры компенсировалась возможностью привлечения специалистов, работавших до революции в правоохранительной сфере, что положительно сказывалось на качестве работы и характеризовалось большим охватом вопросов, на которые прокуратура могла воздействовать.

Список использованных источников

1. Звягинцев, А. Г. Законоблюстители. Краткое изложение истории прокуратуры в лицах, событиях и документах / А. Г. Звягинцев. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2012. – 416 с.
2. Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). – Ф. 99. Оп.1. – Д.1. – Л.6.
3. НАРБ. – Ф. 99. – Оп. 2. – Д. 14. – Л. 10.
4. НАРБ. – Ф. 99. – Оп. 2. – Д. 14. – Л. 11.
5. НАРБ. – Ф. 99. – Оп. 2. – Д. 105.
6. Мартинович, И. И. Начальный этап становления белорусской прокуратуры / И. И. Мартинович // Законность и правопорядок. – 2009. – № 2. – С. 68–71.
7. История советской прокуратуры в важнейших документах. – М.: Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1952. – 298 с.
8. Посвящая себя служению закону... Прокуратуре Республики Беларусь 90 лет / Генеральная прокуратура Республики Беларусь; сост. Г. Р. Юнчик. – Минск: Друк – С, 2012. – 320 с.
9. Шалькевич, В. Путь длиною в 85 лет / В. Шалькевич. // Законность и правопорядок. – 2007. – № 2. – С. 33–37.
10. НАРБ. – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 911. – Л. 62–63.

Дата поступления: 29.10.2018.

Иванов А. М.

Саратовская государственная юридическая академия, Смоленск

Ivanov A.

Saratov State Law Academy, Smolensk

Иванова Е. А.

Департамент Смоленской области по внутренней политике, Смоленск

Ivanova E.

Department of the Smolensk region on domestic policy, Smolensk

УДК 94

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПЕРЕУСТРОЙСТВО РСФСР ПОСЛЕ ОКТЯБРЬСКОГО ПЕРЕВОРОТА 1917 ГОДА И СОЗДАНИЕ ЗАПАДНОЙ КОММУНЫ (1918–1919 ГОДЫ)

ADMINISTRATIVE REORGANIZATION OF THE RUSSIAN SFSR AFTER THE OCTOBER REVOLUTION OF 1917 AND THE ESTABLISHMENT OF THE WESTERN COMMUNES (1918–1919)

Статья посвящена проблемам административно-территориального переустройства Советского государства в первые годы становления власти Советов и созданию Западной коммуны, включивших территорию Беларуси и Литвы.

Ключевые слова: административно-территориальное переустройство; Белорусская ССР; Западная область; Октябрьская революция 1917 г.

This article is devoted to the problems of administrative-territorial reorganization of the Soviet State in the early formative years of power. It deals with creating Western province, comprising the territory of Belarus and Lithuania.

Keywords: administrative-territorial reorganization; Byelorussian SSR; western area; the October revolution, 1917.

Проблема хозяйственного районирования возникла перед советской властью сразу после Октябрьской революции в качестве основной предпосылки советского строительства. Период 1917–1920 гг. характеризуется как стихийный процесс дробления территории страны, который советская власть по мере своего укрепления, ставила под контроль центральных органов.

После Октября 1917 г. большевиками был взят курс на коренную ломку административно-территориальной системы Российской империи. 26 октября (8 ноября) 1917 г. был образован Наркомат внутренних дел [1], функции и деятельность которого отличались чрезвычайной сложностью и многообразием и включали в себя в т. ч. вопросы по организации местного управления РСФСР [2, л. 3]. В Обращении НКВД ко всем Советам рабочих, солдатских, крестьянских и батрацких депутатов от 24 декабря 1917 г. «Об организации местного самоуправления» разрешение вопроса об административном делении было передано в компетенцию местных Советов [3].

Декрет СНК РСФСР от 27 января 1918 г. «О порядке изменения границ губернских, уездных и прочих» [4] развил положение о необходимости проведения районирования в масштабах всей страны, определив, что области, губернии, уезды и волости могут разделяться на части, образуя новые административные или экономические единицы. В результате в стране началась бурная неконтролируемая изменением границ, которое соответствовало политическим целям большевиков: осуществление слома территориальной основы старого государственного аппарата.

В циркуляре НКВД от 11 мая 1918 г. получили дальнейшее развитие положения декрета «О порядке изменения границ...», где указывалось, что «предоставляется возможность каждому территориальному образованию (селению, волости, уезду и прочему) группироваться вокруг тех естественных центров, к которым они ощущают тяготение» [5]. Прежние органы местного самоуправления (земство) были отстранены от решения вопросов административной организации территории НКВД, который установил порядок проведения районирования и рекомендовал детально разобрать и обсудить причины выделения новых группировок населенных пунктов [5].

Однако местные Советы, получив, с одной стороны, независимость в решении вопросов

районирования, с другой – контролировались центральными органами власти для целенаправленной политико-экономической перестройки системы местного управления.

С марта 1917 г. по инициативе местных советских органов стали создаваться более крупные административно-территориальные образования – областные объединения Советов, включавшие несколько губерний. Это начинание было закреплено Постановлением ВЦИК «Об областных объединениях» от 23 декабря 1918 г. [6].

Таким образом, основные правовые акты административно-территориального устройства РСФСР были разработаны в первый год советской власти. Практическое воплощение законодательных документов по проведению административно-территориальной реформы началось в западных губерниях РСФСР.

Первая попытка таких преобразований была предпринята на рубеже 1917–1918 гг., когда в марте 1917 г. была образована Западная область с центром в Минске. В состав Западной области изначально входили Витебская, Могилевская и Минская губернии, неоккупированная часть Виленской губернии. В апреле 1918 г. в связи с занятием белорусских земель германскими войсками в ходе Первой мировой войны Западная область была реорганизована, в её состав вошла Смоленская губерния Московской области, а административный центр переместился из Минска в Смоленск. Одновременно в состав Смоленской губернии были включены оставшиеся свободными от немецкой оккупации Горецкий, Чаусский, Климовичский, Мстиславльский и ряд других уездов [7, л. 25].

В резолюции II Съезда Советов Западной области в апреле 1918 г. создание и сохранение Западной области в новом составе обосновывалось тем, что в ходе социалистической революции выявилась необходимость объединения губерний в областные единицы по экономическим, географическим и этнографическим признакам, а также что дезорганизация хозяйственной жизни диктует Минской, Могилевской, Витебской и Смоленской губерниям создать сильный областной центр, который может взять на себя задачу восстановления разрушенного хозяйственного аппарата и руководства экономической жизнью этого региона [8, с. 276].

Запобкому партии пришлось преодолеть негативное отношение к административно-территориальным преобразованиям ответственных работников г. Смоленска, которые противились включению Смоленской губернии в состав Западной области [9].

Несмотря на это Смоленский губисполком был упразднен, а его функции перешли к областным органам управления. В Постановлении Малого Совета Облисполкома от 3 мая 1918 г. говорилось: «Со дня издания настоящего декрета все функции бывшего Смоленского губернского исполкома полностью переходят к Облисполкомзапу и отделы его сливаются с соответствующими отделами Облисполкомзапа» [8, с. 275]. Тем более, что необходимость включения Смоленской губернии в Западную область подчеркивал и ВЦИК в телеграмме, направленной Облисполкомзапу, за подписью Я. М. Свердлова [10, с. 45].

Однако в сентябре 1918 г. на III съезде Советов Западной области руководители белорусских секций РКП(б) и Белнацкома предложили переименовать ее в Литовско-Белорусскую коммуну, или автономную республику в составе РСФСР. Этот вопрос они рекомендовали вынести на обсуждение съезда Советов после освобождения Белоруссии от немецких оккупантов. Данное предложение было отклонено. Вместо этого III Съезд Советов Западной области принял решение о переименовании субъекта в Западную коммуну [11]. Такое переименование отвергало любое подчеркивание национальных особенностей, но отражало новую эпоху государственного строительства и «величие свершившегося переворота».

В октябре 1918 г. НКВД РСФСР одобрил существование Западной области как административно-территориальной единицы РСФСР. В соответствующем Постановлении НКВД отобразил взгляды руководства Западной области на перспективу государственного строительства. В частности в нем отмечалось, что после изгнания немецких захватчиков, границы Западной коммуны должны охватить территорию Белоруссии и Литвы, включив в состав Минскую, Могилевскую, Московскую, Витебскую, Смоленскую, Гродненскую, Виленскую и Ковенскую губернии с населением в 15 млн человек и с территорией, превышающей 300 тыс. км² [12, л. 21–22].

В Постановлении отмечались объективные основания, которые диктовали необходимость существования Западной области: бытовая однородность, вытекающая из этнографического единства; сходство хозяйственно-экономической структуры и т.д. Кроме того, руководство страны в целом и Западной области в частности считало

Белоруссию территориальной единицей РСФСР. Эти взгляды формировались под влиянием идеи мировой социалистической революции, а в самоопределении народов, образовании национальных государств, границах виделось препятствие на пути к ней. Такая точка зрения аргументировалась тем, что белорусы не являются самостоятельной нацией, и поэтому принцип самоопределения им не подходит.

Вопрос о перспективах дальнейшего существования Западной коммуны был поставлен на повестку дня ВЦИК. Для предварительного обсуждения этого вопроса под председательством Я. М. Свердлова была создана специальная Административная комиссия в составе представителей центральных органов и областей. Западную коммуну представлял руководитель обкома партии А. Ф. Мясников [13].

Изучив и обсудив проблему областей, 23 декабря 1918 г. ВЦИК принял Декрет «Об областных объединениях», в соответствии с которым структура Западной области стала в себя включать Гродненскую, Витебскую, Минскую, Могилевскую, Смоленскую и часть Виленской губернии. Ковенская и другая часть Виленской губернии были исключены из ее состава в связи с готовящимся провозглашением Литовской ССР.

Декрет ВЦИК от 23 декабря 1918 г. определил правовое положение областей в системе органов государственной власти как подсобных центру органов на местах, исходя из того, что их основная задача заключалась в «быстром неуклонном проведении в жизнь всех предначертаний центральной советской власти» [14, с. 175]. Однако, как отметил Я. М. Свердлов, «это положение является временным... области были созданы в тот период, когда центральные советские учреждения не могли непосредственно из центра провести всю огромную революционную работу, что в этот период, когда центральные советские учреждения не могли выполнить всей работы по созданию и укреплению советской власти на местах, необходимо было создание промежуточных органов, которые на местах выполняли работ (по заданию) центра» [15, с. 96]. В связи с этим губернии в составе областей получили право выхода из них.

Созданная поспешно без учета национального состава, социально-экономических условий, Западная коммуна не могла существовать. Возникли проблемы управления большой территорией. Поэтому состоявшаяся в Смоленске 30–31 декабря 1918 г. VI Северо-Западная конференция РКП(б) провозгласила создание Белорусской республики, [16, л. 67], в состав которой вошли Витебская, Гродненская, Могилевская, Минская и Смоленская губернии.

2 февраля 1919 г. ВЦИК подтвердил самостоятельность Белорусской ССР в границах, установленных по национальному признаку в составе Витебской, Могилевской, Минской и Гродненской губерний. Смоленская губер-

ния, в населении которой белорусы составляли меньшинство, была выведена из ее состава и стала самостоятельной территориально-административной единицей в составе РСФСР [17, л. 27].

Список использованных источников

1. Собрание узаконений РСФСР. – 1917. – № 1. – Ст. 1.
2. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). – Ф. 393. – Оп. 2. – Д. 10. – Л. 3.
3. Вестник НКВД. – 1917. – № 5. – Ст. 278.
4. Собрание узаконений РСФСР. – 1918. – № 8. – Ст. 324.
5. Вестник НКВД. – 1918. – № 12. – Ст. 117.
6. Собрание узаконений РСФСР. – 1918. – № 84. – Ст. 261.
7. Государственный архив Смоленской области (далее – ГАСО). – Ф. 78. – Оп. 1. – Д. 10. – Л. 25.
8. *Круталевиц, В. А.* Рождение Белорусской Советской Республики / В. А. Куталевиц. – Минск, 1975. – С. 276.
9. Звезда. – 1918. – 7 нояб.
10. Установление и упрочение Советской власти в Смоленской губернии. – Смоленск, 1957. – С. 45.
11. Известия исполнительного комитета Западной области. – 1918. – 15 сент.
12. ГАСО. – Ф. 161. – Оп. 1. – Д. 356. – Л. 21–22.
13. Звезда. – 1918. – 4 дек.
14. История Советской Конституции (в документах). 1917–1956. – М., 1975. – С. 175.
15. *Свердлов, Я. М.* Избранные произведения. – М.: Госполитиздат, 1959. – Т.3. – С. 96.
16. Государственный архив новейшей истории Смоленской области (далее – ГАНИСО). – Ф. 19. – Оп. 1. – Д. 6. – Л. 67.
17. ГАНИСО. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 5. – Л. 27.

Дата поступления: 22.06.2018.

РАЗДЕЛ 8. PRO DISPUTATIONEM

Лойко А. И.

Белорусский национальный технический университет, Минск

Loiko A.

Belarusian national technical university, Minsk

УДК 172

ДОЛГИЙ XIX ВЕК И ТЕОРИЯ РИСКОВ

LONG XIX CENTURY AND THEORY OF RISKS

В статье рассмотрена история XIX века в контексте теории рисков. Показана динамика национального вопроса в условиях разных исторических эпох.

Ключевые слова: история; XIX век; риски; Россия; историческая эпоха.

In the article considered history XIX century in context theory risks. Show dynamics national question in conditions variety historical epoch.

Keywords: history; XIX century; risks; Russia; historical epoch.

Теория социальных рисков актуализирована работами социологов, экономистов, представителей философии техники [1]. В России феномен социальных рисков в сфере политики не акцентировался до 1917 г., поскольку институт монархии имел стабильность, питавшуюся верой русского народа в самодержца. На этой основе Петр I провел реформы, за которыми не последовали риски политической нестабильности. Правление Екатерины II создало впечатление об абсолютном статусе монархического правления.

«Долгий XVIII век» оказался в периоде исторического нахлыста с «Долгим XIX веком». Этот период стал периодом правления Александра II. Под впечатлением о политической стабильности государства он принял решение о проведении социальных реформ. Судя по тому, как трагически закончилась его жизнь в результате террористического акта, он не учитывал ряд социальных рисков, связанных с диалектикой прогрессивных и консервативных тенденций в развитии российского общества.

Прогрессивные тенденции формировались влиянием французской революции, эпохой Просвещения. Консервативные тенденции сформировала интегрированная в состав Российской империи Речь Посполитая. Шляхта стремилась к восстановлению самостоятельности Речи Посполитой. Это протестное движение оказалось созвучным целям народовольческого движения в центральной части России. Оба движения – прогрессивное и консервативное – создали перспективу общей борьбы с политическими институтами Российской империи. После подавления

вооруженных восстаний, преследовавших цель восстановления Речи Посполитой, основные формы борьбы сконцентрировались в народовольческих организациях. Одни из них культивировали просветительские хождения в народ, другие – пользовались методами террористической деятельности.

Существуют значительные архивные материалы по ситуации в России, особенно в западной ее части [2]. Они свидетельствуют о том, что в начале XIX в. существовали предпосылки для социальных рисков в России. В основном эти риски создавались деятельностью хорошо образованной малоземельной дворянской молодежи [3]. Они сформировали содержание социальных рисков «долгого XIX века» в России.

Фундаментальные риски создавало революционное движение западной ориентации. Оно рассматривало Россию в контексте общеевропейской идеи переустройства континента на социалистических началах. Запад умирал, а Россия и славянский мир давали надежду на радикальное обновление. Инициаторами противостояния с институтом абсолютистской монархии в России в лице Александра II были А. Герцен, Н. Огарев, Н. Чернышевский. Они не были противниками России как страны. Они хотели ее радикального переустройства на основе принципов социалистической общины. В свете задачи радикального переустройства Российской империи использовались любые недостатки в содержании реформ.

Координатором движения разнообразных политических сил в Восточной Европе был А. Гер-

цен. Ко времени начала этой работы в России была создана инфраструктура революционных сил в форме «Земли и воли». Организация искала выходы к протестным ресурсам русского народа. Когда эти поиски оказались безрезультатными, было принято решение о доминанте террористической деятельности. Убийство российского монарха, по задумке революционеров, должно было всколыхнуть российское общество и создать условия для трансформации России.

В рамках реализации этих планов оформился союз революционных организаций России и организаций, боровшихся за восстановление Речи Посполитой. Именно эти организации наиболее активно использовали половинчатые реформы для создания протестного движения. А. Герцен эти усилия поддерживал. В сентябре 1862 г. представители Центрального национального комитета повстанческих сил Речи Посполитой провели встречу с А. Герценом, Н. Огаревым, М. Бакунным. Повстанческие силы имели поддержку со стороны русской военно-революционной организации в Царстве Польском. Разнообразные связи революционеров России, Польши, Беларуси, Украины стали предметом рассмотрения в исследованиях известного слависта В. А. Дьякова.

Объявленный в пределах бывшей Речи Посполитой очередной рекрутский набор ускорил начало восстания 1863–1864 гг. [4]. В пределах Беларуси деятельность повстанческих отрядов координировал К. Калиновский. Он стремился расширить социальную базу восстания за счет крестьян. С этой целью он издавал на белорусском языке газету «Мужицкая правда». Крестьяне не очень охотно отзывались на призывы, поскольку Речь Посполитая ассоциировалась у них с помещичьим гнетом, полонизацией, притеснением православного населения. Основное ядро повстанческих отрядов формировали студенты Виленского университета, Горы-Горецкого земледельческого института. Повстанческие отряды формировались по территориальному признаку.

Риски для Александра II создавало обстоятельство, состоявшее в том, что великие реформы он проводил не столько по внутренним причинам, сколько по причинам внешнего порядка. Эти причины таились в принятом на себя Россией статусе европейского государства. Фактически нужно было осуществить очередной этап европеизации России. Петр I первый этап осуществлял достаточно жестко и настойчиво. В его пользу работали конкретные результаты в виде военных побед, становления промышленности. Он заставлял молодежь получать европейское образование и не боялся его издержек. Александр II эти издержки западнического влияния видел в форме восстания декабристов.

Эмансипирующую роль сыграла Отечественная война 1812 г. После восстания декабристов Россия впала в традиционалистскую рутину бюрократии. Она теряла конкурентные качества, что и показала Крымская война. Российская дворянская молодежь не хотела усиления разрыва с Европой в вопросах институциональной эволюции. Вследствие этого в армии сохранялась революционно-демократическая среда, созданная декабристами. В нее влился революционно-демократический фактор, питавшийся базой, не получившей дворянского статуса безземельной шляхты бывшей Речи Посполитой. В основном это были уроженцы Беларуси и Украины.

В России основной носительницей демократических ценностей стала интеллигенция. Ее социальный статус формировался высшим образованием и заботой о русском народе. Оптимизм народников питало крестьянское движение 1861–1862 гг. А. Герцен на основе редакции «Колокола» создал в Лондоне координационный центр. Внутри России эту роль выполняла редакция журнала «Современник». Теоретиком тайных организаций стал Н. Чернышевский. Организации были представлены кружками «Великорусе» и «Земля и воля».

Подавление очередного восстания в Царстве Польском и западных губерниях отразилось на возможностях деятельности разночинцев. У них были ограничены возможности агитации в сельской местности. Многие из них, в том числе Н. Чернышевский, оказались в ссылках. Но интеллигенция не хотела отказываться от борьбы за лучшее будущее России. За основу была взята тактика точечного террора, направленного против ключевых политических фигур власти. Так, С. Нечаев создал в 1869 г. организацию «Народная расправа». Она была ликвидирована властями. С. Нечаев бежал за пределы России.

М. Бакунин, П. Лавров, П. Ткачев активно занимались поисками оптимальной для России революционной стратегии. Очередное хождение в народ в 1874 г. закончилось неудачей. Смена стратегии шла на основе тайной организации «Земля и воля». Г. Плеханов и его соратники предприняли еще одну попытку хождения в народ, но и она оказалась неудачной. В 1876 г. в Петербурге народолюбцы провели политическую демонстрацию. Власти жестко отреагировали на нее. Часть народолюбцев склонилась к тактике террора.

В 1878 г. часть народников вернулась к идее необходимости террористической борьбы. В 1878 г. В. И. Засулич совершила покушение на петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова и ранила его. Однако настроение общества было таково, что суд присяжных оправдал ее, а Ф. Ф. Трепов был вынужден уйти в отставку.

Среди народовольцев начались дискуссии о методах борьбы. Споры привели к расколу.

Г. В. Плеханов, В. И. Засулич, Л. Г. Дейч, П. Б. Аксельрод образовали организацию «Черный передел». Она существовала в 1879–1881 гг. А. И. Желябов, А. Д. Михайлов, С. Л. Перовская, Н. А. Морозов, В. Н. Фигнер сформировали ядро «Народной воли». Террор стал одной из ключевых стратегий в условиях разочарования в крестьянском движении. С. Л. Перовская организовала покушение на российского императора. 1 марта

1881 г. Александр II был смертельно ранен бомбой, брошенной И. Гриневицким, и вскоре умер [5].

Приток белорусской молодежи в столицу государства создал интегральную основу для совместной деятельности организаций России и Польши. Этому обстоятельству посвящено целое направление архивных исследований в советский период истории.

Таким образом, «Долгий XIX век» в Российской империи создал внутренние механизмы социальных рисков.

Список использованных источников

1. Шербакова, Е. О. Рискогенные процессы в странах ЕвразЭС / Е. О. Шербакова, А. И. Лойко // Евразийское пространство диалога Беларуси, Казахстана, России, Армении, Кыргызстана: культура, философия, экономика. Материалы Международной научной конференции. – Минск: БНТУ, 2016. – С. 333–338.
2. Журналы Комитета Западных губерний (Т.1: 1831–1835 гг.). – СПб.: Буланин, 2017.
3. Домбровский, Я., Потеня, А., Подлевский, З., Бобровский, С., Калиновский, К., Мацкявичюс, А., Кепевич, И., Траугут, Р., Врублевский, В. – М.: Молодая гвардия, 1964.
4. Русско-польские революционные связи. Т.1–2. Сер. «Восстание 1863 г. Материалы и документы». – М.: Молодая гвардия, 1963.
5. Суд над цареубийцами. Дело 1-го марта 1881 года. под ред. В. В. Разбегаева. – СПб.: Изд-во им. Н. И. Новикова, 2014. – Т.1–2.

Дата поступления: 23.09.2018.

Лойко Л. Е.

Академия МВД Республики Беларусь, Минск

Loiko L.

Academy of Ministry of Internal affairs of Republic of Belarus, Minsk

УДК 172

ДОЛГИЙ XIX ВЕК И АНАЛИТИЧЕСКАЯ МЕТОДОЛОГИЯ

LONG XIX CENTURY AND ANALITICAL METHODOLOGY

В статье рассмотрено понимание философией и исторической наукой «долгого XIX века». В качестве примера избрана аналитическая философия.

Ключевые слова: XIX век; история; аналитическая методология; наука; время.

Abstract in the article considered understanding philosophy and history science Long XX century. In example considered the analytical philosophy.

Keywords: XIX century; history; analytical methodology; science; time.

Длинные XVIII и XIX века в российской политической истории стали предметом рассмотрения историков США и Российской Федерации в 90-х гг. XX ст. на основе критериев методологии аналитической философии. За основу была взята концепция реальных исторических событий, конкретная и свободная, по мнению ее сторонников, от идеологических шаблонов, свойственных абстрактным концептуальным схемам.

На основе этой концепции методологи и историки России и США провели междуна-

родные коллоквиумы в Санкт-Петербурге и Пенсильванском университете. Их участников интересовали перспективы социальной и политической эволюции постсоветской России. В центре внимания были реформы Александра II. Этот исторический период дает ответы на многие вопросы о содержании и социальных механизмах переходных эпох. В дискуссиях используется понятийный аппарат, представленный концептами «ментальности», «политического ритуала», «политического мифа», «традиционалистской

реакции», «социальной идентификации», «политической культуры».

Особенностью менталитета россиян XVIII–XIX стст. Р. Уортман считает мифологизированное восприятие царской власти. Оно детерминирует устойчивость политических ритуалов, которые становятся не просто красивой церемонией и праздником, но подтверждением сверхчеловеческих свойств династии и близкой к ней элиты: «эти мифы окутывали царскую власть аурой неземного могущества» [1, с. 18]. При таком статусе политических институтов можно не проводить реформ и опираться на сформировавшуюся традицию.

Т. Эммонс, опираясь на архивные материалы по крестьянскому вопросу в России, высказал идею о том, что у политической элиты России был комплекс стыда перед Европой за крепостное право [3, с. 124]. Под влиянием экономических теорий Запада на настроения русского общества начали проводиться реформы. По мнению П. Готрелла, они совпали с ускорением экономического роста, свойственного Европе, в том числе и России, а не положили ему начало. Поэтому в политическом и социальном плане они имели большее значение, чем в экономике, и не могут считаться водоразделом между феодализмом и капитализмом, так же как и переходом от традиционного общества к современному обществу [3, с. 45–46].

А. Дж. Рибер использует понятие «групповые интересы» для выявления основы конвергенции экономических и политических интересов государственной элиты России 60–70-х гг. XIX в. Он выделяет профессиональные и идеологические группировки в русском обществе. Первые тяготели к министерствам, объединялись с целью выработки программ и включали представителей различных сфер деятельности [3, с. 50]. Несколько таких обществ было уже в XVIII в., например, «Вольное экономическое общество», декабристские организации. Их особенности – организационная рыхлость, слабая связь друг с другом, зачастую намеренное утаивание друг от друга своих планов и программ.

Отсутствие практики совместной, коалиционной работы негативно сказалось на заключительной стадии «долгого XIX века», что проявилось в деятельности Временного правительства. Возможно, прав был П. Н. Милюков, резко возражавший против создания коалиции во Временном правительстве. Он понимал, что, не имея устойчивых и эффективных навыков, в условиях революции этому не научишься. При отсутствии единого законодательства основной целью группировок было внимание самодержца. Поэтому, считает А. Дж. Рибер, обозначать эти группы

в традиционном для Запада языке – «либеральная», «консервативная», «буржуазная» – весьма проблематично как в структурном, так и в лингвистическом плане [3, с. 53–65].

Описание политической жизни в России требует иной терминологии, поскольку ее политические институты и социальная структура имели специфический характер. Для второй половины XIX в. А. Дж. Рибер считает правомерным выделение таких группировок, как экономисты и инженеры. Обе сохраняли устойчивый интерес к строительству железных дорог в России, но совместной программы действий не имели. Важную роль играли военные, которых объединяла идея технических новшеств в армии и военного образования; фракция Шувалова или высшего дворянства [3, с. 104]. Не было институтов для поиска согласия и погашения конфликтных ситуаций между группами интересов. Предвестником кризиса была половинчатая аграрная реформа.

С. Хок связывает реформу 1861 г. с кризисом государственных кредитных учреждений, банковской системы, а не с уверенностью власти в необходимости решения аграрного вопроса как такового. Этот кризис не позволил субсидировать приобретение крестьянами земли. Отсюда особенности «Положения 19 февраля» о минимальном наделе, постепенном выкупе. Недостаток капитала в России не позволял открыть ни индустриальные, ни радикальные аграрные преобразования. Провал попыток возложить на неразвитый частный капитал финансирование развития транспорта и промышленности затормозил экономический рост. В этих условиях «необходимо было выработать политику индустриализации именно для России, а не просто переносить сюда зарубежные методы финансирования» [3, с. 80].

Д. Филд анализирует восприятие реформы об отмене крепостного права самими крестьянами и приходит к выводу, что для большинства из них «выполнение “Положений 19 февраля” являлось как бы проверкой лояльности или же источником заразы...» [3, с. 82]. К истечению срока подписи грамот было подписано только 42 % из их предполагавшегося числа. Самый высокий процент был в Минской губернии – 99,8 % [2].

Реакция крестьян соответствовала их правосознанию, а также полному несовпадению двух концепций собственности, имевших место в России. Начиная с Петра I принимается концепция западного типа, на основании которой в 1861 г. провозглашается право помещичьей собственности. Крестьяне же считали, что земля принадлежит тому, кто ее обрабатывает, поэтому вы-

купные платежи воспринимались как вопиющая несправедливость.

Кроме того, в самой реформе сохранялось многое от крепостничества – власть помещиков и местной администрации, прикрепление к земле через общину, иерархия в социальном статусе, местный суд. «В целом, – пишет Д. Филд, – реформа была скорее упорядочением, приведением в систему старого, чем введением нового» [3, с. 87]. Она не стала непосредственным стимулом экономического развития.

Более успешной была судебная реформа 1864 г. как веха на пути к абсолютной и конституционной монархии. Она изначально затрагивала лишь институциональную и процессуальную структуры судопроизводства, а не само право. Были творчески адаптированы достижения судебной практики Франции и Великобритании. Это независимые суды, профессиональная подготовка юристов, институт присяжных заседателей, гласность [3, с. 305]. В целом в практике реформ существовало глубокое комплексное противоречие между целями, средствами и их результатами.

С методологической точки зрения по данному вопросу можно сделать следующие выводы: 1) любые концепции и исследовательские модели многоукладности, революционной ситуации, альтернативности развития, выбора пути, модернизации должны применяться как инструмент анализа, а не идеологическое обоснование современной политики. В противном случае возникает опасность перекося в сотворении исторического прошлого страны; 2) в изучении российских реформ необходим сравнительный анализ русской истории со странами Западной Европы и третьего мира.

Перед исторической методологией стоят важные задачи развития исследований на границах экономической, социальной, ментальной истории; учета взаимосвязи длительных и кратковременных экономических, социальных и политических процессов; социальных структур, конъюнктур и событий; глубокого изучения социальных представлений людей, темпов и динамики изменений в психологических состояниях; разработки понятий, способных отразить своеобразие российского исторического процесса.

Список использованных источников

1. Реформы или революция? Россия 1861–1917. – СПб.: Наука, 1992.
2. Межов, В. И. Крестьянский вопрос в России. Полное собрание материалов для истории крестьянского вопроса на языках русском, и иностранных, напечатанных в России и за границей, 1764–1864 гг. / В. И. Межов. – СПб., 1865. – 436 с.
3. Великие реформы в России. 1856–1874: сб. по итогам конф. в Пенсильванском университете (США) в 1989 г. – М.: Изд-во МГУ, 1992.

Дата поступления: 24.09.2018.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андерс-Намжилова Кристина Юрьевна	Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; кандидат филологических наук; christinaanders@yandex.ru
Белозорович Виктор Александрович	Гродненский государственный университет имени Янки Купалы; кандидат исторических наук, доцент; vbelozorovich@mail.ru
Билецкий Алексей Сергеевич	Магистр ветеринарных наук, исследователь в области исторических наук; sabvid@mail.ru
Бусько Сяргей Іванавіч	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт фізічнай культуры; кандыдат гістарычных навук; buskosiarhei@gmail.com
Волкава Вольга Віктараўна	Рэспубліканскі інстытут вышэйшай школы; кандыдат гістарычных навук; volha.volkava@gmail.com
Воронич Татьяна Владимировна	Белорусский государственный экономический университет; кандидат исторических наук, доцент; vtv1@mail.ru
Гарматны Виталий Петрович	Институт парламентаризма и предпринимательства; кандидат исторических наук; vitharmatny@mail.ru
Грачева Ирина Михайловна	Республиканский институт высшей школы; соискатель; Iris0877@yandex.ru
Гурченко Алеся Ивановна	Белорусский государственный университет культуры и искусств; кандидат искусствоведения; alesia_gr@mail.ru
Гушчынскі Ігар Генадзьевіч	Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя Максіма Танка; кандыдат гістарычных навук, дацэнт; hushchynski@gmail.com
Дзенісенка Алена Пятроўна	Цэнтральная навуковая бібліятэка імя Якуба Коласа Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі; навуковы супрацоўнік; ix156@mail.ru
Долгач Татьяна Валентиновна	Институт истории Национальной академии наук Беларуси; младший научный сотрудник; dolgach_tv_91@mail.ru
Дудчик Андрей Юрьевич	Белорусский государственный университет; кандидат философских наук, доцент; a_dudchik@tut.by
Ерашэвіч Аляксандр Уладзіміравіч	Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт; кандыдат гістарычных навук, дацэнт; erash06@ Rambler.ru
Ершова Ольга Игоревна	Белорусский государственный университет; кандидат исторических наук, доцент; ershova_olga@tut.by
Жихарев Сергей Борисович	Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины; кандидат исторических наук, доцент; zhiharev@gsu.by
Заблоцкая Таццяна Міхайлаўна	Рэспубліканскі інстытут вышэйшай школы, аспірант; tzablotskaia@mail.ru
Иванов Александр Михайлович	Смоленский филиал Саратовской государственной юридической академии; кандидат исторических наук; Aleks-I-82@yandex.ru
Иванова Елена Александровна	Департамент Смоленской области по внутренней политике; кандидат исторических наук; Elena-I-82@yandex.ru
Кароль Маргарыта Міхайлаўна	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт; аспірант гістарычнага факультэта; paparatm@gmail.com
Кейко Юлия Владимировна	Гродненский государственный университет имени Янки Купалы; магистрант; jv.kejko@gmail.com
Киселёв Александр Александрович	Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники; кандидат исторических наук, доцент; kiselev_aa@list.ru
Кошман Вадим Иванович	Институт истории Национальной академии наук Беларуси; кандидат исторических наук, доцент; vadzim_ archeo@tut.by

Купченко Константин Владимирович	Смоленский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; кандидат исторических наук, доцент; konstan1977@yandex.ru
Легчилин Анатолий Александрович	Белорусский государственный университет; кандидат философских наук, доцент; liahchylin@bsu.by
Литвиненок Регина Станиславовна	Республиканский институт высшей школы; кандидат исторических наук; regina.li2010@yandex.by
Лойко Александр Иванович	Белорусский национальный технический университет; доктор философских наук, профессор; alexander.loiko@tut.by
Лойко Лариса Егоровна	Академия МВД Республики Беларусь; кандидат философских наук, доцент; larisa.loiko@tut.by
Луговцова Светлана Леонидовна	Белорусский государственный университет; кандидат исторических наук, доцент; sv.lougovtsova@gmail.com
Мастяница-Станкевич Ольга	Институт истории Литвы; доктор истории; mastianica@gmail.com
Мигун Дмитрий Адамович	Республиканский институт высшей школы; кандидат исторических наук, доцент; ditmar-2006@tut.by
Мікалаева Людміла Віктараўна	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт інфарматыкі і радыёэлектронікі; кандыдат гістарычных навук, дацэнт; Mikalayeva@bsuir.by
Моторова Надежда Сергеевна	Белорусский государственный университет; кандидат исторических наук, доцент, докторант исторического факультета; motorova@ro.ru
Мухина Зинара Зиевна	Старооскольский технологический институт имени А. А. Угарова; доктор исторических наук, профессор; mukhiny@mail.ru
Наумова Алена Александровна	Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; студент; christinaanders@yandex.ru
Некрашевич Филипп Анатольевич	Академия МВД Республики Беларусь; кандидат исторических наук; davou@mail.ru
Никитина Наталья Владимировна	Смоленский государственный университет; кандидат исторических наук, доцент; n-030168@yandex.ru
Никонова Светлана Игоревна	Казанский государственный архитектурно-строительный университет; доктор исторических наук, профессор; svetakgasu@rambler.ru
Новаш Ольга Валерьевна	Республиканский институт высшей школы; соискатель; novash@yandex.ru
Острога Валентина Михайловна	Белорусский государственный технологический университет; кандидат исторических наук, доцент; ostroga.v@mail.ru
Оськин Максим Викторович	Институт законовещения и управления Всероссийской полицейской ассоциации; кандидат исторических наук; maxozv@yandex.ru
Полетаева Наталья Ивановна	Белорусский государственный экономический университет; доктор исторических наук, доцент; n_poletaeva@tut.by
Серета Артем Сергеевич	Республиканский институт высшей школы; аспирант; marcellinus@tut.by
Сцебурака Анатолий Миколаевич	Нацыянальная бібліятэка Беларусі; кандыдат гістарычных навук, дацэнт; steburaka@tut.by
Сыцько Кірыл Валер'евіч	Інстытут гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі; магістр кіравання; kirylawolny@gmail.com
Толмачева Светлана Александровна	Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка; кандидат исторических наук, доцент; tolmachova.sv@yandex.ru
Терентьев Вячеслав Олегович	Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С. О. Макарова; кандидат исторических наук; terehv@mail.ru

Хованский Александр Васильевич	Гродненский государственный университет имени Янки Купалы; аспирант; howa@list.ru
Храпунов Никита Игоревич	Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского; кандидат исторических наук; khrapunovn@mail.ru
Чикалова Ирина Ромуальдовна	Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка; доктор исторических наук, профессор; irina_chikalova@mail.ru
Шевкун Павел Викторович	Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка; кандидат исторических наук, доцент, докторант; p.shevkun@mail.ru
Шимукович Сергей Фадеевич	Республиканский институт высшей школы; кандидат исторических наук, доцент: 28.05.74@mail.ru
Шыдлоўскі Сяргей Алегавіч	Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт; кандыдат гістарычных навук, дацэнт; s.szydlowski@psu.by
Яковчук Виктор Иванович	Академия управления при Президенте Республики Беларусь; доктор исторических наук, профессор; viyakovchuk@tut.by

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ В СБОРНИКЕ «ДОЛГИЙ XIX ВЕК» В ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ. ИССЛЕДОВАНИЯ ПО НОВОЙ И НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ»

Язык изложения материала публикации – русский или белорусский, текст должен соответствовать критериям научности, правилам грамматики и орфографии.

Объем основной части статьи – от 14 000 до 25 000 печатных знаков, включая пробелы между словами, знаки препинания, цифры и др., текстовый редактор Microsoft Word. *В объем основной части статьи не входят: аннотации, ключевые слова, список использованных источников.*

Шрифт текста статьи – Times New Roman, размер – 14 pt, через 1,5 интервала, все поля – 20 мм.

Статья должна включать следующие элементы:

- обязательно код УДК;
- название статьи на русском и английском языках;
- инициалы и фамилия автора (авторов) статьи на русском и английском языках;
- место работы на русском и английском языках;
- аннотация до 10 строк на русском или белорусском (в зависимости от языка изложения) и английском языках;
- ключевые слова или словосочетания на русском (белорусском) и английском языках (важно: отделяются друг от друга точкой с запятой);
- введение, основную часть, включающую графики и другой иллюстративный материал (при их наличии), заключение. В тексте статьи данные структурные элементы не выделяются;
- список использованных источников, порядковые номера ссылок на источники в тексте приводятся внутри квадратных скобок (например, [1, с. 23; 2, с. 10]);
- дата поступления статьи в редакцию, подпись автора.

Автор дает свое согласие на размещение статьи в электронной библиотеке для включения в РИНЦ. Также автор заключает лицензионный договор с РИВШ на право использования научного произведения в сборнике.

Текст статьи подается на бумажном носителе и (или) на электронном носителе в соответствии с представленными требованиями. Электронный вариант подается в формате xxxxxx.doc (название файла – фамилия автора статьи).

Для лиц, осваивающих программы послевузовского образования, обязательна рецензия (рекомендация) научного руководителя и/или кандидата/доктора наук по соответствующей отрасли науки.

Автор несет персональную ответственность за то, что предоставленные материалы публикуются впервые и являются оригинальными. Приветствуется предоставление сертификата о проверке в программе «Антиплагиат».

Статьи, не соответствующие предъявляемым требованиям, с многочисленными орфографическими, грамматическими ошибками могут быть отклонены на любом этапе формирования сборника. Решение о публикации статьи принимается редакционной коллегией. Рукописи, не прошедшие рецензию, не возвращаются и не обсуждаются. Авторы и рецензенты несут полную ответственность за содержание предоставленных в статьях материалов.

Статью подавать лично по адресу: г. Минск, ул. Московская, 15, к. 319, либо на e-mail: LongXIXcnt@mail.ru.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1. ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ

БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ «ДОЛГОГО XIX ВЕКА»	3
<i>Мікалаева Л. В.</i> АДЛЮСТРАВАННЕ ЗНЕШНЯЙ ПАЛІТЫКІ ВЯЛКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА ПЕРЫЯДУ КАНЦА XIV – СЯРЭДЗІНЫ XVI СТАГОДДЗЯ Ў ГІСТАРЫЧНЫХ ДАСЛЕДАВАННЯХ XIX СТАГОДДЗЯ.....	3
<i>Андерс-Намжилова К. Ю., Наумова А. А.</i> НЕТИПИЧНЫЕ ИСТОЧНИКИ РУССКОЙ КАТЕХИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XIX ВЕКА.....	8
<i>Храпунов Н. И.</i> БРИТАНСКИЕ ТРАВЕЛОГИ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XIX ВЕКА О КРЫМЕ И О БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ: НЕКОТОРЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ	10
<i>Сцебурака А. М.</i> НЕРАЗБУРАНАЯ ЛЕГЕНДА: ФРАНЦУЗСКИ СЛЕД ТЭАДОРА НАРБУТА.....	16
<i>Дзенісенка А. П.</i> ДАСЛЕДАВАННІ ЯЎСТАФІЯ ТЫШКЕВІЧА ЯК КРЫНІЦЫ ПА БЕЛАРУСКАЙ ГІСТОРЫІ XIX СТАГОДДЗЯ.....	21
<i>Сыцько К. В.</i> ГАСПАДАРЧЫЯ ДАКУМЕНТЫ РЫМСКА-КАТАЛІЦКІХ ПАРАФІЙ БЕЛАРУСІ КАНЦА XVIII – ПАЧАТКУ XX СТАГОДДЗЯ ЯК КРЫНІЦА ПА МКРАГІСТОРЫІ.....	26
<i>Моторова Н. С.</i> МАТЕРИАЛЫ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА, ПОСВЯЩЕННЫЕ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ В 1861–1914 ГОДАХ	30
<i>Мигун Д. А.</i> СОВРЕМЕННЫЕ НЕМЕЦКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ О ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ	33

РАЗДЕЛ 2. ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИНСТИТУТЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В РЕАЛИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

.....	37
<i>Гушчынскі І. Г.</i> ЭКСДЫВІЗАРСКІЯ СУДЫ Ў ЭКАНАМІЧНЫМ ЖЫЦЦІ БЕЛАРУСІ Ў ПЕРШАЙ ТРЭЦІ XIX СТАГОДДЗЯ.....	37
<i>Луговцова С. Л.</i> ХАРАКТЕРИСТИКА МЕЖЕВЫХ СУДЕЙ БЕЛАРУСІ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX СТОЛЕТИЯ (НА ПРИМЕРЕ ОШМЯНСКОГО УЕЗДА)	41
<i>Купченко К. В.</i> ЕСИПОВИЧ ЯКОВ ГРИГОРЬЕВИЧ – «ОТЕЦ» СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА.....	46
<i>Хованский А. В.</i> ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГРОДНЕНСКОГО ВНУТРЕННЕГО ГУБЕРНСКОГО БАТАЛЬОНА В 1811–1864 ГОДАХ ПО МАТЕРИАЛАМ НАЦИОНАЛЬНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА БЕЛАРУСІ В Г. ГРОДНО	51
<i>Киселёв А. А.</i> НАЧАЛЬНИКИ УЕЗДНЫХ ПОЛИЦЕЙСКИХ УПРАВЛЕНИЙ БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ (1863–1914 ГОДЫ)	56
<i>Бусько С. І.</i> АСОБНЫ КОРПУС ЖАНДАРАЎ І СІСТЭМА НАГЛЯДУ ЗА ПАЛІТЫЧНЫМІ ПАРТЫЯМІ Ў БЕЛАРУСКИХ ГУБЕРНЯХ У 1907–1914 ГАДАХ.....	60
<i>Долгач Т. В.</i> ИЗМЕНЕНИЯ КАДРОВОГО СОСТАВА ГУБЕРНСКИХ ПО КРЕСТЬЯНСКИМ ДЕЛАМ ПРИСУТСТВИЙ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСІ ПОД ВЛИЯНИЕМ ВОССТАНИЯ 1863–1864 ГОДОВ.....	64
<i>Середа А. С.</i> ИНСТИТУТ МИРОВЫХ ПОСРЕДНИКОВ И ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ КРЕСТЬЯНСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА	70
<i>Талмачова С. А.</i> РОЛЯ МЯСЦОВЫХ ОРГАНАЎ КІРАВАННЯ Ў РЕАЛІЗАЦЫІ СТАЛЫПІНСКАЙ АГРАРНАЙ РЕФОРМЫ Ў БЕЛАРУСІ (1906–1914 ГАДЫ).....	74

РАЗДЕЛ 3. ОТ ТРАДИЦИОННОГО ОБЩЕСТВА К МОДЕРНУ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ

.....	81
<i>Новаш В. В.</i> ШЧОРСЫ ЯК ЭКАНАМІЧНЫ ФЕНОМЕН XVIII СТАГОДДЗЯ.....	81

<i>Ерашэвіч А. У.</i> АГУЛЬНАІМПЕРСКІЯ ЎСЕСАСЛОЎНЫЯ ЗБОРЫ ДОБРААХВОТНЫХ АХВЯРАВАННЯЎ НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ (ПЕРШАЯ ПАЛОВА XIX СТАГОДДЗЯ).....	84
<i>Жихарев С. Б.</i> ПОПЫТКИ МОДЕРНИЗАЦИИ ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ МОГИЛЕВСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД (ПРОЕКТЫ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В МОГИЛЕВСКОЙ ГУБЕРНИИ В 60–90-Е ГОДЫ XIX ВЕКА).....	91
<i>Полетаева Н. И.</i> ИТОГИ «ДОЛГОГО XIX ВЕКА» ДЛЯ ТОРГОВЛИ БЕЛАРУСИ.....	98
<i>Яковчук В. И.</i> ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ НЕГОСУДАРСТВЕННЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА.....	103
<i>Воронич Т. В.</i> ПРОСТРАНСТВО И ТЕРРИТОРИЯ ГУБЕРНСКОГО ГОРОДА ГРОДНО ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА.....	108

РАЗДЕЛ 4. КОНФЛИКТ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ: ИДЕНТИЧНОСТИ И КУЛЬТУРА ЭЛИТ И НАСЕЛЕНИЯ БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ.....

<i>Гурченко А. И.</i> ОСМЫСЛЕНИЕ ФОЛЬКЛОРА В ИСТОРИИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ «ДОЛГОГО XIX ВЕКА».....	116
<i>Дудчик А. Ю.</i> ТРАНСФЕР ЕВРОПЕЙСКИХ ИДЕЙ КАК ФАКТОР ДИНАМИКИ БЕЛОРУССКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ В «ДОЛГОМ XIX ВЕКЕ».....	121
<i>Белозорович В. А.</i> ИСТОРИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ АДАМА КИРКОРА (НА ПРИМЕРЕ «ЖИВОПИСНОЙ РОССИИ»).....	127
<i>Мастяница-Станкевич О.</i> С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ РОДИНА? ИДЕЯ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КРАЯ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ (1905–1915 ГОДЫ).....	130
<i>Ершова О. И.</i> РЕФОРМЫ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В БЕЛАРУСИ В XIX ВЕКЕ.....	137
<i>Острога В. М.</i> СЕМЬЯ В ЖИЗНИ УЧИТЕЛЕЙ БЕЛАРУСИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА).....	142
<i>Мухина З. З.</i> СОЦИОВОЗРАСТНЫЕ ГРУППЫ КАК ИНДИКАТОР СТАТУСА ЖЕНЩИНЫ В РУССКОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ СЕМЬЕ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД.....	147
<i>Чикалова И. Р.</i> ПРОЕКТЫ РЕШЕНИЯ ЖЕНСКОГО ВОПРОСА В РОССИИ В НАЧАЛЕ XX СТОЛЕТИЯ.....	152
<i>Литвинёнок Р. С.</i> СОЦИАЛ-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ПОЛЬСКОМ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ В БЕЛАРУСИ И ЛИТВЕ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ.....	157
<i>Шыдлоўскі С. А.</i> ТРАДЫЦЫІ МЕМАРЫЯЛІЗАЦЫІ МІНУЛАГА Ў КУЛЬТУРЫ ПАМЕСНАГА ДВАРАНСТВА БЕЛАРУСІ (КАНЕЦ XVIII – ПАЧАТАК XX СТАГОДДЗЯ).....	163
<i>Шимукович С. Ф.</i> К ВОПРОСУ ОБ ИДЕНТИЧНОСТЯХ ЭЛИТ БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ В ПЕРИОД «ДОЛГОГО XIX ВЕКА»: ПРОБЛЕМА КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ.....	167

РАЗДЕЛ 5. КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ: ПОВСЕДНЕВНОСТЬ И КОНФЛИКТЫ.....

<i>Заблоцкая Т. М.</i> ПРАЦЭС ЗАКРЫЦЦЯ НАВУЧАЛЬНЫХ І ДАБРАЧЫННЫХ УСТАНОЎ ОРДЭНА ПІЯРАЎ ЛІТОВСКОЙ ПРАВІНЦЫІ НА ТЭРЫТОРЫІ ГРОДЗЕНСКОЙ ГУБЕРНІ Ў 1830–1840 ГАДАХ.....	177
<i>Кароль М. М.</i> АДЛЮСТРАВАННЕ МІЖКАНФЕСІЙНЫХ ПЕРАХОДАЎ У ПЕРЫЯДЫЧНЫМ ДРУКУ БЕЛАРУСКИХ ГУБЕРНЯЎ У ПАЧАТКУ XX СТАГОДДЗЯ.....	183
<i>Кейко Ю. В.</i> ПОДГОТОВКА К СТРОИТЕЛЬСТВУ ПРАВОСЛАВНЫХ ХРАМОВ ГРОДНЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ (60-Е ГОДЫ XIX ВЕКА).....	188

<i>Шевкун П. В.</i> ФОРМЫ САМОУПРАВЛЕНИЯ В БЕЛОРУССКО-ЛИТОВСКИХ ПРАВОСЛАВНЫХ ЕПАРХИЯХ (КОНЕЦ XVIII – НАЧАЛО XX ВЕКА)	192
РАЗДЕЛ 6. ВОЕННЫЙ ФАКТОР В ИСТОРИИ ЗАПАДНОГО РЕГИОНА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ	198
<i>Кошман В. И.</i> ПЕРЕПРАВА АРМИИ НАПОЛЕОНА ЧЕРЕЗ Р. БЕРЕЗИНУ И АРХЕОЛОГИЗАЦИЯ СОБЫТИЙ 26–29.11.1812 ГОДА В СВЕТЕ ИССЛЕДОВАНИЙ 2012–2017 ГОДОВ	198
<i>Купченко К. В., Никитина Н. В.</i> КОРПОРАЦИИ КУПЕЧЕСКОГО СОСЛОВИЯ СМОЛЕНСКОГО РЕГИОНА В ПЕРИОД НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН. К ВОПРОСУ О ГОРОДАХ РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫЕ ЭПОХИ XVIII – НАЧАЛА XX В.	205
<i>Некрашевич Ф. А.</i> ОСОБЕННОСТИ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СРЕДИ КАНТОНИСТОВ-ЕВРЕЕВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ.....	209
<i>Билецкий А. С.</i> ОРГАНИЗАЦИЯ ВОЕННОЙ ВЕТЕРИНАРИИ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА	212
<i>Оськин М. В.</i> СНАБЖЕНИЕ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914–1915).....	219
<i>Никонова С. И.</i> «...НА ЛИНИИ ОГНЯ»: РУССКАЯ АРМИЯ В 1917 ГОДУ (НА МАТЕРИАЛАХ 6-Й ФИНЛЯНДСКОЙ СРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ)	224
<i>Герентьев В. О.</i> 199-Й ПЕХОТНЫЙ КРОНШТАДТСКИЙ ПОЛК. ПОСЛЕДНИЙ БОЙ «ВЕЛИКОГО ОТСТУПЛЕНИЯ». ДЕРЕВНЯ СРЕЛЬНИКИ, 11–13 СЕНТЯБРЯ 1915 ГОДА	228
<i>Волкава В. В.</i> ПРЫЦЯГНЕННЕ НАСЕЛЬНИЦТВА АКУПРАВАНАЙ ТЭРЫТОРЫ БЕЛАРУСІ НА ПРЫМУСОВЫЯ РАБОТЫ Ў ГАДЫ ПЕРШАЙ СУСВЕТНАЙ ВАЙНЫ	232
РАЗДЕЛ 7. ПОСЛЕ «ДОЛГОГО XIX ВЕКА»: НОВЫЕ НАЦИИ И НАСЛЕДИЕ ИМПЕРИЙ	240
<i>Гарматны В. П.</i> МЕНТАЛІТЭТ І САМАІДЭНТЫФІКАЦЫЯ СЯЛЯН ПАЛЕСКАГА ВАЯВОДСТВА Ў 1921–1939 ГАДАХ	240
<i>Грачева И. М.</i> СТАНОВЛЕНИЕ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ БССР В 1920-Х ГОДАХ	245
<i>Иванов А. М., Иванова Е. А.</i> АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПЕРЕУСТРОЙСТВО РСФСР ПОСЛЕ ОКТЯБРЬСКОГО ПЕРЕВОРОТА 1917 ГОДА И СОЗДАНИЕ ЗАПАДНОЙ КОММУНЫ (1918–1919 ГОДЫ).....	250
РАЗДЕЛ 8. PRO DISPUTATIONEM	254
<i>Лойко А. И.</i> ДОЛГИЙ XIX ВЕК И ТЕОРИЯ РИСКОВ	254
<i>Лойко Л. Е.</i> ДОЛГИЙ XIX ВЕК И АНАЛИТИЧЕСКАЯ МЕТОДОЛОГИЯ	256
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	259
ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ В СБОРНИКЕ «“ДОЛГИЙ XIX ВЕК” В ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ. ИССЛЕДОВАНИЯ ПО НОВОЙ И НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ»	262

Научное издание

**«ДОЛГИЙ XIX ВЕК»
В ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ
И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ:
ИССЛЕДОВАНИЯ ПО НОВОЙ
И НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ**

Сборник научных статей

Основан в 2017 году

Выпуск 2

Ответственный за выпуск *С. Ф. Шимукович*

Редактор *Н. В. Боярова*

Компьютерная верстка *А. А. Пархомчик*

Подписано в печать 18.12.2018. Формат 60×84¹/₈.
Бумага офсетная. Ризография.
Усл. печ. л. 30,9. Уч.-изд. л. 38,6. Тираж 100 экз. Заказ 68.

Издатель и полиграфическое исполнение:
государственное учреждение образования
«Республиканский институт высшей школы».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/174 от 12.02.2014.
Ул. Московская, 15, 220007, г. Минск.